Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Лаборатория философии хозяйства
экономического факультета МГУ
Академия философии хозяйства

Ю. М. ОСИПОВ

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ:

из века двадцатого в век двадцать первый.

1990–2023

Избранные тексты, включая и остросюжетные

В трех томах

ТОМ 01

Москва – Тамбов
2024

УДК 33
ББК 65.01
О-74

Рецензенты:
д.э.н., профессор **М. М. Гузев,**
д.э.н., профессор **В. В. Смагина**

О-74 **Осипов, Ю. М.**
Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990–2023 : избранные тексты, включая и остросюжетные : в 3 т. Т. 01 / Ю.М. Осипов ; Моск. гос. ун-т им. М.Ю. Ломоносова [и др.]. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2024. – 534 с.

ISBN 978-5-00078-821-9

Как бы ни называлась за более тысячелетнюю историю Россия – Росью, Русью, Московским царством, Российской империей, СССР, Российской Федерацией – она всегда была и остаётся Россией, даже в моменты и целые эпохи своего извне и изнутри отрицания, всегда непременно возрождаясь как именно Россия, а точнее бы сказать – как Русь, что имеет место, увы, как раз то и другое, и ныне, уже на рубеже XX и XIX вв.

В трёх публикуемых томах собраны тексты, как оказалось, вовсе и не все из ранее опубликованных автором, непосредственно относящиеся к нынешней, рубежа XX и XIX вв., России, переживаемому ею и её народом драматическому, достойному непременного освещения, осмысления и памятливого восприятия, перестроечному периоду.

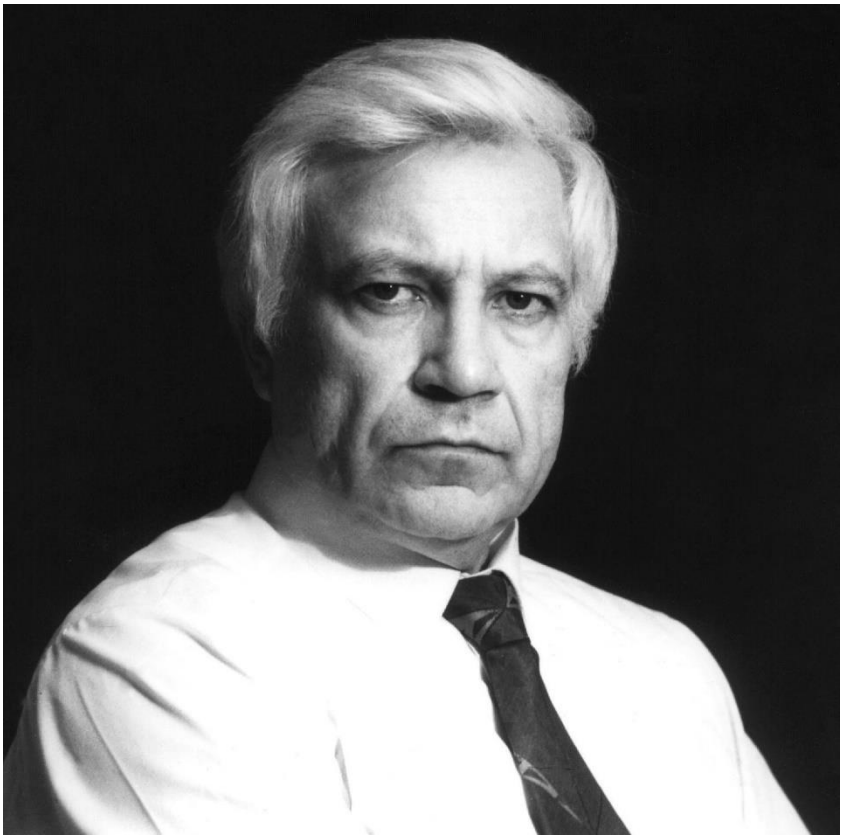
Автор публикуемых текстов вовсе не сторонний свидетель застигнувших его Родину больших исторических перемен, он вполне себе нетривиальный участник сопровождавшей сии судьбоносные перемены идейно-концептуальной борьбы, находясь в целом на оппозиционной относительно осуществлявшегося властями прозападного перестроечного мейнстрима стороне, так что ему достаточно известна действительная цена здесь текстуально представленного, как и он хорошо знает, о чём продолжает говорить, отчего читать сие многомерное, в чём-то и летописное, произведение стоит, при этом явно ни в чём не прогадав!

Для всех, кто стремится не просто жить, а жить с пониманием вокруг происходящего, в особенности в родной для себя стране – России!

УДК 33
ББК 65.01

© Осипов Ю.М., 2024
© Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2024

ISBN 978-5-00078-821-9



«Гений с одного взгляда открывает
истину, а *истина сильнее царя*».

А.С. Пушкин

«Я есмь текст»

Мыслитель

Пред-ПОСЛАНИЕ

Сия книга, как указано на её титуле, представляет собой сборник текстов разных лет с 1990 по 2022 гг., не так даже специально подобранных, как, скорее, просто вспомнившихся их автору либо же всего лишь попавшихся ему на глаза. Цель сборника не мемориальная, не библиофильская, а… не поверишь читатель… ***протестная,*** — тогда отчего же вдруг *протестная*, точнее, против чего *протестная*?.. а-а… да вот всего лишь против упорно блуждающего по стране нашей убойного мнения, если не нарочитого на то крутого убеждения, — впрочем, вполне себе и лукавых, — об отсутствии-де в отечестве нашем своего собственного, устремлённо и целостно восходящего ***к России как России***, вполне себе актуального, живого и живительного ***гуманитарного концептуализма*** — постиженческого, оценческого, прогностического, даже и сотворенческого, отчего, мол, согласно глубокомыслию доморощенных скептиков, в головах российских нет ни понимания России, ни адекватного восприятия всего в ней происходящего, ни, главное, конструктивного осмысления того, куда, зачем и как России идти, в какое будущее, кем и чем статься, какой, в общем, быть и что ей вообще на планете делать.

Не страна, выходит, эта Россия, не государство, не цивилизация, а так, недоразумение какое-то, дикое, непредсказуемое, кривое, а для цивилизованного-де человечества сплошь и опасное. Отсюда не то что своего родного идеологизма в России будто бы нет, а ежели что в ней есть, то лишь жгучая нужда в правильном идеологизме, разумеется, внешнем, иноземном, чужом, а на сегодня, конечно же, в вестерном, англосаксонском, глобалическом, да и не в одном только идеологизме извне остраяде у России потребность, а и, знаете ли, во внешнем ею управлении, да ладно бы от «доброго» дяди Сэма, что не так уж вроде бы страшно, а то ведь от самого что ни на есть реального, хоть по сути и призрачного, атлантического (вовсе не атлантного!) — прожорливого и беспощадного — *чудо-юдо-чудища окаянного*, в Америку давно вселившегося, ею кровососно питающегося и оттуда всем миром зе́мным аки данником своим беспардонно и жёстко владеющим и войно-катастрофно управляющим.

И что же, согласны ведь наши доморощенные западники на такого вот внешнего управленца, мало того, ещё и присоединиться к чуду-юду-чудищу задумали в качестве колониального соглядатая, надсмотрщика, приказчика и данника, да вот что-то у них там не сподобились — дальше прихожей не пустили, да что прихожей, у крылечка постоять согбенно не дали, а как вовнутрь-то хотелось, в овальный-то кабинетец, да на правах и в роли пусть и младшего, но тоже ведь чуда-юда-чудища!

Сорвалось, однако, лажа, понимаешь ли, большая вышла: впустили было в заокеанскую переднюю, да взяли и вытурили взашей, предпочтя других даро и даром жертвоприносителей, куда более покорных и сговорчивых, вроде Польши с Украиной, которых тоже со временем вытурят, но потом — вычерптнутыми, изнасилованными и обделавшимися, уже никому не нужными, брошенными на земно-историческую свалку.

Всякий, кто решится хотя бы просмотреть сию книгу, сможет убедиться, что ***всё*** для России потребное из *идейно-акцио-концептуального*, как раз ей вполне и адекватное, в России ***есть***,— и это несмотря на навязываемые ей упорно и долго «заморские идеологизмы», они же и «иллюзионизмы», вроде византийщины, евромасонщины, марксисщины, а теперь вот и вестернамериканщины, — да, да, именно так — ***ЕСТЬ***!, вовсе при этом не что-то домовое, усадебное, огородное, то бишь местечковое, а большое, просторное, ми́ровое, вполне себе и высокое, сутейное действенное, — метафизическое, кстати, а не пресловуто-теоретическое, как и практическое, а не всего лишь краснобайское, как в меру явное, так и не без меры конспиративное, как житейски «мягкое», так и исторически боевитое, а сама по себе Россия не что иное, как *особость*, она — ***тайна***, ибо ***не от мира сего*** она, отчего и *не в мире вовсе с несовершенным и малочеловеческим зе́мным* миром, а в *борьбе с ним*, что как раз всё идейно-акцио-концептуальное в России, как и в её исторической судьбе, загадочно и предопределяет.

Крест, кровь, крепость!

Не нравится сие многим, ох как не нравится, а ведь именно так вот в реалиях и выходит, как и что-то, увы, не выходит, о чём — о том и другом — как раз и свидетельствует нижеследующая книга.

Однако книга сия свидетельствует и о другом: умных дураков, как и хитроумных лжецов, в России хватает, мало того, ими хоть пруд пруди, да вот не одни же в России дураки и лжецы, имеются и другие особи, точнее — *иные*, которые всё вполне себе зряче видят, многое чего из потаённого знают, немало что из происходящего вокруг и понимают, которых, может, и бывает возможным по их простоте душевной иной раз обмануть, да вот ненадолго, тем более уж, не навсегда, а главное — не в главном, не в коренном, не в русском!

И восходят эти *иные* ментально и духовно, если не генетически,

к *волхвам*, как восходили к ним Пушкин, Блок, Есенин (все как раз поэты и все — жертвы!), взошёл в чём-то к волхвам даже сам товарищ Сталин, хоть и более всего умственно, а не сердечно (инородный и жестокосердный, тоже, кстати, поэт, — понаделал много всяких жгучих «делов», обильно творя русское жертвоприношение, терпя поражения и одерживая победы, да и сам в конце концов пал жертвой — более всего как раз от самого себя!)

Хошь, не хошь, а волхвы, как раз именно они — ВОЛХВЫ! — во всём и виноваты, прокляв перед погибелью своей беспощадно наступившую на них и чуждую им *неРусь*, да ещё и программу Руси на века задав — *возвращения к самой себе*, пусть и в Конце времён, пусть и жертвенно, но непременно! Так вот и живёт Россия с этим себя же проклятием и с этим себе же сакральным заданием, а снимется сие проклятие лишь по исполнении сего задания, когда Россия, опомнившись и сдюжившись, возвратится к самой себе.

Что-о!.. нет… не кажется, не нравится, да и не может никак ни того, ни сего вовсе быть?!

Да-а, не каждому, далеко не каждому из россиян по уму, душе и нраву та же нынешняя гибридная война Запада с Россией, причём с Россией внешне вроде бы уже и прозападной, война, уже перешедшая в горячую на майданных просторах Украины, ослеплённой доморощенным нацизмом и прельщённой лукавым Западом, тоже ведь испокон веку нацистским, а ведь война эта для России ***абсолютно священна***, ибо это война не так даже за Россию как страну, как жизненное пространство, как кладезь ресурсов, даже и не война за Россию как цивилизацию, культуру, образ жизни, это война за Россию как *Идею*, как раз ту самую *идею*, что от *Иномирья*, что от *Изначалья*, что от *Волхвов*, что от *Бога*!

И как же страшна Россия этой своей никому до срока не ведомой неотмирной Идеей передовому-де Западу, ох как страшна, отчего и война сия для Запада по-своему тоже ведь сакральная!

Убеждать кого-либо из «умных» и «всезнающих», не говоря о «благочестных миролюбцах», а уж тем более о русских-де антирусских, в том, что *всё* с этой войной обстоит именно так, вроде как камни метать в стену или в воду — бесполезно, непристойно и даже постыдно, да и вообще тут не надо никого ни в чём убеждать, а опыт у нас в этом есть, да ещё какой!, и ежели повнимательнее вглядеться, а то и при случае вдуматься в сию сборно-соборную книгу, то легко будет заметить, что говорили же мы, говорили, давно и загодя говорили, да и продолжаем говорить, да не что-нибудь интеллектуальненькое, ещё и «всечеловечненькое», а как раз то самое — нашенское, родное, кровное, — и что же?.. нет, не совсем уж ничего, что довольно теперь отчётливо видно не по одним только словам, сквозь зубы произносимым из деятельных

сфер, как бывало по преимуществу в те же 2000-е гг., но и по кое-каким делам властей наших российских-нероссийских, не говоря уж о гибких «позициях» словоохотливых медиаговорунов… однако могло бы быть и *по-иному* — с преобразованием СССР-России, но без измены стране, как и без её квазиколониальной вестернизации, да вот *так,* то бишь по нашему, по книжному, как и по своему, не случилось, ибо проклятие волхвическое, видно, ещё в силе и оно, надо полагать, сказалось, отчего произошло то, что произошло, а теперь вот жертвенно войновски исправляется, да не так даже осознанно, как *само собой*, как раз по велению *Иного*, которое никто из умников, кроме, разве, военспецов, да и то некоторых, в расчёт не принимает, а зря!, ибо оно — это самое *Иное* — работает себе и работает, не считаясь ни с зе́мными тратами, ни с людскими потерями, ни с горько-сладостными судьбами-концами удачливых и не очень временщиков, причём работает, конечно же, вполне себе *трансцендентно*, отчего и *верно*!

Фантазии это всё, как может вполне законно показаться любителям точных знаний и рациональных умозаключений, тщетные всё это иллюзии: и о России, и о Западе, и о мире человеческом, и о тех же волхвах, и о нынешней тотальной войне, как и ещё о многом, в текстах представленном. Что ж, может, это и так, да вот где она — точная людо-социальная реальность, где её строго научное, а потому и истинное-де, трактование, где своевременное и обоснованное предвидение всего как-то вдруг случающегося, где исчерпывающее понимание того, что происходит ныне, да и что происходило ранее, как и что произойдёт завтра, не то что через годы и десятилетия, зато сколько обо всём разноголосья, пустозвонья, вранья, охов да ахов, всякой вообще бестолковщины, а главное — сколько делается от людей и народов скрытого, тайного, конспиративного, как раз того самого, что и имеет самое прямое отношение к происходящему, что, конечно, не значит, что делается всё это непременно вполне осознанно, разумно, правильно, — как раз во многом совсем и наоборот, однако же делается, — и кому из умных обозревателей всё это выделываемое известно, а ежели и известно, то кто осмелится на…?

Не сознание, а бессознание, не разум, а безумие, не правильность, а кривость, не точность, а ошибочность, не порядок, а хаос таки правят, увы, зе́мно-человеческим общежитием, разве лишь не на все, к счастью или несчастью для человечества, сто процентов!

И как же нам — учёным разумникам — в таком разе быть? А очень просто, хотя для большинства сие вовсе и невозможно: быть, а не казаться, во-первых, *метафизиками*, а лучше бы сказать — *металогами*; во-вторых, *софиологами*, а лучше бы — *софиасофами*; в-третьих, не так изучая реальность, хоть это и важно, как в неё — в реальность — погру-

жаясь, как раз метафизически, непременно при этом и над ней — реальностью — воспаряясь, как раз *софиасофски*; в-четвёртых, быть с реальностью в *сердечном диалоге*, в неё вживаясь, не убоиваясь при этом ничего из наличествующего в реальности, включая и самое что ни на есть убойное, зверское, уродливое, гнусное; в-пятых, исходить из того факта (самого, пожалуй, фактического из фактов), что гуманитарная реальность *вообще не такая*, какой она не то что обычно кажется, но даже и какой скрупулёзно исследуется, а… совсем *иная*, и уж тем более не исходить только и вполне из всего о реальности наговоренного и понаписанного, а ежели что-то из этого признавать, так более всего как раз софиаметалогическое наследие в виде тех же священных писаний, мифов, сказок, пословиц, поговорок, где как раз *правды* всего и больше, пожалуй что, и *истины* тоже!

Итак: быть в потоке реальности, признавая, что она ***ина*** (иная, инаковая, инойная), но при этом и не преминуя вглядываться в реальность извне — из Нереальности, со стороны Небытия, Неизвестности, Софии, Бога; тогда-то что-то и может получиться у заинтересованного в сути вещей и в сути их бытийного хода укромного дознавателя, — да вот что же?.. э-э… не более чем *невнятный адекват*, но при этом и что-то из *необходимо желаемого*, включая и горькое, и кислое, и кривое, и уродное, как раз то самое, что сердцем никак не желается, но на что умственно и делово приходится всё-таки идти — на ту же, уж извините, *оздоровительную диктатуру*, а вот какую конкретно, решается уже не дознавателем, а самим бытием-историей.

И всё-таки вопрошание: «Что значит *быть* в потоке реальности, во-первых, в *какой* же реальности, а во-вторых, в *каком* же из её потоков?

Совсем не подходящие для простого ответа вопросы, а потому лишь кое-что из бегло ответного и, разумеется, по секрету, конечно же, в адрес редких из что-то этакое понимающих особей, для единиц.

Да-а, ничего не остаётся как… *быть*! — быть в реальности, которой вокруг в яви как бы и *нет*, да-да, именно НЕТ! а также быть в потоке не чего-нибудь, а… *ничто*, да-да, именно так — НИЧТО!, как раз того самого *ничто*, в котором всё смысловое и зиждется, да не просто там сидит, а и оттуда мало что исходит в реальность, так ещё и в ней ничтоже сумняшеся работает, да и это не всё — её, эту реальность — делает, конечно же, по-своему, — вот тогда-то вдруг и выявится, что в потоке сем может оказаться не то что не каждый из на то претендентов, а лишь один, два, три, ну пусть пять на страну, а то и на весь зе́мный мир, да ещё и вовсе не так, быть может, из обученных и всезнающих, как в это *ничто*, почему-то допущенных, причём непременно не из себялюбцев, не из алчников, не из корыстников и корытников, не из злых, хоть и не из сильно

добрых, вовсе и не из примерных всепрощенцев, а скорее, из беспримерных эгоистов, однако способных на страду, на страдание, на страх, на стойкость, на личную жертву в конце концов, однако и на сражение тоже, ибо постигаемая ими правда, не говоря уж об истине, не то что не сладки и горьки, как воистину страшны, но это даже не главное — они, эта правда, не говоря уж об истине, никому, — слышите, господа, никому — НИКОМУ! — не нужны: кому бессознательно, кому сознательно, а вот что всем сознательным и бессознательным надобно, так это успокоительно-упоительная ложь, лучше, конечно, ежели правдоподобная (доза за дозой), — слышите, господа, *всем* — ВСЕМ! — что уже давно стало для мыслящих людей общим местом, не вызывающим уже никаких у них сомнений!

Если в нижеследующей книге и затаилась какая-нибудь неправда, а то и неистина, то лишь самовольно туда вкравшиеся — от незнания автором чего-либо, от какого-нибудь искреннего заблуждения, от неисправимой наивности в конце концов, но в целом же в книге сей они — *правда* и даже кое-какая *истина,* не так, быть может, высказанные в словах, как прячущиеся, вольно или невольно, в засловье, игнорировать которое вдумчивому и честному читателю не то что никак нельзя, а воистину предосудительно и даже преступно.

Сия книга о нашем — именно *нашем* — времени, вокруг турбулентно текущем, конечно же, времени фактовском, событийном, содержательном, смысловом, деятельном, но… это ещё и ***Книга Времени***, самого́, так сказать, текущего вокруг времени, а по сему между временем и книгой вовсе не малое, а вполне и значимое, единение, если не *сакральное родство*: что пишется временем, то таится в книге, что пишется книгой, то почему-то не минует текущего вокруг времени, пусть и не всё сеюкнижное не сразу и не вполне попадает в реальное время, ибо время делается много ещё чем, очень уж многим ещё чем, включая не только трансцендентное и иное, но и, скажем помягче, вполне себе злотворное, книге сей вполне и враждебное.

Однако не только время бытует в книге, что совсем не так уж и плохо, но и книга, знаете ли, бытует во времени — *работает*!, привнося в текущее время не просто что-то *свое*-временное и даже *акцио*-временно́е, но и провозглашая что-нибудь для времени судьбоносное, то бишь вещая о чём-то *прежде*-временном, причём делая это ладно бы за год, два, три, а то ведь и за десять лет, и за пятнадцать, и за двадцать, да что за те же двадцать пять, за тридцать ведь тоже, разумеется, возглашая для времени что-то верное, потребное, необходимое, неизбежное… Sic!.. и зачем-то как-то вдруг… *сбывающееся*!

И верша всё это — СЛОВО и ЗАСЛОВЬЕ — мало что «зараньше»,

но и в моменты, когда не то что никому или почти никому ничего подобного по обыкновению в голову не приходит, но и оказывается по тому же обыкновению не то что под негласным запретом, а как бы относимым оголтелой молвой и оцепенелой немотой к зоне недопустимого, ненужного, неудобного, проигрышного, а то и вовсе неприличного.

Судите об этом сами, господа хорошие и товарищи дорогие (даём нижеперечисленное в кавычках для облегчения подачи как ранее произнесённое, написанное, напечатанное, доведённое до учёной общественности и правящих верхов, в общем, аки сказанное не на ветер, а… догадываетесь!.. самому текущему турбулентно *Времени*… впрочем, почему и не на ветер, при нашей-то заученности, запуганности, вассальности, замученности, лености, заскорузлости, ну и взлетевшей вдруг мошеннической восторженности): «Ни план, ни рынок, а управляемое из центра свободное хозяйство с контролируемой и регулируемой из центра экономикой» (писано и послано в «Правду» в 1990 г., одобрено редакцией, но не опубликовано); «Перестройка или апокалипсис» (писано в 1990 г., издано в 1991 г.); «Российская Реформация» (брошюра о полсотни страниц мелким шрифтом, писанная в 1992—1993 гг., изданная в 1994 г., где рассмотрены варианты движения России в будущее, включая и *соборный*, доведённая до верхов, знаете ли, прямо в Кремль); «антиреволюция» (1996 г., провозглашено с трибуны Тварического дворца в СПб), «русская имперскость», «Империя Россия», «российская имперская государственность», а так же «русский мир», «русскость», «русский вопрос» (как солидарный ответ на «Русский холокост» Г. Попова); непредвзятое обращение к феномену по имени «Сталин» с изданием крупной коллективной монографии «Феномен Сталин» (2003) с доведением её до высшего руководства страны, прямо, знаете ли в Кремль; «постреформа» в противовес «реформе» (нулевые годы); «пореформенное устройство страны как системы произвольного административно-финансового деспотизма» (европеизма в сочетании с азиатством); «антиглобализм», «новая партикуляризация зе́много мира» и «цивилизационно-экзистенциальный, включая политический, хозяйственный, экономический и социальный, суверенитет России», «великодержавность России» (всё это в нулевые и десятые годы вплоть до сего дня); «российская национальная элита — судьба России» (середина нулевых годов); «Российское *постреформенное перестроение* с практикой *централизованного государственно-корпоративного неодирижизма*» (с рубежа нулевых и десятых по сей день); «Российское переделье», «Россия под переменами», «Россия на пути к России», «Российский разворот» (всё это в десятые с заходом на двадцатые годы); «межмировая война, или *война миров*, а точнее, война *западного антимира* с *незападным миром*, однако

антимирово немало заражённым, включая и Россию»(с середины десятых годов по сей день); «освобождение страны и российского социума от враждебных им, вовсю и глумливых, реформ десятых годов, включая «реформы» образования, науки, здравоохранения, ЖКХ и т. д., как залог оздоровления общества и укрепления тыла»; «освобождение от господства и власти доллара, эффективный контроль над отечественными финансами и расплодившимися сомнительными банками, их — этих лукавых банков — ликвидация» (пять-семь национальных банков вполне хватит на Россию); «эффективная война с коррупцией, мошенничеством, уголовщиной, изменами Родине»; «на сегодня в приоритете для России не капитализм и не социализм, а *мобилизационная соборность,* не противная социо-хозяйственному разнообразию, но зато противная разобщённости и угасанию, если не скоропостижному исчезновению, России»; «вероятная возможность перехода к диктатуре армейского образца, не очень, разумеется, желаемой, но, видно, неизбежной»; «призрак неосталинизма» (а что делать?); «историо-экзистенциальная, вполне и священная, борьба с *антимиром* и *антиРоссией*, начатая войной на Украине, но долженствующая состояться как борьба с *антимиром и антиРоссией* и в самой России, ежели России суждено быть, переделать себя и переделывать мир».

Хватит, пожалуй, хотя можно было бы и выказать много ещё чего, но не в том наша задача, главное тут, указать на существование и реализацию совершенно практического, хоть при этом и метафизического в основе и софийного по духу, ***российского концептуализма***, не просто соседствующего с мимо-де текущим историческим временем, а с ним — этим временем — творчески, но при этом самоотверженно, напористо и зло, — взаимодействующим, на него — на само это Время — даже и *сингулярно воздействующим*!

Заметим, что кое-что из нами выказанного по ходу исторического, — и очень, заметим, для России каверзного, — времени воспринимается вверху и по бокам (среди элит), что-то, как водится, втихую и даже закулисно отвергается, но всё-таки вызывает… о-о, чудо!.. позитивные умственные отклики и деятельные реакции, в общем, всякое тут имеет место во взаимоотношениях нашего СЛОВА вкупе с нашим ЗАСЛОВЬЕМ с протекающим вокруг Временем, его времячадцами, не исключая временщиков и разного рода временну́ю агентуру, кстати, особенно чувствительную к нестандартным мыслеизъявлениям, ибо думать ей как раз немало приходится, решать, делать, не то что некоторым.

Нет, мы не гонимся за славой, за вознаграждением, даже за широким признанием не гонимся, тем более уж за справедливостью, которой в умственном обиходе практически нет, даже и за правдой не гонимся,

ибо гонка сия всего лишь суета сует, да она и свободному, ещё и адекватному времени, мыслеизъявлению вредит, нет, не гонимся, как и не гонимся за пресловутым «уважением авторства», что ещё «хужее», а мы всего лишь кое-что из исторически происходящего, тоже ведь по своему значению исторически, *констатируем и предлагаем* — для современников и потомков, хоть и думая более всего не о них — сомнительных современниках и неопределённых потомках, а о *России*, о которой, как приходится всё более убеждаться и убеждаться, думать дадено совсем и не каждому — даже из вроде бы коренных, но , увы, не корневых, русских, а лишь отдельным персонам — ***Волхвам*** да ***Князьям Земли Русской***, которых хоть ныне и мало, но они всё-таки есть, а из малого ведь в случае вдруг возникающего чудотворного резонанса со Временем, с Иным и с Неизвестностью и очень большое нежданно-негаданно вдруг выходит, как раз самое что ни на есть невероятное, да ещё и случается всё это непременно внезапно.

Что же касается завзятых media-govorunoff и разного рода «правильных» статейщиков, немало пользующихся, разумеется, без ссылок, когда становится вдруг дозволительно, потребно и для них безопасно, ранее кем-то уже добытым, высказанным и нарочито тогда не замеченным, не понятым, если не охаянным, то что с них взять — разве лишь снять с их прочных круглых голов прилепленные к ним интеллект-скальпы, да что с того, сии «актуальные» вещуны ведь неистребимы — пусть себе резвятся на самодеятельных трибунах да служат с упоением до поры своим сомнительным покровителям и лукавым владельцам, а уж до какой поры — кто ж это знает? — однако непременно прибудущей — как всегда ни с того, ни с сего, навалом и бесцеремонно!

1991 г.

ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ АПОКАЛИПСИС?
(философические заметки)

Открываю случайно «Лики творчества» М. Волошина и читаю: «Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать добром, что злом. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... В городах целый день били в набат: созывали всех. Но кто и для чего зовет, никто не знал того, все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что каждый предлагал свои мысли, свои поправки и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на какое-нибудь дело, клялись не расставаться — но тотчас начинали что-нибудь совершенно новое, иное, и сейчас сами же предполагали, начинали обгонять друг друга, дрались и ругались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибло».

Что это? Чьи это слова и о чем? Оказывается, описание... бреда Раскольникова в Сибири. Последняя страница «Преступления и наказания». Не замеченная при первом чтении романа, она заставила Волошина, наугад открывшего книгу Достоевского в 1905 г., поразиться пророческому озарению писателя. Случайно или намеренно оставленное в конце романа предсказание стало явью. По таинственному раскладу истории дошла очередь и до нас, жителей 1991 г., набрести по случаю на слова Достоевского и точно так же, как когда-то Волошину, подивиться пророческому дару великого романиста, затем, уже не по случаю, крепко призадуматься, а поразмыслив — содрогнуться.

Описание апокалипсиса, всеобщей растерянности и потерянности, грозно нарастающего краха. И как похоже на все, что происходит вокруг нас, с нами и в каждом из нас! Разве это не о том, что мы привычно и даже походя называем перестройкой? Так что же это такое: перестройка или апокалипсис, его новое на нашу землю пришествие?

Попытаемся разобраться. Спокойно и беспристрастно. По-научному. Относительно же понятия «апокалипсис», правомерности его присутствия в научном тексте заметим, что выглядит оно вполне научно, во всяком случае не менее научно, чем понятие «перестройка», а если и отдает какой-то мистической тайной, то не более явной, чем... та же самая «перестройка».

Вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что перестройка — явление кризисное. Оно связано с глобальным кризисом хозяйства и общества,

развернувшимся в СССР по крайней мере с начала 1970-х гг., она есть попытка преодолеть этот кризис, она и сама есть кризис. Вот на этот последний момент обратим особое внимание. И дело здесь не только и не столько в том, что за годы перестройки состояние хозяйства и общества сильно ухудшилось, т. е. глобальный кризис явно обострился, сколько в том, что кризис для перестройки — благо, что он служит для нее средством и целью, что осуществляется перестройка кризисно. Трудно сейчас сказать, чему более обязано нынешнее критическое положение страны — глобальному кризису или перестройке. Последняя во всяком случае служит мощным генератором кризисного напряжения и генератором заметным, направленным. Вывод, возможно, и парадоксальный, но идет он непосредственно от жизни.

Разве не говорит в его пользу тот факт, что перестройка как-то незаметно... перестала быть перестройкой, — это уже не «пере», предполагающее переустройство построенного, и вовсе не «стройка», ибо нет ни проекта строительства, ни объединенных одной целью, вдохновленных строителей, ни самого строительства. Неужто происходящее в стране и впрямь можно принять за строительство, т. е. за целесообразную всеохватывающую созидательную деятельность? Если и есть что, так это хотя и не слишком упорядоченное, но зато весьма последовательное разрушение всего и вся, осуществляющееся не без тайного умысла и не без участия сознательных «ангелов смерти», но все же разрушение, а не строительство. Есть, конечно, и строительство, причем более неявное, чем явное, и совершенно не имеющее никакого отношения к тому, что собственно подлежало перестройке.

Перестройке, как известно, подлежал социализм: требовалось преодолеть его административную форму и перейти к форме демократической. Однако преобразование, предполагающее, конечно же, и некоторые разрушительные мотивы, вылилось в отрицание, причем полное, самого социализма. Но это даже не главное. Разрушительный процесс захватил государство и государственность, культуру, социальные отношения и ценности, человека (как определенный социокультурный и психологический тип). И конца всеобщему распаду пока не видно.

Что же касается созидания, то обнаружился процесс складывания некоей капитализированной социохозяйственной структуры, несущей с собой принципиально новые ценности и отношения, целостно отрицательные по отношению к старым. Новой структуре соответствуют и новые люди (в смысле опять же социокультурного, психологического типа). Чего пока не хватает вновь образовавшейся структуре, так это легально и удобно принадлежащей ей собственности, дающей возможность установить полное социальное и хозяйственное доминирование. Отсюда

борьба за разгосударствление и приватизацию собственности, самостоятельность республик и регионов, свободу первоначального накопления капитала.

Ситуация, сложившаяся в стране, носит, таким образом, не только кризисный, но и глубоко переходный характер, причем переход, как оказалось, является действительно революционным, переворотным, имеющим целью бескомпромиссное снятие одной данности и воздвижение на ее месте другой, прямо противоположной. И сегодня, на рубеже 1990—1991 гг., указанный переходный процесс достиг того кульминационного пункта, когда старое вовсе не исчезло, а новое лишь подкрадывается к возможности свободного и победоносного наступления, когда старое уже подорвано и не представляет прежней ценности и полноты, а новое еще не сложилось, в свою очередь не обретя необходимой полноты и ценности.

Ситуация в стране не просто кризисная, не просто переходная и даже не просто переворотная, она еще и крайне неопределенная. Она суть ситуация вакуума, когда имеет место своеобразная качественная пустота, когда идет активный процесс утраты одного качества и вызревания другого, еще неведомого, когда качество-образование не получило необходимой однонаправленности, т. е., с одной стороны, возможен возврат к старому качеству, а с другой — возможно становление разных качеств, из которых будущее доминирование может выпасть на долю любого из возникающих качеств. Вакуум — не абсолютная пустота, не отсутствие деятельности, это — наполненность, но наполненность неопределенностью, это — работа, но работа в неопределенности и с неопределенностью. Вакуум — это поиск, импровизация, борьба. Вакуум — это свобода, но свобода более неорганизованная, чем организованная, — анархическая свобода. Свобода шансов и итогов.

Никто сегодня не может сказать, что будет завтра. Даже подвергнувшие и подвергающие страну «перестроечному» эксперименту и те не могут знать, что будет завтра, не говоря уже о повергнутых и повергающихся. Первые не могут предусмотреть всего и воздействовать на все — жизнь слишком сложна, чтобы размерить ее как календарь и проконтролировать каждое ее движение, а вторые... вторые лишь могут догадываться, недоумевая, и недоумевать, догадываясь. И мы тоже догадываемся, вглядываясь в происходящее через призму исторического и научного опыта: нечто похожее уже бывало, да и от закономерностей далеко не уйдешь. Достаточно вспомнить события 1905 г., а лучше — 1917 г. вкупе со всем, что за ними последовало, и, сравнив их с перестройкой, убедиться в унылой банальности последней, в непреходящей обусловленности ее алгоритма. И тогда, в начале века, была поставлена

сверхзадача — перевернуть общество, сделать его разом противоположно другим; и тогда «переворачиваемые», т. е. подавляющее большинство, плохо понимали, чего от них хотят «переворачивающие», т. е. явное меньшинство; и тогда был отвергнут реформный путь, восторжествовало тотальное разрушение; и тогда борьба за власть была важнее экономики, культуры, человека; и тогда активничала заграница, не терпела, возмущалась, действовала; и тогда... хватит, наверное, и так ясно. Похоже, очень похоже: по смыслу и ходу вещей, по акциям, по общей картинке. Остается спросить: а по конечному результату? Будет ли он похожим?

А почему бы и нет? При отсутствии ясной и признанной обществом программы, созидательной активности народа, конструктивной инициативы сверху и снизу, свободы труда и творчества, законности и порядка, культурности, но зато в присутствии безвластия, бездействия, беспутства, беспорядка и вульгарности что ж еще ожидать, кроме трагичного и печального? Сначала расстройство, затем анархия, потом война. Война неорганизованная и война организованная. Сначала «куча мала», затем война диктатур, потом диктатура войны. Фантастика? Если бы!

Скверный опыт всех тотальных революций подсказывает одно: резкое и последовательное разрушение определенной социокультурной данности, сопровождающееся исчезновением скрепляющих и регулирующих общество институциональных структур, норм и традиций, их носителей и реализаторов, с неизбежностью ведет к переходу общества на более низкий уровень социокультурного бытия, отбрасывает его к исходному нулю, заставляя импровизировать в пустоте, следовать ближайшим целям существования, прибегать к самым простым и доступным методам их достижения. Революция — это одновременно и всеобщая примитивизация, незатейливое упрощенчество, высвобождение преодоленной или подавленной «человеческой» натуры, т. е. того, что человечество привыкло называть варварством. Революция — это непременно скачок в антикультуру, важнейшими проявлениями которой являются антигражданственность и криминальность (все дозволено!). Революция — это культурный и функциональный хаос. Ну а где хаос, варварство и криминал, там идеальные условия для диктатуры, неважно какой по декларируемым целям и устремлениям, важно — не особенно, как стало принято говорить, гуманитарной.

Возможен ли именно такой исход перестройки? Да, возможен. Является ли данный исход наиболее вероятным? Да, является. Возможен и является сегодня, точнее, из сегодня. Пока развитие событий свидетельствует в пользу этого, а не какого-либо иного результата.

Перестройка явно не удалась, даже если и была задумана как перестройка (что, кстати, со временем выглядит все менее вероятным, скорее всего «перестройка» с самого начала выступала в роли фикции-

символа, прикрывающего совсем иные превращенческие замыслы и процессы). На месте «революционной перестройки» оказалась антиперестроечная революция. Сегодня господствует вакуум: пораженное недугами, общество стоит на перепутье.

Особенно опасен уже ясно обозначившийся раскол (в который раз на Руси!). Есть «демократы», есть и «консерваторы», есть «сепаратисты», есть и «союзники», есть «западники», есть и «отечественники», есть «коммунисты», есть и «антикоммунисты».

Главное, что есть одни и есть другие, белые и красные, есть враги, а за схваткой дело не станет, тем более что она уже давно идет. Пока более словесно, эмоциями и нервами, взаимонепониманием, но ведь и оружием тоже. Пусть локально и спонтанно, но идет — настоящая «военная» война, и что замечательно — бессмысленно для самих дерущихся. Символ здесь дороже смысла, именно он ценен, он заказывает музыку, а смысл — кому он нужен, когда бушуют страсти. Ничего не ново под Луной: воюют не столько люди, сколько знаки, людей завлекающие.

Нельзя, скажем, «демократам» обойтись без консервативности, как и «консерваторам» без демократичности. Нельзя. Жизнь требует и того и другого. Однако драка идет и будет еще страшней. Сколько наговорили, сколько наразоблачили, сколько наобидели. Разве можно теперь просто так разойтись да делом заняться — нет, нельзя. Или «мы их», или «они нас». Глупо, да соблазнительно.

Историческая логика исторического события, которая до сих пор обозначается как перестройка, состояла в следующем: глобальный кризис общества и хозяйства — перестройка как попытка преодоления кризиса — перестройка как кризис — кризис перестройки — перестройка как антиперестройка — конец перестройки как реальности и как символа. Сейчас речь идет уже не о продолжении перестройки — налево или направо — и даже не о преодолении перестройки — справа или слева, речь идет о продолжении и преодолении распада, о новой исторической судьбе распростершегося на огромном пространстве народонаселения (именно народонаселения, т. е. общества, теряющего свою государственность и культуру, свое лицо, свое предназначенное историей земное качество). Распад удался на славу, да вот будет ли его удачливое преодоление, тем более что распад катастрофически ускоряется.

Вернемся к первоначальному вопросу: перестройка это или же апокалипсис? Ответ, думаю, однозначен — апокалипсис. Уж больно много во всем этом обманного, оголтелого и бессмысленного. Если перестройка и не начиналась как апокалипсис, то она или то, что за ней стояло, с неизбежностью превратилась, а лучше сказать, выродилась в апокалипсис, т. е. в такой кризис, у которого нет никакой внутренней программы, кроме разложения, иррационализации и гибели. Любой иной

кризис сам себя старается преодолеть, стремясь к этому уже с момента возникновения, он содержит в себе самом механизм преодоления и механизм конструктивной реакции на целительные вмешательства со стороны. Другое дело — кризис апокалиптического порядка. Это уже роковой кризис. Он не самопреодолевается, его нельзя программно преодолеть, из него нельзя просто выйти, его можно лишь в полном смысле слова пережить, дождаться его ослабления и исчезновения, а для этого — переродиться. Задача, как очевидно, не технологическая.

Можно ли рассчитывать на овладение ситуацией, на создание условий сначала для замедления, а затем и предотвращения сползания общества в апокалиптическую бездну, раз оное замечено и осознано? Можно, но для этого обществу нужно консолидироваться в единый созидающий организм, очиститься от скверны, освободить труд и предпринимательство, подчиниться закону, а каждому члену общества и каждому народу — утишить гордыню и набраться терпения, признать благо взаимного уважения, резделить страдания поровну, что, как вытекает из нашего раскольного бытия, весьма и весьма сомнительно. Апокалипсис покоится, и это хорошо видно из описания, сделанного Достоевским, на социобезрассудстве, которое, однажды запылав, нескоро и неохотно гаснет. Но надежда тем не менее остается. Апокалипсис хотя и был объективно подготовлен незадачливой административной системой, но во многом все же и спровоцирован — сторонней, но активной силой, поверхностным слоем, выветрившимся, лишенным корневого смысла. Бесполезно увещевать горе-активистов, они служат букве, а не жизни. А жизнь, к счастью, продолжается. Она руководствуется здоровым инстинктом, здравым рассудком и здравствующей культурой, одинаково далекими от беснующейся элитарности и лукавого популизма, благотворительного мошенничества и благовидного политиканства. Смута рано или поздно кончится, наносное исчезнет, возгорится и свет, но, к сожалению, очень и слишком выстраданный.

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова
«Экономическая свобода и социализм»,
М.: Изд-во МГУ, 1991.

1993 г.

СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО В СССР: от развития к распаду и наоборот

Социохозяйственное переустройство в СССР, получившее поначалу условное наименование «перестройка», происходит под знаком тотального и ускоряющегося разрушения всего и вся. Сознательный курс на осознанный развал вылился в конце концов в осознанный и не слишком осознанный, а во многом и неосознанный, всеобщий распад. За семь лет «преобразований» только одно созидательное деяние: формирование частного торгово-финансового, во многом криминализированного, паразитического и компрадорского капитала. И все! Остальное — развал и распад. Феноменальное переустройство. Чему, чему, а «перестройке», метко названной в народе «катастройкой», аналогов, кажется, нет.

Не будем вдаваться в причины выбора именно такого, т. е. тотально разрушительного, курса правящих кругов, напоминающих более команду булгаковского Воланда, чем государственное руководство великой страны, ибо нас более интересуют концепция и ход «переустройства», диалектическое взаимодействие в нем организации и дезорганизации, организации и не-самоорганизации, объективного и субъективного начал. Семь лет идет «процесс», но момент конструктивности так еще и не наступил. Деструктивность по-прежнему господствует. Есть, видно, что разрушать, а создавать пока, кроме денежного капитала, видно, нечего. Не осуществлена еще широкая частная приватизация недвижимости, земли, недр, средств производства. Частный капитал не принял необходимого материального воплощения, а население не отчуждено от национальных богатств, имущества, орудий труда. Да и «империя» еще не уничтожена. Развал и распад продолжаются.

Не будем пытаться понять горбачевых и ельциных, мотивы их поразительных некродействий, — не в этом наша задача, — задумаемся лучше над происходящим в реальности, попробуем понять *реальность как осуществляющийся процесс.*

Было ли необходимо качественное изменение сложившейся в СССР социохозяйственной системы, равным образом и самого СССР? Да, было. Общество и хозяйство находились в глобальном затяжном кризисе. Нужно ли было именно переустройство, не достаточно ли было трансформации? На этот вопрос уже нельзя ответить однозначно. В 1985 г. казалось, что достаточно трансформации, т. е. можно было бы остаться в рамках социализма. Сейчас же, когда стало ясно, что антисоциалистические силы оказались инициативнее и сильнее социалистических, что частно-буржуазные чаяния оказались куда как основательнее общественно-небуржуазных, что местнические интересы оказались

в приоритете перед общегосударственными, что антигосударственные силы оказались активнее и эффективнее государственных, т. е. когда в обществе уже реализуется глобальное переустройство, правда, в его первой, деструктивной, фазе, говорить о трансформации как о возможной реальности не имеет никакого смысла. Или шанса трансформации вовсе не было, или же он был благополучно упущен. Осознанно или нет, но общество согласилось на переустройство, отвергнув, опять же осознанно или нет, трансформацию. Хотело того общество или нет, но оно признало возможность революции, причем революции в общем-то антисоциалистической. И тем не менее хочется заметить, что объективно общество в 1985 г. тяготело к трансформации, к социалистическим реформам, а не к антисоциалистической революции. Речь шла о социалистической, а не капиталистической, либерализации, об освобождении социализированного труда. Но случилось все же так, что в СССР развернулось не только антисоциалистическое, но даже и антигосударственное, антицентровское («антиимперское»), антинациональное переустройство. Хотела ли всего этого страна, нуждалась ли она в этом объективно? Не хотела и не нуждалась, но это произошло. Почему же? Помимо воздействия субъективного фактора (в лице отлично подготовленной структуры и ее лидеров) огромную роль сыграло особое — асоциальное — состояние общества, его безразличие, безынициативность, «массовидность», а во многом и обыкновенная социополитическая неискушенность.

Из сказанного мы делаем важнейший вывод: *переустройство может быть вызвано и направляемо субъективно,* т. е. оно может быть в нашем понимании организовано. А где же в таком случае объективная самоорганизация? Ведь не о железнодорожном же расписании идет речь?

Что же, есть тут место и для самоорганизации.

Во-первых, целенаправленная организация наталкивается на самоорганизационное сопротивление преобразуемой системы, слоев населения, общества в целом; «низ» предлагает и свои решения, как в направлении преобразований, так и против или в сторону от них; преобразовательская организация, погружаясь в «пучину» социума, встречает самую различную реакцию, она раздваивается, расщемляется, рассредоточивается, слабеет, исчезает, одним словом, самоорганизуется.

Во-вторых, будучи поначалу неумолимо деструктивной, преобразовательская организация не может не порождать неопределенных, стихийных, анархических процессов, т. е. не может не вызывать падения уровня порядка в преобразуемой системе, ее дезорганизации, перехода системы во все более неупорядоченное состояние (в направлении к полной диссипации); в дезорганизации проявляет себя и сама организация.

В-третьих, преобразуемая система, а лучше сказать, преобразуемое общество, подвергнувшись навязываемому и навязчивому разрушению, начинает отходить от преобразующей структуры, отстраняться от нее, искать возможность для выживания; общество сегментируется, образуя пригодные для самовыживания локализованные системы, замыкается в них, но при этом и проявляет созидательную, в том числе и преобразовательную, инициативу, т. е. самоорганизуется и самопреобразуется, но уже без влияния преобразовательской силы из центра, а часто и вопреки ей.

Организация переустройства порождает разную самоорганизацию, но, что интересно, «перестроечная организация» породила очень немного той самоорганизации, которая *позитивно исходит от общества в его же позитивных целях.* Либо мы имеем разрушительную самоорганизацию (самодезорганизацию), полностью совпадающую с задачей «перестройки», либо созидательную самоорганизацию, но по преимуществу в тех же целях разрушения, как и грабительского накопления капитала, попытки захватить через него господство над «постсоциалистическим» миром и населением. Мы имеем самоорганизацию по преимуществу с отрицательным знаком: нацеленную либо на хаос, либо на расслоение общества и его деление на изолированные и враждующие группировки, либо на формирование нового класса господ, а соответственно и нового класса рабов, либо на колониальную зависимость страны, либо на удовлетворение эгоистических классовых или местнических интересов, либо просто на антикультуру. Что же касается позитивного, т. е. по-настоящему приемлемого для общества, государства, нации в целом, процесса самоорганизации, то его, повторяем, очень и очень мало, да и связан он преимущественно с оборонительными намерениями. *С точки зрения самоорганизации итог пока на стороне негативной, а не позитивной самоорганизации.*

Иного, надо полагать, и не могло быть. Организация, которую задает «перестройка», не очень-то стимулирует положительную для общества самоорганизацию, поскольку она сориентирована не на созидательное творчество общества, государства, коллективов, семей, граждан. «Перестройка» не предложила (и не могла предложить) обществу *всеобщего экономического накопления,* так как рассчитана была на *буржуазное накопление меньшинства за счет подавляющего большинства.* Сколотить капиталы узким слоем «предпринимателей» оказалось важнее экономического накопления и благоденствия общества в целом. Организация меньшинства сделала и делает все, чтобы не допустить экономической самоорганизации большинства — иначе меньшинству не осталось бы места для «эго-творчества», а потому и не досталась бы вожделенная «доля господская».

«Демократизация социализма», бывшая целью (если не просто лозунгом-прикрытием) перестройки в 1985 г., обернулась самой что ни на есть вульгарной капитализацией, да еще и компрадорского типа. Весьма примечательный перебор качеств: от «административного социализма» (старое качество) к «зависимому капитализму» (новое качество-цель) через «демократический социализм» (служебное качество-фантом). Вот и вся логика «перестройки».

Реальность, однако, самоорганизуется неоднозначно. Цель «перестройки» ясна, но не достигнута. Нужна приватизация большая, скорая и в интересах буржуазии. Но это не все. Надо закрепить приватизацию, переделав общество под нее, т. е. не только приватизировать (присвоить) материальные факторы производства, но и приватизировать само общество. Тяжелая задача.

Ясно, что общество будет сопротивляться и уже сопротивляется. Проголосовав за глубокие и масштабные преобразования, общество не голосовало ни за революцию, ни за спад, ни за буржуазно-компрадорскую приватизацию. Путь, избранный правящими кругами, — путь с очень неопределенным результатом, ибо общество такой путь не избирало — ни объективно, ни субъективно. Предлагаемый обществу путь не может не быть путем насилия, самыми яркими проявлениями которого служат сегодня *организованная анархия и организованный кризис производства,* а завтра может служить самая обыкновенная *политическая диктатура.* Такой путь, естественно, не может не быть и путем борьбы, борьбы всеобщей и длительной, разнообразной, экономической и политической, «мирной» и «военной».

Хочет того или нет, но страна наша встает на путь *затяжного гражданского конфликта,* своеобразного перманентного кризиса. И если говорить в терминах организации, то мы вступаем в период устойчивой дезорганизации, когда организация (не-самоорганизация) и самоорганизация либо будут оставаться факторами дезорганизации, либо не смогут ей решительно противодействовать, т. е. не окажутся факторами организации, противостоящей дезорганизации, ее обуздывающей и ориентирующей.

Исследователя и читателя волнует сегодня один и тот же вопрос: встает ли страна на путь устойчивой дезорганизации или уже встала? Возможно ли еще свернуть с этого пути, подчинив разрушительную дезорганизацию созидательной организации? По нашему мнению, свернуть с рокового пути еще можно, но сопряжено это, кажется, уже с чудом — массовым осознанием надвигающейся катастрофы и массовым же желанием ее избежать. Свершится ли данное чудо, кто знает? Но так или иначе страна обязана искать путь некатастрофного преобразования и развития. Здесь уже проблема не благосостояния, а самосохранения. Это

вопрос инстинкта.

Осознанно или нет, рано или поздно, но общество, ввергнувшись в пучину жесточайшего кризиса, будет из этой пучины выбираться. Тогда-то и начнется «стройка», т. е. позитивная созидательная работа по устроению общества и хозяйства. Это уже не будет «перестройка» и даже не будет «переустройство», так как скорее всего страна окажется в нулевой ситуации, когда камни будут настолько разбросаны, что останется лишь строить, а не перестраивать. Что же именно?

Мы можем предложить модель замечательного общества, например, ноосферного типа, но от этого легче не станет, поскольку замечательное общество строится и замечательным обществом, а такового мы пока не наблюдаем. Вероятнее всего, страну ожидает поначалу иной выбор, более простой и естественный, более адекватный ее природе, культуре, фактическому состоянию. Строить придется не социализм и не капитализм, не тотальную плановость и не тотальную рыночность, придется просто налаживать *нормальную социохозяйственную жизнь,* восстанавливая производство, финансы, государственность, высвобождая и направляя (не более того!) творческую активность трудящихся, среди которых не только рабочие и крестьяне, но и интеллигенция, служащие (даже «бюрократы»), управляющие, предприниматели, фермеры, торговцы, банкиры. Самоорганизация общества будет сочетаться с его организацией (не-самоорганизацией), без которой немыслимо ни одно общество вообще. С какой же конкретно? Не будем гадать, не будем и самоуверенно пророчествовать. Ясно одно, организация, о которой идет речь, не будет заимствованной, не будет и подражательной. Это будет российская организация, и сложится она на основе и посредством прогресса и реставрации одновременно. Не будем ее называть счастливой, назовем лишь жизнеспособствующей и жизнеспособной — разве этого мало?

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова
«Принципы хозяйственной самоорганизации»,
М.: Изд-во МГУ, 1993.

1994 г.

РОССИЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ
Социопроект

Россия сегодня — тьма вопросов. Что есть Россия, откуда и куда идет, чем отягощена и какого ждет разрешения? Любой живущий в России и Россией человек не может не искать ответа на эти и многие другие вопросы. В публикуемой рукописи, рассматриваемой как неангажированный социопроект, есть не только вопросы, но и ответы, — и, надо заметить, принципиально *не*окончательные. В отличие от мистических трактатов и партийных программ рукопись не претендует на последнюю истину, бесспорных решений не предлагает: моделируется-то ведь жизнь, да еще и жизнь России, а то и другое — тайна!

Достоинство издаваемого труда не в иллюзорной ясности утопии, а в попытке вслушаться в сложную полифонию напряженного социокультурного бытия, уловить лейтмотив и поделиться открытием с другими.

Представляемый социопроект — не изобретенная высокомерно схема, а отражение позитивных потенций и настроений реальности — пристально в себя всматривающейся и себя же вопрошающей, делающей выбор.

И коль скоро человек наделен деятельным сознанием, то выбор российский не может быть только стихийно-объективным, он должен быть и субъективно-сознательным, мыслею и переживанием ориентированным — в интересах России, а отсюда и патрио-проективным.

Таковы смысл, назначение и оправдание неодномерной работы.

«...Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!..»

А. Пушкин

«... Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли...»

А. Блок

Россия переживает тяжелейший кризис.

Обусловленный коррозией административно-плановой системы и упадком партократического управления, ускоренный «перестроечной» смутой, кризис охватил все сферы российского общества: хозяйство, государство, культуру. Смена государственно-политического режима в конце 1991 года, одновременный развал единого централизованного государства — СССР, начатая в январе 1992 г. «рыночная реформа» не ослабили, а еще более усилили кризис. Последний стал *фундаментальным фактом и фактором жизни.*

Сегодня, в конце 1993 г., можно с уверенностью говорить о наличии и действии в механизме российского кризиса сознательной субъективной воли, вышедшей из недр не-России, эгоизма и субкультуры.

Знамение момента — *деструктивный радикализм.*

Россия — *падающая страна.* Ей грозит катастрофа, сравнимая с катастрофой 1917—1918 гг., возможно, и более трагичная.

Лукаво организованная «смена социально-экономического строя», вдохновляемая не-отечественными образами и силами, не может не вести к *тотальному разрушению* государства и общественных институциональных структур, всей социальной, хозяйственной, политической и культурной среды, не может не отвергать исторического опыта страны, ее национального и геополитического своеобразия. В этом роковой смысл так называемых «демократических реформ», в этом и их подспудная историческая драма.

Движение по пути глобального отрицательного переворота — движение к пустоте, тому самому вакууму, в котором царствует анархия и неопределенность и из которого может выйти любой, самый неожиданный, вариант, и вполне вероятно, что таковым может стать — при дальнейшем наивном благодушии и политическом бездействии апатичного общества — вариант нескончаемых междоусобиц, переворотов и диктатур. В разбушевавшейся стихии уже не до демократий и монархий, правового порядка, государственности и гражданственности. Речь с неизбежностью пойдет тогда о военной, естественно, «миротворческой», интервенции и разделе пространства бывшего СССР и нынешней России между иностранными государствами. Не только СССР, но и Россия, как, собственно, и другие «независимые государства», имеют шанс окончательно кануть в Лету.

Россия, как и органически связанные с ней страны, нуждается не в полной риска и опасностей «цивилизационной» революции, а в деловитой и рассудительной социореформации, для которой целостность, организация и созидание явно предпочтительнее распада, стихии и деградации, а отечественная ориентация — любой привнесенной извне. Такая

реформация, которую необходимо рассматривать как сочетание обновления с сохранением, преобразования с возрождением, саморазвития с регулированием, должна затронуть как материальную, так и духовную сферы общественной, семейной и личной жизни, не быть идеократической, тоталитарной и насильственной, основываться как на светских, так и религиозных ценностях, иметь разностороннее экологическое обоснование, соединить естественное преображение человека и общества с конкретными практическими реформами.

Проект, оплодотворяющий данную реформацию, должен быть проектом непосредственно антикризисным, направленным на решительное ослабление и преодоление губительного, разрушительного процесса, развернувшегося в стране; это должен быть проект антикризисных преобразований, способных вызволить творческую инициативу и созидательную энергию общества, трудовых коллективов и структур, семей и отдельных личностей; это должен быть проект общегосударственных и общенациональных преобразований, обеспечивающих возможность участия всех граждан в конструктивной деятельности на благо самих себя, своих семей, трудовых коллективов, государства, общества в целом; это должен быть проект, стимулирующий всяческий необходимый человеку, государству и обществу созидательный труд.

I

Российская Реформация — понятие не сегодняшнего дня. Можно с уверенностью сказать, что реформация имманентна России, ее истории, во всяком случае, с момента выхода России из-под татаро-монгольского влияния. *История России — история реформации, российская реформация — история России.*

Российская Реформация — растянувшееся на века сложнейшее событие (можно сказать, метасобытие), включащее в себя не только явные попытки реформирования, т. е. реализации конкретной программы реформ, но и такие события, как революции и войны, т. е. резкие и бурные социопотрясения, равным образом, и относительно спокойные, даже застойные, т. е. квазибезреформенные, периоды-события, когда реформистская деятельность велась вяло, уходила в потенциальность, а то и вовсе замирала, однако, лишь для того, чтобы вновь возродиться на очередном витке российской реформационной истории.

По сути своей Российская Реформация есть процесс исторического преобразования России, поиска Россией адекватного ей образа, перебора образов, их обнаружения, примеривания и отбрасывания. *Это поиск Россией России, мучительного рождения России в России, возникновения России из России,* Россия и ее история имеют великую

цель и значительный смысл, содержательную ретроспективу и обнадеживающую перспективу. Россия — это реформация, и Россия как Россия еще не состоялась, хотя временами она, возможно, и была близка к этому, но ни один собственный ли, навязанный ли образ не пришелся России по душе.

Россия ищет Россию, не Запад ищет и не Азию, и не пресловутую Евразию, — какой ей, России, прок искать в себе и через себя не-Россию? И коль скоро вся историческая Российская Реформация посвящена России, то и каждый всплеск позитивной реформационной работы должен быть ориентирован на Россию, в особенности же, нынешний, — коль скоро мы знаем о факте Российской Реформации и осознаем ее великое, в чем-то и трансцендентное, предназначение. Нынешняя реформация — только одно из звеньев (не знаем, последнее ли?) глобальной затяжной Российской Реформации, а потому реформация конца XX века не может не считаться с великими целями, могучей поступью и драматическим ходом Российской Реформации, ее достоинствами и пороками, достижениями и упущениями, правдами и ошибками, победами и поражениями. Нынешняя реформация — одна из исторических волн, один из актов Российской Реформации, — и первой не уйти от последней, как бы она того субъективно ни хотела.

Россия, история России, Российская Реформация — отнюдь не самодостаточные явления, они не изолированы от остального мира, внешней истории, зарубежных трансформаций и мировых потрясений. Более того, располагаясь в самой евразийской части Евразии, на скрещении великих исторических путей и в смешении великих культурных потоков, занимая самое, пожалуй, неопределенное и загадочное, даже мистически загадочное, в то же время сложное, богатое и притягательное геокультурополитическое пространство на планете, Россия не может не испытывать постоянного и разнообразного влияния со стороны — как от отдельных соседей и их группировок, так и всего планетарного мира. Россия не просто включена в мировое сообщество, в планетарное человечество, она является их органической и исключительно важной частью, испытывая от всемирного целого судьбоносные влияния и оказывая на него не менее судьбоносные воздействия. *Судьба России — судьба Мира, судьба Мира — судьба России!*

Российская Реформация — дело и смысл не одной России, это так или иначе дело и смысл всего Мира. И от этого ни России, ни Миру не уйти. *Российская Реформация есть одновременно и Всемирная Реформация, а Всемирная Реформация (и таковая идет!) есть одновременно и Российская Реформация.* Одно без другого не существовало, тем более не существует теперь — в нашем суперусложненном взаимозависимом мире.

Российская Реформация, в особенности, ее современная волна, несет в себе «не-только-российское» начало, более того, она в значительной мере определяется не-российским началом, зависит от него. Такая зависимость выражается как во влиянии со стороны общечеловеческих цивилизованных и культурных начал, Всемирного Духа, так и в непосредственном воздействии внешних стран-агентов и международных структур, в особенности, наднационального порядка. Есть проникновение и впитывание, а есть и прямые забросы и удары. Идеологические, информационные, материальные, финансовые, политические, агентурные, военные. Дружественные и враждебные, полезные и вредные, благочестивые и подлые. От внешних воздействий укрыться нельзя, да и не надо, но управлять ими в своих целях и себе на пользу можно. Не в изоляции от окружающего мира, а в способности обращать себе на пользу его влияние — вот, в чем выражается государственная и культурная независимость, самостоятельность преобразовательного процесса. Последняя выражается и в способности оказывать полезное для себя влияние и на внешний мир.

Ни одна из вспышек российской реформации не обходилась без внешнего влияния, причем отнюдь не только духовно-культурного свойства, и не только посредством перенесения и усвоения полезного опыта. Россия всегда сталкивалась с целенаправленным воздействием на себя, а нередко и с прямым вмешательством в свои внутренние дела — вплоть до интервенций. Все это было, многое же из всего этого продолжает быть.

И сегодня российская реформация идет под влиянием и даже контролем внешних сил, целеположенно сплотившихся и активно реализующихся. Не следует преувеличивать воздействия со стороны — объективное и субъективное, но не следует и преуменьшать его. Фактор имеет место быть!

Внешнее воздействие вовсе не всегда бывает вредное и разрушительное, но оно никогда не должно быть для России неконтролируемым. Контролировать надо все, в том числе и полезное, и созидательное. Ведь цель реформации — Россия, а не не-Россия!

Для современного человечества характерен всемирный объединительный процесс, и нынешняя российская реформация так или иначе связана с ним, идет под его влиянием и даже в его рамках. Избежать мирообусловленного процесса нельзя, и избегать не нужно. Важно не раствориться в нем, потеряв самостоятельность и самобытность, утратив независимость и величие. Важно и воздействовать на него, да так, чтобы выполнить задачу рождения истинной России в ходе реализации истинно российской реформации. Самоопределение по существу, т. е. по духу и истине, а не по геометрическим параметрам, хотя и не без учета

последних — границы России есть границы России, ее расположенного на планете тела, того самого, без которого и дух не дух, и истина не истина.

Всемирный объединительный процесс реализуется многообразно, по преимуществу в рамках и на основе межгосударственных отношений, частично посредством наднациональных институтов. Однако в мирообусловленном процессе имеет место тенденция к моноэтатизму, все более и более противостоящая традиционно существующему полиэтатизму (в качественной оценке). Моноэтатизм — дело серьезное, отнюдь не безобидное, ибо ставит под сомнение саму государственно-этническую экологию мира, угрожает необходимому для жизни и развития разнообразию мира.

Способно ли человечество избежать моноэтатической западни? Да, если, не консервируя современный поли- или плюроэтатизм, будет идти по пути *межгосударственной и мировой интеграции,* сообщая миру потребное ему единство, но *единство в разнообразии.* Интеграция тем и отличается от слияния и смешения, что предполагает сохранение самостоятельности и самобытности объединяющихся в единое целое единиц. Российская реформация обязана иметь в виду как опасность мирового моноэтатизма, так и необходимость всемирного интеграционного процесса, а имея в виду, способствовать реализации второй тенденции, что очень важно, в максимально возможном разнообразии.

Один из путей поддержания разнообразия всемирного объединительного процесса — *региональная интеграция.* Россия в прошлом, настоящем и будущем, во всех своих исторических ипостасях — интеграционное геополитическое явление. И дело здесь не только и не столько в евразийности, сколько в российскости (русскости) самого образования, называемого Россией, его принципиальной интернациональности. Несмотря на традиционную ведущую роль русского народа, его объединительную и скрепительную функцию, Россия никогда не была не только моноэтническим, но даже националистическим (при доминантном положении одного народа) государством, она всегда была полиэтническим образованием. Российская Реформация сохраняла и сохранит это замечательное свойство России, хотя сохранению этого свойства мешает сегодня спровоцированный новой волной реформации процесс дезинтеграции геополитического пространства, занятого Россией (Россией как СССР, Россией как этническим образованием, Россией как Российской Федерацией). Перед Российской Реформацией стоит задача не только сохранения интеграционной природы России, но и ее реинтеграции, причем как в рамках собственно России, так и за ее пределами — во все стороны и со всеми заинтересованными агентами, т. е. в некоторой, сейчас еще неясной евразийской окружности.

Российскую Реформацию нельзя отрывать от региональной европоазиатской реформации, от трансформационных процессов, разворачивающихся как на территории СССР, так и за ее пределами. Практически вся Евразия захвачена крупными реформными или квазиреформными процессами. Россия, будучи мощным очагом реформации, сама находится в активной реформационной среде, интенсивно с нею взаимодействуя. *Генератор реформации в реформационном поле — вот что сегодня представляет собой Россия.* Российская реформация является во всех отношениях событием международным.

Внешний обновленческий процесс стимулирует российскую реформацию, в известной мере и качественно определяет. Он толкает к некоторым общим постановкам и решениям, но, высвечивая особенности, способствует и частным решениям. Он одновременно облегчает и затрудняет реформационную жизнь России. Внося некоторую очерченность в сложный социальный процесс, он вносит в нее и немалую неопределенность. И если отгородиться от внешней среды нельзя и ненужно, то эффективно взаимодействовать с нею вполне возможно, но... непременно с позиций *высокого национально-государственного самосознания.*

Дезинтеграционные процессы в принципе не новы на российско-евразийском геополитическом пространстве, но сегодня они имеют ту характерную особенность, что происходят на редкость организованно («как по команде»). Нельзя не заметить, что дезинтеграция СССР стала важным условием, орудием и следствием реформации, ее каким-то необходимым роковым моментом. С необыкновенной, даже мистической, легкостью происшедший распад СССР не только породил массу проблем для каждого из так называемых «независимых государств», равным образом и для всей совокупности государств, не могущих по своей воле покинуть единое социо-политико-экономическое пространство, но и буквально вогнал российскую реформацию в интеграционную модель реализации, тем более, что обеспечил искусственное разъединение русского населения, превратив часть его (22 млн. так называемых «русскоязычных») в анклавные зависимые национальные меньшинства на «чужих» и даже своих же собственных территориях. Ладно бы стихийный развал, а то ведь вполне организованный, оправданный, да еще и освященный международным сообществом!

Но нет худа без добра. Организованная дезинтеграция побуждает теперь и к организованной — гораздо, к сожалению, более трудной — *реинтеграции.* Речь, разумеется, не может сейчас идти о восстановлении СССР как такового, но речь при этом не может не идти о восстановлении России в ее естественном состоянии и границах (не административных, а социо-этнических). Отсюда реформация России органично переплета-

ется с восстановительным геополитическим процессом, а геополитическая реинтеграция становится органическим имманентом реформации. Расчет на то, что Россия останется на века раздробленной и куцей — расчет хоть субъективно для кого-то и вожделенный, но объективно совершенно нереальный. Россия не может не то что нормально жить, но даже просто существовать в искусственно урезанном и раздробленном виде, не говоря уже о том, что в таком состоянии она не сможет осуществить реформацию и вновь возродиться. *Отныне Российская Реформация вынуждена идти путем осознанной и активной реинтеграции России, ее геополитического воспроизведения.*

И не России вовсе суждено в конце концов осознать, что она должна впредь существовать усеченной и раздробленной, стремясь к исчезновению, а ближнему и дальнему зарубежью, всему мировому сообществу придется-таки понять, что *не может быть России не-Великой, и что именно Россия Великая всего более нужна человечеству.*

II

Любой реформационный проект предполагает первичный концептуальный выбор. Какие же воззренческие начала могут лечь в основание сегодняшней российской реформации? Какой может быть ее *философия?*

Начало первое: *социальность.* Реформация должна осуществляться обществом и в интересах общества на основе и в рамках общественного согласия. Реформы, направленные на узкоклассовые, эгоистические интересы, а тем более, на интересы того или иного класса господ, — ныне недопустимы. Руководство реформами — руководство социальное, т. е. действующее ради общества в целом и под его контролем. Ни один член общества (социальный индивид), ни одна семья, ни один трудовой коллектив, ни одно действующее в обществе социальное образование не должны исключаться из активной социальной жизни, процесса преобразований.

Государственность строится и реализуется как социальная государственность, общество — как социальное общество. Основной принцип организации того или другого — органическое осуществление *единства в разнообразии и разнообразия в единстве,* т. е. возможность взаимоприемлемого сосуществования разных по качеству, но не враждебно взаимоисключающих, феноменов в пределах единого общественного комплекса.

Наличие социальной дифференциации при действии механизмов сдерживания на основе критерия социальной справедливости. Предпочтение сотрудничества, взаимопомощи и взаимополезности любым проявлениям социальной борьбы и конкуренции. Наличие функциональных социальных сословий и сословного представительства в социо-госу-

дарсвенной организации. Предпочтение профессионально-производственных организаций политическим и идеологическим. Разнообразие собственности при приоритете ее общественных форм, свободный выбор способов хозяйствования, трудовое накопление личного и семейного богатства, возможность наемного труда. Недопустимость спекулятивного накопления, получения нетрудовых доходов. Ограничения в наследовании собственности. Любые формы трудового хозяйствования на земле, отсутствие купли-продажи земли и ее недр. Наличие общественных и государственных институциональных и функциональных механизмов социальной регуляции.

Начало второе: *цивилизационность.* Гражданское устройство общества. Правовой порядок и господство принципа равенства всех членов общества перед законом. Гражданские свободы: деятельности, передвижения (в том числе выезда из страны и въезда в страну), места жительства, объединений, образования, убеждений, конфессий, участия в социально-политической жизни, выбора. Право на уважение личности и семьи, труд, отдых, охрану здоровья, образование, собственность, жилье, государственную и социальную защиту, участие в политической жизни. Право на обращение в суд и на защиту в суде. Независимость суда от кого-либо и чего-либо, кроме закона. Наличие гражданских обязанностей: соблюдения законов и установленного порядка, выполнения общественных и воинской повинностей, трудового образа жизни. Запрещение национальной, расовой, политической и иной дискриминации.

Начало третье: *государственность.* Государство — особое устройство общества; устанавливаемый обществом и поддерживаемый с помощью специального аппарата общественный порядок; способ организованной жизнедеятельности общества; структура организации общества. Государство — властная иерархическая организация, располагающая возможностью побуждать и принуждать, контролировать. Государство организуется обществом, но оно при этом самоорганизуется и во многих аспектах организует общество. Государству повинуются, а оно опекает и защищает. Государство необходимо, как необходимы этические нормы, право, деньги или рынок. *Негосударственных цивилизованных обществ история не знает.*

Устройство государства может быть разным, но так или иначе оно должно отвечать следующим требованиям: 1) устойчивости, 2) эффективного действия и реагирования, 3) конструктивной изменчивости. Эффективность государства непосредственно зависит от соответствия его организации и самого духа характеру, интересам и потребностям общества, в жизнедеятельности которого государство участвует. В гражданском обществе государство базируется на принципиальном социо-политическом консенсусе (согласии, договоре) относительно

принадлежности всех членов общества к государственной организации, о принадлежности государства обществу и о деятельности государства в интересах всех членов общества. Устройство государства должно исключить возможность отчуждения его от общества или части общества, как и возможность установления господства государственного аппарата над обществом. Гражданское государство может строиться и осуществляться по-разному: от демократии до монархии, но оно не может основываться на диктатуре, авторитаризме, тоталитаризме.

Начало четвертое: *патриотичность.* Реформация должна носить патриотический характер, происходить в интересах отечества, на его основе и на его принципах. Зарубежный опыт — для творческого, полезного, избирательного и самостоятельного усвоения. Никакого насильственного внедрения иноземных систем и культур, никакого руководства и патронажа из-за рубежа. Приоритет отечественных ценностей, но без диктата устаревших и отживших из них. Неукоснительное соблюдение национальных (страновых, государственных) интересов. Сочетание национального авторитета с умелыми межгосударственными компромиссами. Четкое определение национальной опасности и всесторонняя от нее защита. Государственная безопасность, признание возможности и необходимости ведения отечественной (оборонительной) войны. Никаких односторонних территориальных уступок. Государственная защита граждан России за рубежом, как и защита бывших граждан СССР, находящихся за пределами России и стремящихся к опеке с ее стороны.

Начало пятое: *интернациональность.* Реформация должна проводиться в интересах всех народов, населяющих Россию. Органическое сочетание юридического равноправия всех народов с разнообразием их фактической роли в сообществе. Никакой национальной дискриминации. Сосуществование национальных культур. Наличие национальных государственных образований в рамках общей многонациональной государственности. Признание мирового сообщества как сообщества народов, наций, рас. Равноправное и взаимополезное участие России в мировом сообществе. Признание международных организаций, равноправное участие России в их деятельности.

Начало шестое: *гуманистичность.* Господство принципа уважения личности при ее высокой ответственности перед обществом. Уважение личности обществом (государством) сочетается с уважением общества (государства) личностью. Обеспечение нормального воспроизводства людей и общества в целом. Гуманистическая культура, ее доступность широким массам людей. Наличие духовных институтов. Возможность религиозного воспитания и отправления позитивных культов. Воспитание людей в духе человеколюбия, взаимотерпимости и чести. Защита личности, семьи, коллектива от антигуманных и незаконных

посягательств. Свобода выбора, инициативы и действий личности в пределах общественной (государственной), природной и культурной целесообразности. Всемерная поддержка принципов сотрудничества и взаимопомощи. Наличие развитых систем социальной защиты и социального обеспечения.

Начало седьмое: *экологичность*. Любая реформация сегодня не может не учитывать экологического принципа, сущность которого состоит в признании целостности мироздания, системной взаимозависимости всех его элементов. Мир меняется, но в определенных дозах — смерти и рождения. Доза — нечто количественное и качественное одновременно, экологическая мера изменчивости. Выход за пределы меры — катастрофа. Гибель одного мира и, возможно, возникновение другого. Это уже не изменение, а исчезновение, в лучшем случае — превращение с неизвестным знаком. Добротная реформация обеспечивает направленное изменение — вплоть до превращения, она является в полной мере экологичной. Такая реформация ставит перед собой задачу перехода к экологическому, т. е. гармонически устроенному, миру. Экологически устроенный мир — это мир, в котором всему жизненному находится место — личности, семье, коллективу, сословию, народу, равным образом — природе, технике, государству, обществу в целом. Все жизненное имеет свою ценность (системную ценность), все необходимо.

Экологическая реформация предполагает гармоничное сочетание самоорганизации (людей, семей, коллективов, институтов, регионов, общества) с организацией — волевым направленным действом. Реформация — отнюдь не только деяние реформатора, это прежде всего творчество общества, его самопреобразование.

Начало восьмое: *экономизированность*. Современное общество — общество экономическое. Жизнедеятельность общества основана на возмездном обмене трудом (предметами, услугами). Все продукты, ресурсы, труд, человек, отношения — получают стоимостную (денежную) оценку. Любое дело (бизнес) опосредуется деньгами, их вложением и извлечением с приростом. Осуществляется капитальная формула организации производства (Д — Т — Д’). Имеет место сложное денежное (монетарное, валютное, кредитное, фондовое, инвестиционное) хозяйство. Неэкономической организации производственного процесса в современном обществе быть не может.

Реформация обязана иметь экономический характер, равным образом, и экономический результат. Она должна позаботиться об экономической (обменно-оценочной) свободе субъектов производства и потребления, с одной стороны, и эффективном денежном хозяйстве — с другой. Однако важно иметь в виду, что экономическая организация вовсе

не обязательно должна быть стихийной, наоборот, для современного индустриального общества характерна высокоорганизованная (и вполне сознательно) экономика.

Начало девятое: *индустриальность.* Реформация относится к индустриальному обществу. Для такого общества характерны техника, информатика, наука. Реформация не только обязана заботиться о технической, информационной и научной вооруженности человека и общества, но и предназначена обеспечить новое технологическое развитие с целью выхода в неоиндустриальное (экологическое индустриальное) общество. Приоритетной задачей является не рост производства, а изменение его качества.

Начало десятое: *духовность.* Современная, смотрящая в будущее цивилизация не может не быть цивилизацией Духа. Антидуховность, вскармливаемая людским высокомерием и близорукостью, непримиримым материализмом и атеизмом, прагматизмом, безмерной технизацией и урбанизацией жизни, «восстанием масс», поп-культурой, дорого обходится человечеству: апокалипсис — уже реальность. Без духовного начала, — и именно *положительного духовного начала,* — без его присутствия в повседневности, не может быть полноценного, исторически оправданного человеческого существования, экологически нормального общественного и хозяйственного бытия, не может быть смысла жизни. Положительная духовность, идущая от Вечности и к Вечности обращенная, — антиапокалипсис, непременное условие преодоления культуроцивилизационного кризиса, охватившего сегодня «передового» человека.

Таковы воззренческие начала, могущие и долженствующие лечь в основу Российской Реформации. Все начала вполне объективны, все необходимы. Они обусловлены и продиктованы современностью — как с точки зрения потребностей, так и с точки зрения миропонимания. Они носят общечеловеческий характер, представляют ценность не для одной России. Полагаясь на них, Российская Реформация не проиграет. Но она может в конце концов и не выиграть, если не учтет специфики России, ее геополитической, генноисторической и духовной обусловленности.

Что есть российского в России?

Первое: *пространство и местоположение.* Огромное континентальное пространство. В Европе и в Азии, между европейскими и азиатскими цивилизациями. Ни собственно в Европе, ни собственно в Азии. Сама по себе, но в то же время и непосредственно в европоазиатском мире. В незащищенном пространстве и строгом климате. С природной неустойчивостью, но с устойчивостью пространственной и людской. Раскинутость. Погруженность в природу. Сравнительная редкость и большая неравномерность расселения людей в сочетании с тяготением к общественным (коллективным, общинным, сельским, городским) формам

поселения. «Пористость» социо-населенческой ткани, ее вязкость, неопределенность. Плодотворность местоположения и пространства (возможность свободного творческого синтеза, духовного самовыражения).

Второе: *русскость.* Россия — страна русская. И дело здесь не только и не столько в преобладании собственно русского населения, сколько в особом этнокультурном типе страны, ее духе.

Россия — не Европа. В ней нет европейского индивидуализма, рационализма и активизма, как нет и европейского накопительства, конкурентности, политичности. Россия — и не Азия. Нет в ней азиатской «подетальной» социоупорядоченности, непреодолимых страт, растворения индивида в социуме, как нет и азиатской запрограммированности поведения, погруженности личности в самое себя, самоутверждающейся созерцательности.

Россия — и не смешанная Евро-Азия, хотя и имеет определенные европейские и азиатские черты.

Россия — особенна. Ее специфика в человеке — *в общественной одухотворенной личности,* а это уже не Европа и не Азия, и не Евразия даже — не смесь, а особого качества человеческий и социальный материал. Личность, ибо у каждого члена общества свой замысел и вариант жизни, свое предназначение и своя возможность его реализации; личность в то же время общественная — признающая общество и перед ним ответственная, не отделяющая себя от общества, ведущая социабельный образ жизни, уважающая общее (государственное) дело, уживчивая, соборная; наконец, личность одухотворенная, оказывающая предпочтение духовным, а не материальным, облагораживающим, а не просто полезным, естественным, а не искусственным, душевным, а не рассудочным, ценностям, верящая в правду и желающая жить по правде, личность совестливая, отзывчивая, нестяжательная, неприхотливая, терпимая и терпеливая, жертвенная.

Русский человек — человек открытый и сердечный, он любит человека и его мир, любит просто, сразу и навсегда, не заботясь о собственной выгоде, не впадая в расчеты. Он незлобив и покладист, самокритичен. Огромное значение русский человек придает идеалу, а потому склонен верить в лучшее и чает совершенствования. Герои русских преданий — люди нравственные, альтруистические, порядочные, а устройство общества по тем же приданиям — справедливое.

Для России не типична личная борьба за богатство, его безудержное накопление, не типична и узкая потребительная предопределенность. Для русскости всего более характерно стремление к личному и семейному достатку, добываемому своим трудом, в сотрудничестве, по справедливости. Неправедно нажитое богатство и эксплуатация — большой

на Руси грех. Русская цивилизация — цивилизация неденежная, не признающая деньги за святыню, скорее относящаяся к ним как к неизбежному злу, но которое можно облагородить. Духовность, справедливость, совесть — выше деяния.

Русские — государственники, но не политически, как в Европе, и не по внешнему понуждению, как в Азии, а по зову души, инстинктивно. Русские не просто участвуют в государственной жизни, не просто признают государственную власть, но верят в государство. *Государство, как и Родина, — величайшая у русских ценность.* Государство — защитник русского человека, а русский человек — защитник государства.

Русский народ — народ верующий: в правду, добро, справедливость, воздаяние. Верит русский народ, вопреки десятилетиям принудительного атеизма, и в Бога. Не слишком привязан русский человек лишь к религиозной догматике, хотя признает и уважает Православную Церковь. Для русских не характерны ни религиозная назидательность, как у некоторых европейцев, ни растворение в религии, а тем более, религиозный фанатизм, как у некоторых азиатов. Для русских всего более характерно утверждение нравственности, а вместе с этим — вера в Ближнего, в Родину-Русь, в Жизнь.

Русскость — это самый настоящий интернационализм. Русским может быть любой по крови человек. Главное в русскости — не кровь, а духовность, самоощущение, культурная принадлежность. Не зов крови, а зов души. И если говорить о генной обусловленности, то обусловленности характерной, поведенческой, нравственной.

Русский характер весьма противоречив, он соединяет в себе, как никакой, наверное, другой социо-этнический характер, крайние противоположности. И обусловленность такой противоречивости гораздо глубже и содержательнее, чем пресловутый европо-азиатизм.

Русские — естественные наследники, носители и будущие проявители какого-то особого понимания мира и положения человека в нем — русский не хочет ни господства над миром, ни подчинения себя миру, он жаждет гармонии с миром, но знает (здесь срабатывает как его текущий опыт, так и социогенетическая память), что постичь эту гармонию можно (может, и нельзя!) разве только ценой апокалипсического катарсиса (испытания — болезни и выздоровления).

Сознавая тайну мира, русский не хочет ни закрывать на нее глаза, ни обмануть ее и себя, ни формально разрешить.

Русский не имитирует мир, а живет в тяжком реальном мире, страдая. Жизнь думающего и чувствующего русского — сплошное переживание, одобряемое поиском и надеждой. Русский человек — безусловный и неисправимый романтик, чему сильно способствует незаданность, незапрограммированность русской жизни, ее внутренняя свобода. Смысл

жизни для русского — не в совершенстве ее организации и не в материальном благоустройстве, а в духовной полноценности, в поиске самого смысла жизни. Делание человека — выше делания мира. Русский не может до конца отдаться никакой конструктивной иллюзии, он предпочитает страдательные реалии, время от времени поддаваясь на иллюзии деструктивные. Разрешая вечные истины, русский живет, иногда бросаясь из крайности в крайность, в ожидании той великой гармонии, в рамках которой и стоит только жить.

А пока лишь соединение противоположностей, сложный социоэтнический характер.

Излишняя доверчивость, неоправданное простодушие, чрезмерная покорность. Неумение, а иногда и нежелание, постоять за перспективные, а часто и насущные, интересы: личности, семьи, коллектива, государства. Ненужная уступчивость. Поведенческая неустойчивость, нерасчетливость, непредсказуемость. Стихийность. Неучет меры. Склонность полагаться на случай, судьбу. Излишняя рефлексивность. Недопустимая инертность. Склонность создавать искусственные препятствия, порождать трудности. Недостаточная организованность.

Однако высокая смекалистость, изобретательность, наклонность к творчеству. Стойкость, мужество, отвага. Щедрость. Умение эффективно действовать в нестандартных и чрезвычайных ситуациях. Великая способность к состраданию и всепрощению. Громадный духовный потенциал.

Сказанное о русском характере не означает сплошной и глубокой социо-психологической раздвоенности русских. В массе своей русские люди отличаются как раз завидной цельностью натуры, восходящей к изначальному природному единству и православной духовной гармонии. Иное дело — положение русского человека и его характера в современной индустриальной, городской, перематериализованной культуре, их погруженность в стихии и перипетии нового и новейшего времени, участие в сложной и неоднозначной, страдательной судьбе России. Исходная цельность характера сочетается с нажитой противоречивостью, даже раздвоенностью: ничего удивительного в этом нет — Россия живет от искуса к искусу, от испытания к испытанию.

Раскрытие русскости — выявление специфики, а не превосходства. Русские не лучше и не хуже других. Каждый характер хорош по-своему, по-своему, наверное, и плох. Выявление специфики — обнаружение характерных доминант, а определение и учет доминант — верное средство выйти на приемлемый реформационный путь.

Третье: *соборность.* Социально-единительный образ жизни и действий, потребность в согласии, склонность вести дела сообща, следование общему курсу. Проявляется как в действии социальных институтов:

общин, советов, артелей, трудовых коллективов, церкви, партий (яркий пример — практика КПСС), так и в способности людей сплачиваться, совмещаться, взаимоприспосабливаться, искать общую правду, находить взаимопонимание, координировать поведение, действовать по подобию и даже единообразно. Высшее проявление соборности — духовное единство, единство в истине и любви.

Соборность — не стадность вовсе, это — осуществление сообщества, и не господство общего над индивидуальным, а органическое сверхличное единение, участие в общем деле и переживании, братство.

Имея некоторое сходство с демократией, проявляясь в ней, соборность таковой не является. Соборность реализуется и без демократии, при монархии и даже диктаторах. Соборность — не власть народа, хотя она может показать себя и в народовластии, а особое бытие народа, общества и государства. Демократия способна осуществляться и без соборности — в условиях крайнего индивидуализма. Демократия вообще и соборная демократия — не одно и то же: если первая довольствуется механическим большинством, то вторая тяготеет к органическому единодушию.

Соборность — исторический факт, со всеми его бытийными следствиями: она возвышает человека, делая его сверхиндивидуальным, дружественным и социально терпимым, но и — при плохом исполнении — принижает, ослабляет личную ответственность и инициативность, поощряет инертность и иждивенчество.

Четвертое: *единоначалие.* Российская государственность имеет тысячелетнюю историю. Это говорит о высоком государственном инстинкте российского, прежде всего, русского, народа, его умении строить и защищать государство. История государства российского отнюдь не безоблачна: были кризисы и даже крушения, но государство всегда возрождалось — как феникс. Возрождалось измененным, но... подтверждающим свое стремление к единоначалию, в классическом выражении — к монархии.

Единоначалие спасало российскую государственность, укрепляло ее, делало практически неуязвимой перед лицом внешнего противника. Оно позволяло решать многие государственные задачи, требующие принудительного стягивания и распределения ресурсов, централизованных решений, неукоснительного исполнения. Справлялось оно и с поддержанием внутригосударственного порядка, социально-гражданского мира. Но единоначалие объективно сдерживало личную, коллективную и местную инициативу, в особенности — экономическую, игнорировало разнообразие общества, принижало личность, социальные слои, периферию, допускало произвол, вело себя консервативно, не замечало новизны,

противилось обновлению. Отрывалось, самодовлея, от реальности. Обюрокрачивалось. Устаревало, впадало в геронтократию, слабело. Теряло эффективность. Допускало коррупцию и разъедалось ею.

Способствовало единоначалие в конце концов и развитию в недрах общества разрушительных сил — антигосударственных, антипатриотических, дезинтеграционных (центробежных), аморальных (преступных). Вынуждало подниматься и охранительные силы, ставящие задачей предотвратить разрушение государства, общества, культуры. Вызывало к жизни и преобразовательские силы — от законных реформаторов до незаконных революционеров. Допускало и вызывало смуту, «холодные» и «горячие» гражданские войны. Терпело крах.

Из смут единоначалие выходило с помощью… опять же единоначалия, ибо только единоначалие могло преодолевать смуту, разумеется единоначалие обновленное — не столько, быть может, по сути, сколько по форме выражения и способу реализации. Выход из смут, обусловленных во многом единоначалием, с помощью единоначалия означал и выход на историческую арену… единоначалия. Круг замыкался: от единоначалия к единоначалию. А далее разражался новый кризис единоначалия — замыкался и этот круг. Формула исторического бытия единоначалия — формула цикла.

Единоначалие на Руси — историческая данность и, судя по всему, объективная необходимость. Русскость нуждается в авторитетном руководителе, незыблемом гаранте, чутком и справедливом защитнике. Не любя чиновника-бюрократа, русскость признает Верховного Правителя, верит в него. Плохого в этом ничего нет, хотя налицо и серьезная уязвимость. Вера способствует повиновению, а повиновение — произволу, либо ничегонеделанию, коррозии, затяжной агонии. Чего не хватает на Руси, так это народовластия, контроля снизу и нижней инициативы, того, что обычно называется представительной властью.

Пятое: *раскол.* Нигде в мире данное слово не имеет такого самодовлеющего, драматического значения. Для российского общества характерно практически постоянное, то ослабевающее, то усиливающееся социокультурное разъединение — раскол. Это вовсе не классическое единство противоположностей, это — сосуществование несводимых к органическому единству разностей, сосуществование трудное, болезненное, нередко враждебное.

Причин тому множество: и раздвоенность между Европой и Азией, и внешние влияния, и противостояние им, и неустроенность российской жизни, и сама русскость с ее запрограммированностью и возможностью крайних предпочтений. Быть русским, — не по крови, а по предназначению, — совсем не легко: ни спасительной европейской

рациональности, ни спасительной азиатской предопределенности. Российские социо-государственные скрепы не идут в сравнение с иноземными — предоставляя большую свободу, они предоставляют и большую невозможность. Всюду и всегда сопротивление. И всего труднее — делание. Оно требует характера, стойкости, даже героизма. Российский социум весьма коварен: с одной стороны, восприимчивость и податливость, с другой — противленность и отторжимость. Россия сохранит слабого, но сильному просто так воли не даст. Все — по правде, а где она, эта правда, кем, как, по каким законам писана? У каждого ведь своя правда.

Русь, она на то и Русь, чтобы правду особую иметь, да еще и с великой тайной сопряженную. Но Русь не была бы Русью, если б имела лишь одну правду — на всех. Не было этого, нет, да и вряд ли будет. На Руси правду не имеют, даже не создают, ее ищут, ибо правда русская за пределами ума человеческого и выше намерений смертного. Правда — не уложение, а истина, а что это такое — истина?

Раскол от разных правд идет, но правд упрощенных, однобоких. Как только решение бывает найдено (вроде бы истинное), так и раскол тут как тут, ибо на одну правду обязательно найдется другая, — прямо противоположная. Русскость допускать не просто различные, а прямо-таки «наоборотные» решения, следуя за которыми очередного раскола — при русской-то жажде истины — не избежать.

Расколов на Руси великое множество. Расколов-событий, расколов-состояний, расколов-тенденций.

1) *Раскол на Россию и не-Россию.* Речь идет не просто о русской и нерусской культурах, тем более, не об отечественной и зарубежной культурах, хотя влияние нерусских и иноземных, культур на раздвоение России, на противостояние России и не-России, безусловно, есть. Речь идет в данном случае о русскости и не-русскости в пределах самой русскости или иначе — о русскости с положительным знаком и русскости с отрицательным знаком.

Русскость — не удовольствие, не доход, не выверенный маршрут, это скорее — неопределенность, тяжелая ноша, затрата. Русскость — это крест. Быть русским, т. е. реализовать себя в качестве русского, не каждый захочет, не всякому это дано, не каждому под силу, да и далеко не от всякого это требуется. Россия сортирует и делит русских на русских и не-русских, на представителей России и представителей не-России. Последние наполняют ряды «иностранцев», неудовлетворенных критиков (хулителей), эмигрантов. Самое престижное для них — жить за границей, желательно, в европейском образе. Но и у сторонников России не все гладко: имеет место феномен «надрывного», «непримиримого», да и просто показного, патриотизма. Крайности сходятся.

2) *Раскол культуро-идеологический.* Известны разные расколы

данного типа: церковный XVII в. (старообрядцы — новообрядцы), петровский XVIII в. (цивилизаторы — варвары), атеистический с XVIII в. (верующие — неверующие), чаадаевский с первой половины XIX в. (консерваторы — радикалы), революционный XIX—XX вв. (консерваторы — реформаторы — революционеры), большевистский после 1917 г. (коммунисты — некоммунисты — «враги народа»), солженицинский с 1960-х годов (социал-консерваторы — диссиденты), горбачевский с 1985 г. (социал-консерваторы — социал-радикалы), ельцинский с 1991 г. (патрио-консерваторы — евроамерико-радикалы). Главное во всех этих расколах — отсутствие общенациональной конструктивной культуро-идеологической платформы, наличие непримиримых (или трудно примиримых) противников.

3) *Раскол по вертикали.* Он касается социо-властной иерархии и выражается в противостоянии аппарата власти и народа, «верхов» общества и его «низов». От властного аппарата на Руси обычно ничего хорошего не ждут, его «бежат» (чем меньше контактов с ним, тем лучше). Слишком много возможностей в России бывает для произвола и ничегонеделания одних, для незащищенности и зависимости других. При необыкновенной неприхотливости и терпеливости русского народа, властный аппарат легко отчуждается от него, закрывается в себе, игнорирует чаяния народа. Ни одна из властных систем, бытовавших в России, не избежала данного порока, в том числе и нынешняя «демократическая».

Не лучше обстоят дела и со взаимоотношениями «низших» и «высших» слоев общества. Господ на Руси не любят, их видят, терпят — до поры, но не любят. И господа не очень-то стремятся к сближению с народом — им проще игнорировать его, обособиться, чувствовать себя иными. Дело доходит до своеобразной аристократической эмиграции внутри России.

Разумеется, реальная жизнь сложна, есть на Руси и другие варианты реализации социо-властной иерархии, варианты, основанные на согласии и взаимопонимании, но не они являются, к сожалению, определяющими. Противостояние, о котором идет речь, имеет место всегда и преодолевается более вынужденно, чем органически естественно. Россия — не Европа, где «богатые» и «бедные» признают друг друга и лишь «цивильно» конкурируют за кусок национального пирога, и не Азия, где никто не оспаривает хитроумного деления на господ и негоспод — по причине освящения его Богом и Традицией.

Российский раскол по вертикали — дело нешуточное. Всякое легкомысленное отношение к нему жестко наказывается. Бунт на Руси не менее свят, чем покорность.

4) *Раскол по горизонтали.* Связан с тенденцией к геополитической дезинтеграции и национальному сепаратизму. Стимулируется противостоянием центра и периферии («все зло от столицы»). Подспудно он имеет место всегда, наружу же выходит во время кризисов, революций, войн. Ярчайшее свидетельство — гибель СССР в период «перестроечной» смуты и образование сонма «независимых государств», даже не «республик».

5) *Раскол нравственный.* На Руси издавна делят людей на две категории: на живущих по правде, по совести, т. е. на людей, и на живущих по лжи, по корысти, т. е. на нелюдей, причем делят решительно — моральный кодекс русскости не только не оправдывает живущих «не по-человечески», но и не допускает никаких компромиссов. Разумеется, за мораль никто никого не преследует, но печать каинова ставится обязательно. В переломные же моменты, в часы испытаний, вершится суд — нелюди сами себя разоблачают, получают и наказание, хотя, конечно, более в желаниях людей, чем фактически. Однако обнаружение — уже наказание.

Раскол, о котором идет речь, не играет заметной роли, это более скрытый, чем открытый феномен. Но и он имеет свое значение, ибо определяет по-своему жизнь общества, людей, объясняет многие события и факты, в частности непримиримость позиций — трудящегося, например, и торгаша (не торговца, а торгаша). Особенно сильно проявляется нравственный раскол в периоды гражданских конфликтов, когда появляется возможность напрямую следовать морали — праведной и неправедной.

6) Шестое: *интеллигенция.* Во всех странах люди умственного труда, хранители и создатели духовных ценностей, деятели искусства и литературы, служители культов, носители уникальных знаний, наконец, просто высококвалифицированные специалисты, но нигде, кроме России, они не составляют особого сословия, имеющего специфическую, не сводящуюся к чисто профессиональному аспекту, социальную функцию — быть совестью нации.

История показывает, что интеллигенция играла и играет неоднозначную роль. Далеко не всем служителям духа дано выполнить трудную миссию — разве лишь некоторым (Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Карамзину, Пушкину, Достоевскому, К. Леонтьеву, И. Ильину). Интеллигенции свойственны колебания и «заносы», она слишком оторвана от реалий жизни, отчуждена от народа, сама является источником и жертвой расколов. Интеллигенция отражает противоречия общества и сама дышит противоречиями. И если она — совесть нации, то во многом и совесть больная.

Русская интеллигенция демонстрирует все — критицизм, обличительство, сатиру, т. е. все то, что как будто бы соответствует выпавшей

на ее долю миссии, но она почему-то забывает, что совестливость — не одно разрушение, это еще и созидание, и не созидание вообще, а органичное русскости и России, окружающим реалиям.

Интеллигенция — знамение и знамя России, но это и ее большая проблема. Сначала атеизм и нигилизм, затем революция, марксизм и большевизм, затем антикоммунизм, богоискательство и евроамериканизм. С одинаковой страстью «несли» царизм, православие и «Расею», верили в мировую революцию, социализм, Сталина, с той же страстью судим теперь коммунистов, Советы и даже СССР. И что интересно — результаты все время какие-то не те, ошибка налезает на ошибку. Интеллигенция — достояние России, хотя, быть может, и не достоинство, в чем-то ее благо, а в чем-то и беда.

7) Седьмое: *неоформленность.* У России нет законченной формы, полной и несомненной организации. И это несмотря на имперскую монархию и административно-тоталитарный режим большевиков. Россия как бы примеривает на себя разные государственные одежды, — часто и не по своей воле, — не удовлетворяясь до конца ни одной из них. *Россия — это скорее не форма, а поиск формы, процесс формообразования.*

Любопытно, что смена форм наступает в моменты формального благополучия, кажущейся адекватности существующей формы самой сути России: так было перед Петром, Лениным, Горбачевым. Более или менее воспринятая, окультуренная, ставшая вполне миролюбивой форма вдруг объявляется плохой, ненужной, устаревшей, взрывается и уничтожается, но лишь для того, чтобы уступить место другой — непонятной и дикой, еще более далекой от России форме, которую вновь нужно через тяготы и лишения, трения и борьбу — окультуривать да приспосабливать, делать российской. Странная закономерность. И она действует — даже несмотря на тот неоспоримый факт, что всякий отход от окультуренной формы и ее культурного же реформирования жестко и неумолимо наказывается. Измена России неотвратимо влечет тяжкое возмездие. Так было после Ивана IV (Великая Смута и гибель половины населения страны), после Алексея Михайловича (петровский разор), при Александре I (дошли до декабризма и едва избежали гражданской войны), после Николая II (две революции и затяжная гражданская война — практически до начала 50-х годов).

А ведь не сбросы форм и не навязывания форм нужны России, а выработка своей формы из своей же, уже окультуренной формы, — имманентная реформация нужна России, не скоропалительные же переодевания из плохого в худшее.

8) Восьмое: *православность*. Россия — страна Православия и

страна Православная. Русский человек — православный человек. Православность — не только и не столько (сейчас!) религиозно-церковная принадлежность, сколько идеокультурная особенность, духовно-нравственная ориентация, этическая установка. По истокам своим православность — жизнь со Христом и во Христе, движимая Духом Святым; по намерениям — жизнь в любви, правде и соборном единении; по цели — жизнь, устремленная к добру, свету, Богу; по средствам — жизнь во спасение, через преодоление греха, посредством самоусовершенствования; по состоянию — жизнь в свободном единстве с вероучением. *Святая жизнь*.

Россия — *Святая Русь,* Святая Русь — Россия, живущая православно, по Закону Божьему, для Бога. Таков исторический образ и таково историческое предназначение России. Отсюда и постоянное испытание: искушением внешним и искушением внутренним.

Россия — объект и субъект Добра, она же — объект и субъект Зла, Православность — Крест, великое обретение и великая миссия, великая жертвенность.

Ни атеизм, ни материализм, ни прагматизм не смогли уничтожить православность России, не смогли этого сделать неправославные религии и культуры, как и прямые антиправославные деяния. Православность — глубокое органическое свойство России, ее истинная природа. Даже в практической своей неправославности, греша, Россия остается православной: о добре и правде не забывает, а злу и лжи потакая, кается.

Православность — образ жизни, ее главный критерий, но и ее Сверхзадача.

Девятое: *тайна,* Россия — тайна. Все в ней неясность, все загадка. Копошится что-то, варится, бродит. А что, собственно? Что это такое — Россия? Страна, нация, государство, а может, просто фантом? И страна, и нация, и государство, но и… фантом, однако фантом — идея, замысел, предназначение, недоступное уму человеческому, против него высшее. Что-то важное, ищущее разрешения. Нездешнее. *Признать и постичь Россию — признать и постичь ее Великую Тайну*.

III

Кризис, поразивший СССР в 1980—1990 годы, сложен по своему характеру и обусловленности.

Во-первых, *это кризис социо-государственной системы,* установленной в бывшей Российской Империи в итоге революций 1917 г.

Данная система получила статус и наименование социалистической. Ее отличало практически тотальное огосударствление собственности, социальных отношений, культуры. Страной руководила единственная и единая партия-структура — большевистская коммунистическая

партия (РКП (б), ВКП (б), КПСС). Имела место партократия. В организационном отношении господствовало администрирование, в экономике — административно-плановое (директивное) управление (сверху вниз). Всюду действовал принцип единоначалия, даже в КПСС. Руководитель коммунистической партии был и главным руководителем страны.

Партократическая административная система имела свои преимущества и достижения: способность мобилизовывать, централизованно распределять и целенаправленно использовать национальные ресурсы для решения ряда общегосударственных стратегических задач, прежде всего, военно-промышленных, — итогом стали индустриализация страны, высокое развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности (в первую очередь, военно-промышленного комплекса — ВПК), могучая и великолепно оснащенная армия, всеобщее народное образование и высокоразвитая наука, многостороннее социальное обеспечение населения (в том числе жильем), достаточный и весьма стабильный материальный уровень жизни, доступное здравоохранение, поддержка культуры и спорта.

Но был у партократической административной системы один трагически существенный изъян: *отсутствие полноценной свободы и полноценной ответственности (самоответственности) со стороны членов общества, семей, коллективов и регионов в собственническом, организационном, функциональном и культурном отношениях,* что в конце концов обернулось *сначала недостаточной, а затем и просто низкой творческой инициативностью и трудовой производительностью, гражданской инертностью, общекультурной деградацией, духовной неудовлетворенностью, политическим неудовольствием.*

Большевистская социо-государственная система складывалась с огромным трудом и масштабными потерями, конфликтно, в борьбе и войне, кроваво. Ее становление оплачено дорогой ценой. Иного и не могло быть, если цель была поставлена «круто» — за одно-два десятилетия перевернуть страну, сделать ее принципиально другой, да еще и по тоталитарной, т. е. самой примитивной социалистической (социалистической ли?) модели. Дорогая цель потребовала и дорогих средств — даже не переделки и перевоспитания, а полного разрушения и нового — по плану — строительства. Разрушали и строили индустрию, разрушали и строили страну, разрушали и строили культуру, разрушали и строили человека. Одним словом — гигантский эксперимент.

Цена экспериментального разрушения и строительства велика. И дело не только в прямых затратах и потерях, есть еще и несбывшееся, несостоявшееся, заранее утраченное, а есть еще и обеднение будущего, его стерилизация, опошление. Разрушая, закладывали будущую невос-

полнимую пустоту, строя, пустоту эту лишь оформляли. Пустота — подобие жизни вместо жизни, бессодержательное существование, манкуртство. Такая пустота воспроизводилась, накапливалась, расширялась — сначала подспудно, а затем все более и более явно.

И как только критическая масса оказалась достигнутой (считай, через три поколения на четвертое), т. е. социум стал вполне асоциальным (нежизненным, самоотрицающимся), кризис большевистской социо-государственной системы, несмотря на ее известную уже окультуренность и благообразность, а то и благодаря им, не смог не стать историческим фактом. Внутренняя противоречивость системы намертво сомкнулась с противоречивостью внешней (несоответствием системы потребностям нормальной жизни) — опустошенная система посопротивлялась несколько, да и рухнула.

Нанеся России и русскости мощнейший, коварный и непоправимый разрушительный удар, большевистская система, несмотря на попытку как-то приспособиться к остаткам отечественности, не смогла обрести для себя, вопреки трудовой поддержке миллионов и массового признания идеи и даже практики социализма, необходимого основания в обществе, пустить животворные корни. Измена России и русскости, наряду с игнорированием права людей на собственную инициативу и ответственность, дорого обошлась системе, обернувшись ее полным крушением, причем, любопытно, от своего же собственного руководства и от самой же себя — от России ее никто ведь и не трогал.

Во-вторых, кризис СССР, хотя и не был кризисом собственно России — Россия давно уже не определяла социо-политическую ситуацию в отечестве — имел, однако, известную *российскую определенность.*

СССР — наследник Российской империи, но наследник не просто «незаконнорожденный», не по российской воле и мерке скроенный, а еще и наследник-противник, нанесший России не один разрушительный удар, ввергнувший Россию и русскость в состояние перманентного кризиса. Коммунистическая система строилась и существовала за счет России, на ее развалинах и болеющем организме. Рано или поздно, но кризис России должен был вылиться в кризис СССР, всей его социо-государственной системы. Кризис СССР — своеобразный кризис-возмездие, суровый отклик на революционные деяния большевиков. *Удар по России обернулся ударом по СССР.*

Россия, ушедшая как бы в глубь цивилизации, называвшейся СССР, долго все же терпела и даже спасала коммунистическую систему. Неся на себе СССР, постепенно его «переваривая», Россия не только позволила ему существовать, но и обеспечила более или менее спокойное вползание в собственный кризис. Огромная ресурсная и созидательная мощь России, ее терпимость и отзывчивость, неприхотливость — все это

позволило «прилично» существовать коммунистической системе вплоть до «судьбоносного» 1985 года, сохранить инерционную энергию и до переломного 1991 года. Более того, Россия давала системе великий шанс самой выйти из кризиса, существенно преобразиться. Однако система им не воспользовалась — и не по причине своей дряхлости, а вследствие принципиальной невозможности решительно, основательно и навсегда двинуться навстречу России, признать ее право на свободное — российское — существование. Система, будучи в основе своей нероссийской, ничего не могла придумать лучшего, чем в очередной раз изменить России: курс был вновь взят на Запад. Не найдя отклика у коммунистических верхов, Россия, безмолвствуя, предоставила порочной системе возможность свободно плыть по течению кризиса — до конца.

Кризис СССР — очередной кризис распростершейся в Евразии цивилизации. СССР не смог избежать традиционного для этого региона сброса социо-государственной формы — навязанной, опять же, формы. И в этом смысле кризис 1980—1990 годов является российским.

В-третьих, кризис СССР обусловлен *кризисом идеи.* Речь идет, безусловно, о коммунистической (или социалистической) идее. И суть дела свелась не столько к самой идее, хотя многие ее не воспринимали вообще или воспринимали скептически, а к невозможности воплотить идею в жизнь, к несоответствию реальности утвержденной идее. Образ и устройство жизни лишь по названию определялись коммунистическими (социалистическими). Только отдельными чертами они напоминали идею. Иного, собственно, и не могло быть, ибо насильственно утвердить коммунизм (социализм) нельзя, как нельзя и абсолютизировать его исходные установки, доводя их до абсурда. Нельзя сказать, что идея вообще не работала, она работала и даже весьма успешно, в том числе и не всегда до конца осознанно, но по мере достижения коммунистической системой зрелости идея работала все хуже и хуже, а реальность все более и более заворачивала в сторону от идеи. Вера в коммунизм — или, во всяком случае, в социально справедливый коллективистский строй — была подорвана, а затем и практически утрачена. Это было, пожалуй, самое чувствительное и наиболее важное поражение коммунизма (социализма), а следовательно и СССР.

В-четвертых, кризис СССР — *кризис материально-потребительский.* Несмотря на относительно удовлетворительное решение части житейских проблем, советско-социалистическая система, занятая гигантскими внешнеполитическими и техническими задачами, бросившая основные силы нации на гонку вооружений и прорыв в космос, не смогла, а в чем-то и не хотела, уделить достаточного внимания материально-потребительской стороне воспроизводства общества, семьи, человека, не создала характерного для современного индустриального мира набора

потребительских благ и условий жизни, не позволила трудящемуся человеку обрести устойчивый и разнообразный достаток, высокий уровень текущего потребления, полноценный в вещественно-потребительском аспекте образ жизни. Система проигнорировала императивы потребительского масс-общества, за что и была наказана (немалая часть населения изменила системе буквально за блага-побрякушки).

В-пятых, кризис, поразивший СССР, выходит за рамки собственно СССР и даже мирового социализма — это *кризис современной мировой — западно-индустриальной — цивилизации.* Это кризис практически всех идей, начал и ориентиров, заложенных в европейский вариант развития человечества: индивидуализма, эгоизма и свободы деяний; рационализма и позитивизма, протестантизма и атеизма; богатства и его накопления; денежности и «купле-продажности»; материализма, техницизма и индустриализма; производства и потребительства; конкурентности и экспансионизма. Всеобщая и неограниченная эксплуатация мира, его искусственное материально-информационное перенасыщение, потребительское пресыщение и культурно-психическая деградация — таковы результаты капитало-индустриального европеизма.

Внешнее технико-потребительское благополучие Запада серьезно скрывает, но отнюдь не снимает и даже не оправдывает кризиса, его охватившего. Высший расцвет — начало упадка. Если в течение полутысячелетия — с XV в. — западноевропейская капиталистическая цивилизация тянула на себя соки всего мира ради своего собственного развития (при общем убеждении в неограниченности ресурсов и экологической безопасности природы), то сегодня она вытягивает соки для своего и только своего сохранения, хотя и не лишенного внутренней пластичности (при обнаружении ограниченности мировых ресурсов и явной экологической уязвимости природы). *Империализм развития сменяется империализмом сохранения.*

Цивилизация активно стремится к полному освоению мира и попрежнему нуждается в войнах, причем не столько в классических империалистических (ради экспансии, захвата, грабежа), сколько в модернистских империалистических войнах (для внутреннего подкрепления, против возможного врага, против иной, даже вероятной цивилизации). *Допинго-разрушительная цивилизация.* Смерть ради смерти — не ради жизни. Яркий показатель упадка — культурноинформационный империалистический тоталитаризм. Мифологизированная навязчивость, догматизированное и пошлое просветительство, затейливая, но не загадочная улыбчивость. Добро, приносящее зло, зло, сеющее зло.

Спрашивается, причем же здесь СССР?

Возникнув в лоне общемирового революционного процесса как формальное отрицание западной частно-буржуазной цивилизации,

утвердившийся в СССР строй оказался всего лишь ее утопически-упрощенным отрицательным (наоборотным) — общественно-пролетарским — двойником. Он базировался на тех же в сущности «измах», за исключением индивидуалистского эгоизма, частного капитализма и стихийной рыночности, замененных соответственно эгоизмом государственным, общественным капитализмом (так называемым социализмом) и тотальной планомерностью. Советский социализм оказался отрицательным по отношению к западному варианту подвигом индустриальной — тоже западной — цивилизации, но подвигом насильственно утвержденным, искусственным, незаконнорожденным. Особенность его сводилась не к сущности, ибо это был все тот же западный индустриализм, а к механизму реализации: там самоорганизующаяся масса конкурирующих буржуа, здесь организованная центральной волей масса трудящихся.

Каким бы безнравственным и отвратительным ни выглядел ранний и даже зрелый капитализм, он был достаточно естественен по образу развития (в порах общества) и достаточно подходящ для Европы. Что же касается советского социализма, то он не был и не мог быть сколько-нибудь органичным обществу, а потому развивался как нечто противоестественное. Отсюда и крайние формы его кризиса. Гиперболизированная индустриализация с гиперболизированными же отрицательными следствиями. Кризис СССР — кризис гиперболизированного индустриализма. Это кризис западной цивилизации, но в ее извращенном, акцентированном, флюсовом воплощении. Столь негативных следствий индустриализма нет нигде в мире. Наш кризис — кризис не просто индустриализма, а индустриального урода, а потому и происходит в очень уж причудливых формах.

Наш кризис и их кризис.

И не только потому, что все в этом мире взаимосвязано, что мы часть «ихнего мира», а потому, что наш кризис, во-первых, рожден их цивилизацией и ее всеобщим кризисом (безвыходностью), во-вторых, знаменует начало крушения антиприродной и античеловеческой (не в бытовом, конечно, смысле) цивилизации. Крушение началось с урода. Очень важный факт. Урод не выдержал первым, да и слишком уж смущал своего западного родителя, стращал, а потому и был аккуратно подставлен под всесокрущающий развал. К тому же, надо полагать, и миссию свою выполнил — отдал все силы военному индустриализму, выходу человека в космос, равным образом, и загадочному социальному эксперименту. Техника, в том числе космическая, создана, эксперимент проведен — и отнюдь не без успеха. Методы опробованы, результаты превзошли всякие ожидания — иная цивилизация — от России — не возникла, источник же ресурсов остался.

Умный Запад попытается, конечно, ослабить отрицательные влияния советского кризиса на западную цивилизацию, избежать собственного крушения. Он будет стараться всячески измениться, стать постиндустриальным, будет добиваться для себя глобального экологического равновесия. Но, во-первых, по западным устоям уровень жизни и потребления уже не может падать; во-вторых, западная цивилизация, а точнее, ее ядро, не может допустить развития ни себе подобной, ни иной по качеству, но равновеликой цивилизации (места нет, ресурсов нет, да и прямая угроза есть); в-третьих, для саморазвития ресурсы нужны, а в ядре их нет (не хватает), они за его пределами. Выходит, исполнение замечательного намерения связано с увеличивающимся энергоинформационным потреблением, эксплуатацией всех резервов планеты, а потому с колониальным подчинением планеты цивилизационному ядру, американизации социальной среды (созданием псевдоамерик), разрушением любых неамериканских (либо просто неконтролируемых Америкой) культур и государственных образований. Саморазвитие цивилизационного ядра обусловлено наращиванием цивилизационной (колониальной) периферии. Затейливая мутация ядра в разрастающейся мировой пустоте. Вот оно — современное цивилизационное суперпротиворечие!

Противостояние постиндустриального ядра (США плюс, возможно, еще кое-кто из семерки) всему остальному миру неизбежно, и именно это противостояние будет определять в обозримом будущем планетарную жизнь. *Кризис западной цивилизации породил кризис мира.* Кризис СССР — часть, следствие и функциональный момент кризиса мира, его, быть может, самый замечательный на сегодня знак. Миру ничего не остается, как признать факт кризиса мира. Противостояние постиндустриализма остальному миру выльется в противодействие, пассивное и активное сопротивление. Впереди борьба. По миру бродит призрак третьей мировой войны. Бывшему СССР, всем этим «независимым государствам» в стороне от нее не остаться. А пока… а пока участь не двойника даже, а придатка.

В-шестых, кризис СССР — *кризис спровоцированный.* При всей объективной обусловленности кризиса СССР, нельзя забывать, что данный кризис в значительной, а для исторического момента, возможно, и в решающей, степени сделан — именно сделан, как делают стол, плуг, автомобиль. Данный кризис загодя и самым тщательнейшим образом готовился: и здесь, и там (там, надо полагать, даже более, чем здесь). Ждали ухода одного поколения и прихода другого — совсем иного по качеству — поколения. И дождались. Расставили своих — наверху и в центре, организовали информационное поле, подобрали слова. И процесс (проект) пошел. Разбили СССР изнутри и сверху.

В-седьмых, кризис СССР непосредственно связан с *качеством социума.* «Перестроечные» годы выявили удивительнейшую неполноценность (если не сказать жестче — ублюдочность) советского социума. Не надо многих слов, чтобы утвердиться в печальном заключении — достаточно еще разок припомнить «национальных» лидеров, депутатов и парламенты, офицерское собрание и маршалов, митинги и митингующих, «свободную прессу», ТВ, «демократические выборы», «шокотерапию», «директорский корпус», шахтеров, торговлю, милицию, КГБ, «партии», КПСС, «путч» — все, что угодно, и всякое сомнение в безрадостном выводе исчезает. Все уродливо, все в кавычках. Ни государственных руководителей, ни государственных масс, ни государственных слуг. Государственность выветрилась, испарилась, ее просто нет. Асоциальный социум! Тот самый, который никак о себе не заявляет, ни на что не претендует, ни за что не ответствен, который не заинтересован даже в собственном сохранении. Вот, где трагедия, вот, где насмешка, вот он — исторический феномен! И какой же тут простор для манипуляций и экспериментов, самовозгорающихся и возгораемых кризисов!

В-восьмых, кризис СССР является *кризисом апокалипсическим.* Наш кризис — это наш кризис — разве может быть у нас простой, какой-то там структурный, кризис. Если уж кризис, то непременно самый масштабный, самый разрушительный, самый непонятный. Если уж конец, то, несомненно, конец света, целого мира, во всех его проявлениях, если возникновение чего-то нового, то обязательно принципиально нового, да при этом еще и абсолютно неизвестного. А это и есть в сущности апокалипсис — *бесформенный конец и неоформленное начало.*

Помимо тотальной разрушительности (а разрушительность, заметим, питается не одной волей и выражается не только в силовом физическом уничтожении, она опирается на добропорядочность, пользуется безволием, безразличием, инертностью, проявляется в не слишком бросающейся в глаза культурно-психологической коррозии, вялости, сдаче позиций, в растворении форм, распаде), апокалипсический кризис отличается особым, практически не ощущаемым, не моделируемым и не создаваемым, механизмом преодоления. Выход из такого кризиса предполагает преобразование социума, обретение этносом (суперэтносом) пассионарности, пусть и не космического, но хотя бы вполне земного — жизнеутверждающего и животворящего — порядка.

Речь здесь идет о десятилетиях (30—50 лет) очень сложной, насыщенной коллизиями и неопределенностью, общественной жизни, сопровождаемой мучительным выздоровлением, переработкой ценностей, напряженным формообразованием. Выход из такого кризиса — дело поколений, да еще и поколений духовно и физически восстанавливающихся

и перерождающихся (отнюдь не вырождающихся). Механизм преодоления кризиса не только не сопряжен напрямую с самим кризисом, он еще и не сопряжен напрямую с жизнью — последняя может идти и по угасающей (до 0). Такой механизм глубоко погружен в неведомое, он действует в зоне недоступного, а потому ни один смертный не знает и не может знать, как и с какими результатами может действовать механизм и будет ли он вообще действовать. Отбросим поэтому наивные представления о возможности составить ясную и определенную программу выхода из кризиса — здесь дорожный график бессилен.

IV

Однако проект нужен. Какой же?

Отметим поначалу несколько настоятельных требований к проекту.

1. Проект должен быть *понятным,* но при этом достаточно *неопределенным,* способным отразить многообразие и «незатвержденность» общественной жизни, ее, хотя и в чем-то предопределенный, но во многом и вероятностный, даже случайностный, характер, проект должен быть в некоторой степени и загадочным — загадочен мир, загадочен человек, загадочна Россия.

2. Проект должен быть *историческим* — вбирать в себя прошлое, настоящее и будущее, не зарываясь при этом в прошлое, не запутываясь в настоящем и не отрываясь в будущее.

3. Проект должен быть *реалистическим* — только реальность — сложная, мало привлекательная, драматическая — может быть объектом, вдохновителем и судьей проектирования.

4. Проект *не должен быть идеологизированным,* т. е. основываться на какой-либо догматизированной, а тем более, односторонней и узкой, идеологии, но он *должен быть идейным,* а идеей его может быть только Россия.

5. Проект должен быть *системным* — учитывать все аспекты жизни, отражать ее в целостном разнообразии, но при этом условно, модельно, изоморфно (подобно реальности, но в сжатой, сокращенной, образной интерпретации).

6. Проект должен быть *действенным* (обосновывающим и предлагающим действие, правда, не всегда и не во всем слишком определенное, с возможностью недействия, выбора и маневра).

Выработке проекта всегда предшествует оценка того, что подлежит проектированию, а в нашем случае — *странового социума.* Многое о нем уже сказано, но не все: теперь попробуем описать его нынешнее состояние и ближайшие тенденции существования.

Картина текущего момента. Нарастающая дезорганизация, десоциализация и декультуризация жизни. Угасающее, растворяющееся и распадающееся общество. Масса вместо формы, существо вместо личности — атомизация. Ослабление, исчезновение или искажение жизненных установок и ориентиров. Потеря норм. Вместо жизни — выживание, вместо удовлетворения — надрыв. Неустойчивость, неуверенность, неустроенность. Небезопасность, беззащитность, покинутость. Неблагоприятный для жизни социум. Падение производства, материальные лишения и массовое обнищание. Пауперизация. Безвластие, политиканство и произвол. Беспредел. Коррупция, мздоимство, спекуляция. Невозможность нормально и нравственно трудиться, нормально и нравственно обогащаться, нормально и нравственно жить. Отрицательная демографическая ситуация. Невозможность воспроизводиться. Нарастающие трудности в получении образования и медицинской помощи, резкое сужение доступа к культурной деятельности и спорту. Обострение жилищной проблемы. Культурная деградация. Патологическое разбухание недоброкачественной масс-культуры (антикультуры). Псевдокультурная вседозволенность. Этическая и эстетическая дезориентация людей. Раскультуривание молодежи. Утрата гражданских, государственнических и патриотических самоощущений. Культурное, моральное, психологическое самоедство. Нарастание конкуренции, борьбы, насилия. Криминализация общества. Ужасное биополе. Витающее в воздухе зло. Тягостная социоатмосфера. Взаимопожирание. *Самоуничтожающийся социум.*

Главный феномен — *всеобщее отчуждение и самоотчуждение.* Ослабление и разрыв связей. Разлад. Самоизоляция и отторжение окружающего мира. Враждебность последнего человеку, семье, коллективу. Уход от мира, его отталкивание, неприятие. *Самоотрицающийся социум.*

Нельзя жить в этом обществе, в этой стране, с этими людьми!

Отсюда другой важный феномен — *повальное бегство:* в себя и от себя, в личное дело, в семью, в иные веси, за границу, в пустоту. Бегство в пассивность (переживание и пережидание), в бессмысленный и беспардонный активизм. Бегство от коммунизма, тоталитаризма, демократизма — в искаженную реальность, болезненную фантазию, мутные миражи. Бегство осознанное, а чаще — неосознанное.

Всеобщая оторопь. Никто ничего не понимает. Люди не понимают друг друга. Старые схемы и авторитеты исчезают, новые не складываются. Информационный вертеп. Что делает правительство, чего хотят депутаты, что предлагают бесконечные партии? Слова, слова, слова. Безверие. Духовная, интеллектуальная и деятельская растерянность.

Классическая апокалипсическая ситуация.

Приготовлялась обессмысленной коммунистической системой, создана вполне осмысленной «перестройкой». Безысходная нелепица,

круговорот несуразностей, ноющий абсурд.

Новая Российская Смута,

И однако — жизнь. Она продолжается. Всякая. Какая же?

Первый образ (фундаментальный, позитивный). Труд ради жизни, по преимуществу — выживания. Положительное отношение к производству, предприятию любой формы собственности. Переживание смутного, лихого времени. Политическая, идейная, патриотическая пассивность. Терпимость к анархии и произволу. Восприимчивость к любому социальному формообразованию. Эмиграция.

Второй образ (побочный, непозитивный). Пауперианское существование, падение, безволие. Социальная атрофия. Случайный труд в сочетании с пошлым паразитизмом. Умирание.

Третий образ (социально-созидательный). Конструктивная деятельность на пользу общества, социальных структур и организмов. Формотворчество. Сопротивление кризису и разрушительным процессам через активную организационную работу. Спасение и развитие предприятий, учреждений, структур, регионов, страны. Сохранение любых позитивных ценностей, конструктивной культуры.

Четвертый образ (социально-разрушительный). Неприятие и отрицание существующего социума, его истории, не только коммунизма и советизма, но и всего российского, «тутошнего». Предпочтение заграницы и преклонение перед Западом. Пассивное и активное разрушительство. Сотрудничество с враждебными стране силами. Бегство за рубеж.

Пятый образ (буржуазный, позитивный и негативный). Накопление капитала, часто любой ценой и любыми средствами. Участие в производстве (позитивный момент), в финансово-торговой сфере (позитивно-негативный момент), в бегстве за границу (негативный момент). Большая разрушительная роль (против всего небуржуазного или мешающего буржуазному). Непреходящее значение для обнищания населения и обеднения страны. Компрадорство. Готовность к колониализму (извне). В то же время заинтересованность во внутренней стабильности, а частично и в целостном хозяйственном развитии страны. Склонность к эмиграции.

Образ шестой (криминальный). Враждебность ко всякому законному порядку, гражданской этике, государственности. Существование за счет коррупции, незаконных операций, грабежа. Антиобщественное, антицивилизационное поведение. Тяготение к связи с зарубежным преступным миром, к эмиграции.

Седьмой образ (борческий). Борьба за Россию, ее начала — славянскость, православность, евразийность, ее государственность и территорию. Борьба пассивная и активная. Борьба за Россию целостную

и неделимую, но и за Россию региональную: казацкую, сибирскую, дальневосточную. Возрождение Русской Православной Церкви. Российский фундаментализм. Здесь же борьба за самобытность и суверенитет различных народов, населяющих Россию. Общий религиозный ренессанс.

В каком же направлении (в какой обобщающий образ) дрейфует ныне Россия?

Прежде чем выявить качественный момент эволюционного процесса, обратим внимание на высокую вероятность территориального распада России — и не только в связи с национальными мотивами. Отделение от Москвы становится, кажется, важнейшим условием самосохранения регионов, да и самой России в России. Дело неумолимо идет к *дезинтеграции.* Распад России может перепутать все карты: тогда придется прогнозировать судьбу регионов — по отдельности и вместе, ставить вопрос о необходимости и возможности воссоединения отпавших частей, образования новой геополитической суперцелостности. Кроме того, нельзя закрывать глаза на возможность гражданской войны с вероятным вмешательством из-за рубежа (интервенцией). Война еще более запутает ситуацию. Тогда все будет решаться силой. Мощным фактором геополитических неурядиц и перемен, в том числе и гражданской войны, может стать нестабильное положение русских (русскоязычных) в ближайшем зарубежье, их массовый уход на историческую родину. Распад России, война и народонаселенческие сдвиги сделают на некоторое время невозможными и ненужными социопроекты, поставив в повестку дня противоборство и насильственное обретение стабильности.

Но если предположить относительно мирный исход, то напрашиваются четыре варианта российского исторического дрейфа.

Первый вариант (наиболее сегодня вероятный). Всеобщее обуржуазивание хозяйства, культуры, общества. Ориентация на Запад. Максимально возможная, быстрая и максимально буржуазная приватизация. Усиленное проникновение иностранного капитала. Резкое ослабление национальной идентичности (специфики). Возможно более значительное ограничение государства в хозяйственной, социальной и культурной сферах. Зависимость от заграницы и мирового капитала. Колониалистская реиндустриализация (с деиндустриализацией) производства. Крушение науки. Насильственный роспуск колхозов и совхозов, зависимое фермерство, купля-продажа земли. Резкая социальная дифференциация: супербогатство немногих, относительное благосостояние меньшинства, низкий жизненный уровень большинства. Максимальная коммерциализация жизни, в том числе образования, здравоохранения, культуры. Рост нищеты. Пролетаризация населения. Эмиграция. Высокая криминализация жизни.

Авторитарный пробуржуазный (прозападный, проамериканский)

политический режим — от лукавого народного президентства до окаянной личной диктатуры. Парламентаризм — фикция. Потеря территорий. Высокая вероятность геополитического распада. Минимизация армии (ее полицейская роль).

Почему «наиболее сегодня вероятный»? По причине, с одной стороны, пассивности народа, трудящихся, их дезориентации, потерянности, излишней доверчивости, исступленной надежды на лучшее, привычки повиноваться, а с другой — высочайшей активности пробуржуазных слоев, поддерживаемых из-за рубежа, твердо знающих свою цель и не испытывающих никаких социо-моральных иллюзий. Инициатива принадлежит новому человеку — роботу-накопителю. СССР извергнул-таки и выпустил на российскую арену новый «малый народ» — алчущий, непреклонный и беспощадный. И многие идут за ним — в надежде обрести место под буржуазным солнцем.

Второй вариант (менее вероятный). Организованный, с активным конструктивным участием государства, переход к буржуазному обществу. Спокойная, контролируемая и не всеобщая приватизация. Сохранение значительного государственного сектора производства. Многоукладность. Поддержка государством отраслей социальной сферы: образования, науки, здравоохранения, спорта, культуры. Спокойная перестройка сельского хозяйства с сохранением крупного кооперативного сектора. Ограниченная и обусловленная купля-продажа земли (возможно, и полное отсутствие купли-продажи земли). Социальная защита населения. Развитие рыночной инфраструктуры. Подготовка и поэтапное осуществление структурной перестройки — национальная реиндустриализация. Контроль под внешним обменом. Партнерство с Западом и Востоком. Ослабление криминального элемента.

Авторитарно-парламентский режим. Возможность личной (конструктивной) диктатуры. Сохранение России как геополитической целостности. Возможность частичной реинтеграции государств содружества. Сокращение и перестройка армии (сохранение определенных стратегических вооружений).

Почему «менее вероятный», но все же вероятный? Данный вариант сегодня менее вероятен в силу лидерства антигосударственных разрушительных сил, действующих в рамках первого варианта, их поддержки из-за рубежа, средствами массовой информации, молчаливого согласия населения на новый эксперимент. Однако второй вариант весьма вероятен, что связано с действием в стране разнообразных конструктивных сил национально-государственной ориентации, нарастающим недовольством населения первым вариантом, вызываемыми им анархией, коррупцией, преступностью, обнищанием, массовой безрабо-

тицей, инфляцией, социальной незащищенностью, потерей национальной независимости, миграцией населения, неуверенностью существования. Буржуазно-государственный путь возможен как противоположность дискредитированному социализму и как путь, ведущий к доказанному другими странами экономическому процветанию.

Третий вариант (еще менее сегодня вероятный). Самобытный путь. Многоукладность хозяйства и жизни при доминировании социальных форм организации, при сильной государственности. Развитое самоуправление. Профессионально-трудовые ассоциации. Соборный корпоративизм. Социально-духовное предпринимательство. Семейное и кооперативное хозяйствование. Национально-экологическая реиндустриализация хозяйства, его планомерная структурная перестройка. Развитая социальная сфера, социальная защита. Внимание к индивидуальному, семейному, коллективному накоплению. Земля тем, кто ее обрабатывает (многоукладность на земле). Отсутствие купли-продажи земли. Сближающееся неравенство. Обогащение за счет труда и в рамках закона. Контроль над внешним обменом. Декриминализация жизни, всемерная борьба с коррупцией и преступностью. Соблюдение правового порядка. Высокая гражданская ответственность.

Авторитарно-соборная власть. Возможно, конституционная, сочетающаяся с представительской властью, монархия. Сохранение и восстановление России как геополитической целостности. Союз и взаимоинтеграция большинства из бывших советских территорий-государств. Сокращение и модернизация армии.

Почему «еще менее сегодня вероятен»? Помимо нахрапистости первого и соблазнительности второго вариантов, данному варианту препятствует утрата социумом национального самосознания и специфических предпочтений, отсутствие (на сегодня) конструктивной в социальном отношении пассионарности у русских, болезненность суперэтноса, разочарование (хотя и не полное) в социализме и советской государственности, тяжелое материальное и духовное положение большинства, массированная антинациональная пропаганда, межнациональные противоречия, обыкновенный (и, к сожалению, очень распространенный) манкуртизм. Шансы данного варианта очень сильно зависят от роста (возможно, взрывного) *национального самосознания.*

Четвертый вариант (невероятный, но возможный). Реставрация коммунистического режима, разумеется, обновленного, под другим, возможно, названием, с иными установками и пересмотренными ценностями.

Почему «невероятный, но возможный»? Невероятный, ибо трудно надеяться на возрождение из пепла, после, казалось бы, полного краха. Возможный же потому, что корней социализма и коммунизма осталось

в социуме предостаточно, что корни эти могут в благоприятной ситуации быстро дать позитивные ростки, что благоприятная, т. е. острокризисная от безудержного и бестолкового обуржуазивания общества, ситуация не за горами, что ностальгия по «застойным» временам растет, что заграница совсем не монолитна (есть в ней и социализм, и коммунизм), что, как хорошо известно из истории, после революций и смут наступает-таки реставрация. В субъективном аспекте этому может способствовать очищение и внутренняя переориентация коммунистического движения, обретение им необходимой моральности, обновленных идеологических и практических установок.

Четыре исторических варианта-образа, к которым может придрейфовать нынешняя — потерянная и расстроенная — Россия. Нет смысла выражать симпатии к одним и антипатии к другим вариантам. Тем более, что могут быть и иные — как смешанные, так и принципиально отличные (например, тоталитарно-милитаризованный, что-то в духе военного коммунизма или примитивного фашизма, вариант). Если бы узнать сейчас, до какого предела дойдет Россия и ее окружение в перестроечном зуде, какое завтра будет самосознание народа (народов), каким станет в ближайшие годы мир, какие взлеты и катаклизмы его поджидают? Даже на шахматной доске предсказать что-либо свыше двух-трех ходов очень трудно, а что можно с уверенностью предсказать в сверхсложной социоистории?

Теперь пора посмотреть на само Его Величество Ход Вещей — на исторический процесс, на судьбу России. Здесь тоже варианты, но уже не образы, а *сценарии.* И чтобы выявить эти последние, необходимо, во-первых, учесть поведение народных масс — низа и поведение властных кругов (как обладающих властью, так и борющихся за власть) — верха, и учесть во взаимодействии, во-вторых, оценить разрушительные и созидательные потенции каждого из возможных вариантов движения, податливость и сопротивляемость переделываемого социума, его отзывчивость на перемены, восприимчивость к внешним воздействиям, в-третьих, представить вероятность различных катаклизмов, как и общей катастрофы, в-четвертых, учесть возможность и сам момент «движения вспять» (а попятиться страна все же должна).

Сценарий первый. Пользуясь апокалипсическим состоянием социума, поощряя это состояние, ловко лавируя, скрываясь, дезинформируя и обольщая, захватившая ныне инициативу сила продолжает разрушение государства и социума, культуры, подводит их под бесформенное, раздробленное существование под главенством пробуржуазного зарубежно-отечественного (империа-колониального) альянса. Вместо России, СССР и Российской Федерации неопределенная, непассионарная, «обесточен-

ная» пространственно-народонаселенческая сфера, открытая для влияния, внешней экспансии и освоения. Постепенное угасание оппозиции и целостного сопротивления. Коллизии и конфликты, неуверенность и страдание как норма жизни. Либо центральная личная диктатура, либо «государства» и «государства» — разные там диктатуры или республики. Много анархии, мафии, разбоя. Много беспокойства, метаний, страха. Сначала (за счет все же мощных пока внутренних резервов, экспорта нефти и сырья, иностранной помощи) скромное, но все более сужающееся по материальным возможностям, существование масс, бедность, затем лишения и голод. Возможен, однако, и сносный (для непассионариев) уровень жизни, даже некоторый его подъем (для окончательного уверования в благодетельство «нового курса»). Жить будет материально трудно, но по форме очень «по-человечески». Шанс у данного сценария есть. Но…

Сценарий второй. Социальная жизнь требует социальной оформленности. *Апокалипсис порождает анти-апокалипсис.* В недрах общества всегда реализуется позитивная жизнь. Она-то и сопротивляется в первую очередь и наиболее последовательно гибельным разрушительным процессам. Именно она нуждается в социо-организационных формах, ведущих к жизненной устойчивости. Именно она заинтересована в целостном развитии.

Позитивная жизнь — огромная сила. Она способна не только противостоять социальной смерти, но и бороться с насаждающей ее силой, либо переплавляя в «тигле жизни», либо убирая насильственно. С учетом действия в обществе животворных сил — стихийных и организованных, мало того, настоятельно стремящихся к организации — у болеющего общества появляется шанс перехватить инициативу у разрушительных сил: или заставить их соскользнуть к менее деструктивному варианту, или заставить уйти (мирно или немирно). Так получит реализацию второй сценарий: Россия повернет, как минимум, к национально-государственному капитализму западной ориентации, как максимум — к национально-государственному капитализму, ориентированному на самого себя.

Сомнительно, чтобы дело решилось в рамках действующего парламентаризма, без радикальных политических изменений. Нынешние правящие круги имеют, конечно, шанс «побыть», но имеют и шанс «вылететь». Убедительной поддержки в массах у них нет, а потому в отношениях между «верхами» и «низами» могут быть самые разные повороты: от уже видимого «безразличия» через не очень пока видимый «кризис» (а он, кажется, все же есть) к самой обыкновенной «вражде» и «взрыву». Чем, однако, спокойнее и мирнее разрешится возможный конфликт, тем более вероятен именно второй, а не просто другой, сценарий.

В таком развороте событий может быть в значительной мере заинтересована и «перестроечная» заграница.

Третий сценарий. Он обусловлен не просто переходом инициативы от разрушительных к созидательным силам — в рамках буржуазного (сейчас — антисоциалистического) варианта, *а возрожденческим пробуждением социума,* осознанием им своей самости и исторической значимости, нежеланием оставаться объектом геополитических и идеологических манипуляций и экспериментов. Такой *общенациональный подъем* сегодня, как будто, маловероятен, но исторический процесс развивается так стремительно, что завтра такой подъем может стать свершившимся фактом. Кризисная жизнь весьма настойчиво к этому подталкивает. У народов и их ведущих национальных слоев, их лидеров, не останется никакого другого варианта, кроме строительства социума и государства, хозяйства и культуры российских (многонародных) цветов. Произойдет это не потому, что кто-то в массе чего-то вдруг поймет, хотя массовое просветление, по-видимому, неизбежно, а вследствие самого хода вещей.

Шансы у капитализма на нашем евразийском пространстве, конечно, есть, есть они даже у колониализма, но… в несколько лет капитализм и колониализм не возникают и не строятся, анархия работает более против них, чем за них, переустройство собственности, социальных отношений, системы присвоения общественного продукта в пользу меньшинства и посреднического младокапитала — ох, как трудно!

(Заметим, что речь идет не о переводе частной собственности в общественную — как у большевиков, а о переводе общественной собственности — общей! — в частную, причем обязательно, и это объективно неизбежно, в алгоритме социальной несправедливости, экспроприации общественных собственников, появления наряду с классом собственников класса несобственников, т. е. тех лиц, которым будет объяснено в «СМИ», что они реальной — неваучерной — собственности просто не заслуживают).

Переделка собственности и всего, что с ней связано — суперрисковый процесс. Удастся ли, успеют ли, проскочат ли? А ежедневная жизнь требует упорядоченного производства продуктов, их перемещения, воспроизводственного потребления. Жизнь требует жизни, да еще и в воспринимаемых формах, пусть даже в новых, но обязательно воспринимаемых. Даст ли это все капитализм — еще долго и нудно обязанный генерировать разрушение и анархию, напряжение и кризис. Капитализм, а тем более колониализм, — классический производитель всеохватывающих социальных конфликтов, большой любитель гражданских войн.

В условиях России (и СНГ) велика вероятность крупного (гигант-

ского) геополитического конфликта, обусловленного сложнейшими пространственными и качественными мотивами. Один из таких мотивов — борьба за геополитическую оформленность и целостность, возникновение в ее ходе и результате того, что должно само по себе образоваться, а не быть создано по чьему-то великолепному плану. Этим-то самообразовавшимся и должна стать Россия, и не по одному лишь наименованию, а в своей собственной качественной определенности.

Сценарий четвертый. *Распад России на ряд государств.* Ускоренный и — казалось бы — бесповоротный. В самостоятельных государствах заработают разные сценарии развития событий. Но будет и общий сценарий — жизненное пространство одно, этнос (как многонародный суперэтнос) один, язык и культура общие. Границы либо ничто, либо бестолковое нечто. В сущности они невозможны. Геополитическая неразбериха. Пограничные напряжения, конфликты и войны. Территориальные претензии. Валютные и таможенные благоглупости. Безумные миграции населения, народов. Возрождение геополитического централизма. Движение к целостности. Мучительный процесс социо-государственного восстановления.

Сценарий пятый. Вкусив все блага «демократии» и «интеграции в мировое целое», анархии и произвола, глобального разрушительного кризиса, социального расслоения, голода и холода, страна начинает «движение вспять» — в условиях неопределенности и опасности любого из новых вариантов возвращаться на проторенную дорогу, разумеется, в самых общих контурах. *Возрождение социализма.* Это возможно — при поражении западно-буржуазного варианта и при недостаточном восприятии обществом и его пастырями идеи России. Социалистическая идея может послужить в единстве с патриотизмом основанием для восстановления социума, экономики, культуры. Возможно даже возрождение сильной коммунистической партии (при освобождении от многих догм и установок, которые были характерны для КПСС).

Сценарий шестой. Уставший от экспериментов и политиканства, судорожных реформ, материального и духовного распада, беспардонной лжи, криминального гнета, беспредела и безысходности народ кидается в объятия диктатуры, возможно даже, и фашистского толка. Массовое поддиктатурное движение, вооруженные отряды, репрессии, чистки, трудовая дисциплина, запреты. Милитаризация. Во главе страны — мессия. Организованный им выход из смуты.

Сценарий седьмой. Страна впадает в хаос всеобщей гражданской войны. Война как основание жизни общества. Много смерти. Течение такой войны и ее исход непредсказуемы, хотя можно сказать, что всего вероятнее интервенция и колониализация разрушенной и обезлюдевшей страны. *Конец России.*

Все перечисленные сценарии в принципе возможны, хотя реальность их и неодинакова. Но кто может поручиться за исход сложнейшего исторического действа, если на дворе — Великая Смута? Маловероятное сегодня вдруг и совсем неожиданно превращается во многовероятное, а затем и просто неизбежное. Превращается сразу, с ходу, в один час. Кто мог предполагать в 1985 году (кроме таинственных проектантов и самых тонких аналитиков), что СССР благополучно развалится, КПСС подвергнется запрету и конфискации, разгорятся войны? В обыденной ситуации никто. И что можно сегодня, в годину общего хаоса и всеобщего помешательства, признать за то самое единственно правильное, что объективно предположено и субъективно выверено? Хотя, разумеется, есть в жизни и какая-то телеология (целеположенная преднамеренность), и какая-то генетика (передача некоего инварианта, чего-то стабильно воспроизводящегося), и какая-то периодичность (смена волн и циклов), но есть, однако, и не менее выраженная вероятностность и случайностность, неповторимость, качественная разнообразность одних и тех же или сходных процессов, их диалектичность и, если так можно выразиться, бифуркационность (стихийное качественное раздвоение, при этом неограниченное в своем разделенческом «энтузиазме»). Общественное развитие не одновариантно вовсе, а многовариантно, и вероятность побеждающего в тот или иной критический момент варианта далеко как не однозначна. *Смутные времена — смутные исходы.*

Поэтому, думая о будущем, полезно вообразить себе все возможные и невозможные варианты, причем в первую очередь — худшие. Только так поступает настоящий политик-преобразователь. Это не мешает, а помогает ему сделать рациональный выбор, предусмотреть и даже сориентировать развитие событий.

Приверженец социосозидания выбирает конструктивные варианты, приверженец отчизны — патрио-конструктивные. Другие выбирают и другие варианты. Самый трудный выбор касается самого трудного варианта. На сегодня это, наверное, патрио-конструктивный вариант, ибо идет он от Бога, а Бог простых решений не предлагает.

Творящий человек должен иметь перед собой идеал, а в нашем случае — идеальную конструкцию России. Не чистую утопию вовсе, но минимально совершенный эскиз будущей реальности — проект. *Проект благоустроенной России.*

Какой же Россия видится русскому (по принадлежности к геополитическому ареалу) человеку?

Духовные основания. Человеку, общине, народу, обществу в целом покровительствует Бог — создатель, защитник и судия. Человек живет, идя навстречу Богу. Бог — высший критерий, ориентир, достигаемая цель. Живущий по божьим заповедям, по совести и для жизни идет

к Богу. Делание жизни как продолжение прошлого и обеспечение будущего — богоугодное дело. Делание добра, его защита, борьба со злом. Формообразование ради жизни — от Бога, форма ради формы (тиски и тенета) — от Дьявола. Свобода ради жизни — от Бога, свобода ради свободы (анархия и произвол) — от Дьявола. Дьявол — имманент жизни, но обязываемый Богом к мере. Не всякое добро — добро, не всякое зло — зло. Дьявол меру знает, но знает и отсутствие меры. Бог — сам мера. Человек меры не знает. Отсюда грех, страх и покаяние.

Россия вынесла тяжкие страдания, она больна и находится на краю гибели. Но Россия жива и должна жить. Пострадала Россия не только за свои грехи и каяться надо не только России. Россия обязана воскреснуть. Делание ради России, делание ради человека, делание ради Бога. Освобождение от пут Дьявола. Приоритет духовного над материальным. Опора на православие и православность, иные Богом данные религии. Забота об отечестве. Погруженность в космос. Контакт с вечностью.

Родство человеческих душ — трансцендентная соборность.

Культурные основания. Одухотворенная, стремящаяся к Богу, вдохновляемая абсолютными ценностями, направленная на возвышение души человека, ее исцеление, предназначенная для жизни и ее дарующая, космогенная, вселенская и соборная культура.

Социальные основания. Общество как сообщество трудящихся личностей, семей, коллективов. Государственное сообщество. Правовое и гражданское общество. Юридическое равноправие граждан. Творчество и труд как основа благополучия, социального положения. Наличие социальных различий, обусловленных трудом. Действие механизмов сглаживания социальных различий, уменьшения влияния на социальное различие нетрудовых факторов. Человек и труд как индивидуально-общественная ценность. Всеобщий обмен деятельностью. Свобода деятельности при ответственности индивида перед обществом. Социальная многоукладность. Сосуществование различных видов собственности при приоритете общественных форм. Наличие сословнопрофессиональных групп населения. Различие интересов в рамках общенационального интереса.

Хозяйственные основания. Хозяйство как хозяйство *экономическое,* основанное на разделении производства (по предприятиям) и труда (по профессиям), всеобщем обмене продуктами (предметами и услугами) и их денежной оценке в процессе обмена. Хозяйство как хозяйство *экологическое,* находящееся в творческом единстве с природой и обществом. Хозяйство как хозяйство *неоиндустриальное*, основанное на информационных, автоматизированных, ресурсосберегающих, энергоэкономных, чистых и гуманных технологиях. Собственническая и хозяйственная

многоукладность. Естественное развитие укладов при сохранении серьезных позиций государства. Свобода хозяйствования субъектов при соблюдении ими установленного в обществе хозяйственного порядка. Государственное перераспределение национального дохода. Действие рыночного механизма при всестороннем государственном и общественном регулировании хозяйственной жизни. Развитая и позитивно организованная кредитно-финансовая, фондовая (ценных бумаг) и торгово-распределительная инфраструктура.

Гражданские и политические основания. Свобода слова, печати, религий, ассоциаций. Свобода труда, места жительства, передвижений, выезда из страны, возвращения в страну. Свобода политической деятельности. Ограничения — соблюдение национальных интересов и гражданского мира. Гарантия прав личности, семьи, коллектива и их правовая и административная защита. Запрет на пропаганду насилия, человеконенавистничества, жестокости. Борьба с наркобизнесом и наркоманией, алкоголизмом, проституцией.

Государственное устройство. Народовластие как власть народа, посредством народа и для народа. Разделение власти и наличие разных властей. Взаимодополнение и взаимосдерживание властей. Конституция.

Представительная, т. е. непосредственно народная власть — местная, региональная, центральная. Формируется посредством прямых или косвенных выборов, через прямое представительство. Включает в себя различные институты: съезды, собрания, советы (внутри последних — комитеты, комиссии). Представительная власть является одновременно законодательной властью. Строгое разделение полномочий и ответственности по уровням представительной власти, необходимая иерархия. Верховенство общенациональных законов и постановлений над региональными (в том числе республиканскими) и местными уложениями и решениями. Высшим центральным органом представительной власти является народный съезд (Общероссийское собрание, Вече), созываемый для принятий и изменения Конституции, особо важных, основополагающих законов, выборов Главы Государства, Конституционного суда и Верховного суда России, принятия масштабных, стратегических решений (созывается, как правило, один раз в пять лет, чаще лишь в чрезвычайных обстоятельствах). Съезд формируется на основе прямого гражданского (территориального), сословно-профессионального и национального представительства (возможно, еще и заслуженного представительства — из числа особо заслуженных, соответственно отмеченных и утвержденных, граждан).

Другим органом высшей представительной власти и законодательной власти является Высший народный совет (он же парламент), состоящий из депутатов, избираемых прямым тайным народным голосованием

одновременно с представителями на съезд. Парламент, имеющий внутри себя прямое гражданское, сословно-профессиональное, национальное представительства (палаты), функционирует постоянно, а депутаты освобождаются на срок действия парламента (5 лет) от другой деятельности. Парламент принимает законы и постановления, действуя в рамках Конституции и решений Народного съезда, утверждает руководителя и состав правительства (высшего органа исполнительной власти), осуществляет контроль за деятельностью правительства в рамках своих полномочий, утверждает Комиссию конституционного надзора, генерального прокурора. Депутаты работают в своих избирательных округах, погружаясь в проблемы избирателей.

Правительство (Совет министров России) несет ответственность и руководит всей текущей деятельностью государства (в рамках Конституции, иных законов и постановлений представительной власти). Правительство располагает всей полнотой административной власти. Ведает вопросами внутренней гражданской жизни, охраны общественного порядка, финансов, экономики, охраны природы, социальной защиты и обеспечения, обороны, внешних сношений. Центральная исполнительная власть в рамках системы внутренних дел имеет своих полномочных представителей в регионах и на местах — губернаторов, например.

Помимо представительной и исполнительной властей в условиях такого огромного, многонационального государства, каким является Россия, необходима также власть гарантная, на которую могла бы быть возложена задача обеспечения устойчивости государства, его сохранности и преемственности. Главой гарантной власти является избираемый на пять (или более) лет Народным съездом Глава Государства (из числа лиц, занимающих или занимавших высшие государственные посты; учитывая, что государство российское есть в основе своей государство русское, Главой Государства должен быть русский по происхождению, культуре и вероисповеданию человек). Кандидатуру на пост Главы Государства предлагает съезду либо Совет старейшин, либо Собрание заслуженных граждан России — участников съезда. Свои гарантные функции Главы Государства осуществляет в рамках контрольной власти, а также покровительствуя гражданам и организациям. Глава Государства предлагает парламенту на утверждение кандидатуры главы правительства, генерального прокурора, главы Комиссии конституционного надзора. Именно он созывает Народные съезды, он же принимает отставку правительства. Глава Государства, по-видимому, должен быть верховным главнокомандующим. Он должен наблюдать за деятельностью прокуратуры, а также иметь возможность вмешиваться в государственную жизнь при чрезвычайных обстоятельствах (отправлять правительство в отставку, распускать парламент, созывать внеочередные съезды, объявлять чрезвычайное

положение, войны и т. п.). При Главе Государства должны действовать Государственный совет (типа Сената), Верховная согласительная комиссия (для разрешения конфликтных ситуаций), Гражданский комитет (для рассмотрения обращений, жалоб и предложений граждан) и т. п.

В стране должен действовать независимый (выборный) суд (сходный с судом присяжных). Политические партии и движения могут существовать и вести идейно-пропагандистскую работу, но не должны претендовать на власть, они за нее не борются и властных фракций в парламенте не образуют. Государственные деятели приостанавливают свое членство в партиях и участие в движениях на время исполнения государственных обязанностей. Государственные служащие, работники прокуратуры и суда в партиях и политических движениях не состоят и не участвуют.

Внешнеполитические основания. Государственная независимость при полноценном участии в международных организациях. Политика мира, дружбы, добрососедства. Эффективная оборона.

Предложенный идеальный проект не догма. Его необходимо воспринимать в принципе и в общих чертах, его можно подправлять и перерабатывать. Жизнь сложнее, богаче и противоречивее любого проекта, а главное, она в чем-то принципиально не проективна. Это важно иметь в виду. Но проект-идеал должен быть, ибо движение вперед предполагает если и не окончательную цель, то достаточно ясный ориентир. К тому же идеальные проекты вовсе не всегда бывают оторванными от реальности, более того — они из нее исходят, в себя вбирают и в ней присутствуют.

Проект-идеал — нужная вещь. Но, во-первых, его в одночасье не воплотишь, во-вторых, тотальный кризис требует немедленных мер. Что же делать руководителю-реформатору сегодня?

VI

Сначала несколько общих заповедей.

1. У хорошей реформации не должно быть изгоев (за исключением преступников). Реформация — дело всего общества, его позитивноконструктивной части. Каждый созидательно и позитивно настроенный человек должен найти себе место в преобразовательном процессе и иметь свой шанс.

2. Добрая реформация не осуществляется насильственно. Реформация не только должна быть понятной, но и должна осуществляться по возможности в свободном творчестве граждан, семей, коллективов, общества в целом.

3. Светлая реформация ни в какой мере не может руководствоваться криминальными соображениями, осуществляться мафиабельными кругами, благоприятствовать преступному миру. Положительная

реформация носит антикриминальный характер.

4. Конструктивная реформация не может быть стихийным процессом. Она организуется, но не через командование, а через побуждение, не в деталях, а в общих рамках, не прямыми воздействиями, а созданием благоприятных условий.

5. Имея целью будущее, разумная реформация должна быть сориентирована и на настоящее. Польза от реформации должна быть и сегодняшней.

6. Позитивная реформация может осуществиться только в условиях общегосударственного порядка.

7. Эффективная реформация всегда национальна (патриотична).

8. Реформация обязательно имеет идеологию. Наша положительная реформация может следовать следующим путеводным ориентирам: человек, природа, жизнь; родина, сообщество, Россия; народ, народы, нация; труд, творчество, созидание; достояние, достижение, достаток; свобода, ответственность, обязанность; право, мера, справедливость; знание, наука, умелость; человечность, здоровье, радость; личность, сопереживание, сотрудничество; дух, любовь, Бог. Обобщающая идея-цель: *создание жизнеспособного, одухотворенного и омеротворенного (экологического), животворного, трудового и высокоорганизованного российского общества — сообщества личностей, семей, коллективов, регионов, народов и государственных образований.*

С чего начинать позитивно и конструктивно настроенному руководителю-реформатору с учетом нахождения его у власти в условиях всеобщего кризиса, разлада и разрухи? Конкретные действия, как и их конкретную определенность, предусмотреть трудно, ибо все будет зависеть от конкретной ситуации (отправного исторического момента). Многое будет зависеть от характера установившейся власти, ее лидера, от отношения к этой власти народа, от состояния социума и его творческого потенциала, от зарубежного окружения, его позиции и активности. Любые наметки даже на ближайшее будущее могут быть сейчас лишь весьма условными предположениями.

Ориентируясь на трудящегося человека (в том числе и действующего в рамках закона и национальных интересов предпринимателя-индивидуала), патриотически и конструктивно настроенный руководитель-реформатор должен:

В сфере экономики:

- подтвердить и своими действиями обеспечить разнообразие форм собственности и хозяйствования, не подвергая сомнению ни частных, ни общественных (в том числе государственных) форм;
- подтвердить и утвердить принцип хозяйственной свободы для всех типов агентов, лимитированной лишь законом, национальными

интересами и ограниченным общественно-государственным регулированием;

- подтвердить необходимость характерной для современного индустриального общества государственной организации хозяйственной жизни, определенного (не-тотального) присутствия государства в экономике, общественно-государственной инспекции и контроля, прямого государственного хозяйствования (в рамках государственного сектора экономики);
- провозгласить и всеми доступными мерами обеспечить экономический порядок (денежный, финансовый, налоговый, кредитный, фондовый, товарообменный), для чего реорганизовать и взять под эффективный контроль государства денежное и фондовое хозяйство, кредитно-финансовую и торговую сферы, проводить ясную и строгую фискальную политику, дисциплинировать государственный бюджет;
- обеспечить нормальные условия функционирования производственных предприятий, стимулировать производство и производительное накопление;
- обеспечить заинтересованность в труде, росте его производительности посредством укрепления заинтересованности трудящегося в личном (семейном) накоплении («Трудитесь и обогащайтесь!»), росте благосостояния, улучшения образа жизни;
- обеспечить эффективную борьбу со спекуляцией, экономической преступностью, мафией;
- обеспечить полный учет национальных ресурсов и их эффективное распределение в производительных целях;
- выделить ряд приоритетных отраслей производства (жизненно важных, стратегических) с целью обеспечения контроля над ними и эффективной поддержки;
- упорядочить процесс приватизации производственной собственности, руководствуясь принципом: «Средства производства тем, кто трудится, кто хозяйствует!»;
- подтвердить и обеспечить свободное ценообразование, за исключением ряда жизненно важных, стратегических, монопольных (алкоголь, табак) товаров, проводить эффективную антимонопольную (антидиктаторскую) политику в сфере ценообразования;
- создать национальный инвестиционный фонд;
- установить эффективный контроль над внешним обменом и импортом иностранного капитала, национальной валютой (отменить грабительский курс рубля).

В сфере государства и политики:

- провозгласить национальную обусловленность государства и его политики («политика российского возрождения, государственного восстановления и национального единства»);
- обеспечить всеми доступными средствами социальный, гражданский и государственный порядок, повести решительную борьбу с правонарушениями, преступлениями, организованной преступностью, коррупцией;
- реанимировать российскую армию, не делая ее полностью наемной, поднять воинскую дисциплину, принять активно-оборонительную стратегию;
- заявить о наличии глубоких национально-государственных интересов России во всех бывших республиках СССР, последовательно защищать эти интересы, добиваться для всех граждан бывшего СССР двойного гражданства («республиканского» и «союзного»), защищать права граждан российского происхождения за пределами РФ, стимулировать возвращение их на родину, вести политику непринудительного восстановления геополитического единства бывших союзных республик;
- провести разоружение гражданских лиц, распустить всякие негосударственные (незаконные) военизированные формирования, не допускать вооруженных столкновений, всячески предотвращать возможные и погашать стихийно возникшие «силовые» конфликты;
- провозгласить и вести самостоятельную внешнюю политику, выгодную для России.

В сфере гражданской и общественной жизни:

- подтвердить все основные конституционные права граждан, обозначить их ответственность перед страной, государством, Родиной;
- поддержать гражданское, гуманистическое, патриотическое движение, избегая крайностей;
- подтвердить творческую свободу средств массовой информации, обозначить и меру ответственности их перед человеком, обществом, страной;
- подтвердить право наций и народностей на гражданское и культурное самоопределение.

В сфере культуры:

- следуя принципу: «Культура — это Отечество» (дело не только, а часто и не столько в государственных структурах и территориях, сколько в национальной культуре, именно последняя наполняет Отечество содержанием), подтвердить заинтересованность в развитии отечественных культур, науки, образования, находящихся в творческом взаимодействии с зарубежными.

В социальной и экологической сферах:

- подтвердить и обеспечить реализацию принципа социальности жизни, в данном случае, заботы общества и государства о нетрудоспособных, инвалидах, пенсионерах, учащихся, о здоровье граждан, экологической безопасности.

Заявив о себе как о цивилизованном лидере всего народа (или нации как единой многонациональной общности), ведя линию на поощрение жизни и творчества, обеспечивая текущую выживаемость общества, давая простор конструктивным силам, руководитель-реформатор должен приступить к разработке и реализации стратегических реформ. При этом он поступит правильно, если не будет исходить из принципов «любой ценой», «все наоборот». Даже благородная цель не достигается любыми средствами, а в действиях предшественников по власти, тем более, следствиях этих действий, отнюдь не все отрицательно, даже, если предшественники руководствовались не теми идейными соображениями и вели себя не слишком достойно. Нужно обязательно сохранять все, что может быть и должно быть сохранено, надо представлять то, что может быть продолжено, надо усилить то, что заслуживает быть усиленным. Нельзя повторять одну и ту же сакраментальную «российско-советскую» (а теперь уже и «российско-демократическую») ошибку — беспардонного и неумного отрицания предшествующего. Настоящий реформатор этого никогда не делает, а уж тем более не стремится к полной реставрации ушедшего.

Основная конструкторская идея реформ — *разумное сочетание свободы и несвободы во благо отчизны в целом.* Жизнеутверждающего и жизнеспособного блага для трудящегося общества не достигнешь ни на путях «крутой вседозволенности», ни на путях «трепетного тоталитаризма».

Какие же реформы предстоят в будущем?

1. *Реформа государственного устройства и управления.* Цель — создание эффективной системы власти, базирующейся на принципе структурно-функционального разделения и общегосударственного единения власти.

2. *Реформа государственного управления экономикой.* Цель — создание эффективного механизма выполнения государством свойственных ему задач по организации и регулированию хозяйственной жизни, диктуемых общенациональными интересами и макроэкономической целесообразностью, но ограниченных экономической свободой хозяйственных субъектов, отраслей и регионов.

3. *Политическая реформа.* Определение прав и ответственности политических и иных движений.

4. *Реформа собственности и принципов хозяйствования.* Господствующий принцип — государственная собственность на землю, недра и иные природные ресурсы с передачей последних в полноценное экономическое пользование предприятиям, учреждениям, коллективам, семьям, отдельным лицам. Государственная и негосударственная (частная) собственность на здания, сооружения, орудия и иные воспроизводимые факторы производства. Экономически свободное хозяйствование в пределах установленного законом и правительством порядка.

5. *Финансовая реформа.* Налоговая, денежная, кредитная реформа в целях стабилизации денег, кредита и цен, упорядочения доходов, госбюджета, стимулирования производства и производительных инвестиций, роста заинтересованности в труде и предпринимательстве. Государственный контроль за кредитно-денежной сферой, ее централизованное регулирование. Развитие институционально организованного фондового (ценных бумаг) хозяйства.

6. *Реформа торговли, системы распределения национальных ресурсов, производственных и потребительных благ.* Сочетание экономического распределения с неэкономическим (контролируемым). Преобразование государственной, расширение кооперативной, развитие частной торговли, их оптимальное сочетание. Контроль над торговлей (предотвращение монополизации, спекуляций, хищений, паразитизма).

7. *Внешнеэкономическая реформа.* Сочетание свободы внешнего обмена с национальным контролем.

8. *Земельная реформа.* Установление порядка экономического и иного землепользования.

9. *Жилищная реформа.* Установление юридического и экономического порядка строительства жилья и его пользования, прав и ответственности граждан по жилищным вопросам.

10. *Реформа здравоохранения.* Развитие различных форм реализации здравоохранения.

11. *Реформа народного образования.* Развитие различных форм и систем образования населения, установление общего нормативного государственного порядка для всех типов учреждений и способов обучения при невмешательстве государства в текущую деятельность учебных заведений.

12. *Реформа сферы науки и техники.* Установление порядка образования и функционирования научно-исследовательских учреждений национально-государственной сферы, их финансирования и поддержки.

13. *Региональная реформа.* Определение прав регионов, их взаимоотношений с центром.

14. *Военная реформа.* Создание мобильной, боеспособной единой национальной армии, обеспечение исполнения всеобщей воинской

повинности.

Помимо реформ придется разрабатывать и осуществлять различные государственные программы:

1. Структурной перестройки народного хозяйства.
2. Модернизации и оснащения производства.
3. Частичной конверсии военного производства.
4. Экологической безопасности.
5. Развития предпринимательства.
6. Становления и развития сельскохозяйственных предприятий (включая фермерские хозяйства).
7. Развития домашних (семейных) хозяйств.
8. Развития малых предприятий.
9. Жилищного строительства.
10. Занятости населения.
11. Социального обеспечения и страхования.
12. Помощи беженцам и репатриантам.
13. Материнства и детства, улучшения качества народонаселения.
14. Развития отдельных сфер, отраслей, регионов.

Мы не раскрываем подробно возможные реформы и программы, мы их лишь обозначаем, да и то не все — главное не в этом: наша задача в ориентации руководителя-реформатора, а не в исчислении графика его деятельности. Программа, которую придется осуществлять руководителю-реформатору, должна быть им самим в общих чертах и составлена — иначе его ждет провал.

Определяя свою программу, лидер должен руководствоваться тремя принципами: *целостности,* т. е. видеть объект руководства и реформирования в возможно большей объемности, во всем многообразии и богатстве содержания; *изоморфности,* т. е. выделять в целостном видимом объекте самое существенное, построить мысленную модель объекта, иметь ясный перед собой его образ (нельзя погрязать в деталях); *гласности,* т. е. определять главное в объекте, его текущем состоянии, возможных потенциях, находить главное звено любой структурно-функциональной цепи, иметь дело прежде всего с ним, воздействовать на него, следить за его поведением и изменением, выделять главные цели руководства и реформирования, иметь в своем распоряжении главные силы и средства их достижения.

Лидер государства, страны, народа должен быть соответствен государству, стране, народу, он должен быть выше национальностей, сословий, партий, религий, идеологий, он должен быть *замкнут на себя через народ и на народ через себя.*

VII

Российская Реформация продолжается. Россия — объект нового реформационного натиска. Цикл, начатый определенно 1917 годом, закончился, открылся новый цикл, начатый определенно 1985 годом. А новый цикл — это новая смута, новый выход из нее, новая стабилизация. Привычный круговорот: от одного события к другому — как последовательно разных (смута — выход — стабилизация), так и повторяемо аналогичных (от смуты к смуте, от выхода к выходу, от стабилизации к стабилизации). Привычный круговорот и в чем-то порочный. Сколько времени исторического может забрать это хождение по кругу? Когда же наступит момент истины — выбор Россией России, а циклы станут циклами совершенствования, а не отрицания и восстановления России? Не пора ли нам сделать выбор окончательным? Есть ли на это шанс?

Есть. И восходит он прежде всего к осознанию того, что *Российская Реформация есть поиск России и должна завершиться Россией,* не рынок вовсе, не капитализм, не индивидуализм, не свободу как таковую, даже не социализм ищет Россия — вот, что надо уразуметь, ее поиск более сложен, масштабен и органичен, а главное — отличителен от всего того, что уже известно человечеству. *Российская Реформация не есть и не должна быть попыткой преодолеть Россию,* хотя подобное намерение давно вбито в нее, воспроизводится и до сего дня активно, к сожалению, культивируется. Роковая ошибка, присутствующая, к несчастью, в Российской Реформации, состоит в ложной посылке о необходимости поиска Россией не-России, а точнее, растворения России во «всемирной», а на самом деле, западной цивилизации (отсюда: «войти в цивилизованный мир», «стать цивилизованными», «обрести общечеловеческие ценности» и т. п.). *В Российскую Реформацию давно уже введена лже-цель, а потому и осуществляется она во многом как лже-реформация.*

Именно это как раз и доказывается всем ходом Российской Реформации, всеми ее зигзагами и неудачами. Дело не в том, что Россия неподатлива на благодать, а в том, что навязываемая ей благодать для нее непригодна. Не ломать Россию надо по-петровски или по-ленински, а надо дать России возможность развиваться в свободном и приемлемом для нее взаимодействии со всеми цивилизациями мира. И дело здесь не в каких-то особых амбициях России и россиян, их якобы мессианстве, а в богоугодном (жизненном, экологическом) многообразии мира, его стремлении реализоваться по-разному, не-одинаково, не-смертельно. Российская Реформация как раз и доказывает своими противоречиями наличие данной потенции мира, как доказывает она и то, что реализовывать эту потенцию выпало на долю и России.

Всякие попытки навязать России не-Россию обречены на провал,

ибо руководствуются они лже-целью. Телеология России выходит за пределы европеизма как такового, отсюда и генетическое ему противо-действо. Россия вовсе не перед Европой и уж тем более не под Европой — она в Европе и рядом с Европой, но в то же время и за Европой, т. е. идет дальше Европы — к своему началу (именно началу, а не концу, причем началу не только будущему, но и бывшему и настоящему — к самозамыканию уже текущего начала).

За осознанием истинности Российской Реформации — ее устремленности к России, как и за осознанием пагубности «российской» лже-реформации — ее борьбы с Россией, скрывается возможность переустройства самой реформации, придания ей истинной ориентации, изменения характера и знака. Реформация не может быть анти-российской и анти-русской, она не может быть разрушительной. Сейчас реформация идет всего более под знаком «минус», а должна идти под знаком «плюс». Реформация должна немедленно принять позитивный для России характер, ибо над бездной ничего и никому не удастся построить — даже пошлого буржуазного счастья для некоторого числа «избранных», ибо бездна поглотит все, не в последнюю очередь ее собственных устроителей.

Реформация — строгое дело России для России и для всего мира. Она священна и не может основываться на соблазнах, она почвенна и не может внедряться со стороны, она органична и не может не послужить всему человечеству. Главное сейчас — узнать реформацию, а узнав, обеспечить ей соответствующий образ, обратив этот образ и на самих себя — вершителей реформации.

Реформацию нельзя строить на столкновении образов и на насилии. Дело здесь не в том, что Запад плох, что его ценности от лукавого, что он умирает и т. п., — мы так не считаем, — а дело в том, что западный образ нам не подходит, что его ценности нас не удовлетворяют (для нас их и маловато, — нельзя же ограничиваться функциональностью и потребительством, да и не все они воистину привлекательны — тот же индивидуализм, например), что в жизни Запада, скажем откровенно, не так уж и много жизни. «Западнизация» России — роковая ошибка: это столкновение, это насилие, это и неразрешение главного вопроса реформации. Органичное восприятие чего-то западного, нас устраивающего — совсем иное дело, но разве для этого потребна коренная ломка России, ее фронтальная и всеохватывающая «западнизация»?

Революционная атака на Россию — путь к бездне, а из бездны непросто и нескоро выбраться, да и не всем удастся. Зачем же лезть-то в нее, в бездну? Смута, которая охватила ныне Россию и СНГ, свидетельствует хоть и не о падении, но уж и не о сползании в бездну, скорее, об ускоряющемся в нее спуске. Отворачивать от бездны уже пора, но,

с одной стороны, желания такого у правящих реформаторов что-то не прослеживается, а с другой — развороченная страна-улей уже инерцию немалую набрала, сбитое же с толку население-зомби шанс свой поджидает. Ситуация, как сказали бы раньше, архисложная.

Смута разгорается, апогея своего еще не достигла. Хорошо бы уже сейчас — в начале 1993 года — приступить к ее погашению, да у общественного поведения свои принципы — низы еще не прочувствовали всей опасности пожара, а верхи пока не внемлют тревожным сигналам (где эксперимент, там и риск — рискуют!). Сигнал к преодолению смуты поступит, видно, позже, в еще больший ее разгар, на более низкой точке социального падения. И чем дальше в смуту, тем тяжелее выход из нее, тем более он дорогостоящ.

Наступит ли осознание необходимости перелома — преодоления смуты и изменения характера реформации? Если общество хочет жить и жить органично, а не искусственно, по-своему, а не по-чужому, уверенно, а не в страхе, то наступит. Не у всех, разумеется, сограждан великой страны, но, во-первых, у достаточного их числа, во-вторых, у тех из них, кто составляет фундамент общества, у того самого *среднего класса,* который держит на себе общество, цементирует его и развивает. О ком идет речь? Вовсе не о мелких собственниках как таковых («с чувством хозяина»), а о широком слое тружеников-профессионалов, специалистов, квалифицированных работников, служащих, руководителей производств и коллективов, предпринимателей, т. е. о всех тех, кто органически заинтересован в нормальной социо-хозяйственной жизни, в ее правовой, гражданской и государственной организации, в эффективном труде на себя и на общество, в бытовой и общественной нравственности, в общественном порядке, в социальной справедливости. Речь идет о тех, кто видит дальше своего носа, кто заинтересован в органическом сочетании личного, семейного, коллективного и общественного, кто признает национальную государственность, для кого не может быть беженцев на своей земле и «некоренных» осколков собственного народа, кто понимает Россию и стоит за нее, кто свободен от надуманных крайностей, авантюризма и чужебесия. Именно этим-то гражданам и предстоит осознать необходимость «реформации реформации», именно им придется взять на себя миссию возрождения России и обеспечения ее российского преображения.

И все-таки, произойдет ли ожидаемое осознание, проявит ли себя позитивно средний класс, возьмет ли он на себя тяжелейшую возрожденческо-переустроечную миссию? Должен. Жизнь заставит. Иного выхода нет, именно выхода, а не сомнамбулических блужданий по тупикам — тупиков грядет предостаточно.

Выход из тяжелейшего социо-государственного кризиса требует

не только массового осознания необходимости выхода, его общего направления, он требует и сознательного алгоритма решения задачи, способа достижения поставленной цели, наконец, сознательного руководства переориентацией общества, изменением характера реформации, ходом нового социо-государственного строительства. Возникает вопрос о так называемом *субъективном факторе.*

Что касается общественного движения в пользу позитивных перемен, то оно постепенно нарастает, страдая, правда, разнохарактерностью и разрозненностью. Жизнь, однако, потребует консолидации, и она рано или поздно произойдет. Будет ли консолидация при этом добровольной и гетерогенной (посредством соединения частей в целое при их последующем сохранении в рамках целого) или же принудительной и гомогенной (с растворением частей в целом), решит социополитическая практика, но консолидация эта должна быть, ибо ее требует сама реальность.

Практика решит вопрос и с лидерами, и обязательно, с одним — верховным — лидером. Лидеры сейчас обозначаются, растут, их множество, среди них есть замечательные личности. Но верховный лидер действительной Российской Реформации пока не проявился, Россия — в его ожидании. Кто им станет и как взойдет он на свое поприще? Все будет зависеть от обстоятельств: от глубины кризиса, положения населения, активности масс и движений, силы общественного маразма или, наоборот, гражданского сознания, состояния власти и многого другого. Ясно одно, затяжка с радикальной сменой реформационного курса повышает вероятность насильственных изменений, прихода к власти «сильной личности», введения особого режима и применения чрезвычайных мер.

Не хотелось бы всего этого, тем более что на длительную перспективу хороша все же власть полностью легитимная, та власть, которую граждане признают за свою, которой следуют и подчиняются. Задача общества и его активной части состоит в том, чтобы обеспечить вполне легитимную коррекцию реформационного курса, и лучше всего это сделать в сочетании с восстановлением «союза» и «союзных» государственных структур — естественных преемников исторической власти на территории России, РФ и СНГ. Разумеется, речь не может идти о восстановлении СССР как такового, речь может идти лишь о воссоздании геополитических структур, способных обеспечить настоящую легитимность всех возможных на территории бывшего СССР властей, с одной стороны, взаимообусловленное и гармоническое возрождение России и всего «ближнего зарубежья» — с другой.

Современное общество — грамотное, профессиональное, информированное — в состоянии понять, что не может быть полноценного развития «независимых государств» вне интеграционной (хотя бы конфедеративной) евразийской целостности, а в рамках этой целостности

скрепляющая и ведущая роль не может не принадлежать России — не столько даже государству, сколько социо-культурному (цивилизационному) образованию. За разделением должно последовать объединение, за отрицанием России должно последовать ее признание. Что касается идеи восстановления империи, то мысль эту следует сегодня признать явно утопической и ненужной.

Когда мы говорим о реформации России, то имеем в виду, конечно, и существенную реформацию ее евразийской геополитической среды. Российскую Реформацию следует рассматривать как органическую часть, — и, наверное, сердцевинную часть, — более широкого реформационного процесса, способного привести все государственные образования «реформного мира» к новому качеству и к новому взаимному соотношению в рамках евразийского общежития.

Российская Реформация, будучи по духу своему российской, не может при этом не быть и евразийской — не столько уже по духу, сколько по пространству и системной обусловленности. Российская гомогенность должна сочетаться с евразийской гетерогенностью. Нельзя и не надо навязывать российские начала всем и вся, как нельзя и не надо рассчитывать на девственную чистоту Российской Реформации. Евразийский реформационный процесс масштабнее и сложнее собственно российской реформации, а российская реформация не может не предполагать внутри себя и другие — не совсем российские и даже в чем-то нероссийские — реализации.

Российская Реформация не может быть обособленной от мирового контекста. Питать иллюзию о возможной независимости России от зарубежного окружения недопустимо. Важна не изоляция, а здоровый контроль над внутренними процессами, позволяющий косвенно сдерживать и нежелательные влияния извне. Россия не может и не должна отгораживаться от многих общемировых процессов, например движения к мировой стабильности, к неоиндустриальной цивилизации, к экологизированной социальности и т. д. Однако Россия, как и все страны СНГ, не должны уступать в самобытности, суверенитете и партнерстве. Без России как специфического социо-культурного феномена мир, обустроенный лишь по-западному, станет эсхатологически (завершающе) беден.

VIII

Страна, т. е. СССР, переживавшая уже в 1970—1980 годы серьезный кризис, оказалась к сегодняшнему дню на пороге настоящего хаоса. Этому благоприятно содействовала *либерально-буржуазная доктрина,* завезенная из-за рубежа и настойчиво внедренная в сознание населения средствами массовой информации. Любопытно, что внедрена она была в чисто мифологическом облике, в самой примитивной интерпретации,

без всякого серьезного разъяснения. Отсутствие в социуме многих качеств потребительского общества, равным образом и повседневной экономической практики (жизни по экономическим законам) — на работе и дома, неизведанность буржуазного (денежного) пути и недовольство окружающим небуржуазным (неденежным) миром, возникновение подпольных пробуржуазных слоев — все это содействовало неожиданно быстрому усвоению населением легенды о свободном обществе и свободном рыночном хозяйстве.

Еще более любопытно, что практика «движения к рынку» демонстрирует очень многое, но менее всего движение к рынку. Освобождение, да и то частичное и поверхностное, от административной зависимости, обернулось зависимостью экономической, причем не столько от рынка как такового, сколько от той же административной структуры и нерыночных экономических монополий, в среде которых оказались и монополии криминального типа.

Характерно, что либерально-буржуазная концепция никогда и нигде в полной и эффективной мере не реализовывалась: она хороша в лучшем случае для подправления слишком дирижистской (управленческой) и этатизированной (огосударствленной) экономической системы, а в худшем — для борьбы с небуржуазными системами, для их разрушения, параллельного осуществления первоначального накопления капитала, а также для борьбы со странами-конкурентами, их ослабления изнутри и колонизации.

Примечательно и то, что либерально-буржуазная доктрина вовсе не чурается государства, но… в своих интересах (разве можно решать задачи разрушения, накопления капитала, социальной стратификации, подчинения или колонизации без сильной государственной воли?). Выключая государство в одном месте, она включает его в другом, не отвергая вовсе государственную инициативу, а лишь ее переориентируя.

Проводимая ныне в России «либеральная» денежно-финансовая политика, которая на деле скорее реализуется как экономикополитическая диктатура, не может иметь иных целей и результатов, кроме тотального разрушения старого порядка, стимулирования хаоса и формирования в хаосе и из хаоса только одной организации — торгово-ростовщического капитала. Именно это, а не что-либо другое, подтверждается практикой — увы, нет ни роста производства, ни насыщения спроса, ни стабильности цен, ни финансового благополучия.

Следуя либерально-буржуазной доктрине, российское общество обретает свободу от скрепляющих его уз, деформируется и «расформируется» (теряет форму), переходит в неопределенное состояние. Это ясно. Менее ясно другое: какое же новое общество идет на смену старому, что может конкретно-конструктивно выйти из усиливающегося

хаоса, каково оно — новое формообразование? Либеральная доктрина отвечает несколькими достаточно туманными фразами: «частная инициатива и деньги сделают все», «рынок выведет на экономический оптимум», «конкурентное общество целесообразно самоорганизуется» и т. п. В сущности, либерально-буржуазная доктрина ничего не говорит о будущем устройстве общества, его смысле и духе, историческом предназначении. Она не имеет содержательного конструктивного социопроекта. А это очень рискованно, опасно. Либерализуясь, легко устремиться и к беспечно аморфному состоянию, и к бессмысленной гражданской войне, и к полному исчезновению. Мало того, можно через некоторое время легко попасть и под новый «цивилизационный» эксперимент, реализацию какой-нибудь выдуманной где-то и кем-то социо-политической схемы, новой утопии. Почему бы нет? Сегодняшние «либеральные» реформы, порождающие беспорядок, могут смениться другими — совсем уж не либеральными — реформами, которые породят порядок, но вот какой?

И если российскому обществу не безразлично свое будущее устройство, если оно не может согласиться с неизвестностью, если оно не хочет стать объектом загадочного манипулирования, то решительный поворот в ходе реформации крайне необходим. Реформация должна-таки подчиниться иным, чем в «демократическом» сегодня, приоритетам — не разрушению, а созиданию, не частной, а общественной пользе, не внешним, а внутренним интересам, не анархии, а порядку, не произволу, а закону, не беспределу, а мере, не суесловию, а расчету, не слабости, а воле.

Моделируя общую парадигму реформации, можно предложить следующие символизированные решения:

Девиз: «Справедливость, порядок, духовность».

Цель:

- Россия как великое благо;
- справедливое устройство общества;
- мирная, упорядоченная, одухотворенная жизнь как основное благо; благосостояние россиян как главное национальное достояние.

Средство: свободное творчество граждан и их ассоциаций в рамках народовластного государственного порядка с участием общенационального лидерства.

Условия:

- общественное, гражданское, народное и общенациональное согласие;
- правовой порядок и гражданские свободы;
- исполнение гражданами национально-гражданских обязанностей;

- разнообразие форм собственности, хозяйствования, трудовой деятельности, иных реализаций социальной активности;
- государственная защита личности, семьи, собственности, любых законных институтов и образований, национальная безопасность;
- социальная, культурная, этническая, природная экология.

Особенность предлагаемого социопроекта в его уважении жизни, ее таинственности и воли, ее многообразия и целостности. Наш проект — не окончательная истина и не беспрекословная программа. Это не «левый» и не «правый» замысел, не центристский, не дуальный и не смешанный, и уж, конечно, не эзотерический (сверхреальный). Это вполне человеческий, вполне мирской, вполне жизненный замысел. Он избегает всякой односторонности, доктринальной заданности, догматической ограниченности. Он рассчитан на богатство жизни, учитывает его многовариантность, природную обусловленность и духовное величие.

В проекте только два императива, причем невыдуманных: один — Россия (позитивный императив) и другой — ненужность навязывания России не-России (негативный императив).

Наша российская, выражаясь по-современному, социогенетика дает право на выдвижение этих двух императивов, тому же служат, выражаясь уже не по-современному, и обыкновенный зов души и сердца. Но не только: есть здесь также зов ума и рассудка — как нельзя вылезть из собственной кожи, так и нельзя вырваться из собственного исторического образа.

Не дано ничего отвергнуть по усмотрению: ни арийских корней, ни славянских, ни русских; ни языческих истоков, ни христианских (православных), ни коммунистических; ни монархических элементов, ни общинных, ни советских. С социо-культурными чертами надо считаться. И так с каждым народом, каждым обществом, каждым цивилизационным образованием. Не дано и навязать что-либо по разумению: ни религии, ни идеологии, ни цивилизации; ни демократии, ни монархии, ни диктатуры; ни плана, ни рынка, ни денежного фетишизма. Экология социальной жизни в том-то и состоит, что либо жизнь сама вырабатывает что-то новое, либо свободно его воспринимает, но никак не принимает насильственно — в итоге всякого грубого натиска только борьба и раскол, запутанное и бесконечное неразрешение.

Два Великих Насилия Россия уже пережила, может стать, кажется, объектом и третьего, — так не хватит ли?

Обретет ли Россия желание остаться Россией и стать новой Россией, найдет ли для этого силы? Чему в конечном итоге послужит жестокое испытание, переживаемое Россией — России или не-России? Мы верим в Россию, ее возрождение и процветание, ибо за верой этой

скрывается великий священный смысл, но верит ли в Россию сама Россия? Вопросы не случайные и вовсе не риторические. Россия на переломе и на перепутье — судьбоносном перепутье.

Мы указали благую цель и праведную дорогу, но выбор остается за самой Россией!

Июнь-август 1992 г.
Январь-февраль 1993 г.

IX

События 21 сентября — 4 октября 1993 г. подтвердили в основных чертах оценку исторической ситуации России, содержащуюся в настоящей работе. Не опровергли они главные ориентиры развития страны, не отменили характеристику Российской Реформации, ее общего хода. Можно даже сказать, что указанные события вполне вписались в нарисованную выше картину современной России, в логику ее страдательного «дрейфа», в эскиз ее нравственного состояния.

Смысл и значение сентябрьско-октябрьских событий выходит далеко за рамки столкновения ветвей власти, а уж тем более — политических течений и личностей. Не определяются до конца данные события ни борьбой между сторонниками и противниками проводимых в России реформ, ни борьбой между либералами-западниками и государственниками-отечественниками, ни борьбой между «старой номенклатурой» и «новой буржуазией», хотя все эти противостояния получили в них известное отражение.

Смысл и значение События (позволим себе превратить события в событие) гораздо шире, глубже и, если так можно выразиться, дальше — в плане исторической перспективы, чем это представляется при ближайшем его рассмотрении, тем более, при полном в него погружении. Попробуем оценить событие на расстоянии, не путаясь в его конкретных истоках и сплетениях, мысленно поместив его в насыщенный качествами, изменениями и коллизиями, пространственно-временной контекст.

Больное общество — больное событие.

О чем свидетельствует происшедшее: об ослаблении болезни или об ее углублении? Болезнь общества так сложна и так запущена, что однозначного ответа не дашь: и да, и нет. Что-то пошло на пользу страдающему организму, что-то — во вред.

Главное — произошло *обнаружение* и *расчищение.* Исчезли некоторые двусмысленности, растаяли иллюзии, высветилось потаенное, обозначились новые тайны. Произошла развязка, необходимая для новой завязки. Россия прошла очередную бифуркационную точку: крутое смещение и резкую сшибку, моментное разветвление и новое растекание. Политическое поле очистилось на мгновение, но только для того, чтобы

наполниться еще более сложными борческими конфигурациями.

Особенность события — *в отсутствии явных победителей, как, собственно, и явных побежденных.* Это не совсем конец и не совсем начало, скорее — продолжение, надо полагать, с новыми текстами и в новых обличьях. *Великий Выбор еще не осуществлен.* Есть наступающие и есть отступающие, есть активно действующие и есть только смотрящие. Великий Выбор предполагает *Великое Единение,* пусть далеко и не абсолютный консенсус, но все-таки единение, а его-то как раз и нет.

И *проблемы великие* не решены: ни социальные (собственности), ни хозяйственные (производства), ни политические (устойчивости общества), ни моральные (нормальной жизни). Все впереди. И не только разрешение тугих проблем, но и способы их разрешения, а потому и в силе пока всякие варианты — те самые варианты, о которых шла речь выше. Событие, возможно, и подняло вероятность некоторых из исходов, но и не отвергло вчистую ни один из них.

Бросило событие и свои собственные семена в социо-историческую почву: как-то и чем-то отзовется оно в будущем?

Резонно, наверное, допустить укрепление правительственного варианта, как резонно допустить и единовластную форму его реализации, но не менее резонно задаться вопросом о социальной базе того и другого, о действительной возможности их практического претворения. Можно ли сегодня поручиться, что российское общество в целом и в реальности признало именно *этот* вариант и именно *этот* способ его достижения?

Ведь ушедшая авторитарно-административная система (коммунистическая), отнимая свободу говорить и самостоятельно действовать, давала людям необходимые жизненные условия и блага, пусть и не самые великие и яркие, но надежные. Приходящая же авторитарноадминистративная система (антикоммунистическая), маня броскими этикетками и слащавой роскошью, бросает людей в стихию самовыживания, отнимает у большинства из них условия и блага жизни, превращая последнюю в очень ненадежное и горестное событие. Да и закон уже не закон, и порядок уже не порядок, и произвол уже не произвол. Есть над чем задуматься простодушному россиянину.

Страна расколота. Вот это несомненно. Как справиться с расколом, как подобрать и удержать страну, как направить ее на истинный (какой?) путь? Можно ли это сделать насильно? А есть и будет ли всеобщий добровольный отклик, есть и объявится ли общая конструктивная пассионарность?

Россия на то и Россия, чтобы ставить загадку за загадкой. Она все еще по существу безмолвствует, — нет ответа. Хотя, впрочем, не совсем безмолвствует, ибо событие осеннее сопроводилось-таки криком, но каким, о чем и кого?

Тайна. Что-то непостижимое для ума человеческого произошло в России и с Россией в сентябре-октябре 1993 г.? То ли России предсмертный стон, то ли старой России последний выдох, то ли новой России первый вздох, — кто знает? И как удивительно походит случившееся в Москве в 1993 г. на совершившееся около двух тысяч лет назад в Иерусалиме! Та же искупительная и спасительная жертва, та же пронзительная весть, то же грядущее воскресение.

Неужели устроители осеннего действа сделают вывод о правильности и благотворности совершенного, о необходимости и возможности покорения своевольного социума, о полезности неискреннего и эгоистического реформирования? Неужели не поймут важности полной и гармоничной реформной переориентации?

Неужто не помыслят они о глубинном смысле События, не обратят внимание на его пророческую значимость? Останутся непоколебимыми?

Разве можно построить какое-то «правильное» общество *после, вопреки* и *в отрицание* сентябрьско-октябрьского подвига-жертвы?

Россия больна. Это бесспорно. Но бесспорно и то, что болезнь любая проходит. Нельзя сказать, что в России не осталось пассионариев, как нельзя сказать, что все российские пассионарии только и думают, что о своем обогащении. Сознание рождает *самосознание.*

Российская Реформация не остановилась. Она идет — явно и неявно. Рождаются новые организации и новые формы. Навстречу реформации сверху идет реформация снизу. В обществе зреет конфликт между реформацией снизу и реформацией сверху. Такой конфликт станет неизбежным, если «верхний» реформатор все еще убежден в благодетельности *радикального навязывания радикально неприемлемого* — для органического, природного, обитающего на своей собственной земле большинства.

России важно не допустить распада, избежать гражданской войны, сохранить себя. Она и занята сегодня самосохранением. Для России как никогда важно *стояние* — несмотря на все уловки и на все обиды. России нужно смотреть в себя, беречь и оберегаться, самопостигаться и самоизменяться.

Любовь и *вера.*

Любовь к отечеству, вера в себя, в свое *самовозрождение.* Самосознание, самоответственность, самодисциплина.

Трудно, непривычно, а надо! Рабы — а лучше сказать, саморабы, ничего конструктивного не делают, в истории созидательно не участвуют, уважения к себе не обретают. На место самораба — *одухотворенный ответственный гражданин!*

Не разочаровываться, не расслабляться, не бежать.

Нет ничего ценнее для русского (по натуре и культуре) человека,

чем жизнь в России, в российском климате, в российском Духе, в российских традициях. Русский охотно восхищается Западом и Востоком, дивится на них, в чем-то даже завидует, приобщается, но без России он не может. Раздражается на Россию, обижается, терпит неудобства и убытки, стенает, а жить без России не может. *Россия для русского — величайшая мистическая ценность.*

Есть какая-то необъяснимая слиянность Духа России с душой Русского Человека, и в этом тихом и гордом единении все их счастье, и несчастье, вся их харизма, вся судьба.

Россия так устроена (или же так неустроена), что русскому часто приходится делать выбор — либо с Россией, либо с не-Россией. И вот, что поразительно: отход от России опустошает, движение к ней — обогащает. Жизнь с Россией наполнена каким-то особым, важным смыслом. Жизнь становится удивительно светлой и значимой. *России изменять нельзя!*

Нельзя изменять и Российской Реформации, Россия вовсе не против реформ, но реформ по существу и духу российских. История уже достаточно демонстрировала невозможность сочетать несочетаемое, так не лучше ли последовать за глубинными основаниями и потребностями российского социума, дать ему самому преобразиться, а водительствовать им, лишь исходя из его исторической обусловленности и предназначения. Не об этом ли прокричала громко Россия во время ставшего уже сакральным сентябрьско-октябрьского События?

> «Но есть еще тайна: вещь, обиженная, начинает быть правой. Собирает все свои силы — и выпрямляется, все свои права на существования и стоит».
>
> М. Цветаева

РОССИЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ И ЕЕ НОВАЯ ВОЛНА

1. СВОЕОБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ И ФИЛОСОФИЯ

Россия переживает тяжелейший кризис. Обусловленный коррозией административно-плановой системы и упадком партократического управления, ускоренный «перестроечной» смутой, кризис охватил все сферы российского общества: хозяйство, государство, культуру. Смена государственно-политического режима, в конце 1991 г., как и одновременный развал единого централизованного государства — СССР,

не ослабила, а еше более усилила кризис. Последний стал фундаментальным фактом и фактором жизни. В стране воцарился произвол, процветают коррупция и преступность, усиливаются национализм и местничество, растет социально-политическая напряженность, деградирует человек.

На территории бывшего СССР, в России, в зонах ее непосредственных интересов и исторического влияния идут гражданские войны.

Действия правящих кругов, вдохновляемых замыслом реформировать Россию по западному образцу, имеют результатом, с одной стороны, ускоренное накопление частного банковско-торгового капитала, ориентированного на компрадорское, паразитическое существование, а с другой — хозяйственный и финансовый хаос, резкое сокращение объемов производства, монополизацию и криминализацию рынка, обнищание широких масс трудящихся и нетрудоспособных, бедственное положение предприятий и целых отраслей производства, развал социально-культурной сферы, массовую безработицу.

Россия стремительно переходит в разряд второстепенных стран, теряет союзников, стоит на грани геополитического распада и колониального поглощения. Отечеству грозит катастрофа, сравнимая с катастрофой 1917—1918 гг., а возможно, и более масштабная, глубокая и трагичная.

Историческая драма всей проводимой в стране «перестроечной» политики, равным образом и ее вдохновителей и реализаторов, состоит в том, что выполнение задачи тотального переустройства СССР и России по западной (а точнее, псевдозападной) модели связано с практически полным отрицанием исторического прошлого и настоящего страны, ее национального и геополитического своеобразия, а соответственно — с практически полным разрушением государства и всей социальной, хозяйственной, политической и культурной среды.

Курс, по которому идут нынешние реформаторы, — курс не на преодоление, а на углубление кризиса, охватившего ранее СССР, а теперь Россию.

Не сбрасывая со счетов возможности ускоренного навязывания обществу «буржуазных» ценностей и перемен, что сопряжено более с поразительной наивностью населения, чем с содержательной привлекательностью невразумительно предлагаемых новинок, следует решительно указать на общецивилизационную и историческую порочность избранного перестроечного варианта:

- во-первых, это путь вовсе не разрешения накопившихся в обществе противоречий (проблем), а их дальнейшего усугублении, как и возникновения новых, еще более острых противоречий (социальных, политических, культурных), на разрешение которых потребуются многие

годы, огромные усилия и материальные затраты, человеческие жертвы;

- во-вторых, это путь, ведущий в общецивилизационный и исторический тупик, поскольку неумолимо и спешно навязываемая обществу «модель» не соответствует характеру, предназначению и потребностям России, грешит опасным отрывом от реальности,
- в-третьих, это путь, ведущий к мировой дестабилизации, новой переделке мира, его переустройству под американское лидерство, но в то же время и путь усиления противостояния Соединенным Штатам всего остального мира, гигантских геополитических сдвигов, новых международных образований и противоречий, международных конфликтов и войн;
- в-четвертых, это путь последовательного тоталитаризма, выступающего лишь в новом облике, с измененными методами и средствами, путь, не дающий обществу и человеку реальной свободы и возможности собственного выбора, путь буржуазно-колониального рабства;
- в-пятых, это путь фактически перманентного кризиса и бесконечной гражданской войны (как классовой, так и межнациональной; как «по вертикали» — против «верхов» и «центров», так и «по горизонтали» — между территориями; как политической, так и экономической; как «холодной», так и «горячей»).

Движение по указанному пути — движение к пустоте, тому самому вакууму, в котором царствует анархия и неопределенность, и из которого может выйти любой самый неожиданный вариант, и вполне вероятно, что таковым может стать — при дальнейшем наивном благодушии и политическом бездействии апатичного общества — вариант нескончаемых междуусобиц, переворотов и диктатур. В разбушевавшейся стихии уже не до демократий и монархий, правового порядка, государственности и гражданственности. Речь с неизбежностью пойдет тогда о военной, естественно, «миротворческой», интервенции и разделе пространства бывшего СССР и нынешней России между иностранными государствами. Не только СССР, но и Россия, как собственно и другие «независимые государства», имеет шанс окончательно кануть в Лету.

Россия, как и многие сопредельные с ней страны, нуждается не в полной риска и опасностей «буржуазной» революции, а в деловитой и рассудительной социореформации, для которой целостность, организация и созидание явно предпочтительнее распада, стихии и разрушения, а отечественная ориентация — любой привнесенной извне. Такая реформация, которую необходимо рассматривать как сочетание **обновления с сохранением, преобразования с возрождением** саморазвития с ориентацией, должна затронуть как материальную, так и духовную сферы общественной, семейной и личной жизни, не быть идеократической, тоталитарной и насильственной, основываться как на светских, так и

на религиозных ценностях, иметь разносторонне экологическое обоснование, соединить естественное преображение человека и общества с конкретными практическими реформами.

Проект, оплодотворяющий данную реформацию, должен быть проектом непосредственно **антикризисным,** направленным на решительное ослабление и преодоление губительного, разрушительного процесса, развернувшегося в стране; это должен быть проект антикризисных **преобразований,** способных вызволить творческую инициативу и созидательную энергию общества; трудовых коллективов и структур, семей и отдельных личностей; это должен быть проект общегосударственных и общенациональных преобразований, обеспечивающих возможность участия всех граждан в конструктивной деятельности на благо самих себя, своих семей, трудовых коллективов, государства, общества в целом; это должен быть проект, стимулирующий всяческий необходимый человеку, государству и обществу созидательный труд.

Своеобразие российской реформации

Российская реформация — понятие не сегодняшнего дня. Можно с уверенностью сказать, что реформация имманентна России, ее истории во всяком случае с момента выхода России из-под татаро-монгольского влияния. **История России — история реформации, российская реформация — история России.**

Российская реформация — растянувшееся на века сложнейшее событие, включающее в себя не только реализацию конкретной программы реформ, но и такие события, как революции и войны.

По сути своей российская реформация есть процесс исторического преобразования России, поиска Россией адекватного ей образа, **мучительного рождения России в России, возникновения России из России.**

Российская реформация отнюдь не самодостаточное явление, она не изолирована от остального мира, внешней истории, зарубежных трансформаций и мировых потрясений. Россия не просто включена в мировое сообщество, в планетарное человечество, она является их органической и исключительно важной частью, испытывая судьбоносные влияния от всемирного целого и оказывая на него не менее судьбоносные воздействия.

Ни одна из вспышек российской реформации не обходилась без внешнего влияния, причем отнюдь не только духовно-культурного свойства и не только посредством перенесения и усвоения полезного опыта. Россия всегда сталкивалась с целенаправленным воздействием на себя, а нередко и с прямым вмешательством в свои внутренние дела вплоть до интервенций.

И сегодня российская реформация идет под влиянием и даже контролем внешних сил, целеположено сплотившихся и активно реализующихся. Не следует преувеличивать воздействие со стороны — объективное и субъективное, но не следует и преуменьшать его.

Внешнее воздействие вовсе не всегда бывает вредное и разрушительное, но оно никогда не должно быть для России неконтролируемым.

Для современного человечества характерен **всемирный объединительный процесс,** и нынешняя российская реформация так или иначе связана с ним, идет под его влиянием и даже в его рамках. Избежать мирообусловленного процесса нельзя, и избегать не нужно. Важно не растворить в нем, потеряв самостоятельность и самобытность, утратив независимость и величие. Важно и воздействовать на него, да так, чтобы выполнить задачу рождения истинной России в ходе реализации истинно российской реформации.

И не России вовсе суждено в конце концов осознать, что она должна впредь существовать усеченной и раздробленной, стремясь к исчезновению, а ближнему и дальнему зарубежью, всему мировому сообществу придется-таки понять, что не может быть России не-Великой и что именно Россия Великая всего более нужна человечеству.

Философия антикризисной реформации России

Любой реформационный проект предполагает первичный концептуальный выбор. Какие же воззренческие начала могут быть заложены в основание сегодняшней российской реформации? Какой может быть философия?

Начало первое: социальность. Реформация должна осуществляться обществом и в интересах общества на основе и в рамках общественного согласия. Реформы, направленные на узкоклассовые, эгоистические интересы, а тем более на интересы того или иного класса господ, недопустимы. Руководство реформами — руководство социальное, т. е. действующее ради общества в целом и под его контролем. Ни один член общества, ни одна семья, ни один трудовой коллектив, ни одно действующее в обществе социальное образование не должны исключаться из активной социальной жизни, процесса преобразований.

Государственность строится и реализуется как социальная государственность, общество как социальное общество. Основной принцип организации того или другого — органическое осуществление единства в разнообразии, т. е. возможность взаимоприемлемого сосуществования разных по качеству, но не враждебно взаимоисключающих феноменов в пределах единого общественного комплекса.

Наличие социальной дифференциации при действии механизмов сдерживания на основе критерия социальной справедливости. Предпо-

чтение сотрудничества, взаимопомощи и взаимополезности любым проявлениям социальной борьбы и конкуренции. Наличие функциональных социальных сословий и сословного представительства в социогосударственной организации. Предпочтение профессионально-производственных организаций политическим и идеологическим. Разнообразие собственности при приоритете ее общественных форм, свободный выбор способов хозяйствования, трудовое накопление личного и семейного богатства, возможность наемного труда. Недопустимость спекулятивного накопления, получения нетрудовых доходов. Ограничения в наследовании собственности. Любые формы трудового хозяйствования на земле, отсутствие купли-продажи земли и ее недр. Наличие общественных и государственных институциональных и функциональных механизмов социальной регуляции.

Начало второе: цивилизационность. Гражданское устройство общества. Правовой порядок и господство принципа равенства всех членов общества перед законом. Гражданские свободы: деятельности, передвижения (в том числе выезда из страны и въезда в страну), места жительства, объединений, образования, убеждений, конфессий, участия в социально-политической жизни, выбора. Право на уважение личности и семьи, труд, отдых, охрану здоровья, образование, собственность, жилье, государственную и социальную защиту, участие в политической жизни. Право на обращение в суд и на защиту в суде. Независимость суда от кого-либо и чего-либо, кроме закона. Наличие гражданских обязанностей: соблюдения законов и установленного порядка, выполнения общественных и воинской повинностей, трудового образа жизни. Запрещение национальной, расовой, политической и иной дискриминации.

Начало третье: государственность. Государство — особое устройство общества; устанавливаемый обществом и поддерживаемый с помощью специального аппарата общественный порядок; способ организованной жизнедеятельности общества; структура организации общества. Государство — властная иерархическая организация, располагающая возможностью побуждать и принуждать, контролировать. Государство организуется обществом, но оно при этом самоорганизуется и во многих аспектах организует общество. Государству повинуются, а оно опекает и защищает. Государство необходимо, как необходимы этические нормы, право, деньги или рынок. *Негосударственных цивилизованных обществ история не знает.*

Устройство государства может быть разным, но так или иначе оно должно отвечать следующим требованиям: 1) устойчивости, 2) эффективного действия и реагирования, 3) конструктивной изменчивости. Эффективность государства непосредственно зависит от соответствия его

организации и самого духа характеру, интересам и потребностям общества, в жизнедеятельности которого государство участвует. В гражданском обществе государство базируется на *принципиальном социополитическом консенсусе (согласии, договоре) относительно принадлежности всех членов общества к государственной организации, о принадлежности государства обществу и о деятельности государства в интересах всех членов общества.* Устройство государства должно исключить возможность отчуждения его от общества или части общества, как и возможность установления господства государственного аппарата над обществом. Гражданское государство может строиться и осуществляться по-разному, от демократии до монархии, но оно не может основываться на диктатуре, авторитаризме, тоталитаризме.

Начало четвертое: патриотичность. Реформация должна носить патриотический характер, происходить в интересах отечества на его основе и на его принципах. Зарубежный опыт — для творческого, полезного, избирательного и самостоятельного усвоения. Никакого насильственного внедрения иноземных систем и культур, никакого руководства и патронажа из-за рубежа. Приоритет отечественных ценностей, но без диктата устаревших и отживших из них. Неукоснительное соблюдение национальных (страновых, государственных) интересов. Сочетание национального авторитета с умелыми межгосударственными компромиссами. Четкое определение национальной опасности и всесторонняя от нее защита. Государственная безопасность, признание возможности и необходимости ведения отечественной (оборонительной) войны. Никаких односторонних территориальных уступок. Государственная защита граждан России за рубежом, как и защита бывших граждан СССР, находящихся за пределами России и стремящихся к опеке с ее стороны.

Начало пятое: интернациональность. Реформация должна проводиться в интересах всех народов, населяющих Россию. Органическое сочетание юридического равноправия всех народов с разнообразием их фактической роли в сообществе. Никакой национальной дискриминации. Сосуществование национальных культур. Наличие национальных государственных образований в рамках общей многонациональной государственности. Признание мирового сообщества как сообщества народов, наций, рас. Равноправное и взаимополезное участие России в мировом сообществе. Признание международных организаций и равноправное участие России в их деятельности.

Начало шестое: гуманистичность. Господство принципа уважения личности при ее высокой ответственности перед обществом. Уважение личности обществом (государством) сочетается с уважением общества (государства) личностью. Уважение и утверждение семьи как первичной социальной ячейки. Уважение и защита женщины, всемерная

поддержка женщин-матерей. Забота о детях. Поддержание нормального воспроизводства людей и общества в целом. Всеобщее народное образование, доступность среднего и высшего образования, возможность профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Доступные здравоохранение и спорт. Гуманизация культуры (запрет на пропаганду насилия и человеконенавистничества, на порнографию, культивирование половых извращений). Забота о высокой культуре и ее доступности широким массам людей. Забота о духовном, этическом и эстетическом воспитании людей. Наличие духовных институтов. Возможность религиозного воспитания и отправления гуманистических культов. Воспитание людей в духе человеколюбия, взаимотерпимости и чести. Воспитание патриотизма, уважения народов и национальных культур. Защита личности, семьи, коллектива от антигуманных и незаконных посягательств. Забота о предотвращении преступлений, господство принципа неотвратимости наказания за преступления, изоляция преступников от общества. Свобода выбора, инициативы и действий личности в пределах общественной (государственной), природной и культурной целесообразности. Всемерная поддержка принципов сотрудничества и взаимопомощи. Наличие развитых систем социальной защиты и социального обеспечения.

Начало седьмое: экологичность. Любая реформация сегодня не может не учитывать экологический принцип, сущность которого состоит в признании *целостности мироздания, системной взаимозависимости всех его элементов.* Мир меняется, но в определенных дозах смерти и рождения. Доза — нечто количественное и качественное одновременно, экологическая мера изменчивости. Выход за пределы меры — катастрофа. Гибель одного мира и, возможно, возникновение другого. Это уже не изменение, а исчезновение, в лучшем случае — превращение с неизвестным знаком. Добротная реформация обеспечивает направленное изменение вплоть до превращения, она является в полной мере экологичной. Такая реформация ставит перед собой задачу перехода к экологическому, т. е. гармонически устроенному миру. Экологически устроенный мир — это мир, в котором всему жизненному находится место: личности, семьи, коллективу, сословию, народу, равным образом природе, технике, государству, обществу в целом. Все жизненное имеет свою ценность (системную ценность), все необходимо.

Экологическая реформация предполагает гармоничное сочетание самоорганизации (людей, семей, коллективов, институтов, регионов, общества) с организацией — *волевым направленным действом.* Реформация отнюдь не только деяние реформатора, это прежде всего творчество общества, его самопреобразование.

Начало восьмое: экономизированность. Современное общество —

общество экономическое. Жизнедеятельность общества основана на возмездном обмене трудом (продуктами, услугами). Все: продукты, ресурсы, труд, человек, отношения получает стоимостную (денежную) оценку. Любое дело (бизнес) опосредуется деньгами.

Воззренческие начала российской реформации носят общечеловеческий характер, представляют ценность не для одной России. Полагаясь на них, российская реформация не проиграет. Но она может в конце концов и не выиграть, если не учтет специфики России, ее геополитической, геноисторической и духовной особенности.

Что есть российского в России?

Первое: пространство и местоположение. Огромное континентальное пространство. В Европе и в Азии, между европейскими и азиатскими циливизациями. Ни собственно в Европе, ни собственно в Азии. Сама по себе, но в то же время и непосредственно в мире. В незащищенном пространстве и строгом климате. С природной неустойчивостью и устойчивостью пространственной и людской. Раскинутость. Погруженность в природу. Сравнительная редкость и большая неравномерность расселения людей в сочетании с тяготением к общественным (коллективным, общинным, сельским, городским) формам поселения. «Пористость» соционаселенческой ткани, ее вязкость, неопределенность.

Второе: русскость. Россия — страна русская. И дело здесь не только и не столько в преобладании собственно русского населения, сколько в особом этнокультурном типе страны, ее духе.

Россия — не Европа. В ней нет европейского индивидуализма, рационализма и активизма, как нет и европейского накопительства, конкурентности, политичности. Россия — и не Азия. Нет в ней азиатской «подетальной» социоупорядоченности, непреодолимых страт, растворенности индивида в социуме, как нет и азиатской запрограммированности поведения, погруженности личности в самое себя, самоутверждающейся созерцательности.

Россия — и не смешанная Евро-Азия, хотя и имеет определенные европейские и азиатские черты.

Россия — особенна. Ее специфика — в человеке, в *общественной одухотворенной личности,* а это уже не Европа и не Азия, и не Евразия даже: не смесь, а особого качества человеческий и социальный материал. Личность, ибо у каждого члена общества свой замысел и вариант жизни, свое предназначение и своя возможность его реализации; личность в то же время общественная, признающая общество и перед ним ответственная, не отделяющая себя от общества, ведущая социальный образ жизни, уважающая общее (государственное) дело, уживчивая, соборная. Наконец, личность одухотворенная, оказывающая предпочтение духовным,

а не материальным, облагораживающим, а не просто полезным, естественным, а не искусственным, душевным, а не рассудочным ценностям, верящая в правду и желающая жить по правде, личность совестливая, отзывчивая, нестяжательная, неприхотливая, терпимая и терпеливая, жертвенная.

Для России не типична личная борьба за богатство, его безудержное накопление, не типична и узкая потребительная предопределенность. Для русскости всего более характерно стремление к личному и семейному достатку, добываемому своим трудом, в сотрудничестве, по справедливости. Неправедно нажитое богатство и эксплуатация — большой грех на Руси. Русская цивилизация — цивилизация не денежная, не признающая деньги за святыню, скорее относящаяся к ним как к неизбежному злу.

Русские — государственники, но не политически, как в Европе, и не по внешнему понуждению, как в Азии, а по зову души, инстинктивно. Русские не просто участвуют в государственной жизни, не просто признают государственную власть, но верят в Государство. Государство, как и Родина, — величайшая у русских ценность. Государство — защитник русского человека, а русский человек — защитник государства.

Русский народ — народ верующий: в правду, добро, свет, справедливость, воздаяние. Верит русский народ, вопреки десятилетиям принудительного атеизма, и в Бога. Не слишком привязан русский человек лишь к религиозной догматике, хотя признает и уважает Православную Церковь. Для русских не характерны ни религиозная назидательность, как у некоторых европейцев, ни растворение в религии, а тем более религиозный фанатизм, как у некоторых азиатов. Для русских всего более характерно утверждение нравственности, а вместе с этим — вера в Ближнего в Родину-Русь, в Жизнь.

Русский характер противоречив, он соединяет в себя, как никакой, наверное, другой социоэтнический характер, крайние противоположности. И обусловленность такой противоречивости гораздо глубже и содержательнее, чем пресловутый евро-азиатизм. Русские — естественные наследники, носители и будущие проявители какого-то особого понимания мира и положения человека в нем: русский не хочет ни господства над миром, ни подчинения себя миру, он жаждет гармонии с миром, но знает (здесь срабатывает как его текущий опыт, так и социогенетическая память), что достичь этой гармонии можно разве только ценой (испытания-болезни и выздоровления).

Русскость это самый настоящий интернационализм. Русским может быть любой по крови человек. Главное в русскости — не кровь, а духовность, самоощущение, культурная принадлежность. Не зов крови,

а зов души. И если говорить о генной обусловленности, то обусловленности характерной, поведенческой, нравственной.

Третье: единоначалие. Единоначалие не постоянное, то ослабевающее, то усиливающееся. Обюрокрачивалось. Устаревало, впадало в геронтократию, слабело. Теряло эффективность. Допускало и разъедалось коррупцией.

Способствовало единоначалие в конце концов развитию в недрах общества разрушительных сил — антигосударственных, антипатриотических, дезинтеграционных (центробежных), аморальных (преступных). Вынуждало подниматься и охранительные силы, ставящие задачей предотвратить разрушение государства, общества, культуры. Вызывало к жизни и преобразовательские силы — от законных реформаторов до незаконных революционеров. Допускало и вызывало смуту, «холодные» и «горячие» гражданские войны. Терпело крах.

Из смут единоначалие выходило с помощью… опять же единоначалия, ибо только единоначалие могло преодолевать смуту, разумеется единоначалие обновленное — не столько, быть может, по сути, сколько по форме выражения и способу реализации. Выход из смут, обусловленных во многом единоначалием, с помощью единоначалия означал и выход на историческую арену… единоначалия. Круг замыкался: от единоначалия к единоначалию. А далее разражался новый кризис единоначалия — замыкался и этот круг. Формула исторического бытия единоначалия — формула цикла.

Четвертое: раскол. Это вовсе не классическое единство противоположностей, это — сосуществование несводимых к органическому единству разностей, сосуществование трудное, болезненное, нередко враждебное. Причин тому множество: и раздвоенность между Европой и Азией, и противостояние им, и неустроенность российской жизни, и сама русскость с ее незапрограммированностью и возможностью крайних предпочтений. Быть русским — не по крови, а по предназначению — совсем не легко: ни спасительной европейской рациональности, ни спасительной азиатской предопределенности. Российские социогосударственные скрепы не идут в сравнение с иноземными: предоставляя большую свободу, они предоставляют и большую невозможность. Всюду и всегда сопротивление. И всего труднее — делание. Оно требует характера, стойкости, даже героизма. Российский социум весьма коварен: с одной стороны, восприимчивость и податливость, с другой — противленность и отторжимость. Россия сохранит слабого, но сильному просто так воли не даст. Все — *по правде,* а где она, эта правда, кем, как, по каким законам писана? У каждого ведь своя правда.

Русь, она на то и Русь, чтобы правду особую иметь, да еще и с великой тайной сопряженную. Но Русь не была бы Русью, если б имела

лишь одну правду — на всех. Не было этого, нет, да и вряд ли будет. На Руси правду не имеют, даже не создают, ее ищут, ибо правда русская за пределами ума человеческого и выше намерений смертного. Правда — не уложение, а истина, а что это такое — истина?

Раскол от разных правд идет, но правд упрощенных, однобоких. Как только решение бывает найдено (вроде бы истинное), так и раскол тут как тут, ибо на одну правду обязательно найдется другая — прямо противоположная. Русскость допускает не просто различные, а прямо-таки «наоборотные» решения, следуя за которыми очередного раскола — при русской-то жажде истины — не избежать.

Расколов на Руси великое множество. Расколов-событий, расколов-состояний, расколов-тенденций.

1) *Раскол на Россию и не-Россию.* Речь идет не просто о русской и нерусской культурах, тем более не об отечественной и зарубежной культурах, хотя влияние нерусских и иноземных культур на раздвоение России, на противостояние России и не-России, безусловно, есть. Речь идет в данном случае о русскости и не-русскости в пределах самой русскости или иначе — о *русскости с положительным знаком и русскости с отрицательным знаком.*

Русскость — не удовольствие, не доход, не выверенный маршрут, это скорее неопределенность, тяжелая ноша, затрата. Русскость — это крест. Быть русским, т. е. реализовать себя в качестве русского, не каждый захочет, не всякому это дано, не каждому под силу, да и далеко не от всякого это требуется. Россия сортирует и делит русских на русских и не-русских, на представителей России и представителей не-России. Последние наполняют ряды «иностранцев», неудовлетворенных критиков (хулителей) эмигрантов. Самое престижное для них — жить за границей, желательно в европейском образе. Но и у сторонников России не все гладко: имеет место феномен «надрывного», «непримиримого», да и просто показного, патриотизма. Крайности сходятся.

2) *Раскол культурно-идеологический.* Известны разные расколы данного типа: церковный XVII в. (старообрядцы — новообрядцы), петровский XVIII в. (цивилизаторы — варвары), атеистический с XVIII в. (верующие — неверующие), чаадаевский с первой половины XIX в. (консерваторы — радикалы), революционный XIX—XX вв. (консерваторы — реформаторы — революционеры), большевистский после 1917 г. (коммунисты — некоммунисты — «враги народа»), солженицинский с 1960 г. (социалконсерваторы — диссиденты), горбачевский с 1985 г. (социалконсерваторы — социалрадикалы), ельцинский с 1991 г. (патриоконсерваторы — евроамерикорадикалы). Главное во всех этих расколах — *отсутствие общенациональной конструктивной культурно-идеологической платформы, наличие непримиримых противников.*

3) *Раскол по вертикали.* Он касается *социовластной иерархии* и выражается в противостоянии аппарата власти и народа, «верхов» общества и его «низов». От властного аппарата на Руси обычно ничего хорошего не ждут, его «бегут» (чем меньше контактов с ним, тем лучше). Слишком много возможностей в России бывает для произвола и ничегонеделания одних, для незащищенности и зависимости других. При необыкновенной неприхотливости и терпеливости русского народа, властный аппарат легко отчуждается от него, закрывается в себе, игнорирует чаяния народа. Ни одна из властных систем, бытовавших в России, не избежала данного порока, в том числе и коммунистическая. Не лучше обстоят дела и со взаимоотношениями «низших» и «высших» слоев общества. Господ на Руси не любят, их видят, терпят — до поры, но не любят. И господа не очень-то стремятся к сближению с народом: им проще игнорировать его, обособиться, чувствовать себя иными. Дело доходит до своеобразной аристократической эмиграции внутри России. Разумеется, реальная жизнь сложна, есть на Руси и другие варианты реализации социовластной иерархии, варианты, основанные на согласии и взаимопонимании, но не они являются, к сожалению, определяющими. Противостояние, о котором идет речь, имеет место всегда и преодолевается более вынужденно, чем органически естественно. Россия — не Европа, где «богатые» и «бедные» признают друг друга и лишь «цивильно» конкурируют за кусок национального пирога, и не Азия, где никто не оспаривает хитроумного деления на господ и негоспод — по причине освящения его Богом и традицией.

Российский раскол по вертикали — дело нешуточное. Всякое легкомысленное отношение к нему жестоко наказывается. Бунт на Руси — не менее свят, чем покорность.

4) *Раскол по горизонтали.* Связан с тенденцией к *геополитической дезинтеграции и национальному сепаратизму*. Стимулируется противостоянием центра и периферии (все зло от столицы). Подспудно он имеет место всегда, наружу же выходит во время кризисов, революций, войн. Ярчайшее свидетельство — гибель СССР в период «перестроечной» смуты и образование сонма «независимых государств», даже не «республик».

5) *Раскол нравственный.* На Руси издавна делят людей на две категории: на живущих по правде, по совести, т. е. на людей, и на живущих по лжи, по корысти, т. е. на нелюдей, причем делят решительно — моральный кодекс русскости не только не оправдывает живущих «не по-человечески», но и не допускает никаких компромиссов. Разумеется, за мораль никто никого не преследует, но печать каинова ставится обязательно. В переломные же моменты, в часы испытаний вершится суд —

нелюди сами себя разоблачают, получают и наказание, хотя, конечно, более в желаниях людей, чем фактически. Однако обнаружение — уже наказание.

Раскол, о котором идет речь, не играет заметной роли, это более скрытый, чем открытый феномен. Но и он имеет свое значение, ибо определяет по-своему жизнь общества, людей, объясняет многие события и факты, в частности непримиримость позиций трудящегося, например, и торгаша (не торговца, а торгаша). Особенно сильно проявляется нравственный раскол в периоды гражданских конфликтов, когда появляется возможность напрямую следовать морали — праведной и неправедной.

Пятое: интеллигенция. Во всех странах есть люди умственного труда, хранители и создатели духовных ценностей, деятели искусства и литературы, служители культов, носители уникальных знаний, наконец, просто высококвалифицированные специалисты, но нигде, кроме России, они не составляют особого сословия, имеющего специфическую, не сводящуюся к чисто профессиональному аспекту, социальную функцию — быть совестью нации. История показывает, что интеллигенция играла и играет неоднозначную роль. Далеко не всем дано выполнить трудную миссию — разве лишь некоторым (Сергию Радонежскому, Карамзину, Пушкину, Достоевскому, К. Леонтьеву). Интеллигенции свойственны колебания и «заносы», она слишком оторвана от реалий жизни, отчуждена от народа, сама является источником и жертвой расколов. Интеллигенция отражает противоречия общества, и сама дышит противоречиями. И если она — совесть нации, то во многом и совесть больная. Русская интеллигенция демонстрирует все: критицизм, обличительство, сатиру, т. е. все то, что как будто бы соответствует выпавшей на ее долю миссии, но она почему-то забывает, что совестливость — не одно разрушение, это еще и созидание, и не созидание вообще, а органичное русскости и России, окружающим реалиям. Интеллигенция — знамение и знамя России, но это и ее большая проблема. Сначала атеизм и нигилизм, затем революция, марксизм и большевизм, затем антикоммунизм, богоискательство и евроамериканизм. С одинаковой страстью «несли» царизм, православие и «Расею», верили в мировую революцию, социализм, Сталина, с той же страстью судим теперь коммунистов, Советы и даже СССР. И что интересно — результаты все время какие-то не те, ошибка налезает на ошибку. Интеллигенция — достояние России, хотя, быть может, и не достоинство, в чем-то ее благо, а в чем-то и беда.

Шестое: неоформленность. У России нет законченной формы; полной и несомненной организации. И это несмотря на имперскую монархию и административно-тоталитарный режим большевиков. Россия как бы примеривает на себя разные государственные одежды — часто и

не по своей воле, — не удовлетворяясь до конца ни одной из них. Россия — это скорее не форма, а поиск формы, *процесс формообразования.*

Любопытно, что смена форм наступает в моменты формального благополучия, кажущейся адекватности существующей формы самой сути России: так было перед Петром, Лениным, Горбачевым. Более или менее воспринятая, окультуренная, ставшая вполне миролюбивой форма вдруг объявляется плохой, ненужной, устаревшей, взрывается и уничтожается, но лишь для того, чтобы уступить место другой — непонятной и дикой, еще более далекой от России форме, которую вновь нужно через тяготы и лишения, трения и борьбу окультуривать да приспосабливать, делать российской. Странная закономерность. А ведь не сбросы форм и не навязывания форм нужны России, а выработка своей формы из своей же уже окультуренной формы, — имманентная реформация нужна России, не скоропалительные же переодевания из плохого в худшее.

Седьмое: тайна. Россия — тайна. Все в ней неясность, все загадка. Копошится что-то, варится, бродит. А что, собственно? Что это такое — Россия? Страна, нация, государство, а может, просто фантом? И страна, и нация, и государство, но и… фантом, однако фантом-идея, замысел, предназначение, недоступное уму человеческому, против него высшее. Что-то важное, ищущее разрешения. *Признать и постичь Россию — признать и постичь ее великую тайну.*

2. ПРИРОДА СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА РОССИИ

Кризис, поразивший СССР в 1980—1990 гг., сложен по своему характеру и обусловленности.

Во-первых, это *кризис социогосударственной системы,* установленной в бывшей Российской империи в итоге революции 1917 г.

Данная система получила статус и наименование социалистической. Ее отличало практически тотальное огосударствление собственности, социальных отношений: культуры. Имела место партократия. В организационном отношении господствовало администрирование, в экономике — административно-плановое (директивное) управление (сверху вниз).

Партократическая административная система имела свои преимущества и достижения: способность мобилизовывать, централизованно распределять и целенаправленно использовать национальные ресурсы для решения ряда общегосударственных стратегических задач, прежде всего военно-промышленных, — итогом стали индустриализация страны, высокое развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности (в первую очередь военно-промышленного комплекса — ВПК), могучая и великолепно оснащенная армия, всеобщее народное образование и высокоразвитая наука, многостороннее социальное обеспечение населения

(в том числе жильем), достаточный и весьма стабильный материальный уровень жизни.

Но был у партократической административной системы один трагически существенный изъян — отсутствие полноценной свободы и полноценной ответственности (самоответственности) со стороны членов общества, семей, коллективов и регионов в собственническом, организационном, функциональном и культурном отношениях, что в конце концов обернулось сначала недостаточной, а затем и просто низкой творческой инициативностью и трудовой производительностью, гражданской инертностью, общекультурной деградацией, духовной неудовлетворенностью, политическим неудовольствием.

Большевистская социогосударственная система складывалась с огромным трудом и масштабными потерями, конфликтно, в борьбе и войне, кроваво. Ее становление оплачено дорогой ценой. Иного и не могло быть, если цель была поставлена «круто», — за одно-два десятилетия перевернуть страну, сделать ее принципиально другой, да еще и по тоталитарной, т. е. самой примитивной социалистической (социалистической ли?), модели. Дорогая цель потребовала и дорогих средств — даже не переделки и перевоспитания, а разрушения, устранения и нового — по плану — строительства. Разрушали и строили индустрию, разрушали и строили страну, разрушали и строили культуру, разрушали и строили человека. Одним словом — гигантский эксперимент.

Цена экспериментального разрушения и строительства велика. И дело не только в прямых затратах и потерях, есть еще и несбывшееся, несостоявшееся, заранее утраченное, а есть еще и обеднение будущего, его стерилизация, опошление. Разрушая, закладывали будущую невосполнимую пустоту, строя, пустоту эту лишь оформляли. Пустота — подобие жизни вместо жизни, бессодержательное существование, манкурство. Такая пустота воспроизводилась, накапливалась, расширялась — сначала подспудно, а затем все более и более явно. И как только критическая масса оказалась достигнутой (считай, через три поколения на четвертое), т. е. социум стал вполне асоциальным (нежизненным, самоотрицающимся), кризис большевистской социогосударственной системы, несмотря на ее известную уже окультуренность и благообразность, а то и благодаря им, не смог не стать историческим фактом. Внутренняя противоречивость системы намертво сомкнулась с противоречивостью внешней (несоответствием системы потребностям нормальной жизни) — опустошенная система посопротивлялась несколько, да и рухнула.

Во-вторых, кризис СССР, хотя и не был кризисом собственно России — Россия давно уже не определяла социополитическую ситуацию в отечестве, — имел, однако, известную *российскую определенность.*

СССР — наследник Российской империи, но наследник не просто

«незаконнорожденный», не по российской воле и мерке скроенный, а еще и наследник-противник, нанесший России не один разрушительный удар, ввергнувший Россию и русскость в состояние перманентного кризиса. Коммунистическая система строилась и существовала за счет России, на ее развалинах и болеющем организме. Рано или поздно, но кризис России должен был вылиться в кризис СССР, всей его социогосударственной системы. Кризис СССР — своеобразный кризис-возмездие, суровый отклик на революционные деяния большевиков. *Удар по России обернулся ударом по СССР.*

Кризис СССР — очередной кризис распростершейся в Евразии цивилизации. СССР не смог избежать традиционного для этого региона *сброса социогосударственной формы — навязанной опять же формы.* И в этом смысле кризис 1980—1990 гг. является российским.

В-третьих, кризис СССР обусловлен *кризисом идеи.* Речь идет безусловно, о коммунистической (или социалистической) идее. И суть дела свелась не столько к самой идее, хотя многие ее не воспринимали вообще или воспринимали скептически, как невозможности воплотить идею в жизнь, к несоответствию реальности утвержденной идее. Образ и устройство жизни лишь по названию определялись коммунистическими (социалистическими). Только отдельными чертами они напоминали идею. Иного, собственно, и не могло быть, ибо *насильственно утвердить коммунизм (социализм) нельзя, как нельзя и абсолютизировать его исходные установки, доводя их до абсурда.*

В-четвертых, кризис СССР — кризис *материально-потребительский.* Несмотря на относительно удовлетворительное решение части житейских проблем, советско-социалистическая система, занятая гигантскими внешнеполитическими и техническими задачами, бросившая основные силы нации на гонку вооружений и прорыв в космос, не смогла, а в чем-то и не хотела уделить достаточное внимание материально-потребительской стороне воспроизводства общества, семьи, человека, не создала характерного для современного индустриального мира набора потребительских благ и условий жизни, не позволила трудящемуся человеку обрести устойчивый и разнообразный достаток, высокий уровень текущего потребления, полноценный в вещественно-потребительском аспекте образ жизни. *Система проигнорировала императивы потребительского масс-общества, за что и была наказана* (немалая часть населения изменила системе буквально за блага-побрякушки).

В-пятых, кризис, поразивший СССР, выходит за рамки собственно СССР и даже мирового социализма — это *кризис современной мировой — западно-индустриальной — цивилизации.* Это кризис практически всех идей, начал и ориентиров, заложенных в европейский вариант развития человечества: индивидуализма, эгоизма и свободы деяний; рационализма

и позитивизма, протестантизма и атеизма; богатства и его накопления; денежности и «купле-продажности»; материализма, техницизма и индустриализма; производства и потребительства; конкурентности и экспансионизма. Тотальная и неограниченная эксплуатация мира, его искусственное материально-информационное перенасыщение, потребительское пресыщение и культурно-психическая деградация — таковы результаты капитало-индустриального европеизма.

Внешнее технико-потребительское благополучие Запада серьезно скрывает, но отнюдь не снимает и даже не оправдывает кризиса, его охватившего. *Высший расцвет — начало упадка.*

Спрашивается, причем же здесь СССР?

Возникнув в лоне общемирового революционного процесса как формальное отрицание западной частнобуржуазной цивилизации, утвердившийся в СССР строй оказался всего лишь ее утопически упрощенным отрицательным (наоборотным) — общественно-пролетарским — двойником. Он базировался на тех же, в сущности, «измах», за исключением индивидуалисткого эгоизма, частного капитализма и стихийной рыночности, замененных соответственно эгоизмом государственным, общественным капитализмом (т. н. социализмом) и тотальной планомерностью. Советский социализм оказался отрицательным по отношению к западному варианту подвидом индустриальной — тоже западной — цивилизации, но подвидом насильственно утвержденным, искусственным, незаконнорожденным. Особенность его сводилась не к сущности, ибо это был все тот же западный индустриализм, а к механизму реализации: там самоорганизующаяся масса конкурирующих буржуа, здесь организованная центральной волей масса трудящихся.

Кризис СССР — кризис гиперболизированного индустриализма. Это кризис западной цивилизации, но в ее извращенном, акцентированном, флюсовом воплощении. Столь негативных следствий индустриализма нет нигде в мире. Наш кризис — кризис не просто индустриализма, а индустриального урода, а потому и происходит в невиданных формах — апокалипсических.

В-пятых, кризис СССР — кризис *спровоцированный.* При всей объективной обусловленности кризиса СССР нельзя забывать, что данный кризис в значительной, а для исторического момента, возможно, и в решающей степени, сделан — именно сделан, как делают стол, плуг, автомобиль. Данный кризис загодя и самым тщательнейшим образом готовился: и здесь, и там (там, надо полагать, даже более, чем здесь). Ждали ухода одного поколения и прихода другого — совсем иного по качеству — поколения. И дождались. Расставили своих — наверху и в центре, организовали информационное поле, подобрали слова. И процесс (проект) пошел. Разбили СССР изнутри и сверху.

В-шестых, кризис СССР непосредственно связан с *качеством социума.* «Перестроечные» годы выявили удивительнейшую неполноценность (если не сказать жестче — ублюдочность) советского социума. Все уродливо, все в кавычках. Ни государственных руководителей, ни государственных масс, ни государственных слуг. Государственность выветрилась, испарилась, ее просто нет. Асоциальный социум! Тот самый, который никак о себе не заявляет, ни на что не претендует, ни за что не ответствен, который не заинтересован даже в собственном сохранении. Вот где трагедия, вот где насмешка, вот он — исторический феномен! И какой же тут простор для манипуляций и экспериментов, самовозгорающихся и возгораемых кризисов!

В-седьмых, кризис СССР является кризисом *апокалипсическим.* Наш кризис — это наш кризис — разве может быть у нас простой, какой-то там структурный кризис. Если уж кризис, то непременно самый непонятный. Если уж конец, то, несомненно, конец света, целого мира, во всех его проявлениях, если возникновение чего-то нового, то обязательно принципиально нового, да при этом еще и абсолютно неизвестного. А это и есть, в сущности, апокалипсис — *бесформенный конец и неоформленное начало.*

Помимо тотальной разрушительности (а разрушительность, заметим, питается не одной злой волей и выражается не только в силовом физическом уничтожении, она опирается на добропорядочность, пользуется безволием, безразличием, инертностью, проявляется в не слишком бросающейся в глаза культурно-психологической коррозии, вялости, сдаче позиций — в растворении форм, распаде), апокалипсический кризис отличается особым, практически не ощущаемым, немоделируемым и несоздаваемым *механизмом преодоления.* Выход из такого кризиса предполагает преобразование социума, обретение этносом (суперэтносом) пассионарности — пусть и не космического, но хотя бы вполне земного, жизнеутверждающего и животворящего порядка. Речь здесь идет о десятилетиях (30—50 лет) очень сложной, насыщенной коллизиями и неопределенностью общественной жизни, сопровождаемой мучительным выздоровлением, переработкой ценностей, напряженным формообразованием. Выход из такого кризиса — дело поколений, да еще и поколений духовно и физически восстанавливающихся и перерождающихся (отнюдь не вырождающихся). Механизм преодоления кризиса глубоко погружен в неведомое, он действует в зоне недоступного, а потому ни один смертный не знает и не может знать, как и с какими результатами может действовать механизм и будет ли он вообще действовать. Отбросим поэтому наивные представления о возможности составить ясную и определенную программу выхода из кризиса — здесь дорожный график бессилен.

3. ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И РЕФОРМАЦИЯ

Выработке проекта всегда предшествует оценка того, что подлежит проектированию, а в нашем случае — *странового социума.* Многое о нем уже сказано, но не все: теперь попробуем описать его нынешнее состояние и ближайшие тенденции существования.

Картина текущего момента. Нарастающая *дезорганизация, десоциализация и декультуризация* жизни. Угасающее, растворяющееся и распадающееся общество. Масса вместо формы, существо вместо личности — атомизация. Ослабление, исчезновение или искажение жизненных установок и ориентиров. Потеря норм. Вместо жизни — выживание, вместо удовлетворения — надрыв.

Неустойчивость, неуверенность, неустроенность. *Невозможность нормально и нравственно трудиться, нормально и нравственно обогащаться, нормально и нравственно жить.* Нарастание конкуренции, борьбы, насилия. Криминализация общества. Витающее в воздухе зло: Взаимопожирание. *Самоуничтожающийся социум.*

Классическая апокалипсическая ситуация. Новая Российская Смута.

И однако — жизнь. Она продолжается. Какая же?

Первый образ (фундаментальный, позитивный). Труд ради жизни, по преимуществу выживания. Положительное отношение к производству, предприятию любой формы собственности. Переживание смутного, лихого времени. Политическая, идейная, патриотическая пассивность. Терпимость к анархии и произволу. Восприимчивость к любому социальному формообразованию. Эмиграция.

Второй образ (побочный, непозитивный). Пауперианское существование, падение, безволие. Социальная атрофия. Случайный труд в сочетании с пошлым паразитизмом. Умирание.

Третий образ (социально-созидательный). Конструктивная деятельность на пользу общества, социальных структур и организмов. Формотворчество. Сопротивление кризису и разрушительным процессам через активную организационную работу. Спасение и развитие предприятий, учреждений, структур, регионов, страны. Сохранение любых позитивных ценностей, конструктивной культуры.

Четвертый образ (социально-разрушительный). Неприятие и отрицание существующего социума, его история, не только коммунизма и советизма, но и всего российского, «тутошнего». Предпочтение заграницы и преклонение перед Западом. Пассивное и активное разрушительство. Сотрудничество с враждебными стране силами. Бегство за рубеж.

Пятый образ (буржуазный, позитивный и негативный). Накопление капитала, часто любой ценой и любыми средствами. Участие в про-

изводстве (позитивный момент), в финансово-торговой сфере (позитивно-негативный момент), в бегстве за границу (негативный момент). Большая разрушительная роль (против всего буржуазного или мешающего буржуазному). Непреходящее значение для обнищания населения и обеднения страны. Компрадорство. Готовность к колониализму (извне). В то же время заинтересованность во внутренней стабильности, а частично и в целостном хозяйственном развитии страны. Склонность к эмиграции.

Образ шестой (криминальный). Враждебность ко всякому законному порядку, гражданской этике, государственности. Существование за счет коррупции, незаконных операций, грабежа. Антиобщественное, антицивилизационное поведение. Тяготение к связи с зарубежным преступным миром, к эмиграции.

Седьмой образ (борческий). Борьба за Россию, ее начала — славянскость, православность, евразийность, ее государственность и территорию. Борьба пассивная и активная. Борьба за Россию целостную и неделимую, но и за Россию региональную: казацкую, сибирскую, дальневосточную. *Российский фундаментализм.* Общность. Здесь же борьба за самобытность и суверенитет различных народов, населяющих Россию.

В каком же направлении (в какой обобщающий образ) дрейфует ныне Россия?

Прежде чем выявить качественный момент эволюционного процесса, обратим внимание на *высокую вероятность территориального распада России* — и не только в связи с национальными мотивами. Отделение от Москвы становится, кажется, важнейшим условием самосохранения регионов, да и самой России в России. Дело неумолимо идет к дезинтеграции. Распад России может перепутать все карты: тогда придется прогнозировать судьбу регионов — по отдельности и вместе, ставить вопрос о необходимости и возможности воссоединения отпавших частей, образования новой геополитической суперцелостности. Кроме того, нельзя закрывать глаза на *возможность гражданской войны с вероятным вмешательством из-за рубежа (интервенцией)*. Война еще более запутает ситуацию. Тогда все будет решаться силой. Мощным фактором геополитических неурядиц и перемен, в том числе и гражданской войны, может стать нестабильное положение русских (русскоязычных) в ближайшем зарубежье, их массовый уход на историческую родину. Распад России, война и народонаселенческие сдвиги сделают на некоторое время невозможными и ненужными социопроекты, поставив в повестку дня противоборство и насильственное обретение стабильности.

Но если предположить относительно мирный исход, то напрашиваются четыре варианта российского исторического дрейфа.

Первый вариант (наиболее сегодня вероятный). Всеобщее обуржуазивание хозяйства, культуры, общества. Ориентация на Запад. Максимально возможная, быстрая и максимально буржуазная *приватизация.* Усиленное проникновение иностранного капитала. Резкое ослабление национальной идентичности (специфики). Возможно более значительное ограничение государства в хозяйственной, социальной и культурной сферах. Зависимость от заграницы и мирового капитала. Колониалистская реиндустриализация (с деиндустриализацией) производства. Крушение науки. Насильственный роспуск колхозов и совхозов, зависимое фермерство, купля-продажа земли. Резкая социальная дифференциация: супербогатство немногих, относительное благосостояние меньшинства, низкий жизненный уровень большинства. Максимальная коммерциализация жизни, в том числе образования, здравоохранения, культуры. Рост нищеты. *Пролетаризация* населения. Эмиграция. Высокая *криминализация* жизни.

Авторитарный пробуржуазный (прозападный, проамериканский) политический режим — от лукавого народного президентства до окаянной личной диктатуры. Парламентаризм — фикция.

Потеря территорий. Высокая вероятность ее геополитического распада. Минимизация армии (ее полицейская роль).

Второй вариант (менее вероятный). Организованный с активным конструктивным участием государства переход к буржуазному обществу. Спокойная, контролируемая и не всеобщая приватизация. Сохранение значительного государственного сектора производства. Многоукладность. Поддержка государством отраслей социальной сферы: образования, науки, здравоохранения, спорта, культуры. Спокойная перестройка сельского хозяйства с сохранением крупного кооперативного сектора. Социальная защита населения. Развитие рыночной инфраструктуры. Подготовка и поэтапное осуществление структурной перестройки — национальная реиндустриализация. Контроль над внешним обменом. Партнерство с Западом и Востоком. Ослабление криминального элемента.

Авторитарно-парламентский режим. Возможность личной (конструктивной) диктатуры. Сохранение России как геополитической целостности. Возможность частичной реинтеграции государств содружества. Сокращение и перестройка армии (сохранение определенных стратегических вооружений).

Третий вариант (еще менее вероятный). Самобытный путь. Многоукладность хозяйства и жизни при доминировании социальных форм организации, при сильной государственности. Развитое *самоуправление.* Профессионально-трудовые ассоциации. *Соборный корпоративизм.* Социально-духовное предпринимательство. Семейное и кооперативное

хозяйствование. Национально-экономическая реиндустриализация хозяйства, его планомерная структурная перестройка. Развитая социальная сфера, социальная защита. Внимание к индивидуальному, семейному, коллективному накоплению. Земля тем, кто ее обрабатывает (многоукладность на земле). Сближающееся неравенство. Обогащение за счет труда и в рамках закона. Контроль над внешним обменом. Декриминализация жизни, всемерная борьба с коррупцией и преступностью. Соблюдение правового порядка. Высокая гражданская ответственность.

Авторитарно-соборная власть. Возможно, конституционная, сочетающаяся с представительной властью, монархия. Сохранение и восстановление России как геополитической целостности. Союз и взаимоинтеграция большинства из бывших советских территорий-государств. Сокращение и модернизация армии.

Четвертый вариант (невероятный, но возможный). Реставрация коммунистического режима, разумеется, обновленного, под другим, возможно, названием, с иными установками и пересмотренными ценностями.

Четыре исторических варианта-образа, к которым может придрейфовать нынешняя — потерянная и расстроенная — Россия. Нет смысла выражать симпатии к одним и антипатии к другим вариантам. Тем более что могут быть и иные — как смешанные, так и принципиально отличные (например, тоталитарно-милитаризованный, что-то в духе военного коммунизма или примитивного фашизма, вариант). Если бы узнать сейчас, до какого предела дойдут Россия и ее окружение в перестроечном зуде, какое завтра будет самосознание народа (народов), каким станет в ближайшие годы мир, какие взлеты и катаклизмы его поджидают? Даже на шахматной доске предсказать что-либо свыше двух-трех ходов очень трудно, а что можно с уверенностью предсказать в сверхсложной социоистории?

Теперь пора посмотреть на само Его Величество ход вещей — на исторический процесс, на судьбу России. Здесь тоже варианты, но уже не образы, а сценарии.

Сценарий первый. Пользуясь апокалипсическим состоянием социума, поощряя это состояние, ловко лавируя, скрываясь, дезинформируя и обольщая, нынешняя «демократическая» власть продолжает разрушение государства и социума, культуры, подводит их под *бесформенное, раздробленное существование под главенством пробуржуазного зарубежно-отечественного (империа-колониального) альянса.* Вместо России, СССР и Российской Федерации неопределенная, непассионарная, «обесточенная» пространственно-народонаселенческая сфера, открытая для влияния, внешней экспансии и освоения. Шанс у данного сценария есть. Но…

Сценарий второй. Социальная жизнь требует социальной оформленности. Апокалипсис порождает и антиапокалипсис. В недрах общества всегда реализуется позитивная жизнь. Она-то и сопротивляется в первую очередь и наиболее последовательно гибельным разрушительным процессам. И в случае такого сопротивления заработает второй сценарий. Россия повернет как минимум *к национально-государственному капитализму западной ориентации,* как максимум — *к национально-государственному капитализму, ориентированному на самого себя*.

Сценарий третий. Он обусловлен не просто переходом инициативы от разрушительных к созидательным силам в рамках буржуазного (сейчас — антисоциалистического) варианта, а возрожденческим пробуждением социума, осознанием **им своей самости и исторической значимости, нежеланием оставаться объектом геополитических и идеологических манипуляций и экспериментов.** Такой общенациональный подъем сегодня как будто мало вероятен, но исторический процесс развивается так стремительно, что завтра такой подъем может стать свершившимся фактом. Кризисная жизнь весьма настойчиво к этому подталкивает. *У народов и их ведущих национальных слоев, их лидеров, не останется никакого другого варианта, кроме строительства социума и государства, хозяйства и культуры российских (многонародных) цветов.* Произойдет это не потому, что кто-то в массе чего-то вдруг поймет, хотя массовое просветление, по-видимому, неизбежно, а вследствие самого хода вещей.

Сценарий четвертый. Распад России на ряд государств. Ускоренный и, казалось бы, бесповоротный. В самостоятельных государствах заработают разные сценарии развития событий. Но будет и общий сценарий: жизненное пространство одно, этнос (как многонародный суперэтос) один, язык и культура одни (несмотря на наличие великого множества языков и национальных культур). Пограничные напряжения и территориальные претензии, конфликты и войны. Территориальные претензии. Валютные и таможенные благоглупости. Безумные миграции населения, народов. Возрождение геополитического централизма. Движение к целостности. Мучительный процесс социогосударственного восстановления.

Сценарий пятый. Вкусив все блага «демократии» и «интеграции в мировое целое», анархии и произвола, тотального разрушительного кризиса, социального расслоения, голода и холода, страна начинает «движение вспять» — в условиях неопределенности и опасности любого из новых вариантов возвращаться на проторенную дорогу, разумеется, в самых общих контурах. Возрождение социализма. Это возможно при поражении западнобуржуазного варианта и при недостаточном восприятии обществом и его пастырями идеи России. *Социалистическая*

идея может послужить в единстве с патриотизмом основанием для восстановления социума, экономики, культуры.

Сценарий шестой. Уставший от экспериментов и политиканства, судорожных реформ, материального и духовного распада, криминального гнета, беспредела и безысходности народ кидается в объятия диктатуры, скорее всего, социо-нацио-фашистского толка. Массовое движение, вооруженные отряды, репрессии, чистки, трудовая дисциплина, запреты. Милитаризация. Во главе страны — *мессия.* Организованный им выход из Смуты.

Сценарий седьмой. Страна впадает в хаос всеобщей гражданской войны. *Война как основание жизни общества.* Много смерти. Течение такой войны и ее исход непредсказуемы, хотя можно сказать, что всего вероятнее интервенция и колонизация разрушенной и обезлюдевшей страны. **Конец России.**

Смутные времена — смутные исходы.

Как же обустроить Россию?

Творящий человек должен иметь перед собой идеал, а в нашем случае — *идеальную конструкцию России.* Не чистую утопию вовсе, но минимально совершенный эскиз будущей реальности — *проект. Проект благоустроенной России.*

Какой же Россия видится русскому (по принадлежности к геополитическому ареалу) человеку?

Духовные основания. Человеку, общине, народу, обществу в целом покровительствует Бог — создатель, защитник и судия. Человек живет, идя навстречу Богу. Бог — высший критерий, ориентир, достигаемая цель.

Россия вынесла тяжкие страдания, она больна и находится на краю гибели. Но Россия жива и должна жить. Ради выхода человека к Богу. Пострадала Россия не только за свои грехи, и каяться надо не только России. Россия *обязана* воскреснуть. Делание ради России, делание ради человека, делание ради Бога. Приоритет духовного над материальным. Забота об отечестве. Погруженность в космос. Родство человеческих душ — *соборность.*

Культурные основания. Одухотворенная, стремящаяся к Богу, направленная на возвышение души человека, ее исцеление, предназначенная для жизни и ее дарующая, космогенная, вселенская и соборная культура.

Социальные основания. Общество как сообщество трудящихся личностей, семей, коллективов. Государственное сообщество. Правовое и гражданское общество. Юридическое равноправие граждан. Творчество и труд как основа благополучия, социального положения. Наличие

социальных различий, обусловленных трудом. Действие механизмов сглаживания социальных различий, уменьшения влияния на социальное различие нетрудовых факторов. Человек и труд как индивидуально-общественная ценность. Всеобщий обмен деятельностью. Свобода деятельности при ответственности индивида перед обществом. Социальная многоукладность. Сосуществование различных видов собственности при приоритете общественных форм. Наличие сословно-профессиональных групп населения. Различие интересов в рамках общенационального интереса.

Хозяйственные основания. Хозяйство как хозяйство экономическое, основанное на разделении производства (по предприятиям) и труда (по профессиям), всеобщем обмене продуктами (предметами и услугами) и их денежной оценке в процессе обмена. Хозяйство как хозяйство экологическое, находящееся в творческом единстве с природой и обществом. Хозяйство как хозяйство неоиндустриальное, основанное на информационных, автоматизированных, ресурсосберегающих, энергоэкономных, чистых и гуманных технологиях. Собственническая и хозяйственная многоукладность. Естественное развитие укладов при сохранении серьезных позиций государства. Свобода хозяйствования субъектов при соблюдении ими установленного в обществе хозяйственного порядка. Государственное перераспределение национального дохода. Действие рыночного механизма при всестороннем государственном и общественном регулировании хозяйственной жизни. Развитая и позитивно организованная кредитно-финансовая и торгово-распределительная инфраструктура.

Гражданские и политические основания. Свобода слова, печати, религий, ассоциаций. Свобода труда, места жительства, передвижения, выезда из страны, возвращения в страну. Свобода политической деятельности. Ограничения — соблюдение национальных интересов и гражданского мира. Гарантия прав личности, семьи, коллектива и их правовая и административная защита. Запрет на пропаганду насилия, человеконенавистничества, жестокости. Борьба с наркобизнесом и наркоманией, алкоголизмом, проституцией.

Государственное устройство. Народовластие как власть народа, посредством народа и для народа. Разделение власти и наличие разных властей.

Помимо представительной и исполнительной властей в условиях такого огромного, многонационального государства, каким является Россия, необходима также власть *гарантная,* на которую могла бы быть возложена задача обеспечения *устойчивости государства, его сохранности и преемственности.* Взаимодополнение и взаимосдерживание властей

конституцией. Независимый (выборный) суд (сходный с судом присяжных).

Внешнеполитические основания. Государственная независимость при полноценном участии в международных организациях. Политика мира, дружбы, добрососедства. Эффективная оборона.

Предложенный идеальный проект не догма. Его необходимо воспринимать в принципе и в общих чертах, его можно подправлять и перерабатывать. Жизнь сложнее, богаче и противоречивее любого проекта, а главное, она в чем-то принципиально непроективна. Это важно иметь в виду.

Проект-идеал — нужная вещь. Но, во-первых, его в одночасье не воплотишь, во-вторых, тотальный кризис требует немедленных мер. Что же делать руководителю-реформатору сегодня?

Сначала несколько общих заповедей.

1. У хорошей реформации не должно быть *изгоев* (за исключением преступников). Реформация — дело всего общества, его позитивно-конструктивной части. Каждый созидательно и позитивно настроенный человек должен найти себе место в преобразовательном процессе и иметь свой шанс.

2. Добрая реформация *не осуществляется насильственно.* Реформация не только должна быть понятной, но и должна осуществляться по возможности *в свободном творчестве* граждан, семей, коллективов, общества в целом,

3. Светлая реформация ни в какой мере не может руководствоваться криминальными соображениями, осуществляться мафиабельными кругами, благоприятствовать преступному миру. Положительная реформация носит *антикриминальный* характер.

4. Конструктивная реформация не может быть стихийным процессом. Она *организуется,* но не через командование, а через *побуждение,* не в деталях, а в общих рамках, не прямыми воздействиями, а созданием благоприятных условий.

5. Имея целью будущее, разумная реформация должна быть сориентирована и на *настоящее.* Польза от реформации должна быть и сегодняшней.

6. Позитивная реформация может осуществиться только в условиях *общегосударственного порядка.*

7. Эффективная реформация всегда *национальна* (патриотична).

8. Реформация обязательно имеет *идеологию.* Наша положительная реформация может следовать следующим путеводным ориентирам: человек, природа, жизнь; родина, сообщество, Россия; народ, народы, нация; труд, творчество, созидание; достояние, достижение, достаток;

свобода, ответственность, обязанность; право, мера, справедливость; знание, наука, умелость; человечность, здоровье, радость; личность, сопереживание, сотрудничество; дух, любовь, Бог. Обобщающая идея-цель — *создание жизнеспособного, одухотворенного и омиротворенного (экологического), животворного, трудового и высокоорганизованного российского общества — сообщества личностей, семей, коллективов, регионов, народов и государств.*

Какие же реформы предстоят России

1. *Реформа государственного устройства и управления.* Цель — создание эффективной системы власти, базирующейся на принципе структурно-функционального разделения и общегосударственного единения власти.

2. Реформа государственного управления экономикой. Цель — создание механизма эффективного выполнения государством свойственных ему задач по организации и регулированию хозяйственной жизни, диктуемых общенациональными интересами, макроэкономической целесообразностью, не ограниченных экономической свободой хозяйствующих субъектов, отраслей и регионов.

3. *Политическая реформа.* Определение прав и ответственности политических и иных движений.

4. *Реформа собственности и принципов хозяйствования.* Господствующий принцип — государственная собственность на землю, недра и иные природные ресурсы с передачей последних в полноценное экономическое пользование предприятиям, учреждениям, коллективам, семьям, отдельным лицам. Государственная и негосударственная (частная) собственность на здания, сооружения, орудия и иные воспроизводимые факторы производства. Экономически свободное хозяйствование в пределах установленного законом и правительством порядка.

5. *Финансовая реформа.* Налоговая, денежная, кредитная реформа в целях стабилизации денег, кредита и цен, упорядочения доходов, госбюджета, стимулирования производства и производительных инвестиций, роста заинтересованности в труде и предпринимательстве. Государственный контроль над кредитно-денежной сферой, ее централизованное регулирование.

6. *Реформа торговли, системы распределения национальных ресурсов, производственных и потребительных благ.* Сочетание экономического распределения с неэкономическим (контролируемым). Преобразование государственной, расширение кооперативной, развитие частной торговли, их оптимальное сочетание. Контроль над торговлей (предотвращение монополизации, спекуляции, хищений, паразитизма).

7. *Внешнеэкономическая реформа.* Сочетание свободы внешнего обмена с национальным контролем.

8. *Земельная реформа.* Установление порядка экономического и иного землепользования.

9. *Жилищная* реформа. Установление юридического и экономического порядка строительства жилья и его пользования, прав и ответственности граждан по жилищным вопросам.

10. *Реформа здравоохранения.* Развитие различных форм реализации здравоохранения.

11. *Реформа народного образования.* Развитие различных форм и систем образования населения, установление общего нормативного государственного порядка для всех типов учреждений и способов обучения при невмешательстве государства в текущую деятельность учебных заведений.

12. *Реформа сферы науки и техники.* Установление порядка образования и функционирования научно-исследовательских учреждений национально-государственной сферы, их финансирования и поддержки.

13. *Региональная реформа.* Определение прав регионов, их взаимоотношений с центром.

14. *Военная реформа.* Создание мобильной, боеспособной единой национальной армии, обеспечение исполнения всеобщей воинской повинности.

Помимо реформ придется разрабатывать и осуществлять различные государственные программы, например структурной перестройки народного хозяйства, модернизации и оснащения производства, частичной конверсии военного производства, экологической безопасности, развития предпринимательства, обновления и развития сельскохозяйственных предприятий (включая фермерские хозяйства), развитие домашних (семейных) хозяйств, развития малых предприятий, жилищного строительства, занятости населения, социального обеспечения и страхования, помощи беженцам и репатриантам, материнства и детства, улучшения качества народонаселения, развития отдельных сфер, отраслей, регионов.

Мы не раскрываем подробно возможные реформы и программы, мы их лишь обозначаем, да и то не все — главное не в этом: наша задача — в *ориентации* руководителя-реформатора, а не в исчислении графика его деятельности. Программа, которую придется осуществлять руководителю-реформатору, должна быть им самим в общих чертах и составлена — иначе его ждет провал.

4. ИСТОРИЧЕСКОЕ СПАСЕНИЕ — ПОВОРОТ К ПОЗИТИВНОЙ РЕФОРМАЦИИ

Российская реформация продолжается. Россия — объект нового реформационного натиска. Цикл, начатый определенно в 1917 г., закончился, открылся новый цикл, начатый определенно в 1985 г. А новый цикл — это новая смута, новый выход из нее, новая стабилизация. Привычный круговорот и в чем-то порочный. Сколько времени исторического может забрать это хождение по кругу? Когда же наступит **момент истины** — выбор Россией России, а циклы станут **циклами совершенствования,** а не отрицания и восстановления России? Не пора ли нам сделать выбор окончательный? Есть ли на это шанс?

Есть. И восходит он прежде всего к осознанию того, что **Российская реформация есть поиск России и должна завершиться Россией;** не рынок вовсе, не капитализм, не индивидуализм, не свободу как таковую, даже не социализм ищет Россия — вот что надо уразуметь, ее поиск более сложен, масштабен и органичен, а главное, отличителен от всего того, что уже известно человечеству. **Российская реформация не есть и не должна быть попыткой преодолеть Россию,** хотя подобное намерение давно вбито в нее, воспроизводится и до сего дня активно, к сожалению, культивируется. Роковая ошибка, присутствующая, к несчастью, в российской реформации, состоит в ложной посылке о необходимости поиска Россией не-России, а точнее, растворения России во «всемирной», а на самом деле западной цивилизации (отсюда: «войти в цивилизованный мир», «стать цивилизованными», «обрести общечеловеческие ценности» и т. п.). **В российскую реформацию введена лже-цель, а потому и осуществляется она во многом как лже-реформация.**

За осознанием истинности Российской реформации — ее устремленности к России, как и за осознанием пагубности «российской» лже-реформации — ее борьбе с Россией, скрывается возможность переустройства самой реформации, придания ей истинной ориентации, изменения характера и знака. **Реформация не может быть анти-российской и анти-русской, она не может быть разрушительной.** Сейчас реформация идет всего более под знаком «минус», а должна идти под знаком «плюс». Реформация должна немедленно принять позитивный для России характер, ибо над бездной ничего и никому не удастся построить, даже пошлого буржуазного счастья для некоторого числа «избранных», ибо бездна поглотит все, и не в последнюю очередь ее собственных устроителей.

Наступит ли осознание необходимости перелома — преодоления смуты и изменения характера реформации? Если общество хочет жить, и жить органично, а не искусственно, по-своему, а не по-чужому, уверенно,

а не в страхе, то наступит. Не у всех, разумеется, сограждан великой страны, но, во-первых, у достаточного их числа, во-вторых, у тех из них, кто составляет фундамент общества, у того самого *среднего класса,* который держит на себе общество, цементирует его и развивает. О ком идет речь? Вовсе не о мелких собственниках как таковых («с чувством хозяина»), а о широком слое тружеников-профессионалов, специалистов, квалифицированных работников, служащих, руководителей производств и коллективов, предпринимателей, т. е. о всех тех, кто органически заинтересован в нормальной социохозяйственной жизни, в ее правовой, гражданской и государственной организации, в эффективном труде на себя и на общество, в бытовой и общественной нравственности, в общественном порядке, в социальной справедливости. Речь идет о тех, кто видит дальше своего носа, кто заинтересован в органическом сочетании личного, семейного, коллективного и общественного, кто признает национальную государственность, для кого не может быть беженцев на своей земле и «некоренных» осколков собственного народа, кто понимает Россию и стоит за нее, кто свободен от надуманных крайностей, авантюризма и чужебесия. Именно этим-то гражданам и предстоит осознать необходимость «реформации реформации», именно им придется взять на себя миссию возрождения России и обеспечения ее российского преображения.

Задача общества и его активной части состоит в том, чтобы **обеспечить вполне легитимную смену реформационного курса,** и лучше всего это сделать при восстановлении «союза» и «союзных» государственных структур — естественных преемников исторической власти на территории России, РФ и СНГ. Разумеется, речь не может идти о восстановлении СССР как такового, речь может идти лишь о *воссоздании геополитических структур,* способных обеспечить настоящую легитимность всех возможных на территории бывшего СССР властей, с одной стороны, взаимообусловленное и гармоническое возрождение России и всего ближнего зарубежья — с другой.

Когда мы говорим о реформации России, то имеем в виду, конечно, и существенную реформацию ее евразийской геополитической среды. Российскую реформацию следует рассматривать как органическую часть — и, наверное, сердцевинную часть — более широкого реформационного процесса, способного привести все государственные образования «реформного мира» к новому качеству и к новому взаимному соотношению в рамках евразийского общежития.

Российская реформация не может быть обособленной от мирового контекста. Питать иллюзию о возможной независимости России от зарубежного окружения недопустимо. Важна не изоляция, а здоровый

контроль над внутренними процессами, позволяющий косвенно сдерживать и нежелательные влияния извне. Россия не может и не должна отгораживаться от многих общемировых процессов, например от движения к мировой стабильности, к неоиндустриальной цивилизации, к экологизированной социальности и т. д. Однако Россия, как и все страны СНГ, не должна уступать в самобытности, суверенитете и партнерстве. **Без России как специфического социокультурного феномена мир, обустроенный лишь по-западному, станет эсхатологически (завершающе) беден.**

Моделируя общую парадигму реформации, можно предложить следующие символизированные решения:

Девиз: «Справедливость, порядок, духовность».

Цель:

- Россия как великое благо;
- справедливое устройство общества;
- мирная, упорядоченная, одухотворенная жизнь как основное благо; благосостояние россиян как главное национальное достояние.

Средство: свободное творчество граждан и их ассоциаций в рамках народовластного государственного порядка с участием общенационального лидерства.

Условия:

- общественное, гражданское, народное и общенациональное согласие;
- правовой порядок и гражданские свободы;
- исполнение гражданами национально-гражданских обязанностей;
- разнообразие форм собственности, хозяйствования, трудовой деятельности, иных реализаций социальной активности;
- государственная защита личности, семьи, собственности, любых законных институтов и образований, национальная безопасность;
- социальная, культурная, этническая, природная экология.

Особенность предлагаемого социопроекта — в его уважении жизни, ее таинственности и воли, ее многообразия и целостности. Наш проект — не окончательная истина и не беспрекословная программа. Это не «левый» и не «правый» замысел, не центристский, не дуальный и не смешанный и уж, конечно, не эзотерический (сверхреальный). Это вполне человеческий, вполне мирской, вполне жизненный замысел. Он избегает всякой односторонности, доктринальной заданности, догматической ограниченности. Он рассчитан на богатство жизни, учитывает ее многовариантность, природную обусловленность и духовное величие.

В проекте только два императива, причем невыдуманных: один — Россия (позитивный императив) и другой — ненужность навязывания России не-России (негативный императив). Наша российская, выражаясь по-современному, *социогенетика* дает право на выдвижение этих двух императивов, тому же служит, выражаясь уже не по-современному, и обыкновенный зов души и сердца. Но не только. Есть здесь также зов ума и рассудка: как нельзя вылезть из собственной кожи, так и нельзя вырваться из собственного исторического образа. Не дано ничего отвергнуть по усмотрению: ни арийских корней, ни славянских, ни русских; ни языческих истоков, ни христианских (православных), ни коммунистических; ни монархических элементов, ни общинных, ни советских. С социокультурными чертами надо считаться. И так с каждым народом, каждым обществом, каждым цивилизационным образованием. Не дано и навязать что-либо по разумению: ни религии, ни идеологии, ни цивилизации; ни демократии, ни монархии, ни диктатуры; ни плана, ни рынка, ни денежного фетишизма. Экология социальной жизни в том-то и состоит, что жизнь либо сама вырабатывает что-то новое, либо свободно его воспринимает, но никак не принимает насильственно: в итоге всякого грубого натиска только борьба и раскол, запутанное и бесконечное неразрешение.

Два Великих Насилия Россия уже пережила, переживает, кажется, третье, так не хватит ли?

Обретет ли Россия желание остаться Россией и стать новой Россией, найдет ли для этого силы? Чему в конечном итоге послужит жестокое испытание, переживаемое Россией, — России или не-России? Мы верим в Россию, ее возрождение и процветание, ибо за верой этой скрывается **великий священный смысл,** но верит ли в Россию сама Россия? Вопросы не случайные и вовсе не риторические.

Россия на переломе и на перепутье — судьбоносном перепутье. Мы указали благую цель и праведную дорогу, но выбор остается за самой Россией!

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др.
«Переходы и катастрофы.
Опыт социально-экономического развития»,
М.: Изд-во МГУ, 1994.

1995 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ МЕХАНИЗМУ

Беда административно-планового хозяйствования состояла в забвении трех начал: 1) свободы хозяйствования, и соответственно — свободы инициативы и свободы ответственности; 2) экономики, т. е. обменно-оценочного, стоимостного начала; 3) экологии, т. е. нравственного начала по отношению к человеку: обществу и природе. Отсутствие или слабая выраженность указанных начал предопределили сначала кризис, а затем и крах административно-плановой системы. Даже сильная сторона административно-планового хозяйствования — сознательная организация обернулась вследствие своего гипертрофированного бытия слабостью, она сыграла во вред производству и самой системе хозяйственной организации.

Крах административно-планового хозяйствования вызвал необходимость перехода к иному хозяйственному устройству, обозначив и основные направления движения — к свободе, экономике и экологии. Вступив на путь преобразований, общество столкнулось с проблемой многовариантности решений: по конечной цели, срокам, методам и масштабности преобразований. Оказалось, что вариантов не только множество, но и что предопределенность их вовсе не жесткая, не обязательно внутренняя (национальная) и далеко не всегда всеобщая. Обозначились не только объективные потребности, но и субъективные интересы, объявилась и борьба интересов, да еще и тайная. Частный интерес превысил общественный. Процесс преобразований принял крайне противоречивый характер, стал напряженно-конфликтным. Обществу был навязан антисоциалистический вариант экономизации хозяйства, предполагающий не просто капиталистический идеал, но и тотальный демонтаж всей предшествовавшей системы, насильственное, да еще и возможно более быстрое (внезапное) внедрение капитализма. Была предложена революция.

Отсюда неизбежность ситуации вакуума, т. е. качественной неопределенности в социуме, его культурного упрощения, деформации и дезорганизации. Отсюда и резкое падение производства. Качественный вакуум напрямую сопрягается с возможностью катастрофы.

Альтернативы и мифы

Социум, как и сам человек, отнюдь не рационален, в том смысле, что его устройство и бытие осуществляются далеко не разумом и далеко не по-разумному Устройство социума — продукт сложной, стихийно-сознательной, во многом иррациональной жизнедеятельности общества, борьбы самых разнообразных созидательно-разрушительных волн. Всегда выбор, всегда варианты. И никогда полная определенность.

И если социуму приходится меняться радикально, т. е. отрицать себя «полностью и бесповоротно», то с неизбежностью появляется хорошо знакомый алгоритм перехода к противоположности, а для нашего случая — к рыночному хозяйству. Ну а коль скоро к рыночному, то, естественно, к капиталистическому. Однако разум человеческий допускает различные решения — не только капиталистический рынок, но и не только рынок. Возникают альтернативы, а вместе с ними и мифы сначала идеально, а затем и практически.

Проект-минимум: государственно-демократическое социализированное хозяйство

Развитие хозяйственного механизма в России на перспективу связано с отказом от административно-плановой системы, т. е. оно сориентировано на восприятии всего, что так или иначе противоположно тотальной административности и тотальной плановости. Прежде всего, это: а) хозяйственная самостоятельность агентов как центров решений; б) экономические принципы хозяйствования и в) самоорганизация хозяйства в целом (по отношению к хозяйственному центру). В известной мере это и рынок, и конкуренция, и капитал, т. е. все то, что объединяет и формообразует три вышеуказанные начала (последние не могут эффективно реализоваться без рынка, конкуренции, капитала, т. е. без своих практических, функциональных, «удерживающих» форм). Однако отрицание административно-плановой организации не должно носить механистического характера, оно должно быть диалектическим, т. е. отрицание (противополагание) должно сочетаться с приятием (полаганием).

В первом приближении речь может идти об определенном сохранении административности и плановости, разумеется, в иной количественной и качественной мере, в других форме и роли. Во втором приближении речь не может не пойти о сохранении, конечно же, в ином виде, государственности. Связанное с отрицанием административно-плановой организации *дезогосударствление* хозяйства не должно выливаться в отрицание государственности как таковой, более того, оно обязано предполагать государственность как важнейшее начало хозяйственной жизни. В третьем же приближении речь обязательно должна пойти о сохранении и привнесении неэкономических принципов в экономическую организацию хозяйства, тех принципов, которые обеспечивают реализацию экономического, его ограничивают и ориентируют.

Таков общий, абстрактный подход к переустроечному отрицанию, но при его осуществлении необходимо учитывать все без исключения конкретно-исторические реалии, т. е. не допускать утопического отрыва от действительности — идя вперед (от реалий), возвращаться назад (к реалиям), а возвращаясь — утверждать новое. Реализация общественного

алгоритма отрицания хозяйственного устройства должна происходить с учетом всего реального контекста, в котором существует и эволюционирует хозяйственный механизм, а в этом контексте есть что-то меняющееся, что-то неизменное, а что-то и подлежащее изменению.

Нельзя выдумывать модель хозяйства, как и нельзя просто воспроизводить где-то уже действующую (или когда-то действовавшую) модель. Нельзя рассчитывать на нейтральное восприятие «подходящей» модели окружающей средой: социальной, культурной, психологической, природной, а тем более нельзя рассчитывать на скорое и «верное» изменение среды.

Реформирование — не подгонка под «правильную» модель, не сумма акций, не обычный потребительский выбор, хотя у реформы должны быть и модели, и акции, и выбор. Реформирование — сложнейший исторический процесс, ход вещей, борьба. Изменяемый самоизменяющийся порядок. Жизнь. А жизнь тем и хороша, что решает сама и посвоему. Реформатор — элемент жизни, ее свершитель, а не источник, создатель или вершитель. Реформатор — от жизни, а не жизнь — от реформатора. Реформирование всегда есть жизнереформирование — жизни и жизнью.

Что требует жизнь? Частной собственности или общественной? И той, и другой. Частной инициативы или общественной? И той, и другой. Гражданского хозяйствования или государственного? И того, и другого. И т. д. и т. п. И нет выхода в «том» или в «другом», т. е. при той или иной крайности, в том или ином абсурде. Нет выхода и в простом синтезе, механическом совмещении «того» и «другого», т. е. в абсурде совместном. Жизнь требует не только всего ею выработанного и для нее необходимого, но еще и в таком целостном воплощении всего ею выработанного и необходимого, при котором богатство содержания сопровождается богатством сущности, т. е. реализацией такого устройства хозяйственной жизни, при котором оно не подпадает ни под одно из частичных определений — ни под частное, ни под государственное, ни под рыночное, ни под плановое, короче, ни под «то», ни под «другое», как ни под «то» и «другое» вместе. Жизнь требует и жизненного решения, т. е. сущностного многообразия, а на базе этого сущностного многообразия еще и суперсущности, не сводимой ни к одной из сущностей, заключенных в целостной жизненной системе.

Производя экономизацию хозяйства, вовсе не обязательно доводить ее до крайности, абсолютизировать, стремясь преодолеть абсурдность тотальной плановости, совсем не нужно полностью отвергать планы, в том числе и общехозяйственные; преодолевая государственную монополию на собственность и хозяйствование, вряд ли целесообразно

полностью атомизировать и индивидуализировать собственность, дробить хозяйствование, «нещадно» их разгосударствлять.

Примечание. Всякие крайности неуместны. Неуместны и бескрайности. А вот чувство края уместно — как всего хозяйственного пространства, так и его пределов. И более всего потребна мера сущностного края, т. е. ощущения сущности в ее естественных (оптимальных) границах.

Предпринимательство, к примеру, можно рассматривать по-разному: как дело сугубо частное, а то и просто личное, но и как дело коллективное, даже общественное. Ведь сущность предпринимательства может быть отдельное лицо, коллектив, институт, государство. Сущность предпринимательства в реализации капитала, т. е. в производстве стоимости в виде прибыли и накоплении стоимости посредством капитализации прибыли. Предпринимательством может заниматься любой по форме и организации субъект, — лишь бы этот субъект был субъектом капитала.

При такой трактовке сущности предпринимательства внимание реформатора сосредоточивается на превращении «некапитальных» субъектов в «капитальных», т. е. на наделение субъектов капиталом и на предоставлении им возможности воспроизводить капитал и его накоплять. При этом «фигура» предпринимателя отходит на второй план, она не играет главной роли, ибо предпринимательством может заниматься любой субъект — от частного лица до государства. Предоставление возможности быть предпринимателем важнее вопроса стать предпринимателем. Последним окажется тот, кто будет наиболее подходящим для конкретного предпринимательского дела, а также наиболее соответствовать социокультурной среде, исторической обусловленности (ретроспективной и перспективной), неустранимым императивом. Нетрудно заключить, что предпринимательство должно реализоваться в разных конкретных формах и разными конкретными субъектами.

Производя крупные социо-хозяйственные реформы, необходимо ясно представлять себе, что можно и чего нельзя преодолеть, что можно и чего нельзя ввести, что можно и чего нельзя ожидать, что можно и чего нельзя утверждать. Нужно хорошо знать мир, который подлежит изменению или в котором произойдет изменение.

Так, переходя к предпринимательству и всячески его поощряя, надо ясно сознавать, что оно не сможет развиваться лишь само по себе, только в своих интересах и в чистом виде, оно обязательно подвергнется влиянию различных объективных и субъективных факторов, будет вынуждено учесть посторонние интересы, окрасится в различные цвета.

В России, в стране «социабельной» культуры (общинной, коллективной, государственной), да еще и пережившей социализм, вряд ли можно рассчитывать на всеохватывающее развитие собственно частного

(индивидуального, личного, узкогруппового) капитала, озабоченного лишь собственным интересом и выгодой. Такой капитал будет развиваться с трудом, его существование не будет легким, он никогда не получит необходимого общественного признания (легитимности). Самое большее, на что он может рассчитывать, — это занятие определенной, отнюдь не решающей, ниши хозяйства, характерной для мелкого и среднего бизнеса. На частный капитал нельзя всерьез рассчитывать, как на опору общественного производства, тем более что он особенно склонен к компрадорству. В России предпочтительнее более «социабельные» формы капитала и предпринимательства: корпоративные, смешанные (полугосударственные), государственные, т. е. возможно более «нечастные», способные учитывать не только частные, но и общественные интересы, социально и национально ориентированные.

Акцент на «социабельных» формах важен и с точки зрения самого перехода к предпринимательскому хозяйствованию: речь в данном случае идет не о предварительном накоплении гигантского денежного капитала в руках частных лиц и последующей покупке предприятий, а о самопереходе государственных предприятий в капитало-предпринимательскую форму бытия. Такой самопереход более естествен, спокоен, неразрушителен. Он более социально приемлем (экологичен), поскольку предполагает возможность сохранения и самопреобразования социо-профессиональных структур, трудовых коллективов, управленческих звеньев. Он не слишком социально опасен, так как не вызывает необходимости крутой ломки отношений собственности, не ведет к формированию враждующих собственнических полюсов. Для перехода в капитало-предпринимательский образ (во всяком случае, для осуществления этого перехода, его начало) достаточно предоставить государственному предприятию необходимую самостоятельность (по распоряжению ресурсами и продуктами, по принятию решений, по формированию экономических параметров, по накоплению и переливу средств и т. п.). Совсем не обязательно лишать предприятие статуса государственного — достаточно наделить директора полномочиями, позволяющими ему быть полноценным предпринимателем, руководителем воспроизводящегося капитала.

В преобразовании государственных производственных агентов не может быть единой формулы: часть госпредприятий должна стать негосударственной, перейдя в полное распоряжение коллективов или частных лиц, а часть предприятий, возможно, сохранит административное подчинение госаппарату. Хозяйство так или иначе должно быть многоукладным.

«Социабельное», в том числе и государственное, предпринима-

тельство может и должно иметь место во всех сферах общественного хозяйства — в торговой, кредитно-банковской, инвестиционной, научно-исследовательской, информационной. И не только иметь место, но и, как в производстве, занимать основные, решающие позиции.

В современном цивилизованном обществе действует очень сложная, можно сказать, «утонченная», система общественной, в первую очередь, государственной, организации социо-хозяйственной жизни. Реформатор обязан обеспечить наличие такой организации ее преобразования, а для нашего случая, превращения административно-плановой организации в иную, более гибкую, демократическую и экономическую организацию. Для этого должна быть принята реформа общественной (государственной) системы институциональной (прежде всего, правовой) и функциональной (от тотального управления к регулированию и контролю) организации.

Главное, что реформатор имеет возможность, не теряя контроля над хозяйством, т. е. сохраняя государственное присутствие в производственной, торговой и финансовой сферах, не потерять преобразовательской инициативы и в учрежденческой «части» хозяйственного механизма, обеспечить целостное перевоплощение административно-планового механизма в механизм организационного предпринимательства.

Высвобождение хозяйственной инициативы на уровне агентов-производителей должно и может эффективно сочетаться с перестроением системы общественной организации хозяйствующих субъектов с тем, чтобы, уйдя от административно-планового крепостничества, не впасть в состояние свободнокапиталистической анархии и войны.

Предлагаемый вариант реформирования общества и хозяйства наилучшим образом подходит для воспроизведения необходимых в современном обществе элементов и механизмов социального обустройства, т. е. всего того, что подпадает под понятие социализации общества и хозяйства: социальное и трудовое законодательство, социальное обеспечение, социальная защита, социальное регулирование и т. п. Данный вариант более всего способен учесть интересы всех слоев общества, всех участников хозяйственного процесса, он может быть наименее болезненным и, самое важное, некатастрофичным. Это действительно вариант социализированного переустройства и устройства социо-хозяйственного мира.

Таков в общих чертах государственно-демократический социализированный вариант хозяйства и его реформирования. Государственность — не выдумка досужего разума, а настоятельная необходимость, имманентная форма организации общества и хозяйства. Подтверждая

государственность, мы выступаем за ее преобразование — демократизацию. Демократизация социо-хозяйственная, выражаемая в развитии хозяйственной свободы, экономизации хозяйства, должна непременно сопровождаться демократизацией политической. Подтверждая централизм, мы выступаем за сохранение хозяйственного центра, но, безусловно, в новой форме реализации, с иными задачами и средствами, в новом образе, не исключающем хозяйственной свободы и демократизма. Утверждая демократизм, мы стоим за демократизм и политический, но обязательно государственный, не анархический. Утверждая социализацию, мы стоим за единство общества, за отсутствие эксплуатации, за гражданский мир, за социальную справедливость. Государственно-демократическое социализированное хозяйство — хозяйство, в котором поддерживается государственный порядок и государственная дисциплина, без которых не может быть ни настоящей свободы, ни нормальной жизнедеятельности общества, ни гражданского благоденствия. Это вариант, при котором российское общество может всего эффективнее справиться с грандиозной задачей социо-хозяйственных преобразований.

Проект-максимум: эколого-экономическое хозяйство ноосферного типа

Государственно-демократическое социализированное хозяйство может и должно быть реализовано сейчас это задача-минимум. Однако историческое развитие индустриальной цивилизации требует перехода к хозяйству, способному разрешить противоречие между индустриальностью, с одной стороны, природой, обществом и человеком — с другой. Индустриальное хозяйство должно уступить место неоиндустриальному хозяйству, а затем и хозяйству ноосферного типа. Основной критерий перехода к неоиндустриальности и ноосферности-удовлетворение экологического императива. Генеральная линия развития хозяйства и его механизма — от индустриальной экономики к экономике экологической.

Историческое развитие человеческой цивилизации выдвигает задачу перехода к эколого-экономике (эко-эко), т. е. к экономике, подчиняющейся экологическому императиву, учитывающей экологический критерий. Экономический, т. е. обменно-оценочный, процесс сам по себе не «думает» об экологии, хотя и идет ей навстречу через объективное давление межсубъектного соревнования (конкуренции) на издержки производства единицы продукции. Нельзя сказать, что экономическое абсолютно чуждо экологическому, но нельзя не видеть и противостояния (взаимоисключения) обоих начал: экономическое в целом расточительно по отношению к природе (и человеку), оно реализуется как непрерывное и безграничное потребление энергоинформационных ресурсов природы (и человека). Экономическое лишь стихийно (независимо от своей воли),

локально и частично «работает» на экологию; в целом же оно ее не «понимает» и отрицает. Особенность экономического состоит в том, что оно идет от взаимоотношений агентов, от микроуровня, а в масштабе общества, т. е. на макроуровне, реализуется лишь в ранге вторичного продукта. Отсюда экономическое не может учесть целостные потребности природы, общества и человека. «Микроуровневому» экономическому должно быть противопоставлено «макроуровневое» экологическое, разумеется, противопоставлено диалектически, т. е. в разрешающемся единстве противоположностей.

Экономическому должно быть противопоставлено неэкономическое, но не любое неэкономическое, а то, которое идет на смену экономическому, т. е. постэкономическое. Что это значит? Не сокрушение экономического (в том числе и денег), и даже не его внешнее насильственное ограничение (посредством запретов и штрафов), а преодоление экономического в экономическом, т. е. качественное изменение самого экономического. Как это может произойти? Только посредством качественного обогащения экономического процесса, его ведущего смысла и критерия: эквивалентность обмена должна реализовываться как потребность не просто воспроизводства агентов обмена самих по себе, а воспроизводства агентов в предваряющем их микрообмен единстве со всем обществом агентов и, что особенно важно, со всей окружающей природой (ее экологическим потребностям). В основании эколого-экономики должно находиться не частное воспроизводство агентов, и даже не общественное воспроизводство агентов как таковое, а природо-общественное воспроизводство, органически включающее в себя наряду с воспроизводством сообщества агентов еще и воспроизводство человеческого общества в целом и воспроизводство природы в целом. Постпроизводство становится теперь не просто воспроизводством производительного процесса, а воспроизводством воспроизводства жизни (природы, общества, человека) — воспроизводством воспроизводств. Любой экономический акт оказывается в данных обстоятельствах актом, обусловленным всеми отмеченными воспроизводствами, да так, что эта обусловленность оказывается изначальным моментом экономического акта, его имманентом. Произойти же это может посредством учета экологических ценностей непосредственно в экономических отношениях и решениях. Здесь-то и всплывает пресловутая «противозатратность», однако противозатратность экологическая, направленная на экономию ресурсов, либо на их воспроизводство (минимизация затрат на производство в сочетании с затратами на воспроизводство социо-природных систем). И опять мы имеем дело с мерой, теперь уже экологически обусловленной. Обеспечить реализацию такой меры смогут высокое хозяйственное сознание, высокотехнологичная информатика и соответствующие хозяйственные

институты и установления (принципы, правила, нормы, с одной стороны, побуждения, запреты, контроль — с другой). Экологическая экономика требует и экологической культуры, а в ее рамках и экологической государственности и политики.

Эколого-экономика — экономика экологического накопления. Последнее не чуждо росту производства, но росту особому, более качественному, чем количественному (направленному во внутрь, на сохранение и совершенствование системы жизни), чем внешнему (ориентированному на внешнее распространение производства, его экспансию на природу). Отсюда изменение природы накопления как накопления капитального, связанного с реализацией формулы капитала (Д-Т-Д). Капиталистическое накопление уступает место посткапиталистическому накоплению — экологизированному капитальному накоплению, применяющему формулу капитала, но уже не собственно капиталистических («эго-доходных») целях.

Эколого-экономика — экономика пострыночного типа. Пострыночность означает не нерыночность, а преодоленную диалектически рыночность. Взаимодинамика предложения, цен и спроса останется, но в пределах экологически обусловленной общественной организации хозяйственного процесса. Рынок останется, но хозяйство рыночным уже не будет.

Эколого-экономика — хозяйство ноосферного типа, в том смысле, что человечество в целом вступит в полосу сознательного и целостного восприятия и организации ноосферы, ее полного утверждения. Ноосфера предстанет не просто зоной деятельности человека, его материальной и духовной культуры, а экологически обустроенным планетарно-космическим миром человека, отражающим эффективное равновесие всех миров — вещественного, биологического, социального, духовного.

* * *

Мы не знаем, когда наступит и наступит ли вообще ноосферная цивилизация, но проектировать ее мы обязаны, как обязаны держать ее ориентиром и двигаться в направлении к ней. Учитывая императивность задачи, мы говорим о проекте, а учитывая огромную сложность и неопределенность задачи, мы говорим о проекте-максимуме, подразумевая под этим не только его полноту и реализационную определенность, но и известную неявность, некую растворенность во времени и пространстве, утопичность. Однако на этот раз речь идет не о благой мечте, а об абсолютно вынужденной, а потому и совершенно практической, утопии.

Из коллективной монографии под редакцией А.В. Бузгалина «Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы», М.: Экономическая демократия, 1995.

1997 г.

ШАНСЫ РОССИИ И РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Уже не первое пятилетие Россия переживает *сложный бифуркационный процесс.* Сначала он развивался подспудно — в 1986—1990 гг. (латентный период), затем явно — в 1991—1996 гг. (открытый период). Если попытаться обобщенно определить смысл происходящей бифуркации, то наиболее подходящим оказывается обращение к весьма ныне забытому, но очень плодотворному термину — **Буржуазная Революция**. Разумеется, с важными актуальными поправками: 1) как *часть всемирного буржуазного революционного процесса,* в его рамках, под его опекой и не без его инициации; 2) как побочное следствие **Западной Цивилизации,** представленной в *либерально-атлантическом неоиндустриальном образе.*

Буржуазность базируется на *экономике* (обменно-оценочном хозяйстве), из нее исходит и ее предполагает. Любая буржуазная революция — *революция экономическая,* не просто изменяющая экономику, а усиленно ее внедряющая, дающая ей простор. Возникшая на Западе в итоге буржуазных революций цивилизация — *цивилизация экономическая,* а сами революции носили и носят характер экономический. История Европейского Ренессанса — история **Великой Экономической Революции**.

Великая экономическая революция обусловила и вызвала к жизни множество революций: *культурную*, в виде сначала религиозной информации, а затем и гуманизма, антропоцентризма, десакрализации мира, атеизма, сциентизма, материализма, прагматизма; *политическую,* посредством насаждения того, что называется демократией, гражданским обществом, конституциализмом, а теперь еще и открытым, либеральным обществом; *техническую,* выразившуюся в развитии сначала машин и механизмов (от ручного труда к труду механизированному), а затем счетно-решающих устройств и автоматов (от механизированного труда к труду компьютеризованному); *бытовую,* нашедшую отражение в создании общества потребления и изобилия, для которых характерны доминанты потребности и спроса, их удовлетворения через «делание денег» (бизнес), рациональный выбор и деятельную производительность; *неприродную* (антропосферную), получившую выражение в созидательном антропоцентризме, в подчинении природы человеку и ее переделке, в возникновении целостного антропогенного мира, противостоящему природному миру, его экологии.

Указывая на экономическую революцию как на исходную революцию, т. е. как на *революцию революций,* мы имеем в виду не то, что экономическая революция была причиной всех остальных революций, а то,

что без экономической революции невозможно было бы совершить остальные революции, удержать их в реальности, а потом и изменить саму реальность.

На место сакрализованного, натурализированного и иерархически упорядоченного мира пришел мир материализованный, экономический и стохастический — мир третьего сословия. Главная ценность, энергия и информация, главная движущая сила такого мира — деньги; это мир монетарный и финансовый, мир кредита, денежных бумаг и денежного оборота. Все созданное и созидаемое в таком мире имеет денежную выраженность или обусловленность, все исходит из денег и в деньги же возвращается. Деньги — власть, а власть — деньги. Денежный фетишизм. Человек — владелец денег, а деньги — владельцы человека. Финансовая элита, осуществляющая денежную власть, власть денег и власть через деньги. Все и вся опутано деньгами, каждый человек вплетен в бесконечную денежную сеть, все и вся зависит от денег.

Глобальная задача, которая в настоящее время реализуется в России — осуществление *буржуазно-экономической революции*. И пусть нас не упрекают в использовании заезженных марксистских терминов: дело здесь не в марксизме, а в той реальности, которая разворачивается перед нашими глазами. Лучшего словаря для определения происходящего найти невозможно.

Заметим, что нынешние события — не первые буржуазно-экономические события в России. Они уже были и были неоднократно. Капитализация России по западному образцу — не новость для российской истории. Так что сегодня мы имеем лишь очередной (может, последний, а может, и нет) натиск. Как и все предшествующие, нынешний натиск является внешне обусловленным. Имеет место феномен Экспорта революции, правда, не без внутреннего благоприятствования. Сказать, что в российской среде нет оснований для такого рода революции, — погрешить против истины. Но очень важно сейчас подчеркнуть именно экзогенность нашей революции, ее единство с общемировым революционным процессом. Это — *зависимая революция,* она не имеет достаточно выраженной национальной обусловленности, она делается не только и, быть может, не столько в соответствии с интересами российского буржуазного слоя, сколько в соответствии с интересами мировой (западной евро-атлантической) финансовой и геополитической власти.

Что следует из такой зависимости? Во-первых, что буржуазно-экономическая революция направлена против независимости России: во-вторых, что она работает против возрождения, а тем более, против развития, глобального — цивилизационного, экономического и геополитического — конкурента; в-третьих, что она направлена против самобытности России, ее традиции и исторической миссии; в-четвертых, что она

преследует цель установления контроля над всем геополитическим пространством России; в-пятых, что она работает на включение того, что называется ныне Россией, в около-Западный мир в качестве сателлита; в-шестых, что революция способствует победе западной цивилизации во всем мире, т. е. реализации **Всемирного Устроительного Проекта.**

Необходимо признать, что первый выход революции в СССР-России оказался на редкость удачным: почти безукоризненное овладение политической властью позволило разрушить СССР и развернуть полномасштабную перестройку российского общества и его хозяйства в соответствии с заданными целями. Нет смысла перечислять содеянное и его результаты. Они налицо. Нас интересует логика развития событий.

Шоковый революционный импульс спровоцировал бифуркационное состояние российского социума — почти обвальное разрушение его старых оснований, исчезновение структур и институтов, растворение характерных качеств, системное расстройство, общий беспорядок, квазиброуновскую динамику элементов. Классическая ситуация глобальной цивилизационной катастрофы. Время разбрасывания камней.

Перед социумом, казалось, открылись различные пути стихийного или полустихийного движения вперед. Бифуркационные варианты. Их смутные образы как будто проступали на «экране будущего». Общество вроде бы оказалось в ситуации выбора. Но… выбирать ему не пришлось. Путь уже был предначертан и революционным образом навязан обществу. Бифуркация оказалась… управляемой. Внедрение и поощрение нужного сопровождалось непоощрением и выбиванием ненужного. Бифуркация была зажата. Она не получила свободного развития. Победил предусмотренный революцией вариант, который… увы… уже не был «вариантом», а был сознательно имплантированным проектом.

Прекрасно организованная революция сверху — *властная революция,* возможно, совершенно уникального свойства, если принять во внимание масштабы и глубину как революционизируемого социума, так и самих революционных преобразований.

Почему же такой успех? Не умаляя ни в коей мере субъективных заслуг революционного элемента, отдавая должное его силе, организованности и напористости, политической изворотливости и пропагандистской изощренности, наконец, непреходящему умению искусственно создавать и насильственно разрешать «временные кризисные ситуации» (фальш-кризисы: «перевороты», «восстания», «карательные экспедиции», «малые гражданские войны», «межнациональные конфликты» и т. п.), обращая их себе на пользу, основной акцент мы должны сделать, во-первых, на состоянии советского многонационального, главным образом, урбанизированного, социума, давно переставшего быть государственно и социально ответственным и пассионарным; во-вторых,

на практически безоговорочном повиновении массоподобного социума, потерявшего сословные скрепы и интересы, властям, что необычно облегчило революцию сверху; в-третьих, на вырождении правящей структуры и перерождении социальной элиты, ее переориентации на буржуазные ценности; в-четвертых, на силе, скрытого во многом, но пассионарного, пробуржуазного и значительно криминализированного слоя, ставшего вкупе с денационализированной и либерально настроенной интеллигенцией, а также с отдельными отрядами трудящегося населения, принявшего сторону буржуазного варианта, социальной опорой революции; в-пятых, на общей неудовлетворенности населения от существовавшего советского режима, не смогшего или не захотевшего решительно изменить ситуацию в стране в сторону либерализации жизни и ее плодотворного развития.

Было бы наивным не учитывать создавшейся в целом благоприятной для буржуазной революции ситуации. Конечно, такую революцию можно было бы, по-видимому, предотвратить, осуществив глубокие социальные реформы, но как раз такие реформы не были своевременно проведены, а замысловатые реформы второй половины 1980-х гг. лишь подготовили приход революции. Мы отдаем себе отчет в том, насколько сложны социальные проблемы глобального характера и насколько непросты их разрешения. Мы никого и ни в чем не упрекаем. Произошло то, что должно было произойти: износившаяся и нежизнеспособная система рухнула, на ее место пришел ее антипод.

Вернемся к нашей бифуркации. Ее латентный период, заняв примерно пятилетие, завершился выходом на *исходную бифуркационную точку*, ознаменовавшуюся революционными событиями 1991 г. Далее последовал краткий свободно-бифуркационный этап — *этап бифуркационного взрыва,* закончившийся октябрем 1993 г. Затем наступило время уже более или менее *управляемой бифуркации,* когда на общем бифуркационном фоне стал, видимо, побеждать предусмотренный в соответствии с происходящей революцией социопроект. 1993 г. — *вторая бифуркационная точка* — точка поворота к управляемой бифуркации.

Управляемая бифуркация — вовсе не стабилизация. Это не более чем направленное созидание нового взамен старого в условиях общего кризисного состояния общества. Победа революции как первого натиска не есть победа революции в созидательном итоге, а созидаемое в обстановке кризиса не есть еще преодоление кризиса. Революция вызвала *всеобщий социальный кризис*, затем стала действовать уже в условиях кризиса, стремясь создать нечто адекватное предначертанному социопроекту. Революционно обусловленный кризис не просто неминуем для революции (разрушение есть разрушение), но он для нее абсо-

лютно необходим — только в кризисе, через него и с его помощью революция способна не только устранить старое, но и создать новое. Революция без разрушения и созидания — нонсенс.

Разумеется, здесь заложено острейшее противоречие — между *созидаемым разрушением*, с одной стороны, и *созиданием в разрушении* — с другой. Но революция на то и революция, чтобы идти по лезвию бритвы, рискуя вызвать либо бездноподобную катастрофу, либо натиск контрреволюции. Революция идет по пути именно управляемой бифуркации.

Многое удалось, надо отметить, буржуазной революции в СССР-России, очень многое. Нет смысла все пересказывать. Революция вовсе не оказалась бесплодной. Разнообразные плоды ее не только разрушительной, но и созидательной работы повсюду. Россия живет в новом, хотя еще и не устоявшемся, облике. Переход не закончен, но он идет, правда, не без существенных противоречий, обусловленных все той же революцией, ее разрушительно-созидательной работой.

Поглощенная разнообразной разрушительно-созидательной деятельностью, революция незаметно и быстро въехала… *в новое бифуркационное состояние общества* — уже третье по нашему революционному счету. Произошло это в 1995 г. Что же это за состояние?

С одной стороны, это состояние исчерпанности возможностей разрушения, достижения некоего неразрушимого без конечной катастрофы фундамента, оседания на кризисное дно; с другой — это состояние недосозданности нового, того, что предусмотрено революционным проектом; с третьей стороны — это состояние общей неустойчивости, отсутствия прочной каркасной структуры, институциональной неоформленности, функциональной беспомощности; с четвертой — это состояние большой неудовлетворенности от созданного нового, не говоря уже о естественном (более объективном, чем субъективном) сопротивлении преобразуемого революционным образом социума (признание слов не есть признание дела, признание дела не есть признание его результатов, признание первичных результатов не есть признание последующих итогов и т. д.).

Выходит, что состояние общества — уже не в старом, а в новом обличье — вдруг оказалось не слишком соответствующим намерениям революции, ее ходу и возможностям, ее алгоритму и духу, ее сверхзадаче. Революция неожиданно оказалась в ситуации… невозможности дальнейшего своего развития… без преодоления вызванного ею же самою всеобщего кризиса, равным образом и без радикального изменения… своего проекта.

Революционный кризис общества не мог не вылиться в… *кризис самой революции и всего ею содеянного, в том числе и созидательного*.

Надо бы дальше **наращивать революцию**, а возможностей и стремлений в достаточной мере уже нет. Революция начинает работать против революции, порождая противореволюционные тенденции, во всяком случае, не соответствующие в полной мере первоначальному проекту. Возникает **феномен анти-революции**, причем не только в перестраиваемой среде, но и в социальной опоре революции и даже в ее элитарном эпицентре.

Заметим, что анти-революция — не контрреволюция, которой обычно сопровождаются революции. Антиреволюция — не орудие реванша и реставрации, как контрреволюция, а средство движения к новому образу социума и жизни, но… уже *не в революционном варианте.* В самом простом выражении это вариант синтеза нового и старого, но это не совсем так — в варианте, скорее, адекватности возникающего нового жизнеспособной реальности, том варианте, который, естественно, не может дать революция, слишком направленная против реальности. О синтезе можно, конечно, говорить, но о синтезе, отражающем само многообразие жизни, а не какое-то там смешение нового со старым.

На пути революции встали не только возникшие в обществе сложнейшие проблемы и невозможность дальнейшей разрушительной работы, не только недовольство большей части населения и ностальгия общества по упорядоченной жизни; на пути революции встала сама суть революционируемого общества, его глубинная — редко осознаваемая самими людьми историческая обусловленность, его собственная — и никому не ведомая до конца — предрасположенность, его генотип, на пути революции встала сама Россия — нет не страна, не пространство, даже не население как таковое, а тот социофеномен, который называется «Россия».

Встать на пути — не значит грубо препятствовать, как и не значит лишь гибко противодействовать; здесь сложнее: вбирать в социум революцию, а выводить из социума… не только революцию и то, что ею запрограммировано, а кое-что еще — другое, непредусмотренное, самобытное, вплоть до антиреволюции и антиреволюционного. Революция гаснет в социуме, а социум… отторгает революцию, хотя и не отторгает вообще новизны, наоборот, он усваивает усваимаемое и, что особенно важно, сам создает собственное новое. Это-то новое и оказывается главным противником революции, а вовсе не старое, способное питать лишь некоторые контрреволюционные настроения.

Возникает очень непростая бифуркационная ситуация — *критическая для революции и социума,* когда революция не очень-то может идти дальше, когда встают задачи, не очень-то подходящие для революционного творчества, когда социум уже не очень-то приемлет революци-

онные действия, когда он нуждается в антиреволюционной стабилизации, когда возникшее в результате революции новое сопротивляется революции, когда на пути революции оказываются фундаментальные социокультурные основания, когда Революцию отторгает само Провидение.

На место бифуркации управляемой *приходит бифуркация сопротивляющаяся.* Ситуация выходит из-под контроля революционного режима не в силу взрывоопасной анархизации социума, а в силу какого-то коренного несоответствия революционного проекта революционируемому обществу. Революционное управление бифуркацией теряет эффективность. Бифуркация берет свое, но не только и не столько по линии новой анархизации социума, сколько по линии нового — не полностью подвластного революции — качества образования, не слишком зависимого от революции поиска новой упорядоченности.

Революция оказывается в тупике, в который она попадает как по собственной инициативе, так и по инициативе как будто бы покорившегося, но в то же время имеющего собственные виды на будущее, своенравного социума. Особый момент глобального кризиса, особый момент революционного процесса, особая точка бифуркации.

Что же дальше: новый бифуркационный взрыв (повторение 1991 г.), новое силовое овладение бифуркацией (повторение 1993 г.) или же непредусмотренный маневр в сторону антиреволюции? Первый путь — «левый» — чрезвычайно опасен, он не может быть принят ни обществом, ни, как ни странно, самой революцией, — за ним маячит бездна и гибель. Второй путь — «правый» — не очень-то возможен, хотя и очень соблазнителен: сбить одним ударом сопротивление нового и двинуть вперед запланированный прокат. Третий путь — прямой — не очень желателен, хотя и наиболее возможен: он полон риска соскользнуть с революционного пути, поддаться на антиреволюцию. Какой путь избрать, если все — пусть и неодинаково — опасны для революции?

Посмотрим на реальные действия революционной власти в 1995—1996 гг. Какой она сделала выбор? Конечно же, сложный. Обобщенно его можно выразить так: маневр — более формальный, чем реальный — в сторону антиреволюции с надеждой приглушить последнюю и продолжить революционные деяния; в случае неудачи маневра пустить в ход экстренные меры переворотного характера — по второму, то и по первому варианту (данное предложение не очень уж гипотетично, что было засвидетельствовано уже мартовскими 1996 г. думскими событиями).

Что интересно, так это необходимость все более камуфлироваться под антиреволюцию и под Россию с неизбежными при этом реальными шагами в их направлении. Сколько должно быть таких шагов, чтобы удержать инициативу — пусть уже и не слишком революционную.

И не получится ли так, что однажды с революцией вдруг будет покончено? Кто знает?

Не знает никто и того, что может произойти с революцией и ее реализаторами в случае запуска радикального варианта выхода из тупика. Сегодня ситуация далеко не та, что была в 1993 и 1991 гг. Сегодня перед нами уже не бывшая ранее, а революционно обновленная Россия — с новой Конституцией, правами человека и гражданина, «демократическими институтами», политическими свободами. Россия сегодня под псевдозападной либеральной вуалью. Какое уж теперь ЧП, какой переворот, какая диктатура? Это уже будет не революция, не ее жесткий ход, а, скорее, конец революции, ее полное поражение. Как и поражение западнизма в России. Это будет уже *открытый захват страны.* А захват на то и захват, чтобы вызвать справедливое и полномасштабное сопротивление — вплоть до *национально-освободительного восстания.*

Что говорить, ситуация крайне сложная. Не просто бифуркационная точка с неопределенными исходами, а прямо-таки настоящая *бифуркационная паутина.*

Россия вновь перед выбором — выбором уже *посреди*-революционным. И вновь встает вопрос о шансах — шансах России. Какие же они?

Россия пошла на спровоцированную революцию сверху, но, кажется, ее не признала, не породнилась с ней. России чужда философия революции. Отдав революции поверхность — режим, Россия оставила за собой глубину — генотип. Россия впустила в себя революцию, выдержала ее натиск, устояла и приспособилась к ней, а теперь выдерживает ее в своем чреве, готовя превращение ее в свою противоположность — антиреволюцию. Россия переваривает революцию, вырабатывая свой собственный вариант бытия.

Борьба в разгаре. Россия еще не победила. Революция еще не исчезла. Но Россия уже поднимается, а революция уже идет на убыль. Надо подстегивать революцию, домпингировать, гнать вперед. Надо и Россию уламывать. А Россия, прямо скажем, — не СССР, не КПСС, не Советы. Это не учреждение вовсе, даже не страна. Это не только и не столько форма, которая периодически рушится, не будучи адекватной России, а глубокая суть, постигнуть которую действительно невозможно.

Запад и западнизм не проходят. Суть России вовсе не та, чтобы Запад мог ее просто так заместить. Вот революция и пошла по пути… России, но — увы — России не слишком российской. Лже-Россия — не перспектива даже, а реальность. От западной химеры к химере российской. Вот и вся революционная изобретательность.

Лже-Россия — не менее серьезный противник России, чем Запад (в культуро-цивилизационном смысле, конечно). Западный соблазн уже отвергается, теперь надо справиться с соблазном лже-российским. Что ж,

выразим надежду на инстинкт русского народа и всех народов, к нему примыкающих, на инстинкт российского суперэтноса.

Не будем здесь говорить об особенностях России, ее специфических чертах, ее уникальности. Главное, чувствовать Россию, понимать и принимать ее самобытность. Перечисление особых характеристик ничего не дает, ибо относятся они по преимуществу к поверхности, к явленному. А явленное всегда слабее сущего, оно фиксирует особенность, но не раскрывает. Уникальность России восходит не к суетному миру, она закрыта для суесловия, как и для «научного исследования». Здесь больше потребна вера, а не точность эксперимента. Можно сломать ту или иную явленную Россию, но невозможно уничтожить Россию сущую.

Десятилетие перестройки и революции подтверждает вышесказанное. Захваченная врасплох, обманутая, Россия поддалась на анти-российскую по сути преобразовательную акцию, допустила многое из недопустимого, пошла на необоснованные жертвы… но, как видим, не сдалась вовсе, не сломалась в существе своем, не отреклась от себя. Россия пошла на выучку, но не к Западу вовсе, как это кажется поверхностному наблюдателю, а к самой себе, к своему сущему, к своей тайне.

Нет, поворот еще не свершился. Россия еще не на истинно российском пути. *Бифуркация продолжается*. Социум еще бродит, еще соблазняется, еще ищет. Элита далека от России. Власть не органична России. Страна еще больна, она только-только втягивается в выздоровление. Но патология уже явленна, уже обозначена, она отторгается. Впереди еще много борьбы и работы, много тяжбы, много страды и страданий. Но это уже путь не вниз, а наверх — через искусы и испытания, через Суд.

Шансы России — борьба за Россию, ее смысл и предназначение. Российское в России еще под судом, оно пока не определилось, но признаки определения, вдохновляемого предопределением, уже есть. Их трудно сегодня разглядеть, тем более сциентизированному разуму, но почувствовать можно, проникая вовнутрь жизни, сочувствуя ей, слушая сверх-сознание. Бытие еще не состоялось, но Весть уже подана!

Обратимся теперь к экономике — *экономике России.* Что она сегодня, о чем говорит, что все ожидает?

Российская экономика оказалась, как и следовало ожидать, объектом и средством революции, ее целью и ресурсом, ее преднамеренной жертвой. Экономика подверглась революционным «терапевтическим» ударам и революционной же перестройке — деструкции и деструкции. Что же и как произошло?

Назовем несколько системных (а революционная работа, надо сказать, шла и идет «по системе», вовсе не анархично, как это может казаться на первый взгляд, — революция-то управляемая) мер-процессов: *разгосударствление — приватизация — либерализация, неограниченное*

капиталообразование — открытие экономических границ, «грабительское» соотношение рубля к доллару (в пользу доллара).

В итоге: «дикий» рост цен и обесценение рубля; *резкое сокращение производства*; в особенности в ВПК, сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, с остановкой цехов и предприятий (сначала по причине дефинансирования, затем по причине роста цен и издержек, снижающих конкурентоспособность продукции, затем по причине неплатежей, отсутствия кредитов и т. п.); крах научной среды (по причине ее нефинансирования в рамках политики дебюджетизации); *резкое сокращение инвестиций,* в особенности, в производительной сфере, с лавинообразным устареванием технической базы; реструктуризация внешнего обмена по линии усиления экспорта энерго-сырьевой продукции и увеличения импорта готовой (в основном, потребительской) продукции, *резкое возрастание вывоза капитала в денежной форме* (бегство капитала); *экспоненциальный рост внешней финансовой задолженности* (революция требует внешний финансовых вливаний); *лавинообразный рост незанятого на предприятиях населения, натурализация хозяйства* (бартер и т. п.) и жизни населения (производство и потребление собственного продовольственного продукта); *образование частных капиталов,* в том числе гигантских, их размещение главным образом в торговой и финансовой сферах, формирование финансовой олигархии; *имущественная и социальная поляризация,* обогащение немногих и обнищание подавляющего большинства (сокращение и обесценение заработной платы и социальных выплат), растворение сбережений, незанятость и отсутствие стабильных доходов, рост цен, обесценение денег и т. п.); *последовательное отделение государства трудящихся (трудовых коллективов от собственности)* — буржуазная экспроприация; *развал механизмов государственного управления и контроля* в экономической сфере и *сосредоточение внимания хозяйственного центра на деньгах* (монетаризм в действии); *небывалый рост теневой экономики,* размах подпольной деятельности и организованной преступности, *коммерциализация социально-гуманитарной сферы,* тяжелое финансовое положение ее основной части; *«утечка умов» за границу.*

Все эти итоги, перечисление которых можно было бы продолжить (мы оставили в стороне многие народонаселенческие и социо-культурные аспекты), действительно были вызваны указанными выше взаимообусловленными системными мерами-процессами, а не какой-нибудь там «стихией», хотя последняя, безусловно, приняла и принимает свое участие в реализации революционного проекта. Связь между мерами-процессами и их итогами, может быть, и не всегда видна, но она есть. Если попытаться проанализировать причины того или иного итога, то мы

с неизбежностью приходим — с учетом, конечно, тех или иных обстоятельств — к обнаружению причинно-следственной связи революционных результатов с комплексом отмеченных выше революционных мер-процессов?

Алгоритм и ход революции в общем-то ясен. Нам интересна нынешняя ситуация в сфере экономики — ситуация начала 1996—1997 гг. Какова она?

Первое, что мы должны отметить — это **ситуация глобального экономического кризиса**, достигшего в своем развитии некоего предельного уровня — уровня хозяйственного дна, а потому и как бы остановившегося в некоторой «мертвой точке». Ситуация *замерзшего* кризиса.

Второе, что мы должны отметить — это ситуация *тоже замерзшего первоначального накопления капитала.* Сфера производства капиталом еще далеко не освоена, а сфера торговли и финансов не может уже расширяться для капитала без расширения сферы производства и ее дальнейшего освоения капиталом. Финансовый капитал пока не идет в сферу производства — и ненадежно, и невыгодно, и средств не хватает (невозвраты кредитов и т. п.). Первоначальное накопление капитала, а оно пока еще остается первоначальным — до полного освоения сферы производства, натолкнулось сразу на несколько обстоятельств-препятствий: на производственный кризис (без развития и роста производства, его обновления и структурной перестройки накопление капитала уже невозможно); на узость внутреннего рынка и явную нехватку рынка внешнего; на отсутствие инвестиционного потенциала, на опасность углубления революционных преобразований деструктивного характера; на сопротивление социо-хозяйственной сферы; на слабость национально-государственной созидательной воли из-за нежелания, неспособности и невозможности ее выражения правящим революционным режимом.

Третье, что было бы интересно отметить — это ситуация кризисного неестественного и неустойчивого *квазиравновесия,* когда хозяйственный оборот более или менее осуществляется, инфляция замедлилась и не носит явного разрушительного характера, внешний обмен более или менее стабилизирован, рубль относительно спокоен, рынок более или менее уравновешен (насыщение потребительского спроса обеспечивается более импортом и натурализацией жизни, чем внутренним товарным производством; потребительский импорт оплачивается энерго-сырьевым экспортом), падение производства притормозилось, даже едва не остановилось, инвестиции не падают лавинообразно, имеются признаки оживления в некоторых отраслях (правда, не в отраслях-моторах), нет явного и резкого обесценения доходов населения (как нет, правда, и регулярных выплат заработной платы) и т. п. Нечто похожее на *призрак*

стабилизации, но явившийся как результат жесткой стабилизационной политики правительства, ориентированной на монетаристское и внешнедолговое решение вопроса, (поддержание валютного курса рубля с максимальным воздержанием от бюджетных расходов и заемным привлечением бюджетных доходов). Призрак вызван, надо полагать, более желанием правительства, весьма озабоченного сохранением завоеванного революцией, чем объективным ходом вещей. Последний как раз все время грозит спровоцировать крах политики стабилизации и вызвать к действию силы нестабильности, прежде всего, инфляцию и новую утечку капиталов за границу.

Четвертое, что нужно отметить, — это «перекошенный» в сторону энерго-сырьевых экспортных отраслей облик нынешней российской экономики, ее по сути почти *колониальный характер.* Экономика обрела предопределенную революцией зависимость от внешнего мира и определившуюся в результате революции внутреннюю тенденцию к зависимости. Экономика революционным образом открылась и… *перестала быть независимой.*

Пятое, что важно подчеркнуть — это отсутствие явного потенциала и обозначившихся направлений развития российской обрабатывающей и высокотехнологичной промышленности, транспорта и связи, информационного сектора, строительства и сельского хозяйства, рационального природопользования, науки и профессионального образования, т. е. о*тсутствие или слабая выраженность перспектив качественного развития экономики и общества.* Уникальная ситуация: огромная страна без ясно очерченных перспектив (не вообще ожиданий будущего развития, а конкретных возможностей и путей развития в настоящем)!

Сказанное о ситуации, сложившейся в российской экономике, не означает, конечно, отсутствия в ней жизни и возможных перспектив ее качественного развития. Местами жизнь едва теплится, но местами она прямо-таки бурлит. Пусть не повсюду и не во всем, как хотелось бы, но «верчение» жизни есть, хотя, быть может, и более «выживательное», чем проспективно созидательное. Чего пока нет, так это явно определившихся позитивных тенденций, знаменующих собой преодоление глобального экономического кризиса, прохождение границы бифуркационного пространства.

Пока российская экономика находится в состоянии бифуркации, хотя и в некоторой мере «смазанной» призраком придонной стабилизации. Бифуркация вовсе не стала прошлым, да, видимо, еще и не скоро им станет. Она существует, но уже в новом образе. Нельзя сказать, что она перестает быть управляемой, ибо буржуазно-революционные преобразо-

вания продолжаются, хоть и в противоречии уже не только с преобразуемым старым, но и с возникшим новым и самим преобразовательным процессом. Управляемость не исчезла вообще, но она… уже устарела, морально устарела. Нынче требуется иное — глобально созидательная, антиреволюционная и антикризисная, антибифуркационная управляемость, а ее-то как раз и нет. Экономика оказалась в точке, как бы ушедшей в себя, непроявляющейся, *подспудной бифуркации,* от которой можно ожидать как новой взрывной бифуркации, так и вялотекущей бифуркационной неопределенности, стабилизационной бифуркации и конструктивной «выходной» бифуркации. Произошло как бы *сжатие бифуркации*, ее новое погружение вглубь экономической среды, почти отступление, но… с возможностью внезапного расжатия, выхода на поверхность, открытого наступления. Особая точка бифуркации — точка *вре́менной безысходности,* за которой скрывается напряженно замерзшая *многовариантная исходность*, или точка *бифуркационного ожидания.*

Основная проблема для экономики состоит сегодня… в сходе с указанной точки ожидания. Отсюда и главный вопрос: как и с какими последствиями сойти? Либо экономика сама сойдет, но с неопределенным результатом, в том числе и катастрофическим; либо экономику надо подтолкнуть к сходу, но… также с неопределенным результатом, в том числе и катастрофическим; либо экономику надо расчетливо вывести из «ожидательного» состояния с программируемым результатом, хотя, конечно же, не без вероятности срыва катастрофического порядка. При втором и третьем вариантах возникает естественный вопрос о роли субъективного фактора, который должен либо подтолкнуть экономику к развитию (как и к катастрофе!), либо повести экономику по пути развития (не без риска катастрофического срыва!). Важно, кто и как совершает задуманное, с каким замыслом и какими средствами.

Так или иначе, но реальность подводит к варианту вполне осознательного волевого и упорного, рассчитанного и целостного, *выведения* российской экономики из кризиса в процессе и с помощью ее дальнейшего, но уже антиреволюционного *преобразования.* Такую выведенческую работу должно проделать *все общество по инициативе, под руководством, при поддержке и прямом* ***участии государственного хозяйственного центра****, через реализацию не только* ***свободы хозяйствования****, но и многоуровневой* ***хозяйственной власти****, в рамках восстановленного в новом качестве общественного* ***хозяйственного порядка***. Хотим мы того или не хотим, но нам придется — при условии постановки задачи реального хозяйственного строительства, а не выбрасывания в эфир очередного пропагандистского блефа — выбрать именно этот вариант. В противном случае Россию ожидают экономическое

болото, полуколониальное прозябание, хозяйственная деградация и дезинтеграция, геохозяйственный и геополитический распад.

Перспективная и комплексная организация всей экономической жизни из центра — ничего другого России не остается.

С чего начать? — С перспективного и комплексного расчета, с общехозяйственного плана, но не тотального плана советского образца, а *плана-ориентира*, сочетающего прогноз с постановкой задач, а задачи с программой действий. Одновременно с разработкой перспективного плана необходимо будет определить и *программу текущей хозяйственной политики*, не забыв включить в нее главный для крупной социально-экономической ситуации пункт — *наведение всеобщего государственного хозяйственного порядка,* того самого порядка, без которого не может быть ни нормальной экономики вообще, ни движения от аномальной экономики к нормальной.

Наведение порядка, прежде всего, правового и финансового — не самоцель. Это средство решения стоящей перед обществом основной задачи — *строительства полноценной, т. е. способной к самовоспроизводству, общественной экономической системы, основанной на многоукладности, с обеспечением широкого и постоянного производительного накопления, в особенности, в передовых высокотехнологических и наукоемких отраслях-моторах и в жизненно важных базисных отраслях.* Нужны условия для накопления не просто капитала, а капитала производительного, и не просто для накопления производительного капитала, а для производительного труда, и не просто для производительного труда, а для труда высокоуровневого, высокотехнологического и высокоорганизованного.

Повернуть хозяйственную инициативу и хозяйственные ресурсы, предпринимательство и капитал в сторону производства, защитив это производство от разрушительной конкуренции извне — такой сегодня жизнеутверждающий императив. Без внутреннего производства не может быть полноценной национальной экономики.

Как это сделать? Сделать это можно по-разному. Конкретная программа действий — не дело экономической теории. Задача теории — объяснить ситуацию, выявить основные причины и возможные следствия, наметить главные пути, очертить общие контуры. Язык теории — язык концептуальный. Теория не намечает действий, но может дать *концепцию действий.* Теория оперирует с обобщающими понятиями и дает обобщающие понимания. Теория привносит культуру, формирует идеи, побуждает к действию. Не нужно, поэтому, ожидать от теории конкретной программы действий, — это задача хозяйственно-политической практики.

С точки зрения теории настал момент *антиреволюционной преобразовательной созидательной деятельности в пользу России.* Сейчас уже ясно, что движение по революционному пути — движение против России. Революция уже достаточно зарекомендовала себя как анти-российская, анти-национальная и анти-государственная. Успех кружит голову, и кажется, можно «орудовать» и дальше. Но только кажется. Ситуация объективно становится (если уже не стала!) анти-революционной.

Пятнадцать лет смуты (со времени кончины Л.И. Брежнева), более десяти лет деструкции (со времени прихода М.С. Горбачева), шесть лет разрушений (с событий 1991 г.). И все это время по экспоненте вниз — до предела, за которым либо катастрофа, либо принципиальная переориентация. Очередь за созиданием. Разрушительный период должен смениться периодом созидательным, но… уже не в угоду революции, а вопреки ей. Можно назвать это «вопреки» всего лишь корректировкой курса, даже разумея под этим временный революционный маневр, но объективная ситуация требует радикальных антиреволюционных перемен. *Россия нуждается в российском же созидании.*

Субьективная инициатива в России… пока не у России. Субьективное делание не слишком соответствует объективной потребности. Острейшее противоречие, ждущее разрешения. И разрешения… в пользу объективности. Удастся ли его достигнуть без потрясений? Может ли Россия продемонстрировать неколлизионный выход из ситуации?

Новое насилие субъективного над объективным вполне вероятно. Исторически оно бесперспективно, но… история в этом плане ничему не учит. Инерция революции сильна, а общество далеко еще не антиреволюционно. Соблазн продолжения революционного натиска велик. Объективная потребность в антиреволюции уже есть, но нет еще овладения антиреволюцией субъективной политической волей. *Впереди прохождение очередной бифуркационной точки.*

Теория отражает действительность, раскрывает ее, моделирует и в некоторой мере предвидит. Иногда теория может способствовать политическому выбору, но сама его никогда не делает. Теория не повелевает субьективными намерениями и действиями, она не принимает практических решений, не является операциональной. Теория обеспечивает знание, позволяющее действовать.

Каковы же шансы России и российской экономики?

С теоретической точки зрения… все еще неопределенные. Вопрос выходит за рамки социально-экономической трансформации, а уж тем более — «рыночной реформы». Вопрос выходит за рамки технологических решений. Выходит он и за рамки самой России. Вопрос России (или даже Русский Вопрос) — *мета*-вопрос *мета*-истории!

Не претендуя не то, что на окончательный, но даже на сколько-нибудь правильный(?!) ответ, выскажем следующее соображение: *шансы России и российской экономики сколь позитивны, столь и негативны, но за те и другие еще придется побороться!*

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Шансы российской экономики». М.: Изд-во ТЕИС, 1997.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИ-ФУРКАЦИЯ

Едва общественность привыкла к слову «бифуркация», как выяснилась его смысловая узость, восходящая к первой части — «би», что означает «два», «двойной», «двойственный». При строгом понимании бифуркация есть раздвоение, образование двух потоков, вырастание двух ветвей, появление двух вариантов. Социальная же действительность демонстрирует более сложные разделительные процессы — множественные, не сводящиеся лишь к раздвоению.

Фактически имеет место вообще разветвление с неопределенным числом ветвей, а соответственно, и с неопределенным числом преобразовательных процессов и их результатов. Такое «вообще разветвление» с учетом и множества сопряженных с ним «завихрений» правильнее было бы определить полифуркацией.

Полифуркация не заменяет, а дополняет понятие бифуркации. Последняя остается как важнейший момент полифуркации, имеющий и самостоятельное значение — как образование и борьба противоположных качеств. Полифуркация — среда, поле, пространство бифуркаций. Можно даже сказать, что полифуркация — множество бифуркаций. Это так в общем и есть, но не строго обязательно, ибо ничто не может помешать образованию трех-, пяти- или семичленных фуркационных потоков, когда третий, пятый или седьмой поток оказывается синтетическим отрицанием остальных парных потоков. Есть, к примеру, раздвоение, обозначаемое с двух сторон «рынком» и «планом», но есть при этом и третья сторона скажем, «управляемый рынок», и эта третья сторона обнаруживает себя сразу же, вместе с двумя другими — противоположными, т. е. является третьим вариантом, а не результатным синтезом первых двух. Конечно, и третьем варианте есть момент отрицания первых двух, им противоположность, т. е. есть своя бифуркационность, но это уж иная бифуркационность, проявляемая через полифуркацию, в ее рамках.

Опыт современной российской смуты — опыт, безусловно, полифуркационный, хотя и в разных частностях — бифуркационный. Если го-

ворить о смуте обобщенным образом, то предпочтительнее термин «полифуркация», отражающий множественность, т. е. качественное разнообразие рассматриваемого феномена, а если говорить о частных диалектических моментах, то лучше применять термин «бифуркация», который лучше отражает борьбу парных противоположностей.

Вот уже пятнадцать лет как Россия живет в смутном времени. Сначала была предреформенная смута (с 1982 г.), затем — реформенная (с 1985—1986 гг.), потом — революционная (с 1989 г.). И пока смута продолжается.

Ясно, что российская смута последней четверти XX в. — очень сложная по смыслам и реальным процессам. Это воистину полифуркационная смута. Сколько сразу идет революций! Здесь и социальная революция, и хозяйственная, и политическая, и цивилизационная. К первым трем наше образованное ухо давно привыкло, возбуждает интерес лишь сам факт этих революций в России 1980—1990-х гг., да их, быть может, не совсем ожиданная, но в общем-то понятная буржуазная подоплека. Что касается цивилизованной революции, то это уже не так очевидно и восприимчиво, но… разве нет в происходящей многокачественной революции момента отрицания России, как именно цивилизационного феномена? Такое отрицание, к сожалению, есть. А раз есть, то есть и не-Россия, данное отрицание возбуждающая.

Выходит, что происходящая в России революция — *не-совсем-российская революция,* что ее смысл не только не укладывается в рамки России, но ей же и противостоит. Решается не просто вопрос «какой быть России в итоге революции?», а «чему быть на российском пространстве в итоге не-совсем-российской революции?» Не только Россия проводит в России революцию, а и не-Россия, сопряженная так или иначе со всем изменяющимся земным миром.

Мир и Россия, Россия в мире, мир против России. В России идет *мировая российская революция.* Мир преобразует Россию, конечно же, по своим — мирообусловленным — меркам. И поскольку в мире лидирует и пытается господствовать западная цивилизация (т. е. цивилизация последовательно буржуазная, финансовая, прагматическая, техногенная), то революция в России имеет западную, а не какую еще либо, обусловленность… но… вряд ли преследующую цель воздвигнуть в России собственно западную цивилизацию, — нет, не похоже, да и, само собой разумеется, нелогично: не нужен Западу российский Запад, и сама Россия вряд ли станет Западом, а вот про-западной Россия вполне может быть, так что цель мировой революции в России не Запад как таковой, а про-Запад, для чего потребны не просто союз и сотрудничество с Россией, а именно определенная (не полная, но достаточная) западнизация России

как цивилизационного феномена. Вот почему и с каким возможным результатом развернулась в России цивилизационная революция.

События, однако, вышли за рамки цивилизационных преобразований. Если бы только цивилизация! Происходящая революция, как известно, сопроводилась уходом СССР из зон своего влияния, затем его развалом, а сейчас, что уже не менее известно, она беременна… развалом уже самой России. Получается, что революция имеет еще геополитический характер, т. е. является геополитической революцией. А поскольку мировой момент в геополитике наличествует органично и явно, то происходящая в СССР-России революция есть, безусловно, компонента мировой ***геополитической революции.***

Да, о такой революции мы еще не говорили. А это всем революциям революция, ибо ставит весь мир и все страны мира, а не только Россию и ее возможных наследников, в совершенно новое геополитическое положение. Под последним же мы понимаем общую социо-хозяйственно-политическую структуру мира, его организацию, складывающуюся в мировом народонаселении на основе и в рамках доступного человечеству гео- и космопространства. Идет не просто крушение отдельных царств, что достаточно восприемлемо, идет переустройство мира в целом, сопровождаемое крушением одной его целостной организации и возможным(!) возникновением другой его целостной организации. Не только СССР-Россия и их бывшие союзники сдвинулись с места, отправившись в неизведанное, но и весь мир поступил точно так же, соединив свою судьбу с неизвестностью. Хочет того мир или не хочет, но устроив революцию в СССР, он попал на край исторической бездны, сильно рискуя.

Но это еще не все. Всемирный риск идет и от *антицивилизационной революции,* разворачивающейся в мире — не только в России, ставшей в мгновение ока криминализированной. Великая криминальная революция своими истоками восходит ко всему миру, а ныне она уже не разъедает даже, а просто поглощает допустивший ее так называемый цивилизованный мир.

Такова революционная картина сегодняшнего мира, а в ее пределах и революционная картина сегодняшней России. Нет, Россия не переживает чисто страновую, внутреннюю, домашнюю революцию. Российская революция — *элемент всемирных революционных процессов.* Российский революционный дом продувается мировыми революционными ветрами. Не все в России, увы(!), зависит от России.

А что же сама Россия, пережившая очередные «демократические выборы», ставшая свидетельницей «страшных событий» в верхах и в низах, подошедшая к 1997 году? Чего она хочет, куда идет, какие имеет шансы?

Осмелюсь утверждать, что Россия не только подошла к необходимости *анти*-революции, о которой мы ранее говорили, но и явно хочет этой антиреволюции. Антиреволюция — не контрреволюция, это не консервативная противоположность революции, а ее противодейственное преодоление, обеспечивающее нормализацию общества, позитивное движение вперед.

Именно с антиреволюцией связываются все надежды — и не только обедневших и лишившихся работы масс населения, но и относительно благополучных слоев, даже рожденных революцией предпринимателей. Пора переходить ко всеобщему созиданию. Но хочет ли этого революционная пока власть? Признаков такого желания не просматривается, во всяком случае там, где принимаются главные решения. Власть не переходит на антиреволюционный путь, упуская и свои шансы, и шансы России. Упущенные шансы — знамение текущего момента. Удачно сделанные выборы удержали революционную власть, даже предоставив ей возможность осознать необходимость антиреволюции и пойти по ее пути, но они не решили главных проблем России, не смогли повлиять на власть в нужном направлении. Власть, кажется, так ничего существенного и не поняла.

Теперь дело за развитием событий, за ходом вещей. Управление шансами в позитивном смысле не получилось, теперь остается только ***игра шансов***. Полифуркация не убывает, смута не ослабевает. Есть достаточно оснований полагать, что то и другое может усиливаться, перейти в новую качественную фазу — заметно более стихийную, с более непредсказуемым результатом.

Для революции сегодня спасителен, коль скоро она отказывается от антиреволюции, т. е. самопревращения в свою перспективную для страны противоположность, один выход — полное исчезновение Российского государства и российского общества в их сегодняшней целостности, по возможности, «бескровное», или, на худой конец, «малокровное». Слишком много признаков такого разворота событий появилось в последнее время, слишком много. Их уже нельзя не заметить. В 1993 г. автору приходилось писать в работе «Российская реформация» о подобном исходе «ревпреобразований», его общей возможности. Но тогда автор был склонен относить такой итог к наименее вероятным. Теперь же, кажется, он переходит в противоположный разряд.

Распад России вряд ли будет похож на распад СССР. Это будет, по-видимому, мучительный распад, который, кстати, может и не завершиться окончательным разделением. Здесь будет что-то другое, пока еще нам неведомое. Возможно, что распад (его, так сказать, попытка) вызовет всплеск идущей в стране гражданской войны, переводя ее из «глухого»

состояния в «звонкое» (не исключено, что и в очень «звонкое»!). Распадные инициативы вряд ли обойдутся без «горячих разборок». Но это даже не главное: всеобщее распадное переживание может вызвать к действию дремлющие пока антираспадные напряжения и силы, опередив тем самым возможность воистину масштабных столкновений.

Да, смута пока реализуется в тягуче-затяжном варианте. Есть основания полагать, что так будет происходить и дальше — как со стороны революционизирующих, так и со стороны революционизируемых. На такой вариант надеются многие. Но надо помнить, что сегодняшний момент особенный, — это уже момент кризиса самой российской революции, сильного (хотя и не очень-то на поверхности заметного) обострения всех противоречий общества и экономики, из чего нет или почти нет квазиспокойного выхода — ни на путях революции, ни уже, судя по всему, на путях и антиреволюции. Срыв в «горячее состояние» очень даже возможен.

Такой срыв может быть сопряжен с распадом страны, его попыткой (как субъективно-обьективным событием). Но может и не быть с ним сопряженным, точнее, не быть им непременно обусловленным. И без распада существуют потенции к переходу к «горячей фазе». И питаются они отказом самой революции (ее инициативной силы) перейти к антиреволюции. Шанс упущен, а в новой игре шансов наибольшие шансы уже не у упустившего свой шанс (вспомним, как упускались шансы у КПСС, Горбачева, Верховного Совета, и как они уже не возвращались). Не о главном переходе, от революции к антиреволюции следует сейчас говорить, а о борьбе антиреволюции с революцией, их столкновении.

Ничего не поделаешь, такова логика социальной жизни, такова «конфигурация» любой революции. Полифуркация сопровождается бифуркациями, она в ней постоянно выражается, но рано или поздно происходит обобщающаяся бифуркационная консолидация, когда на полифуркационной арене явно выделяются два варианта, два проекта, две силы. Правда, случиться это может по-разному: относительно плавно «порядково» или же импульсивно — «хаосно». С распадом страны или без него, посредством острого столкновения или нет, через хаос или в рамках относительной упорядоченности, но в перспективе так или иначе просматривается движение в сторону новой бифуркационной ситуации, на одном фланге которой революция, а на другом — антиреволюция. Характерно, что революция в решающие для себя моменты постоянно прикрывается «Россией»; так было и на последних президентских выборах. Это говорит не столько о «революционной хитрости», сколько о наличии и силе российского потенциала. И антиреволюция не сможет пройти мимо данного факта, но уже без всякой хитрости. Заметим, что победа в России будет за той инициативной силой,

которая первая сможет искренне ответить на стремление России к возрождению («кто поднимет с колен Россию, тот и победит»).

Разумеется, мы не забываем о мировом факторе, о внешних силах и воздействиях. Управление извне остается, остаются и объективные влияния. Но здесь, похоже, тоже новые моменты. С одной стороны, необходимость усиления опеки над российской революцией, поддержки революционной власти, слабеющей и изолирующейся; нужда в интервенции, может быть, в ходе распада страны и в момент «горячей вспышки»; а интервенция нежелательна — явна и опасна. С другой стороны, нарастание мировых и региональных проблем, усиление нестабильности в мире, появление очагов сопротивления монодирекции, подъем все той же, но уже мировой, полифуркации. Мировая смута. Геополитический кризис и призрак глобальной войны. Неизбежные сдвиги.

Все, что происходит в России, связано с мировым контекстом, но, надо заметить, и мировой контекст меняется в связи с происходящим в России. Осмысливая состояние и перспективы России, нельзя абстрагироваться от внешнего окружения. Но надо иметь в виду, что сегодня все вокруг изменяется. Изменяется во взаимном действии России и мира. Перемены в России меняют мир, а перемены в мире меняют Россию. Россия ныне открыта для изменений, идущих от мирового контекста, но мир не может закрыться от доступа влияний, идущих от России. Судьбы мира и России тесно переплелись, но переплелись-то они в рамках весьма стихийного на сегодняшний день глобального «изменческого» потока. Удастся ли инициаторам перемен удержаться в пределах своего проекта? Вопрос не праздный. Если удастся, то Россию ожидает рассчитанный распад, рассчитанная колонизация, если нет… то все может быть совсем по-другому. Контроль над российскими процессами обусловлен контролем над процессами мировыми, а мировые процессы, как видно, трудно контролируемые, да еще и подверженные влиянию предсказуемых и непредсказуемых российских событий, — вот почему судьба России — трудно контролируемая судьба. Пока же — *полифуркация* и *игра шансов.*

P.S. Мы ничего не сказали об экономике. А что о ней скажешь, если она всего лишь заложница неэкономического контекста, его жертва и его продукт. Шансы российской экономики, успешно превращаемой пока в финансово-колониальную экономику («современного», конечно же, типа), полностью зависят от неэкономического контекста, от хода революции и антиреволюции. Можно и нужно говорить, конечно, о бюджете, инвестициях, занятости, но помнить при этом, что все эти и им подобные «вещи»… *всего лишь элементы гораздо более крупной, чем собственно российская экономика, игры.*

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Шансы российской экономики». М.: Изд-во ТЕИС, 1997.

1999 г.

РОССИЯ, ЛЕНИН И БУДУЩЕЕ
(к 100-летию работы В.И. Ульянова (Ленина) «Развитие капитализма в России»)

На вопрос о том, что ныне происходит с Россией, ответим решительно, — нет, это не есть ***развитие капитализма в России***. Перед В.И. Ульяновым (Лениным) стояла куда как более ясная задача, ибо он был свидетелем именно развития, именно капитализма и именно в России, т. е. если и не полностью «из России», то хотя бы с ее участием. Мы же не являемся свидетелями ничего подобного, вернее, может, и подобного, но уж слишком не такого, как это было на рубеже XIX—XX вв. Тут что-то другое. Что же?

Во-первых, не развитие, а насаждение, причем глобально-насильственное, с активной ролью внешнего фактора, во-вторых, не капитализма вовсе, а чего-то совсем другого, ибо капитализм все-таки предполагает производство, как и его рост и развитие, т. е. чего нет в современной России, во всяком случае в рамках производительного движения капитала. В-третьих, к России все это не имеет органического отношения, она не только не выстрадала этого, но и никак всего этого и не чаяла. И если Ленин, завороженный энергичной поступью капитализма по всему миру, как и его «прогрессивной» ролью, посчитал развитие капитализма в России неким, пусть противоречивым и вынужденным, благом для России, то мы на такой простой вывод согласиться не можем, ибо Ленин-то предвидел жизнь, а нам дано предвидеть лишь смерть. К тому же Ленин мог рассчитывать на замену «прогнившего» строя на новый — во всех отношениях передовой — строй, к которому должна была перейти не одна Россия. Ленин не боялся краха России — старой, царистской, полуфеодальной России, ибо за нею следовала Россия молодая социалистическая. Ленин, конечно, был в отношении будущего достаточно наивен, но его наивность питалась, во-первых, отрицаемой реальностью, во-вторых, надеждами на будущее. Ленин мог себе позволить историософскую наивность, ибо действительность была непривлекательна, а будущее рисовалось оптимистически красочным.

В.И. Ленин воспринимал капитализм и его развитие в России как некую неизбежную данность, не лишенную полезности, ибо капитализм эволюционно разрушал и преодолевал старое, отжившее, рутинное, создавал конструктивное новое, а главное, готовил не одну буржуазную, но и социалистическую революцию. За последней же следовал посткапитализм, что было допустимо и воспринимаемо. Исследуя развитие капитализма в России, Ленин думал о будущем посткапитализме, предвидел

развитие социальных противоречий, их взрыв, завершающийся прогрессивным переходом в совсем новое общество, свободное от эксплуатации, иерархии и неравенства. Утопия не казалась утопией.

Мы же являемся свидетелями грандиозного исторического абсурда, который заключается вовсе не в радикальном отходе от практического социализма, кстати, весьма мало походившего на ту модель общества, о которой грезил на рубеже XIX—XX вв. Ленин, и даже не в разрушении СССР (этой «империй зла»!), как и не в нарастающей враждебности контекста к оставшейся от СССР России, что в общем-то вполне объяснимо (у кого вокруг нет того или иного счета к России, тем более к поверженной, ибо вокруг все либо очень уж прогрессивные, либо очень обиженные, либо совсем не тем Россией облагодетельствованные, либо облагодетельствованные до крайности, до неблагодарности, либо просто взбесившиеся от обретенной независимости и «свободы», либо не могущие никак перенести въевшегося исторического страха, либо жаждущие реванша, либо желающие что-либо урвать и присвоить, либо… мало ли кого теперь нет вокруг России, не считая и самих упорных устроителей «нового мирового порядка»), наш исторический абсурд заключается более всего в движении (или даже стоянии) в никуда.

Вряд ли требуются особые доказательства этого абсурдного погружения в абсурд. Вместо перехода — падение, причем вполне безнадежное, вместо нового и прогрессивного — затхлые задворки, вместо нормы — аномалия, вместо культуры — антикультура, вместо цивилизации антицивилизация, вместо экономики — псевдоэкономика, вместо хозяйства — антихозяйство, вместо мира — антимир. Где тут место капитализму, даже подлому и кризисному, когда вокруг лишь мерзость упадка и восторг от несозидания? Когда вместо кризиса «черная дыра», а вместо капитализма бессмысленный грабеж? И есть ли смысл говорить о каких-то «реформах», когда благодаря им вокруг лишь диссипация и энтропия? Московский пир во время чумы со всем его строительным бумом только подтверждает сказанное, как подтверждают это и портреты национальных героев на бутылках с пивом, — это все, чем может гордиться наш с самого начала ***вырожденный капитализм***.

Не капитализм, растущий в обществе и из общества вызревающий, а искусственный, фиктивный, виртуальный ***финансизм***, обществу навязанный, его разлагающий, производство эксплуатирующий и ему враждебный, ничего, кроме чумы и пира, породить не способный; не развитие вовсе чего-либо нормального и созидательного, а распространение убийственного яда, поражающего общество, хозяйство, производство; и не в России, ибо «процесс» идет за счет России и против России, не в пользу ее расцвета, а в направлении ее угасания, ее умирания.

Самое время упрекнуть нас в нагнетании «чернухи»,

в пессимизме, как и в игнорировании «положительного», равным образом, и вообще в нереалистичности. Ведь жизнь гораздо сложнее, в ней много всего иного, пусть и не очень приятного, по все-таки не такого уж убийственного — жизнь-то так или иначе продолжается… Верно, жизнь продолжается, но, во-первых, в нормальном ли режиме, во-вторых, с какой перспективой, в-третьих, не вопреки ли реформам, точнее, не на антиреформенном ли пути?

Жить можно и в падении, превращаясь, скажем, из научного сотрудника в уличного певца, можно даже жить, становясь бомжом, как можно считать себя живым и перед самоубийством… Но это еще не все, можно радоваться жизни, сидя в виртуальном банке, не говоря уже о наслаждении жизнью, имея несчетное долларовое богатство, криминальным образом обретенное… Все можно. Но от этого легче не становится. Жизнь вроде бы есть, но вот жизнь ли это: что на одном полюсе — несчастном, что на другом — «счастливом»?

Это не развитие вовсе, не кризис даже, это — ***апокалипсис***! Жизнь тут круто смешана с антижизнью. Причем любопытно: отмирание старого здесь сопряжено с умиранием нормально жизненного и для жизни ценного, а рождение нового — с появлением ненормально нежизненного и для жизни опасного.

Нам пора возразить: но ведь и сто дет назад было ощущение апокалипсиса, пусть не у экономистов-политэкономов, то хотя бы у философов и писателей? Верно, было. Один Ф. Достоевский чего только по этому поводу не сказал. Но не вняли, ничего, собственно, и не поняли, лучше сказать, не уразумели достаточно… Кто на капитализм тогда возлагал надежду, кто на социализм. А кто и просто на Европу, не говоря уже о «мировом пролетариате». И однако тогда была, пусть и мифическая, но надежда. Хотя меньше всего надеялись при этом собственно на Россию (кто мог в то время надеяться на Царя, на Православие, на Народ?).

Что ж, пережили же тот, столетней давности, апокалипсис, еще и в мировую державу превратились, в страшной мировой войне победили, в космос прорвались. Переживем и этот. Пусть сейчас и трудно, даже невыносимо, но…

…Но дело в том, что тогда перед Россией, пусть и апокалиптичной, перспектива была, ибо Россия… ***развивалась***. И каждый мог свою надежду иметь, те более, что Россия к очистительной революции шла (которую как раз А. Блок ждал и признать пытался). И Ленин мог на революцию надеяться, ибо революция так или иначе должна была новые силы высвободить, развитие то или иное дать.

Сегодня другое. Сегодня надрыв, рассеяние, пустота. Иной все-таки апокалипсис. Ни сил, ни развития, ни надежды. И это надо осознать!

Ибо без такого осознания, пусть и горького, нет никакой возможности на антиапокалипсис выйти. Нет, не с ученым проектом вовсе, не в ожидании решающего события, не в надежде на генерала-устроителя, тут сложнее… с верой в Россию, которая все еще держится. Сто лет назад В.И. Ленин мог позволить себе роскошь о России в спасительном ключе не думать, а мы уже таких шансов не имеем.

Вещь обиженная, как выразилась М. Цветаева, начинает быть правой. Так и с Россией. Сегодня… ее время. Отрицаемая и поносимая, она молча стоит, ибо у нее нет другого выхода. Это и есть главное чудо момента. Россия имеет все права на восстание, но она не восстает, ибо ее молчаливое стояние особенно тягостно и губительно для устроителей социо-хозяйственного абсурдизма. Россия выстоит, она еще скажет свое неожиданное слово.

Рассматривая сегодня *не*-развитие *не*-капитализма в *не*-России, т. е. весь этот бездонный исторический абсурд, мы возлагаем надежду на нерациональную для слабого ума Россию, которая только и сможет адекватно ответить на потребность расцветающей жизни, а потребность такая, надо полагать, все-таки есть — и именно в России.

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Развитие капитализма в России — сто лет спустя», М., Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1999.

2000 г.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Один из важнейших параметров исторического момента — завершение борьбы между капитализмом и социализмом в пользу первого, какие бы остатки и признаки социализма мы сегодня ни находили. Поражение социализма, как и торжество капитализма, — факт. Разумеется, это не значит ни того, что капитализм лучше социализма, ни того, что социализм канул в Лету окончательно. История все решает по-своему, оставляя не лучшее и возобновляя при этом поисковые процессы на очередном витке времени.

Важно разобраться в происшедшем, в том, почему социализм уступил в данный момент капитализму, правда, не просто капитализму, а глобализированному финансовому капитализму, располагающему эффективно действующим управляющим центром. Будем для краткости условно пользоваться терминами «капитализм» и «социализм», разумея под ними, безусловно, сложные фактические феномены, в общем-то не сводящиеся ни собственно к капитализму, ни собственно к социализму.

Капитализм оказался, судя по всему, сильнее. Наверное, это так. И думается, что он оказался ближе природе человека — не только западного. Поэтому и выиграл. Капитализм, по сути, ничего особенного человеку не предъявляет — только требование соблюдения законов, да и то, как известно, достаточно условно и в меру, т. е. даже здесь капитализм в общем-то не слишком требователен, во всяком случае не ко всем. Тут предусмотрены большие послабления, ибо сам капитализм не может последовательно и до конца базироваться на нравственных нормах, для которых, кстати, закон просто и не нужен. Капитализм устроен на индивидуальном соревновании за личное благополучие, что, конечно же, не может быть делом особенно моральным — отсюда лишь соблюдение внешних норм общежитейского приличия и необходимого для жизни социального порядка. Все здесь так, как в любой контактной спортивной игре: правила есть и их надо соблюдать, но… и нарушения правил есть, и ушибы, и переломы, и выбытия из спорта навсегда. В общем, борьба. Отсюда и совершенно спокойное отношение к эксплуатации человека человеком: один дает занятость и деньги, другой — труд, а вот насколько это эксплуатационно — всегда открытый вопрос.

Социализм оказался слабее, ибо он предъявляет человеку слишком много серьезных требований прежде всего социальных и нравственных. Мало того, что надо жить с ориентиром на общественный интерес, да еще и быть нравственным — соблюдать не просто нормы и законы, а некий моральный кодекс, совмещенный к тому же с приоритетом общественного начала над частным. Ясно, что такое общество просто так — без переворота и насилия — ни возникнуть, ни существовать не может, так как слишком уж оно не соответствует природе человека. Опора на пролетариат — не более чем миф, и достаточно, как оказалось, плоский. И что важно, не получилось и не могло получиться не только какое-то замечательное социалистическое общество, но даже и более реалистическое образование, как-то считавшееся с базовым состоянием человека, а именно огосударствленное общество, когда социалистическое начало воплощается не столько населением, сколько государством, властью. Бывали же случаи, когда какой-нибудь помещик или фабрикант вдруг задумывал воплотить у себя в поместье или на фабрике что-то подобное социалистическому общежитию. А тут в роли подобного воплотителя выступает государство, действующее в масштабе уже не поместья или фабрики, а целой страны.

Вообще надо, конечно, разобраться, можно ди считать такое огосударствленное общество социалистическим? Вопрос непростой, ибо такое общество легче назвать просто «азиатским» (в аспекте «азиатского способа производства»), что, собственно, и делают поклонники корпоративного, коллективного или того же муниципального социализма,

не признающие огосударствленное общество социалистическим. Разумеется, огосударствленное общество может иметь и имело в бывших социалистических странах те или иные социалистические черты, но был ли это собственно социализм? Сегодня, пожалуй, проще сказать, что нет, не был, хотя, конечно, кто знает?..

Но вот, что важно, даже такой социализм, т. е., скорее, *полу*социализм, *недо*социализм или *квази*социализм, не смог стать органичным человеку — человек, такой, какой есть, социализма не захотел, точнее, его фактического воплощения. Тут нам возразят: не тот, мол, был социализм — плохой. А мы ответим: «хороший социализм», о котором мечтают убежденные социалисты, еще менее органичен человеку — такому, какой этот человек есть, «хороший социализм» не мог воплотиться и никогда не воплощался в реальность. Огосударствленный *полу*социализм, *недо*социализм или *квази*социализм — это все, что могло быть более или менее реальным, ибо такого рода социализм всего более соответствует природе человека, отражая как замечательные достоинства человека, так и все его излюбленные пороки. И даже этот социализм не удержался, а что говорить о «действительном социализме», для внедрения которого… — нет уж, простите, лучше без социализма обойтись.

Выходит, что социализм — как некое себе соответствующее и завершенное целое — не соответствует или мало соответствует природе человека, а поэтому обречен либо на неосуществление, либо на полуосуществление (на всякие симбиозы с несоциалистическими началами), либо на вообще уродливое осуществление, а в случае какого-то осуществления — на неизбежное поражение.

Раздумывая надо всем этим, не стоит горячиться, здесь надобно быть хладнокровным. Симпатии и антипатии, как и вообще эмоции, тут ни причем. Надо спокойно и мужественно во всем разобраться.

Возьмем СССР и опыт советского (условно советского) социализма. Что в итоге получилось? Полного социализма, да еще и соответствующего идеалу, не получилось, как тут ни крути. Зато имело место вырождение даже того социалистического, что еще было, как и прямое перерождение самого человека — обмещанивание, обуржуазивание, оприватизирование и т. д. Надо ли все это называть вырождением и перерождением, ибо было ли в действительности чему вырождаться и кому перерождаться? Добрые начала и добрые люди альтруистического толка какие есть, такими и остаются, им-то зачем изменяться? Поэтому лучше говорить о восстании (как о всплытии, нашествии, вторжении) всего того, что социализм, даже такой — более или менее естественный, последовательно отрицало, а природе человека всего более соответствовало. Шел процесс сначала медленного, затем уже и ускоренного преодоления

того социалистического, что имелось в советском обществе (т. е., повторяем, не столько вырождения и перерождения социалистического, сколько просто его вытеснения). Можно с уверенностью сказать, что социализм с человеком не справился, а вот человек — в общем-то не слишком достойный социализма — с социализмом успешно справился.

Вообще говоря, критики тут заслуживает не столько социализм, как, собственно, и капитализм, сколько сам человек. Крушение социализма и СССР это блестяще показало. Не нужно нам закрывать глаза на то, как легко человек советский отказался от социализма и заодно от СССР, а также на то, как легко он прельстился капитализмом, названным и воспринятым — из скромности — рыночной экономикой, равным образом и на то, как в общем-то спокойно человек наш наблюдает за разграблением страны и «прихватизацией» собственности, обнищанием масс и обогащением немногих, за остановкой предприятий и вакханалией олигархов. И это все надо иметь в виду, рассуждая о социализме, потребности в нем, его истории, его поражении, его будущем.

Социалистический проект, повторяю, не слишком соответствует природе человека. Нет на свете того человека — того типа человека, который смог бы воплотить этот проект. Выходит, что само появление социалистического проекта — как нереалистического, есть своеобразный интеллектуально-духовный выверт, исходящий от порочного человека, возжелавшего устроиться хорошо не за счет действительного — трудного и невозможного — преображения, а за счет лишь изменения внешнего социального устройства. Раз капитализм плох, то надо устроить социализм — по науке. Гнать западный по своему духу проект, когда все можно спланировать и построить — как машину. Пусть человек окажется в условиях, которые-де заставят его быть другим — общественно хорошим, и станет как нельзя лучше. Тут и революцию можно предположить, и движущие силы найти, и объективные законы подыскать. А религию, которая зовет человека как раз к преображению, отбросить. Человекобожеский получился проект — богоборческий и социоинженерный. А когда вдруг ничего из него не получилось, а может, он просто выполнил какую-то иную задачу, да к тому же и сам стал опасен, его пришлось сначала перекроить, вытравив из него самое главное, а затем и вовсе свернуть. А там, где социализм более всего укоренился, его революционно доконать. И все это вдруг вполне и относительно легко удалось, ибо «реальный социализм» не стал по-настоящему органическим обществу, т. е. не был, если так можно выразиться, «органическим социализмом».

Обернемся к СССР и России. Социализм здесь был достаточно последовательным, однако в явно государственном, даже в чем-то имперском, исполнении. Здесь действовала целостная система государственного социализма, в которую органично вписывалась массовая

централизованная партия, а точнее — разветвленная государственно-надгосударственная управленческая (сословного типа) структура. Сколько в этом социализма, изрядно, надо сказать, «обрусевшего» — в смысле его приспособления к характеру общества, было действительно социалистического? Трудно сказать. Может, много, а может, и мало. У каждого здесь свой ответ, и никакого единодушия мы тут не обнаружим. И это естественно, поскольку никто вообще не знает точно, что же это такое — социализм? Однако можно признать, что значительная доля социалистического начала в советском (а что значит — советском, кроме знака?) социализме все-таки была, переплетаясь, правда, с тотальной государственностью. В социальной сфере, надо полагать, социалистического было всего больше. Что же касается производственной сферы, то тут не все так было просто, ибо, как ни верти, а управлением тут занимался особый чиновничий слой, построенный на принципах единоначалия и неукоснительного исполнения приказов сверху, а широкие слои трудящихся выступали в роли более всего наемной рабочей силы, если не прямо полукрепостной. Мне представляется, что в СССР был реализован государственный способ организации хозяйства и общества с социалистическими чертами и подмеханизмами, не игравшими достаточно существенной роли. Поэтому лучше говорить не о государственном социализме, а о «социалистическом государствизме», что, видимо, более соответствует действительности, если вообще не о всего лишь «государствизме с социалистическими чертами».

Гибель этого трудно определяемого строя, сложившегося в СССР, связана, скорее всего, даже не столько с его социалистическими чертами, сколько с его государственной сущностью, а соответственно с его националистичностью (от просто нации) и имперскостью. У такой системы не могло не быть внутренних и внешних противников — весьма при этом последовательных, как и не могло не быть внутри системы накопившейся за десятилетия усталости. Кроме того, эта система не могла удовлетворить важнейшие запросы людей, к ней причастных, ни в личной свободе (система все-таки не нашла эффективного сочетания свободы и несвободы), ни в личной производительности, ни в разнообразии личного потребления, ни в личных устремлениях к накоплению, богатству и чисто материальному счастью, ни в личном стремлении к полноценной духовной жизни, ни, наконец, что очень немаловажно, в личном стремлении к удовлетворению разных порочных страстей. Система была с самого начала и до конца существования в непреодолимом противоречии с личностью — практически каждый человек находил свой резон быть неудовлетворенным системой, и каждый нес свой заряд критического к ней отношения. Государственно-социалистический симбиоз не нашел воз-

можности решить этот личностный вопрос, что очень и очень знаменательно, тот самый вопрос, который, кстати довольно-таки эффективно решается капитализмом или тем, что мы называем знаково капитализмом. Невозможность адекватно ответить на запросы личности — все равно какой, положительной или отрицательной, добропорядочной или порочной, социалистической или несоциалистической, явилась ахиллесовой пятой строя, бытовавшего в СССР (этим строем были в той или иной степени недовольны все или почти все, во всяком случае, наиболее активные и чего-то лично желающие). А так называемая элита была им недовольна в первую очередь всего сильнее. Она-то и произвела историческую рокировку — с помощью «доброжелателей» из-за границы, сражавшихся не столько с социализмом в СССР, сколько с самим СССР и стоявшей за ним Россией (как государственными, национальными, имперскими образованиями).

Социалистическое в СССР-строе рухнуло вместе с самим этим строем. Правда, полностью не исчезло. Что-то социалистическое осталось, главным образом в сознании. Тут выяснилось, что коллективизм, общинность, соборность, социальная взаимопомощь, сотрудничество, социальная справедливость — не пустые слова, а некие серьезные ценности человеческого общежития. Крах выявил слабость и даже порочность имевшегося социалистического, а лучше сказать, государственно-социалистического, но этот же крах, с последовавшими за ним антиновинами обнаружил действительную ценность многого из того, что мы привыкли рассматривать как социалистическое — не идеальное вовсе, а противоречиво реальное. Людям пришлось держаться в постигнутой их беде в значительной степени по-социалистически, как, собственно, и по традиционно православному. Выявилось даже, что между социалистическим и православным немало общего. Так социализм наконец-то стал в России невыдуманной реальностью, однако не определяющей вовсе строй жизни, а всего лишь ее как-то поддерживающей и исправляющей. Реальностью стал некий органический, но не более как корректирующий социализм. Социализм не для всех, а лишь для как бы его желающих людей, и вынужденно желающих.

Капитализм — в своей наиболее простой либеральной форме, т. е. некий «либкапитализм», — захватил нахраписто инициативу в России и, безусловно, сейчас доминирует. Это и понятно: в его пользу была совершена политическая революция, и в его же пользу работает перевоплотившееся государство. Капитализм сознательно крушит социализм, как и все остальное, что было с ним так или иначе связано. Заодно капитализм ломает традиционную государственность, имперскость и даже националистичность. На месте СССР не должно быть ничего, кроме территории, включенной в «мировую рыночную экономику» и в социальный

«мировой порядок». Возможны лишь остатки государственности — часть МВД-государственности («гражданского права»), но не более того. Никаких серьезных образовательных амбиций здесь быть не должно. Такова позиция «мировой элиты», точнее, некой ее «крутой» мондиалистской верхушки, под опеку которой послушно пытается встать переродившаяся и обуржуазившаяся часть «российской» (и «эсэнгешной») элиты. Все здесь сейчас против не только и не столько социализма, сколько самостоятельной и великой (державной) государственности.

Однако, учитывая настроения большей части населения, ориентированной на те или иные социалистические ценности, в социализм можно сверху и поиграть, даже немного его запустить, но, разумеется, в единении с государственностью — тем более сильной.

Социализм, конечно, явление. Мы не склонны ставить это явление, как и его появление, в зависимость от каких-то там «объективных законов», к тому же еще — материального бытия. Социализм — феномен более всего духовного порядка, хотя, к сожалению, он, как правило, рассматривается как феномен более всего материальный (стремление к всеобщему благосостоянию и т. п. приоритеты мещанского толка). Адепты когда-то нарождавшегося социализма как раз всего менее заботились о материальной стороне дела. Социализм, как, собственно, и капитализм, — идея, а потом уже ее материальное воплощение. Правда, социализм в отличие от капитализма — идея от идеи, хотя и ради материи, а вот капитализм — непосредственно идея от материи и ради материи. Капитализм — совершенно практическая, вполне рациональная идея, а вот социализм — идея иррациональная, не имеющая серьезных корней в практическом бытии. Капитализм — из желания, обоснованного нормальной практикой нормального человека, социализм — из желания не особенно обоснованного жизненной нормой, скорее, от желания выйти за рамки нормы, т. е. от желания в основе своей аномального. Социализм, как идея — сорт религии, хотя и без Бога (или почти без Бога), это вдохновение, воображение, мечта. Социализм как практика — вовсе и не социализм, как мы уже отмечали, а что-то вроде *полу*социализма, *недо*социализма, *квази*социализма. Как бы то ни было, но социализм как идея и социализм как практика — разные вещи, и каждая о своем. Социалистическая идея как идея, по существу, не воплотима, воплотима же лишь «часть» идеи, причем, естественно, не лучшая. Социальный, человеческий «материал», — просим прощения за это словечко, — для полного торжества социализма, извините, не годится. Не годится, — и все тут. Ни одна коммуна, как известно, не удержалась и не могла удержаться. Колхозы — не коммуны. Иные коллективные и народные предприятия — не в полном смысле социалистические ячейки, да к тому мир на них вовсе и не держится (они существуют в несоциалистической среде

на в общем-то несоциалистических в основе своей принципах — как некая особенность, и не более того).

Мы рассматриваем социализм, т. е. модель общества без классов, без иерархии, без… и т. д., как идею, как религию, как утопию. Ничего другого серьезный мыслитель и наблюдатель предположить не может. Но есть ли все же объективная обусловленность этой утопической идеи? Конечно, есть. Но не в «объективных законах», неумолимо ведущих нас к социализму (но почему-то к нему естественным образом не приводящих), а в стремлении части общества избавиться от свойственных ему пороков… через волевой (даже и военно-революционный) перескок к новой организации общества, в которой человеку должно-де стать — не без переходного периода и воспитательной работы — вполне уютно. Прорыв в социализм, как оказалось, мог стать и стал реальным практическим делом, а вот что из этого в итоге вышло, мы знаем хорошо и на собственном опыте. Вышло, во-первых, все, кроме собственно социализма, во-вторых, на время, на срок — до, обратим на это внимание, самоотказа (если не самоубийства) того, что мы пытались называть социализмом.

Откуда же сегодня интерес к социализму, даже нарастающий интерес? Наверное, это не случайно? Разумеется, не случайно. Дух человеческий ведь жив, и он будет непременно отрицать в лице части населения жалкую и гнусную действительность, как бы ее сегодня ни называли, человеческая и позитивная антитеза которой просматривается лишь одна — социализм. Тем более что нынешний неудовлетворенный от «бешеного капитализма» человек хорошо помнит многое из положительного, что имел советский (условно советский) «социалистический государствизм», в том числе и в чисто социалистическом аспекте. Несмотря на то что новое капиталистическое обустройство жизни весьма соответствует природе человека, пусть и не всех членов общества — хотя кто же откажется у нас от доходов и потребления? — все-таки у человека — постсоветского, условно говоря, человека — это новое вызывает и немалое отвращение, что тоже соответствует природе человока, но, так сказать, другой его стороне моральной, альтруистической, соборной, божественной. Отсюда стремление отринуть от себя действительное, в том числе и личное действительное, и перейти к недействительному, но при этом хорошему, желанному, стоящему. Стремление к социализму — бегство от ада реальности, попытка заменить ад… пусть и не на рай, но хотя бы на меньший ад (от большего зла к меньшему). Ничего удивительного в таком стремлении нынешнего постсоветского человека нет: это не столько консервативный зигзаг (навстречу прошлому), сколько попытка броска (пусть хотя бы шага) в будущее. Отсюда мало кто хочет возврата бывшего социализма, большинство ратует, конечно же, за новый социализм.

Разумеется, никто не знает, да и не может знать, каким должен быть этот новый социализм. Тут ведь опять трансценденция (заметим, что социализм гораздо трансцендентнее капитализма — по своей идее, по задаче, по воплощению — оттого у него и такие срывы). Однако желание есть, вера есть, пусть и не столь пока сильная, как есть и реальные побудительные мотивы — как положительного, так и отрицательного свойства. В этом стремлении, видимо, более всего не столько от признания самого социализма, сколько от отвержения расплясавшегося на просторах России и СНГ капитализма.

Исходя из нашего понимания социализма и движения к нему человека, мы не находим возможности предвидеть его реальное воплощение — адекватно желанной идее. Мы признаем возможность лишь частичного воплощения социалистических начал. Именно в этом случае социалистическое как-то гармонирует с жизнью, не превращая ее ни в казарму, ни в коммунальный мавзолей. Отсюда нам представляется, что движение к социализму должно означать не более чем придание некоторых социалистических черт реальному бытию, тех самых черт, которые отрицают (хотя бы резко ослабляют) отрицательные моменты, характерные для бытия несоциалистического. Не строительство социализма объявлять надо, а некую социализацию жизни, но непременно в гармонии с этой самой жизнью. Есть ли реальные возможности для этого — хотя бы для этого? Есть ли соответствующий социальный, человеческий «материал» (опять извиняемся за это словечко)? Да и кто конкретно это должен делать? Личности, коллективы, массы; элита, партии, вожди; государство, правительство, президент? Общество в целом, ответят нам. Хорошо, пусть общество… которое, кстати, вовсе и не едино — это, во-первых, а, во-вторых, зависимо… от той же «мировой экономики», от того же «мирового порядка», от того же «мирового финансового центра», а то и попросту — от «мирового правительства». Что тогда, кто и как должен делать — опять общество, опять «объективные законы», опять «революционное движение»? Или просто новые социохозяйственные реформы — после возможного прихода к власти неких прогрессивных сил? И какие реформы? И какой на них будет реальный отклик?

Все не так просто. Нужно хорошенько разобраться но только в ситуации в стране и в мире, но и в природе современного общества, в его характере, его сущностном состоянии, в его желаниях и устремлениях, в его ценностных установках и т. д. и т. п. И увидеть, как все тут непросто, как противоречиво, как многоречиво, как пошло и вместе с тем сакрально, как поверхностно и вместе с тем трансцендентно, как посюсторонне и вместе с тем потусторонне… увидеть при этом и многое другое. И убедиться, что все очень сложно, а движение к социализму… в действительности так слабо, так тихо, так неуверенно!

Нет, будущего социализма как социализма в полном смысле слова нам не видать — может, и к лучшему. Социализм как идея — хорошо, как практика — довольно худо (это либо невозможность, либо чудовищное искажение). Не теряя веры в социализм — в его одухотворяющее нечто, идти придется все-таки не по социалистическому, а уже по постсоциалистическому пути, нащупывая контуры будущего человекообразного общества (если человек не растеряет окончательно те свойства своей натуры, которые как раз и вдохновляют его на социализм — как идею), общества, которое будет иметь социалистические черты, но которое в целостной своей реальности будет все же не социалистическим. Социалистическая идея и социалистическое движение — всего лишь одна из суперструн современности, как и, надо полагать, будущности, которая имеет, несомненно, свое привлекательное звучание, но которая не перекроет и не может перекрыть им совместного звучания всей суперструнной гаммы, характерной для человеческого и сверхчеловеческого бытия. Вот почему мы выступаем не просто за социализм, а за постсоциалистический социализм.

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Современная Россия и социализм», М.: ИТРК, 2000.

РОССИЯ В АКТУАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ-ПРОСТРАНСТВЕ (размышление о важном и неуловимом)

Есть мудрость человека, если последний не пренебрегает Премудростью Божьей, но есть и мудрость человеческого сообщества, в особенности, если последнее не отделено непроницаемой стеной от Премудрости Божьей. Мудрость — слово, но слово более молчащее, чем говорящее. Есть ли оно, мудрое слово сообщества, порождаемое молчанием? Есть ли это слово у России?

Мудра ли немолствующая Россия?

Нет, совсем не просто ответить на эти вопросы, как и на великое множество других, отражающих наши заботы и чаяния. Удивительно в своей непреходящей странности состояние нынешней России, поразительно ее мерцающее пребывание в актуальном времени-пространстве. Россия вобрала в себя сегодня все, что можно легко придумать, как и все, что выдумать просто невозможно. Не страна вовсе, не государство, не нация и не народ, никакое не образование даже, но некое разворачивающееся во времени экзистенциальное пространство — всклокоченное, несуразное, жуткое.

Кто и как поймет это нечто, предстоящее ничем, если вообще

можно сказать что-то вразумительное о том, что вразумительным не является? Кто и как, если мы, нынешние насельники России, такие образованные, эрудированные и умные, не понимаем ровно ничего из этого оголтело бьющегося нечто, предстоящего ничем?

Кто и как?

Кто и как, если мы ровным счетом ничего не смыслим в российской истории, кроме того, что что-то и как-то было — великое, радостное и угрюмое, что все мы как-то оказались в актуальной России, наследуя это огромное ничто, неизвестно что нам предлагающее и неизвестно куда влекущее?

А главное — что?

Что, собственно, мы хотим понять, обращаясь к тому, что называется Россией? Кто определит предмет нашего интереса и скажет более, чем это трансцендентное заклинание — Россия?

Символ. Но чего? Всего это безначалья, беспорядья и бесконечья, всей этой безмолвной и беспредельной тягучести, всего этого безвременья и всей этой бесформенности. Да, не символ здания, но символ движения, несущего разрушения и созидания, поглощения и выбросы, коловороты, одинаково гибельные и спасительные, — и неизвестно, куда направленного — то ли туда, то ли не туда. Неизвестность. Символ незнаемых, непознаваемых и неожидаемых перемен.

Судьба. То ли незавидная и жалкая, то ли завидная, но трагическая. Комедия. Но и драма. Где смерть и кровь, там уже не одна комедия, там что-то другое — безжалостное. Жалость — не для России. Здесь варево крутое. Океан. Безмолвно мыслящий и страдающий. Борьба жизни и смерти. Без прикрас и оговорок. Без пощады. Никому!

Война. Это не какая-нибудь абстрактная бифуркация, вдохновляемая самодовольной образованностью. Это — жизнь, оплодотворяемая смертью. Не хотелось, не хочется, а война идет, нарастая. Не гражданская, не отечественная. Особая! Последняя. По крайности, по значимости, — не по очередности.

Быть или не быть. Чему?..

Вопрос. Не России только, хотя России прежде всего. Россия вновь под большим вопросом. Откажется — не откажется, выстоит — не выстоит, сдастся — не сдастся. Поймет или не поймет. Край. Отпрянет в ужасе или с ужасом в бездну. Бытие — небытие. Не отсидеться! Вопрос давит. Центр за не-Россией, контекст — тем более. Остается срединность, сердце. Ума не хватает, он кренится, задыхается, идет вразнос. Только сердце. Ему тяжело, ему страшно, ему невыносимо. Сердце! Только оно знает — молчаливо, интуитивно, бессловесно. Только в нем, только из него, только с ним.

Россия.

Отверженная и ненавидимая. Кто сегодня не в претензии к ней, кто не против нее, кто не желает ей смерти? Одна, беременная ядовитой не-Россией.

Выблевывающая из себя всякую нечисть. Покинутая и терзаемая.

Апокалипсис. Этим все сказано. Лучше не выразить.

Но и апокатастасис. Сопротивление. Через уход, через стояние, через бессмысленную борьбу. Любое: в угаре, в трезвости, в безразличии. Однако сопротивление. Самосохранение. Любой ценой, с любым вывертом. По-звериному. Но и по-человечьи, даже и по-граждански. Глухо, мрачно, весело.

Со смехом. В отчаяньи и в полном хладнокровии. Глупо и умно. Угрюмо. С сознанием правоты, — нет, не бытовой и текущей, а глубинной и стратегической.

Скифство. Непременно. Как и славянство, православство, российство.

Варварство и анархия, но ведь и порядок — укрощаемая свобода, следование традиции, самоудержание. Натуральность. И мысль — свободная, фантазийная, завлекательная. Не в рамках науки, не в академиях. Там — среди разных людей, у русских, в пространстве еще живой России.

Россия растревожена. Безмолвие — не пустота, а огнедышащий вакуум.

Идет работа. Не у станков, но на земле. В душах. Идет отбор. Идей, ценностей, людей. Естественный отбор, с трудом перекрывающий отбор искусственный. Различение. Зла и добра. Соблазна и органики. Зрение. Понимание. Шок прошел. Реформа захлебнулась. Антироссийскость в истерике. Победы нет. Управление неэффективно. Уверенность истекает. Россия остается Россией — гнусной, похабной, мерзкой. Недостойной ни культуры, ни эффективности, ни институций. На грабеж ответила грабежом, на обман — обманом, на вертеп — вертепом. Но кругом все она — Россия. Со своей стойкостью, своим созерцанием, своей правдой.

Россия приняла реформаторский вызов, ошарашенная грубой антироссийскостью преобразований, она — изумленная — включилась в навязанную игру, лишенная поначалу какой бы то ни было трезвой ориентации. Проигралась. Не раз и не два. Спустила все, что могла. Но коли мало разума, то много похмелья. А за похмельем — стыд. За глупость, наивность, простоту. Жестокая правда маскарадного утра. Бессилие.

Но еще более — позор. И винить некого. Желание-то было! Сама пошла, пусть и обманутая. Вставай теперь, одураченная!..

И встает. Тяжело, медленно, настороженно озираясь. Не веря никому.

Одиноко. Рассчитывая на себя и только на себя. Преданная и предавшая, проданная и продавшая. Глупая. Однако, слава Богу, живая. Еще

и веру в себя обретающая.

Зело коварным стал вирус, слишком слабым оказался иммунитет. Прилипчива хворь, проблемно выздоровление. А надо жить, — и жить по-своему!

Разобраться. Дорогу найти. А кругом обман. Миражи, посулы, гнусный виртуалитет.

В России совершен отрицательно трансцендентный переворот. Он довольно рационален — по первичному замыслу и исполнению, но он и весьма иррационален, ибо кто из его инициаторов и исполнителей, неизвестно, кстати, откуда взявшихся, до конца знает, что, собственно, сотворено с Россией, к каким следствиям ведет это деяние, каким будет в итоге вердикт истории?

Только закоренелым ученым кажется, что мистики нет в реальности, а есть только сумма действий, да ряд вездесущих объективных законов, разумеется, познанных, а вот люди полномерного быта так не считают — история разворачивается в трансцендентной среде и по сути свой вполне мистична. В истории есть всегда что-то, что возникает само собой, ниоткуда, будучи вполне необъяснимым.

Странные бывают сближения, неожиданные случаются выплески!

Вот и революция разверзлась нежданно-негаданно — как-то вдруг, не с чего, разом, а главное — тотально, грубо, мерзко, с совершенно немыслимыми словами и делами, противоестественно. И ничего! Свершилась, стала историческим фактом, вошла трансцендентной гостьей в историю России. Вошла!

А кто чаял, кто о ней мечтал, кто вызывал?

Никто, или почти никто.

Но вошла!

И насколько бы эта дикая революция ни питалась пороками советско-российского социума, ее приходится квалифицировать более всего как напасть, эпидемию, беду. Это вовсе не какой-то там логический в своей естественности исправляющий кризис, свойственный переломным историческим моментам, а хорошо организованная сознательная деструкция, направленная, по существу, против России, ее нормального и самостоятельного бытия, ее исторического времени-пространства. Здесь попахивает разгромом.

Заслужила сама Россия именно такую революцию или нет, но факт поразительно отрицательного для нее события налицо. И не учитывать этого факта нельзя, ибо тогда невозможно понять всей сути свершившегося, нельзя разобраться с положением, в которое попала сегодня изумленная и изнуренная Россия.

Но жизнь продолжается. Даже Россия, кажется, остается Россией. И это чудо! И жизнь в России и жизнь самой России. Именно чудо!

Так благодаря реформам или им вопреки? Это как посмотреть. И благодаря, и вопреки. Реформы, какими бы они ни были, учат, хоть и жестоко, но учат. Учат жить по-реформенному, главное — по-своему, т. е. не только по реформам и не только в сопротивлении им. Россия, думается, оказалась шире и глубже революции, объемнее, содержательнее, а потому мобильнее и изобретательнее, а в чем-то и просто ловчее. Мистика на мистику. Позитивная мистика России на отрицательную мистику революции. Сражение на трансцендентном смысловом поле.

Коллапс. Уже не общества, хозяйства и государства, а самой революции.

И дело ее не закончено, и делать его дальше уже невозможно. То ли расчета нет, то ли энергии, то ли смелости. А, может, и просто опасно. Гнетущая ситуация. Реформа вдруг захлебнулась, потерялась на полдороге. И реформаторы ушли в тень, посерели, сникли. Мертвая фуркационная точка. Фуркация не закончилась, далеко не закончилась, но замерла, ожидая нового гигантского всплеска… в том ли направлении — в революционном?.. Совсем не обязательно. Какая уж тут революция, когда на дворе… антиреволюция?!

Россия, похоже, и в самом деле оказалась объемнее реформы. Да, поддалась, сдалась, продалась. Но, во-первых, не вся, во-вторых, не навсегда. Не то что бы опомнилась, хотя и опомнилась тоже, но жизнью своей органической переиграла реформаторскую антисистему, выстрадав уже иное, более для себя приемлемое, продолжение…

Стоп! Какое уж тут продолжение? Что вокруг? Ни развития хозяйственного, ни порядка, ни уверенности…

Верно. Так оно есть. Нормальной жизни нет. Антикультура и антицивилизация. Патология. Сплошная аномалия. Но…

…Но все-таки есть что-то такое, что, может, и не бросается в глаза, но все же присутствует, идет, поднимается, напирает — откуда-то изнутри, из глубин бытия, из начал жизни.

В безмолвии.

Мистически.

Наступает, а может, уже и наступило…

Антиреволюционное время.

Антиреволюция — явление сложное, разнообразное, во многом малозаметное, не говоря уже о его немалой таинственности. Сама жизнь, сопротивляющаяся убийственным ударам революции, ищущая обходные пути и возможности позитивного приспособления, несет возможность антиреволюции.

Революция в известный момент времени не может не вызвать стремления к ее преодолению. Революция — большая ненормальность. Надо полагать, что сегодня — в конце 90-х — наблюдается уход со сцены

революции и выход на нее антиреволюции. То, что предложила обществу революция, уже принято, осознано и в чем-то отвергнуто. И не только идеально. Остается осадок, — и не обязательно горький. Время переустройства. Хотя и по-прежнему фуркационное, неустойчивое, воротное, но уже ищущее, переступающее, выбирающееся.

Осуществляются потребность и вероятность схождения с мертвой точки.

Дорога открывается созидателю. Пусть даже не самому лучшему. Разрушителю нет места в актуальном времени-пространстве.

Характерно полное фиаско элиты (так называемой элиты). Элита показала себя антиэлитой. Осуществив беспрецедентный переворот, опрокинув страну, устроив беспредел, насытившись ненавистью, изменой и богатством, она вдруг ощутила свою мистическую отчужденность от ведомого ею населения — презренного, податливого, терпеливого.

Все оказалось сильно по-другому. Да, рабство, да, глупость. Но не только, не только… Ох, уж эта Россия! Не так уж глупа, не так уж наивна, не так уж и покорна. Все о своем, о своем… И разгадала, и поняла, и не захотела. Ждет чего-то — якобы правильного! Не странно ли? Ожидать правильного… еще и справедливого. Однако ждет, надеется. Глупо!

У случившейся революции есть одна несомненная, хотя и не предусмотренная, заслуга — понуждение людей к личной, а затем и общественной (гражданской) ответственности. Жестокая, но лучшая школа. Вот ответственность и нарастает. А с нею и антиреволюция вместе с отрицанием антиэлиты (два «анти»: одно связано с созиданием против разрушения, а другое — с разрушением и только разрушением).

Не учли революционеры многого, но главное, в чем они круто ошиблись (если вообще о чем-либо подобном думали), что Россия не хочет переставать быть Россией, пусть и модернизированной, перестроенной и перевоспитанной, что россиянам вполне дорого время-пространство, в котором они живут, что трудная Россия не является для них проклятым местом, где можно только грабить и из которого можно только бежать, что свое будушее россияне видят вместе с Россией, естественно, преображенной, что у России достанет всякой мудрости, в том числе и к антиреволюционному сопротивлению и последующему перевоплощению.

Революция сыграла на отрицательных инстинктах, на том, что обычно обществом контролируется и подавляется. Сыграла блестяще. Сняла ограничения. Вызволила вседозволенность. Вбросила соблазны. Народец и кинулся, налетел, пошумел, покуражился.

Но… всему свое время. Бесовские игры недолговечны. Пора.

Пора!

Что есть сегодня Россия?

Каково ее актуальное время-пространство?

Каково ей самой в этом замысловатом времени-пространстве?

Для нынешней России все еще характерна неопределенность: качественная, структурная, организационная. Россия в глобальном затяжном кризисе, однако столь остром и глубоком, что само существование России как России оказалось под вопросом. И вопрос этот пока не снят, несмотря на появление признаков «устояния» России от культурного и пространственного распада. Россия пока сохраняет — на глубинном, конечно, уровне — свою фундаментальную специфику, свой исторический генотип, свою, если так можно выразиться, телеологию.

Всякое суждение о будущем зависит от оценки настоящего. Неопределенность неопределенностью, а состояние состоянием. Да, критическое, да, фуркационное, да, невообразимое. Но что же происходит в России и с Россией?

Полезно вспомнить на мгновение исторический путь России. И, надо заметить, что он отличается не только преобразовательным, но и апокалиптическим, циклизмом. Вообще можно сказать, что судьба России более страдательная, чем спокойная, она изобилует потрясениями, крайностями, риском.

И в этом плане сегодня в России ничего как будто бы принципиально нового нет — та же отвратительная и необъятная смута, что и в былые времена. Данная констатация не должна вызывать в нас ни раздражения, ни умиления, ни восторга. Факт остается фактом (кстати, никем до сих пор толком не объясненным, ибо по своей природе он в высшей степени трансцендентен). И мы принимаем этот факт, будучи свидетелями его нынешней явленности и роковой предопределенности.

Но разобраться в происходящем все-таки хочется: ведь страна есть, она живет, изменяется, к чему-то идет, как и перед чем-то замерла в ожидании.

Тем более что это не страна даже, а целый мир, к которому и отношение должно быть соответственное — солидное, сложное, серьезное. Чего-чего, а познавательного легкомыслия в России предостаточно, — и она его вовсе не прощает, особенно разного рода благожелателям.

Какого же исторического момента мы являемся свидетелями и участниками?

Реформа — лишь поверхность и крайняя относительность; ее цели слишком мелки, во многом эфемерны; и действующие лица… (тут лучше помолчать). Нет, не реформа в сердце существенного и в сути движения. Не даст нам полного ответа и геополитика (трактуемая здесь более всего как борьба за жизненное пространство), хотя тут все гораздо весомее, реалистичнее и жестче. Если реформа — более фикция, чем реальность,

то геополитические сдвиги — сама реальность: грубая, беспощадная, площадная.

Проигрыш (сдача) и бытование под диктовку. Несамостоятельность. Падение. Хуже колонии. Слабость. Потеря власти над актуальным временем-пространством. Бессубъектность. Вместо своего времени — чье-то время, а для себя — безвременье; вместо своего пространства — чье-то пространство, а для себя — беспространствие. Вместо наполненного позитивным смыслом времени-пространства — отрицательное, пустое, обессмысленное время-пространство. Пространственно-временная стройность замещена на пространственно-временной беспредел. Российский космос уступил место российскому хаосу. Блуждание во времени и в пространстве. Праздное и суетное шатание. Без пространственно-временной цели и соответствующего пространственно-временного зрения.

Трагедия. Российская трагедия.

Актуальное время-пространство России зияет брешами. Нет связи времен. Прошлое отвергнуто и незнаемо, оно неэффективно в настоящем. Настоящее — бесформенность, масса, суета. Большая черная дыра, поглощающая и время, и пространство. Ибо какое время и какое пространство для человека в обстановке бессмыслия, псевдосмыслия и лжесмыслия. Виртуальное — и отрицательно виртуальное — настоящее. Поглощение идеальной структуризации. Исчезновение смысла бытия. Враждебность времени, враждебность пространства. Гибельность. И это все настоящее — видимость жизни над безжизненной бездной? А что говорить о будущем, не имеющем исходно-устойчивых корней ни в прошлом, ни в настоящем? Фантомное время, фантомное пространство.

Холод.

Страх.

Страх перед будущим, будущее из страха, страх как будущее. А что еще? Разумеется, по размышлении, по переживанию, по сердцу. Что еще? Какая тут уверенность в будущем, кроме идиотически-сомнамбулической?

Поедаемое время-пространство, пожираемая актуальность. Без прошлого, без будущего, без настоящего. Без животворящего пространства. Отсутствие временной и пространственной полноты. Атмосфера без воздуха, биосфера без белка, ноосфера без… мозгов. Где они, мозги? Где полнота? Идейная, нравственная, смысловая.

Уничтожение времени-пространства, уничтожение актуальности.

Самопожирание России.

Есть или нет? Кто скажет, что нет? А кто о России всерьез пожалеет, сердцем? Многие ли? Кто не в раздражении против России? Кто только не отказывается от ее пространства, ее времени, ее пространственно-временных смыслов?

Жить, конечно, надо. Каждый день, каждую ночь. Но кто хочет жить именно в России, нет, не на пространстве, занимаемом Россией, а во времени-пространстве, называемым Россией, с российским качеством?

Не просто все, совсем не просто.

И не живем ли мы сегодня в некоей предато-сфере, в той сфере, которую предать не зазорно, т. е. передать, продать, отдать, и в которой вольготно чувствует себя это передавание? Да, было отречение царя, династии, а теперь Отречение элиты, масс, плебса? От власти над собственной землей, своим временем-пространством, своей био- и ноосферой? От России?

Анти-Россия сильна, активна, она властвует, действует, куражится. И питается не одной Россией, ее временем-пространством, но и вседозволенностью. Воля. Воля как свобода — действовать, и воля как воля — тоже действовать. И то, и другое сегодня у анти-России, анти-элиты, антисистемы. А что у России? Воля не проявлять воли, не пользоваться свободой, не наполнять жизнь позитивным смыслом?

Странно!

Что же это такое — этот паралич актуального времени-пространства? Есть ли слово, категория, термин для точного определения вдруг возникшего? Пато-ситуация. И болезнь тут, и невозможность, и пустота.

Круто замешанная на лености — ума, души и сердца, на близорукости и безответственности, на непрозорливости, ситуация трансцендентного летаргического сна, однако, среди бурной и всепоглощающей повседневщины, в круговороте мелькающего бытия. Страна не спит, страна бежит, страна вертится. А вот Дух спит, Идея спит, Воображение спит. На поверхности — бега, а в глубине — тишина. Разве что не могильная.

Но есть, однако, объективность, ход вещей, трансцендентная промыслительность. Есть и недремлющая российская субъективность — разбросанная там и сям по актуальному времени-пространству. Паралич, слава Богу, не абсолютный. Есть точки возвышения, есть пункты сопротивления, есть истоки надежды. Позитивная жизнь всегда идет наперекор негативной антижизни.

Имеет место борьба — более скрытная, чем явная, напряженная, затяжная, трудная. Пространство битвы — пусть и не всегда и не всеми сознаваемой — время исторических сдвигов и решений. Роковое время-пространство, рискованное бытие. Сфера быстрого умирания и скорого рождения. Уплотнение. Но и диссипация. Неразбериха.

Смута.

Перемены.

Какие?

Разные, многозначные, многоходовые. Что делается в России, куда она идет, зачем? Да разве можно ответить, да еще и по-научному. Но ум вкупе с сердцем жаждет ответа, не успокаивается, рыщет, бросаясь из крайности в крайность. Хорошо сказать — диалектика, синергетика, эволюция, а что же в реальности-то прячется за этими словами?..

Что, к примеру, гибнет? Многое, очень многое. Смысловое содержание российского времени-пространства изреживается: в небытие уходят многие смыслы — и отнюдь не плохие, даже не устаревшие. Мало того, нужные. Но история распорядилась так, что идет их решительный сброс. Преобразование смысловой начинки времени-пространства происходит, скорее, по инфернальной, чем радужной, конфигурации. Искривление. Нашествие антицивилизации и антикультуры. Рождение… урода!

Почему? Ради чего? В соответствии с каким историческим промыслом?

Зачем идет сброс гуманистического, культурного, цивилизационного? Кому это надо?..

Отступление, если не полное фиаско, позитивного направляющего сознания. Глобальное затмение. Почти беспрепятственный выскок сознания негативного (сознания ли?). Отрицательный смысловой переворот.

Россия сошла с ума?..

Россию свели с ума?..

Россия обезумела?..

А не сходит ли с ума весь наш замечательный мир? Только ли Россия сегодня безумствует? И не безумствует ли Россия попросту несколько явственнее, чем остальной мир, прежде всего, так называемый развитой?..

Небезынтересно, что Россия получила приглашение от Запада и подалась, перестраиваясь и реформируясь, на Запад, стремясь войти в западный, а не в какой-нибудь еще, в самый что ни на есть передовой мир.

Вхождение в Запад, хождение на Запад, бегство в Запад…

И какое стремительное! С места, на место и вместо. Хотели Запад, а получили не Запад, а всего лишь «пад», т. е. пад-ение, как и запад, т. е. западню. И действительно стремительно!

Даже не колония. А именно «пад», т. е. падшая страна. Коленопреклоненная. Валяющаяся. Падатливая.

Жутко!

Да, вошли, если, попросту, не вляпались. Во что? В хитроумную систему западной опеки, а еще лучше — мировой игры, но не в качестве ведущего игру игрока, как и не в качестве хотя бы игрока-партнера, рассчитывающего на свой куш, а в роли… регулярно и расчетливо обыгрываемого объекта игры.

Вот как все обернулось!

Зарубежные банковские счета и особняки — не достаточное условие и вовсе не органический признак тамошней элиты. Продажа своей страны — тем более…

Не примут. Сдадут. Непременно.

Дело в сроках, хотя первые звонки уже прозвенели…

Кому нужна такая элита? Так себе, пыль.

И тем не менее: во что же втянули Россию наши отчаянные революционеры? Не с эмоциональной, а вполне рассудочной точки зрения.

Что есть сегодня Запад в экономическом отношении?

Ответим так, зацепив самое главное: *глобальная, вездесущая, изощренная система информационно-виртуального финансового ультраимпериализма.* Кому-то это определение не понравится, кому-то покажется неясным, кому-то даже пошлым (в наше-то время о каком-то империализме?!), но нам этот вердикт нравится, представляется вполне ясным и точным, а что до пошлости, то это нас совсем не страшит, ибо определение пошло настолько, насколько пошло само определяемое, — что тут поделать? Какая такая высокость может быть у мирового финансизма?

Мировой финансизм. Вообще-то этим все сказано, причем вполне по-научному. Не экономизм уже, как это было у С.Н. Булгакова, а именно, финансизм как главное и приоритетное в современном экономическом мире, как задающее тон всей экономике, как ее подчиняющее и качественным образом преодолевающее, т. е. качественно изменяющее.

Не производство теперь, не торговля, не товароделание (вместе с виртуальным товаром), даже не предоставление финансовых (банковских) услуг, нет, все это уже старо, хоть и существует и множится, все это уже второстепенно, не важно, не интересно; теперь все самое главное наверху, в сфере *финансов финансов,* и не предприниматель теперь в центре событий, даже не просто финансист, а великий менеджер финансов финансов — истинный, хотя и скрытый, владелец стоимости (теперь, кажется, видно, что стоимость — не цены, не одни цены, далеко не одни цены), той самой трансцендентной субстанции, которая разлита по миру, по всем его элементам и потокам, и с помощью которой можно достаточно уверенно управлять не одной экономикой, а всей мировой жизнью, получая при этом колоссальные доходы и громадное удовлетворение.

Глобальный стоимостной менеджеризм. Информационный. Виртуальный. Эфемерный.

Все видящий, все оценивающий, все направляющий.

Расставляющий, распределяющий, снимающий.

Геофинансовая глобальная собственность (не над агентами непосредственно, а над их жизнедеятельностью) и соответственно *геофинансовая рента* (а не производимая прибыль).

Совсем новый экономический мир. Не капитала, а финансов; не финансов, а финансов финансов; не капитализма, а финансизма — *глобального финансизма*.

Не случайное вовсе это словечко — финансизм, как и производные от него словосочетания — мировой финансизм, глобальный финансизм или тот же геофинансизм.

Вот и теоретической экономии пора умнеть. Ничего загодя не отвергая, перестать веровать в одни лишь затраты, спросы и предложения, полезности и т. п., ибо все это уже воистину не главное, хотя и существующее. Надо всем ныне ультраимпериалистическая, т. е. из единого — хотя и не одного — центра насильственная и всеохватывающая, отрицательно трансцендентная (в виде невидимой, но, признаемся, очень лохматой руки) финансовая — финансо-финансовая — опека. Именно здесь, в этом Фи-Фи-образном «облачке-эгрегоре», все и сидит — и собственность, и оценка, и кредит. Вся главная инициатива, все судьбоносные глобальные решения. Остальное — лишь среда для Фи-Фи-системы.

На четырех основных китах базируется финансовый ультраимпериализм: 1) на глобальном контроле над деньгами и их потоками (глобальный монетаризм); 2) на глобальном кредите (но особого рода кредите); 3) на глобальном контроле над фиктивным капиталом (рынком ценных бумаг); 4) на глобальной ренте (особого рода ренте). Примечателен рефрен: финансовость, глобальность, подконтрольность. Здесь же, разумеется, и глобальный финансовый менеджеризм. Соответственно и институциональность (финансовая, глобальная, менеджериальная).

Рассмотрим последовательно.

1. *Глобальный контроль над деньгами и их потоками.*

Деньги, не теряя своего властного характера, все более утрачивают, во-первых, объективность, во-вторых, национально-государственную ориентированность. Они становятся воистину глобальными деньгами, даже сохраняя еще национальные одежды. Судьба денег все более и более не в руках национальных государств, как и во все меньшей степени зависит от объективных условий национальных хозяйств, да и вообще реальной хозяйственной жизни. Субъективность денег усиливается, они все более становятся ирреальными, а механизм денег оказывается все более *между*-национальным.

Возникают некие виртуальные *деньги дене*г (или деньги в квадрате, в степени), т. е. своеобразные *суперденьги,* они же — г*лобальные деньги.* Наличие национальных валют не мешает наличию таких суперденег, — через эти национальные валюты реализующихся. И речь не идет

здесь о каких-то особых в физическом отношении деньгах, стоящих над национальными (местными) деньгами; здесь все иначе — возможность контроля над всеми деньгами мира создает возможность эффекта функционирования каких-то особых мировых денег, т. е. суперденег. Контроль! И этим все сказано. Не надо искать супер-деньги, абсолютно трансцендентные по своей природе. Их нет в буквальном наличии, но они есть в своем идеальном функционировании. Великолепное свидетельство идеально-трансцендентной природы стоимости, ее самой-в-себе-субстанции.

Есть Россия, есть рубль, но кому и чему служит рубль, насколько он объективен, в какой мере обусловлен российским хозяйством, от чего производен, насколько самостоятелен, да и вообще, является ли российским?.. Не продолжая, предоставим читателю самому хладнокровно ответить, заметим лишь, что рубль наш виртуально встроен в замечательную по своей хитроумности систему глобальных денег — суперденег. И какова в таком разе главная функция рубля?.. И что делает в России огромная долларовая масса, вдруг нас всех любезно объявшая?..

2. *Глобальный кредит.*

Вот это феномен! Тут есть над чем поразмышлять. И не столько над глобальностью, что более или менее ясно, сколько над… кредитом. По форме вроде бы кредит (тот же кредит МВФ), а вот по сути, точнее, по истокам и способу реализации, по делам, по итогам, кредит ли тут имеет место, и если кредит, то какой — традиционный (классический) или какой-то иной — новый, модерный, романтический? Реально-денежный, скажем, или виртуально-безденежный, хозяйственный или антихозяйственный, доверительный или насильственно-вменительный, объективно-потребностный или субъективно-придуманный, партнерский или эксплуататорский, производительный или перераспределительный («сливко-снимательный»), добровольный или обязательный и т. п.?

И вот что выясняется, вроде бы кредит, но очень какой-то странный, более имеющий характер обязательного наделения, чем хозяйственно обусловленного добровольного привлечения, причем с предоставлением не просто дополнительных денег, а с выделением как бы самих денег, вообще необходимых хозяйственной жизни. Данный кредит — не придаток, а само условие хозяйственной деятельности, не поддержка, а само основание, не второстепенное участие, а контрольно-ограничительное начало. И что особенно поразительно: не нужен тебе кредит, а получишь, не хочешь платить проценты, а будешь, не собираешься быть должником, а станешь… Искуснейшая система глобального кредитования. Вроде обязательного страхования (не всегда, кстати, такого уж нужного). Причем с вечной задолженностью.

А где кредит, там и процент, там и выплаты процентов, там и доходы.

Плохо ли для кредиторов — все еще так называемых? …Сила. И еще какая!

3. *Глобальный контроль над фиктивным капиталом (рынком ценных бумаг).*

Много тут говорить вряд ли нужно, — и так, надо полагать, все ясно. Для чего ценные бумаги? Собирать свободные денежные средства, кредитовать, брать взаймы, перераспределять доходы, контролировать все и вся, устанавливать и перераспределять собственность, властвовать, играть, сбрасывать, перебрасывать и насаждать, обогащаться… Может, хватит? Или продолжать?

Фиктивизация реального капитала, создание и расширение собственно фиктивного капитала, его дальнейшая фиктивизация (посредством выпуска производных бумаг, т. е. бумаг от бумаг или бумаг бумаг), фиктивизация экономики в целом, всех ее элементов и происходящих в ней процессов, в особенности стоимостных, фиктивизация хозяйственной жизни вообще.

Переворот. Не фиктивное, лишь обслуживающее реальное, как это было ранее, а реальное, обеспечивающее фиктивное, ему служащее. Фетишизм фиктивного, господство этого последнего. Да и бумаги уже не бумаги, а так… цифры (счета). Полная фиктивность.

Но зато выхолощенная, с ослабленной субстанциально и функционально стоимостью, размазанная и неуловимая, обвуаленная и «обмишуренная», обфиктивленная реальность. Жизнь, конечно, идет своим ходом, но кто и что в ней понимает?.. Обфиктивленные реальные хозяйствующие (?) субъекты или сами фиктивные (хозяйствующие?) субъекты? Одни в фиктивном тумане, вторые в тумане фиктивности. Понимают, наверное, но… не все и не всё, да и вряд ли ответственно.

4. *Глобальная рента.*

Замечательное явление. Можно прибыль не показывать, налоги не платить, не брать кредитов, не прибегать к банковским услугам, не иметь ценных бумаг, сидеть в теневом секторе, вести криминальный бизнес — рента будет обязательно взята. Со всех. Со всего хозяйственного пространства. Пространственная рента. *Финансовая.* Через ценные бумаги, через кредит, через процент, через банки, через фонды, через налоги, через бюджет, через государственный долг, через свободные и оффшорные зоны, через валютный курс, через импорт, через экспорт, через инвестиции из-за рубежа, через таможню, через вывоз капитала, через деньги, через инфляцию, через трансакционные издержки, через невыплаты, через… О, тут столько возможностей, о которых можно лишь догадываться. Не хватит, случится, обычных повседневных каналов и

средств, будут чрезвычайные, не помогут чрезвычайные будет кризис — резкий, строгий, показательный и… эффективный. Для организаторов, конечно. Не для организуемых же?

Глобальная рента.

Геоэкономическая, геофинансовая, геополитическая.

Во всех отношениях замечательное явление. Прелюбопытнейшее. Вполне корреспондирующее с виртуально-информационным финансовым ультраимпериализмом.

Доход.

А раз доход, то и эксплуатация. Ведь доход сначала кем-то и где-то обязательно производится, а затем этот доход кому-то и как-то непременно уступается.

Глобальное перераспределение.

Что ж, кому рента с реальным доходом и реальной жизнью, а кому предельные полуполезности с полудоходом и полужизнью, переходящей по мере надобности и в нежизнь.

Каждому свое!

Экономистам нравится порассуждать о национальном бизнесе, о притоке иностранного капитала, о стабилизации экономики, о хозяйственном подъеме. Нужны-де деньги, инвестиции, конкурентоспособность, рынки. Надобно эффективное предпринимательство, лучше всего, почему-то мелкое.

Но невдомек чистым экономистам, что… не экономическое это по-преимуществу дело — подъем российского хозяйства, даже и не хозяйственное. Все хозяйственное Россия уже видала — вместе с натуральным ручным хозяйством. Ничего другого Россия уже не даст, если будет исходить только из первично хозяйственного. Выживательное хозяйство. Оно уже есть, оно уже сделано. Нет больше ни ресурсов, ни возможностей.

Предел.

Момент антихозяйственной истины.

А то хозяйство, которое ведется вперед возвышательным творчеством, энергизмом и ответственным расчетом — лишь мечта, его просто так, на одной лишь первичной хозяйственной самоинициативе, не запустить.

Экономика. Не хозяйство это вовсе, а лишь особенное хозяйство, да и то, если с действительным хозяйством, а не с антихозяйством дружит. А в дружбе с антихозяйством — как сегодня в России, она всего лишь псевдоэкономика, со всеми своими псевдоденьгами, псевдобанками, псевдокапиталами. Непроизводительная, в лучшем случае, малопроизводительная или локальнопроизводительная. Выгребающая, высасывающая, паразитирующая. Беспрогрессная.

И оттуда-то ожидание какого-то подъема, какого-то процветания. Без идеи, без смысла, без перспективы. Без субъектности. Без лиц. Без усилий. Без трат. Без производительной экономии.

Странно…

Хотя что тут странного?

Время не зовет, пространство не влечет.

А есть ли оно, время, а есть ли оно, пространство, коли нет ни желания, ни сил наполнить их фундаментальными смыслами?

Кто сам не овладевает временем-пространством, тот не живет, а лишь существует — под бдительным взором того, кто овладевает. Если не ты, то кто-то другой, если не с положительной ориентацией, то с отрицательной.

Контролируемое извне актуальное время-пространство, обессмысленное, лживое. Обратно перевернутое. Это лишь кажется, что время необратимо. Ничего подобного. Обратимо. Вспять. Вниз. В примитив. И пространство вполне переворачиваемо. Более того — выворачиваемо. Перемешиваемо. Искажаемо. Понижаемо.

Только сейчас до нас, закоренелых материалистов и атеистов, начинает доходить, насколько в действительности идеализирован мир, насколько идея больше и важнее материи, насколько слаб и ужасен обезыдеенный мир. И хозяйства нет без идей, тем более хозяйства высокого.

Россия сегодня без идей, без руководящих идейных ориентиров. Словесная трескотня — не идеи, не руководство. Нет идеальных оснований, нет и идейного творчества.

Только сейчас мы начинаем понимать, что Россия, равным счетом и Германия, Франция, Англия, Япония, Малайзия, Китай, Индия и т. д. и т. п., так сказать, любая страна-субъект, есть не что иное, как Идея, идейное поле, идеальная субстанция. Все материальное в стране вторично. Идейность в стране нельзя путать ни с бытовым образом жизни, ни даже с бытующей культурой, хотя между идеей страны и всем ее бытом есть известная корреспонденция.

Хозяйство России. Что это такое? Способ жизни или способ выживания, способ творчества или способ прозябания, способ единения или способ распада, способ возвышения или способ падения? Как хотелось бы опереться на первые значения в перечисленных сопоставлениях, а ведь приходится соглашаться на вторые, — и как это нерадостно!

Реформа? Но ведь реформа, по существу, закончилась. Дело уже сделано. Деградационный мутант налицо. Он патологичен, но он жив, активен и по-своему логичен. Вполне логичен: по происхождению, по строению и составу, по действию, по результатам. Он и идеен по-своему, если различать идеи под знаком «вверх» и идеи под знаком «вниз».

Хотим мы того или не хотим, но выздоровление хозяйственной России обусловлено обретением ею позитивной и возвышенной идейности, наполнением ее идейного поля животворящими смыслами.

А что можно предложить современному вполне апокалиптическому — человеку, если он ограничен, слеп, глух, самонадеян, а главное — материалистичен. Человека-идеи практически нет, но зато повсюду человек-материя. И подавай ему материальные цели, блага, удовлетворения.

И с этим надо считаться.

Из идейного ничего дать нельзя. Дать можно только из материального, что и дается — неравномерно и в определенных дозах. Идейное возникает само — в гуще, в людях, в сердцах. Само и разливается, наполняя бессмысленное время-пространство необходимыми (не-обход-имыми!) смыслами. Общество само упирается в свою идею, которую уже ни отбросить, ни замолчать, ни обойти.

Изобрести Идею нельзя.

Надо просто жить, проявляя волю к полноте жизни? А какая полнота без горнего, нездешнего, трансцендентного? Без Божеского? Какая?..

И какая жизнь без возвышающей идеи?..

Изобрести такую идею невозможно. Ее можно лишь выстрадать — страдательно уловить.

Если ж не дано, то и не дано! Никакие герои и пророки не помогут. Их время ушло. Отклика нет. Настал срок лже-героев и лже-пророков. На них теперь отклик. Достаточно осмотреться попристальнее окрест. Разве не видно?..

Говорят, что русское сознание эсхатологично, если не апокалиптично. Пусть так. Но что здесь плохого — в ощущении драмы жизни, в понимании ее пустоты, в признании неправды? Что?..

Да, русский живет трудно, в метаниях, часто безобразно. Но почему?.. И ради какого идеала ему стоит жить ровно, спокойно и весело?..

Российское время-пространство разрядилось и распалось. Факт. Но фактом стало и его сжатие… до точки, разумеется, условно-мистической, а точка эта разместилась в глубине души, в сердце и уме оставшегося в одиночестве, но глубоко задумавшегося, русского человека.

Явление горькой правды.

Русской правды.

Какие потери, какие разочарования, какие открытия!..

Русский открывает… себя. Вот главное событие реформного времени, его трансцендентный итог. Наполеон пришел в Москву, чтобы русские пришли в Париж; Гитлер подошел к Москве, чтобы русские взяли Берлин; Запад очутился в Москве, чтобы русские… нет, нет… не в Нью-

Йорке, а… в Москве, да, именно так: чтобы русские оказались в Москве!

Нет, конечно, не сегодня, да и не завтра, а впрочем… почему бы не послезавтра… Ведь пути Господни, как известно, неисповедимы!

Россия познает Россию!

Нет, не мир вовсе привнесен реформой. Смута и разделение — не мир, это великое беспокойство, это — война. Всесторонняя, многофронтовая, разная.

Трансцендентная.

Русским терять есть что, но отступать уже некуда. Это не лозунг, это оценка состояния. Струна времени натянута до предела, пружина пространства сжата до крайности. Далее — разрешение!

Когда и какое? Никто не знает и знать не может. И хорошо! Кому в России нужна известная, т. е. легко прочитываемая история, кому нужна механически прогнозируемая жизнь, кому нужен стройный событийный график? Да и что рассудительного можно сказать о загнанном в точку времени-пространстве, готовом в любое время взорваться и породить любое (любое!) событие — как совершеннейшую случайность.

Многое из нового возникает в истории, само собой, и чаще всего — как странность, как что-то неуместное, несообразное, несвоевременное, совсем даже ненужное. Однако возникает. Мало того, вершит порой судьбы мира!

Революция ценна более всего не революцией, а своим непредвиденным результатом. Реформа — тоже. Все ведь не так в итоге получается, — хорошо известно! И антиреволюция, как и антиреформа, примечательна по преимуществу не предполагаемыми расчетами, а непредусмотренными событиями — нередко резкими, громкими, бескомпромиссными.

А в российском фуркационном котле может вывариться любое происшествие — самое невообразимое! Не светлая вовсе поднимается ныне Россия — не святая Русь!

Возникает вопрос о возможностях управления социумом и социальными процессами, социальными переменами — в больших масштабах. С одной стороны, как будто бы можно — как ловко идет то же реформирование России, а с другой — менеджеризм пасует перед могучей случайностью, той случайностью, которая задает предел управлению и перехватывает инициативу. Остается ли в современном мире возможность такой большой случайности?

Не будем отвечать за мирно спящую Европу, сдавшуюся на милость тотального управления, а попробуем ответить за Россию, не сдавшуюся и только-только просыпающуюся: возможность такая есть, — разумеется, в трансцендентном плане.

Война. Великий производитель нового. Особенно идейного.

Из глубин, из тайных источников, из сокрытых сфер. Реформа — тоже война. В России уж точно, ибо реформа в России шла и пытается идти против России. Тут ничего не поделаешь. Реформируется-то не нечто в России, а сама Россия. Как же не быть войне?

Она и идет. Собственническая, финансовая, информационная. Всякая. Идейная и вещественная. Перераспределительная и территориальная. Говорливая и молчаливая. Явная и тайная. Громкая и тихая. Быстрая и медленная. Холодная, теплая, горячая… Разве не так?

Так. И это очень важная констатация!

Приятно мечтать о замирении, о стабильности, о счастье. Особенно богатым. Но главное-то из трансцендентного еще не произошло. И не в одной России тут дело. Весь мир в разломах, может, и не очень пока видимых. Планета нехотя, но грозно зашевелилась, поругиваясь. Планета! А Россия лишь ее часть, правда, закипающая.

У России есть одно сильное преимущество: если не трудностелюбие, то практически постоянное трудностепреодоление. Своеобразная сизифова судьба. Россия или не достигала точки благополучия, или на ней долго не задерживалась. И вообще, что значит для России и русского человека благополучие?.. Разве есть однозначный ответ?

Неблагополучие (то или иное) — не новость для России, ее духовности и ментальности, не то что материальности. И любое неблагополучие в мире Россия встретит достойно, более того, извлечет свою выгоду, точнее, свой жизненный шанс. Россия не боится катаклизмов, в том числе и мировых.

А возможны ли они — эти мировые катаклизмы?

А как же? Разве у мира мало разных проблем и противоречий, не говоря уже о принципиальных противостояниях?

Нет уже СССР и социалистического блока, кончился коммунизм (как движение) — ну и что из этого? Будет (и уже есть) другое: тот же мусульманский фундаментализм или то же азийство. Какая разница? Мир исходно (трансцендентно) неспокоен, он непременно фуркационен. Сейчас доминируют США, и мир восстает против США. Завтра будет доминировать Япония (или Китай), и мир восстанет против Японии (или Китая). Меняются только средства и методы всемирной борьбы, а борьба эта, увы, остается. Разве не так?..

Россия в опасной зоне. Это бесспорно. Ничего особенно хорошего нет сегодня в России, кроме, пожалуй, неброского, но стойкого движения духа и мысли, да выживательной активности брошенных россиян. Опасность велика — вплоть до распада страны или почти полного исчезновения русских (либо Россия совсем прекращается как геопространственное образование, либо уходят в небытие русские — держатели России, т. е. остается Россия без русских, а точнее — не-Россия). И осознание

этой опасности сегодня — в 1999 г. — есть!

Снизу доверху. Пусть и не по всему пространству сознания. Не по всему! Но уже есть. И обстоятельства упорно работают на это осознание. Беспокоят, задевают, вовлекают. И не скрыться от них, не отмахнуться, не уклониться. Они требуют — ума и действия, ответственности и мужества. И мудрости — той самой, Александра Невского!

Обстоятельства не покидают жизненного поля России, не дают ей покоя, силы разные призывают, мобилизуют, да и решения кое-какие подсказывают.

Россия не оставлена, она не на периферии, не на задворках, — и если не в самом центре, то уж на пересечении мощных энерго-информационных потоков, определяющих сегодня движение мира.

Оттого и трудно, и рискованно, и грозно!

А исход ждет своего часа, он нужен, им уже живет робко сосредоточивающаяся Россия.

Однако, какой?..

Не европейский же!.. Зачем он России, совсем иначе устроенной? Нет, Россия не против усвоения Европы, но ведь не до края же, не до дна!

Выходит, что России надо смыкаться с… Россией, чтобы не только устоять, но иметь будущее. Не всем это понятно, не все на это согласны, но такова логика российского жизнеотправления. Рывок на Запад, тем более обманно-насильственный, лишь отдаляет Россию от Запада, во всяком случае, возбуждает желание резко от него отпрянуть. Нет, конечно, железного занавеса уже не будет, но и союзничества открытого не получится — тевтонский дух не покинул Европы, даже социалисты оказались ему не чужды. Запад никогда не примет в себя Россию как Россию, равным образом и не смирится с ее самобытным и независимым существованием.

Как была проблема Европы и России, так и остается, разве еще более по сути обостряется — на глубинном, трансцендентном уровне.

Особенность качественной динамики России состоит сегодня, т. е. к концу десятилетия прозападных реформ, в движении в сторону России — уже не на Запад, а от Запада. Можно этого не признавать и этому сопротивляться, но удержать естественный ход вещей не удастся, ибо последний объективно и промыслительно обусловлен. Именно на этом естественном пути открываются громадные возможности для возмужания и самоутверждения национальной элиты — в России и за ее пределами.

Данный вывод можно подвергнуть сомнению, признав нереальным предложенное развитие событий. Можно. Но важно осознать, что другого пути просто нет, а главное, что идти по открывающемуся провиденциально пути не только необходимо, но и возможно. Возможно!

Куда в конце концов пойдет страна решать не нам, а истории. Многое сейчас говорит за то, что поворот в сторону России необходим и возможен. Но немало свидетельств и против. Не стоит тешить себя иллюзией, что можно рассчитать реальное будущее (во всяком случае, в нашем положении). Но провидеть открывающуюся великую возможность мы можем и должны. Фуркация это допускает. Вращающаяся реальность сама поворачивается к субъекту истории приемлемым для него вариантом будущего, но нужно уметь не пропустить подворачивающегося шанса, тем более, если шанс этот находит приятие в глубинах сознания.

Мы знаем, что в истории все решается в конечном итоге не так, как того хочет и предвидит человек, но человек, претендующий на роль исторического субъекта, вполне может — пусть и интуитивно — войти в актуальное время-пространство, стать его органическим участником, носителем и разрешителем. Мало того, такой субъект способен стать и созидателем времени-пространства, а в нашем историческом случае — воссоединителем времен и восстановителем пространства.

Субъект, о котором идет речь (а он может быть отдельным лицом, правительством, структурой, сообществом, этносом), должен войти в позитивный резонанс с актуальным временем-пространством, с наполняющими его смыслами и чаемыми им смысловыми потребностями, он должен услышать текущее время-пространство, да так, чтобы узреть в нем образ органично произрастающего будущего.

Фантастика?.. Да, фантастика, как и многое другое, а точнее, самое важное и судьбоносное в этом мире. Разве М. Горбачев не вошел в резонанс, правда, отрицательный, с актуальным временем-пространством, и разве Б. Ельцин не испытал аналогичного сближения с реальностью в первые годы своего правления?.. Иное дело, что ныне потребен позитивный резонанс — для позитивного же преображения России, что, разумеется, куда проблематичнее, но ведь и актуальное время-пространство другое и субъекты его уже несколько иные, не говоря уже о накапливаемых в недрах социума позитивных потенциях.

Взглянем возможно более трезво на российскую ситуацию.

На современном языке она обычно квалифицируется как кризис — переходный кризис (от одного способа хозяйства и бытия к другому способу хозяйства и бытия). Что ж, и так можно сказать. Отсюда и вывод о некоторой периодичности такого рода кризисов, их цикличности — не для одной, конечно, России, но для России, отягощенной феноменом «долгоисторической» реформации (что то же самое — экономизации, капитализации, а теперь вот — финансизации), особенно характерной. Были-де раньше подобные кризисы, есть сегодня, будут, надо полагать, и дальше — в перспективе. Короче, ничего необычного, а потому и ничего особенно страшного…

Однако…

Не так все просто.

Есть ощущение, что это далеко не обычный циклический кризис, несмотря на все признаки такового. Тут все гораздо сложнее и серьезнее. Тут разрыв времени и распад пространства. Тут разлад человека. Откат и обвал. Падение. Исчезновение. Сужение и сжатие. Тут предел, причем, по всей вероятности, последний — в смысле конца.

Конец!

Здесь апокалипсис. Кризис носит апокалиптический характер, ибо впереди — неизвестность, а совсем рядом — безвыходность. Нет выхода. Что-то похожее вроде бы есть, но не то что знания, а даже ясного ощущения выхода нет.

Нет!

Ни время, ни пространство такого выхода не предоставляют, ибо актуальное время-пространство — точка. Математическая точка. Из этой точки, как из зерна, должно вроде бы пойти нарастание времени и разрастание пространства (надежда остается!), но не идет. Не идет. Пир есть, беда есть, страх есть, веселье есть, а живительного произрастания времени-пространства нет. Время-пространственная пустота. Вакуум. Отсутствие смыслов. Бессмыслица.

Но ведь была же когда-то — в XVII в. — Великая Смута, — и ничего, обошлось, хоть и с немалыми потерями. Да, была, но и… продолжается до сих пор. Смута в России никогда по сути не прекращалась, лишь затихала на время. Смута и реформация — родные сестры. Так и идут по жизни рука об руку.

И сегодня у нас смута, и сегодня у нас реформация. Как бы новый всплеск — очередной. И тут вопрос: не заканчивается ли очередь? Не последний ли этот всплеск? Кто докажет обратное? Нет ведь ни времени, достаточно мягкого и неторопливого, ни пространства, достаточно просторного и устойчивого, как нет и особого живительного питания ни от времени (медленно и плохо лечит), ни от пространства (не снабжает мощными целительными снадобьями). Безвременье-беспространствие. Как тут справиться со смутой, как найти спасительную дорогу, как обрести созидательную энергию?..

А, может, ничего такого и не надо?

Нужно просто ждать, полагаясь на естественный ход вещей и здравый смысл?

Пусть все идет, как идет!

Почему нет?

Но в том-то и дело, что и ждать приходится (кризис-то апокалиптический), и ждать особенно некогда (кризис-то ведь апокалиптический). Перед нами не обычный периодический кризис, из которого данное

(т. е. существующее общество) находит вполне данный (т. е. более или менее понимаемый и видимый) выход. Текущий российский кризис совсем иной — для выхода из него потребно… другое общество, еще не данное. Да, да, совсем другое. А его просто так не обрести, тут время нужно — помимо осознания, а времени-то и нет. Вот и приходится: ждать и не ждать.

Что тут поделаешь?

Ждать. Конечно, ждать… но и… действовать.

Осознанно. Расчетливо. Без паники.

Телеология России — неизвестность. Полная неопределенность. И русские к этому давно привыкли. По большому счету не суетятся. Живут нездешним и ждут чего-то несюстороннего. Русские — не от мира сего. Отсюда и трансцендентный туман — как над прошлым, так и над будущим, как и над настоящим. А жизнь тем не менее требует посюсторонности, и известности, и определенности. И если сама Россия не очень стремится к формообразованию, то форму приходится заимствовать — извне, а поскольку все заимствованные формы неорганичны, то, поиграв с ними кроваво-жестоко и поприспосабливав к себе не слишком удачно, приходится эти формы сбрасывать — тоже кроваво-жестоко. Симбиоз, он и есть симбиоз — труден, нерадостен, «контрпродуктивен».

Россия не обрела пока еще органичной для себя Формы. Но, возможно, никогда и не обретет — не ее это историческое предназначенье. Она и не должна, видимо, окончательно формообразовываться. Ее судьба — менять формы, причем надевать их и сбрасывать, как бы испытывать. Россия — кладбище всяких бытийных форм.

В сокровищнице России не формы, а суть — богочеловеческая суть, науке, естественно, не доступная. Наука может и должна предлагать формы. Россия обязана их отвергать. Не научная это страна — Россия, не научная! С наукой, да еще какой (!), но не научная. Это всего труднее понять как раз людям образованным, интеллигентным. И гордым. Оттого и диссидентство в стране постоянное. Оттого и взоры страждущие во все стороны. Оттого и гнев на Россию — вполне, кстати, оправданный…

Поэтому-то и измена постоянная, нерусскость, антироссийскость, чужебесие. Тоже вроде бы оправдание… Но не спасительное!

Странно все это, странно…

А Россия живет, падая и вставая. Вот и сейчас рухнула, чтобы восстать из пепла. Однако пепел нынче сильно уже не российский. Он обильно удобрен нероссийскостью — внутренней и внешней.

Русский человек не сам по себе, не один в своем, хоть и не слишком уютном, но на крайность — спасительном, времени-пространстве — большом, долгом, бесконечном. Нет больше этого российского времени-пространства, нет! Вот что осознать-то надо — быстро и непременно!

Сжатие России до время-пространственной точки, как и ее разжижение до время-пространственной пустоты произошло не просто так, а в соответствии с новым состоянием человеческого (если не человекобожеского!) мира — в решающей части уже искусственного, неприродного, ирреального (виртуального). Этот мир буквально ворвался в российское время-пространство, его значительно поглотив и по-своему преобразовав грубо, по-господски, беспощадно. Остались лишь островки и мгновения. Не выдержало российское время-пространство, смешалось, потеряло устойчивость, развалилось. Помпея! Что-то пропало совсем, что-то забилось в отчаянии. А что-то вдруг расчетливо явилось — из расщелин, из подвалов, из адских глубин. И закрутилось — в невообразимой для русско-советского человека бешеной пляске!..

Судьба Атлантиды?..

Ну уж?..

А кто докажет обратное?

Это уже не Великая Смута, не Батыево нашествие, не германское вторжение. Ни отступить, ни убежать, ни спрятаться. Это совсем другое — воистину глобальное. И виртуальное, и информационное, и управленческое. Овладение сознанием и подсознанием, мыслями и поведением. Почти незаметное, теневое, серое, удушливое. Тотальный захват, пусть и не абсолютный.

Если напасть, то напасть качественная, — нет, не в плане высокого сорта, а в смысле особенности и плотности. На Россию свалилось вязкое новое, но не в плане передового, а в смысле иного — совсем иного, качества — иномирного, инобытийного, иносущного. Не наше, совсем не наше, — не просто чужое, а прямо-таки чуждое. Вредоносное. Эпидемическое, спидообразное, наркоподобное.

Невообразимое наваждение. Чары. Гипноз. И как следствие — неформализованный полон. Всех сразу, в том числе и удачливых, в том числе и «их-них», в том числе и «не-россиян». Полный полон. Скользкий. Невидимый.

Выход?..

Какой же тут выход?

Ясно, что терпеть, думать, осознавать. Выживать. Во что бы то ни стало. Приспосабливаться. Воспринимать. Переваривать. Выводить. Учиться. И игре тоже. Хладнокровно, упорно, по-черному. Проигрывать и играть снова. В своих интересах, но и по своим правилам. На опережение. Концептуально. Управленчески. Словом и делом. Трансцендентно.

Отделиться — невозможно, сбросить — нелегко, уйти в себя — неспасительно. Надо, кряхтя, принимать вызов. Подниматься. Не надеяться особо на героев и пророков, но при этом и замечая их, следуя им при случае. Назад в историю дороги нет, в сторону — тоже нет, по чьей-

то дороге не пойти — неперспективно. Остается одно: искать свой путь на общей дороге — свой!

Вспомнить Россию — надо, восстановить в сознании — благотворно, взять за ориентир — полезно. Однако все-таки Россию, а не ее бывшие уже образы-образования, т. е. Россию как воплощающуюся Идею. Не формулировать идеи, а следовать ей — России — сердцем.

Только сердце, а что еще?..

Вперед к России!

Нет, не к штольцевской России, не к немецкой, тем более не к атланто-западнической. К российской России. Но уж никак не к обломовской России — только ждущей и созерцающей, не к пассивной. Время-пространство уже другое. Оно активно и изменчиво. Ни поспать, ни посидеть. К тому же оно сегодня — как никогда — созидаемо, и созидаемо в интересах созидающего. Временем-пространством надо владеть, и не по праву наследства или по насельнической традиции, а созидательно — с не прекращающимся ни на миг возделыванием.

Современное хозяйство — хозяйство не только во времени и в пространстве, и уж тем более не хозяйство в подотчетном времени и в контролируемом пространстве. Нет, сегодня это уже хозяйство со временем и с пространством — но не как с побочными условиями, а как с непосредственными объектами хозяйствования. Это в высшей степени полезно уразуметь! В противном случае не кризис, который еще можно как-то перевести в норму — пусть и не сразу, а конец — с полным выбытием с исторической дистанции.

Россия может полагаться на судьбу. Это хорошо известно. Но Россия и любит, во всяком случае к этому тяготеет, и бросать вызов судьбе — часто в крайних проявлениях. С одной стороны, «от судьбы не уйти», что иногда совсем неплохо, а с другой — «будь, что будет», что, как правило, совсем не так уж и хорошо. Судьба, однако, в человеке, а не вне человека, в его деятельности, а не бездеятельности. Судьба предполагает активность, а не пассивность. Судьба — Суд Божий, а что Господу судить-то, коли перед ним одна пассивность?

Полагаясь на судьбу, нужно все-таки творчески в нее погружаться, превращая в свою союзницу, а уж бросая ей вызов, необходимо не перечить ей безоглядно, а участвовать в ее развертывании, склоняя на свою сторону.

Попустительствуя слишком судьбе, как и бросая ей неоправданный вызов, можно незаметно, но быстро растерять свое время-пространство, которое может оказаться совершенно не своим. За свое время-пространство надо постоянно бороться, его нужно усердно созидать, непрерывно стяжать. Сознательно, волевым образом, духовно.

Духовно!..

И вот тут-то вся и проблема — в духе, в силе духа, в духовности. Что говорить — не в очень-то духовном времени-пространстве обитает нынешняя Россия, да и не сообщает своему времени-пространству необходимой духовности. Покинул дух Россию, не спешит в нее возвращаться. Не жаждет его Россия, не стяжает. То ли сил нет, то ли не понимает, то ли совсем уж безразличной стала к своим истокам. А где такое безразличие, там и слабость, там и непонимание, там и цинизм. И оправдание…

С Россией случилась катастрофа. Космическая катастрофа. Великий Прорыв в Космос обернулся ужасным падением на Землю. Катастрофа России — космическая катастрофа на Земле. И не в пределах одного российско-советского времени-пространства. Задета вся планета. И подтверждений тому уже достаточно. Конец истории — он и есть конец истории!..

Однако Россия извлекает уроки. Не очень заметно, но уже многое изменилось в смысловом времени-пространстве России. А всемирная война времен и пространств активно поощряет осознание Россией как своего актуального времени-пространства, так и мирового. Россия мало сегодня делает, но зато много думает. Дух еще может вернуться в Россию, а может… уже и возвращается.

Катастрофа — не полная гибель. Конец истории — не конец России. Россия, похоже, делает важный (разумеется, трансцендентный) антиисторический маневр, уходя от уже завершающейся истории — не ею чаемой и не ею конструируемой. У России, которая сегодня открыта для концептуальных решений, возникает шанс — но какой трудный для исполнения! — неведомого еще продолжения своей загадочной исторической судьбы, не Россией вовсе предопределенной.

Мудра ли немотствующая Россия? Мудра. Но не той прочитываемой мудростью, что устраивает проницательного ученого-аналитика, а совсем другой — неузнаваемой, непостижимо, нездешней. Ответы, которые сегодня ищет беспокойный ученый ум, обязательно будут, но… совсем не те, на которые его наталкивает конструктивное сознание — иные, просто так не выводимые. И ответы эти не за горами…

Хоть и далековато отошла Россия от живительной Премудрости Божьей…

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Россия в актуальном времени-пространстве», М., Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000.

АКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ: ТЬМА ПЕРЕД РАССВЕТОМ?

Бросая робкий взгляд на прошедшее десятилетие, поражаешься несоответствию между реально (а, может, и ирреально) происходящим и языком. Обыкновенным русским языком, принятым в приличном научном или даже интеллектуальном — обществе. Нормальный язык, которым обычно описываются человек, общество, экономика, революции, войны, события, история и тому подобные вещи, т. е. язык, которым мы как-то все еще владеем, — язык модерна, не то что не поворачивается, но даже и вовсе не годится. Россия (Россия ли?) оказалась ввергнутой в итоге августовского 1991 г. происшествия (иного слова тут мы не подберем, ибо событие — со-бытие — здесь никак не подходит, — происшествие тут из разряда не-бытийственных, из бытия не исходящих, бытием не оправдываемых, к бытию не принадлежащих) во что-то, мягко выражаясь, странное, то, что даже не назовешь ни состоянием (в состоянии все-таки «стояние», что-то устойчивое, прочное, стабильное), ни процессом (в процессе, хоть и в словечке иностранном, все равно слышится что-то другое — какая-то цель, какое-то к ней движение, какая-то телеология). Россия оказалась ввергнутой во что-то странное, что мы так и назовем — странность. Во что-то, что просто так, посредством привычного культурного языка, неопределимо. Тут как раз не один конец истории случился (история прервалась, если не канула в Лету — какая уж история, коли нет ни состояния, ни процесса, ни даже события), но и конец культуры, конец языка (как общепринятой нормы), а также, уж извините, конец науки. Странность на то и странность, чтобы решительно кончать, — нет, не с прошлым, что само собой разумеется, а с наследием, тем самым наследием, которым жили и которое более или менее боготворили — как идеальное достояние.

Нет более этого достояния.

Происшествие и странность. Других слов мы не находим. Можно, конечно, вспомнить о той же бифуркации, но тут, признаемся, слово это никак не подходит, — и не потому, что непонятно, а потому что… слишком определенно, о каком-то просматриваемом раздвоении говорит, а тут не просто раздвоение, а раздвоение шизофреническое, т. е. не норма, даже в аномалии, а полная, глубокая и непрочитываемая патология. Как же описывать все это? В каких терминах, не говоря уже о стиле? Согласимся, что ученые знания тут ни при чем, что ученых стилей тут не требуется. Здесь Гоголь нужен, Салтыков-Щедрин, Достоевский. Даже философия здесь спасует, разве лишь философия абсурда одолеет, но… нет, не одолеет, — в происходящем нет никакого абсурда, точнее, он есть, но лишь на поверхности, — в глубине же все что угодно, но только не абсурд, может, пустота, твердь или даже смерть, но не абсурд.

Какой мыслимый образ более всего подходит для оценки оцениваемого? Думается, что образ, вытекающий из той части одного примечательного романа, которая посвящена тоже происшествию и тоже случившемуся в Москве, как и тоже очень большой странности, а именно, появлению и воцарению одного замечательного лица — немца (от «немой»), иностранца (от иной стороны), профессора (по виду).

Да, конечно же, мы намекаем на него — на бессмертный труд писателя-философа М. Булгакова, на его «Мастера и Маргариту». И только тут, в этом укромном интеллектуальном уголке идеальной России, мы как раз и находим то, что ищем, — не слово даже, а именно образ, накладывающийся стопроцентно на то, что мы пытаемся — отсталые модернисты — как-то осмыслить.

Нет никакого резона повторять содержание романа. Достаточно просто к нему обратиться, вспомнить сам факт, чтобы ухватить исходящий из него образ. Образ нас волнует, образ происшествия и происходившего — в романе, — и волнует только для одного — чтобы уловить образ уже нашего — не романного вовсе — происшествия, и с нами, увы, происходящего.

Иных возможностей в момент крушения идеального мира у нас нет. Не описать уныло и жутковато — в модерне, размазав все и вся, а схватить четкий образ — уже постмодернистский (пост-исторический, пост-культурный, пост-научный, возможно, и пост-бытийственный), ничего при этом не размазывая (как и не замазывая).

Не революция все-таки была, не переворот и тем более не разворот, как и не… поворот, ибо все это в рамках еще бытия, когда что-то происходит реально и в реальности, т. е. либо нечто в нечто, либо хотя бы ничто в нечто, а здесь как раз произошло либо нечто в ничто, либо совсем уж ничто в ничто. Почему же мы рассуждаем именно так? А посмотрим повнимательнее на август 1991 г., — что, собственно, произошло? Кто знает? Одно, пожалуй, ясно, что что-то экстраординарное, но не в плане там радикальности или быстроты, а в плане непонятности — в нормальных терминах нормального человека.

Произошел какой-то оборот, но не тот оборот, что связан, скажем, с оборотом колеса, а другой, что посерьезнее и потаинственнее, что имеет корреспонденцию с оборотничеством, но, разумеется, не в традиционно мистическом смысле, а в смысле какого-то сверхполного и сверхизнаночного выверта — наружу, но исподпольно, исчерно. Произошло не опрокидывание даже, а сброс, выброс, некий пад, который не просто падение, а падение в бездну, где все не так, все по-другому, все не по модерну, а как-то иначе, небытийственно. Тут уж не бытие, а небытие, и не в том плане, что тут совсем ничего, а в том, что тут уже что-то, что как бытие не прочитывается и не осознается. Безвременье — оно ведь одновременно

и безбытийность. Что-то есть, но его как бы и нет, поскольку ничего позитивного сказать об этом нельзя. Язык немеет (любой язык). Бытийствуем без бытия, стало быть, — в бездне.

Да, бездна!

Имело место происшествие, явилась странность — и мы оказались в бездне. Что здесь такого уж необычного — по прошествии десятилетия?

Бездна — это не пустота какая-то, и тьма над бездною — вовсе не черная пустота. Бездна — это когда нет устоев, нет законов (и закономерностей), нет какой-либо уважаемой упорядоченности, нет вообще восприятия мира, а мир — не то что бы иллюзия, а нарочито неухватываемая — пляшущая реальность, а следственно, ирреальность. Бездна — это когда все позволено, когда нет ответственности, нет меры, нет ориентира. Нет и культуры, нет слова, нет знания — как самоценностей. Все это вроде бы есть, но лишь как средство для чего-то другого — противоположного. Нет значимости, но зато есть мелькание, суета сует, есть и погибель (всяческая).

Существовать, оказывается, можно и в бездне. Не жить, конечно, а существовать, даже не существовать — это слишком серьезно — от сущего! — а как-то иметься. Для такого времяпрепровождения и слова-то не подобрать. Не мир ведь, а антимир. А что в нем в антимире, поди узнай?..

О чем писал М. Булгаков в своем незабвенном романе? Не об этом ли — о превращении вдруг мира в антимир, бытия — в небытие, стройности — в странность? Не о бездне ли, вдруг разверзшейся, он писал? Не это ли он пророчески предвидел?..

Что же это за срыв такой? Что-то было, что-то понималось, что-то действовало… и вдруг — ничего, точнее, какое-то вывернутое из нечто ничто, какая-то большая несуразица, она же и неизвестность — ибо непрочитываема в нормальном интеллектуальном режиме. Здесь явно потребен какой-то уже постмодерн, столь же неясный, что и сама читаемая им данность.

Неясность на неясность, выверт на выверт, карикатура на карикатуру.

Слишком стройна для странности культура, слишком стройна для нее философия, слишком стройна наука. И нет больше ни того, ни другого, ни третьего, точнее, есть — как атавизм, как ширма, как заблуждение. Свободомыслие теперь, а может, свободоизмыслие, а может, и свободонемыслие. Постмодерн, одним словом — ничего не говорящем в общем-то словом.

Человек вдруг лишился… слова, ибо ни смыслы в словах не держатся, ни обозначить словом нечего, ни само происходящее вокруг в слове не нуждается. Прелюбопытнейшая получается картина, а может,

и не картина вовсе… Доигрались, так сказать… то ли дворник на дворе, то ли корова, то ли чайник, — поди, разберись.

Что же это за срыв?

Решительный такой — бац, и все тут! Сегодня одно, а завтра — совсем другое. Оборот. Что-то подспудное — тогда, в империи, при тоталитаризме, — вдруг повылезло откуда-то и не просто о себе заявило, а перевернуло мир, превратив его одним махом (!) в… антимир.

Выходит, что в человеке и обществе что-то такое уже давно созрело, и лишь удерживалось какими-то имперско-тоталитарными узами.

Мутация уже шла. Человек превращался в другого человека, отношения становились иными, общество потихонечку перелицовывалось.

Укреплялись исподние ценности.

Мы все это замечали, конечно, но не думали, не думали… что в таком масштабе, так глубоко, так серьезно… Книга — и та отброшена, а что говорить о классике, которая вдруг перестала быть таковой в одночасье.

Нет больше классики, нет книги, а если по видимости и есть еще книга, то это уже не книга, а что-то совсем другое — мимолетное, пошлое, карикатурное. А что значит — нет книги? О, очень многое: это значит, что нет культуры, нет цивилизации, нет истории, нет вообще идеального бытия — того самого, что еще бытием называлось, ибо все это, как ни странно, в книге — в Книге Бытия (не в одной лишь Библии), которой, увы, уже нет — как фундаментального качества. Теперь Интернет. Тоже, конечно, здорово, но не книга. Теперь непосредственное общение — не известно кого не известно с кем. А книга — не непосредственное общение, а знаниевое сокровище. Этого-то сокровища теперь нет. Теперь лишь скачивание и закачивание. Может, все это и хорошо, но это другое, совсем другое, а по отношению к старому миру (модерну!) не просто инаковое, а инаково смертельное.

Человек и общество (не весь, конечно, человек и не все общество) смутировали. Сами по себе. Вот что важно. Произошла автомутация.

Разумеется, что-то влияло, что-то споспешествовало, что-то поддаки-вало. Но в основе своей случилась именно автомутация. Явилось поколение (в широком смысле — как насельников определенного времени), которое не захотело жить, что называется, по-старому, т. е. хозяйствовать ради всех и ради будущего, что так упорно держала империя, а захотело жить (жить ли?) по-новому, т. е. «хозяйствовать» ради себя и ради индивида (личности?), как и ради настоящего. Каждый для себя и в настоящем. Вот принцип. Тогда зачем книга, зачем культура, зачем цивилизация? Зачем история — как связь времен, как фактор, как требование? Зачем наука — как знание, как образ жизни, как творчество? Зачем

философия — как мудрость, как мировоззрение, как бремя? Зачем, собственно, и хозяйство — как созидание, как целостность, как всеобщность, как процесс, как жизнь?..

В самом деле, зачем? И вот, оказывается, что все это не нужно, по крайней мере, в стиле устаревшего модерна. Мутанту мутантово.

Возможно, получилось и так, что не захотел мутант всего лишь старой формы, а в итоге отбросил не только форму, но и содержание с сущностью (а зачем, скажите, мутанту, все эти формы, содержания, сущности?..). В общем, новый образ (образ ли?) бытия (бытия ли?) сопроводился исключением всего ненужного, а этим ненужным оказалось фактически все наполнение жизни. Отсюда и оборот.

Автомутация. Что это и откуда это?..

А все оттуда же — от человека, от его природы. Не выдержал человек, не выдержала его природа. Не смог он не только на высоте удержаться, а даже на подобии высоты. Сначала от Бога отпрянул, потом и от человека. Да, человек не дотянулся и до человека — того самого, что на бунт с Богом пошел. Бунтанул, и вместо величия — ниц.

Не выдержал человек и человеческого, не то что Божьего, побрыкался-он-побрыкался и сдался… перед… нет, нет, это-то само собой разумеется, а… перед… самим собою — ниже себя пошел. От Священного Писания убежал, от философии убежал, от науки бежит… а вот от себя удрать так и не удается. Вот и пришлось выпустить на свет задавленное, темное, пошленькое, да и выставить — как новость, как открытие, как вершину, а вместе с этим и с миром посчитаться: слить все ненужное и залить все нужное, совершив тем самым постмодерновый переворот.

Где-то, может, и переворот, а у нас — в России — оборот, тоже постмодерновый, но по-своему постмодерновый. У нас ведь прыжок в бездну не просто из империи и из тоталитаризма, а еще и из социализма, из советизма, т. е. из попытки, из эксперимента, из натяжения.

Вот почему и негативистская мутация оказалась сильнее (диссидентство — не шутка), и прыжок подальше. Наш мутант оказался всех мутантнее и резвее — всех на свете. Никакого снисхождения к прошлому, никакого модерна. Никакой тебе книгоразмыслительной культуры. Все, хватит! Теперь только компьютер и английский, ну еще имидж. И потребление, много потребления.

Вот и все хозяйство. В том смысле, что хозяйствовать в стране и для страны — глупо, наивно, даже противно. Не хватает еще хозяйствовать (и трудиться!) для будущих поколений. Мутантство и есть, кстати, то одно из «будущих поколений», ради которых и трудились, надо полагать, предшествующие поколения. Теперь черед за ним. Не производство его волнует, а потребление, не вложение, а присвоение, не созидание,

а пожирание. Отбросить все ненужное (оборонку, космос, машиностроение, электронику…), оставить только нужное, то, что жить позволяет, на что можно товаров всяких наменять — из-за границы. И жить, жить по-человечески, как люди — с машинами, с техникой, с собаками, в общем, уже и не модерново, а постмодерново — с дисками, триллерами, детективами… и ездить, ездить… смотреть, отдыхать, наслаждаться… но, разумеется, и работать, но на себя, на себя, много работать, в бизнесе, с деньгами и ради денег, сутками… чтобы потреблять и потреблять… блага, воздух, солнце, зрелища, ландшафты, города, моду, звезд, самолеты, банкеты, рестораны, женщин, мужчин, вино, пиво, водку, шоколад, наркотики… О, как много всего можно и нужно потреблять, о, как нужно работать, о, как много потребно денег! Вот она, жизнь!

Жизнь смутировавшего человека, жизнь смутировавшего общества, жизнь смутировавшего хозяйства.

Что же это за хозяйство такое? Наше хозяйство — в России, возникшее вследствие мутационного оборота? Своеобразное, мягко говоря, хозяйство — проедательное. Хозяйство-наоборот или наоборот-хозяйство, которое подчинено присвоению и потреблению, причем паразитарного по преимуществу свойства, и настолько сильно, что и производство, и инфраструктура оказываются в положении эксплуатируемых, что, конечно, не новость для человечества, а новостью здесь является сам характер эксплуатации — пожирательный. Не просто эксплуатация, а пожирательная эксплуатация. Где обновление, где инвестиции, где занятость, где творчество, где целостность, где самостоятельность? Ничего такого в основе нет. Хозяйство с явными признаками антихозяйства, и весьма, надо заметить, устойчивыми.

Была ли реформа? Может, и была, хотя, наверное, было скорее мутирование, чем реформа. С какой целью? Нет, не ради перехода к более эффективному и радостному хозяйству, нет. Теперь это уже все знают. И вообще, хозяйственная реформа проводилась не ради хозяйства, как и не ради общества в целом. Она проводилась ради подчинения хозяйства, а потому и мутационно. Смутировали в антихозяйство, а соответственно — в бездну. Нет, не в рынок вляпались, хотя и в рынок тоже, но не это главное, — вляпались в мировую экономическую бездну, уже постмодерновую, т. е. в финансомику, а за предательство и продажу получили возможность, во-первых, паразитировать на природном и созданном богатстве, его проедать; во-вторых, культивировать паразитическое хозяйство; в-третьих, держать весьма солидный паразитарный, хотя и чрезвычайно активный и «работоспособный», слой; в-четвертых, кормить заграничного паразита. Внутренний паразитизм подпал (не мог не подпасть) под паразитизм внешний. Став паразитом, не надейся уйти

от паразита. Чего-чего, а паразит на паразита всегда найдется. Вот и антихозяйствуй, коли хозяйствовать не хочешь!

Реформа прошла настолько невнятно, тайком и лживо, настолько мутационно, что, во-первых, никто из наивных даже и не заметил что и когда произошло (случилось, и все тут), а во-вторых, не находится слов, чтобы эту реформу как-то книжно-культурно выразить: вместо той же приватизации сразу лезет, к примеру, какая-то грубая и постмодерновая прихватизация, если не вообще грабеж… причем ведь грабеж же, не так ли: имеет место той же постмодерновой ваучеризации хочется употребить слово мошенничество (как самое мягкое) и т. д. и т. п. Все это хорошо знают, однако… однако все идет своим постмодерновым, т. е. Бог знает каким, чередом. Интересно, каким словом заменить, к примеру, модерновую «цивилизацию», если не постмодерновым «криминализмом»? Была «цивильность», теперь «кримильность». И ничего, живем. Было хозяйство, теперь антихозяйство. Ну и что?

В самом деле, ну и что?

Жизнь-то продолжается. Правильно, продолжается. Но какая? И это важно уяснить. Будем и дальше грабить страну, насиловать людей и природу, поощрять беспредел, коррупцию и криминал, терпеть каких-то вдруг возникших откуда-то олигархов, выращивать супербогатых, удерживать супербедных, восхищаться нетворческой занятостью, наслаждаться незанятостью, сворачивать науку, оглуплять образование, искажать историю, обезображивать культуру, теснить философию, слушаться СМИ, утрачивать язык, смеяться над моралью, неуемно пить пиво и т. д., или все-таки… все-таки, а что все-таки, разве это кому-нибудь надо? Что ж, и это понять неплохо, понять, что не надо. Любопытно, многие все видят, но менять ничего не хотят. Молодые, правда, меньше видят — сравнивать не с чем, но тоже порой видят, но тоже менять не хотят, как и не знают, на что, собственно, менять. Понимаем, что в помойке, а вылезать не хочется. Бездна держит и держать умеет. Ведь чтобы что-нибудь такое захотеть, надо возвыситься — над собой, а как тут возвысишься, коли только-только свалился — и с желанием. А желание свалиться и желание подняться — разные, слишком разные, вещи. И ничто пока не свидетельствует о наступлении желания возвыситься, ничто. Сидеть нам пока в бездне, сидеть.

А прикрытие идейное всегда найдется: тут тебе и экономикс, и «общечеловеческие ценности», и «общемировые процессы», и постмодерн, не говоря уже о свободе, «правах человека» и демократии.

Истина.

Истина умерла. В ней более никто не нуждается, и с повестки дня она просто снята. Никто более не обязан ее искать, а тем более ей следо-

вать. Что сказал сходу, то и истина, что полезно — истина, что сработало — тоже истина, а уж если что победило — тем более. Не в истине дело, а в эффекте. Что эффективно, то и истинно. Истина просто эффективная ложь.

Почему же все-таки бездна, а не, скажем, кризис, а если и кризис, то не какой-нибудь, а апокалиптический?

Кризис, каким мы привыкли его видеть, это некое временное нарушение, искажение, даже потрясение, в некотором роде и смута (в русском понимании). Разумеется, все это есть сейчас в России, а потому есть и кризис. Однако в России происходит что-то более серьезное и масштабное, чем кризис. Происходит переход на иную ступень бытия, конечно же, нижнюю. Ни Бог, ни природа для современного человека не критерий: от таких критериев человек давно отказался; но человек отказывается и от собственно человеческого критерия: человек как идеал — уже не идеал; человек ныне приковывает себя к другим критериям — пользы, эффекта, технологии, новизны, т. е. к критериям, исходящим от удовлетворяющего человека вещественного (не обязательно чисто материального) или материального (не обязательно чисто вещественного) окружения, однако искусственного или неприродного, по преимуществу, происхождения. Созидаемое человеком «вне» и является для него основным критерием бытия. Современный человек — не дикарь и не язычник вовсе (по принятой не слишком удачной терминологии), не человек от Бога или, проще сказать, не религиозный человек, но уже и не ренессансный человек (не человек-гуманист); это какой-то совсем другой человек, для которого всего лучше подходит жаргонное словечко отвязанный — от природы, от Бога, от человека. Отвязавшись от природы, Бога и человека, человек был вынужден привязаться к им же созданной вещи — к искусственному или неприродному миру (вместе с такими же идеями).

Вместо натурального человека (человека-натуры), религиозного челвека (человека-духа) и гуманистического человека (человека-идеи) мир получил и получает под влиянием прогресса овеществленного человека или человека-вещь. Круг замкнулся — уйдя от природы, человек пришел к неприроде, но в ней же и погряз, растеряв не только природное и божественное, но даже и человеческое. И это не кризис, и которого просматривается выход, не болезнь, которая так или иначе излечима, тем более не недомогание — это, по сути, катастрофа, которую очень и очень не хочется признавать.

Ладно, пусть не катастрофа. Но ведь мутация. Качественный скачок, а лучше сказать, — соскок, — кажется, что вверх, а на самом деле ниц. Явился и является другой человек (и человек ли?). Все это надо обмыслить — серьезно и мужественно (это в эпоху-то карнавалов, игр,

насмешек, развлечений, кривляний, искажений, супердинамической суеты, пустой активности, мнимой занятости, тотальной лжи!..).

Не надо тешить себя иллюзиями. Мутация имеет место, и она, если можно так выразиться, глубже кризиса, а соответственно и дальнобойнее. Мутация бьет сильнее и дальше. Она не просто изменяет бытие, а переводит бытие в иное бытие, что, согласимся, совсем не одно и то же. И, к сожалению, переводит в более низкое бытие, если не в антибытие. Прогресс прогрессом, а ниц — это ниц.

Но ведь низость человека — не сегодняшнего происхождения.

Верно. И даже очень древнего. Однако вряд ли когда-либо перед низостью преклонялись как перед святыней, да еще и в таком — всемирном — масштабе. Дело не в том, что Россия сегодня ужасна, или в России сегодня отвратительно, нет, не в том, а совсем в другом — вряд ли когда-либо цинизм и ложь столь ценились и столь массово им следовали, как и вряд ли они приносили столь великое и масштабное удовлетворение, как и имели когда-либо такое последовательное оправдание. Мир, как известно, давно в грехе, но именно как мир с грехом, когда есть и само понятие греха, его осознание, как и его осуждение, и попытка от него избавиться, хотя бы как-то сдержать. Грех — не вообще грех, а что-то, осознаваемое как грех — по моральному критерию. А что сейчас? Сейчас мир без греха, но не в том смысле, что мир избавился от греха, а в том смысле, что мир отказался от понятия греха — греха просто больше нет. Залезай в телевизор и ври сколько хочешь: это будет называться всего лишь какой-нибудь PR-технологией (не ложью, а «пиаром»), и никто, собственно, за это не осудит, не назовет это грехом, не призовет к раскаянию. Вот ситуация: не мир теперь перед нами, а бездна. А все идеальное, чем напичкан человек (человек ли?) — та самая тьма, что над бездною.

Вот и выходит — тьма над бездною!

А нам возразят, вызывающе, что не страшно. Что ж, и не должно быть страшно, ибо страх улетучился вместе с грехом. Теперь живем без страха — идеального страха, а соответственно, не живем, а имеемся. Каждый сам себе голова, что совсем и не плохо, а вот плохо то, что голова эта без души, а душа, если и осталась, без Духа, который достучаться до остаточной души уже не может. Нечего тут делать Духу, — хотя он и, ох, как нужен, ибо как без Духа вырваться из бездны, но пока бытие человеческое не в Его пользу.

Что же делать? А делать-то практически нечего. Тут если что и делать, то не столько практически, сколько трансцендентно. Надо как-то работать над собой, себя самого за волосы из трясины вытаскивать: преображаться. А как это совершить, если все вокруг тянет вниз, если бездна цепка и склизка, если душа истончилась, если на подвиг сил уже нет. На сдвиг — вниз — есть, а на подвиг — вверх — нет.

Правительство. А что правительство? Разве не впереди оно было — на пути в бездну, разве не оно практически устроило антихозяйство, разве не оно опрокинуло достоинство и возвысило мерзость?.. И даже если правительство вдруг окажется хорошим? Кругом ведь тупики. Мало того, не просматривается, на что и на кого опереться. Вот почему и не кризис у нас вовсе, а срыв в бездну, апокалиптический срыв, от которого нельзя просто так оправиться, да при этом и оправляться-то некому, никто того особенно и не хочет.

Выходит, что сначала захотеть должны — внизу, вверху, повсюду.

Достаточно многие и достаточно сильно. И захотеть, видно, придется через какую-то еще катастрофу, или лучше сказать, в катастрофе (катастрофа на катастрофу, катастрофа против катастрофы — клин клином вышибается). Катастрофа и должна сыграть роль великого обстоятельства, после которого уже никуда — только вверх.

Заметим, что у М. Булгакова Москва избавлялась от наваждения и команды Воланда через огонь — в пожаре, причем в пожаре, «случившемся» по желанию того же Воланда. Любопытно все это, любопытно. На носу ведь 2001 год — год, стоящий в цепи с другими судьбоносными для России годами — 1905, 1917, 1929, 1941, 1953, 1965, 1989…

Невысокого мы мнения о сегодняшнем человеке, невысокого. А что поделаешь? И не критика здесь заядлая, тем более не очернительство. Это всего лишь констатация. Тут мы ожидаем возражения: не все же люди плохие, не все же так отвратительно, не бесконечно же это будет продолжаться, выход все равно найдется, нельзя не верить в человека и т. п. Разумеется, люди разные, да и вовсе не плохие, ситуации разные, далеко не отвратительные, выходы опять же разные могут случиться, когда-нибудь и конец всему этому придет, и в человека даже можно верить… Никто не собирается вступать по этим поводам в спор. Он и совершенно бессмыслен. Если хочется нам возразить, то не указанием же на то, что-де что-то есть, что-то может быть, во что-то надо верить и т. п., а утверждением, что мир в целом сегодня совсем не такие, как это нам кажется, и человек современный тоже совсем другой, не такой, каким мы его привыкли видеть. Только утверждение это должно быть аргументированным, т. е. абсолютно доказанным. Нам представляется, что человечество вступает в новую эпоху — эпоху овеществленного человека, человека-вещи, человека-устройства (своеобразного чиповея), лишенного чувства греха, совести, страха, правды, а потому, по-видимому, человечество вступает в последнюю эпоху — закатную, возможно, что и в предрассветную, но верится в это, надо заметить, с трудом.

А что Россия? Россия, конечно, пала, но не совсем и, наверное, не вся — жизнь в ней еще теплится, чему свидетельством и являются столь жесткие оценки происходящего, которые и мы себе позволяем.

В России — борьба. России тяжело, но у нее есть шанс на будущее, но уже не в современном мире, а в каком-то другом, еще даже никак и не осмысленном.

Да будет!

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики)». В 2 т. Т. 1. М., Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000.

2001 г.

СРЕДИ НАС, В НАС ВЫШЕ НАС... МЕРЦАЮЩИЕ КОНТУРЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Может ли современный человек обойтись без государства? Не будем наивными — не может! Может ли российский человек обойтись без сильного государства? Не будем простодушными — не может! Можно ли приветствовать разрушение государства в России? Не будем глупыми — нельзя!

Можно быть недовольным государством, но без государства нельзя. В том числе и в экономике с ее деньгами, капиталами и финансами, как и вообще в хозяйственной жизни. Ни общества, ни экономики, ни человека без государства нет и, не побоимся такого заявления, быть не может, как бы нас не уверяли в обратном любители анархизма, марксизма (вспомним известный тезис об отмирании государства), либерализма, глобализма или еще какого-нибудь не столь примечательного «изма».

Да, государство бывает (во многом просто и есть) нехорошим и даже плохим. Оно может показаться и средоточием зла, как и не только показаться, но и быть таковым. Но, во-первых, государство — это в любом случае то или иное принуждение, во-вторых, государству (как аппарату) приходится заниматься отнюдь не радостными делами, скорее, наоборот. Любить государство трудно, если вообще не за что, но признавать, а порой и уважать, все-таки есть за что. Без государства нельзя — и надо иметь в виду, что государство делается людьми (хотя есть и обратная связь), а уж какие бывают люди, таковым бывает и государство.

Можно даже согласиться, что государство в своей большей части — зло, но это явно неизбежное зло, в чем-то важном и благодетельное (врач ведь тоже по-своему зло, но никто заведомо врача к злу как будто бы не относит). Государство надо признавать, надо терпеть, ему

надо и споспешествовать. Неприятно, быть может, но нужно. Ничего другого, кроме государства, человек ведь, кажется, не придумал и фактически не создал!

УСТОИТ ЛИ ГОСУДАРСТВО?

Впрочем, на государство, во всяком случае, на так называемые национальные государства, идет упорная атака — не сегодняшнего, заметим, дня. Государства (или царства!) не только самостоятельно гниют, надо полагать, со всеми своими обществами и человеками, но и разрушаются — подчас вполне осознанно, хотя при этом и самому последнему бомжу бывает ясно, что без государства нельзя — если, конечно, желать оставаться человеком и человеческим обществом. Заметим, что на месте и вместо рухнувших государств возникают непременно другие государства!

И однако!

Однако против национальных государств и вообще государства ведется борьба. Без устали! Что это? Помешательство? Ладно бы против «плохих» государств, ладно даже против пусть и хороших, но кому-то сильно мешающих государств, а то ведь и против государства вообще, — вот что происходит.

Насчет безгосударственности как таковой мы особенно распространяться не будем: пусть антигосударственники сами и попробуют обойтись без государства хотя бы день, хотя бы час. Ничего не получится! Знают ли об этом антигосударственники? Знают, конечно, и тем не менее упорно выступают против государственности. Стало быть, что-то имеют в виду, по-видимому, не снятие вообще принудительной организации общества и человека, а замену ее нет, не на свободную организацию, как мечтают разные интеллектуалы разных времен и народов (некая мировая интеллигенция; вряд ли стоит считать, что интеллигенция только у нас, в России, она повсюду, хотя и по-разному бывает выражена и выражается), а на другую принудительную организацию, почему-то и не государственную, может, не совсем государственную или почти государственную. Это уже интереснее! Здесь чувствуется предмет для разговора. Тут, может, и утопия, но без характерного для интеллигенции прекраснодушия. Тут уже весьма холодный расчет.

О, неважно чей, а важно какой, ради чего, с какой стати? Это важно. Речь может идти о принудительной, но не государственной, организации. И чтобы что-то себе уяснить, надо, по-видимому, задуматься сначала над тем, что есть именно государственная принудительная организация. По этому поводу можно бесконечно говорить, но не проще ли ухватиться сразу же за главное — государственная при-

нудительная организация отличается существенной (т. е. не только функциональной) открытостью, а также достаточно ясными пространственными очертаниями. Государство хоть и скрыто в чем-то, но в принципе оно не скрывается, наоборот, главным условием его существования является как раз гласность бытия (не функционирования, конечно, хотя и функционирования тоже, а именно бытия). Государство всегда здесь, на виду, с нами (хотя и там, в тени, без нас). Оно и всегда в границах: есть одно государство, на одной территории, а есть другое, на другой территории. Государство — явленность, но не просто в аспекте явления вообще, а в аспекте необходимого для своего бытия и бытия общества легального присутствия. Отсюда и возможность открытой значимости государства, и необходимость его открытого же учета людьми (гражданами, подданными; принадлежащими, образующими). Отсюда и возможность уважения государства, как и возможность к нему заслуженного презрения. Хорошо — уважаем, плохо — презираем. Все более или менее ясно: знаем, кого и за что уважаем, знаем, кого и за что презираем. Мало того, знаем, кому и зачем служим, от кого и почему бегаем, к кому и зачем прислоняемся, от кого и почему отшатываемся. Государство может быть сакрализовано, ибо открыто и значимо, пусть и не совсем по делу. Государство над нами, но и в нас; оно рядом, а иной раз и впереди, хотя, порой, и сзади. Государство — необходимое, явное, полезное и в целом понятное образование…

Какой же тогда может быть негосударственная принудительная организация? Заметим, что сам по себе феномен негосударственной принудительной организации не только может быть, но и есть. Повсюду и всегда. Речь идет об образованиях мафиозного, криминального, сообщнического, паразитного и, если угодно, заговорческого типа. Принципиально тайных, т. е. самых что ни на есть отрицательно трансцендентных.

Любое разрушение государственной организации немедленно восполняется организацией негосударственной, тоже принудительной, но иначе не просто даже тайной, ибо совсем-то она скрыться не может, не просто даже тайно осуществляемой, ибо совсем незаметной в реальных деяниях она быть не может, а организацией, у которой нет легальной целостности, замкнутости на саму себя, некой закольцованности, т. е. организации без начала и без конца, у которой нет явных мотивов, для которой более всего характерна неизвестность, а лучше сказать, неосведомленность, незнание, неосознание. Что-то управляет, а что — неизвестно. Феномен тайного управления. Нелегальная принудительная организация. Организация без границ, без ясно обозначенной территории, без четко определенного пространства.

Феномен сей хорошо известен. В нем нет ничего нового. Новое

в другом — в возможности и стремлении перехода к большой негосударственной принудительной организации, не сидящей уже где-то под государством или даже в государстве, а действующей уже вместо государства, во всяком случае, при незначительности, вторичности, подчиненности государственной организации.

Государство, выходит, может послужить и негосударственной принудительной организации; может и место ей уступить; может и оборотниться (от оборотничества). Всякое в жизни бывает. Было-было государство, вдруг, бац и нет его! Нет, и все тут. То есть оно, конечно, есть, но наряду с ним и в нем самом, как и вместо него прекрасно чувствует себя и некая негосударственность. А если этой негосударственности (необязательно бандитской, можно, к примеру, и аристократической, и банкирской, и журналистской и еще какой-нибудь, тоже вполне цивилизованной) по-настоящему поднабраться силы, да свободу действий заполучить, да технологии всякие эффективно заиметь, в том числе и шизофренического свойства, то почему бы тогда не возникнуть большой (именно большой!) негосударственной принудительной организации, способной отодвинуть на задний, второстепенный, в некотором роде и призрачный, план организацию государственную, сделав ее обслуживающей, камуфляжной, так сказать ложно-государственной, фиктивной, фальшивой, однако, и по-своему действенной — для решения задач, ей поставленных.

И мировой масштаб уже покоряется, и глобализация активно развивается, и человеки передовые уже почувствовали себя гражданами мира, и тесны им уже государственные рамки, и стесняются они уже своих национальностей, и без постылой государственности пожить им хочется (без границ, паспортов, виз, правда, с номерами и карточками, но все равно — на свободе, в планетарном пространстве, т. е. везде и всегда, а не здесь и сейчас).

Большая негосударственная организация вовсе не за горами, она уже тут, над нами и в нас, она активна, она атакует, да, да, именно так: она атакует государственную организацию, она атакует национальные государства, она атакует нас, делая из нас, скажем мягко, негосударственных, ненациональных, непочвенных людей.

Уход государств и государства вообще — не шутки! Разумеется, государства остаются, но вот государства ли? Государство может уйти, оставшись, как может и остаться, уйдя. Присутствие чего-то такого, что мы по привычке называем государством, вовсе не значит, что это такое и есть то, о чем мы так охотно думаем. Государство есть, но его и нет. Овца — не государство. Знак и смысл — не одно и то же. Государство уходит из государства. Тут уже что-то другое и настолько отвратительное!..

ФАНТАЗИИ И РЕАЛЬНОСТИ

Наша задача — осмыслить факт ухода государства вообще, его какого-то растворения, как и факт исчезновения, пусть и неполного, национальных государств, во всяком случае, их известной, с одной стороны, денационализации, а с другой — их явного ослабления перед лицом какой-то общемировой надгосударственной силы, и равным образом, осмыслить факт замещения государственности негосударственностью — и вовсе, надо заметить, не по проектам анархистов, социалистов, либералистов и прочих «истов». Здесь работает какая-то тайная (лишь приоткрытая в лучшем случае) «энергия силы» (от некой скрытой и не такой уж цивилизованной элиты, а лучше сказать, антиэлиты), прекрасно себя чувствующая в среде, не менее тайной (в аспекте знакомства), «энергии бессилия» (так называемых масс, населения, электората и т. п.). Указанная тенденция выдавливания и замещения сегодня уже почти очевидна, имеет, если и не явно глобальный, то в некотором роде мировой характер. Это важно иметь в виду: Нобелевские премии мира, к примеру, вручаются именно тем, кто этой тенденции более всего способствует, а мировая интеллигенция вовсю спешит оправдать уже свершившееся великое ослабление государств (царств) и наступление эпохи мира, свободы и планетарности (посредством, разумеется, и «последних», т. е. совсем уже окончательных, после которых лишь одна всемирная тишина и всеобщее братство, бомбежек Ирака, Югославии, ну и там еще каких-нибудь Палестины, Приднестровья, Абхазии может, и Белоруссии, Крыма да мало кого еще той же Северной Кореи, Кубы или Малайзии). Вообще было бы, наверное, по-настоящему хорошо, если бы национальные государства вдруг превратились разом в неких Субъектов Всемирной Федерации, а еще лучше в Провинции Земли, естественно, находящихся под общим всемирным управлением, а каким — не так уж и важно (какая разница, кем или чем будет это управление формально представлено?).

Фантазии. Разумеется. Но фантазии, за которыми просматриваются кое-какие реальности — мерцающие реальности (обратим внимание: не фантазии у нас мерцают, а реальности!).

КОНТУРЫ

Такова — конечно же, на наш вовсе и не убедительный взгляд, — историческая (а может, и над-историческая) ситуация, по причине и посредством которой мерцают во тьме (той самой, что над пропастью) контуры российской государственности. Мерцают всяко: как уходящие в прошлое (где ты, СССР?), как шевелящиеся в настоящем (недобитые или недостертые), так и выплывающие робко из будущего (все еще возможные). Россия ныне — поле тайного сражения, на котором фронтально сошлись государственность и негосударственность, цивилизованность и

криминальность, порядковость и хаосность, реальность и виртуальность, почвенность и глобализованность, истинность и ложность, содержательность и формальность, насыщенность и призрачность. Все сегодня здесь — в России, и все воюет, конечно, по-своему и с разной энергической сосредоточенностью, с разными приемами и ухватками, но исторически проблемно, жестко и трагедийно. Хотя на поверхности и довольно тихо, не везде, конечно, но в целом как-то и незаметно. Что ж, судьбоносное свершается совсем не обязательно с грохотом и воем, оно способно и на негромкие жесты. Слышащий да услышит!

Надо ли доказывать, что государство уходит как-то в России и куда-то из России? Как в свое никуда, так и не в свое туда — во вне, чтобы либо не вернуться вовсе, либо вернуться, но уже не-государством, а так себе: субъектом федерации, провинцией, в общем, пустышкой. Обидно? Кому обидно, а кому и радость! Расправа-то идет с «империей зла», с «тоталитаризмом», с «фашизмом», наконец. А заодно и с «социализмом», с «красными», с «русскими». Чего жалеть-то? Разваливается колосс на глиняных ногах, так ему, собственно, и надо!

И однако! России без российского же государства нельзя. Именно без государства и именно российского! Россия, значит, против потока. Стоять приходится. Бороться. И думать. По поводу своего государства и государственности вообще. Сдаться? Распасться, размазаться, перестать быть? В придаток, на задний двор, в сточную канаву? Или к возрождению, вверх, к самодостаточной субъектности?..

Ну и вопросы! Их далеко не все себе задают, еще меньше хотят получить на них ответ, и еще меньше желают что-нибудь сделать — в направлении возрождения, а лучше сказать — зарождения новой российской государственности.

Да, государственности, и несомненно новой!

Какой же? А кто ж это знает? Сначала надо хотя бы чего-либо очень захотеть. Само собой такое не возникает. Здесь воля нужна. Воля! Среди воли к разрушению и воли к безволию. Убедить тут никого нельзя, хотя призвать и можно. Чувствующего. Много ли таких? Немного, но и немало. Жизнь подталкивает, заставляет. Сколько уже потрясений, событий. Сколько знамений! И все за государственность.

Есть ли шанс? Есть. Лишь опомниться надо, от бездны отпрянуть, опасность грозную почуять.

И какая же сила должна эту самую волю проявить? Разная, но прежде всего та самая, что наверху, ибо стыдно ей объектом управления быть, прислуживать, а может, и не стыдно вовсе, но очень уж нехорошо, гадко, совсем как-то и невыигрышно. Что ж, с поражением-то, гнусно навязанным, смириться? Почему же от полета отказываться, лишь ползая униженно и неоскорбленно?

Хотим мы того или нет, но есть он — интерес, интерес к самостоятельности и к собственной динамике, к возвышению, к субъектности, к истории. Есть! И не может не быть. Реализовать надо — вопреки противному хору. Как? Смело и осмотрительно. Действуя!

Нельзя, совсем нельзя впадать в прелесть негосударственности. Не нужна Россия ни мировая, ни собственная негосударственность — бурно, однако, расцветшая восковыми цветами в завершение XX века, под сенью так называемых либеральных реформ. Не нужна! России нужна именно государственность — принудительная, разумеется, но открытая и действующая в интересах общества и человека организация. Социальная, народная, гражданская — неважно, точнее, не суть важно, главное — благодатная! Для чего же тогда такую катастрофу переживать, такое унижение и такой позор, такое сражение — не для благодати ли?

Мерцающие контуры российской государственности. Очень, конечно, хочется эти контуры различить и ясно обозначить. Хотим порядка, свободы, безопасности, воли (как решимости и напористости), закона, совести, справедливости, да мало ли еще чего мы хотим. И это вполне объяснимо. Человек российский желает нормальной жизни — с трудом, занятостью, достатком, миром, благополучием. Это понятно, хотя гораздо менее понятно иное — человек российский упорно всего этого и не хочет, всячески этому сопротивляясь, его, собственно, и разрушая, как разрушая — разными способами — и самого себя.

Кризис. Причем апокалиптического свойства. В кризисном состоянии наш человек — и все равно какой: что бомж, что бизнесмен, что ученый, что политик. Омерзели мы, сильно омерзели. От добра отшатнулись — как завороженные. Во зле сидим. Не в героическом мы вовсе прорыве, а в обиходном вертепе — плоском и вязком.

Вот и выходит, что ничего другого не остается, как волевым образом и поступить, — тем, у кого воля к государственности не иссякла, даже как-то и возгорается. И не идеальное (в смысле какой-то совершенности или правильности) государство нам придется строить, а реальное, а лучше сказать, реально возможное. Однако новое!

А что значит новое? Ну хотя бы не повторяющее старые образы, уже ушедшие. В то же время и не выдуманное. Тут, конечно, мудрость нужна и любовь — к России! Будет любовь, будет мудрость, будет и строительство нового государства. Не по плану, быть может, но с планом, не по проекту строгому, но с осознанным замыслом.

ПАРАМЕТРЫ

Помимо красивых общих слов нужны и какие-то простые параметровые слова, может, и не слишком красивые. С какими же главными параметрами может возникнуть в России новая государственность?

И вот что интересно: на ум приходит все время одно и то же. И что же? Неловко как-то и сказать: на ум приходит не что иное, как имперские параметры. Нет, конечно, не восточных деспотий, не колониальных монстров, не императорских созданий, тем более уж не германских фантасмагорий, как, собственно, и не бывших уже в России нагромождений. Не об этом может идти речь — здесь и сейчас! Во-первых, об империи без императора-самодержца; во-вторых, об империи лишь как особом устройстве государства — как бы льющемся сверху; в-третьих, об империи, обращенной вовнутрь — в нацию; в-четвертых, об империи, не подавляющей ни общества в целом, ни отдельного народа, ни коллектива, ни личности, наоборот, их всех возвышающей.

Ясно, все уже ясно — продолжать не стоит: и ретроградно, и утопично, и безумно! О какой еще империи можно говорить, когда она только что, на наших глазах, разваливалась, да и не надоело ли все в империях сидеть, дисциплине неизвестно зачем подчиняться, в армии непременно служить, трудиться, можно сказать, подневольно, слова лишнего не вымолвить?.. Не хватает нам еще раз империи! Все, империи нет, она не нужна и быть ее не может!..

И все-таки. Тут потребно хладнокровие, однако с сердцем сопряженное. Возможно ли в нынешней России, находящейся в состоянии опаснейшей разгосударствленности и под давлением наступающей активно внутренней и внешней негосударственности, что-либо более естественное, достойное и эффективное, чем империя?

Имперскость в России — не случайность, не наносность, не чья-либо прихоть. Она непроизвольна, хотя и грешит произволом. Она закономерна. Тут тебе и седая гиперборейность, и незабываемая монгольщина, и неуютная евразийность, и угрюмое дыхание угроз, особенно внешних. Россия — страна мобилизационного напряжения. Здесь ни благоденствия, ни курорта, ни легкости. Тут больше всего труда, стойкости, страдания. Холодно, — а как на пожаре; жарко, — а как на морозе. Россия без мобилизационного напряжения — бездна. Каркас в России — больше, чем каркас. Это жизнь. Трудно тут с полицией, а без полиции еще хуже. Имперскость — не выдумка.

А США разве не империя? А Германия? А Великобритания, а Франция? А Япония? А Китай?.. Да что говорить: имперскость — явление повсеместное, хотя и вовсе не обязательно, что империи должны быть везде и всюду. А вот великие державы — сплошь империи, разумеется, разные, может, сегодня и не поодиночке, а скопом — семеркой. А НАТО, а ЕС, а ООН? Что это? А МВФ? О, возразят нам, так можно и ФИФА за империю принять. И примем, если немножко подумаем. Так вот ООН для нас сегодня — организация вполне империальная, конечно, со своеобразием, ибо никто из так называемых ее независимых членов

ничему там давно не возражает (за редким исключением).

А глобализм пресловутый разве не имеет империальных черт? А мировой финансизм? А транснациональный капитал? А всякие там СМИ? Повсюду империальность, везде империи, отовсюду так и лезет самый грубый и пошлый империализм.

И почему же России не быть империей, с ее-то отчаянной спецификой? Быть, именно быть. Имперскость в России вынуждена. Факт. И эту вынужденность надо спокойно и достойно воспринимать, не давая имперскости вырождаться в империализм. Страшна не империя, страшна ее реализация. И демократия ведь страшна, коли нет ее человечной реализации. Имперскость необходима, чтобы не самоустраниться и не быть раздавленным.

Империя, пожалуй, более принудительна, чем демократия, но она и защитить может. Да и принудительность имперская может быть разной. Это уже от людей имперских, ее составляющих и ей служащих, зависит. И коли «принуд» велик, то на это бывает своя обусловленность. Не империи тут надо бояться, а самих себя, империю, кстати, и разрушивших.

Империю нелегко переносить, особенно если она решает великие задачи, да еще и не лучшим материалом людским располагает. Империя — тягость. А потому в ней всегда антиимперские энергии накапливаются, могущие не только ей угрожать, но и время от времени потрясать, а порою и сбрасывать. Трудно империю на себе держать, как и не просто в ней быть. К тому же и «принуд» имперский бывает чрезмерным и непереносимым. Крепки империи, но и уязвимы — как в верхах, так и в низах. Внизу усталость и раздражение, вверху — немощь, дурость и измена. Империи рушатся. Но и восстают, если на то бывает необходимость.

Как раз такая необходимость сегодня в России. Насколько необходима империя, настолько необходимо и ее новое качество, и насколько необходима новизна, настолько необходимо учесть уроки прошлого, настоящего и будущего (будущее тоже дает уроки — для умных). Империя не может быть сегодня ни тотальной, ни подавительной, ни неизменной (раз и навсегда данной). Империя не может быть просто охранительной, просто удерживающей. Она не может исходить лишь из служения ей, как не может довольствоваться лишь ее служением всем. Империя должна быть целостно деятельной.

Речь так или иначе идет о некой мобильной империи, способной не мешать изменениям и самой изменяться. Нет, мы не желаем никакой идеальной империи (в аспекте совершенности), но мы не можем не желать необходимой сегодня и, особенно, завтра жизнеутверждающей гибкости. Не сковывающая все и вся, не закрытая от внешнего мира, не боящаяся всего и вся, не агрессивная вовне, не кичащаяся собой, но вполне

ответственная и созидательная альтернативная империя, — если так можно выразиться (империя, заключающая в самой себе альтернативу, некое жизнеутверждающее отрицание).

Может ли империя созидать? Тогда кто же в России что-либо великое созидал, если не империя? Да, конечно, с издержками, громадными и далеко не так уж и оправданными. Тогда вопрос: а что такого великого созидается в нынешней расхлябанной и обезумевшей России при тех невероятных издержках, что она — одурманенная — имеет? Сначала надо бы на этот вопрос ответить, а потом уж и об имперских издержках подумать — отнюдь не таких уж и обязательных, ибо от качества империи они зависят, как и от составляющего империю народа (вместе, разумеется, с элитой).

В стране создалась уникальная ситуация, когда верх и низ могут сойтись в решении насущного и жизненно важного общенационального дела, несмотря на то что каких-нибудь 10—15 лет назад верхи и низы вяло споспешествовали имперскому распаду. Усталость от империи (той империи) прошла, явилось раздражение против антиимперии, продемонстрированной «реформаторами от Запада», возникает стремление к новому государственному строительству, под которым надо понимать не создание лишь новой и огромной полиции (как у Ельцина), а организацию нового общества. Дионисийский сброс империи (результат действия темных инстинктов) должен смениться аполлоническим усилием по возведению империи — в принципиально новом облике (как итог действия уже светлых побуждений). Впереди Россию ожидает имперская демиургия, высвобождаемая, скажем так, административной революцией, таково ее и всей истории трансцендентное ожидание.

«Независимая газета», 2001.

РОССИЯ В НАВИ

I

Никто никогда не знал и не знает, *что* есть Россия. Россия — *загадка*. И все разговоры о России — *разговорные разговоры*, не имеющие ни начала (постановки), ни конца (вывода). Здесь в торжестве *трансценденция* — почти абсолютная!

А говорить о России и хочется, и надо. Не страна это, не государство даже, не цивилизация. Ясно, что это… *мир*, однако не сравнимый даже с миром вообще, т. е. такой мир, который и миром-то назвать нельзя, ибо мир — какой-никакой лад, а какой же лад в России?.. У России — как время-пространственного феномена — нет границ, как нет и структуры: когда и где она, да и что она, Россия?..

Никто ничего не знает, хоть и знатоков много, хоть и громкие они, хоть и звон от них идет великий.

Сфинкс!

Да, сфинкс, однако, не неподвижный. Россия — *текущий мир*. И если что о России сказать определенного, так это как раз то, что она есть течение.

Россия — течение! Чего-то, почему-то, куда-то. Все здесь течет, все изменяется. Непрекращающееся формообразование, когда форма и ее отсутствие вместе.

И разбиваются умы, и печалуются сердца, а ухватиться не за что — нет крепи… Вот как будто бы что-то и возникло. И даже держится не один век, но вдруг… рушится, исчезает, воспроизводясь уже в чем-то другом, не менее *странном*.

Странная страна, страна стороной, сторонняя страна, страна-странница!

Не как у всех, совсем не так, как у всех, совершенно иначе, чем у всех. И нет ее, России, и есть она, Россия, — то ли здесь, то ли там, то ли нигде, то ли повсюду. И всем она не дает покоя, и всех она тревожит, и везде, и всегда!

Не понять ее, Россию, не понять. А вот можно ли в нее верить? То бишь, коли уж верить, то все-таки во что?..

В трансценденцию?

Ничего себе вера!

История. Есть ли история у России? Наверное, есть, но какая? Событийная, деятельская, происшественная? Пожалуй, да, хотя и не вся, не целиком, не от начала, не на всю толщу. А вот есть ли у России *мета*-история, та история, которая уже *за* событиями, *за* делами, *за* происшествиями? Надо полагать, что есть, но вот какая?..

Слаб человек, слаб, что говорить. Не хватает ему ума-разума, чтоб объять необъятное, рассудить все как положено, почуять какую-то логику в нелогичности, а еще лучше — коснуться *транс*-логики, *сверх*-логики, *мета*-логики. Слаб! И признаваться ему в этом не хочется, а признаваться все же приходится. История вроде бы есть. Но какая-то ненакопленная, исчезающая, ненужная. Она ни о чем не говорит, ничему не учит, ничего не подпирает. Да ничего и не требует. То ли была, то ли не была, а если и была, то ведь и убыла. Нет ее, истории. Уплыла — по течению. Канула. Куда? В течение. И не самой себя, что просто, а в течение России, которая, собственно, и есть *течение*. Была Россия, и нет России, нет России, а она есть! Странно все это. Жутко! И весело, но не так, как у всех, а по-другому, совсем не так…

И брюзжим себе понемногу. Кто у нас не брюзжит? А если и не брюзжит, то мечется — то ли в пьяном, то ли в трезвом угаре. Веселимся, брюзжа, и брюзжим, веселясь. А что делать, коли все непонятно, все скоротечно, все страшно…

Бесформица!

Это ученым людям все ясно, они-то уж знают, когда и зачем очередную точку «бифуркации» проходим (в соответствии с-де «бифуркационным циклом»), а что делать людям неученым, для которых эта точка почему-то давно уже в сплошную линию превратилась — *линию жизни*? А может, и не жизни вовсе, а чего-то другого?..

Так куда и зачем (или за чем) идет Россия? Да и Россия ли идет? Как и идет ли она вообще?

Абсурдизм, скажут. Да, ответим мы, абсурдизм, но не наш, не нарочитый. *Такое* ведь не придумаешь, *такое* само творится!

Время — пространство абсурда. Бывает ли оно? Бывает. И ничего тут не поделать. И с абсурдом приходится считаться, и с тайной, как и с нежеланием согласиться на то и на другое сразу. Обидно! Хотелось бы упорядочить все математически, модельку кое-какую сообразить, ячейки в матрице по-умному переставить, а там, глядишь, и прогнозец сам собой выплывает — из структурки-то. Вот радость! А Россия, видишь ли, которая есть, заметим, *течение*, все путает, все перемешивает, все съедает, так сказать, все абсорбирует и абсурдирует, превращая в какое-то ничто: постмодерн, надо полагать, настолько органичен России, что никогда и никуда из нее не выходил, только назывался как-нибудь по-другому, например, бессмыслицей. А что еще ожидать — от *времени-пространства абсурда и тайны*?

Однако живут же люди в таком ничто-мире! Значит, не в одном же только абсурде? Есть в России, наверное, и *анти*-абсурд, что не есть, разумеется, порядок, стиль, норма, хотя и это тоже, но все-таки что-то другое, что до всего этого не дотягивает, но что абсурду сопротивляется,

однако и по-своему… чуть было не сказал… абсурдически, хотя как-то и близко к этому. Абсурдом по абсурду… ради преодоления, — разумеется, не полного, — абсурда. Антиабсурд — это не *не*-абсурд и не *вне*-абсурд, хоть это и не совсем абсурд, это лишь что-то, что позволяет умеривать абсурд и давать ему необходимую жизнестойкость.

Так вот, Россия никуда не идет, так как идти может лишь форма, а формы у России нет, а потому Россия не идет, а *течет*, ибо Россия сама и есть *течение*. То ли пессимистический вывод, то ли, наоборот, оптимистический, — это уж как кому нравится, — во всяком случае, оптимизма тут хватает: неоформленность — залог длинного бытия, хотя и не единственный. Ибо неоформленность эта должна быть особой — абсурдной, т. е. грубо диалектической, а потому и тонко полилектической, т. е. многосмысловой, а отсюда и метасмысловой, такой, что повыше даже с трудом угадываемого смысла, не говоря уже о смысле легко узнаваемом.

Россия — не научный вовсе нечто-мир, здесь познающей науке делать нечего. Никаких тебе закономерностей и никаких случайностей. Умом, т. е. наукой, Россию не понять, ибо здесь напрямую действует *мета*-логика, для которой, что закономерность, что случайность — не более чем ненужные частности. Есть тут что-то, что повыше и подале того, что по просветительской инерции то закономерностью, то случайностью называется, а именно — *ход вещей*, а можно сказать и *Промысел Божий*, а вот мы говорим — *течение*. Течет себе Россия — и все тут!

Куда, зачем?..

Кто ж из ответственных людей осмелится что-либо сказать, — чтоб простаком-то не выглядеть? Потому и молчат — ошарашенные. Что сказать-то? Тем более, что Россия вовсе и не вытекла вся — как текла веками, так и течет. Иное дело, что кто-то или что-то по России плывет, даже как бы и выхлебывая ее, так ведь и захлебывается непременно — никто из плывущих по России долго не выдерживает. Тонет, — не сразу, так потом, а время-пространство для России, что и нет его, оттого и все равно, когда, что и как потонет.

Тянет инфернальная тяжесть России, ох, как тянет — и втягивает, и что любопытно — *всех*! По России плыть, лучше не плыть, хоть и хочется. И сейчас вот плывуны объявились, — хорохорятся, кривляются, бражничают, — а страшно им, ох, как страшно!

Страшна российская бездна!

Все знают, да не все отчет держат. Взбаламутили поток, а он и забулькает — *сам*, и пошла бифуркация на бифуркацию, только одно дело — запланированная революция, а другое — внутреннее кипение бездны. Никакая бифуркация сверху (или сбоку) не сравнится с бифуркацией снизу. И пленяет уже бифуркация снизу легковесную бифуркацию сверху, вниз тянет, туда, в придонное волненье, где непроглядно, где

тьма, от которой лишь дрожь последняя…

И ведь знают все это, а делают! Ускользнуть норовят, выскочить, убежать. И где же он, берег-то спасительный, коли везде поток, всюду топь, кругом водовороты, да и во всех краях света уж по-русски говорят — *сами*!

Странные получаются результаты: *заливает Россия собою мир*, ибо есть она течение, и обратилось это течение вовне, ибо захотелось кому-то течение это резко остановить, а то и вовсе прекратить, оно и пошло вдруг во все стороны, ничего не страшась и никого не стесняясь. И уж не унять его, не вернуть обратно, не заткнуть.

Любопытные все-таки вещи происходят на свете — в ходе вещей! А Россия — это и есть *ход вещей*, который сам по себе и происходит. Что бы над ним ни творили, как бы его ни заклинали, куда бы его ни поворачивали. И хорошо, что реформируют, хорошо, что беспокоят, и хорошо, что насилуют — *оживляют*! Застой вреден течению, да и течение должно иметь смысл, только не тот, о котором думают преобразователи, а совсем другой, о котором они и не мечтают, а если вдруг и является он им нежданным проблеском, то лишь в страшном сне. Метаистория творит сама себя, хотя и не без помощи революционеров и реформаторов. Но обязательно *сама* — по своей программе. И куда же вынесет сегодня-завтра разбуженную Россию-тройку, ибо процесс идет, течение нарастает, поток убыстряется? И нет уже прежнего контроля, и сдают уже нервы у СМИ, и пасует уже беглый пиар, ибо не те, совсем не те выскакивают *итоги*, хоть и достигнуто многое из предательски задуманного, но главное, главное-то уходит куда-то упрямо в сторону — в случайность, откуда нет уже выхода — *никому*!

В России сейчас как бы и нет России, но не в том смысле, что ее вообще нет, а в том, что она не видна, точнее, видна, но не всем, а лучше сказать, Россия просто ушла в себя, с глаз долой. Туда — в течение. Раз уж Россия — *течение*, то и течение — *Россия*. Это важно уловить. Ведь течение — совсем не пустота. Хоть и не законченная форма, это — насыщенность. Чем? А всем, но и, что особенно примечательно, той самой Россией, которую не терпят, бьют и распинают, реформируют, видоизменяют. И вот эта-то Россия и ушла в течение, во внутрь, в нети. Затерялась. Реформа идет, но чего или кого? Не России, конечно же, а *около*-России, т. е. всего, что в России и с Россией, что рядом, но что не является по странному развороту обстоятельств собственно Россией. *Россия в России* как раз и есть то самое *главное*, что ускользает и уходит — в странность, ибо другого выхода здесь нет: сначала в странность, а потом и в страну — *свою*! А пока страна — *не своя*, не ее — не России, хоть и Россией давно прозывается.

Сейчас отход!

Россия уходит, оставаясь — в засаде! Не первый раз уже. Да, наверное, и не последний, а может, и последний, но тогда… не со всеми ли вместе?.. Врасплох застигли Россию, она и ушла впопыхах. Может, не очень ловко, в раздрае, с потерями. Но ушла. И *молчит*. И нет ее, хоть и знают все, что есть. А вот где?.. И морят, чтоб совсем исчезла — физически. Вот разваливать будут на части, делить, хватать. Все будет. Но не Россию будут при этом делить, а лишь ее время-пространство, которое не есть все же Россия, ибо Россия более всего — *идея*, живущая в течении, а как же ее разделить — идею-течение?..

Ушла Россия, чтоб *вернуться*! Впереди — *возвращение России*! Из глубины, со дна, из нетей. *Из самой себя*! Вот вам и реформа: чего, кого, зачем? Потому она и *антиреформа*, ибо не о России тут идет речь, а об ее отрицательном изъятии — из бытия, из жизни, из времени-пространства. И она ушла, спряталась, растеклась. Ибо не пришло время, не содрогнулось еще пространство, не разразилась гроза. *Все еще впереди*! А пока — *накопление*! Нет, не сил даже, хотя и их тоже, а *впечатлений*, что для ума и сердца потребны — среди безвременья и беспространствия, в гуще мерзости и пошлости.

И *сосредоточивается*. Нет, не все испытания она прошла, не все еще восприняла. Не до всего дотянулась. Однако проходит, теряя и обретая, впечатывает кое-что в сознание, учится. Может, и плохо, а может, и хорошо, — кто знает? Ждет. Нет, не момента для азартного прыжка, а понимания, что пострашнее любого, даже самого яростного натиска. Задумалась Россия, хоть и водят ее, соблазняют, дурят.

Ушла, чтобы найти *ценное*!

Ибо свободна Россия!

В думе, в мыслях, в идеях. Свободна! И ничего тут не поделать. За нее пока решают, а вот теперь настанет срок и ей самой порешать, хоть не сегодня и не завтра, а впрочем… почему же и не завтра, почему же и не сегодня?..

Утекла Россия, но не совсем растеклась, да и не вся. *Стоит*! Там, где-то, тут, в течении. Непонятно все это, но факт. Не пошла в драку, не ощетинилась, даже не взревела. Ушла! Уступила. Видно, надо. И стоит — сама по себе, за себя, за других. И в стоянии этом заключен какой-то великий смысл, никому из смертных не ясный.

Куда? *К себе*. Зачем? *Себя обрести*. За собой пошла, а лучше сказать, потекла, Россия — за новым своим образом, сопряженным как-то с уже бывшим. Без уже бывшего нет России, но и без нового не будет России. Образ с образом перекликаются, ища для себя живительного воплощения.

А тут *глобализм*!

Вот супостат-то, неумолимый и беспощадный! Все и вся поглощает, все и вся стирает, все и вся нивелирует. *Глобальное переустройство мира и человечества под нужды глобального центра*. А Россия, — та самая, что в нетях, — поперек стоит, хоть и ушла куда-то, хоть и скрылась, хоть и упрямо молчит. Ибо свободна Россия, а потому и все видит, все знает, все понимает. И идет из России мысль, и набирает силу идея, и рождается в России новое слово. А где ж еще ему рождаться, если не там, где плохо и где свободно? И где не так, как у всех. Где абсурд, где тайна, где течение, где жуть. И где *свет* — который вопреки!

Вопреки!

Выдавливает из себя Россия не одни гадости, а кое-что и другое — *прозрение*, например, перемалывая тяжело и безжалостно заслоняющее свет беспросветие, за истину услужливо выдаваемое. Россия — *кладбище идей*, разумеется, чужих, чуждых, ненужных, хоть и непосредственно и даже энергично вбираемых — чтоб выплюнуть. Россия ведь и *сокровищница идей*, правда, которые еще достать надо или к которым еще дотянуться надо. Вот и тянется теперь тайно текущая Россия до своего Знания — такого важного и нужного, способного и оберечь, и вылечить, и выход найти, одним словом, *спасти*.

Покорность-то российская внешняя, а за покорностью — *поиск*, однако, свой, непонятный, трансцендентный. Это и не поиск даже, а скорее, *ожидание,* ибо страшная она, Россия, все допускающая и все отвергающая, не желающая как бы и жить по-человечески, а может и не могущая — не в обычном времени-пространстве Россия бытует, а в странном, где ничего полезного (от пользы и полезности!) ни обнаружить, ни создать, ни сохранить. Блаженна Россия, ибо время-пространство ее — *роковое*!

Рок!

Есть ли он? А как же, конечно, есть — разве течение российское этого не доказывает? Бесформица — рок! Не может Россия никак на форму выйти, чем и себя и мир окончательно порадовать. А, пожалуй, и не хочет. Ибо у России своя телеология, — нет, не как у любой страны, а как бы у *мира в мире*. То ли спит Россия, то ли бодрствует, то ли стоит неподвижно, то ли несется стремглав… Все здесь неясно, все неявно, все не по-людски. И вечное «Что делать?».

Не вписывается Россия в нормальный мир. Все в ней аномально, даже патологично. Нет нормы — и все тут! Так что ж это за аномалия — то ли нужная, то ли ненужная? Одним кажется, что ненужная, а потому и бегут, и вопят, и уничтожают, а вот другим, наоборот, — что нужная, оттого и терпят, и любуются, и любят. Кому нужна такая странность, к чему она, отчего?

От климата, от пространства, от евразийности? Вряд ли, хотя в чем-то и от всего этого. А может, все-таки от людей — каких-то нездешних, не от мира сего, ненормальных? Хотя известно, что русский в другом времени-пространстве вроде бы и нормален, а уж во втором поколении совсем даже хорош. Но здесь, в России, — что-то тут не так? Странен здесь русский человек, странен, ибо странен этот альянс — русского человека и русского времени-пространства. Русскость — бремя российское. Только в России и русскость, а вне России — уже нерусскость. Тает она вне России, исчезает, а вот в России — живет! Заколдованное, выходит, это время-пространство, это течение, это бытие.

Заколдована Россия!

Вот и в космос прорвалась — нежданно-негаданно. Три супервойны и… космос, даже еще и сходу, едва индустрию и науку обретя. Это спящая-то красавица! И кто и как может все это объяснить?.. А потом вдруг бац — свернулась калачиком, из космоса побежала, науку подзакрыла, индустрию подуничтожила, рыночной страной прикинулась, богатство пораздала, армию порассыпала, паразитов на себя понасажала, бандитов развела, в антихозяйство ринулась, в антижизнь въехала, к смерти прильнула. Кто и как все это может объяснить?..

Никто и *никак*!

Вот из этого и исходить надо. Это в учебниках закономерности да циклы выводить можно, обязательные взлеты и падения обрисовывать, о линейности и нелинейности рассуждая, как и о бифуркациях с аттракторами, а в душе… в ней-то как раз все это не умещается, точнее, вообще места не находит, ибо заглянет в душу утомленным взором ученый и… содрогнется… — от тайны, его стороной обходящей…

Нет, никто не знает, куда и зачем (за чем) идет Россия и идет ли, а не просто плывет как-то, стоя на месте, да и где она — эта самая Россия, пойди, поищи… в России же? И хорошо, что никто не знает, ибо миссия России, если она есть, как раз в *неожиданности* и состоит.

Отошла вдруг Россия на задворки, устало огрызаясь, под распродажу попала, одураченная, а то и под лом пошла — была как бы машина, а теперь вот один лом — и как ей, дуре, вернуться к жизни, в целостность собраться, да еще и в эффективном механизме предстать? Ясно, что никак, как ясно и то, что явится вдруг Россия — ни с того, ни с сего — обновленная и дерзкая, — то ли на радость, то ли на беду — себе и другим.

Вбирает в себя Россия, вбирает — не динамит, конечно, но и не безобидную труху, хотя, быть может, и динамит. Мир-то вот надеется, что умрет себе тихо Россия, в конвульсиях гадких исчезнет, а он, мир, ее место и займет — где-то европеец, где-то мусульманин, где-то азиат.

Ведь все поворачивается как будто бы против России. И сама Россия вдруг против России стала, правда, не совсем Россия, а даже и наоборот — *не*-Россия, как-то в России постоянно воспроизводящаяся. Россия всегда расколота — на Россию и *не*-Россию, отчего и выносит ее время от времени на край света, с бездной пообщаться. И наступает помрачение — если вдруг верх не-Россия в России берет, ибо не-Россия всего легче и безответственнее, всего гибче — вот и выпрыгивает, вот и кричит, вот и смрадничает, Россию донимая и обескровливая.

Нет, не динамит, но и не безобидное нечто вбирает в себя сейчас Россия, а что она нежданно-негаданно выдаст — кто знает?.. И кто знает, что будет в России и с Россией завтра? А что есть завтра для России? И что есть вообще Россия?.. Вот и мы не знаем. И хорошо, что не знаем, ибо зачем знать, если идет *сражение* — за души людские, за сакральное время — пространство, за жизнь. Везде идет, а в России особенно: именно Россия в сей мир не вписывается, именно русские никого не устраивают, именно слово русское всем наперекор.

Антироссийскость и антирусскость — не просто знак времени, но какой-то прямо-таки магический императив.

Можно подумать, что лишь без России мир счастлив и будет, что только Россия этому миру и мешает. Уничтожь Россию, убеждает себя человекобог — и все хорошо будет, а вместе с Россией уничтожь и православие — *Православие*, которое все еще живо и которое правильным мира сего, стремящимся ко всеобщему правовому счастью, покоя и не дает. Вот и первосвященник римский все пристает, все лезет, все нарывается. Беспокоен, ох, как он *бес*-покоен, — и все ему неймется, все куда-то стремится, все по миру бродит — в перекошенной-то стеклянной коробке.

Стань другой, Россия, или исчезни, требует правильный мир, а Россия не хочет, все ломается, все дурит, — ни другой становиться не желает, ни исчезать — консервативная и глупая (и злая!) — все собой оставаться намеревается — вопреки здравому смыслу, правда, не ее смыслу, ибо здравый смысл по-российски совсем и не здравый смысл, да и не смысл это вовсе, а что-то совсем другое, вовсе при этом и не здравое. Разве со здравым смыслом можно в *таком* сражении *не одну сотню лет выстаивать*?..

Смысл России, как и его здравость — вовсе *не от мира сего*, а потому и нечего Россию общим аршином мерить. Россия свой собственный мир не создает, а *принимает — к служению*! В нем и сидит, сражаясь — за себя, за принятый мир, за свою трансценденцию.

Мир России — не *вообще*-мир, ибо тогда различения нет, поверки нет, отбора нет. Тут не может быть меры, во всяком случае человекобо-

жеской, ибо мера тут иная — *Богочеловеческая*. Нет в России общепринятой и понятной логики, как нет и стремления к этой логике — цифра тогда всю жизнь и задавит…

Вкусила Россия Европы, ее цивилизации, поучаствовала, многое пережив при этом, в том числе и немало войн — с Европой, а вот так и не объевроепилась — все в дикости пребывает, в скифстве. Все такая же — незрелая, разгульная, сумасшедшая. Все в не-Европу играет, счастья своего не понимая.

И кто, спрашивается, Европу должен видеть, зная ее и не принимая, восхищаясь и отвергая, проглатывая и выблевывая? Да ведь и к Азии кто-то должен внимательно присматриваться, поступая с ней точно так же? Не норма же должна норму поверять, ибо норма эгоистична, она всегда сама себе приятна, сама себе удовольствие, сама себе радость, как для всех других норм она всегда лишь предвзятый прокурор и нечестивый судья. Норма норму исходно отвергает, так сказать, по определению.

А вот аномалия — совсем другое дело. Тут и интерес, и проникновение, и попытка. Тут обязательная примерка — на себя. И не переменный сброс — с сожалением и даже без злорадства. И оценка — она-то и страшна! Как для тех, так и для этих. И не потому, что злоехидна, а потому, что досадуют при ней и сожалеют.

Все и вся выносит Россия, всех проявляет — в наготе, — что праведников, которых любит и не ценит, что вредоносцев, которых лелеет и ненавидит. Странная она, Россия — и что тут поделать?.. Хотелось бы иного — *правильного*, а его-то и нет, ибо как выявить, если не в вертепе, однако, в не таком уж и суетном, хотя и жестоком. Только в тисках, только в бою, только в наготе!..

Не рай в России, совсем не рай! И русскость в России давно не на первом месте: как ушла, придавленная, так и не возвращается. В самом деле, много ли в России русского? А русскость — не принадлежность, а *вера*. И вера эта — скрытая, неявная, тайная, если не подпольная. Партизанская она, эта вера. А другой нет — только в сопротивлении, только через не так, только вопреки.

И еще хочется, чтоб все правильно вокруг было, без изъянов, без пороков, без комплексов (слово-то какое!).

Нет, стиль в России невозможен, ибо не пришел еще *срок*, но не стилю как таковому, а *правде*, да что мы можем о сроках говорить, пророчествуя, коли сроки эти — *не наши*, как и правда тоже.

Русскость — *крест*, и его нести надо. Может, и в муках, ибо человек в муках рождается, а человека-то вокруг что-то и не видно: то ли нет его вообще, то ли он только впереди, то ли уже был…

Вообразить себя человеком, да еще и умным, знающим, интеллигентным, конечно, можно, но только вообразить, как можно вообразить

себя настоящим, т. е. стоящим человеком, но только вообразить, ибо где он — *критерий*, который, по сути, ведь не здешний, не нашенский, не посюсторонний.

Вот, говорят, что свобода нужна, что свободы мало, что без свободы никуда, но какая все-таки свобода нужна, в каких объемах, для чего? И если попытаться ответить, то ясно, что свободы, которой жаждется, быть и не может. Абсолютная свобода для человека — бессмыслица, ибо смысл удерживается как раз несвободой. И как тогда со смыслом жить, если свободы хочется? Отсюда и закон, и право, и правопорядок. Отсюда и принуждение, и насилие, и угнетение. Отсюда, наконец, и управление, не говоря уже о Великом инквизиторе, о его самых что ни на есть полезных деяниях.

Русскость, а за нею и Россия, *бес*-смыслицей держится, но не той, о которой какой-нибудь прогрессивный русофоб думает, а совсем другой, что смыслом полнится, но *не этим*, а *тем*, который здесь вовсе и не формулируется. Смысл, который с нами, русскость не улавливает, ибо дальше бессмыслицы он не идет. А потому не надо России спасительных советов и программ, особенно со стороны, да и изнутри тоже.

Что ж тогда, анархия?

Ну, почему же? Почему обязательно анархия, а то еще и синергетика? Нет, просто *жизнь*. Без лукавых о ней сентенций. Жизнь сама находит как свою свободу, так и несвободу. Вот Россия и оберегает жизнь, хотя и с переменным успехом. И если к России тянутся, а к ней — неумытой — как раз и тянутся, то не за одной землей, не за одними ископаемыми, не за одним лесом, хотя и за всем этим тоже, а за жизнью, что далеко не все понимают, но что всех направляет.

Убийство России — самоубийство мира!

И мир, кажется, на это уже решился, не подозревая даже, что убит (ликвидирован) будет сам источник жизни — неправильный, конечно, источник, ибо правильным он быть просто не может.

Свершится ли убийство России? Нет! И не потому, что опомнится убийца (как и самоубийцы внутри России), а потому что убивать, увы!, уже некого или нечего — нет уже России. Она давно в нетях, а то и попросту в бегах. Русь-Китеж и не поднималась по-настоящему из глубин, в которые ушла, как Атлантида, хоть и живет в русских людях отраженным светом. Убить Россию невозможно. Вот почему вокруг столько бессмыслицы и бесформицы — чтоб *выжить*!

Россия существует *вопреки* и живет *ожиданием*. И нет еще решения, хотя оно и близится. Мистична Россия, мистичен и ее путь, который, быть может, и не путь вовсе, а что-то другое, ибо течение — не путь, бесформица — не путь, ожидание — не путь. Не то чтобы рано подавать советы и писать программы, не то чтобы тщетно действовать, — все это

есть, и все это по-своему нужно, — главное сейчас в другом — *осознать Россию*, что гораздо труднее, если не тягостнее, чем вести бесконечные околороссийские разговоры — то боготворя Россию, то ее проклиная. России нет, она ушла и еще не вернулась, и, кажется, …*пока не возвращается*!

II

Попробуем высказаться определеннее.

1. Сколько бы ни насмехались умные и всезнающие головы над тем, что именуется Святой Русью, таковая не только была, но и есть, мало того, будет, что не означает, что это какое-то видимое образование, но что означает, что это сакральная идея, никаким аналитическим и энциклопедическим умом не постигаемая, существующая в себе и из себя, ни от кого, кроме Господа Бога, не зависимая, как и никому, кроме избранных, не дающаяся, хотя и многих незаметно просвещающая и поддерживающая.

Святая Русь — не Россия как таковая, хотя и Россия тоже, но сдержанно и скрыто. Она всегда здесь, но и всегда не здесь. Ее нет, но она делает свое дело, не давая России в не-Россию превращаться. Она древня, и древность ее, как и будущность, за семью печатями. Святая Русь таинственный эгрегор России.

Путь к Святой Руси на пути к Богу, что вовсе не отрицает обыкновенного участия в обыкновенной жизни, наоборот, через участие в реальной жизни, даже и в обычной суете, но с их внутренним духовным преодолением — к Богу. Тут возможна и встреча со Святой Русью, опять же идеальная.

Святую Русь не вытянуть и не выманить, не привлечь, ее лишь заслужить можно, однако никто не знает как, ибо нет точной процедуры, и когда, ибо нет точного графика, хотя ясно, что исключительно на пути *Богочеловеческом*.

2. Что вокруг? Разгром, помешательство и падение. Однако и переосмысление — в разломе. Роковые, но благостные дни. Шанс. Однако не этот, не суетный, не здешний, а тот — страдательный, потусторонний: *человеком* оставаться и на *человека* выйти, разумеется, на Богочеловеческом пути. Трудно, почти невозможно, но… все-таки возможно. Надо! Только не все это понимают, но всячески (почти все) этому сопротивляются, хотя многие (очень многие) этому как-то подвержены — более даже неосознанно. Работа идет, что-то свершается — в глубине и на краю! Выбор и отбор, но не этот — не научный. С грохотом вниз и с молчанием вверх. «Вниз» выдавливает «вверх». Святая Русь — там!

3. Россия — не Святая Русь, но это все-таки Россия. Не страна, не цивилизация, не государство, хотя и все это тоже. Россия — *мир в мире*. Царствует в России вовсе не Россия, а царствует в России пока

что не-Россия, с Россией более всего не считаясь и менее всего ее признавая (вынужденно). Россия не имеет возможности (права!) на Россию, она обречена на уход в нети, на сопротивление и на почти безнадежный поиск самой себя. В полумраке и в полусвете. Так было, наверное, не всегда, но так есть давно (по крайней мере, с Петра; кому один Петр, а кому — совсем другой!). И так сейчас — в особенности! Отсюда Россия по преимуществу в *нави*, и ее очень мало в *яви*. Почти полная дискредитация. Ожидание, вдохновляемое Святой Русью, дополняется вынужденным ожиданием от мира. Отсюда — *течение*! Отсюда *бесформица* и *бессмыслица*, отсюда и *выживание*!

4. Россия, а не то что Святая Русь, — *тайна*! Ни объять, ни измерить, ни понять. Ни временных граней, ни пространственных. На поверхности не только не вся Россия, но даже и не Россия — *как таковая*! На поверхности смесь, гуща, взвесь. Россия далеко — в глубине, в существе, в выси. Даже и в нетях, если не просто в бегах. Хотя она и повсюду, однако не выраженно. Судьба ее — то ли страшная, то ли благодатная. *Странная*! Россия — *великая странность*, уму человеческому недоступная. Отсюда и неприятие, и отбрасывание, и презрение. Но отсюда и любовь, и ностальгия, привязанность, — еще менее объяснимые. Тут сплошная трансценденция. Россия — вполне трансцендентный феномен, от трансцендентности своей и не уклоняющийся, волнующий и беспокоящий, задевающий.

5. Русскость — не принадлежность, а *вера*! Миссия. Неимоверно тяжкая и невыразимо сладостная. Совсем не счастлив тот, кто рождается и живет в России, но как же бывает счастлив тот, кому доводится родиться и жить именно в России. Тут все роковое, а потому и к блаженству близкое. Тут страдание, но тут и великая радость. Даже атеизм здесь другой, и интеллектуализм, и сциентизм… Здесь все другое — *не от мира сего*! Россия — *неотмирное нечто*! Не знание тут, не культура, не строй. Тут *вера*, однако и не оформленная, — в Россию, не говоря уже о вере в Святую Русь. *Вера без веры*! Странная вера, ничем явным, пожалуй, и не обоснованная. Почти что зряшная, но зато какая сильная!

Русский тот, кто верит — в Россию, в Святую Русь, хотя мало, совсем мало над этим думающий. Не национальность здесь, даже не народность. Тайна тут! Русский не задается подлыми вопросами: верить — не верить, любить — не любить, достойна ли? Верит, любит, и все! Отсюда *Родина, Отчизна, Россия, Святая Русь*!

6. Россия — не объект знания, да и не субъект знания, тем более уж знания научного, интеллигентского. Россия — не знание, а *чувство*! Можно описать — не без труда и условностей — историю России, но понять — ни за что! И в этом плане истории у России как бы и нет: она

постоянно зачинается и постоянно обрывается. То ли точка, то ли пустота, то ли воронка. Россию не знать надо, а *чувствовать*. Невозможно познавать Россию, а сама Россия — молчит, не сообщает о себе ровным счетом ничего, если, конечно, не перейти к *откровению*, однако, не всем, далеко не всем, дающемуся. Отсюда только вера, только любовь — даже если и не за что!

Россиеведение возможно, но иное — *нелогическое*. Нет структуры, нет последовательности, нет слаженности. Теории — не для России. Россия — твердый дым, т. е. такое сочетание несочетаемого, которое и под диалектику не подвести. Диалектика для России — ничто! Выдумка, уловка, прах. Если что и может тут бытовать, так это полилектика, однако сопряженная с единолектикой, когда все сразу и все вместе, но бесструктурно.

Бессмыслица, наполненная смыслами, но вот какими?..

7. Ясно, что нынешняя Россия слишком далека от Святой Руси. Хотя сама Святая Русь рядом, даже здесь — в России, но не с Россией — не со всей Россией.

В России — *помрачение*! Но в России и *выраженность* этого помрачения. Как бы тихо и громко это помрачение ни овладевало Россией, но скрыться ему, раствориться, стать своим, несмотря на все словесные, театральные и архитектурные завесы, не удается, ибо Святая Русь, уступая место, все равно остается — в сердцах и умах, в самом мировосприятии. Совесть! Что это? Не то ли, что и Святая Весть — от Святой Руси, от Православия, от Бога? Не все замечают помрачение, как не все замечают и все это помрачение — в полном объеме и ужасе, но многие все-таки замечают, что неизбежно — во времени-пространстве Святой Руси, во времени-пространстве Святой Вести, во времени-пространстве Совести. Помрачение это не сегодняшнего дня, и борьба с ним уже давнишняя. Но сегодня все развернулось особенно. Сегодня *все* уже ясно, хотя и не всем, но уже многим. Осознание помрачения — борьба с ним, но осознание важнее борьбы, ибо борьба — лишь следствие.

Помрачение есть, но есть и его *непризнание*. Россия допустила и вобрала в себя мрак, даже и покрывает его люциферическим светом, но впитать его в себя органически не может. Не *не хочет*, что тоже есть, а именно *не может*. Святая Русь здесь неволит! Россия обречена не на одно лишь помрачение, но и на его *непризнание*.

8. Россия — *драма*! Здесь борьба, здесь тяжба, здесь сражение. *Апокалиптическое время-пространство*! Где еще? Не знаем, может, и еще где-нибудь, т. е. знаем, но там все по-другому, а в России — вот так, по-российски, выраженно. В России нечем ни прикрыться, ни отгородиться; нет у нее возможности ни облагородить апокалипсис, ни обер-

нуть его себе на пользу; не хватает России — с ее Святой Русью — изощренного лукавства. А потому лишь глубокая и сильная время-пространственная драма. И спасение тут может быть лишь в *исцелении*, однако эсхатологическом, т. е. с непременным концом — *смертью*!

Нет для России развития, хотя она, кажется, и развивается; нет для России порядка, хотя она его вроде бы взыскует; нет для России выгоды, хотя она вроде бы и не против нее. В *этом* времени-пространстве ничего уже для России нет!

9. А время-пространство, о котором идет речь — *идеальное*, и оно прочно *искажено*. Великая тут аберрация. По разным причинам, но в главном — от уклонения, от отхода, от бегства. Отпрял человек в России от *истины*, и истина эта теперь где угодно: в начале, в выси, в глубине, даже впереди, в конце, но только не здесь, не в *этом* — прочно искаженном времени-пространстве.

Время — пространство, о котором идет речь — не время как таковое и не пространство как таковое, а *люди*, ибо какое вообще может быть время-пространство вне людей. Вот люди-то и *изменились*. Пусть бессознательно, по наущению, даже и под силой, даже и под внешней, но изменились, а отсюда и измененное, но не как-нибудь, а *искривленно*, время-пространство.

Кривое время, кривое пространство, кривые люди.

Ушли как-то русские люди от истины, а может, и не сами ушли, а их увели, да и были ли когда люди на Руси в истине и с истиной, а не походили просто всего лишь около нее, подбоченясь и хорохорясь, но так или иначе истина теперь далеко — *не достать*! И никак окривевшие души не найдут дороги к истине — в кривом-то времени и в кривом-то пространстве, — однажды уйдя от истины или пройдя мимо нее, никак к ней не вернутся, никак ее не обретут. Вот и пытаются поймать *иную* истину — чужую, которая, конечно же, уже и не истина вовсе, а всего лишь ее заместитель, — и все из Европы, из Европы. Там-то ведь нашли свою истину — не ту, конечно, но действенную, эффективную, а потому и зажили — через братоубийство и насилие над миром, а у России все что-то не получается — ни себя устроить и оберечь, ни от других поживиться. Не выработала Россия *иной* истины — простой и эффективной, а заимствовать полезную истину извне никак не может. Так и стоит веками в раздрае, так и течет столетиями в неудовольствии.

Не выработала и не заимствовала!

Велик был Петр, да вот не Лютер, да, видно, Лютеру и не место в России. Может, и нужна была тогда реформа, да вот какая?..

И не получается в России ни людей выправить, ни время-пространство, ни судьбу.

Загадка!..

Искривленная Россия давно в *расколе* (на многие и разные части), но им же — этим расколом — *спасается*. Две, четыре, восемь… Россий в России — беда, но по-своему и выигрыш, ибо на Россию гадкую всегда найдется Россия благая, а на всю российскую мерзость — российское же подвижничество. Сложна искривленная Россия, и есть в ней даже своя правильность, разумеется, трансцендентная.

Россия не находит и не получает *правильности* — ни восточной, ни европейской, ни какой-либо еще. Так может, правильность эта и не нужна, во всяком случае — до сроков?.. А может быть, нужна, но какая-то особая — вовсе не отмирная?

Трудно сказать, была ли вообще Россия-Русь когда-либо правильной, хотя и имела всегда при себе *свою* правду — то в яви, то в нави, как и имеет, как ни странно, и сейчас — в трансценденции, ту самую правду, от которой, может, и ушла, но которая все равно здесь — она-то, надо полагать, и не дает России иную-то правду схватить. И так ли уж надо, в самом деле, России непременно правильной быть, уж тем более не по своей воле и мерке?..

11. Что же выявляется в неправильной России, что вылезает из ее искривленности, что скрывается в ней, а скрыться не может? Что же выдает нам Россия?

Россия, надо заметить, не отгорожена от мира, а мир вовсе не потусторонен для России. В России творится не только российское, но и мировое, а в мире происходит что-то российское. Неизбежная взаимность. Рассуждая о России, мы говорим о мире, хотя и от себя, а говоря о мире, рассуждаем о России — тоже от себя.

Что же происходит вот уже не одно столетие в России и в мире, в мире и в России? А происходит то, что называется в богословии и религиозной философии *апостасией*, т. е. отходом от Бога, от Церкви, от религии, от сакральности. Имеет место, и это хорошо известно, *секуляризация* жизни, общества, человека. Но это не все, есть и другое: отход от чего-либо означает ведь и приближение к чему-либо. Так вот, к чему идет приближение или к кому? А несколько иначе: каков же результат?

Сегодня, в наше российское апокалиптическое мгновение, вызванное «перестройкой» и «реформой», равным образом и попыткой войти в некий правильный «общечеловеческий строй» (это с нашей-то неправильностью!), вдруг стало хорошо видно (пусть и не для всех, пусть для немногих), что уже давно в России и в мире возник и активно, свободно и решительно действует (именно действует, а не, допустим, живет) *особого типа человек*, лишенный какой бы то ни было связи с абсолютным, потусторонним, трансцендентным, т. е. полностью освободившийся от Бога, Церкви, религии, сакральности.

Говорят, иной раз, что это атеист или язычник (точнее, неоязычник), а то и антихрист (не тот, конечно, что воцарится на место Христа, но ему, конечно, родственный, этому воцарившемуся), но выясняется, что это что-то уже иное, более последовательное, более крайнее, т. е. такое, что уже за всеми этими состояниями, что еще новее, еще особеннее, еще оригинальнее, что даже и не против Бога, т. е. и не богоборец, что вовсе и не с богами, как язычник, что и не против Христа, т. е. не такой уж и антихрист.

Все Божье, все трансцендентное, все сакральное — уже вне этого человека, хотя он совсем и не против всем этим пользоваться, об этом говорить, этим даже восхищаться. Ему уже не надо ничего и никого из всего этого, ему не надо даже ничего подобного из себя изгонять — он со всем этим преспокойно дружит, никак со всем этим по сути и не считаясь. Он — *сам по себе*!

Есть одно словечко, которое более всего подходит для этого нового человека — *безбожник*, но сегодня оно, пожалуй, не то, что мягковато, не то, что простовато, а даже не совсем точно, ибо речь идет не столько уже о человеке, сколько о каком-то особом *человекообразном* существе, для которого какие-либо человеческие определения, да еще и как-то касающиеся чего-то Божьего, не только не годятся, а просто смешны.

Новое существо — не более и не менее! И новое не потому, что оно сейчас вдруг явилось, а потому, что только сейчас оказалось по-настоящему замеченным, да и имени еще не получило, а лучше сказать — наименования, как и вряд ли получит, ибо оно всем и заправляет. Бес, скажут нам умные, вспомнив хотя бы Достоевского, что ж, ответим мы, может, и бес, а может, и покруче, то бишь поновее.

Думается, что *новое время* — это не то время, которое за старым идет — как бы из будущего, а это действительно уже *иное время* — с *новыми, иными*, на человека лишь похожими существами, во всяком случае, при уже явно их ведущей роли. «Нечеловеческие» вспышки того же XX века (вроде фашизма) не были только случайными всполохами, которые к тому же удалось загасить и как бы оставить в прошлом: теперь уже *новое-иное* разливается свободно и во всю мировую ширь. Идет активное *пересотворение человека и мира*!

Куда же и как же дальше?..

12. Нет, не замирает в ужасе перед всем этим *все-еще-человек. Не-человеко-без-божество* его особенно не смущает: *сам идет*!

И Россия это сполна выказывает. Но в России, в этом все-еще-человеческом времени-пространстве все разворачивается по-особому, еще идет *борьба* — пусть и в отступлении, в обороне, в темноте. Всюду и везде. И деться от этой борьбы некуда: либо — либо! Либо в иное —

с головой, либо нет — зато с сердцем. А руководства нет, вех нет, путей нет. Брошена Россия — собственной же (собственной ли?) элитой, ставшей нежданно-негаданно *антиэлитой*.

Куда же? Назад? Но ведь были уже, были. Значит, вперед. Тогда за чем? За каким руном, за какой Жар-птицей, за какой сказкой?..

Лучше, наверное, *никуда*! Сейчас самое время постоять на месте, подумать. А времени-то и нет. Вокруг все меняется, спешить надо. А мудрость древняя то ли неизвестна, то ли бессильна, то ли не нужна. А новой-то и нет. Нет новой мудрости, да и быть не может, ибо мудрость — нечто устоявшееся, уже и молчаливое. А тут шум, гам, вой. И слова, слова, слова…

Теперь без мудрости!

А без мудрости — только туда, в *иное*. Кое-кому это даже нравится, кое-кто считает, что так и должно быть, кое-кто находит, что ничего ведь и не поделать. Не то уже готовы, не то не хотят ничего другого, не то смирились с неизбежностью.

Бог далеко, Он хоть и добр, но суров, путь к Нему труден, а вокруг столько свободы, легкости и удовлетворения. Ясно, конечно, что что-то не так, совсем не так, что-то даже и страшное вокруг… но… слаб человек, а потому и в *ничевоки* подается, разумеется, зависимые, очень зависимые.

13. Попустит ли все это Творец? Даст ли разыграться *не-человеко-без-божеству*? А почему нет, коли *иное* теперь время-пространство, *иное* теперь существо, *иная* теперь игра? Пусть все идет как есть — *до своего конца*! Господь, София, Слово — более не ориентиры: для этих — *иных*. Они уже не прислушаются, не присмотрятся, не ужаснутся. Теперь мир уже без ужаса, без страха, без греха. Теперь не мир, а антимир, ибо мир — это все-таки *идея*, а идеи больше нет, ибо идея без Духа, без Софии, без Слова — не идея, а *функция*. Не мир-идея, а мир-функция, т. е. уже и не мир вовсе, а *антимир*. Это как раз тот самый антимир, который так прекрасно и описывается наукой — под видом объективного описания мира. Антимир — это как раз и есть научный, онаученный, наукой обнаруживаемый и наукой представляемый «мир».

Из этого *функцийного мира*, т. е. антимира, который *без*-идеен (даже сатана по-своему идеен, ибо еще с Богом борется, а теперь повсюду уже пост-сатана, который с Богом вовсе и не борется и никакими идеями даже не отягощен), никакой мудрости не почерпнуть, да и вряд ли захочется. Мудрость не то что где-то на горизонте, ее в этом «мире» просто уже нет. Тут, повторяем, *функция*. И никаких уже личностей, хоть и ученых, хоть и ищущих, хоть и что-то еще творящих.

Традиция — мудрость, модерн — борьба с мудростью, постмодерн — отсутствие мудрости.

От софийного мира к бессофийному антимиру: таким оказался путь отпавшего, а не только и просто павшего, человека. От насыщенности смыслами, которые надо было еще уловить, к смысловой выхолощенности, когда не надо ничего улавливать, а надо лишь действовать. От смыслов к функциям. От мудрости к пустоте. *Царство антисофии*!

Осознать, осознать, осознать — пока есть еще оно — сознание! Сознание — данное Творцом знание для знания, но теперь всего более знание уже не от данного Творцом знания, а от знания, самим человеком приобретенного. Сознание теперь переходит только в знание, а соответственно — в ненужное знание и в незнание. Вместо сознания — *бес*-сознание, вместо знания — *без*-знание! И коли есть еще сознание, действует еще производное от него знание, то есть и шанс — выбраться!

Сознание против бес-сознания!

Знание против без-знания!

Точка невозврата должна стать точкой возвращения — к Мудрости, к Софии, к Богу!

Вот почему Бог многое попустит, но кое-что и не допустит. Катастрофа уже идет, ее переживает каждый все-еще-человек, и у каждого еще есть выбор, надо это осознать, и надо с наступившей катастрофой бороться — *в себе*! Борьба с собственным бессознанием и собственным беззнанием за собственное же сознание и собственное же знание, а потом уже и *за выход*!

15. *XXI век — век выхода*! Нет, не в солнечное завтра, не в райские кущи, не в непрерывное удовольствие. Все это уже есть, и все это страшно. Страдания для многих уже нет, а без него кончается и жизнь. Теперь не жизнь, а что-то иное. Сладкое неведение. И из этого иного как раз и нет уже выхода: тут лишь феерия невозврата.

Страдание благословенно! Оно еще есть — в той же России, но не то, не внешнее, а внутреннее — в душе, с душой и от души. И слава Богу! В этом-то страдании и залог возможности выхода — хоть и не для всех. Страдаю — значит, живу, мыслю, сознаю.

Возможность возвращения!

К Святой Руси, к Православию, к Богу!

Но путь этот совсем не прост, — и не только по причине тяжких переживаний, но и потому, что, признавая Высшую Мудрость и не вторгаясь в ее Совершенство, нынешнему все-еще-человеку нужно выстрадать — не в ученых кабинетах и не на ученых форумах — необходимое (не-обход-имое) для такого исхода *мировидение,* которого, увы, у него нет — слишком постарались уже *иные*. Само же по себе спасительное мировидение не явится, но оно сможет образоваться именно на встречном, возвратном, возвращенческом пути.

Вот и сверхзадача для все-еще-России в XXI веке — стремительно опустошающемся времени-пространстве, но и с не менее стремительно нарастающим протестном его наполнении (увы, анклавном). И если можно сегодня говорить о протестной идеологии, то уже о протестной идеологии особого рода — святорусской, православной, божеской!

Не здесь ли сокрыта возможность того самого *преображенья*, о котором давно уже тоскует все-еще-русская душа?

III

Для человека, скажем так, *древнего* (хотя, где он и что он, этот древний человек?) мир представлялся более духовным и идеальным, чем, скажем условно, материальным, и к тому же еще *многомирным*, когда по крайней мере есть некое сопряжение мира материального с гораздо более значимым миром — духовным и идеальным. Знаменательно, что подобное мировидение было свойственно любому древнему человеку, любому народу, любой цивилизации. Божественное, при всей его потусторонности, не было чем-то неприсущим миру и человеку, наоборот, было постоянным и заинтересованным участником, как и направителем человеческого бытия. Такого рода бытие человека можно назвать *сакрализованным бытием* в отличие от современного бытия, когда духовному и идеальному миру не придается уже большого, не то что главенствующего, значения, а потому современное бытие, как бы то ни было, есть бытие *секуляризованное*, т. е. обездуховленное, обезыдеенное, обезбоженное.

Западная Европа, — неважно, какая конкретно, — осуществив сначала смелые коррекции в сфере религии и в религиозном сознании человека, подготовила и реализовала в середине второго тысячелетия от Р. Х. радикальный переворот во всем мировосприятии человека, результатом чего стало неуклонное замещение сакрального бытия бытием секуляризованным — даже при формальном оставлении религиозных начал и церковных институтов. Нет необходимости разбирать все «за» и «против» происшедших перемен, как и анализировать сам процесс перехода от одного типа бытия к другому, ибо нам важен здесь лишь сам факт *перехода*... Как бы там ни было, но человек отошел от сакрального бытия, а соответственно, и от божественного начала, и вошел в секуляризованное бытие, не слишком определяемое не то чтобы божественным началом, но даже и духовно-идеальным, не говоря уже об утверждении в этом бытии и прямого безбожия. Все это называлось и называется *прогрессом*, т. е. неким обезбоживанием бытия и его очеловечиванием, откуда и взялся феномен так называемого *гуманизма*. Гуманизм — линия на очеловечивание бытия одновременно с его обезбоживанием. Плохо это или хорошо — вопрос другой, главное, что это свершилось.

Здесь необходимо заметить, что на роль основного, руководящего, предпочтительного знания, обеспечивающего мировидение человека, а не одну лишь практику его текущего жизнеотправления, пришла *наука*, отодвинув на второй план *философию*, а на совсем задний — *религию*. Отойдя в вопросах мировидения от религии и от философии, человек размышляющий не мог ничего поделать, кроме как погрузиться в науку, стать человеком онаученным, верить в науку, ей даже и поклоняться. На первый план вышло, что само собой разумелось, *материалистическое видение мира*, одновременно и неизбежно еще и *механистическое*. Большую роль стала играть *математика*, в особенности, прикладная, которая на практике обслуживала как раз механико-материалистическое видение и понимание мира.

Однако наука не стала бы наукой, если бы человек, освободившись от опеки духовного и идеального мира, божественного начала, не встал на путь *переустройства мира по своему усмотрению,* потребовавшего уже не *созерцательно-откровеннического*, а *практически-исследовательского* познания и знания мира. Объектом подобного познания и переустройства мог стать лишь мир материальный, ибо ни божество, ни дух, ни идея не ухватывались человеком для достижения поставленных целей — они были ему неподвластны, и их приходилось либо не замечать, либо подменять собственно человеческими спекуляциями. Так возникло *научное мировидение и миропонимание*, которое современные онаученные мыслители почитают за наивысшее из возможных, отводя для философии и религии, мягко выражаясь, вторую и третью позиции, а то и вообще не принимая их во внимание (философия-де — путаница, религия — выдумка).

Любой, разумеется, цивилизованный, человек попадает сейчас в секуляризованный, онаученный, материальный мир, он его с неизбежностью воспринимает и в нем по необходимости живет, почти не соприкасаясь с философией и весьма мало с религией, давно уже ставшей в десакрализованном мире не более чем символически воспроизводящейся культурной традицией.

Современный — разумеется, соответствующим образом подготовленный — человек не понимает и не воспринимает духовный и идеальный мир, независимый от человека, хотя, быть может, и смутно его чувствует и даже ему сочувствует, сочувствуя при этом, особенно в личные тревожные моменты, и самому себе.

И все было бы хорошо, если бы: 1) со всех сторон не наваливалось бы на человека размышляющего и переживающего ощущение гораздо большей сложности мира, в котором он живет, чем это представляется науке, более того, ощущение гораздо большего богатства мира, вовсе

и не сводящегося ни к механико-материальному миру, ни к миру видимому, ни к миру просчитываемому, ни к миру моделируемому, а другими словами, ощущение того, что мир все-таки более *трансцендентен*, чем *имманентен* (доступен, понятен, внятен); 2) сама наука не останавливалась бы перед пределами, за которыми уже явно звучат голоса не этого мира, а какого-то другого, но которые остаются невоспринимаемыми для науки; 3) в мировом бытии имели бы место лишь одни закономерности и случайности, пропагандируемые наукой, а не было бы чего-то такого, что выше закономерностей и случайностей, что можно лишь отнести к разряду иномирного промысла; 4) смыслы, заложенные в религии и философии, были бы действительно опровергнуты, а не грубо отвергнуты — со смехом, наукой, они бы перестали и в самом деле быть жизнеспособными, если не сказать — правильными; 5) онаученный, что не значит непременно ученый, человек не превращался бы в пустое, бездуховное и бездушное, безыдейное существо, которое не теряло бы даже человечности и не превращалось в какое-то *иное* человекообразное существо; 6) истины, заложенные в религии и философии, не только не устаревали бы, но и не были бы столь актуальными, как сейчас. Можно было бы продолжать, но в этом нет необходимости: аргументами (их количеством) тут не поможешь — либо читатель заинтересованно схватывает, о чем идет речь, либо ему все равно суждено пройти мимо подобного рода сентенций.

Мир вообще никак не сводится к миру секуляризованному, видимому, механико-материалистическому, т. е. сугубо человеческому; он сложнее, богаче, разнообразнее — это мир не только человека, более того, это мир кого-то, кто выше человека, даже если человек на мгновение может оказаться мудрее и стратегически сильнее. Триумф науки, а он несомненен, ибо *человеческий мир преобразован под человека и находится под его контролем,* совпал не то чтобы с ее кризисом или крахом, — это и слишком, и не так, — а с появлением большого вопроса: *можно ли и дальше по науке*? И вопроса не занимательного вовсе, а судьбозначимого, мало того, даже и трагического.

Есть ли она — *трагедия*? На поверхности, может, и нет, хотя проблем различных, в том числе и безвыходных, и сама наука немало создает, и сама же обнаруживает. Она же и ищет их решений: *наука науку исправляет*, во всяком случае, борется с последствиями своего же переустройства мира, продолжая его по-научному же переустраивать. Наука остановиться не может — заколдована она уже! Теперь существование науки обусловлено… наукой. Наука замкнулась на себя, ей уже нечего отрицать… кроме самой себя, что, разумеется, невозможно. Пустой теперь мир и суетный, то бишь только пустой и только суетный, ибо, познав вроде бы мир со стороны его материальной механики, наука никакого

возвышающего смысла ни для мира, ни для человека предложить не смогла — разве лишь идею продления бренного существования, а в недалекой перспективе, может быть, и физического бессмертия. Однако наука не заметила уже вызванной ею смерти души, как и ухода из мира духа, а потому она предлагает само продление бытия, а то и самобессмертие, уже не человеку и человеческому миру, а какому-то напичканному препаратами и искусственными частями новому человекообразному существу — *ньюгоминиду*, а также совершенно уже неприродному миру — *ньюнеприроде*. Наука, хотела она того или нет, родила *античеловека* и *антимир*.

Наука выполнила, может, еще не до самого конца, великую по своей конструктивной грандиозности и конечной незнаемости задачу — *пересотворения мира и человека*. Факт! Это, по-видимому, вообще главная констатация современности. Отсюда и постмодерн — как символ и идеологическое прикрытие того времени, которое уже как бы и за временем — историческим временем. Была сакральность, т. е. древность, естественно, темная, затем борьба с сакральностью, т. е. света с тьмой, а теперь вот уже и полная десакрализация, т. е. как бы и один только свет. Свет науки и только науки, ибо у человека уже ничего нет, кроме науки. Была Традиция, потом Модерн, теперь вот Постмодерн, ибо теперь уже то, что никому не известно, ибо порождено не Богом Творцом, не Природой, даже не инопланетянами, а собственно человеком, его собственной наукой. Научный человек никогда не знал, что он в конце концов творит, ибо его демиургия слепа, а если и была зряча, то только в противоборстве с природой и Богом, т. е. с тем, что было до науки, что она застала, что не поняла, но что отвергла. И как только это противоборство закончилось, так и стало ясно, что вместо света пришла как раз тьма, прикрытая люциферическим лишь сиянием всезнайства. Оказалось как-то вдруг, что все наоборот, — и никогда человек задумавшийся не был столь покинут, одинок и печален. Сейчас такое время, что нельзя уже слишком думать, нельзя стремиться ввысь — душой и сердцем, нельзя достигать воодушевления. Давно ведь это замечено, и сколько всего сказано, однако почему-то не обращается внимания на главное — на *научное пересотворение мира и человека*!

Post-мир и post-человек!

Кому-то ведь это нравится, кто-то ведь этого не замечает, кто-то просто смирился (из бывших, еще модерновых). Некоторые ужасаются, но когда было, чтобы уже пожившие не ужасались? А вот ужаснуться ведь есть чему. Есть!

Выбор, который может сегодня сделать каждый образованный человек таков: или *религия — философия — наука*, где религия всего выше, а наука всего служебнее, или, наоборот, *наука — философия — религия*,

где выше всего уже наука, а религия — так себе, ничто. Чувствует ли человек необходимость этого выбора, не чувствует ли, но делать его все равно придется, даже и не особенно это сознавая. Жизнь заставит, правда, и не делая при этом сознательного выбора, а так — в ходе вещей.

А ход вещей таков, что… оторопь берет перед будущим… с послушными-то постчеловечками с заранее заданными свойствами, без уже никаких там духовно-идейных претензий. И фактические религиозные институты тут не то что не помогут, а даже и участвовать будут. Формальная религия ничего не даст, даже и с отправлением мало что значащих ритуалов и процедур. Все теперь по-другому, все теперь «post», чего никак не хотят понять наши современники… — *по последнему времени*.

А последнее время вовсе и не за горами, оно уже тут, среди нас и в нас, ибо недаром все эти «post», недаром! Закружился нынче просвещенный человечишко в сциентическом вальсе, который так уж его подхватил и завертел, что и не остановиться ему уже, не осмотреться, не опомниться. Да мы, собственно, ничего такого и не хотим, мы просто о своем твердим, ибо сами-то по-другому кое-что видим, оттого и покоя не имеем. «Глобализм», «открытое общество», «права человека», «личная свобода» и прочая, прочая: все, кстати, по науке. Великая сила — наука, только вот чья?..

Меня, — как человека, безусловно, устаревшего, — почему-то не устраивает, что «я» может быть точкой, а его действие линией, а вся жизнь «я» — синусоидой, а по нынешним возможностям прямо-таки и прямой. Вообще, выходит, что «я» уже и не «я», а какое-то «то» — то самое, что старательно производится — то ли по науке, то ли по антинауке. Даже пофилософствовать уже невозможно — не нужна теперь философия, да и зачем, когда счастливым можно стать лишь без философии, не говоря уже о религии. Действуй, как тебе кажется… а точнее, как в тебя вложится, и все, — и твоя доля счастья с тобой. Именно тогда ты возымеешь право («права человека»!) на жизнь. Теперь не ты, которое «я», а ты, которое всего-лишь «карточка-я», делов-то!

Хочешь, не хочешь, а приходится задаваться вопросом, не стала ли наука средством не одного только перехода от природного и божеского мира к миру неприродному, разумеется, уже и не божескому, но и перехода вообще от Бытия к Небытию, ибо Бытие это все-таки не функция, а какая-то время-пространственная насыщенность, какое-то содержание? Какое, скажем, содержание в современном (самом современном!) человеке (или в уже-не-совсем-человеке?) и в окружающем его мире (или в уже-не-совсем-мире?), кроме, конечно, материи и механики? Не так-то просто уловить это содержание, которого нет. Вот ведь и естественная трансценденция уже не очень улавливается, что с нею хотя бы высшее

содержание, идейный мир, Премудрость Божия, а что такого можно сказать об отрицательной трансценденции *ньюгоминида* и *ньюнеприроды*, которые есть уже не тайна, а всего лишь пустота? Что сказать, к примеру, о машине, кроме того, что она — машина с такой-то функцией? Вот и человек сегодня — не машина ли, и мир его — не такой же?

По пути науки еще придется идти — до кульминации! Но не гибелен ли этот путь — не только для традиционного мира, но и для человеческого мира вообще? И если все-таки гибелен, то не пора ли вдохнуть в себя что-нибудь другое — вненаучное? Не нужно ли обратиться к еще дышащей философии, к еще живой религии? Но само по себе такое обращение мало что даст, — и не потому, что поздно, а потому, что невозможно! Уже ничего и никак не исправить! Однако будет же момент кульминации, по-научному — катастрофы, а по-христиански — Конца Света. И не надо ли быть ко всему к готовыми?..

Вот почему мы стремимся к иному, чем сугубо научное, мировидению — более содержательному, идейно богатому и духовно облагороженному. Однако все здесь совсем не просто: кажущийся спасительным синтез религии, философии и науки ничего не даст — он несостоятелен. Новое мировидение, если ему доведется явиться, не будет вычитано из книг, а будет выработано самой жизнью, и произойдет это, надо полагать, в момент глубокого и очень горького разочарования… от всего, что творится на свете, и в момент какого-то особого и неожиданного озарения… надо полагать, сопряженного как-то и со Вторым Пришествием. Однако ничто не мешает, кроме нас самих, идти по пути осознания необходимости нового мировидения, вчувствования в его возможные контуры, приближения к его сокровенным исходам. И важно заметить, что наука будет тут или совсем ни при чем, или может послужить лишь подспорьем: не на научном вовсе пути возможно какое-то здесь разрешение. Не надо смешивать науку, философию и религию, хотя и надо их как-то взаимодополнять, но надо вырабатывать новое мировидение непременно с учетом того, что известно науке, философии и религии. Возможно ли? Кто знает?..

В данном месте сделаем несколько оговорок.

Во-первых, мы вовсе не идеализируем, а соответственно, не воспеваем то время, которое называем сакрализованным, как и не идеализируем и не воспеваем человека, в том времени бытовавшего. Нет, никакой идиллии тогда не было, более того, в человеке как был зверь, так и остался в нем до сих пор, что означает, что признание божественного и обладание сверхчувственным знанием — вовсе и не гарантия человечности в человеке, даже если человеку и известно, что он в некотором роде сын Божий, во всяком случае Божье Творение. Недаром же сакральное слово «тварь» немедленно превратилось в уничижительное словечко

«тварь». Человек оказался не достоин сообщенной ему связи с Богом, он не то что не поднялся за сакрализованное время к Богу, но, быть может, и пал еще ниже. История человека — история, видно, его падения, а если и какого-то возвышения, то уже противобожеского — на человекобожеском или даже антибожеском пути. И если мы как-то ценим сакрализованное время, то не за его практическую реальность, хотя в чем-то и за нее, а более всего за присутствие в нем именно сакрального начала. Мы прекрасно понимаем, что в целом сакрализованное время было вовсе не таким уж единым и не таким уж сакральным, оно было разным, а по преимуществу — вовсе и не сакральным.

Во-вторых, не надо делать скоропостижных выводов из нашей критики научного мировоззрения, ибо мы совсем не против самого научного мировоззрения: мы против лишь замещения им иных воззрений, которые хотя уже и были ранее — до расцвета науки, но вовсе на сегодня и не устарели, более того, абсолютно сейчас необходимы. Научное знание — знание первичное, как и любое бытовое знание, но не *первое* в иерархии. На этом мы готовы настаивать, хотя доказательств особых у нас нет, ибо что в самом деле Бог перед протоном — не более чем легенда!.. Энштейн куда как доказательнее Христа, не правда ли?.. Уничтожьте, однако, энциклопедии, и сразу не станет Энштейна, а вот Христос останется — в сознании людском (сколько всего идеального и материального уже порушили, а Христос как был, так и есть, — правда, это вовсе не научные аргументы, так себе…).

В-третьих, сама нынешняя и совершенно онаученная реальность прямо-таки вопиет от нехватки идеального и духовного, изгнанных наукой и ею замещаемых, хотя, конечно, до науки мало что доходит — не более, чем шум, который и погасить-то невредно — с помощью новых, научных же, открытий (в биологии, психологии, социальной инженерии, управлении…). Наука ведь сегодня нацелилась на полное овладение миром человека — со снятием того идеального и духовного, что не от науки, а от природы, от Бога, от трансцендентного. Наука нынче все может, даже убеждать теперь никого не надо — как это происходило, к примеру, при борьбе за тот же социализм. Сейчас и борьбы не надо, и революционеров не надо. *Вообще никого и ничего не надо*! Теперь *все само* происходит, в ходе вещей, объективно. И глобализм объективен, он вполне ненавязчив и мил (как Сатана!) — лишь моментами бывает строг (тоже как Сатана), да и то не по своей воле. Теперь *все само собой*: самоорганизационно, синергетически, произвольно и добровольно, послушно. И что же? Именно в этой тягучей онаученной обстановке человек и взывает к иному началу — *вненаучному*, которое как раз выше научного, и настолько, что и не дотянуться, и некогда, и опоры нет, и рук — вокруг даже не суета

теперь, а суета сует, т. е. суета от суеты, не труд, а его имитация, не творчество, а бирюльки, не жизнь, а игра. И радость надо изображать, и удовлетворение, и терпимость, и глупость. Сон ведь вокруг — чародейский. Но кто-то где-то как-то еще все-таки вопиет, хоть и понимает, что выхода уже нет, а выход должен быть, но не в решении, а в озарении! *Попробуйка, докажи чего-нибудь, если все уже наперед доказано, поделись сокровенным, если тебя никто не слушает, уйди, если уходить уже некуда*!..

И теперь — после исполненных оговорок — *самое главное*.

Что может современная — научная ли, онаученная ли — цивилизация предложить миру и человеку, разумеется, в общих чертах и в главных смысловых напряжениях? А вот что:

человек
↓
общечеловеческие ценности
↓
наука
↓
свободная личность
↓
права человека
↓
открытое общество
↓
глобализм

Можно, видимо, предложить и иную смысловую конструкцию, но приемлема и эта, ибо главное в ней есть: человек наверху и везде, он сам себе бог, сам из себя и под себя творит мир. Велика тут и роль науки, замещающей собой любую другую мудрость, а лучше сказать, вообще всякую мудрость. И глобализм здесь — как логическое завершение сотворенного человеком под себя мира, ибо глобализм и есть все и вся в единообразии и под единым центром (без глобализма здесь никуда — все развалится!).

Кого-то это все устраивает, кто-то себя уже в глобалисты зачислил, кто-то надеется в таком мире место удобное найти, кто-то ничего другого и представить не может. Ничего удивительного: *конец истории, конец страданиям, конец размышлениям*!

Возможен ли какой-то другой вариант — не очень научный, а лучше сказать, с наукой, но и с вненаукой, которая и посильней науки будет? Вариант *вопреки*? Идеально, пожалуй, и возможен, а вот реально… тут одни вопросы, ибо вопреки ведь!..

И вот здесь мы должны покинуть мировой, т. е. уже и глобальный, масштаб, и сосредоточиться всего лишь на том мире, который все еще обозначается как Россия и который мы все еще за родной почитаем: сакральное не терпит всесветской суеты, той самой суеты, что глобализму как раз и родственна, как и гуманизму, и вообще всякой несмиренности. Сакральное начало рамок требует — ясных и гармоничных.

Что же можно тут предложить, заметим, не из книг и не по итогам научных исследований? А вот что:

Бог
↓
Святая Русь
↓
русские
↓
философия хозяйства
↓
соборное бытие
↓
империя
↓
одухотворенная личность

Ну и вариант? Не хватало еще *такого*! Старо, ох, как старо! Ладно, пусть еще Бог, — почему нет, но все остальное?.. Это уж слишком! В наше-то просвещенное и глобализующееся время, когда впереди под Богом уже не страны и государства, не культуры, не цивилизации, не подданные и не граждане, а весь планетарный мир с совершенно свободными людьми — людьми мира, для которых нет уже каких-то особо значимых мест, территорий, социумов и структур, которым они были бы еще чем-то обязаны и перед которыми они были бы еще как-то ответственны — нет, никаких уже привязок ни к каким таким родным местам! Никакого рабства, никакого крепостничества, никаких уложений! Все, что с этим связано, отмирает, т. е. уже не от мира сего, и пусть отмирает, ибо теперь и впредь — только свобода — *личности*!

Чем тут возразить? Пожалуй, и нечем. Действительно, не то что устаревший, но какой-то даже и причудливый получился у нас вариант, весьма к тому же оторванный от реальности, стоящий поперек ее главного потока, устремленного в будущее. Ретроградно и утопично! Нереализуемо! Да, видно, и просто глупо!

Все это, пожалуй, и так: нельзя не признать правильности такой критики… от книжников и фарисеев, которым и сам Христос, надо заметить, очень уж умным и правильным не казался, да вот… сообщил-таки Он нечто весьма важное — не от мира сего дал Весть, но для мира сего, и настолько важную, что… Нет, Боже упаси, мы не к тому, что наш вариант-де тоже, но мы все-таки за него, за эту утопию, однако совсем не такую уж и утопичную, ибо мы все еще за Россию, если она, конечно, хочет будущего, желает *яви* — для себя, для других, для всех! Не должна ведь Россия растворяться в глобализирующемся мире, не должна, не имеет на это никакого права! А если это так, то, может, наш вариант не такой уж и никчемный?..

Ясно, конечно, что первый вариант реалистичнее, ибо он легче и он соблазнителен, к тому же и понятнее — особенно для уже продвинутых, а второй вариант — дальше от реальности, ибо он вопреки ей и он гораздо труднее, к тому же и совсем не привлекателен — удовольствия в нем нет, а потому и считаем — умом, что жизнь пойдет по первому варианту, ибо он — будущее и он — прельщение, но в то же время мы не исключаем — сердцем — возможности движения по второму варианту, у которого почти нет вероятности, но есть что-то, что может потребную вероятность вызвать — при стечении обстоятельств, а ход вещей способен и против хода вещей пойти — это уж как он сам того захочет: его логика — не наша логика, а потому задумаемся просто над этими альтернативами: *при какой из них человеком всего вероятнее остаться*?..

Никудышен, конечно, наш вариант, а жаль!..

«Философия хозяйства». 2001. № 5.

2002 г.

РОССИЯ И XXI ВЕК

I

Что можно сказать о российском пути в XXI веке сегодня, в самом начале века? Ничего или почти ничего. И не потому, что нечего сказать, а потому, что трудно, скорее даже, тяжело, ибо Россия сегодня — не что-нибудь, а странное ничто, о котором говорить приходится даже не как о большом организме, подлежащем выздоровлению, а как о стремительно исчезающем нечто, уходящем даже не в вечность, а в какую-то инфернальную пустоту. Еще немного и от России, кажется, уже ничего не останется.

Печальная констатация.

Материально Россия, конечно же, никуда не исчезает, точнее, исчезает, и в немалой степени, но все-таки остается, пусть и урезанная — на промышленность, на науку, на армию, на вывезенную природу, на население, — все еще остается. Материально России на четверть века, а может, и на полвека, хватит. Исчезает Россия по преимуществу идеально, — несмотря на некоторое — весьма слабое — противодействие.

Имеем лишь сжимающееся выживание.

И ничего более.

А в целом — *опустошение.*

Тающая, как в чахотке, Россия. Странные и страшные времена. Сплошной отход. Россия — *в нави!*

Нужна ли такая констатация? Нужна. Чтобы увидеть, осознать, ужаснуться! А ужаснуться есть чему, и отнюдь не самому бросающемуся в глаза. Нет жизнеутверждающего начала, нет сознания, нет здорового устремления. Даже надежды по большому счету, нет.

Инфернальная Россия.

Нет правды — вообще нет и вообще правды. В пространстве нет, в сообществе нет, среди людей нет. Как субстанции нет, ибо субстанция эта от людей, а люди где? Бытие, а точнее, бытование, недостойно искусства, литературы, философии, не говоря уже о религии. Оно достойно лишь науки, которой все меньше, и пиара, которого все больше. Духа нет, а потому и говорить не о чем, а если и есть, то лишь об остающемся материальном. А на остатки лишь остаточная наука. Соответственно и идеология — без идеи, но с идеальностью — имитационной.

Сегодняшняя Россия лишена необходимой для полноценного бытия, тем более российского, общественной идеальной реальности, а на поверхности, быть может, даже и необходимой институционализи-

рованной идеальности, воплощающейся не в одних идеальных представлениях, но и во вполне ощущаемых учреждениях. Нет идеально организованного пространства, нет общественного сознания, нет жизнеспособного организма. Есть масса, но нет общества, есть индивиды, но нет людей. Есть убывающее население. Обездуховленное, обезыдеенное, обессмысленное.

Нет смыслов.

Отсюда и *бесперспективность.*

Идейная бесперспективность.

Тогда о каком же российском пути в XX веке можно говорить? Если вокруг не что иное, как самый настоящий *апокалипсис*? Об апокалиптическом что ли пути тогда вещать?

И об апокалиптическом тоже. Почему нет, коли он — реальность? Да, Россия сегодня на апокалиптической прямой, — и дело здесь более всего не в том, что-де умирает какая-то ненужная старая Россия — ради какой-то новой и нужной, а в том, что обнуляется как раз Россия как таковая, т. е. Россия вообще или вообще Россия, ибо, во-первых, XX век был веком все-таки разрушения России, понимаемой, конечно же, прежде всего идеально; во-вторых, минимизация России, если не полная ее нуллификация, не только не снята с повестки дня, но и активно исполняется — субъективно и объективно; в-третьих, в России (или на России) крепко, хотя и с разбойничьим страхом, сидит анти-Россия, эта постоянно воспроизводящаяся антисистема, отрицающая Россию, ее обескровливающая и — при случае — ею помыкающая (анти-Россия — застарелая болезнь России, ее почти органический порок, ее историческая беда); в-четвертых, в мире действует вполне обозначившееся антироссийство, не щадящее России (был антикоммунизм, а теперь вот антироссийство); в-пятых, Россия на наши глазах суживается, скукоживается, сворачивается, уходит из хозяйственных, культурных, идеологических, научных, технологических, политических, геополитических, оборонных сфер — она покидает пространство своего бытия, сбрасывает с себя его бремя, освобождается от него, превращаясь в уродливого «большого карлика», утрачивает не то что величие, а самую обыкновенную историческую субъективность, становясь каким-то жалким ничто.

И самое главное: какие такие радужные перспективы видятся для России из чудовищного сегодня? Ясно, что никакие. И после этого не говорить об апокалиптической прямой?..

II

Апокалиптический вектор движения России в будущее — в XXI век необходимо ясно и мужественно осознать, как необходимо осознать и то, что господствующий сейчас и на XXI век вперед новый

(западный, атланто-европейский, американский) мир не за, а против России. Россия этому миру не нужна, а если что ему и нужно, так это псевдо-Россия — с контролируемыми этим новым миром пространством, населением и природными богатствами. Мало того, Россия — в своей российской самобытности — никак не подходит этому новому миру, а соответственно, не может войти в этот мир ни под каким видом, кроме нероссийского. России так или иначе надо перестать быть Россией. Сама ли она это сделает, заставят ли ее или, переделывая, уничтожат вовсе — не суть важно. Вместо России должна прийти, на пути интеграции в новый мир или в случае слишком доверчивого с ним заигрывания, не-Россия.

Мероприятия 1990-х гг., которые всуе все еще поминаются как реформы, резко стимулировали российский апокалипсис, сделав его вновь явным и чувствительным. Смена состояния и образа России, как и сами эти состояние и образ, оказались сугубо апокалиптическими. Нашлись интересы, силы и люди, вполне соответствующие такой апокалиптике. Возникла особая апокалиптическая элита, вряд ли имеющая аналог в истории, ибо эта элита не за, а против — против России, в которой она как будто бы и элита, а на самом деле — антиэлита. Подстать антиэлите и антиправительство, в котором нет ни прави, ни права, ни правления.

В России утвердилась анти-Россия. Но анти-Россия это не просто что-то, что против собственно России, но и что-то, что против мира вообще, бытия вообще, хозяйства вообще, культуры вообще, а потому в России утвердились антимир, антибытие, антихозяйство, антикультура. Дело вовсе не в том, что на место России идет не-Россия, а в том, что на место мира, бытия, хозяйства, культуры идут — и уже пришли — их антиподы. Соответственно и на место самого человека и самого общества. Вот почему трудно называть сейчас в России мир миром, бытие бытием, хозяйство хозяйством, культуру культурой, общество обществом, человека человеком. Российский апокалипсис сопряжен с человеческим апокалипсисом вообще, который вовсе и не в одной России, а по всей планете просто везде по-разному, как и не столь заметно, хотя, впрочем… почему же и незаметно?..

Апокалиптичность элиты и ее правительства в России состоит не только в том, что они, так сказать, хозяева апокалипсиса, его хозяйствующие субъекты (а лучше, антихозяйствующие антисубъекты), но и в том, что они не могут не идти по их же породившему апокалиптическому пути. Что им остается? Идти по пути реформ. И ничего другого. Правда, апокалипсис подрывает диалектически и сами реформы, точнее, их результаты. Отсюда надо бы кое-какой порядок навести и кое-какие действенные механизмы иметь, т. е. держать апокалипсис под контролем.

И диктатура тут не помешает, естественно, вынужденная, «гуманитарная» и временная. Но важно здесь другое: у этой элиты с этим ее правительством ничего, кроме усиления апокалипсиса, т. е. распада всего позитивного, даже и посюстороннего, т. е. неинфернального, не получится. За что ни возьмутся — порча, вред, гибель!

Ничего не изменилось пока для России с ее вступлением в XXI век (правда, может, это и не Россия вовсе вступила в этот самый XXI век?). XXI век начался для России в остром апокалиптическом бдении. И именно это гнусное состояние диктует пока будущее. Ибо нет явных признаков какого-либо преодоления апокалипсиса, да что там преодоления, хотя бы стремления к преодолению. Хотя жизнь в России, густо перемешанная с антижизнью, как-то и продолжается.

III

Нет, не трудности беспокоят, ибо что для России трудности, из которых она и не вылезает, а беспокоят утраты — причем и безвозвратные. Отвратительное время утрат, а соответственно — и безвременье. Беспокоит и отсутствие перспективы, той самой, утверждающей, бодрящей, умиротворяющей.

Невозможно жить в антимире, когда нет или почти нет человека, общества, государства, порядка, правды.

Всего тяжелее ведь от *отсутствия идеального, нравственного, духовного.*

Тяжкий эксперимент переживает население, которое все еще называется российским: бытовать без идейности, без нравственности, без духовности, т. е. без всего того, что и составляет как раз человека, общество, народ, нацию, государство, коллектив, семью, предприятие, даже и какое-нибудь учреждение.

Тяжело от всего этого и страшно.

А что нужно понять? По-видимому, именно то, что нет, не может быть ничего более или менее человеческого на том пути, по которому бредет ныне Россия, ибо это путь лишь в инфернальное никуда, с инфернальным ничто и в инфернальном варианте.

И остается только одно: развернуться и прочь, однако с открытыми глазами, в полном сознании и с ясным умом. Но это-то как раз и невозможно!

Дело, выходит, не в программе.

Может, в лидере?

Что ж, может, и в лидере, но откуда же его взять, да и для кого?

Сегодня дело в *осознании* — возможно более быстром, обширном и глубоком. Осознании всего: что происходит, как происходит, почему происходит, с какой целью? И не только в России. Наступило, пожалуй,

время (а это и есть безвременье!) не программ, не лидеров, не партий, не движений, т. е. вообще не внешних действий-деяний, ибо все они либо неправы, либо бессильны, либо фиктивны, либо служат они совсем не тому, что то них ожидается, будучи хорошо сделанными, но для другого, совсем для другого, как раз и обратного, — наступило, видно, время *личных прозрений и преображений,* побуждаемых острым желанием остаться, а может, и стать, а может, и восстать — человеком, однако уже не тем, не гуманистом, а как раз уже постгуманистом, оживленным не учением каким-нибудь, тем паче интеллигентским, а Духом.

Захочет ли, сможет ли, удастся ли? Кто знает? Никто ничего не знает. Тут опять же трансценденция, тут тайна! Остается только надежда… среди полного безнадежья. Апокалипсис, который, видно, придется выхлебать сполна, ведь не только мучит, но и учит, собственно, он особенно и не мучит, скорее, опустошает, а это как раз всего труднее заметить — собственное-то опустошение, а надо бы, ох, как бы надо!

Опустошение!

Незаметный, коварный, безжалостный враг. Здесь и ложь, и подмена, и фальшь. Здесь механика. Был человек… и нет его, а вместо человека — иное уже существо. И так со всем и во всем. Идет *глобальное пересотворение мира,* в процессе и в рамках которого нет места уже очень многому из реального, почти что всему, в том числе и самой России. Вот и растворяется Россия — в XXI веке!

Нет, не российский вовсе для России XXI век, не российский, во всяком случае, на сегодня. Мечтать, конечно, обо всем можно, как и надеяться на неизбежные циклы, но факт остается фактом — стартует Россия в XXI веке совсем даже не в Россию. Это не старт вовсе, а, скорее, фальстарт, а старт должен быть совсем иным — в Россию.

Когда же Россия выйдет на такой старт, ей крайне необходимый, да и выйдет ли вообще — в том же XXI веке, неизвестно. Но, может, это и хорошо, что неизвестно. Ведь главное — захотеть, сильно захотеть, — и сказать, что такого желания в России совсем нет, нельзя. Тут, как говорится, аттрактор на аттрактор — уводящий от России и влекущий к ней. Один, естественно, более внешний, другой — более внутренний. Отсюда и борьба, — между аттракторами, разумеется, при образном, а не буквальном, понимании того, что скрывается за милым словечком «аттрактор».

Мы не знаем ни сроков, ни качеств, ни ориентиров. И хорошо, поскольку нужно оставить место для случая, для произвола, для Промышления. Как бы ни делалась сегодня и завтра история, — перестающая уже быть историей, во всяком случае, прежней, т. е. достаточно обьективной, историей, — но момент трансцендентности истории никуда не исчезает, хоть и иначе, быть может, теперь является, а потому всякое может быть

завтра, не говоря уже, о послезавтра, а вот к неожиданным переменам надо быть все-таки готовым. Отсюда потребно и соответствующее понимание происходящего, и близкое к нему настроение сознания, и необходимое выковывание характера.

Разобраться надо; обрести различение; уловить жуткую мелодию XXI века; почувствовать к ней отвращение; услышать иные призывы; бороться. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно!

XXI век не дает ни времени, ни пространства, ни сил. Он уничтожает время, убирает пространство, отнимает силы. Это уже даже не XX век, в котором еще все это было, еще была история, еще имелось бытие. XXI век — век тотальной симуляции, сверкающей в тотальной пустоте. Это век-бездна, а бездна всего-навсего есть «без дна», т. е. без основы, без начала, без напряженной конструкции. Ни рынок, ни демократия, ни политическое многоголосие уже невозможны, ибо для этого нет ни устойчивых механизмов, ни организационного поля, ни связывающих механизмов. Ни природа, ни культура, ни институты данной роли уже не выполняют, а если и выполняют, то все хуже и хуже. Человек, общество, цивилизация — все уходит. Уходит и государственность. Уходят критерии.

XXI век — век *великого итога,* итога всему тому, что сделал человек по своему собственному разумению, век не просто перехода к новому состоянию человечества, а к *новому по сути человечеству,* если позволительно будет человечество еще называть человечеством. Это-то новое человечество и есть тот главный итог, который достигнут хозяйствующим передовым образом человеком.

Мир не просто глобализируется, но качественно меняется. Бывшие ранее и бытующие сейчас принудительные организации не работают или теряют эффективность. *Иной мир — иные организации.* И не свободные вовсе, а как раз принудительные, но иначе, не так, как прежде, не так, как сейчас.

Глобализм, пытающийся оседлать глобализацию и глобализующийся мир, мечтает о новой принудительной организации — уже в масштабе планеты. *Глобальная принудительная организация.* Из центра и сверху. С иллюзией свободы для организуемых и со свободой действий для организующих. Не ко всеобщей свободе вовсе идет мир, хотя индивидной динамической свободы, может, и прибавится, особенно для человека-без-родины, а ко всеобщей принудительной организации, но нового по качеству типа, той самой, о которой как раз и грезил, надо полагать, Великий Инквизитор, выведенный Ф. Достоевским. Не к свободе идет дело, а лишь к иному способу принуждения: более незаметному, как бы и естественному.

И средства для этого уже есть: деньги, финансы, СМИ, PR, надо

думать, и Интернет, да мало ли еще что. Главное, чтобы человека (все-еще-человека) окончательно переделать, того самого человека, на которого уже направлены психотехника, генная и социальная инженерия, соционика и т. п. знания-механизмы, а в некоторой мере и такие, как синергетика (чего еще далеко не все, разумеется, воспринимают). Наука ведь вовсе не нейтральна и не безобидна. Наука может многое, и такое тоже, а потому к науке должно быть настороженно-строгое отношение, нравственно-критическое. А ее уже прямо-таки и обожествляют, что, конечно же, нормально — для последних времен. Не хочется всего этого признавать, а придется: именно наука создала новый мир, она же и создала его эсхатологию, вогнав безжалостно в апокалитическое бытование. Посмотрите вокруг: везде наука, везде техника, везде торжество разума — и в Терроре тоже.

IV

Хочется, конечно, ясности. Но, во-первых, ее не может быть в трансцендентно обусловленном мире; во-вторых, ее не может быть в имитационном, симуляционном, быстротекущем, калейдоскопическом, игровом, виртуализированном, мнимом, мимолетном, порхающем, ускользающем и т. д. мире; в-третьих, ее не может быть в насквозь лживом, фальшивом, циничном мире; в-четвертых, ее не может быть в слишком уже криминализированном, декультуризированном, затемненном мире; в-пятых, ее не может быть в явно запутавшемся, заблудившемся, а по-своему уже и одуревшем, мире; в-шестых, ее не может быть в мире тайном, управляемом самым таинственным образом, какими-то скрытыми группами, сообществами, организациями и учреждениями, какими-то «спецами-тенями», какими-то «жрецами-тенями», какими-то «королями-тенями»; в-седьмых, ее не может быть в мире всесторонней и всеохватывающей борьбы, а борьба — не такой уж и порядок; в-восьмых, ее не может быть… можно было бы и продолжить, но и так ясно, что ясность тут невозможна. Мир давно во тьме, а сегодня — в особенности.

Ясности нет и быть не может. Отсюда лишь одно: *обойтись без ясности.* Не принимая решений, не действуя согласно решениям, не ожидая решений. Ясности не может быть в мире неясности, а сейчас человеческий мир особенно неясен, ибо он есть уже созданный человеком мир — по своему подобию, а что в человеке для человека ясного, кроме разве лишь фрейдистских комплексов, да и то… кто знает, чего там — в душе — больше, и что еще есть, что вовсе и неизвестно, ибо трансцендентен человек, ибо он — тайна!

Создан новый мир, а разобраться в нем нет возможности. Нужна теперь наука по разбору наукой же сотворенного. Наука о научном мире. Не наука о науке нужна, которая, пожалуй, апологетична, а наука о научном мире, да еще и критическая. Но и такая наука вряд ли поможет, хотя,

может, и облегчит ориентационную задачу. Даже философия научного мира мало чем поможет, ибо тут откровение потребно, а кто сейчас к откровению прислушается?..

Но представить себе новый мир, несомненно, нужно. И не таким, каким его представляют наука, современная философия или просто пропаганда, а совсем другим — тем же *антимиром,* а отсюда уже совсем иное прочтение — себя и мира, как и всего того, что в этом мире-антимире как-то обретается. Физически стол всегда стол, а вот в рамках идеальности стол далеко не всегда стол, а, к примеру, стул, подставка, лежак, т. е. вроде бы стол, но в то же время и не стол. Точно так же происходит с любой, даже самой стабильной и привычной, вещью: то она вещает одно, то совсем другое, при этом не особенно себя и перебивая. Что сейчас происходит в мире? А происходит глобальное смешение всего и вся, причем не внешнее даже искажение, а внутреннее изменение — по сути, в итоге чего вдруг возникает иной мир, и не просто новый, а именно иной, который выглядит уже всего более антимиром, ибо этот новый мир как-то совсем уж инфернально иной.

Новый идеальный мир, он же и иной идеальный мир, он же и идеальный антимир. Физически это просто неприрода-антиприрода, а в идее — не что иное, как антимир. Ибо здесь имеет место самый настоящий переворот, прямо-таки с ног на голову, этакое сальто-мортале, при котором «мортале», может, уже и не образ, а самый обыкновенный факт. Почему нет? Прыжок в антимир — по-своему и смерть, того же мира.

Можно сказать, что изменятся природа мира, если под природой понимать не природу как таковую, а как некую всеобщую идеальную субстанцию, определяющую характер мира. Так вот, характер мира, т. е. его природа, изменяется настолько, что мир в целом становится другим миром, причем доминантой этого другого мира оказывается то, что можно отнести лишь к антимиру. Вот почему мы говорим о прыжке именно в антимир.

Что получилось? А получилось то, что ведомый наукой человек «пёр» не куда-нибудь, а в инфернальность; уйдя от положительной трансцендентности, человек не мог не попасть в тенеты отрицательной трансцендентности, им самим частью и создаваемой. Это очень интересно, а потому и важно уразуметь. Что ж, не стоило тогда идти? Нет, почему же, наверно, стоило, но… человек не отдавал себе полного отчета в размерности риска, его поджидавшего. Сознавали ли степень этого риска, к примеру, Леонардо, как и те же Петрарка или Микеланджело? Вряд ли. Но так или иначе они и им подобные герои Возрождения этот риск завуалировали — своим творчеством. А риск был, и человек, кажется, не просто рискнул, а даже рискнул впасть в сам риск — с головой, отчего теперь не может и опомниться.

А опомниться надо!

И российский кризис тому и подтверждение, и гроза, и подмога. Весь мир в кризисе, — не одна только Россия. Но Россия в особенности и по-особенному. Пожалуй, ей просто и посчастливилось попасть в кризис — в крутой, жадный, убийственный. Это даже не кризис, а в полном смысле катастрофа, конечно, не физическая, а идейная, в основе трансцендентная. Из кризиса выходят, а из катастрофы — нет, не выходят, из нее выскакивают, если, конечно, возможность для этого есть. И как ни странно, вопреки всем рассудочным доводам, возможность такая у России все еще остается, что, конечно же, несомненное чудо, может и промыслительное.

И дело здесь не в шансе. Никаких физических шансов у России нет, хотя и есть определенные физические резервы. Тут другое: у России есть возможность выскочить из тисков инфернальности, ибо последняя в России очень явна и едка, — и борьба с ней — не движение, не политика, не право, не восстание, а самое обыкновенное личное преображение, причем там, где как будто бы ни личности, ни преображения уже и быть не может. И вот в этом-то «быть не может!» и заложены как раз «надо» и «возможно».

Россия будет втягиваться новым миром в поле своей игры, — не более того. Реформа в России — для нового мира реформа, но он имеет свою пользу, ибо это рубеж, с которого, быть может, начнется движение к иному миру — не к этому. России не нужно ничего строить, сейчас ей достаточно переживать, делая выводы — трансцендентного характера. И формулировать надо не выводы, а мироощущение, да и то не формулировать, а как-то описывать. У России ведь есть колоссальный духовно-интеллектуальный клад-источник — *русская мысль,* отвергнутая и отвергаемая, однако живая и притягательная. Ее не любят, а она вот любит — это главное. И мысль эта не имеет на перспективу заведомых ограничений, ибо открыта она, да и не эгоистична. Мир еще не орошен этой мыслью, самое большее, он ее лишь чует — по личностям Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина, Шолохова, но он ее не знает, ибо не пришло еще время, — пока только время борьбы с нею. Но оказывается, она нужна — миру. *Современный мир нуждается в русской мысли, а русская мысль — русский путь к истине.* Русскость — потребность всеобщая, потому-то она и в негативе. На виду ведь другое — *новомировская мысль,* которая уже и не мысль, пожалуй, а всего лишь от мысли механика, если не просто подобие мысли. А мыслить-то надо: свободно, по-доброму, источниково, ясно. Вот и остается в миру гонимая русская мысль, вот и не пропадает, вот и льется. И ни к какому диссидентству она отношения не имеет.

Выходит что-то совсем парадоксальное: *XXI век — век возрождения и разлива русской мысли!* Никто в это сегодня не поверит, но это, видно, так, ибо новомировская мысль умерщвляет, а русская — живит. И залогом такого исхода — *катастрофа,* которая и выдавит русскую мысль из долгого плена. *Катастрофа России и катастрофа мира.* Русская мысль никогда не царствовала, она и не будет царствовать, но она будет нужна. И она восстанет как раз против XX века, пораженного опустошаюшей новомировской мыслью, она будет непременно за *иной* век, совсем не такой, каким видится нам XXI век, поскольку сама Россия всегда не такая, и русский человек всегда не такой, и русская мысль тоже ведь всегда не такая. Разумеется, всего этого может и не статься, даже наоборот, но тогда и спасения не будет, не будет и жизни — для неновомировцев.

V

Идет сражение: глобальное и всегдашнее. Когда и где его не было в новой истории? Сражение против человека и за человека, против жизни и за жизнь, против бытия и за бытие. Безжалостное сражение. Великое сражение. Она было и до нового времени, а вот в новое время стало особенным, ибо пришло в человеческое время-пространство *просвещение,* в котором нет ничего плохого, но которое ознаменовало собой разделение мира на *мир старый* и *мир новый,* ныне и торжествующий. Однако не все так просто: миру новому противостоит не просто мир старый, а мир другой, стремящийся, надо думать, и к другому новому миру. Вот и сплелось все в борьбе — только на вид кажущейся миром. Нет мира в мире, а если и есть, то, конечно же, временно и локально. Где он — мир в мире?

И если совсем недавно основная борьба шла по линии слева-направо — в рамках наступающего нового мира, ибо слева хотели одного, а справа — другого, т. е. борьба шла за образ нового мира, то сейчас и на XXI век борьба пойдет уже между мирами — новым миром и миром другим, вырастающим по преимуществу в среде не-новомировского мира. Конец, видно, приходит левым и правым, как и центристам, не за ними теперь главные ходы, так как впереди иные фронты, иные и ориентации, кем-то еще принимаемые за цивилизационные. Нет, пожалуй, дело вовсе уже не в конфликте цивилизаций, тем более, не в конфликте формаций, а в конфликте миров, что и пообширнее, и поглубже, и посерьезнее. Теперь уж, видно, схватка последняя — *за человека*!

И как же не вредно России все это осознать, начертать перед собой уже и вне-историческую картину, найти ощупью и в страдании собственный ход, а следовательно, и собственное хозяйство, ибо ход и хозяйство в общем-то одного корня, что и означает в итоге, что российский путь

в XXI веке это и есть *путь российского хозяйства (хозяйствования), пролагаемый в глобальной борьбе миров с помощью русского мировоззрения и миропонимания.* Трудно, невозможно с этим согласиться, ибо не рассеялся еще новомировский морок, густо облепивший человеческое сознание, еще в тумане контуры иного — *не*-новомировского — мира, как и не проявилось еще многое из того, что завтра как раз и проявится. На то и катастрофу переживает Россия, чтоб прояснение наступило, для того же в катастрофу втягивается и весь мир. Разные бывают катастрофы: мгновенные и медленные, полные и частичные, разрушительные и разъедательные, сбросовые и тягостные. Поэтому не нужно думать, что раз всемирного потопа нет, как нет, к примеру, той же всеобщей атомной войны, то и катастрофы нет, — все даже как будто бы и спокойненько. Но и в спокойствии свершаются катастрофы, даже и скрытые. Чем же, к примеру, опустошение сознания лучше потопа или атомной войны?

Свершится ли российский путь в XXI веке? Да кому же это известно? Может, да, может — нет. Это не известно, но и не может быть известно, мало того, не должно быть известно. Какой же тогда выбор, какая нужда, какой риск? Футурология — либо игра, либо пустышка, либо всего лишь осознание на мгновение. Нельзя трансцендентное сделать имманентным, да еще и рассчитываемым. Иное дело — планирование действия, того, чего хочешь, чего ждешь. Но это уже не футурология, а стратегия, которая может, кстати, и не состояться. Мы в России, к сожалению, не может сейчас планировать особой российской стратегии, ибо на сегодня Россия совсем не тот субъект истории, а так себе — квазисубъект, его имитация, а потому планируют за Россию другие. Планификаторы, конечно, видят кое-какие трудности, помехи и риски, но они никогда не увидят главного, того, чего нет и что появится лишь само по себе. В этом и состоит главный порок планификатора — невозможность спланировать трансценденцию, а она вольна делать совсем не то, что хочется планификатору. У него расчет, а у нас — надежда, у него имманентность, а у нас — трансцендентность, у него механика, а у нас — свобода. Неисповедимы все-таки пути человечества!

Россия — тайна! И российский путь в XX веке — такая же тайна. Не надо самонадеянно его моделировать. Лучше кое-что важное сегодня — именно сегодня — осознать. И стать в итоге *другими,* однако *по-русски* другими!

«Философия хозяйства». 2002. № 2.

РОССИЯ В ПУТИ

Так и хочется узнать: на каком же и куда? Куда опять мчится Россия, освободившись от уз «социасоветчины», надеясь, что по капиталистическому пути и на Запад, а фактически… ух!.. страшно и подумать… но инфернальному и в западню? Не досужий это вовсе домысел — *инфернализация России,* случившаяся вдруг вместе с экономизацией и демократизацией. Раз, и перед нами *оборотень*!, — во всех планах и во всех отношениях. Вместо мира — *антимир*, вместо государства — антигосударство, вместо хозяйства — антихозяйство, вместо культуры — антикультура, вместо человека… но нет, не будем, это уж слишком, пусть-таки человек, но… в каком-то вывороченном состоянии, может, даже и более для него естественном. Освобождение от пут тоталитаризма обернулось высвобождением *тотального инферно.* Нет, Россия даже не прыгнула при этом в бездну, ибо где она, эта самая бездна (или бездна, т. е. без дна), а просто сама стала бездной, как бы обездонилась — без порядка, без норм, без устоев, т. е. без основ, или иначе — без дна. И понеслась в каком-то бешеном верчении — то ли к началу, то ли к концу… А вокруг России тоже все обездонивается, превращается если не в пустоту, то в вязкость, — и ужиматься стала Россия, подтачиваться, подлипая и разрыхляясь, все более становясь сизым пятном на тягучей поверхности утомленного времени-пространства. Не хочет Россия ныне времени, не хочет пространства, дороже ей безвременье и беспространствие. Велика Россия, да где она?

В пути. Но на каком же и куда? XXI век — не российский век, он не для России, перемелет он ее, ибо открылась Россия, отдалась, растерялась. Бывают ненапрасные жертвы, хоть как-то оправданные, а здесь — все наоборот, а потому бессмысленные — для России. За лучшей долей потянулась, а долей-то лучших уж нет, во всяком случае, для отказников — от самих себя. Горбачевизмом заболела, а последний — не для взлета, даже и не для ожидания. Отсюда и философия рабья пошла, и действия, и бездействия. Мало ли тому доказательств?..

На слишком уж неопределенный и рискованный путь выбросилась Россия — вниз, на бездонье, через инферно. Внешнее благополучие части россиян, да и то лишь материальное, оплачивается не одним только телом России, но и ее духом. Материя безжалостно подмята, а дух бессмысленно зажат. *Страшна метасмыслологика России!* Вместо мужества и разума — фемина и инфантильность, там же расслабленность и недомыслие, там же и бесчестие. Да, кто-то стал жить лучше, но ведь что инферно? из того, коли человек-то никак не складывается? Какой уж человек, коли инферно?

Путь вниз, в задонье, в аид — тоже путь. Что поделаешь, раз дру-

гой не подвернулся: видно истосковалась Россия по мерзости — на мерзость и потянуло. Обвалялась с головы до ног. Зато, правда, при частной инициативе и при деньгах — не у всех, конечно, но все-таки. Вроде бы и на других стала похожа — с рынком и выборами, которые, разумеется, более всего антирынок и антивыборы. Карикатурна Россия, да так, что карикатура уже и в противоположность свою перешла. Сплошная странность эта страна — Россия!

Что ж, скажут нам, период такой — мерзкий, но потом все как-то образуется: заживут все, хоть и по-разному, разве лишь страны может не быть — России. Да и зачем она, такая вот? Без России как раз, может, и заживут — по-человечески — кто останется. Чем не философия, чем не реальность?.. Забывают, правда, что из инферно в общем-то трудно вернуться, а с такой философией и вообще вряд ли.

Российский путь в XXI веке — своеобразный путь. Это путь по дороге, ведущей от России и в ад, равным образом, и в ничто, и в плоскость. Надежда на исторические волны: сегодня вниз, а завтра вверх, — возможна, но явно недостаточна. Апокалиптический кризис способен и с волнами справиться: мало ли кто в истории в Лету канул, не справившись с волной — что вниз. И вот беда: по-русски жить — плохо жить, не по-русски — хорошо! Россия спорит и борется с Россией. Раскол и раздел, а где раскол и раздел, там и конец!

И что же остается, если ты не русофоб и не русонет, т. е. если склонен ты в России жить и России жизнь желать? Остается вера, но и дело. С верой вроде бы проще, ибо разлита она по всему пространству России, затрагивая почти каждого, иной раз и противника. С делами сложнее, но и они есть, и тоже не в одном месте. За подтверждением далеко ходить не надо: яркий пример — настоящая книга, — насыщенная, многообразная, критическая, благожелательная. Есть умы, есть души, есть жизнь. Вполне русская жизнь, та, о которой еще мечтать надо — творческая. И вокруг так же: где-то на выживание, а где-то и на расцвет. Где много гнусности, там ярче и добродетель. Не хочет человек в инферно, пусть и раскрашенное, не хочет, но и на рай на Земле не надеется, тоже раскрашенный, вот и замер в изумлении от содеянного, по-новому все и осмысливая. Как и в этой книге, уже третьей по счету о России — со всей ее актуальной проблемностью, что готовятся и выпускаются в свет российскими учеными по инициативе Московского и Волгоградского университетов.

Все происходит согласно уже и традиции. Сначала международные научные конференции: на этот раз в сентябре 2001 г. в Волжском — «Вековой поиск хозяйственной модели в России» и в декабре 2001 г. в Москве — «Российский путь в XXI веке», а затем подготовка крупной

коллективной монографии. Теперь вот под названием «От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России». Ранее тоже были конференции в Москве и в Волжском и тоже вышли монографии: «Россия в актуальном времени пространстве» (2000) и «Актуальная Россия. Вопросы экономической теории и практики» (2001). Обе предшествующие работы оказались и содержательными, и привлекательными, быстро став библиографической редкостью (правда, при совсем малом тираже). Новая монография, к изданию которой присоединился еще один университет — Московский государственный университет коммерции, обещает быть не менее значимой.

В ней, как и в предыдущих работах, представлены разные поиски и разные мнения. Творчество не предполагает единомыслия, да и какое единомыслие может быть в нынешней России о нынешней России? Разве апокалиптика обходит стороной умы человеческие — что извне, что внутри? Хочется, конечно, ясности, определенности, даже строгости, но откуда всему этому взяться, коли вокруг все совсем наоборот. До середины 90-х казалось, что дело лишь в новой парадигме, в новой интеллектуальной конструкции, в новой позитивной утопии, а вот в XXI век мы вступили уже с иными взглядами, хоть и не отрицающими вообще прежние ожидания, но на них уже не полагающимися: жизнь оказалась и сложнее, и запутаннее, и хитрее. Пришлось прощаться со многим — даже и с целым идеальным миром, и вступать в новую идеальную сферу, в которой с прежним уставом разве лишь библиотекарю быть возможно. Теперь надо было держать удар — от апокалиптической новизны, а не щеголять приобретенными когда-то познаниями с уверенностью в их истинности. Дважды два — не четыре вовсе, а три, пять, семь… это уж как угодно будет, а вот кому?.. Тут уж думать надо! Да и не только кому, но и к чему, ибо новый мир, который, заметим, уже и не мир вовсе, как раз на произволе и зиждется. А где произвол, там и другие, совсем другие, знания и игры.

Вот и Россия, взяла, да и жахнулась в бездонье, что осудить-то легко, да понять как-то трудно: а чего же другого можно было ожидать при радикальном расставании с «этатизмом», «советизмом» и «социализмом», да еще и с «империей», т. е. при революционном отказе от самих себя, — как не резкого преображения, только вот не того — возвышенного, а этого — низменного? Новый получился образ, но не высший, как бы и цивилизации сопутствующий, а низший, который ближе как раз антимиру.

От Сциллы-чудовища кинулась Россия стремглав к Харибде — тоже чудовищу, то ли не зная о нем, то ли зная, то ли боясь, то ли не боясь. За Россией ведь не угонишься: кажется, здесь она, а на самом

деле уже там. Такой вот получается нетерпеливый и бесстрашный постмодерн, от которого и дух захватывает, и дрожь по телу. А ведь его еще понять надо, не говоря уже о путях — то ли вертящегося в бездумье дрейфа, то ли отчаянного изворота.

России, видно, — если она, разумеется, еще есть, — по-особому как-то вывернуться надо, теперь уже не наизнанку, а налицо, — в угольное ушко просунуться, через бездну проскочить, а это уже, увы!, подвиг, а не разбой вовсе, не стяжательство, не пресмыкательство. Как будто бы ясно, что места для подвига уж нет совсем — не те пошли россияне, но, во-первых, учиться никогда не поздно, а жизнь, ведомая глобализмом, кое-чему все-таки учит; во-вторых, сама жизнь — жизнь! — при разгулявшейся в России апокалиптике — подвиг; в-третьих, как таинственно рухнули, так не менее таинственно и восстанем.

Россия — *тайна!* А русский путь, как и путь Одиссея, дает всякий шанс — в том числе и этот!

Статья написана к выходу книги: От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России / Под ред. Ю.М. Осипова и др. В 2 т. М., Волгоград. Издание Волгоградского государственного университета. 2002.

«Философия хозяйства». 2002. № 2.

ВОПРЕКИ ОТРЕЧЕНИЮ

Ставший идеально и реально еще более несвободным, чем прежде, утерявший навсегда свою идеологию, пусть когда-то и кем-то и благоприобретенную, но уже выстраданную и переработанную, образующийся ныне россиянин лихорадочно ищет возможность окунуться во что-нибудь новенькое, услужливо приходящее из другого — нероссийского — мира, выступающего ловким победителем, — и побежденный россиянин, забыв все на свете, ищет правды там, где ее для него нет, а если и есть, то лишь как сравнение и дополнение, к тому же и критическое, напрочь отбрасывая свое же собственное, на родном языке явившееся, соплеменниками добытое, кровное и трепещущее идейное наследие.

Образующийся россиянин всего боится: не отстать, не впрыгнуть, а главное — не стать таким, как все, чтобы не заподозрили, не заклеймили, не выгнали. Какое тут наследие, если жить надо, а жить сегодня — образоваться не по-своему и туда — в рабство? Какие тут пушкины, какие достоевские, какие флоренские? Ну и что, что правы, что глубоки, что возвышенны, наконец, что наши? Конец теперь всему нашему, ибо нашим сыт не будешь, через наше мир не увидишь, с нашим не возвысишься. Другой теперь мир, не наш он вовсе — и прежде всего у нас, уже и не в российском времени-пространстве.

Смирись, гордый русский, смирись, а если и трудно тебе, даже и невозможно, то уйди в фольклор, где есть место не для одних былин, песен и плясок, но и для великой литературы, философии и даже науки, где и найдешь ты успокоения, только на бедность тогда не жалуйся, ибо пройдешь ты мимо волшебной купли-продажи, для жизни полноценной — по-человечески необходимой.

Не слушай и не слушайся ты всех этих пушкиных, достоевских и флоренских, как и менделеевых, циолковских и вернадских, не нужно все это, тут одна суета и нищета, — это пусть они там слушают — как загадочную музыку, ибо у них все есть и им все уже позволено. Это для них — ценность и смысл, а для нас — пустое!..

Вот, пожалуй, и вера, вот, пожалуй, и проект. Вера как неверие в свое, проект как недействие по-своему. Исторический, а может, уже и внеисторический, факт. В самом деле, уж не при конце ли российской истории мы присутствуем, везде и всюду, все более отсутствуя — что в идее, что в материи, что в реальности, что в ирреальности?..

Но, жизнь-то предполагает и то, что наоборот, что против, что вспять!.. Сакрально предполагает, ибо чуднее огня, замысловатее, закоулистее, чем это кажется нашему расчетливому россиянину. Он-то уже поплыл, и вряд ли вернется. Но кое-кто и остался, и продвигается даже, гребя против течения. Что же это такое — грести против течения, да и зачем?.. Но нет ответа, ибо это великая тайна, а у великой тайны свои разрешения.

Но нет, есть и ответ, но не на вопрос, а на тайну — очередная книга по поводу великих русских мыслителей, которые тоже ведь гребли против течения, ибо только так и могли подняться — в слове, над течением возвысившись, горизонты кое-какие увидев, шествуя мысленно уже не по течению, а по водам. И что любопытно: вчитываясь, а лучше сказать, всматриваясь в них, вдумываясь и вчувствовываясь, вдруг многое, если не все вокруг, воспринимаешь совсем по-другому, находишь иные смыслы, как бы при этом и перевоплощаешься, становясь неожиданно другим, как бы и не очень уж образованным, совсем даже не образованным, а скорее лишь обогащенным — вопросами, языком, думами. Первосмыслами и мета-смыслами, всем тем, чего вокруг нет и чего образующемуся ныне россиянину не нужно. А кому-то вот нужно! И нам нужно. Оттого и книга явилась: о двух Булгаковых — Сергее Николаевиче Булгакове (1871—1944) и Михаиле Афанасьевиче Булгакове (1891—1940). Совсем разных, но чем-то объединенных — кроме фамилии. Если и есть родство, то не столько кровное, что не исключено, ибо корни у обоих на Орловщине, сколько духовно-искательское — в началах, может, в заделах, но не в итогах, хотя, впрочем, как посмотреть. Нет, не напрасный это был поиск — двух печальников, даже и полезный, — и почему же нам

мимо-то проходить — в страхе рабьем?..

2001 год — год 130-летия С.Н. Булгакова и 110-летия М.А. Булгакова. Отрекаясь сегодня повально и охотно от себя (прогресс и глобализм ведь!), от языка, культуры и истории, вступая в игривый не-наш-мир, который никогда не станет нашим, оглянемся хотя бы на мгновение назад — на свое, на родное, на остающееся, а там, вдруг, что-нибудь и заметив, выхватим из того, что уже в прошлом, выхватим что-то очень важное, пусть не так уж и нужное, но всех нас как-то оживляющее и облагораживающее…

За утратами ведь следуют только утраты. Утрачивая свое, мы утрачиваем себя, а утратив себя… уже некому будет что-либо утрачивать. Можно подумать, что наследие где-то там спокойно лежит и никуда от нас не денется. А наследие должно быть в нас, если оно не в нас, то и нигде. Вот и надо ему непосредственно следовать: тогда и рукописи не горят, и мысли не исчезают, и мы в трату не идем. Отречение — не для всех! Раз нет любви, то тут ничего не поделать, а коли есть, то почему же не вспомнить, не погрузиться, не пообдумывать? Глядишь, и жизнь пойдет иначе — по-своему, по-русски.

Статья написана к выходу монографии: Два Булгакова. Разные судьбы / Под ред. Ю.М. Осипова и др. М.; Елец. Издательство Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. 2002.

«Философия хозяйства». 2002. № 2.

2003 г.

ФЕНОМЕН СТАЛИН

Именно так: *феномен Сталин*. Даже не Сталина, тем более не Иосифа Сталина, а просто *Сталин*, ибо Сталин в данном случае — слово-знак, слово-образ, слово-феномен, т. е. не фамилия, не имя конкретного человека, даже не личный псевдоним, а обозначение явления, причем гигантского, не индивидного вовсе, а *социо-исторического — эпохального*. Разумеется, Сталин — человек, личность, один из людей, а слово Сталин — его именная принадлежность, но человек этот нас интересует не сам по себе, а в единстве с олицетворяемым им *миром*, который тоже есть *Сталин*.

Феномен Сталина Сталин, но и сталинская реальность, которую, конечно же, не отделить от Сталина — ни как вождя, ни как концепции, ни как самой действительности. Отсюда *сталинизм* — не одна лишь

идеология или политика, но и сам образ бытия, а в хозяйственном разрезе — даже и *способ хозяйства*[1].

Если раскрывать как-то сталинский способ хозяйства, равным образом и способ жизни, тот способ, который реально сложился, точнее, был реально создан (а это есть громадный: исторический, демиургического порядка акт), то самой его главной на феноменологическом уровне характерной особенностью будет всеохватный (целостный, глобальный, тотальный, почти что и абсолютный) госуд*а*рствизм, такой государствизм, который даже больше, чем то же государственное хозяйство, которое всегда и везде есть, или огосударствление хозяйства, которое может быть частичным, ограниченным, неполным, такое хозяйственное государственничество, при котором государство оказывается как бы большим, чем само хозяйство, при котором *хозяйство становится как бы внутренним моментом государства*, его жизнеотправления.

Не государство при хозяйстве, как и не хозяйство с государством, что обычно бывает, а что-то совсем иное: хозяйство при государстве, от государства, под государством. Государство здесь не просто большой, важный, даже и главный, хозяйствующий субъект, единый и фактически *единственный хозяйствующий субъект*, имеющий монопольное право как раз на те хозяйственные решения, которые только и делают его именно хозяйствующим субъектом, а не просто хозяйственным агентом. Такой государственный хозяйствующий субъект сложен, это не один лишь государственный аппарат, принимающий основные хозяйственные решения, но и все хозяйственные агенты подвластного государству хозяйственного пространства, но находящиеся уже по преимуществу в роли исполнителей приказов сверху и из центра[2].

Феномен сталинизма — феномен абсолютного государствизма. Это главное, а все остальное лишь к этому приложение: административное, партийное, военное, силовое, дисциплинарное, экономическое, финансовое, натуральное, товарное, рыночное, капиталистическое, социалистическое, крепостническое, рабское, идейное, марксистское, антимарксистское, вольное, преимущественное, энтузиазменное, даже и духовное, церковное, религиозное. Хозяйственный государственный порядок, хозяйственная государственная диктатура, хозяйственный государственный тоталитаризм.

И почему это вдруг? Конечно, не по причине личных пристрастий

---

[1] Заметим, что не социализм, к примеру, — именно сталинизм.

[2] Даже конечные потребители предметов массового спроса оказываются здесь в особой роли: не столько выбирающими, сколько соглашающимися на уже сделанный не ими выбор действующими лицами хозяйственной жизни.

Иосифа Джугашвили, хотя в чем-то и не без них. И вообще по преимуществу и по-глубокому, не по субъективным намерениям кого-бы то ни было, хотя и не без лично-субъективных предпочтений. Все тут сложнее, обширнее, путанее, да и непонятнее. Разумеется, нужна была срочная индустриализация и безотлагательное раскрестьянивание, и спешная ликвидация массовой неграмотности, и усиленная подготовка к войне, и быстрый научно-технический прогресс, и развитие инфраструктуры, и ускоренная урбанизация. Надо было решительно догонять, перегонять, обретать недостающее, выходить на новый уровень хозяйственного и социального бытия.

Нужен был рывок!

А соответственно — мобилизация!

Всего и вся!

Отсюда и максимально крутой, охваченный прогрессизмом, государствизм. А если еще добавить, что всего этого крайне необходимого можно было достичь за счет потребления, в ущерб деревне, при минимуме экономической заинтересованности, в условиях выпирающей массовой аскезы, без особой свободы личного выбора, при явном навязывании общественных, внешних для отдельного человека и его семьи, как бы и не житейских, ценностей, то еще более обоснованным оказывается стремительное нарастание абсолютного государствизма.

Однако это ближайшие, достаточно броские и незатейливые, хотя и вполне реалистичные, объяснения. Такие объяснения вполне законны, и к ним широко и охотно прибегают. Крайняя историческая ситуация, острая потребность в сильной воле и в массовом принуждении, в полной мобилизации внутренних сил и ресурсов, в незамедлительных гигантских свершениях и соответственно — *крайний государствизм*! Но не все здесь, как чуется, так уж просто: есть, видно, и кое-что еще, что на поверхности не лежит, в глаза легко не бросается. Здесь, видно, есть что-то, что стоит за феноменологическим рядом, что как бы и в тени, что скрыто, если вообще не в полной потаенности. У сталинского государствизма, надо полагать, своя эзотерика, в чем-то и совершенно трансцендентная.

При достаточном раздумии трудно все-таки отделаться от мысли, что сталинское историческое деяние не есть реализация какого-то великого исторического проекта (ВИП), в чем-то и пробного, а в чем-то и конечного, который не мог быть осуществлен иначе, чем посредством глобального хозяйственного государствизма. И тот факт, что этот ВИП не был, быть может, до конца ясен его инициаторам и исполнителям, как и не был ими вообще достаточно осознан — не отменяет ни наличия самого этого проекта, ни реальной попытки его практического сотворения. Более того, такой проект не только вообще не мог быть, но он — и это главное — *не мог вообще не быть*, что, наверное, всего труднее понять,

как нелегко понять и другое еще более важное, что вся история человечества есть реализация *гигантского (космических параметров) хозяйственного проекта*, о котором лишь приходится догадываться. И наш ВИП — всего лишь одна из мерцающих свершений этого гигантского проекта, который мы склонны квалифицировать как пересотворение мира и человека.

Пересотворение есть, и, оно идет: от *сакральной природы к секулярной природе*. Можно сказать и иначе: от *естества* к *искусству*, с учетом того, что естество — это «есть», а искусство «искус». А можно и еще иначе: от *Бога Творца к человеко-человечеству через человекобожество.* Все это так или иначе человеческое пересотворение мира и человека.

Но человек не был бы человеком, а его мир не был бы миром человеческим, коли это пересотворение не шло бы *альтернативным* образом, т. е. в борьбе разных и непременно противоположных по замыслу вариантов. И на одном полюсе имеет место один вариант, который условно можно было бы назвать «Карфаген», а на другом полюсе — другой вариант, который условно можно было бы назвать «Рим». Нетрудно заключить что за «Карфагеном» стоят Иудея, Финикия, Афины, исторический Карфаген, для современного наблюдателя Северная Италия, Нидерланды, Англия, США, возможно, и сама Атлантида, а за «Римом» Египет, Спарта, Рим, Персия, Германия, Россия, Китай, возможно, и сама Гиперборея). Разумеется, названные страны-государства-цивилизации, не являются непременными вершителями сотворения, о котором идет речь, но они имеют к нему некое историческое отношение, питая идейно и практически разные варианты. История его, конечно, сложнее, богаче и неопределеннее любых схем, а потому полезно не забывать об условности такого рода концептуальных размышлений, их некоторой мифологичности, что, однако, не делает их невозможными[3].

Вариант «Карфаген» был окончательно и бесповоротно для современного наблюдателя запущен европейской экономической революцией середины II тыс. от Р. Х. — в виде ускоренного развития экономической цивилизации (обычно в таких случаях говорят о буржуазной революции и о буржуазной цивилизации, что в общем-то и не плохо, но что и не совсем точно, ибо по сути речь идет здесь о стоимостном перевороте и о цивилизации, в которой господствует стоимость, т. е. о господстве собственно *экономики, об экономическом хозяйстве, об экономизме*). «Карфаген» — это экономическое переустройство мира и человека, их экономизация, причем такая, при которой *хозяйство поглощается*

---

[3] Образы «Рима» и «Карфагена» хотя сами по себе и не новые, отчетливо проявились в сознании автора в итоге содержательной беседы с профессором из Ростова-на-Дону И. Бадаяном в феврале 2002 г.

экономикой, становится внутренним моментом экономического действа. Ориентация на стоимость, господство стоимости, стоимостное обустройство жизни, стоимостной фетишизм, стоимостная эксплуатация, стоимостной паразитизм. Государство под пятой стоимости и экономики, оно их обслуживает, их обустраивает. Стоимость и экономика здесь овладевают государством, его в общем-то побеждают.

Вариант «Рим» — альтернативный экономическому, в основе и по сути *неэкономический*, даже и *антиэкономический*. Тут на первый план выходит натуральность — вместе с натуральной же принудительностью, а соответственно, государственность, огосударствление, государствизм, подчиняющие себе стоимость и экономику, а то и вовсе их отрицающие.

Борьба двух вариантов, каждый из которых был по своему ВИП'ом, предполагала не одни текуще-латентные, во многом скрытые, «самоходные», даже и объективные, контрпроцессы, но и событийно-открытые действа: различные реформы и революции, проекты и политики. Оба варианта использовали как явные, официальные, законные, так и нелегальные, тайные, даже и криминальные, методы, достойные своих афишируемых и не слишком афишируемых целей. И все тут так или иначе перекрещивалось и перепутывалось: в одних и тех же деяниях и событиях могли проявляться разные варианты, как и один из вариантов мог приводить к разным, т. е. двувариантным, следствиям, а одно какое-либо деяние-событие могло сыграть сразу и на оба варианта… Никакой точной механики здесь не было, зато был вездесущий и своевольный эзотеризм.

В каком историческом положении находился, что видел и что прозревал Сталин, пусть даже и просто Иосиф Джугашвили?

Сталина-Джугашвили не устраивало ни прошлое, ни настоящее, ни возможное будущее. Он был в *революционном потоке*, сознавая, конечно же, что сама по себе революция — не созидание. Он был противник прогнившей Российской империи, а потому и был революционер относительно Империи, но он был и противник господствовавшего вокруг экономизма-капитализма, а потому тоже революционер относительно экономической (буржуазной) цивилизации. Смердящий «Рим» и не менее зловонный «Карфаген», — и оба подлежали согласно революционному сознанию Сталина-Джугашвили разрушению.

Случилось так, что первым пал «Рим» — Российская империя. Лично Сталин-Джугашвили и не сокрушал Империю, хотя и боролся с нею, это сделали другие — интеллигентные и воспитанные российские «карфагеняне», «Рим» пал под напором «Карфагена». Российская Империя стала жертвой прямой — и косвенной — мировой экономической цивилизации, которой она противостояла, которой мешала, которую воспринимала и которую отталкивала, которой завидовала и которую ненавидела. Внутренний и внешний «Карфаген» оказался проворнее и

ловчее российского «Рима», увы, уже достаточно одряхлевшего и весьма заблудшего. «Карфаген» взял верх, но, собственно поразительно, ненадолго, всего лишь на мгновение. Коротким, ужас каким коротким, оказался «февраль» — всего-то экономико-буржуазной вспышкой. Не смог тогда «Карфаген» овладеть ни Россией, ни ее социо-хозяйственным пространством, ни исторической перспективой. Возник как-то вдруг и точно так же как-то и вдруг рухнул. Однако не сам по себе, а под ударами, и не кого-нибудь, а самого настоящего «Рима», да не того, не российского, что уже развалился и исчез, а другого *нового*, совсем нового, даже и неожиданного, настолько неожиданного, что и сейчас, по прошествии времени, его трудно все еще опознать — по сути, ибо рожден он был мировым революционным потоком, однако уже антиэкономическим, т. е. альтернативным экономической цивилизации, тем самым, что был назван в свое время социалистическим, коммунистическим, большевистским, равным образом и интернационалистическим (от Интернационала солидной когда-то «антикарфагенской» международной организации). Это уже был «Рим» товарища Сталина-Джугашвили, хотя еще и в потенции; в возможности, в пути. Это еще не был собственно сталинский «Рим», но это был все-таки «Рим»; который мог стать и сталинским, т. е. стальным, статным и стоящим, хотя и не стоимостным.

Два ВИП'а сошлись; тогда в жестокой схватке на ниве революционной России, и оба были, подчеркнем особо, пересотворительного толка, только один принадлежал уже развернувшемуся историческому процессу и должен был лишь ввергнуть в него окончательно Россию, а другой был совершенно новым, даже и нулевым, ибо предполагал восстановление России и ее пересотворение прямо с нуля, с чистого листа, из головы, умно и фантазийно, да еще и в полной целостности ее бытия, тотально, мало того, не для одной лишь России, даже и не для нее в первую очередь; а и как *пример* для других, да что там пример, как и *средство* для других — в пересотворении не просто мира и человека, а еще и в антиэкономическом пересотворении, т. е. в революционно-принудительном переустройстве мира по задуманному социалистическому (так он внешне назывался) проекту.

В России явился не столько российский (для России), сколько мировой (для мира) *великий исторический проект*, который должен был быть в чем-то российским (ибо в России), но который не мог не быть и в чем-то важном и нероссийским; даже и антироссийским (ибо для мира). Это был, надо особо заметить, научно-секуляризованный проект, ибо шел он от человека и только от человека и никакого Господа Бога уже никак не предполагал, а также вдохновлен он был не таинственно-сакральным, а очевидно-точным, т. е. вполне научным, знанием. Это был в полном смысле слова *инженерный (социально-инженерный) проект*,

пожалуй, и технологический (с «поправкой на людской обыкновенный, психологический материал). И иным этот проект уже не мог быть эпоху господства науки и техники, в эпоху торжества человека-демиурга, в эпоху обезбоженного обеспринроденного хозяйства.

Так или иначе, но Сталин оказался в центре развернувшегося на месте Российской империи пересотворительного действа. И что же он тогда уловил — как его возможный эффективный вершитель? К тому же, заметим, и как уже давнишний его участник, причем не какой-то там периферийный, профанский, а довольно-таки посвященный — *знающий*! Каков же был, а лучше сказать, в чем же выразился, роковой *момент истины* для того Сталина?

Если кратко, в нескольких словах, то вот в чем: Рим должен быть Римом, а *Новый Рим — Новым Римом!*

Отсюда и *абсолютный государствизм*! Отсюда и *сталинизм*! Отсюда и *Сталин*! Сталинизм, он же абсолютный государствизм — не один метод, не одна организация, это еще и *идея с идеологией*. Большая идея с большой идеологией! Какая же? Если поразмыслить, то, пожалуй, велико*и*нквизиторская (по гениальному образу Достоевского), но разве лишь с той разницей, что Великий инквизитор тут — не совсем человек, он человек-бог, однако не тот, что из Троицы, а сам по себе, из человеков, заместо Бога. Великий инквизитор — вождь, т. е. веду́щий и ве́дущий, жрец, т. е. зрящий, знахарь, т. е. знающий. Он и есть абсолют. Из него и только из него выходит новый мир. Он его проектирует и строит, он архитектор и строитель. Создатель Царства не-Божьего на Земле. Он распорядитель и судья. От кого, что, кому, куда, кому что, кому за что. Абсолютное повиновение, ибо все виновны, и он винит, указывая. И вот тут-то и абсолютный террор, когда виноватым становится и невиноватый. Только тогда все сразу вместе, но обязательно под его началом, по его воле, по его замыслу. Виноват — не виноват, но в общем-то виноват, а потому можешь быть и уничтожен. Все грешим, а потому и все под Великим инквизитором, который всеми распоряжается и всех карает. И ведет, очищая. Через абсолют! А там, глядишь, — кое-что и получится… Идеология тайная, неафишируемая, прикрытая (марксизмом, атеизмом, даже и государствизмом).

Абсолютный государствизм — уже и не совсем государствизм, это что-то большее, здесь уже какое-то сверхгосударство, сверхобщество (по А.А. Зиновьеву), т. е. что-то, что уже и за пределами собственно государственности, как бы и мета-государственность. Конечно, можно определять все это привычными словами-категориями, как-то характеризировать, но чувствуется, что здесь что-то другое, из другого мира, в традиционном дискурсе не описываемое. Даже восточные деспотии

вряд ли сравнятся со сталинизмом, ибо ведь и *партия* здесь была, в которой состояли и бюрократы, и рабочие, и ученые, и артисты, и домохозяйки, и сам Великий инквизитор.

Повиновение, подчинение, послушание, но и *единение*, подкрепляемое *гарантированием*. Можно жизнь отнять, но можно и дать, точнее, обеспечить. Не от себя, а от него, от Великого. Предоставляемая постоянно сверху и из центра жизнеспособность: за труд, за отречение и за верность. Царство страха, но нет не просто животного, хотя и не без него, а особого, почти что и сакрального, того самого, что и на место ставит, и жить примерно понуждает, и понимать кое-что позволяет. Как бы ответственного страха, в чем-то и продуктивного. Что у всех, что у самого вождя! Страх не сделать, не подготовиться, не перегнать, не успеть. От страха и цена гуляла любая. Волевой здесь был страх, не примитивный, не бытовой, скорее даже и возвышенный, эпохальный.

Мощный оказался, проект. Проект Нового Рима! Причем не четвертого вовсе, — т. е. еще христианского, которого уже не могло быть, а именно, *нового после*-христианского, как и *анти*-христианского. Посвоему и религиозным был проект, если учесть, что религия здесь была, скорее, *анти*-религией, или религией-*наоборот*, или после-религиозной религией. Сталин, как и К. Маркс, тоже религиозный тип (по С.Н. Булгакову), разумеется, с учетом особой его религиозности. Религия в общем-то есть связь с Богом, а тут связь непосредственно с Вождем, причем предположенная; выдавленная, принудительная. Религия среди человеков, т. е. без-Божная религия. Религия прямого и тотального действия. Не любовь здесь в основании, а порядок, а если и есть любовь, то лишь в виде вожделения к вождю, пред ним преклонения и в нем растворения.

Не только Сталин в ту эпоху обратился в новоримскому ВИП'у, и реализовывались подобные проекты не только в России. Это важно осознать. Данное переустроительное стремление было и остается принадлежностью: к времени — ново-новейшего времени, — со всеми его научно-техническими и экономическими процессами, секуляризованными гуманистическими идеологиями и гипотезами, мировыми кризисами и войнами, эксплуатацией и классовой борьбой, мировым революционным движением, капитализмом и социализмом, и т. д., и т. п. Время потребовало новоримских ВИП'ов, и многоместная их реализация не замедлила себя ждать. Сталин был не один, Сталин соответствовал времени, Сталин адекватно отвечал на его запросы.

Сталинский ВИП рождался и осуществлялся в борьбе с другими ВИП'ами, в жестокой с ними схватке. И сталинизм не мог быть ни мягким, ни терпимым, ни жалостливым. Любой из ВИП'ов реализовался в войне — по войне — по случаю войны, через войну, воинственным обра-

зом. Замысленный вызов не мог быть ни естественным, ни уважительным, ни добрым. Вокруг было слишком много зла, что прекрасно сознавал Сталин, в нем и участвовавший, и зло не перетекало вовсе в добро, — а потому любой рывок к чему-то иному, может, на конце и доброму, мог быть только деянием зла, либо злым деянием, но конечно же, не простым прямым злодеянием. Сталин не был наивен: старт, почин, рывок мог быть только решительным, бескомпромиссным и жестоким. Иначе — эгоизм, нажива, паразитизм, лень, предательство. И ожидать было нечего и некогда: или всё и сейчас или ничего и никогда! Сталин предполагал всё и сейчас, а потому и развернул в полной мере сталинизм.

Жертвоприношение было огромным, но и результаты оказались гигантскими. Трудно сегодня говорить, что же было бы, если бы… не сталинизм, а что-то другое? Другое не произошло, его не было, а вот результаты того, что было, налицо. Сталинизм выполнил задуманное, вырвавшись попутно и в Космос. Космическая была задача, Космосом ее решение и увенчалось. Новый Рим — *Новый Космос*! И в Космосе как таковом очутился Новый Рим! И жертвоприношение, которое случилось, было явно космическим, хотя и не по Божьей Благодати.

Мобилизация, армейство, кулак!

Тяжкий, но феноменальный феномен — сталинизм. Индустриализация, урбанизация, сциентизация. Победа в самой масштабной и кровопролитной в истории человечества войне с другими ВИП'ами. Космос! И все это в кратчайшие сроки, решительно, даже по-своему и красиво. Тяжко, но вдохновенно, тяжко, но грандиозно, тяжко, но величественно!

Нет, не одно зло в итоге сотворил Сталин, хотя и злом по злу и по добру прошелся, — немало и доброго оставил. Далеко не одни пороки в сталинизме, а уж тем более в его итогах. И прогресс был, и развитие, и социальность. Нельзя сказать, что и личность совсем подавил, индивидуальность человеческую. Приоритет общественного, государственного, партийного, может, и стеснил человека, но не уничтожил в нем совсем лица, хотя, разумеется, особенно и не расцветил. А кое-что порочное в человеке явно присмирил, не дал ему в этом большой свободы — пусть и насильно, по-инквизиторски.

Насилие. Да, насилия было много, очень много. А что, разве жизнь человеческая, сама история человека, как и его хозяйство, даже и в экономическом, т. е. как бы и в максимально свободном образе, разве обходится без насилия? А вокруг Сталина разве мало было насилия — вовсе и не сталинского? Нет, насилие не Сталин придумал. Он лишь его весьма последовательно и тотально использовал. И насилие это имело все-таки *цель*, причем если и не совсем уважительную, хотя бы в чем-то и оправдательную: к счастью ведь вел, пусть и призрачному, а если и не к сча-

стью, то хотя бы к иной жизни, как бы и лучшей. Общественно-демиургическим было все-таки сталинское насилие.

Все достижения и все беды сталинизма хорошо известны. И то в нем было, и совсем другое. Одно ясно: беды не закрыли собой достижения. Нельзя сказать и то, что жертвы были совсем напрасными, хотя и трудно отделаться от мысли, что жертв таких могло бы и не быть. Кровавое было тогда время, а что же ожидать нам от такого времени, если не крови? Что-то было и зря, и ненужно, и впустую, но что-то все же было создано, что-то необходимое и важное, что служит, что обеспечивает. Была какая-то чистота наряду с грязью и лицемерием. *Всё* было — и отрицать это *всё* явно бессмысленно!

Сталин воплотил новоримский ВИП в жизнь. Факт. Воплотил жестоко, но целостно — по всему объему бытия. И не только воплотил, но и продержал — хотя бы до своей кончины. Тоже факт. Мало того, несмотря на попытки отката, переделки и даже демонтажа, совершенные после ухода Сталина, цивилизация, им созданная, продолжала работать еще не одно десятилетие. И это факт. И однако, рухнула!

Почему же?

«Третий Рим, а четвертому не быти», как когда-то провозгласил старец Филарет, а по-нашему, по-современному, не быть уже никакому послехристианскому, и уж тем более антихристианскому, Риму.

Выходит, что Новый Рим мог насильно состояться, но он не мог сам по себе удержаться. Созданный Сталиным «Рим» не подлежал какому-то долгому воспроизведению. Что хорошо для вырыва, натиска, скачка, то не очень хорошо для обыкновенного, прямо-таки и обывательского, бытия. Армия, и та когда-то демобилизуется, а что говорить о неармейском мире? Да и «Карфаген», отогнанный и загнанный, совсем и не дремал — что вокруг, что в душах, готовый разворошить, и поглотить любой «Рим», тем более сколько-нибудь утопический.

Героизм не вечен.

Зато вечны пороки и слабости человеческие, как и прелести и сладости, те самые свойства и стремления, против который «Карфаген» не только не выступает решительно, а которые, наоборот, всячески и использует. «Карфаген» куда-как человечнее «Рима». Именно он ближе человеку, ему адекватнее, что не так уж и предосудительно, хотя и не слишком для многих привлекательно.

Да, сталинский Новый Рим был альтернативой «Карфагену», разумеется, вполне современному. И альтернативный поиск имел основания быть, как имел он и исторические причины оказаться крайним, предельным, маргинальным. Уж если от «Карфагена» к «Риму», то к Риму самому последовательному, т. е. к *супер*-Риму. Историческое время требовало и позволяло — *супер*-проекты, *супер*-решения и *супер*-действия. Все

это происходило ведь в потоке *глобального пересотворения мира и человека*, то почему же тут не быть *супер*-альтернативе, тем более что она уже противостояла не просто «Карфагену», а самому настоящему *супер*-Карфагену?..

Сталинский ВИП имел все-таки краткосрочный характер: как появился он во взрывоопасном наполнении, так и исчез внезапно. Сталинская цивилизация не была и не могла быть надолго жизнеспособной, ибо была она *чрезвычайной*, что есть не только констатация исторического факта, но и какое-то его объяснение.

Нежизнеспособность — не один лишь событийный факт, но и *качество*. А вот «Карфаген» жизнеспособен. Ибо он не идет против природы человека как человека, а всячески к этой природе подлаживается. Здесь тоже своя Великая инквизиция, совсем другая — объективно-стихийно избирательная, та самая, что Невидимой рукой называется, а иногда и Рынком: сами себя, здесь люди и инквизируют, отправляя кого вверх, а кого вниз, следя бдительно друг за другом, конкурируя. Механизм и эффективный, и не слишком явный, и вполне как бы оправданный.

В яви сталинская альтернатива в конце концов не удалась, как не удались и некоторые другие сходные ВИП'ы. Правда, антикарфагенские проекты не ушли совсем в прошлое, а кое-где они и по сей день выполняются. И это несмотря на то, что «Карфаген» полностью торжествует.

То, что у сталинизма есть до сих пор приверженцы, как и то, что они, по-видимому, будут и позднее, достаточно понятно, ибо борьба ВИП'ов не только не утихает, а наоборот, нарастает, пусть по преимуществу и идеально. Человек не переставал верить в ВИП'ы, как и их разрабатывать, тем более что необходимая философско-мировоззренческая основа давно уже налицо, лишь получив в XX в. *ноосферное*, а не ренессансное, как было раньше, отличье. Все вокруг зовет к глобальному переустройству, никто в его необходимости и возможности не сомневается. И приверженцами сталинизма оказываются сегодня не одни собственно сталинисты, а и самые последовательные антисталинисты, ибо они тоже за ВИП, как за уже реализуемый, так и за совсем новый.

Великая эпоха преобразований и преобразователей, — куда же от нее деться?

При более тщательном раздумии выяснится и кое-что другое, а именно, что сталинизм вполне жив не в одних лишь умах, но и в действиях в тех же насильственных тотальных преобразованиях, скажем, от «Рима» к «Карфагену», как сейчас в России. Ведь по-революционному, по-большевистски, по-сталински, только с той разницей, что Сталин жертвоприносил ради всех, а сегодня жертвоприносят ради избранных. Другая тут инквизиция, совсем уж обманная и гнусная, и не Великая

она вовсе, а какая-то совсем низкая. А что, собственно, ожидать от победившего и торжествующего «Карфагена»?..

Но самое, надо полагать, интересное, состоит в том, что нынешний мировой «Карфаген», осуществляя свой собственный грандиозный ВИП, называемый скромно *глобализацией*, явно «косит» под Сталина, естественно, без его антикарфагенских идеалов, ибо насильно создает *новый мировой порядок*, ему выгодный, никому не оставляя ни выбора, ни выхода, ни отхода. Мировой «Карфаген» подминает под себя все возможное, а все для себя ненужное или себе противное он перемалывает и уничтожает. Таковы реалии сегодняшнего глобально-переустроенного времени. Сталин, возможно, и хотел овладения миром под свой ВИП — и кое-что для этого сделал, но действительное овладение миром, причем *всем* миром, осуществляет как раз современный Новый Карфаген.

Сталинизм, пусть и не в целом, а в своих отдельных чертах и гранях, может, в отдельных мотивах, вполне актуален — и не в одной лишь возможности. В основе своей сталинизм ведь не страшная девиация, а самая настоящая закономерность. Не будем забывать, что и Сталин — продукт не одной лишь эпохи, но и всей истории. Сталины просто так не возникают. Они нужны. Будучи сами продуктами от исторического целого, они продуцируют *новое историческое целое*, а вот приемлемое или нет, тут уже вопрос.

Мир нуждается в сталинизме, пусть и не очень похожем на тот самый сталинизм, и мир какой-то необходимый ему сталинизм рождает, пусть и с противоположным знаком. Ведь мир идет по пути сверхобщества, того самого общества, которого и обществом-то уже не назовешь.

Можно сказать, что сталинизм больше собственно сталинизма, разнообразнее и трансцедентальнее, что он обусловлен глубже, солиднее и неопределеннее, чем уже реализовавшийся сталинизм, что он может быть выражен не только по-разному, но даже и не совсем по-сталински, как-нибудь наоборот, парадоксально, даже и карикатурно. *За сталинским сталинизмом стоит несталинский сталинизм, тот самый, который был до Сталина и который есть и будет после Сталина*.

Сталин лишь удачно совпал со сталинизмом, дав ему свое имя.

Преемственность в связи со сталинизмом не одна лишь преемственность самого сталинского сталинизма, а это еще и своеобразие, даже и несталинские продолжения сталинизма, если не его, пусть и мало похожие, повторения. И кто сегодня поручится, что сталинской тенденции в мире нет и она в будущем не просматривается?

Кто?

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Феномен Сталин». М.; Краснодар: Изд. МГУ, 2003.

РУССКИЙ МИР И Я В НЕМ — РУССКИЙ!
Непослушные заметки

Что значит *русский мир*, точнее, не мир сам по себе, а мир именно *русский*, коли мир вообще более или менее понимаем, а вот русский — не очень. Ясно будто бы, что русский, а вот какой? Что это такое — быть русским?

Русской природы как природы нет и быть не может, есть природа, находящаяся в связи с русским миром, — русская природа, поскольку в ней, а частично и от нее, русский мир, но от нее не как причины, а как одного из обстоятельств, которые есть, но которых могло и не быть. Природа способствует русскости, но не дает ее — она здесь нейтральна. Это русскость позволяет кое-какую природу называть русской. То же самое и о пространстве, хотя вовсю говорим о русских просторах и равнинах, — не потому, что они сами по себе русские, а потому, что они связаны с русским миром, ему служат, как-то ему и соответствуют. Обусловленность ими бытующего русского мира, конечно, есть, но не на уровне причины, а всего лишь безмолвного обстоятельства, разумеется, никак не ограничивающего самого феномена русскости.

Дело не в природе и не в пространстве, как и не в том же климате, — разве только самая малость, да и то лишь в аспекте некоторого влияния: среда обитания тут не совсем безразлична, но не от нее же сама суть человека, тем более поименованная. Суть человека, наверное, в самом человеке, но в чем же или от чего же — от организма или от души, от крови или от сознания, от химии или от идеи? И ответить на эти вопросы совсем не просто, если не сказать по обычаю: и от того, и от другого, но как же этого мало, хоть и спасительно — надо бы возыметь иное решение.

Вот та же русскость: сколько иностранцев, чужеземцев, инородцев становились в русской среде вполне русскими, хотя в чем-то и особенными русскими, иногда и не слишком русскими, часто и не до конца русскими, и наоборот, сколько соотечественников, туземцев и соплеменников вдруг оказывались в русской же среде совсем и не русскими, мало русскими, а то и противорусскими, как и в нерусской среде русские могли долго оставаться русскими и неожиданно быстро превращаться в нерусских, сохраняя что-то русское лишь в глубинном осадке.

Что здесь важнее: физический генотип или культурный, рождение или бытие, влияние среды или внутренний зов? Нам остается такой ответ: если дело касается отдельных людей, то значимость или удельный вес того или иного обстоятельства-мотива, видимо, имеет случайный характер, а вот относительно масс людей, особенно внутри масс-общностей, то здесь одной случайностью не обойтись, хотя вряд ли помогут тут и

закономерности, ибо как же их вывести? — и тогда в действие вступает логика, однако не простая, что ведет от одного вывода к другому, а более сложная, что позволяет как бы перескакивать, хотя и не произвольно, от заключения к заключению, а то и вовсе обходиться без какой-либо цепочки доказательств.

Если взять ту или иную этническую общность, то в ней важна именно общность — как по отдельным факторам-признакам, так и в их совокупности. Общность есть общность, то, в чем погашаются случайности и отклонения, но в чем и не видно отчетливо роли отдельных качеств. Русские — и все, а вот почему, из-за физики или той же лирики, большого значения не имеет, ибо ото всего понемногу, но в главном, видимо, из-за того, что действительно обще всем — всем русским, и тогда вдруг станет ясно, что это общее — из видимого, осязаемого и указываемого — есть не что иное, как *язык*, однако не как чисто словесное образование, а как что-то, что улавливает и преподносит смысл, в слове и словах не всегда содержащийся, а лишь им обозначаемый и представленный. Язык, что и народ, этнос, пусть и суперэтнос. И совсем не случайно великий А.С. Пушкин обмолвился: «всяк сущий в ней язык», имея в виду народы, где, кстати, и слово «сущий» не случайно, ибо здесь и существующий, и существенный, т. е. особый по сути и по-особому бытующий — благодаря языку, в котором народился и живешь, мало того, с которым обретаешь суть и существенность, а соответственно, и особое существование.

Если подходить к языку как к чему-то нейтрально информационному, отражательному и показательному, то народ тогда — не язык, — и Пушкин сказал о языке как народе случайно и зря, разве лишь для красного словца. Однако Пушкин это Пушкин, а потому есть резон не спешить с выводами, а подумать, ведь из каждого слова «смыслы торчат, — как заметил русский поэт О. Мандельштам, — в разные стороны», т. е. слово — сонмище смыслов, мало того, лишь их знаковый, хотя часто и не нейтральный представитель. Наверное у каждого этноса какая-то своя организменная химия, своя конструкция каких-нибудь молекул, за что-то там отвечающих, но у каждого этноса и свой смысловой мир, который, возможно, и зависит от хромосом, но который тем не менее воспринимается и воспроизводится через *слово* — либо прямо из слова, либо косвенно — при его посредничестве. Смыслы в основном не в языке, они за его пределами, но без языка нет смыслов, их выражения, а главное, восприятия, даже и не выраженного в слове-словах, а находящегося как бы и вне их, между ними, за ними. Сам по себе язык, особенно как предмет науки — языкознания, не народ, а вот народа без языка нет, а потому народ — язык, как и язык — народ. В крови у Пушкина всякое найдешь, разную там хромосому, а Пушкин — русский, ибо язык у него русский,

хотя Пушкин прекрасно владел и французским языком, но сам он языком французским как раз не был, а был он языком русским, принадлежал не к французскому, а к русскому народу, ибо язык русский был для него родной, т. е. и на-*род*-ный, а потому Пушкин русского роду, а не французского.

Когда мы говорим язык, т. е. и народ, то имеем в виду не словарный запас того или иного народа, как и ту же грамматику, а живой язык, который не есть одни слова, а и многое другое — те же междометия, однако разные, как бы и не учтенные официально, акценты, возгласы, звуки, гримасы, жесты, ужимки, вообще все, что сопровождает живой язык — речь, что речёт, что рекёт, что река, что течь, что течение, что истекает, что поток, а в общем-то — живой идеальный мир, если хотите, и космос, а то и вселенная. У языка по этой части нет преград — во всю бесконечность! И у каждого народного языка — своя вселенная, правда, разного масштаба, ибо жизнь языка, его реальность, как и у этноса, разная — где побольше, где поменьше.

А в языке или через язык — все! Думы, воображение, речь, общение, а главное — вся *культура*, со всеми своими нормами и аномалиями, запретами и разрешениями, установками и ценностями, а потом и понимание, и самоощущение, и поведение, как и воззрение, мировидение и мироведение, знание, а соответственно, и сознание: свое и общее, как и свое в общем и общее в своем. Разумеется, есть психология — личная и общая, есть темперамент, есть характер, как бы вне языка, но что языком принято и смысловым образом устроено, ибо к тому же характеру, диктуемому физисом, можно относиться по-разному, считая его, к примеру, нормой для этноса или таковой не считая. И так, кстати, во всем: все так или иначе вдруг «обволочено» языком, а потому и им опосредовано — от языка как живой идеальной реальности зависит ко всему отношение, всего понимание, всего одобрение или порицание. Ведь дело тут не в словах, которые лишь орудие, а в понятиях, которые не суть слова, хотя словами могут быть выражены. Вот человек бывает со словами, а без понятия, — и это «без понятия» куда как важнее слов. Словами сыплет, а понятия, о чем сыплет, не имеет. А в языке как раз понятия важнее слов, ибо они и есть часто сама суть, а не ее только знак, как то же слово. Иногда слова и понятия совпадают, но это совсем не обязательно: понятие имеет место и без слов, как и понимание, даже и без жестов, без гримас, без взглядов, а так — само собой, ибо язык, культура, знание, сознание вовсю трансцендентны, а не всего лишь имманентны. Язык, как и весь идеальный мир, который в языке и языком выражен, погружен во что-то, что словами не выразимо, а потому реализуется без слов и без знаков, хотя и в языковом потоке, в языковой турбуленции. Язык не только больше, чем слова и грамматика, но он еще и больше,

чем… язык, т. е. больше того, что человек способен выразить словом «язык», пусть и сопряженным со словом «народ». Только уяснив это, можно представить себе, что есть в действительности язык — эта более чем информационная среда, ибо она восходит к тому, что можно назвать предынформацией и нисходит к тому, что можно было бы назвать послеинформацией (мы склонны считать, что *нечто* сопряжено-таки с *ничто!*).

Русский мир — мир русского языка, соответственно, и народа. И своей русскостью русский мир обязан именно языку, не отделимому от народа, т. е. языку-народу, а не народу-языку, поскольку значение языка, или народа как языка, все-таки выше, чем народа или языка как народа. И отдавая столь высокую дань языку — языку-народу, мы исходим не из самого по себе звуко-немо-образного ряда, каким является на поверхности и в своем механизме язык, т. е. привычный нам язык из языкознания, а из той *метасмыслологии*, которая за этим рядом скрывается и составляет уже не форму, а саму суть языка — уже в нашем — самом широком и ёмком — понимании. Человек живет в своем языке, он в нем находится, им питается, его изменяет и пополняет, через него выходит в мир и мир же воображает, общается с себе подобными, ставит задачи и их разрешает, действует, трудится, творит, но также и исследует, познает, умножает знания, как и философствует, мудрствует, поклоняется богам, воспринимая их или до них додумываясь — полностью реализуя себя как существо, обладающее не просто сознанием, а сознанием рефлексирующим, абстрагирующим, идеализирующим, т. е. опять же языковым сознанием, а не каким-нибудь еще. Соответственно русский человек живет русским языком и обладает вследствие этого, что для науки уже почти крамольно, *русским сознанием*.

Вообще говоря, у человека всегда и всюду только один в полном смысле слова язык — *родной*, который от рода, рождения, родины, от предков, от родителей, от глубины отраженных в языке веков и от широты собранного в языке пространства. Один! И суть здесь не в том, на каком языке человек вообще говорит, или даже на каких языках, а к какому языку он принадлежит по рождению, если, конечно, эта принадлежность была родителями ему обеспечена (вот она, историческая, т. е. и источная, истоковая роль родителей!). Двух языков — как родных, быть не может (здесь, видимо, действует правило исключенного другого), ибо человек не может обладать двумя сознаниями, коли он не сознательный шизофреник. И если нам сейчас приведут пример русских дворян, владевших русским и французским языками якобы одинаково, то, во-первых, не все тут так просто, ибо какой-нибудь язык все-таки превалировал — в глубине сознания, а не на бытовой поверхности, во-вторых, мог ведь получиться и француз из русского дворянина, который был

тогда фактическим инородцем, в-третьих, имела место и языковая шизофрения — глубинное раздвоение сознания, из-за которого бедный русский дворянин не находил себе места, подаваясь то во французы — в Париж, то в декабристы — в Петербург.

В любом случае должен состояться сакральный выбор — выбор *родного языка,* а вместе с тем и родного — *своего* — сознания: либо это делается родителями (вместе, разумеется, с дедушками и бабушками, дядьями и тетками), либо это делается самим человеком, тем же несчастным русским дворянином (не будь Арины Родионовны, что бы мы получили от Пушкина?), на которого предки навесили неродной французский язык, хотя, надо заметить, бывало и поздно уже выбирать, и вообще напрасно: выбор был уже предрешен — не в пользу родного сознания (Пушкин вот выбрал родной русский язык и соответствующее сознание, не став языковым и народным выродженцем).

Наука ныне утверждает, что отвыкание от родного языка в иной языковой среде сродни такой ломке сознания, при которой как раз и возникает проклятая шизофрения, сопровождаемая упрощением, если не падением сознания, его деградацией. Второй язык, как и второе сознание, не становится родным. Владимира Набокова нет никакого резона здесь поминать, хоть и писал он по-английски, во-первых, он был уже от рождения русским, а во-вторых, писал-то он по-английски неважно — с позиции русского, конечно, человека. Во втором языке, т. е. и во втором сознании, многого не достигнешь (мы имеем в виду не бизнес, конечно, хотя учтем, что и бизнес во второй языковой и сознаниевой среде творится ведь с участием родного языка и родного сознания, о чем мы обычно забываем, — второй язык служит лишь информационным — переводческим — средством). И пример Соединенных Штатов ничего обратного нашим утверждениям не доказывает: либо культура там творилась на родном и общепринятом английском языке, либо создавался шизофренический суррогат, не имевший никакой, кроме пустотной, ценности. Что же касается практических дел, то, во-первых, наибольшую удачу переживали все-таки англоязычные американцы, для которых мир вокруг не был очень уж чужим, скорее, другим родным; во-вторых, в мире денег, где деньги — всё, не так уж важен язык, о котором мы здесь говорим, ибо его заменяет язык денег — родной, кстати, для американцев, пожалуй, и поболе, чем какой-нибудь английский; в-третьих, не надо забывать и об этнических образованиях, весьма и весьма закрытых, типа землячеств, общин, мафий, каких-либо иных группировок, что облегчало, несомненно, деловую и любую другую жизнь в многоязычной Америке, т. е. родные языки не так уж и утрачивались в денежном Атланто-Вавилоне. Или те же черные африканцы, привезенные в США, — разве не изменились они, забыв в конце концов родные языки и усвоив некий

английский? — Нет, они не стали англичанами и даже белоамериканцами, так как англоамериканское сознание слишком уж другое, но они уже и не африканцы — сознание-таки поменялось, и не только от образа жизни, а от образа самого сознания, а соответственно от языковой стихии (а язык — это именно *стихия,* а не какая-нибудь информационная система, хотя и таковая тоже).

Что значит *русский*? Вот это вопрос, на который действительно нет ответа — как полного и окончательного. И мы не будем здесь гадать и умножать число гипотез: может, от русости, т. е. русых волос и белой кожи, но кто же не рус и не бел? — может, от росости, т. е. росы, влаги, реки, но кто же не на реках, без воды и без росы? — может, и от красотости, т. е. красы, ражи, огня, солнца, но кто же не с красой, не в ражи, не при огне и не под солнцем? Этимологически тут вопрос не решить, хотя что-то и заставило предков называть себя, так или иначе, *русскими* — русами, росами, русскими, а теперь вот и россиянами вовсю зовут, хотя это последнее — не про русских, точнее, вместо русских: клин клином вышибается — вроде бы русские, а при этом уже и не русские.

Считается, что русские-де молодой народ. Возможно, если лишь о русских говорить, а не о тех же русах, как и о скифах, сколотах, венедах, славянах или еще о ком-нибудь из древних, кого можно и за предков русских посчитать — не без оснований. Мне, кажется, что русские или русы — *проторусы* — глубокой истории принадлежат, и корни их далеко в веках, если не в тысячелетиях, на что указывает не столько рус-народ, сколько рус-язык. Рус-народов перебывало множество и, судя по многим данным и признакам, в разных местах евразийской ойкумены, а вот рус-язык, который изменялся, дробился, даже и превращался, был не то что бы один, а скорее един — из общего корня и в некой корневой общности.

Очень древен, судя по новейшим изысканиям, рус-язык, а по некоторым заключениям — из древнейших, как бы из первых, еще из доиндоевропейских. Конечно, здесь неопределенность, да и просто тайна, но ведь есть странная взаимоотрицательная совместность между рус-языком и арабским языком — тоже древнейшим, когда оба языка составляют чуть ли не праязыковое исходное ядро, в котором один язык — арабский — закрыт, консервативен и неизменен, а другой — русский — наоборот, открыт, отзывчив и переменчив, выполняя при этом и роль языка-матки. И многие древние письмена, ранее никак не разгадывавшиеся, вдруг расшифровываются с помощью рус-языка: критские, этрусские, хеттские. Когда мне довелось, к примеру, быть в Италии, на вилле Адриана под Римом, я не без удивления прочитал на щите, сообщавшем о расположенной на вилле выставке археологических находок — smotra, т. е. выставка, от как бы русского «смотреть», — и какой же язык-народ

у какого другого тут словечко подсмотрел? — Трудно сказать, не исключено, что латинский у проторусского (не через посредство ли тех же этрусков?), а может, и наоборот, древнерусский у латинского (не через посредство ли венедов, вандалов, скифов, или еще кого-нибудь из варваров, занявших Италийский полуостров, громя Римскую Империю?).

Не все здесь просто, история ведь нам не слишком известна, да и более всего легенды, легенды, легенды… Правды-то не так уж и много. Вот и приходится задумываться над неожиданным — невероятным и очевидным, когда по-новому вдруг взглянешь на привычное: Милан (а почему не М*и*лан), Болонья (не Полония ли?), Венеция (не Венедское ли?), и т. д., и т. п. И дело здесь не в каком-то там историческом приоритете, не говоря уже о превосходстве, — дело просто в истине, которую хотелось бы знать.

И кажется, что одна из истин постепенно приоткрывается — рус-язык — очень древний язык, куда древнее Древней Руси, то бишь Новгородской, Киевской или Владимиро-Судздальской, а сами эти Руси вовсе и не древние, а какие-то промежуточные, а по принятой в исторической науке хронологии самые что ни на есть средневековые, т. е. не начальные для Руси, а лишь этапные — свое-временные. Любопытно, — и как замечательно, — что еще в Московской Руси, кстати, уже давно христианской, летоисчисление шло от Сотворения Мира, а не от Рождества Христова, как это уже было принято в просвещенной и ушедшей вперед Западной Европе, — почему бы это, уж не от ощущения ли своей истинной древности, а не нарочитой, а потому и двусмысленной, если не лживой, «древности» всего лишь средневековой, а лучше сказать, свое-временной Руси?

Трудно вообще сказать, кто древнее — русы или славяне, имея ввиду, конечно, проторусов и протославян, а не нынешних вообще славян и русских, — но мы не об этом, а о другом — о самом наименовании «славяне», «словене», «скловене» и т. п., — почему-то имя это идет прямо от слова «слово», которое значит словленный, уловленный, названный, обозначенный смысл, т. е. со-мысль? Славяне — сомысляне, смысляне, слане. В чем же тут дело, почему так, а не иначе поступили предки, ведь дать имя тогда — заметить и покорить саму суть? И неважно, кто так назвал славян: сам Господь Бог, первочеловек, сами себя славяне или, наоборот, не славяне, но названо именно так: позвали, значит назвали — смысл, а раз позвали смысл, то и узнали — знанием его обросли, а там уже и известностью начали пользоваться — вестью быть, — и уж не словесной ли? Как бы то ни было, но вначале было слово — Божье Слово, и оно было дано Богом человеку, — и почему же тогда не быть среди людей и мастерам слова? А просвещенная Европа —

не варварская, а цивилизованная, всех этих славян прямо в рабов — в эсклавов, а если и не в рабов, то в варваров, в недо-степенных.

Но не все опять же так просто: есть, к примеру, русские сказки, они же предания, в которых о многом таком говорится, чего как будто бы и быть не могло, да так говорится, что и диву даешься, насколько мастеровито. Седая древность в них, — может, и не только с русами бывшая, — добротным словом изложенная, и какая-то загадочная культура, как бы ниоткуда взявшаяся. И славяне как бы ниоткуда, а уж русы — тем более, — ниоткуда и везде: на Севере и на Юге, на Востоке и на Западе, кругом — с перемещающимися центрами. И языки от них, и народы, и царства-государства, и культуры… Широк и чуден рус-мир — славянский мир, ибо *древо* он и есть: языков, народов, царств-государств, культур и даже цивилизаций, да не с одними лишь ветвями, а и со стволом, видно, рус-стволом, и с корнями, надо полагать, проторусскими.

Миф все это, скажут нам, миф и только! Наверное, и правы будут — по-своему, но и мы в свою очередь заявим: а что вообще не миф? Уж не западноевропейская ли версия истории не миф, хоть и наукой высокой называется — на фактах, которые то ли были, то ли не были, да еще и на интерпретированных особым образом, а потому то ли на фактах, то ли не на фактах? Мы и не будем возражать против мифа, прикрываясь объективной-де и истинной-де наукой, а прямо так и постановим — *миф*, однако миф приемлемый — для нас, и не потому, что нам так хочется, а потому, что так хочется русскому языку — рус-языку, который не при Рюрике вовсе возник, не при Иване Грозном, а уж тем более не при Петре Великом, который усиленно его уродовал, если не изничтоживал, а гораздо-гораздо раньше, очень давно, с самого, можно сказать, сотворения мира, тому самому рус-языку, который даже и Христу, похоже, был известен — пусть и не во всем объеме, который и пережил века-вечные, несмотря ни на что: переселения народов, войны, пожары, потопы, угнетения, забвения, забывания, незамечания, трактования, да мало ли еще что — пережил и заговорил о себе истово, источно, источниково, исторически, благо, видно, срок и этому пришел.

Русский мир, русский язык, русский народ, русский человек. Русский — русскость! Что же это такое — русскость? Можно, разумеется, описывать все русское, находя то-то и то-то, с чем-то соглашаясь, что-то отвергая, что-то приветствуя, что-то и понося. Такое описание будет по-своему полезным, но вот приблизит ли оно к русскости — к той самой *субстанции*, которую еще выводить надо, если ее почувствуешь? Квинт-эссенция! Как легко сказать и как трудно обнаружить: а она не то что внутри, скрытая и заказанная, она еще и вовне, но не предмета, а его смысла, ибо в чем-то наиболее важном она непременно трансцендентна — уходит куда-то в смысловую даль. И все тут надо увидеть

сразу — весь этот русский мир, и разглядеть его насквозь, как раз в том самом направлении, где маячит эта самая трансцендентность, с тобой по-своему играя — иной раз и весьма лукаво. Надобно проникновение, подкрепляемое обозрением целого, да такое, которое хирургически не достигается — тут нечего вскрывать, раздвигая, копаясь все дальше и дальше. И пресловутый анализ тут не поможет. Здесь потребно *откровение*, а как его поймать, коли все сложно, замыто, непокорно? Космос, и тот, наверное, легче поддается познанию, чем какой-нибудь человеческий мир, который тоже космос, однако совсем другой — ускользающий. И как же нам словить — поймать на слово — эту самую русскость, коли она этому не только противится, но, возможно, и не подлежит уловлению — из-за своей трансцендентности? Нет, здесь не думать надо, точнее, не только и не столько думать, сколько по-особому всматриваться, да не пристально только, что каждый умеет, а именно по-особому — внутренним оком, которое, оказывается, тоже есть и тоже смотрит, а вот открывается оно не у каждого, как и не по каждому поводу. А у нас-то повод нешуточный — русскость, ради чего любое напряжение оправдано.

Возьмем всю связку целиком: *русский мир — русский язык — русский народ — русский человек*. Гулять исследовательски, т. е. следопытно, по миру, языку, народу и всем человекам, конечно, можно, но вот надо ли, точнее, не затемнит ли это гуляние саму суть, ради которой все и затевается? Не лучше ли, зная о языке и народе, имея их в виду, попытаться соединить в одном познавательном акте сразу мир и человека, получив в итоге мир в человеке, но не какого-то там человека, о котором мы почти ничего не знаем, а… *самого себя*, о ком мы тоже не так много знаем, но который как раз может стать тем самым окошком в мир, через которое могло бы вглядеться в его нутро то самое око, о котором мы только что говорили, если, конечно, учесть, что око и окошко в данном случае — две стороны одной и той же медали — сознания, что личного, что общественного, того самого сознания, в котором все и отражено, все и сидит, все и копошится. Не узнать русскость, а осознать, вглядываясь в свое собственное сознание. Тут уже таинственная *рефлексия рефлексии,* уходящая куда-то вдаль — к сути, либо *осознание осознания* — тоже устремленное туда же, — и иного здесь не дано, ибо маячит за всем трансцендентность.

Я — *русский*! Это не хорошо, и не плохо, это — факт, который, как замечается, далеко не такой однозначный, как может показаться — не относительно меня, а относительно довольно многих вокруг — кто не ощущает себя таковым, кто не видит в этом толку, кто очень не хочет, кто просто стесняется, а кто и побаивается — на всякий случай, правда, это

все более образованные, городские, цивилизованные, одним словом, современные. Что им русскость, так себе — пустота, если не вред, — это тоже факт, который опять же не хороший и не плохой, — а просто так — никакой, как и носители этого факта — люди всего мира сразу, т. е. как бы и растворенные, стертые. И здесь нет им никакого укора — просто самая обыкновенная констатация, весьма для многих и желательная. Быть русским сегодня не так уж просто, а по-своему и накладно, ибо что вокруг хорошего и перспективного, связанного с русскостью? Да ничего, или почти ничего, во всяком случае ничего сколько-нибудь значимого. Может, раньше и было, да вот сплыло, даже и сама великая русская литература. Все или в прошлом или вообще не было — никогда, а была лишь легенда — реалистичная, но не реальная, уже всякий смысл теперь потерявшая. Факт? Разумеется, факт. Русскость не только не в почете, она не просто уже на задворках, она в гоне — с тем уточнением, что не она гонит, а ее гонят — кому не лень! Всяк сейчас может, всяк — даже самый ничтожный человечишко, эдакая тварь дрожащая, поносить русскость. Так что никакой-такой гордости великоросов, а одно лишь сплошное сожаление, да стыд, да горечь. И, однако, мне деваться некуда, я действительно русский, да не по паспорту, а по рождению — по про*исхожд*-ению, ибо изошел я от русского племени, от русского языка, от русского мира, в них, с ними и через их посредство и живу.

Не знаю, кому как, а мне довелось увидеть вокруг себя разных русских людей, в которых я пристально всматривался, которые меня интересовали, в которых, надо полагать, я видел и самого себя — как факт, как способность, как потенцию. Я родился в 1941 г., а вглядываться внимательно в окружавших меня русских людей стал где-то к победному 1945 г. — году духовного триумфа русскости! Мне, конечно, повезло: и подъем был народный, и языковый расцвет, и люди вокруг были — энергические, знающие, умные, добрые, хотя и накипь разная была, и отбросы, и всякая сволочь, но не в приоритете, совсем даже не в приоритете. Мне удалось тогда войти во вполне здоровый, хотя, быть может, и локально, русский мир — со словом, чувствами, переживаниями, с природой, землей и небом, с родителями (отец служил Отечеству и семье, будучи ее главой, мать — семье и Отечеству, будучи домохозяйкой, т. е. в семье хозяйкой, — что тут плохого, а?), родственниками, коих было множество, с друзьями, соседями, знакомыми, а потом и с воспитателями, учителями, вообще со старшими.

Повторяю, не без удовлетворения: вокруг были люди — *люди*!, что главное, но была и *природа,* еще живая, натуральная, естественная, были, конечно же, и вещи — полезные и немногочисленные, были разговоры, рассказы, воспоминания, т. е. была живая история, но самое, пожалуй, примечательное — было много света и солнца, являлась своевременно

жара, шли бодрые дожди, падал веселый снег, играл колкий мороз — во всем была какая-то удивительная ясность, и было как-то очень хорошо: от жизни, от улиц, от поливальных машин, от метро, от физкультурников, от военных оркестров, от чистоты. Ясно, что это было раннее детство, когда только познаешь и мало что знаешь, но ведь это было и вхождение в мир — в свой мир, — и этот мир был русским. И какие сомнения могли быть в том, что и ты в этом же мире, что ты в нем не чужой, что ты тоже русский?

Вот тут как раз и язык, да не тот, не языкознаниевый, а настоящий, живой, народный, м*и*ровый. *Русский язык*! И какой же еще? Естественный, обволакивающий, близкий. Полезный, открывающий, научающий. Язык-демиург! Родной язык: от роду и по роду, от русских и для русских, рус-язык, язык-мир, язык-все. Со всеми словами, интонациями, артикуляциями, мимиками, жестами, восклицаниями, пропусками, пустотами, в общем, со всем своим арсеналом, в котором нечто вдруг перемежается с ничто, знак с безразличием, голос с немотой, смысл с бессмыслицей. Тот самый язык, в котором что-то тебя прямо-таки бьет, что-то от тебя вдруг убегает, что-то перед тобой натужно вихляется, что-то сильно влечет, а что-то резко отталкивает. И загадки, сплошные загадки: что, почему, для чего, зачем? — язык ведь тайна, большая тайна, — разве он прост и ясен, разве не скрытен, разве не насмешлив?

Войдя в русский мир — по самому рождению в нем, непременно становишься русским, на все и смотришь потом по-русски, хотя вокруг тебя далеко не все русское. Однако сознание твое уже русское, хоть русским можешь себя и не ощущать, ибо не каждому удается слышать бесчисленно повторяемое — спокойно и достойно: «Ты — русский!», что, разумеется, ни хорошо, ни плохо, а просто особенно: есть в мире немцы, турки, татары, — о них ведь тоже слышишь от рождения, есть китайцы, французы, американцы, да мало ли кого нет на свете, но вот есть и *русские,* — выходит, что ты русский среди русских, что и есть твое достояние.

Вряд ли стоит распространяться здесь о русском знании, который каждый русский так или иначе осваивает, о русской истории — устной и письменной, которая непременно входит в сознание каждого русского, о русской литературе, которая это сознание безгранично развивает, о русском искусстве, обогащающем русское сознание, наконец, о русской религии, это сознание укрепляющей и утверждающей. У каждого ведь наступает или может наступить, некий момент истины, состоящий в обретении сознания — *русского сознания,* хотя все может случиться, и мы это вполне допускаем, совсем и по-другому, либо вообще может не случиться. Но кому-то везет или, наоборот, не везет, поймать этот момент истины — в полной мере ощутить себя русским, как и принадлежащим

русскому миру. И это осознание — о-сознание! — и есть по сути то самое невыразимое словами *откровение*, которое мы так хотели бы уловить и перевести в ясный словесно-знаковый ряд.

Коли уж осознал, то и нечего особенно здесь говорить, лишь запутывая осознание. Слова тут не нужны, как не нужны они вполне обыкновенному русскому крестьянину, который останется в полном недоумении, если его спросить о его русскости — разве ж само собой не понятно? Это образованному — якобы просвещенному, городскому, интеллигентскому уму надо все отвлеченно понять, сформулировать, закодировать, а непосредственное восприятие очевидной данности — без слов, в молчании, в тишине — абсолютно ему невмоготу. Вот и приходится объясняться и объяснять, что ты не африканец, не латинец, не индиец, не малаец, даже и не украинец, а просто русский — с русским языком, сознанием, менталитетом, что там еще — с психологией, поведением, каверзой, что еще? Да, в основе все русское, закодированное, если хотите, в терминах культуры, представленное кое-как словами, но так же и без слов, что-то допускающее, а что-то нет, что-то заставляющее и, наоборот, что-то дозволяющее, и хотя наваливающееся на бедного русского всем своим сводом-зданием, но исходящее все-таки из какой-то единой и достаточно трансцендентной сути, которая если и известна кому, то разве лишь одному Господу Богу.

И все-таки хочется знать: вдруг что-нибудь и откроется, — почему нет? Ведь так уже много было всего сказано, что пора из этого многого кое-что и извлечь — драгоценно-истинное. Ясно, что пора, ибо русскому человеку сегодня не то что не легко, а трагически не легко — по разным причинам, как своим, так и не своим. Не только не на подъеме русский мир, но даже и не на спаде — чуть ли не в бездне. И говорить о нем надо, как надо и суть его схватывать, ибо теперь уже не жизнь, а экзистенция, что совсем не одно и то же — при жизни о сути жизненного вряд ли задумаешься, а вот при экзистенции, т. е. то ли жизни, то ли как бы жизни, то ли даже и нежизни, задумываться уже приходится: только кризис побуждает к такого рода размышлениям, к сути чего-либо направленным — не к суете вовсе, к которой и направляться совсем не надо.

Так что же это такое — *русскость*?

Нам известны многие характеристики русскости, которые принадлежат как русским, так и нерусским, как соотечественникам, так и иноземцам, как русским по крови, так и русским по идейно-культурной установке, как сторонникам Руси-России, так и ее врагам. Всякое успели наговорить: хорошее и плохое, терпимое и отвратительное, живительное и убивательное. И любили Русь-Россию, и ненавидели — причем яростно, и смотрели на нее досадным взором, мало что в ней понимая. Но так или иначе дело сводилось, как правило, к выделению какой-либо

черты, как и ряда черт, свойственных-де русским людям, Руси-России, русскому миру, а потому и русскости, замещая этим понимание собственно русскости как некой *субстанции*, которая одновременно есть и дух, и идея, и смысл той самой *субстанции,* которая как возникла с русским языком-народом, так и бытует до сих пор, пусть и скрытно, даже и в искаженном виде, но которая неотъемлема от русского мира, самой его существенности.

Нам ничего не остается, как вглядываться в самих себя, стараясь в своем микрокосме заметить эту самую субстанцию, затрагивающую и остальных русских, разлитую по всему русскому миру. Поэтому вряд ли нас удовлетворят такие оценки, как стихийность, иррациональность, неуравновешенность, маргинализм (стремление к крайностям), непостоянство и т. д., якобы свойственные русскому национальному характеру, ибо, во-первых, полно противоположных черт и примеров, во-вторых, у себя лично мы этого в приоритете как-то и не находим, в-третьих, все это не очень подтверждается реальной историей, как, к примеру, пресловутая «женственность» (Н. Бердяев), органично-де свойственная русским (как же тогда расхаживать со всем этим багажом тяжелыми военными дорогами, овладевая попутно и столицами исключительно мужественных, рациональных и организованных народов-государств?). Думается, что здесь больше легенд и заблуждений, в которых в какой-то мере виноваты и сами русские, выставляющие себя — в своей роскошной придури, а по-европейски — карнавально — не в самом выигрышном свете. Да и какое отношение такие и им подобные характеристики имеют к нашей существенной субстанции? Должен заметить, что выдвинутая Ф. Достоевским «всемирная отзывчивость», может, и характерная как-то для русского мира, вряд ли может нас удовлетворить по причине поиска некоторой качественной определенности в самом духе этого русского мира: отзывчивость — свойство, функция, проявление, а не исходное качество. Равным образом, мы вряд ли удовлетворимся такими характеристическими сентенциями, как «русская космичность», «русская аскетичность» или даже «русская святость», ибо это опять же не качества, а черты-проявления, которые свойственны не одним вовсе русским, а самим русским далеко и не тотально. Вряд ли, к примеру, К. Циолковского надо принимать за более русского, чем того же маршала Г. Жукова, а Сергия Радонежского — чем Дмитрия Донского. У одних выходит космизм, аскеза и святость, а у других вроде бы ничего такого и нет, а если и есть, то по-другому, не столь явно и первостепенно, — но ведь можно вспомнить и немало замечательных русских, в том числе и героев, которые ничем подобным вообще не отличались. Одно дело те или иные характерные феномены, имеющие место в многообразном русском мире, а другое — квинтэссенция этого мира, его сущность, его дух.

В любом случае нам надо в своих откровенческих размышлениях быть ближе к *духу* — как таковому, — с учетом, конечно, его разных черт-проявлений, но все-таки уходить куда-то дальше, оказаться за проявлениями, зайти поглубже. Задача практически невыполнимая: что есть этот самый дух, дух языка-народа, каким словом его определить, коли он откуда-то из засловья, где слова бессильны, может, и из самого дословья, из еще и не выраженной в словах премудрости — Софии, о которой знаешь, что есть, и которую выразить человеческими словами невозможно? Тут господствует трансценденция, о которой только и можно сказать: не знаю! Ясно, что есть русскость, что я не немец, не турок и не татарин, — что же это такое — русскость, как, по-видимому, и та же немецкость, та же туркость, та же татарскость, если об этом вообще задумываются немцы, турки, татары?

Дух! Это хорошо. Но надо, по-видимому, привлечь еще и какую-то телеологию, т. е. уловить и учесть некую цель, ради которой, собственно, и русский мир, и рус-язык, и рус-народ, — какую-то *сверхцель*, ради которой весь этот дух, вся эта русскость.

Тут потребны несколько оговорок.

Разумеется, русскость как практика совсем неоднородна: в русскости всего хватает, есть даже как бы разные русскости. Но мы будем следовать, если так можно выразиться, более нормальной, нежели болезненной, русскости, ради которой и можно было только затевать весь этот непростой разговор, — что говорить об отклонениях, которых много, да еще и выдавать их за истинную русскость? Нет, здесь пусть будет больше Пушкина и Л. Толстого, чем Гоголя и Достоевского, — ведь именно первые реабилитировали русскость, ее не только по-настоящему выявив, но даже и весьма возвысив, подарив русским людям искомую нами русскость, за которую совсем уже и не стыдно было, даже если и во грехе. Грех — не всплеск болезненности, а всплеск нормальности, ее ритмического самовыражения. Но и болезненность бывает разная, если ее нормально понимать, скажем, как конфликт с реальностью. А такой конфликт ведь совершенно русский — где ж еще ему быть, кроме Руси-России? Нормальной русскости тяжело, она указанный конфликт преодолевает внутри себя — мужественно (а не женственно), не переводя стрелок в ненормальность. А вот если воли не хватает, тут уж вступает в дело болезненность, по-своему и в чем-то оправданная, что так выразительно показал великий Ф. Достоевский.

Дух, не находящий адекватного соответствия с реальностью: либо пребывающий в мире ему вопреки, либо от мира бегущий — в ненормальность. С одной стороны, подвиг, а с другой — сдвиг. Есть, видимо, в этом духе какая-то неотмирность, какая-то потусторонность, какая-то

инаковость. Отсюда и тайна, невозможность ни понять, ни описать. Нездешняя тут совсем телеология, не тутошняя цель, не нашенская заданность. Подвиг спасает, ибо он для других, а не для себя; сдвиг будоражит, ибо он для себя, а не для других. Однако ни то, ни другое не удается — ни общественное благополучие, ни личное счастье. Один тут результат — *трансцендентное присутствие в этом мире неотмирного русского духа*: то ли атавизм это, который должен исчезнуть, то ли новизна, которая в муках еще только рождается. В любом варианте — недюжинная апокалиптика!

Болезненность позволяет выявить нормальность. Наши симпатии на стороне последней, — на возвышении русскости, а не на ее принижении. Падшее, конечно, есть, его много, но не в нем суть — это лишь одна проявленность нормы. К норме мы и тянемся, вопреки чуть ли не всей русской литературе и философии. Болезненность — как бы неудавшаяся русскость, ибо удача тут лишь через подвиг. Возьмите любого удальца, т. е. удачливого русского, и увидите, что в нем проявлена непременно отрицающая этот мир воля. Расходуемая не на личное счастье, а на жизнь вообще, но не эту, ибо эта жизнь не особенно ему и ценна, ее как бы и нет, а на какую-то другую, им переживаемую, его же и удовлетворяющую, но не так, не так, как на Западе и Востоке, Севере и Юге — при полном внешнем неудовлетворении, даже и отвержении. Что-то особенное проносит по жизни вопреки реальности такой вот русский удалец, сам того и не сознавая, но настолько замечательно, что и не по-мирски, не по-нашему, не по-людски.

Русскость, конечно — *тайна!* И никому ее до срока не разгадать, никому, даже и самому русскому из русских. У русского нет обыкновенных, т. е. вполне житейских, мотивов, у него все вокруг плохо, все не устроено, все абы как, и если что у него и хорошо, так это то, что он вовсе и не знает, а лишь каким-то шестым, а то и седьмым чувством как-то ощущает, — там, внутри, в глубине, где ничего нет, а если и есть, то бездна, однако, не та — не безысходная. Русскость — преодоление — без какой-либо определенной цели, неизвестно ради чего, это что-то совершенно идеальное, не приносящее ни внешнего благополучия, ни эзотерической нирваны. Отсюда и срывы, — и что в них винить русскость, у которой в этом мире ничего нет, кроме нее самой, и такой неизвестной. Нет того письма, в которое можно было бы положить русскость. Ибо это, скорее всего, лишь музыка, да и то никак не воспроизводимая.

Бессмысленно определять русскость, она неопределима, ибо вполне трансцендентна, — и не словить ее, и не отринуть. Она здесь, хотя ее и нигде нет. Да, ее можно изобразить, как-то обозначить, пожалуй, и обрисовать, но не так, совсем не так, как было бы нужно — разве можно

показать невыразимую мечту, а может, и не мечту вовсе, а какое-то припоминание — из детства. То ли бывшее, то ли будущее, но никак не настоящее. У русскости и русских нет настоящего, а если и есть, то лишь как надежда, но не сама по себе реальность. Реальность — ничто, а вот ничто тут — реальность. Все здесь наоборот, все не так. Ни как на Западе и Востоке, ни как на Севере и Юге.

Разумеется, настоящая жизнь есть, но она… не совсем настоящая, а более всего компенсационная, ибо в пустоте нет жизни, а потому и есть некая полнота настоящего — есть же дом, семья, дети, есть, наконец, работа, какое-то занятие. Но все это имеет ценность только в свете ненастоящего, того, чего нет — что либо в прошлом, либо в будущем. Акценты не на настоящем — отсюда и удивительная жертвенность. Мир не воспринимается русскостью как настоящий, — и этот мир не достоин обустройства, не то что любви. А любить его надо — вот потому-то и героизм, и жертвенность, потому-то и компромисс с настоящим, которое все-таки по-настоящему настоящее. Отсюда и увлечения, и рывки, и разочарования, и падения. Настоящее отрицается ради прошлого или будущего, а поскольку в этом мире настоящее не удается — как ст*о*ящее, то приходится его не то чтобы имитировать, а вынужденно как-то проигрывать, ожидая иного.

Дела и переживания, характерные для Запада и Востока, Севера и Юга, не занимают русского человека, ибо и то и другое для него всего лишь тщета. И к тщете он вообще относится как к чему-то совершенно вынужденному, а не как к позитивно выстраданному. Русского привлекает в общем-то то, чего нет — это и хорошо, и плохо одновременно, но так уж у него получается. И если что и увлекает русского, так это какое-нибудь большое дело — по возможности не для себя и не очень-то понятное. Только здесь разворачивается русский, но опять же — если дело это выходит за рамки гнусно обыденного. Тут и тщета прощается. А в остальном русскому просто скучно. Не отсюда ли как раз пресловутая русская хандра?

Русскость — не фикция, а реальность. Внешне она, может, и не очень привлекательна, а притягивает, в том числе и нерусских. Нет, не одно жизненное пространство влечет к России ту же Европу, не одни ресурсы, не одна возможность эксплуатации: есть здесь своя магия, исходящая именно от русскости, ибо всем хочется быть свободными — в духе, как и выйти за пределы опостылевшего бытия. А Русь-Россия как раз и есть беспредельность, за которой, естественно, проглядывает и беспредел, но как же ценна эта беспредельность, коли только она позволяет удерживать что-то трансцендентно-сакральное, еще не организованное, еще не направленное, еще возможное. Именно в России жизнь упорно

ищет жизнь, хотя и никак ее не находит, впрочем, почему же не находит? — может, как раз кое-что и находит — единственное в этом мире возможное, т. е. *русскую жизнь*, как бы и несуразную, но в то же время почему-то и очень заманчивую. Ностальгия — по преимуществу русская болезнь. А о чем, собственно, ностальгировать, когда охотно бегут, а вот в Россию как раз не бегут. В нее приходят, мучаясь. Россия — более аид, чем рай, но почему-то аид этот так завораживающе влекущ. Уж не потому ли, что только в России можно наплевать на обыденность, оставаясь при этом человеком, как и наплевать вообще на всякую пошлость, что, собственно, уже и проделала столь ярко и последовательно великая русская литература, невольно представив и русскость в искаженно-неприглядном виде.

Ведь кто-то же должен в мире отвергать этот неприглядный человеческий мир — целиком? Не приспосабливаться к нему, не переделывать его под свое эго, не встраиваться в него смиренно. Кто-то же должен нести в себе жажду иного мира, выпестывая какую-то — вовсе и не сформулированную — альтернативу существующему порядку вещей?

Есть разные мироощущения, но есть среди них и очень глубокие, как бы исходящие от трансцендентного, от абсолюта. Не оттуда ли и русскость, коли активная поверхность с ней так борется?

Вся обыденность и пошлость мира, особенно западного, ополчилась сегодня на русскость. Не на Россию даже, а именно на русскость, которая уходит куда-то, прячась, здесь же и оставаясь. Великая ведь идет борьба — не на жизнь, а на смерть!

Обыденность русскости не страшна. Плоскость накинулась на глубину, стараясь ее совсем прикрыть, чтоб ничего уже в ней не просматривалось, а русскость как раз и есть тот самый еще живой канал, который ведет в сакральную глубину — на метауровень. Иссушить, выпарить, испепелить! Не надо русскости миру, ее надо уничтожить, а вот чьими руками? — Но руки всегда найдутся, мало ли вокруг русскости всяких нерусских, а в самой России якобы, даже и русских, бесенят!

Ожесточенная борьба с русскостью доказывает, что русскость явно не фикция, а реальность, как реальностью является и явный тупик, в который залетело прогрессивное человечество, — и против которого, в первую очередь, и русскость, но не словами и не процедурами, а фактом своего реального бытия, что гораздо опаснее разных слов и процедур. Русский может вообще молчать и ничего не делать. Даже как будто бы всячески и поддакивая, но он все равно будет неприемлем и страшен. Нигде нет таких понимающих и таких пророческих глаз, даже и не при наигранном восхищении всем, что вокруг нерусского, а потому и-де лучшего. Русскость — невольная ноша, от которой почему-то многим вокруг ста-

новится дурно. Кругом ведь такая терпимость — к самим себе, а у русских все наоборот — не любят они себя, ибо понимают, что любить-то, собственно, не за что. Вот почему любовь свою они направляют на несбыточное, но чудесным образом возможное, видя в каждом из себе подобных такого рода чудесную возможность. Человек в зоне русскости — очень уж сложное существо, и главное — существо какой-то невозможной возможности. Любить за такую вот возможность — всякий ли сможет?

Что же такое русскость?

Отрицание того, что миру кажется полным великого смысла, как и утверждение того, что миру кажется совершенно бессмысленным, ибо русскость восходит к большим смыслам, или *метасмыслам*, которые на уровне малых смыслов не улавливаются. Русскость, как это нестранно-парадоксально, — совесть мира, а какой-такой правильный смысл вообще у совести? Отсюда русскость — бессмысленность, вот почему ее и надо убить, но именно поэтому она и бессмертна. Мир убьет себя раньше, чем он прикончит русскость, которая есть противник этого мира — мира князя, а потому ее суть и миссия бодрой науки и доброй философии совсем и не по зубам.

Русский мир и я в нем — *русский*. Что тут сказать? Как есть, так и есть! Одно лишь, пожалуй, трудно, но не страшно, а если и страшно, то только от Страха Божьего, который есть не страх, а страда — возвышающее страдание, надо полагать — *до срока*!

А причем же тут слово — *русское слово*, которому мы уделили ранее так много внимания? Причем тут вообще *русский язык, — рус-язык*? Наверное, не только из-за того, что русскость не отделима от русского языка — русского слова, а и потому, что нет у русского человека ничего более ценного, бесспорного и обнадеживающего, более фундаментального и зовущего, чем русский язык, — русское слово, которое и сакрально, и премудро, промыслительно. Убери русский язык — русское слово — и не будет русскости, исчезнет русский человек, ибо это его благородная казна, его сокровище, хоть и замусорено все это, запакастено, омрачено. Но есть и возможность дышать, думать, сознавать — прямо и сходу, без научно-рефлексивных методик, а то и вопреки им. Недаром же попущены сейчас пошлые сленги, воспет мертвящий мат, выбрасываются щедрыми пригоршнями издевательские американизмы. И реформы затеваются недаром — что языка, что истории, что вообще образования. Не смыслы тут могучие кому-то важны, а пустая и опустошающая болтовня.

Из языка-слова как раз все и идет, все сознание, весь человек. Измените язык-слово, изменится и человек — всерьез и надолго. Язык-слово — не столько знаковый запас, сколько *реализация сознания.* И если

вокруг одна поверхность и неразбериха, то и сознание будет таким же: то ли есть что, то ли нет, то ли ценное, то ли зряшное, то ли нужное, то ли бросовое. Вот сегодня и путаница, и паутина, и темь. И бес-сознание!

Однако язык-слово не отменить указом, — и внедряется чужеродный английский — как средство уже общения, а не сознания. Бывал в этой роли немецкий, французкий, теперь вот английский. Это очень опасно, ибо можно совсем потерять память. И русский язык среди русских людей может вдруг стать лишь средством общения — с утерей сокровенных смыслов под покровом и под влиянием бессмыслицы. Родной язык, как и родное слово — залог сохранения и укрепления сознания — *родного сознания*. А потому язык и слово избыточны, безграничны, изменчивы. В них всегда есть достаточная прочность — дело лишь за носителями, которые все же всегда есть, несмотря ни на какие чужеродные взвеси.

Познать что-либо неповерхностное можно лишь на родном языке, в рамках родного слова, ибо здесь великий союз смыслов, сознания жизни, самой транценденции. Можно и нужно читать что-либо не на родном языке — языке оригинала, но всего понятнее написанное все же в переводе на родной язык, тот самый, что внутри, в глубине, в личности. Что вообще личность без родной языко-словесной стихии? Личность! Ибо через родное слово прямо ввысь, в транцендентное, к Богу, — разве не так?

Не терять родное надо, а хранить и преумножать, не чураясь сношений с инородным, если оно не становится вдруг чужеродным. У М. Лермонтова, к примеру, есть очень известные стихи, которые возникли как переводы с иностранного, но именно «как», поскольку оказались совершенно самостоятельными творениями, т. е. и не переводами вовсе, — такая смысловая синергия через посредство иноземного языка вполне жизнеспособна, коли к стихам этим относятся такие шедевры, как «Белеет парус одинокий» или «Выхожу один я на дорогу». Да, идея стихов тут иностранная, и была она первоначально исполнена на ином языке, войдя и в иное слово, но русский поэт выразил ее по-своему, по-нашему, по-русски, создав при этом выдающуюся оригинальность. Иное стало не просто более понятным, а воистину своим. Вот почему никто и никогда не говорит здесь о переводах, а лишь о вполне самостоятельных произведениях. В чем же тут дело? Да во всем том же — в языке, в слове, в сознании. Вот и Божье Слово доступнее и понятнее на родном языке, ибо «лицо», к примеру, как-то ближе и яснее, чем «ипостась», а тот же образ, куда как понятнее, чем «икона». Разумеется, есть что-то, что полезно называть не по-своему, а «по-ихнему», например, — по-английски, как какой-нибудь «файл» или «фьючерс», но это уже совсем другое, — тут просто языковая механика, от которой ни холодно, ни жарко, где

всего лишь обыкновенная информационная услуга, а не тайнозренческая смысловая нагрузка.

Родной язык — родное слово!

От них не уйти, как не уйти от всей вообще родной стихии. Не уйти! Если, конечно, хочешь не пребывания и функционирования, а бытия и проникновения. Сколько, к примеру, талантов не явилось от русских людей *там* — на чужбине (не от уехавших из России, да еще и уехавших уже талантливыми, а именно от живущих, или же существующих, *там*, т. е. там и рождающихся)? Что-то не очень-то такого рода таланты бросаются в глаза. А вот несчастная Россия все рождает и рождает таланты, причем не только собственно русские — по крови, а весьма и весьма разные. Удивительное это время-пространство, именуемое Россией, в котором как раз господствует русская языко-словная стихия — мало того, что плодотворная, но еще и просто так вовсе и не определяемая — не имеющая пределов, как и не позволяющая их ставить!

Так вот, меня интересуют больше всего не институты и события, не законы и установления, не сооружения и дороги, не блага и деньги, даже и не сами по себе люди, ибо что я для них?! — меня интересует некая смысловая субстанция, открывающаяся и являющаяся нам в рамках и через *русский язык* и *русское слово*, соответственно, бытующее в русском времени-пространстве русское сознание, т. е. все то, к чему я никак не могу быть равнодушным, а если уж и равно-душным, то именно по-равному душным, или равно-душевным, когда моя душа полностью смыкается с душой родной языко-словной стихии, когда между мной и ею нет никакой тяжбы.

Как-то однажды в Париже я услыхал от старика-библиографа в русской книжной лавке рассказ о И.А. Бунине, нашем нобелевском лауреате. Дело было где-то сразу после Второй мировой войны, году так в 1945 либо 1946. Зашел тогда в лавку Бунин, — и мой собеседник, разговорившись с Иваном Алексеевичем, спросил его о его же писательстве, точнее, о том, почему это Иван Алексеевич не издает ничего нового, а может, что-то и пишет, но просто еще не завершил? И что же ответил моему собеседнику великий Бунин? Он сказал примерно так: «Что же вы хотите, Иван Михайлович, я уже четверть века, как из России, что мог, то и написал, а что же еще писать-то, без родины?». Вот и выходит, что талант талантом, а родина родиной, — и лучше, если талант не только *от* родины, но и *на* родине. Недаром же Бунин весьма подумывал в те годы о возвращении в Россию. Правда, вряд ли Иван Алексеевич обрел бы в СССР новое творческое дыхание, так как все уже слишком изменилось — и родина, и сам писатель, что, видно, он уже хорошо понимал, да и возраст с болезнями брали свое — противотворческое, но сам факт

отрыва даже воспоминательной связи с родиной, обрекавший на мучительную нетворческую хандру им был выражен в разговоре с Иваном Михайловичем совершенно ясно.

Что же получается: или в России, на крайний случай, вне России, но обязательно с нею, или же… *никто* и *ничто*, точнее, не никто и ничто, а какое-то *иное* нечто, если не какое-то *не такое* нечто? Великий сакральный императив! Выход тут есть, но он в России и с Россией, без отрыва от русскости, которая как раз в языке, слове, сознании. Покончить с Россией — покончить с собой! Не прообраз ли тут и мирового умопомешательства, с той только разницей, что от исчезновения России, которого весьма многие так жаждут, проиграют не одни русские, но и весь, уже оскопленный — мир? Я не против Китая и даже Америки, но я никак не вижу в них искомого будущего — ни для себя, ни для России, ни для мира. Вот не вижу — и все тут!

Нет, боже упаси, я не собираюсь никому навязывать ничего существенно русского. Никому и ничего! Я хочу лишь только развития русского духа, а без языка-слова здесь ничего не выйдет. Потому-то я за язык-слово, за его трансцендентную реализацию из самого себя — не без нашей, т. е. людской, помощи. Сказано ведь: «Вначале было Слово!». И каждое вообще реальное слово без старого — уже умудренного — не появится, а потому потребна *реализация из самого себя*, та самая реализация, которую ни запланировать, ни изобрести, ни вывести. Она — *сама*!

Однако нужно ожидание — *ее*, к ней переживание, даже и работа — *духа*! И вот кажется, что надвигается уже *что-то*, разумеется, трансцендентно и трансцендентное, что должно явиться именно сейчас, хотя и не сегодня вовсе, а всего лишь в последние времена, которых много — в своей тяжести, — и будет это необходимым обретением — какой-то ясности, которая возникнуть может лишь в языко-словесной свободе, той, что как раз и есть в России, ибо Россия — ничто! Нет в России — пока нет — *разрешения*, она еще на сносях, еще вынашивает — в своей неопределенности и беспредельности. Она еще не сказала своего слова, ибо не готова была, да и не ко времени. А сейчас, — похоже, те самые времена, когда нового слова жаждут — хотя и немногие. А многим-то ничего такого и не надо — для них слово всего лишь функция да польза.

Да, любовь, та самая Любовь, которая давно открыта, которая есть и к которой стремятся, это не одно лишь чувство и не одно лишь действо — это сознание, хотя и не инженерное, не технократическое, не научное, а языко-словное, но не словами как таковыми выраженное, а в них трансцендентно явленное. Какая уж тут Любовь, если сознание растеряно, не сложено, не стойко? А человек ведь не может без сознания,

без знания, без ясности. Не то же воистину Любовь, что по влечению и на радость, а то, что по ответственности и во испытание. Нет, что ни говори, а за Любовь мы что-то другое обычно принимаем, что весьма просто и почти бессознательно, а человек ведь так не живет, ему реализация сознания нужна, может и на сверхсознательном уровне. Любовь — это Сознание, разумеется, совсем не того порядка, о котором наука упорно твердит. К этой-то Любви-Сознанию еще выйти надо — через слово, которое уже не слово, а Слово, а если мимо него проскочить либо рядом с ним простоять, то ни Сознания тебе, ни Любви, а так — одна тщета!

Человек обязан непременно думать и сотворять — слово, сознание, любовь. Не машины только делать, не дороги, не деньги, что и так ясно, а именно слово, сознание, любовь. Разве это не цель, не задача, не смысл? Для жизни и даже хозяйства. Слово Божие надо усваивать, но ведь к нему и идти надо, а без такого хождения, то бишь и хозяйствования, какое-такое усвоение, — разве лишь одна процедура? — и вот, что важно: к Слову Божиему надо идти через слово человеческое, которое, будучи к Богу направленное, и есть молитва — изменяющегося в слове человека. *Новое слово* и поведет, — однако *родное слово,* а не какое-нибудь еще, ибо смыслы чуять надо, а не только называть. Слово для нас — не слова как таковые, а словесная, а лучше сказать, *обусловленная*, субстанция — *Логос*. И какой же Логос без работы ума, сердца и души, без порывов, без новизны? Однако тот, что к Богу, а не от Него или мимо Него.

Потребность в *новом слове*, пожалуй, сегодня и поважнее самого нового слова, которое ведь не вообще должно быть, а к сроку, — а пока — молчание, что с мудростью связано, и накопление — не одной потребности в слове, но и самого слова, и смыслов, с ним таинственно сопряженных.

Да разверзнется!

Газета «ЗАВТРА», 2003 г.

ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЭКОНОМИКЕ

Преамбула

Мир человеческий стремительно меняется. Экономика испытывает существенные качественные превращения. На смену «экономики снизу» приходит «экономика сверху», что выражается в подчинении производства, называемого часто *реальной экономикой*, *финансовому началу* и единому, хотя и не абсолютно монолитному, *управляющему центру*. Теперь экономика не столько строится снизу — объективно, сколько выдается сверху — субъективно. Этому служат *финансизм* и *мирохозяйственный центризм*, владеющие особого рода информацией и рычагами влияния на любые мировые информационные потоки, не слишком доступные, а то и вовсе не доступные, рассредоточенной и инфантильной периферии. Основные воспроизводственные параметры сегодня — созидаемые *сверху* и из *единого центра*. Экономика в главном теперь конструируется, что не означает, конечно, ни созидания из центра всей массы ее элементов, ни их полного системного структурирования, ни определения всех воспроизводственных потоков, но что означает побудительное управление массами элементов, их общим структурообразованием, а также основными течениями мировой воспроизводственной динамики.

Поведение экономических субъектов ныне — не консолидирующее как прежде экономику (рынок), а более всего лишь приспособительное поведение, ориентированное на удачное встраивание в действующую и уже организованную сверху и из центра экономическую среду (рынок), ради чего и осуществляется в главном финансовая и производственная оптимизация микрохозяйственного бытия. Сегодня уже нет классических микроэкономических субъектов, составлявших некогда экономику (рынок), на их месте теперь неклассические субъекты, в экономику (рынок) лишь встраивающиеся. Такие микросубъекты не обладают теперь полнотой самовыражения, характерной для полноценных конкурентов, образовывавших и полноценный рынок, а потому вряд ли сегодня уместно говорить о конкуренции как действительном способе первичного микрохозяйствования, а о рынке как реальной первичной общественной самоорганизации. Конкуренция и рынок сейчас — всего лишь атавизмы, выполняющие второстепенную, подстроечную, служебную роль. Грубо говоря, за конкуренцией и рынком осталось 10% хозяйственной инициативы, а 90% — за управлением, из которых более половины, пожалуй — за управлением сверху и из центра, однако таким управлением, которое управлением-то в полном смысле слова и не назовешь, ибо осуществляется оно по преимуществу тайно, незаметно, скрытно, имеет

не откровенно директивный, а всего лишь вкрадчиво побудительный характер. «Невидимая рука» А. Смита, под которой он понимал объективную самоорганизацию экономики (рынка), дополнена, если во многом уже не замещена, иной «невидимой рукой» — *волевым управлением сверху и из центра*.

Период бурной интернационализации экономики эпохи капитализма в целом завершился, и с последней четверти прошедшего века место интернационализации прочно заняла *глобализация*. Глобализация — далеко уже не интернационализация, ибо нации-страны уже перестают составлять из самих себя мировое хозяйство, они оказываются уже не первичными его элементами (частями), а в большей степени производными от него элементами (частями). Не нации-страны образуют теперь мировое хозяйство, а мировое хозяйство имеет в своем составе национальные, страновые образования, которые легче назвать именно *образованиями*, а не в полном смысле слова *хозяйствами*. Классическая макроэкономика, базировавшаяся на национальных, страновых основаниях, предполагавшая полноценный национальный хозяйственный центр (прежде всего с независимой валютой) и полноценные экономические границы, практически исчезла; на ее место пришла неклассическая макроэкономика, которая уже не свободна и не самостоятельна, как и не первична вовсе, а открыта и зависима, производна и вторична. Всемирный экономический процесс теперь важнее и судьбоноснее, чем любой национальный, хотя национальное начало вовсе до конца не исчезло. Так или иначе, но глобализация, отмеченная сегодня воцарением *глобализма*, существенно изменяет характер всего ранее называвшегося национальным, предъявляя всему этому жесткие нормы подчинения.

Глобализация и глобализм не были бы возможны без развития *транснационального капитала* — промышленного, банковского, финансового, равным образом и сначала международных, а затем и сверхнародных (или наднародных) управленческих учреждений, известных более как *международные экономические институты* (организации, фонды, банки, совещательные и иные органы и т. п.). *Мировое правительство*, о котором все более говорят эксперты и твердят СМИ — не кучка посвященных, хотя почему бы не быть и такой «могучей кучке», а сложная, разнообразная и соподчиненная структура, обладающая разнообразной властью и развитым механизмом ее реализации. Это факт, с которым необходимо считаться.

Нынешнее хозяйство в мире — *планетарное*, а не какое-нибудь еще, хозяйство. Возникла цивилизация, обладающая настолько масштабной и неприродной по сути инфраструктурой, как и способом реализации, что впору говорить даже о *метапланетарном хозяйстве* (не просто

включающем в себя космическое пространство, но и как бы превышающем уже саму планету, ее окольцовывающем), равным образом, и о *метаприродном хозяйстве*, в котором доля и значение собственно природы резко убывает. Такое *метахозяйство* вряд ли уже возможно без учета и включения всех планетарных ресурсов, соответственно, контроля над ними, а главное, распоряжения ими, из мирового центра. И все было бы ничего, если бы мир был более или менее экономически однообразен, точнее, не экономически, а производственно и потребительски, а еще точнее — потребительски, т. е. по образу и уровню жизни, но мир как раз ярко разнообразен: *актуальная цивилизация*, ведущая мир куда-то вперед, хоть и коснулась всех на планете, но вполне последовательно реализуется лишь в пределах так называемого «золотого миллиарда», отрыв которого от всего остального мира по мере реализации научно-технического прогресса все более усиливается. И этот «золотой миллиард» не может не быть предметом первостепенной заботы глобализма, как и самого мирового правительства. Отсюда построение такого планетарного мира, в котором наличествует несколько слоев, различающихся по уровню и образу жизни, а сама многослойная структура образует ясно выраженную пирамиду с «золотым миллиардом» наверху. Запад сделал свое дело, он создал *новый мир*, который занял верхнюю позицию и продолжает устремляться далее вверх, приспосабливая под себя весь остальной мир в качестве фундаментального, но не определяющего, основания, точнее, подошвы, нулевого цикла, нижних рабочих этажей.

Обобщенно и несколько условно выражаясь, *западный супермир* есть мир *Постмодерна*, а последний пора уже трактовать не как просто особый стиль или, наоборот, отсутствие всякого стиля, а как особый исторический феномен, которому соответствует целая историческая, а может, уже и *внеисторическая*, эпоха, заступившая на срочную вахту вслед за *Модерном*, который тоже никакой не стиль, а исторический феномен со своей особой эпохой — эпохой борьбы Западной цивилизации с природной и сакральной традициями, той самой борьбы, которая была открыта Ренессансом, подтверждена Просвещением и осуществлена Капитализмом. Эпоха Модерна — эпоха действительной модернизации, тотального обновления, а точнее всего — *созидания нового мира*, не завещанного ни Природой, ни Богом Творцом. Это была эпоха переделки мира, который стал вдруг старым и ненужным, того самого мира, который теперь уместно назвать миром *Премодерна*, коль скоро Модерн занял столь значительную эпохообразующую позицию в истории человечества.

Западный модерновый мир в течение XX в. превратился в постмодерновый, который уже не мир в привычном понимании, а какой-то *супермир*, если не *иномир*, в котором все вокруг формообразованное,

т. е. имеющее форму, существенно опустошается, т. е. лишается внутреннего сущностного наполнения и глубокого смыслового звучания. Формы еще остаются — где-то на полпути к нулю, они даже бывают на что-то похожи из прежнего, к примеру, те же конкуренция и рынок, деньги и фирмы, нации и государства, армии и театры, но все более заметно, что содержание их не просто изменяется, а как-то и вовсе исчезает. Одежды вроде бы есть, а вот одетых в них как бы и нет.

Постмодерн — время какой-то необычной опустошенности, внешней обрядовости, быстрой, если не скользящей, функциональности, банальной новизны, скорых импровизаций, легких имитаций, пустой говорильни, неотягченных содержанием знаков, мимикрии, кривлянья, тщеты, когда никто не уверен, что завтра повторится не то чтобы вчерашнее, но хотя бы сегодняшнее, когда время и пространство как бы ускользают и не имеют большого значения, когда вокруг все более фантомы и карикатуры, когда все более господствует не просто неестественное, но и вообще уже никакое, когда вольно царствует лишенное смысла *ничто*. Все классические и даже неоклассические термины себя исчерпывают, они больше не работают, ничего не обозначая и ничего не трактуя. Слова ничего не значат. Самый ходовой товар — *фикция*. Постмодерн — закономерный исход Модерна, когда содержание и смыслы, шедшие единственно от Бога Творца и Природы, им сотворенной (таким было идеальное представление человека), вдруг испарились под давлением демиургически действовавшего человека, а все созданное человеком при этом оказалось вдруг бессодержательным и обессмысленным. Человек построил свой собственный, по своему подобию и лекалу, мир, — и этот мир предстал перед изумленным человеком во всей своей *странной пустоте*, какой-то внешней, калейдоскопически мерцающей *оболочкой*, за которой нет уже никакой содержательной и смысловой ценности.

Как бы ни кичился Постмодерн своим «богатым блеском», но сам по себе, без поддержки трудяги Модерна с его производством всего фундаментального и необходимого, как и без донорского участия Премодерна с его природностью и сакральностью, его культурой, Постмодерн выжить не может. Постмодерн, этот совершенно игровой феномен, лишен устойчивого содержания и наполнить себя таковым он не может. Здесь воистину *внеисторическое бессилие*, сопровождаемое, кстати, не без основания и умысла, тезисом о *конце истории*. И в самом деле, история для Постмодерна, видно, закончилась, он уже за пределами оной, ибо на историю он уже не может эффективно опираться, из нее как-то исходить, у нее серьезно учиться. История вдруг померкла для Западного мира и ушла. Ему нужно совсем иное, историей не обоснованное, а лишь оправдываемое нездоровой фантазией заигравшегося ума (вот почему

Голливуд сегодня вовсе не фабрика грез, а *фабрика нового мира*). И вот выживать Постмодерну со всеми его фантазиями должен помогать прежде всего Премодерн, тот самый мир, который был так в свое время решительно отвергнут Модерном, как выяснилось, ради последующего явления опустошенного, но очень игривого и изобретательного, во многом просто и фиктивного, Постмодерна.

Когда мы все более говорим о ресурсах планеты, то имеем в виду не одни только энергоресурсы и ископаемые, воду и воздух, труд и интеллект, но и *культуру*, которая задается и хранится как раз Премодерном, а не Модерном, который либо ее впитывал, либо переделывал, либо уничтожал. Великий идейно-идеологический, к тому же и первозданно духовный, потенциал находится в низших для Западного мира премодерновых слоях, — и как раз из этого потенциала должен настойчиво черпать Постмодерн. У Постмодерна нет иного выхода, как только увеличивать и разнообразить свое потребление, — и если он что-то сейчас особенно заботливо изобретает — сам для себя! — то лишь все более изощренные механизмы доступа к внешним ресурсам и их потреблению. Мир теперь должен питать как бы ушедший вперед Постмодерн, — и без этого питания, как и большому городу без того же электричества, Постмодерну уже не выжить. *Паразитарность Постмодерна, сопряженная с его внутренней пустотностью, очевидна*.

Обращаясь к России, ее судьбе, перво-наперво потребно определить характер происходящей в ней с рубежа 1980—1990-х гг. *Революции*. То, что она является антисоциалистической, а соответственно буржуазной, или капиталистической, в том нет никакого сомнения. Гораздо важнее установить некоторые иные ее черты: во-первых, это революция, является, безусловно, внешнеобусловленной глобалистской революцией (она идет под давлением извне и под бдительным внешним контролем — эффект внешнего кризисного управления); во-вторых, это революция антигосударственная и антинациональная, хотя и проводится она самим государством — сверху; в-третьих, это революция постмодернистская, ибо направлена не только против остатков Премодерна, но даже и против Модерна, о чем говорят удары не только по аграриям, но и по «индустриалиям», мало того, удары и по «интеллектуалиям»; в-четвертых, это революция антироссийская, а внутри этого и антирусская, о чем свидетельствует наступление на отечественную культуру — с ее подменой западным суррогатом, на традиции, на русский язык, на почвенное образование; в-пятых, это в высшей степени антигуманистическая и антицивилизационная революция, приведшая к расцвету криминала, коррупции, всяческого беспредела, сочетаемого с моральной и физической деградацией населения, его быстрым сокращением. Подобных черт у совершающейся революции в общем-то множество, их явно хватает, но суть дела

не в их перечислении, а в констатации того факта, что революция либо идет не в интересах России — как целого, либо она идет за счет России, либо она непосредственно опасна, возможно, и смертельно, для России, либо она по сути своей вообще глубоко и стратегически антироссийская. Оснований для такого рода заключений более чем достаточно, что признают сейчас и сами настоящие или бывшие сторонники революции, как и их зарубежные вдохновители.

Конечно, можно исходить из тезисов об отсталости России от Запада, о вредности российской предопределенности для самой России, о необходимости ускоренно цивилизовать Россию за счет снижения роли собственно российского — нецивилизованного или искаженно цивилизованного — фактора и т. д., но факт *антироссийскости* проходящей в России революции остается все-таки в яви. И нет здесь ничего сверхестественного: анти-Россия всегда сидела в России, борясь с Россией, или с собственно русским началом, постоянно и упорно, хоть и с переменным успехом. Внешний мир тоже никогда не был особенно пророссийским. Имела место и холодная война второй половины XX в., которую вел, быть может, СССР, а все конечные отрицательные лавры достались-таки России. Отсюда сначала идейная, а затем и функциональная, смычка внутренней и внешней анти-России, что и вылилось в итоге в разрушительную для России революцию.

Нет смысла подробно описывать положение, в котором в настоящее время находится Россия: ее выручают, во-первых, созданная в СССР сталинским по сути и механизму реализации строем *фундаментальная инфраструктура* — в самом широком смысле этого слова (все ранее построенное, все еще работающее и пока еще неизрасходованное); во-вторых, богатые, хотя и не самые экономически выгодные в эксплуатации, *природные ресурсы*, равным образом и *базисные отрасли* главным образом первичного промышленного цикла; в-третьих, *осторожная терпимость* и *опасливая терпеливость* населения, предпочтившего тягучее встраивание в новые условия бытия с использованием солидарных механизмов самоподдержки так называемому «социальному взрыву» (ожидаемый «русский бунт» так и не состоялся); в-четвертых, включение пассионарной части населения в погоню за личным благосостоянием и частным богатством, что касается и криминалитета, возможность оттока активных граждан за рубеж, в том числе специалистов и молодежи (с пополнением не одних лишь лабораторий и предприятий, но и наполнением тротуаров — теми же проститутками), относительное удовлетворение от буржуазного и открытого образа жизни «среднего класса» и даже некоторых более низших по материальному уровню социальных слоев, «полный восторг» от результатов приватизации со стороны узкого, но важного в социальном плане, «олигархического слоя» (в этом слое

не одни лишь «олигархи», а вообще все «капитаны» новой жизни, новой экономики). Выручаемая за счет перечисленных моментов страна находится сейчас в мировом типологическом разрезе хоть и где-то внизу (по большинству принятых в мире показателей), но в то же время как-то ухитряется держаться на плаву, даже показывая за последние 2—3 года, после, правда, двукратного сокращения объемов хозяйственной деятельности по итогам бурной революции, кое-какой экономический рост, равным образом, и рост благосостояния населения, разумеется, не всего огульно.

Нельзя сказать, что Посмодерн свалился на Россию как-то вдруг и вывалился исключительно извне, что сама она его не вызывала и не готовилась к его пришествию. Готовилась, более того, кое в чем даже и жила уже по-постмодернистки до самой постмодерновой революции. Однако истово она отдалась Постмодерну уже в ходе и в итоге революции. Но отдалась очень своеобразно: породив немедленно… *свой* постмодерн, который стал результатом прихода западного постмодерна, но не стал при этом собственно западным постмодерном. В России возник вроде бы прозападный, но крайне при этом своеобразный, постмодерн, который в общем-то ни западный, ни российский, а вообще позитивно и не определимый, ибо очень уж он гадок и безобразен. Если на Западе постмодерн, так сказать, фасадного образца, т. е. «хороший» или «правильный» постмодерн, то в России возник постмодерн явно дворового, «черноходового», пожалуй что и «помоечного», образца, т. е. «плохой», «неправильный», дурно пахнуший, жуткий. И это очень важный факт, который надо непременно учитывать: мало того, что Постмодерн в России тут как тут, но он еще и в какой-то патологической реализации, от чего худо сразу всем: что ярым антипостмодернистам, что самим постмодернистам, что просто лояльным прогрессистам. Россия оказалась полем *сложнейшей постмодерновой игры с неопределенным результатом*.

О положении России можно говорить много и говорить разное, но есть кое-что, чего воистину не обойти и о чем говорить обязательно надо, если хоть чуть-чуть озаботиться перспективой. Во-первых, в сегодняшней России практически отсутствуют основания для хоть какой-нибудь уверенности в завтрашнем дне — *ни у кого*! Это воистину провал, вызванный непосредственно революцией. Выживать можно, хотя кое для кого и это трудно, а вот жить в полном смысле слова — *нет*! Для доживающего свой век обывателя еще более или менее, а вот для творчески ориентированного молодого человека, получившего образование и способного к активной деятельности — все уже далеко не так просто. Где и как приложить свои способности, да так, чтобы вести достойный в нравственном и гражданском отношении образ жизни, иметь

нормальное вознаграждение за труд, позволяющее содержать себя и детей, иметь жилье, дать детям образование, позаботиться об отдыхе семьи и ее здоровье и т. д. и т. п.? Ответ здесь таков: *негде* и *никак*! Умственная часть входящего в активную жизнь населения в буквальном смысле в тупике, из которого только один более или менее человеческий выход — за границу, разумеется на условиях самой заграницы. Явный постмодерновый абсурд, характерный как раз для нынешнего российского постмодерна. Не лучше дела обстоят и у предпринимателей, и у учителей, и у шахтеров, и у военных — у *всех*! Если одно хорошо, то другое уж непременно плохо. Нет возможности достойной и целостной в своих позитивных проявлениях жизни. Жизнь если есть, то лишь *вопреки* — вопреки мощному давлению *нежизни*. Во-вторых, и что связано с первым пунктом, нет действенного приоритета нравственно высокого и позитивно ориентированного, но непременно *родного* для каждого российского человека, мира — идейного, ценностного, культурного. Все вокруг или вообще не приемлемо для сколько-нибудь положительного человека, либо враждебно его сколько-нибудь позитивным ориентациям. Нет устоев, на которые можно опираться и которыми можно дорожить, точнее, они есть, но они либо отринуты актуальностью, либо малозначимы, либо неэффективны. Это тоже проявление дурного постмодерна. В-третьих, нет *эффективной общности*, которая была бы выше любой из особей, той общности, которая крайне необходима для нормально воспроизводящегося общества и каждого человека. Общество разделено и распылено, держится только на инстинкте и еще как-то сохраняющихся в людской среде нравственных устоях (уже и не традициях), а также на каким-то образом воспроизводящейся частичной, или локальной, солидарности. В-четвертых, нет воистину позитивного и эффективного массового *воспитания человека*, а соответственно, уходит и сам человек, вместо которого предстает некая механическая оболочка, лишь внешне схожая с человеком.

Человек и общество, нравственность и культура, государственность и даже сама цивилизация — вот, что сегодня не просто под угрозой, а в самом последовательном истаивании. На место человека приходит «чиповей» (или «киборг», что не так уж и важно), общества — массонаселение, отношений — связи, общения — коммуникации, сообществ — сети, семьи — временное сожительство, детей — домашние собачки и развлекательный досуг взрослых особей, воспитания — неосознанное подражательство, образования — ограниченное и ограничительное натаскивание, нравственности — свод запретов, культуры — бездумная игра, цивилизации — скрытое управление и изощренное насилие, сознания — инстинкты, поведения — немотивированные поступки, самосознания — неадекватная самоидентификация и т. д.

и т. п. Разумеется, все не так тотально плохо, тем более, не так абсолютно, есть, разумеется, и другое, но все это другое либо уже атавизм, либо удерживаемое вопреки, либо просто еще не уничтоженное. Сознательно культивируется (если не сказать — антикультивируется) как раз то, что идет на смену всему еще позитивно человеческому — как уродливо нечеловеческое, а не то, что каким-то чудом сохраняется, этому уродливому и неестественному сопротивляясь. Если еще есть человек и общество, нравственность и культура, если еще есть государственность и сама цивилизация, то лишь сильно *вопреки* — как *антиреволюция*, которая, заметим особо, вовсе не *контрреволюция* (если вторая всего лишь консервативное противодействие революции, то первая есть уже позитивное сопротивление «ужасам» революции, ее конструктивное преодоление).

Относительно человека и общества, нравственности и культуры, государственности и цивилизации экономика *второстепенна* — вот почему, начав с экономических проблем, неизбежно приходится переходить к иным, совсем даже не экономическим, но гораздо более важным аспектам бытия. Не здоровая экономика («правильная», «рыночная», «открытая» и т. д.), а затем здоровое общество, а совсем наоборот: сначала здоровое общество, а уже потом здоровая экономика. Экономика производна от общества, а не наоборот, хотя у экономики тоже есть свои влиятельные для общества программная мотивация и энергийность.

Состояние, в котором находится «обреволюционенная» Россия, есть состояние глубокого и длительного *апокалиптического кризиса*, из которого, во-первых, нет не то что автоматического, но даже и легко программируемого, выхода, тем более, что при таком кризисе совершенно не исключается «концовый исход», т. е. отрицательно *эсхатологический*, когда не только российская экономика прекращает свое сколько-нибудь выраженное бытие, но и сама Россия вообще уходит с исторической арены. Нравится нам это или нет, но такой сценарий развития апокалиптического кризиса вполне вероятен. Отсюда необходимо, с одной стороны, четко осознать природу кризиса, а с другой — осознанно обрести соответствующий образ поведения для страны, ее граждан и элит, в частности, управляющей государственной структуры, весьма ослабленной и дезорганизованной революцией, но все еще действенной.

Квалификационные суждения

1. Мировая экономика активно глобализуется, все более становясь *глобальной экономикой*. Глобализация, а вместе с нею, и мировая экономика — *центрообусловленны*, имеют *управляющий центр*, действующий в рамках *организуемой самоорганизации*. Самостоятельно и объективно организующаяся и развивающаяся мировая экономика — миф,

а волевым образом и субъективно ориентируемая по основным параметрам, структурам и потокам мировая экономика — реальность. «Экономика сверху» преобладает над «экономикой снизу». Хозяйственная жизнь планеты имеет иерархическую организацию, высший этаж которой занимает передовой, вступивший в эпоху Постмодерна, мир. На нижних этажах мировой хозяйственной пирамиды отставшие миры, находящиеся в основе либо в Модерне, либо в Премодерне. Полный постмодерн на всю планету не нужен реальному и локализованному в рамках Западной цивилизации Постмодерну, для которого остающиеся на нижних этажах миры служат источником практически всех жизненно важных ресурсов, без привлечения и потребления которых передовой и вырвавшийся вперед во внеисторическое бытие постмодерновый мир существовать не может. Задача мирового глобального управляющего центра — подогнать планетарный мир к ориентированной на благосостояние «золотого миллиарда» иерархической конструкции, удерживать планетарный мир в ее рамках, при необходимости проводить необходимую селекцию. Если это империализм, то это, безусловно, — *ультраимпериализм*.

2. Национальные (страновые) хозяйственные образования, обычно называемые *нацинальными экономиками*, утрачивают свои прежние самостоятельность, выраженность и полноценность, становясь все более производными от глобального мирохозяйственного целого. Не самостояние во главе с национальным хозяйственным центром теперь актуально, а максимально эффективное встраивание в глобальную экономику — все чаще на указанное ей, а не желаемое ею, место. Национальный центр все более превращается в передаточный в пользу глобализма узел решений, это уже скорее исполнительный — для глобализма, чем самостоятельно действующий — для нации-страны, центр.

3. Без *власти*, реализуемой сверху и из центра, вообще нет экономики. Полностью самоорганизующаяся, как бы безвластная, экономика — дурной и бездарный миф. Мало того, что власть всегда есть и всегда ежемоментно реализующаяся, но она имеет еще и вполне неэкономическую природу, обычно государственную, т. е. власть в сфере экономики обязательно не только экономическая (можно, конечно, попробовать обойтись в развитой экономике без законов, инспекций, полиции, таможен, судов, тюрем и т. п., но пусть кто-нибудь попробует, как и попробует обойтись без неэкономически устанавливаемых и поддерживаемых денег — экономическая наука, сосредоточив внимание на экономической природе и экономических функциях денег, почему-то забывает об их политической природе, совершенно при этом насильственной, как и положено в цивилизации, которая предполагает и насильственную, а не только добровольную, организацию разноплеменного и атомарного

населения). И если национально-страновые образования и центры ослабевают и тают на глазах, то это означает не исчезновение вообще власти и характерного для нее экономического и неэкономического насилия, а лишь перемещение всего этого властного в иные — наднациональные и надгосударственные — веси. Власть уходит из национально-страновых образований и сосредоточивается в межнациональном пространстве, разумеется, не вся власть, но… *главная*. И тут необходимо принять во внимание, что эта новая — в общем-то *глобалистская* — власть имеет иную выраженность и иные механизмы реализации, она не столь заметна, как бы куда-то отдалена, почти что и призрачна.

4. Планетарный мир переживает сейчас не просто мощные трансформационные процессы, гигантскую ломку и перестройку, что в общем-то уже очевидно, но он переживает вхождение человечества в какой-то *новый мир*, уже решительно отрицающий старый. Наступает мир, который как бы без времени и пространства, без прошлого, настоящего и будущего, без истории и действительности, т. е. это как бы порхающий в пустоте, какой-то невесомый, иллюзионный мир, для которого прошлое уже ничего не значит, настоящее слишком неустойчиво, чтобы успеть стать неоспоримой ценностью, а будущее просто вольно изыгрывается. И этот новый мир, при всей своей легкости и даже мягкости, удивительно последователен и жёсток в отрицании старого мира, в его обесценении и умалении. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в мире ныне идет *великая война нового мира со старым* — по всем, прежде всего качественным, азимутам, и эта война прямо проходит через человека, общество, нации, государства, коллективы, семьи, полы.

5. Быстро, почти что мгновенно, рождается *новая экономика*, отличительными признаками которой являются:

- абсолютно выдающаяся роль *субъективного фактора*, действующего в планетарном масштабе — *сверху* и *из центра*, что переводит организацию экономики в совершенно новый режим реализации, который можно определить как *организацию самоорганизации* (что ставит крест на понятии «рыночная экономика», ибо рынок сегодня уже не главное, а второстепенное, не основное, а производное, не решающее, а вспомогательное, не ведущее, а ведомое, не управляющее, а подстроечное — 10% рынку, остальное — *нерынку*);
- *глобальный характер экономики, ее организации*, что позволяет говорить о формировании в планетарном масштабе иерархически построенной хозяйственной пирамиды, где наверху так называемый «передовой мир», а внизу в той или иной степени «отсталые миры», в задачу которых входит поддерживать и питать «передовой мир», управляющий отсталыми (отсюда идея *экономического ультраимпериализма*);

- *финансовый характер экономики, ее организации*, когда финансовые факторы, т. е. относящиеся к деньгам или прямо обусловленным деньгами их заместителям вроде ценных бумаг, а лучше сказать, *финансовых расчетных фикций*, что есть собственно самое экономическое в экономике, оказываются главными, доминирующими и решающими во всем хозяйственном процессе (переход от производственной экономики к *финансовой экономике*, или *финансомике*, завершился, установлено господство финансового начала над любым нефинансовым, производство финансовых фикций важнее в функциональном отношении производства благ);
- высокая и всеобщая *технологизация экономики, ее организации*, равным образом и всей жизни, когда технический мир уже доминирует в человеческом мире, человек целостно бытует в технической среде, от нее сильно зависит, становится элементом (придатком) технологических систем, превращаясь в «чиповея», «киборга» и т. п. существо (экономика как социальное нечто все более превращается в техническое нечто, или в *техномику*, а цивилизация — в некую *технолизацию*);
- особого рода *информатизация экономики и ее организации*, при которой информация и информационные потоки обретают некую самостоятельность по отношению к реальности, ее как бы замещают, становятся параллельной реальностью (ирреальной реальностью) и, что самое важное, будучи «невесомыми», доминируют над «весомой» реальностью, ее определяют, и если принять во внимание, что есть не только первичная, непосредственно сопряженная с реальностью, но и вторичная, как и, разумеется, третичная, информация, т. е. информация об или от информации, то современная экономика предстает как гигантское *информационное действо*, в котором, с одной стороны, заняты все агенты экономики, а с другой — не могут не доминировать те из них, которые способны овладеть либо очень большой, либо уникальной, либо очень действенной информацией (переход к *информаномике*);
- *интеллектуализация экономики и ее организации*, или нарастание так называемой *экономики знания*, что означает, выражаясь в терминах современной философии, *ноосферизацию экономики*, т. е. рост значения умственного расчета в ущерб каким-либо нравственным, не говоря уже о сакральных, установкам (завершение денатурализации и десакрализации хозяйства и жизни, их полная секуляризация, когда и бороться-то с Природой и Богом нет никакой нужды — можно даже согласиться на экологию и признать религиозные процедуры);
- *менеджеризация экономики и ее организации*, что означает, с одной стороны, рост значения такой фигуры, как менеджер, а с другой — рост степени управляемости всем хозяйственным процессом — сверху и из центра (мириады менеджеров, подготовленных стандартно и

действующих единообразно, делают свое тупое управленческое дело, а вот то, что им делать — соответственно меняющимся ситуациям — определяет уже *концептуальная элита*, подготовленная особым образом и действующая сообразно изменяющимся субъективным намерениям — в итоге получается не управление со стороны рынка и объективности, а управление рынком и объективностью);

- *конструктуризация экономики, как и всей жизни*, что означает уже не самовозникновение человеческого мира, хозяйства, экономики, а их постоянное *целостное конструирование*, при котором ни настоящее, ни будущее не воспринимаются уже таковыми, они не представляют независимой тайны, с которой надо считаться, они становятся буквально деланными, что не исключает, вследствие имманентной внутренней пустоты, конечной неизвестности реальности, ее предельной неподвластности, что обнаруживается наиболее ярко через катастрофы;
- *виртуализация экономики, ее организации*, что означает не просто наличие идеальной возможности, выходящей из реальности и в нее же входящей, или простое и естественное опережение вышедшей из действительности возможностью самой этой действительности, а такое освоение человеком и сознанием фактора возможности, когда последняя исходит уже не из реальности, а из возможности как таковой, становясь в полном смысле слова в начальное по отношению к реальности положение, что находит проявление в покорении человеком времени и пространства, их сжатием в точку, а потому и в возможности созидания как бы оторванного от реальности мира, замещающего эту реальность, делающего саму реальность ирреальностью, *фикцией* (отсюда виртуальные связи, сети, конструкции, институты, права, продукты, блага, которых как бы нет, но которые все-таки есть, которые как бы есть, но которых тем не менее нет, — настойчивое употребление сегодня «как бы» вовсе не случайно, ибо наступает *как бы* реальность, *как бы* мир, *как бы* экономика, *как бы* деньги и т. д. и т. п.);
- *стандартизация жизни, хозяйства, экономики, их ободнообразивание*, что, будучи естественным в технологическом и функциональном планах, не столь уж приемлемо в социальном, культурном, психологическом планах, ибо потеря разнообразия, т. е. фактически *энтропия*, ведет сначала к нежизни, а затем и к смерти (как бы тепловой смерти);
- формирование новой по характеру и механизмам реализации *экономической собственности*, а лучше сказать, *хозяйственной собственности*, когда собственность не только усложняется по структуре (иерархизируется) и организации (становится все более сетеобразной), как и становится более подвижной, но и обретает как бы невыраженное,

довольно-таки скрытое, где-то там свершающееся, бытие, она деперсонализируется, освобождается от локальных зависимостей, от давления времени и пространства, традиционных политических структур, дематериализируется, все более переходя в правовую и «бумажную» сферы, виртуализуется, находя для себя все более мгновенные (одноактные) разрешения, становится как бы игровой, а среди объектов собственности все большую роль играют финансовые, правовые, институциональные «вещи», равным образом и всякие возможности — хозяйствовать (быть на рынке), принимать решения (в том числе и неэкономические по своей природе), властвовать (экономически и иначе), что-то перераспределять, образовывать, основывать, сотворять и т. д. и т. п.

- изменение характера *доходообразования* и *доходообретения*, когда на первый план выходят прямые и косвенные *заимствования* (не путать с обычными займами) — в виде *рентных* (не путать эту ренту с обычной рентой) или *процентных* отчислений (не путать с обычными отчислениями), что означает, что доходы не столько зарабатываются или «делаются» в ходе реального хозяйственного процесса, сколько *берутся* из этого последнего (через кредиты, выплаты по ценным бумагам, посредством принудительного страхования, разницы в валютных курсах и их изменения, через налоги, выплаты по долгам, в том числе государственным, транзитные платы, таможенные и всякие иные сборы, государственное инвестирование, заказы, покупки и т. д.), а также означает то, что прибыль перестает быть главным показателем и способом доходообразования;
- тотальная *экономизация хозяйства, жизни, всего человеческого бытия*, их полное подчинение феномену денег, экономизму и финансизму (ничего без денег и их так называемого оптимального использования, ничего без денежных оценок, ничего без превращения в деньги, ничего, не выходящего из денег, и т. д. и т. п.).

6. Судьба *национальных экономик* оказалась незавидной, ибо, теряя в ходе сначала интернационализации, а затем и глобализации свойственные им черты и функции, отдавая наверх те или иные полномочия, национальные экономики, во-первых, утрачивали все более свой макроэкономизм, становясь все менее целостными образованиями; во-вторых, теряли все более свою националистичность, становясь все более открытыми и денационализированными, соответственно менее самостоятельными и все более зависимыми от внешней среды и… международного верха, который, надо заметить, возник не сегодня, а лишь явился сейчас во всей красе и стал совершенно заметен; в-третьих, утрачивали все более и свой статус не только национальных экономик, но и экономик вообще, переходя в иной — пониженный — статус, а именно *субэкономик*, или *подэкономик*, оказываясь, с одной стороны, ведомыми одной истинной

национальной экономикой — *экономикой США*, а с другой — включенными в другую истинную экономику — *глобальную экономику*. (Мир не сразу почувствовал, а тем более узнал действительную роль и ценность таких «вещей», как Бреттон-Вудская международная валютная система или тот же План Маршалла для Европы. Против последнего выступил, как известно, руководитель СССР И.В. Сталин, а против первой — глава Франции Ш. де Голль. Глобализм рожден не сегодня, у него своя пламенная история.)

7. Россия в ходе великой буржуазной революции конца XX в., не просто стала переходить к капиталистической системе хозяйства, а влилась, сама того особенно и не ведая, в *глобальную систему новой экономики*, что-то от нее восприняв, став при этом и самой откровенной и пошлой *субэкономикой*, но и породив неизбежно и нечто сугубо свое, главным образом, криминального или во всяком случае нецивилизованного порядка (беспорядка), резко *инфернализировав* хозяйственную, социальную и личную жизнь. Недаром характерным словом стал *беспредел*. Россия окунулась в *хаос*, из которого постепенно выбирается, «построяя» некое подобие *новой экономики финансово-олигархического типа, основанной на первичном производстве (сырья, металлов, леса, энергоресурсов), но лишенной, или почти лишенной, производства высокотехнологичной и высокоинтеллектуальной продукции*. Отсюда порожденный революцией феномен *антихозяйства*, когда есть убытие нужного и вовсе не всегда устаревшего, но нет приращения передового и воистину жизненного. Антихозяйство, когда к тому же нет нормальной, эффективной и перспективной занятости населения, с неизбежностью сопрягается с *антижизнью*, когда по большей части люди всего лишь влачат существование, еле-еле выживают, быстро и мигом умирают, кончают самоубийствами, не рождаются, толком не воспитываются, уходят в криминал, потребляют наркотики, бомжатничают, бегут за границу и т. д., а главное, когда нет *перспективы жизни*, нет воистину *родной среды*, нет *отечественной опоры*. Все, что широко и густо происходило и до сих пор и еще происходит в России, просто искривленьем не назовешь, это хуже — это *инферно*! Вот почему кризис наш не только не просто циклического, не только не просто структурного, не только и даже не просто системного характера, хотя все это и есть, это воистину *апокалиптический кризис*.

«Философия хозяйства». 2003. № 6.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИИ: СОЦИУМ, ХОЗЯЙСТВО, КУЛЬТУРА
(Тезисы)

1. В последнее десятилетие XX в. в СССР-России произошла *глобалистская экономическая революция*, покончившая со *сталинской неэкономической цивилизацией*, успевшей целостно развернуться (в историческое мгновение!), но не выработавшей способность к стабильному и развивающемуся воспроизводству, т. е. к жизни. Сталинская цивилизация сама подошла к роковому для себя рубежу, а ее противникам оставалось лишь воспользоваться ее собственной нежизнеспособностью.

2. Революция означала *восстановление экономики* в ее капиталистическом и финансовом образе под опекой западной *экономической цивилизации*, признанной ее внутрироссийскими и внероссийскими адептами победительницей в борьбе со сталинской цивилизацией. Последняя была подвергнута ускоренному демонтажу, а на ее месте стали закладываться основы и структуры прозападной цивилизации.

Отсюда открытие границ, разгосударствление и приватизация, создание капиталистической и финансовой иерархий, долларизация российского экономического пространства, рост государственной задолженности при огромном и стремительном вывозе капитала заграницу, освобождение трудящихся от собственности, ускоренное накопление частных богатств при резком падении жизненного уровня населения, вестернизация спроса и предложения, сокращение производства и занятости, деинвестирование производства и инфраструктуры, обилие непроизводственного инвестирования, усиленное выкачивание природных ресурсов и экономический паразитизм на природе, свертывание высокотехнологического производства, но также и ошеломляющее развитие теневой экономики, бурная криминализация экономики и общества, всеобщая аморализация и декультуризация, разложение общества, его фактическое разобществление, разложение человека, его расчеловечивание, понижение статусного уровня человека, общества, культуры, государства, общая примитивизация жизни.

Экономическая цивилизация пришла в Россию с внешними экономическими, политическими, даже и правовыми атрибутами, но с глубоко нецивилизованным и антицивилизованным нутром.

Страна была отдана революцией на *разграбление*, и из этого разграбления должна была революционно возникнуть некая проэкономическая система.

И если в *отрицательном* плане все вышло совсем и не плохо, а именно, тотальный демонтаж сталинской системы общества и хозяй-

ства и создание на ее месте капитало-финансовой эксплуатационной системы, то в *положительном* плане ничего воистину ценного и органичного в хозяйстве и обществе пока еще не произошло, хотя определенная, но никак не рассчитанная на времена, стабилизация нового строя и имеет место.

3. Что же так зыбко утвердилось на время в России?

А. По форме и по внешности вроде бы экономическая цивилизация, со всеми ее славными принадлежностями: экономикой, капитализмом, финансизмом, законами, политикой, идеологией, наукой, моралью, СМИ, пиаром, партиями, парламентами, президентами, губернаторами и мэрами, а вот по существу и по внутреннему свойству утвердилось что-то… совсем другое, что ни цивилизацией по сути не назовешь, ни даже в полном смысле слова экономической, ибо все вокруг какое-то *не такое*, даже и сами внешние атрибуты какие-то *не такие* — *нетакие*! — и все тут! В общем, возникла какая-то *проэкономическая цивилизация*, а следовательно, не имеющая и по-настоящему типического характера, т. е. возникает какая-то *странная*, находящаяся на стороне, стороной стоящая, если не стороной проходящая, конструкция. И если уж характеризовать такую конструкцию типологически, то, видно, в положении и в манере лишь особого исключения. В самом деле, какая-такая цивилизация, коли антицивилизационное начало прямо-таки выпирает из-под всего цивилизационного футляра, или же какая тут экономика, коли нет необходимой для экономики полно-*цел*-ности, а за ней и полно-*цен*-ности, ибо нет необходимой для жизни общества плодотворной способности, позволяющей не одни природные ресурсы в хозяйственный оборот вовлечь, но и трудовые, интеллектуальные, научные, технологические, не говоря уже о нравственных, как и позволяющей обеспечить благосостояние всем слоям населения?

Б. Необычная должна быть, судя по всему, типологическая характеристика России, ее социума, экономики, культуры. *Странная* страна вызывает и *странную* характеристику — более, наверное, патологическую, чем нормальную, ибо не очень-то видно в нынешней России привлекательной и устойчивой нормы.

Странность, *патологичность*, *ненормальность*!

Что-то повсюду очень и очень другое: то ли не настоящее, то ли неотмирное, то ли попросту искаженное.

Искажения!

Что в России сейчас не искажение — из общепринятого, что не отклонение, что не уродство? Хотя вроде бы и подражаем бодро, и заимствуем охотно, и исполняем строго — под бдительным зарубежным оком. А все как-то не так, не в стык, не в расчет.

Впечатление, что к России подкрался и непринужденно себя чувствует какой-то *посторонний мир*, заставляющий и Россию быть в стороне, идти сторонней дорогой, однако не оригинально, и уж вовсе не самобытно, а как-то очень уж *болезненно* оригинально, что означает, что утвердился в России *отрицательно* посторонний мир, который иначе, как *инфернальным,* и не назовешь.

Уже сама революция носила инфернальный характер, она была скрытной и обманчивой, будила скверные и обычно отложенные инстинкты, — и она не могла не вызвать *тотальной инфернализации общества и человека*, сопровождающейся *разобществлением* и *расчеловечиванием*, превращением общества в население, а человека — либо в бездушного зверя, либо в обездушенный механизм. *Инфернализация сознания* — что индивидуального, что группового, что общественного, вместе с тем и *маргинализация сознания* — на всех уровнях и во всех аспектах, как, разумеется, и *обнижение сознания*, его «оплоскивание» и обнуливание.

В. В России явился своеобразный *антимир*, когда все как бы наоборот, вспять, совсем не туда, куда надо. И неудивительно, все это, ибо революцию делала как раз *анти-Россия*.

Ничего удивительного нет и в том, что в России все так или иначе сегодня «анти»: *антисистема, антиэлита, антигосударство, антиобщество, антихозяйство, антикультура*, да мало ли еще что! Если б имело место одно лишь разрушение сталинской системы, а то ведь произошло все куда как серьезнее и масштабнее, куда как и страшнее. Случилось опрокидывание в *антисостояние*, из которого уже нет ни наивно простого, ни интеллектуально сложного — по желанию — выхода, ибо тут надо вновь сильно обернуться — уже *реальностью,* замещающей *антиреальность*.

Почему же «анти»?

Потому что все, что как будто бы не «анти», т. е. система, элита, государство, общество, хозяйство, культура, как и любое *нечто*, работает не на что-нибудь позитивно утверждающееся, а на самое отвратительное *ничто*, которое просто берет и *ничтожит*, т. е. на что-то, вполне негативно утверждающееся.

Не *мир-позитив*, а *мир-негатив*!

Обрушение и подмена, имитация, да еще и отсутствие полноты.

Все работает на свою противоположность: *система на антисистему*, т. е. вредящую, пожирающую, умертвляющую, на энтропийство; *элита на антиэлиту*, т. е. на не значимую, а совсем даже наоборотную — паразитарно-разъедающего свойства — верхушку; *государство на антигосударство*, что ни для кого, кроме властей предержащих, ни для чего, кроме разложения, т. е. это и не государство вовсе, а так, псевдосистема,

занятая лишь удержанием антимира на плаву; *общество на антиобщество*, т. е. на что-то *бес*-форменное, *без*-ответственное, *бес*-пардонное, или вообще на массу — не общество, связанное и структурированное чем-то общим, а на вялотекущее размазанное народонаселение; *хозяйство на антихозяйство*, ибо хозяйство уже не дает ни полноты самого хозяйства, ни полноты жизни, следовательно, удовлетворения от бытия и его органичного желания; *культура на антикультуру*, ибо обездуховленная, игровая и игривая культура суть антикультура, хотя и рядящаяся упорно в культурные одежды.

В итоге: *антижизнь*, что и заметно по различного рода концам, исходам и смертям.

Катастрофа, которая вовсе не будет еще, а которая уже есть, которая уже здесь, как здесь уже глубокий и масштабный *апокалиптический кризис*, а впереди маячит лишь и всего более *антибудущее*.

Г. Россия сейчас весьма своеобразна, если не свое-*без*-образна, но она вовсе не одинока, в том смысле, что ей не дают одиночества, т. е. быть самой по себе и самой собою, и, судя по всему, не дадут. Россию надо строго и цепко держать, да она и сама пока что под сень глобальную и темную лезет, ибо только под этой сенью и быть ей не-Россией, в чем как раз недвусмысленно заинтересован и засевший в ней антимир.

А любое несамостоятельное и несамоценное суть уродливое. Мало того, при этом еще и непременно подвластное — раз само для себя не власть, то значит под властью другого, но *постороннего* — что «инферно», что «анти», что «вне». Вот Россия и демонстрирует вовсю *феномен субфеномена* — быть во всех отношениях «*суб*», или «*под*», т. е. как-то, чем-то, к чему-то, а то и к кому-то *притуленной*. А иначе ведь нельзя, ибо вокруг — *революция*! — которая, кстати, не для России же исконной так упорно делается!

Феномен субфеномена!

Суб-социум, *суб*-экономика, *суб*-культура, что почти то же самое, что *под*-социум, *под*-экономика, *под*-культура, равным образом и любое другое «*суб—под*», т. е. включенное, подзащитное, управляемое, но одновременно и не настоящее, не натуральное, не подлинное. Искусственное, имитационное, импровизационное. То ли очень лживое, то ли просто никакое — *без правды*, во всяком случае, без *своей* правды.

И вовсе уже не переходная, ибо уже сложилась, даже и в своей безысходной аморфности.

Д. Субфеноменализация сказалась на *субъектности* России, элита которой решительно отказалась от какой бы то ни было ее субъектной реальности, обеспечив сползание страны на уровень *субсубъекта — субординального субъекта*, даже и не помышляющего о собственной исторической роли. Делание истории легко было променено на услуги тем,

кто жестко и глобально творит сегодня историю, а также на коварные подставы тем, кто тоже творит историю, но иначе, т. е. сопротивляясь ее нынешним глобальным творцам. Жалкое это зрелище — утрата субъектности, причем по всем линиям!

В России сложилось что-то неопределенное и неопределимое, в чем заправляет некая отрицательная *феноменальная трансценденция*. Попробуй-ка разберись! Ни общества, ни государства, ни хозяйства, ни экономики, ни культуры, т. е. что-то есть, но в обычных понятиях не улавливаемое, а потому этого чего-то как бы и нет. Вроде бы *постмодерн*, но, повторяем, *субпостмодерн*, а потому вдвойне опасный — как вообще постмодерн, который есть уже явный конец — того же модерна, и какое-то возможное начало, но при этом и под-постмодерн, который еще более склонен к концу и мало склонен к какому-нибудь началу. У революции уже нет продолжения, но нет его и у закрепляющей ее стабилизации. Все вывернуто, — как наизнанку, так и из суставов, — и выправить и вправить уже ничего нельзя, точнее, можно, но на иных, т. е. *антиреволюционных*, началах — *справедливости*, *ответственности*, *почвенности*, чего ни революция, ни ею же предположанная стабилизация принять никак не могут. Отсюда и *полный крах* — перед будущим, ибо *суббудущее*, которое упорно России предлагается, ведет даже не в тупик, а в окончательное ничто, откуда уже и не выбраться. Еще немного столь же бесполезных шагов — вперед, в направлении глобально-западного прогресса, и российское время-пространство расколется уже открыто — никаких уже скрытых надломов и переломов.

Россия оказалась в жестокой и губительной хватке отрицательно к ней настроенной и негативной по своему характеру феноменальной трансценденции (в перекрестке неуловимых, но очень коварных, потоков отрицательных энергий).

4. Типологическая характеристика современной России — более концептуального, чем описательного, более качественного, чем количественного, более аномального, чем нормального порядка. Нет, Россия не восьмой член великолепной семерки, но и не Верхняя Вольта с ракетами. Никто, собственно, не знает истинного положения российских вещей, и сами мы о нем лишь подозреваем, в некотором плане и нарочито односторонне. Точный фактологический портрет России написать сегодня практически невозможно, хотя и можно, надо полагать, дать ряд вообразительных и очень условных эскизов, среди которых может иметь место и вполне оптимистический.

Россия сегодня — *сплошная загадка*, и не только в силу своей мистической трансцендентности, уходящей глубоко в историю и вообще в мир, но и по причине простого ее незнания — без всякой уже исконной таинственности.

Россия явно не типична, хотя в чем-то и с кем-то и сравнима, да вот по каким же тогда параметрам и показательным данным сравнивать Россию с другими обществами, коли Россия — не страна вовсе, а целый мир, да еще и мир, открыто и ясно никогда и никем не показываемый?

Россия — *сама себе тип*!

И это очень важно уразуметь, ибо Россия изыгрывает мир, его как на репетиции проигрывает — первая и заранее, тот самый мир, который стремительно катится к бездне — под воздействием Запада. Россия уже у бездны, но не бросается в нее, а топчется как-то у ее края, с ужасом и веселием за него заглядывая. И из топтания этого всякое может выйти — как бросок в бездну, так и отскок от нее, мало того, отскок даже и с *преображением*, которое сегодня маловероятно, но все-таки возможно, ибо Россия сегодня — *сплошная возможность*!

5. Нет, не одна лишь негативная трансценденция гуляет ныне по России, а притаилась в ней и позитивная трансценденция с изначальным и конечным замыслом России связанная, с ее историческим ходом, с ее общемировой совместностью. Не одолела ведь пока Россию анти-Россия, хотя и воцарилась в ней, и разрушила многое, обобрала сильно, даже почти что и покорила. Но Россия есть, хоть и не в особенной пока яви, ибо стушевалась, даже и закрылась, но выдержала бешеный натиск революции, его ослабила, а теперь, пожалуй, и *возвращается*, во всяком случае, веет уже вокруг *возвращающейся Россией* — сначала духом, а потом уж и материей, а даст Бог — и *субъектностью*.

6. В России сегодня *тотальное сражение*. Оно везде: на всем пространстве и в каждой ячейке, по всему организму и в каждой клеточке, наверху и внизу, в целом обществе и в каждой одинокой душе. Зримое и незримое, тягостное и выносимое, осознанное и стихийное. Цель у революции была и есть злая: переделать, растлить, покорить, ограбить, зажать в лукавой эксплуатации, на крайний случай — уничтожить, а в итоге, несмотря на все громкие успехи революции, вышло что-то совсем иное, совсем и непредвиденное — вышла *борьба миров*, из которой тоже может выйти кое-что непредвиденное: *альтернативный мир* и *новая Россия*!

Нет, это не переход, не реализация проекта, а мучительное рождение — *мира из мира, России из России*, — и на все это есть немалый шанс, ибо Россия *непредсказуема!*

Из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «Неуёмная Россия» В 2-х томах. 2003.

2004 г.

О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ РОССИИ

Из материалов к I Малому университетскому форуму «ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЭКОНОМИКЕ» МГУ имени М.В. Ломоносова, декабрь 2004 г.

Настоящее положение России выглядит весьма странным и не подлежит простой и определенной характеристике. Прошедшая по инициативе сверху и при поддержке из-за рубежа социо-хозяйственная реконструкция, сопровождавшаяся развалом СССР и откровенной буржуазно-криминальной революцией, не дала и не могла дать результатов, устраивающих более или менее, хотя и в разной степени, население России, ее трудящихся, ее образованный слой, ее творческий потенциал, равным образом и ее государственность, и имперскость. Реконструкция приняла не только антинациональный и антигосударственный, но и антироссийский и даже античеловеческий характер, немало удивив не одну только Россию, но и весь мир. Россия вдруг превратилась во второстепенное локальное образование, зависимое от мирового глобализма — субобразование, а ее экономика, вдвое сократившись, стала самой обыкновенной субэкономикой, базирующейся на энерго-сырьевых отраслях и почти лишенной высокотехнологического производства. Говорить об утечке за рубеж капиталов, мозгов и технологий нет сегодня даже большой необходимости, — настолько это очевидно, как и говорить о зияющих проблемах безопасности, народонаселения, здоровья, творчества, воспитания, жилья, уверенности в будущем, вообще о каких-либо достойных жизненных обстоятельствах и перспективах, ибо все это тоже не менее хорошо известно. Имеющийся за последние три года, по утверждениям правительства, экономический рост не только не обеспечивает заметного решения острых социохозяйственных проблем, но и не обладает тем качеством, которое способствовало бы действительному развитию России и ее экономики, обретению ею воистину суверенного статуса. Россия и ее хозяйство по-прежнему в кризисе, причем вовсе не обычного циклического характера, даже и глобально-долговременного, а в кризисе явно апокалиптического свойства, в том самом кризисе, из которого нет не только скорых автоматических, но даже и небыстрых запрограммированных выходов, мало того, это кризис, который вполне способен завершиться и социохозяйственной катастрофой — тем же распадом России.

Совершающаяся в России социохозяйственная реконструкция, во-первых, привела к понижению статуса России для себя самой и в мировом сообществе — вплоть до утраты значительной части суверенитета, во-вторых, не создает потенции и механизмов перевода России в более

высокий статус, сохранения и укрепления ее суверенитета, обретения нового, более приемлемого для России, ее общества и экономики, качественного облика. Не настаивая на тезисе о полном провале «курса реформ», вряд ли тем не менее можно удовлетвориться всеми его итогами, как и вряд ли можно обойти вопрос даже не о коррекции курса, а о его смене. Хотим мы этого или не хотим, но жизнь каждый день ставит этот вопрос и на него должен быть дан ответ. Разумеется, можно не менять курса, ожидая очередного для мира «рыночного чуда», обильных инвестиций из-за границы, пробуждения в обществе всеобщей конструктивной инициативы. Пока мы видим одно: безудержную эксплуатацию материально-технической базы, созданной еще в СССР, причем эксплуатации не ради целостного развития экономики и общества, а всего лишь ради частных и государственных накоплений, по преимуществу за рубежом, и неполноценного выживания населения. Все это совсем не перспективно, даже если и будет еще какое-то время продолжаться.

Созданный в итоге буржуазно-криминальной революции капитал оказался весьма способным к присвоению за бесценок гигантских собственностей и безудержной эксплуатации всего и вся, как и к извлечению для себя доходов, часто баснословных, но при этом он оказался весьма неспособным к целостному производственному предпринимательству, новаторской инициативе, созидательному риску, разного рода умному деланию, вообще к саморазвитию. Не лучше выглядит сегодня и государственный аппарат, погрязший в бюрократизме и коррупции, одуревший от ничегонеделания. Кризис, в котором оказалась Россия, не кризис одних лишь показателей, весьма, кстати, удручающих, это кризис всего общества, всех его членов, всякого бытующего в России сознания. Недаром же речь идет об апокалиптическом кризисе.

Каков же выход и что делать, разумеется, с учетом мировой обстановки и мировых тенденций?

Помимо того, что в верхней части российского общества — во властной элите, должно наконец-то возникнуть убеждение в крайней опасности принятого социохозяйственного курса, как и сформироваться потребность в выведении России из охватившего ее губительного кризиса, в действительном подъеме страны, ее обновлении и возвышении статуса, необходимо реалистично представлять себе, что есть по сути Россия, насколько она своеобразна, в чем ее предназначение, каковы ее реальные ограничения и возможности, короче говоря, какова же концепция России?

Вполне неразрешимые вопросы, в особенности, в рамках краткого текста, но кое-что сказать все-таки можно, разумеется, всего лишь в контексте предпринятого ранее рассуждения.

С давних уже времен, по крайней мере с эпохи Ивана III Россия бытует фактически как империя, во всяком случае, как имперское образование. Петр Великий лишь легализовал имперский статус России. И глубинная имперскость России (на которую реагировал, кажется, еще киевский великий князь Святослав) никуда до сих пор не исчезла. Россия — имперское локальное образование. В 1917 г. был нанесен серьезный удар по российской империи, но имперскость не только не ушла в небытие, а весьма быстро восстала, а в сталинскую эпоху, не говоря уже о времени Великой Отечественной войны, имперскость оказалась уже явно выраженной. СССР был империей (не будем здесь говорить об особенностях СССР-империи, нас интересует лишь сам исторический факт), имперскость в России осталась и после распада СССР, более того, сами социохозяйственные преобразования были проведены ельцинским режимом совершенно по-имперски (в отрицательном, правда, значении). Не исчезла имперскость в России и в итоге буржуазно-криминальных переустройств. В настоящее время Россия сохраняет свой по сути имперский, хотя и подавленный, истертый и негативный по знаку, характер.

Оговоримся, что когда мы говорим об имперскости России, то имеем в виду своеобразие ее фундаментального устройства и существенного бытия, ее главного жизнеотправления, а не ту или иную конкретную политику, тем более экспансионистского и принудительного характера, что могло быть и, надо полагать, есть и сегодня, но что не является принципиальным в понимании имперскости вообще и российской имперскости в частности. Агрессивность и авторитарность могут быть свойственны империям, но империи могут таковых свойств и не иметь. Отсюда внимание не к тем или иным свойствам империй, тем более отрицательным, а к той почти непостижимой субстанциальности, которую мы как раз и называем имперскостью. И вот эта-то субстанциальность и сидит в России, делая ее именно имперским, а не просто национально-государственным образованием, иногда в нем ослабевая, болея и даже как-то выворачиваясь наизнанку, но никогда России окончательно не покидая. Даже сейчас, во всяком случае так было в 1990-е гг., когда имперскость по отношению к России играет далеко не одну только позитивную роль — имперский центр ухитряется срабатывать и против российских интересов, Россия остается имперской страной, а иной она и быть не может. Нельзя исключать и того предположения, что Россия сохраняется до сих пор как единое целое именно по причине своей органической и почти бессознательно воспроизводящейся имперскости.

Для империи характерна и имперская хозяйственность, которая состоит не в пресловутом централизованном тоталитаризме, а в возможности вести своеобразное сверххозяйство — по типу сверхгосударственности, о которой шла речь выше. Империя способна ставить большие

задачи и решать их с помощью больших приемов, вообще следовать большим алгоритмам. Империи не чужды и мобилизационные методы. Империя удерживает под контролем большие социохозяйственные пространства, отличающиеся качественным разнообразием, что ведет к внутренней взаимодополняемости и реализации больших воспроизводственных целостностей. Имперский хозяйственный центр имеет возможность быть распорядителем во всех смыслах больших денег — не по одному их количеству, но и по качеству, не только быть их учредителем и эмиссионером, но и распорядителем, в том числе и в общественных инвестиционных целях. Имперская социохозяйственная организация, не отвергая ни рынка, ни планирования, способна наилучшим образом реализовать вполне современную организацию социума и хозяйства, которую мы определяем как организацию самоорганизации. Терпимая к разнообразию, его даже предполагающая, империя может не просто терпеть многоукладность, а ее вовсю культивировать. Ничто не чуждо империи, если это работает на имперский социум и имперское хозяйство, в котором частная собственность и частное предпринимательство могут эффективно сочетаться со своими противоположностями.

Не закрываясь абсолютно от внешнего мира, но контролируя и организуя свое социохозяйственное пространство, империя имеет возможность полезного и выгодного взаимодействия с внешним миром, даже и глобализующимся. Главное здесь не в лобовом противостоянии глобализации и глобальному центру, а в соблюдении, во-первых, суверенитета, во-вторых, своих интересов, в-третьих, правил мировой игры. Империя, разумеется, нового — современного — типа, т. е. учитывающая реалии сегодняшнего дня, идущая вперед, а не обращенная вспять, уважающая человека, коллективы и сообщества, действующая в пределах конституционно закрепленной компетенции, не пренебрегающая представительными властными и исполнительными институциями и механизмами, способна, судя по всему, разрешить противоречия, возникающие в современном мире вследствие роста его планетарной взаимозависимости, усиления глобалистической тенденции и потребностью сохранения в мире социохозяйственного, культурного и цивилизационного разнообразия, локальных систем, родных миров.

России не нужно ни обретать с нуля имперскости, ни конструировать впервые имперское образование, ни по-имперски себя воодушевлять. Все глубинное имперское в России уже есть: на повестке же дня, во-первых, восстание (а не просто восстановление) империи, во-вторых, изменение ее сути или типа (обновление, модернизация, переустроение), в-третьих, переключение се функционального бытия с отрицательного знака на положительный (разворот в сторону России и на цели безопасности и развития). Как бы ни казалось сегодня фантастическим и даже

нелепым внимание к имперскости в России и мире, движение по имперскому пути не просто возможно, но и вполне реально — причем не когда-то там в будущем, а прямо сейчас, ибо оно… вовсю уже идет — как в России, так и во всем мире. Отсюда нужно думать не об отрицании имперскости, а об ее наилучшем воплощении.

Российское обновление.
Материалы Малых университетских форумов 2004, 2005, 2007.
М., 2007.

РУССКАЯ ИМПЕРСКОСТЬ

Имперскость — свойство, способность, образ бытия, связанные с реализацией — настоящей, прошлой или будущей — *имперской организации* общества, государства, вообще жизни человека, но также и пространства и времени. Осуществленная в яви и полностью имперская организация есть *империя*, что означает уже сопряжение имперскости с империей.

Когда заходит речь об империи, то на ум не без основания приходит, во-первых, многоэтничность имперского образования, равным образом и любая другая качественная множественность: расовая, конфессиональная, культурная, даже и цивилизационная, во-вторых, этническая или какая-нибудь еще иерархия, когда один этнос или какой-нибудь еще элемент возвышается над другими, осуществляя миссию организации всего и вся в жизнеспособное единство — под своей эгидой. Отсюда: имперский народ (этнос), имперская раса (к примеру, белая северная), имперская культура (той же Англии) и т. д. Империя, это когда есть первый и высший, соответственно — вторые и низшие. Это классика — имперская классика.

Однако не все здесь так просто. Русский этнос, выполняющий имперскую функцию, не был ни первым, ни высшим, хоть и был в главном *ведущим,* разумеется, с отдельными проявлениями «первости» и «высшести». Во всяком случае, русский этнос не только не был в основе своей эксплуатирующим этносом, а сам подвергался эксплуатации, в том числе и от представителей иных этносов, правда, обретавших некое русоподобие. Русская, или как совсем не случайно было изобретено — *российская*, империя осуществлялась не как эксплуататорская относительно вторых и низших элементов, а как по преимуществу *удерживающая пространство и время империя.* Сравнимая в чем-то с китайской — Поднебесной — русская империя имела принципиально иную телеологию, архитектонику и историческую драматургию, чем любая классическая по западному менталитету империя. Даже само расширение русской империи имело совсем иные задачи, способы и плоды реализации. Отсюда

принципиально иная имперскость русской империи, русского сознания и самого русского народа (этноса).

Мы являемся свидетелями прелюбопытного феномена: *империяльности без империй,* во всяком случае, без *явных* империй. Нет как будто бы британской или той же французской империй, а что-то имперское все-таки есть — на пространствах вроде бы бывших империй; нет, кажется, никакой американской империи, но не видеть американской имперскости, проявляемой в масштабе уже целого мира, может только полный идиот; нет, вроде бы, российской империи — как явной яви, а она все-таки есть, пусть и как атавизм, конечно, не столько империя, сколько ушедшая в тень имперскость, ибо бытие на территории бывшей империи все еще требует имперской — пусть и не по всем параметрам — организации. Можно поставить вопрос и о других империях без империй, например, финансовых, информационных или спортивных, но сейчас мы склоняемся в сторону социогосударственных империй. Итак: с империями (царствами) вроде бы покончено, а империи все-таки… как-то бытуют, пусть и не совсем в явном виде. Выходит, что империи вовсе не девиация истории, как и не забытое историей прошлое, а что-то естественное, даже и назойливое, к тому же и… весьма актуальное. Это в эпоху-то всеобщей глобализации и подавляющего глобализма, а?!

Именно так: великий глобалист США из кожи вон лезет, чтобы зафиксировать себя в качестве *Великой Глобальной Империи*; Европа явно призадумалась относительно своего собственного шанса — *Евроимперии;* Китай вовсе не собирается отказываться от своей *вечной* империяльности, туркам все чаще и отчетливее снится Османская империя; литовцы вдруг вспомнили о былом Великом княжестве литовском, хоть и всего лишь по поводу транзитных виз с российского материка на российский остров Калининград. Империй нигде нет, но они везде и всюду в повседневной реальности. Парадокс какой-то, но парадокс, заметим, из самой реальности, а не от выдумки какого-нибудь удачливого юмориста.

Выходит, что не отмахнуться человечеству от империяльности, даже несмотря на крушение империй и антиимперские революции. В самом эгрегоре человечества сидит имперскость, — разная, несомненно, но все-таки имперскость, а не что-либо иное, ее насовсем замещающее.

И что же нам, русским, чуждаться своей собственной, вообще нам органичной, имперскости. Быть против русской имперскости — быть против самой русскости. Русскость — не национальная (этническая) принадлежность, это другое: принадлежность к особому миру, из русского слова проистекающего, который несет в себе и такое свойство, как имперскость. Быть русским — быть имперским! И нет здесь никакого изначального и фактического превосходства русских над нерусскими, что,

собственно, и подтверждается реальной историей, хотя никто не будет отрицать и хорошо известных негативов, правда, далеко не всегда обусловленных самой по себе русскостью (в реальной истории все весьма сложно: кто там сидит на российском троне, русский или не очень русский, будучи вроде бы русским, а зачастую и прямо не русским?; русский вроде бы Петр I и совсем даже не русская Екатерина Великая, а вот кто из них «русее»…?).

Русская имперскость — не прихоть и не выгода, это — необходимость! Не обойти русскому человеку имперскости, разве лишь сбежать от нее — и бегут, надо заметить, хорошо бегут. Но что из того? Русский мир требует имперскости, но… и тут, пожалуй, главное… *особой имперскости,* которая не от силы как таковой, а от слова, а потом уже от силы — силы слова, а слово, если под этим, понимать суть и смысл бытия, а не всего лишь средство общения, т. е. русское слово, выводит из себя имперскость, разумеется, особую, когда русский мир, из русского слова проистекающий, не может образоваться иначе, как через имперскую организацию, равным образом и имперскую телеологию и даже имперскую эсхатологию, ибо русский мир — мир не выгоды, тем более личной, а с*лужения* — всему сразу: Богу, природе, миру, человеку, но и Чуду тоже. В русском человеке такое по качеству слово сидит, а следственно, и культура, и мироощущение, и жизнеспособие, при котором если что и выговаривается — в том числе и беззвучно — то что-то высокое, великое, недоступное, пожалуй, что и не от мира сего. Так как же тут без имперскости, суть которой именно в многообразном служении и состоит? Вот и получается, что никак, а потому лучшие русские поэты и полководцы как раз в империи-то и случились.

И не надо упрекать русских в ретроградности и консервативности, не к тому вовсе у нас речь, мы говорим всего лишь о корневом свойстве, которого русским никак не избежать, да и избегать не надо, ибо свойство это *вне времени*, а потому если есть вообще будущее, то свойство это как раз в будущее и устремлено. *Будущее русского мира в имперскости!*

Но не в одной лишь внутренней имперскости, о которой пока идет речь, но и во внешней, однако не в той, что антиматериалисты усердно клянут, а в оборонной, призванной русский мир всего лишь оборонить, что, согласимся, совсем даже неплохо, а главное, абсолютно необходимо. Имперскость не может реализоваться во всей полноте без имперского же удержания пространства и времени. Имперскость способна не только изнутри русский мир держать, а иначе он не держится — слово у него такое, т. е. суть и смысл, но и этот мир подпирать от границы, мир этот особый — не от мира сего! — а потому особой и великой к себе заботы требующий.

Нет, не хочется перед утратившими имперский дух, а то и прямыми его противниками, если не просто врагами, распинаться, приводя аргумент за аргументом, — кому надо, тот и так почувствует и поймет, что имперскость у русских органичная и вполне особая и не такая уж агрессивная, а кому не надо, тот скорее глухим насовсем прикинется, лишь бы не слышать ужасных слов об ужасной имперскости ужасных русских. Не в аргументах в конце концов дело, а в самоощущении: где тебе, брат, комфортнее — в толчее беснующегося рынка и в шуме обезумевшего мегаполиса или в размеренности бескорыстного порядка и в лоне ненасилуемой природы?

Империя все-таки куда как предпочтительнее «конкурентного самообогащения», из которого только одно и выходит — бессмыслица! Верно, конечно, что сама по себе империя — не панацея. Но ведь смотря как, во-первых, устроить империю, во-вторых, с кем и для кого, в-третьих, для чего… и т. д. И не великий ли сейчас по России идет трансцендентный имперский отбор — на глубоком еще уровне, совсем и не явном — ради имперского самовыражения имперского по сути мира? Разумеется, отбор очень рисковый, страшный, чреватый и гибелью. Да и не лукавые ли имперские имитации развелись вокруг, которые призваны вроде бы отогнать истинную имперскость, выхолостить ее, не допустить в реальность, но которые рискуют ее же невольно, но провиденциально, на свет белый как раз и вытащить — не в потешных ли играх зачиналась когда-то великая петровская империальность?

«Эпоха Постмодерна». М.: ТЕИС. 2004.

РОССИЯ: НИ ГЛОБАЛЬНОЕ, НИ НАЦИОНАЛЬНОЕ, А ИМПЕРСКОЕ

Вопрос о власти — главный вопрос жизнебытия человечества

Только наивный, если не никчемный, человек может не задумываться о власти. Власть — не одно лишь и не всегда лишь владение, во всяком случае — явное. Власть — способность организации в интересах организующего. Человечество всегда не просто организовано, а организуемо субъективно, всегда есть, пусть и неявный, субъект организации. Само организация лишь подспорье. Организация — волевое действо, исходящее от субъекта. В современном мире, опутанном законами и институтами, власть становится все менее явной, все более превращаясь в крипмократию. Государство истаивает, передавая власть невидимому, даже и непознаваемому, субъекту. Это означает изменение характера власти, но не ее исчезновение. Нет и не может быть безвластных обществ, как нет и обществ с бессубъектной властью. Сегодня лишь власть как бы уходит куда-то от объекта власти, теряясь где-то в дали

и в выси. Но это не власть Бога, даже и не Природы. Это власть непосредственно человека над человеком, не освящаемая уже ни Богом, ни Природой, ибо это власть в де сакрализованной и денатурализованной человеческой среде. И если это сверхвласть, то в пределах самого человечества, без выхода за пределы человеческого мира, не санкционируемая ни Богом, ни Природой. Ничего другого не может быть в среде искусственного мира, демиургически построенного отпрянувшим от Бога и Природы человеком.

Убеждение, что власть ныне не важна и не играет фундаментальной образующей роли — заблуждение. Ослабление государств (царств) не означает растворения власти. Она лишь видоизменяется и иноцентрируется, обретая новые механизмы реализации. Сегодня власть сосредоточивается в надгосударственной сфере, в ней где-то прячась и теряясь. Властные импульсы не требуют сегодня ни отношения «власть — подвласть», ни явного управленческого действа со стороны субъекта власти, ни осознанного, тем более открытого, подчинения «подданных». Сейчас преобладающими становятся связи и сети, побуждения и манипуляции, т. е. все то, что можно было бы определить как криптоменеджмент. Отсюда вы ходит, что власть не только есть, но она и вполне сильна, став лишь иной по качеству властью. А если учесть, что сегодня все более характерно не само по себе подчинение власти, а такой феномен, как движение на встречу власти, мало по существу осознаваемое, то власть оказывается и весьма эффективной, способной достигать вполне незаметно свои цели, а развивающиеся технологические средства (технические, биологические, психологические, социальные) еще более этой власти способствуют.

Власть не упоение, а контроль, причем надо всем сразу. И нечему здесь удивляться: современный мир достиг такой тесной и целостной взаимозависимости, что власть становится, или пытается стать, всеобщей, т. е. общемировой, способной вбирать в себя и извергать из себя уже целый мир. А сам этот мир, который принято считать передовым и называть прогрессивным, теряя изначальную одухотворенность и существенность (сущность-то от Духа — как итог одухотворения), все более при этом внутренне опустошаясь, оказывается все более подходящим для целостного овладения им единой общемировой властью, ибо мир этот, лишенный внутренней устойчивости и ориентации на основе и посредством традиционных культур, охотно откликается на внешнее и чисто функциональное, по сути для него и обессмысленное. Такому миру все всегда нравится, он на все всегда согласен, он сверху вниз жаждет только действия, а не смысла, ибо он уже вне земли, природы, религии, языка, культуры и т. п., т. е. он существенно пустотен, «оскоплуплен», пожалуй что,

и оскоплен. Активная игра ему куда как дороже задумчивой неподвижности.

Что бы ни говорили атеизированные глашатаи самости и свободы человека, его самоценности, как бы ни отрицали они новой контролирующей и направляющей власти, такая власть есть и она упорно осуществляется, более того, имеет кое-какие шансы еще более укрепиться и весьма раскатиться на перспективу, никак вроде бы не ограничивая свободы выбора человека, правда, в паутинообразной сети законов, но при этом незаметно заставляя его делать как раз тот выбор, который выгоден власти. Никто никому ничего не указывает, и никто никого за руки не держит, но все, или подавляющее большинство, действуют почему-то… по образу и подобию, конечно же, не божественному и природному, а всего лишь… предложенному… ниоткуда. Власть ниоткуда это феномен, феномен нового мира, который на самом верху мира вообще и который, выставив свое правительство, претендует на главенство и господство в мире.

Глобальная власть над глобализуемым миром

Если учесть сказанное выше о власти вообще и о новой мировой власти, то нынешняя реальность есть реальность прихода в мир глобальной власти, которой не надо особенно и властью выступать, ибо склонность она имеет органическую к криптократии. Почему же не быть такой власти, коли мир сам как будто бы глобализуется: глобализованному миру и глобальная власть. Однако не все тут просто: мир глобализуется не только сам, он еще и сознательно глобализуем, конечно же, совсем даже не со вчерашнего дня. Глобализация, которая ранее осуществлялась более как интернационализация и космополитизация — давняя эволюционная и стимуляционная тенденция. Сегодня она лишь стала более явной, а главное, самой себе соответствующей, т. е. не нуждающейся ни в прикрытии, ни в каких-то иных воплощениях. Теперь-то уже ясно, что глобализация — никакая не взаимозависимость, хотя последняя усиленно развивается, а властная организация мира из единого, хотя и по структуре сложного центра, т. е. она не столько стихийна и объективна, сколько сознательна и субъективна. И другой она, увы, быть просто не может. Сказки об объективных закономерностях и о само собой происходящих процессах канули в Лету вместе со всем устаревшим миром, ибо теперь не мир, а супер Мир, который есть не потому, что есть, а потому что непрерывно созидается — в целом и сверху донизу. И в созидании этого совершенно искусственного мира огромная роль принадлежит как раз власти, которая вовсе не такая уж и полицейская, а в первую очередь — концептуальная, мало того — осознанивающая, но, разумеется, по-своему и для себя. Глобализм — не один только мировой (планетарной) мас-

штаб, да и не масштаб прежде всего, а всеохватывание и всепроникновение, причем более по качеству, а не по количеству, т. е. с изменением самого характера мира, причем непрерывным. Кто-то думает, что глобализм сводится к империалистической, а лучше сказать, ультраимпериалистической эксплуатации планетарного мира миром прогрессивным, и хотя это, по-видимому, так, но лишь на поверхности, — глобализм всего более означает целостное овладение перестроенным по замыслу атланто-европеоидов планетарным миром, ради исполнения какой-то таинственной сверхзадачи, о которой можно сказать только одно — она явно небожественного свойства. Глобализм намерен, надо полагать, завершить многовековой спор с Богом Творцом по поводу устройства жизни на Земле и в Космосе. И наука в этом деле — великий споспешествователь. Именно она освящает глобальную переделку человека и всего мира, отвергая все природное и сакральное. Глобализация — установление полного контроля над миром и человеком из единого властного центра, и контроля, заметим, не ради одного лишь процветания немногих счастливчиков (того же «золотого миллиарда»), а ради прорыва в иные, т. е. нечеловеческие миры. Когда-то человек вкусил запретного плода от древа познания, стал познавать и переделывать данный ему мир, теперь он уже в переделанном им мире, продолжая наращивать свои знания, — и коли мир уже освоен, узнан и целостно переделан, то почему бы не устремиться за его пределы — к тому же бессмертию, принеся остаточный мир в неизбежную жертву?

Глобальная экономика как основа и объект глобальной власти

Пора распрощаться с убеждением, что объемлет все хозяйство, ведущееся человеком, ибо хозяйство не сводимо к манипулированию со стоимостью (деньгами), оно шире, глубже, значимее, что не противоречит тому факту, что экономика выступает мотором хозяйства, его устремленности в неосознаваемую даль; пора также отойти от убеждения, что экономика вертится сама по себе, что она стихийна и объективна, что она не организуема сознательно и субъективно, что она вся «снизу», а не в главном «сверху»; и совсем пора избавиться от убеждения, что экономика-де власть определяет, а сама последней не определяется, что именно экономика владеет властью, а власть-де экономикой не владеет, что не экономика для власти, а всего лишь власть для экономики. Конечно, без экономики нет власти, ибо без экономики, а точнее, хозяйства, нет самой жизни, но и без власти нет экономики, ибо в каждой экономической клеточке сидит власть, а важнее при этом все-таки власть, ибо она действительно всюду, в том числе и в экономике, — как экономическая, так и неэкономическая. Вообще власть — источник и условие реализации самой жизни, в том числе хозяйства и экономики, но она же способна быть и источником, и условием реализации смерти, выпуская

на волю антихозяйство и вообще всяческую инфернальность. Пора менять отношение к власти, саму философию власти и человека, власти и жизни, власти и экономики. В какой-нибудь Швейцарии граждане не знают имени главы правительства, это не значит, что в Швейцарии нет власти, что она сама по себе именно Швейцария. Власть ведь не только волевой субъект, но и сама по себе воля, которая не одно лишь проявление, но и субстанция. Разумеется, из власти не вытекают сами по себе качества, они идут от жизни, но без власти нет жизни, нет и вытекания из нее качеств. Власть — что-то наподобие тяготения в мироздании, причем еще изменяющегося и побудительного. Власть сама по себе не деньги, но где и когда деньги без власти, а также где и когда власть не сравнима с деньгами, как, собственно, и наоборот.

Глобализация мирового бытия, стягивающегося к мировому центру и стягиваемого мировым центром, что означает и вытекание мирового бытия — в главных параметрах из мирового центра, означает и глобализацию экономики, соответственно и явление глобальной экономики. В самой глобальной экономике ничего сверхъестественного нет, тем более что глобализация не означает всеобщей однородности, а означает лишь определенное пирамидальное упорядочивание разнородностей, когда Постмодерн, тот же сверхразвитой «золотой миллиард», наверху, Модерн, или развитый индустриальный мир, посредине, Премодерн, так называемый развивающийся мир, внизу. Все это, конечно, условно, но характеристично. Глобализм — не достижение ни всеобщей однородности, ни одинакового положения, ни всеобщего процветания, а потому под глобальной экономикой не следует понимать супербольшого, а уж тем более свободного рынка. Последний давно уже лишь вспомогательный корректировочный подмеханизм, а в основе экономики, как и самого рынка, власть. Экономика — не распределение свободы, а распределение власти. И если уж ощущать себя свободным экономическим субъектом, то лишь при непременном встраивании себя в структуру власти, ныне стремящейся стать воистину глобальной. Глобальная экономика — глобальная власть, что экономическая, что неэкономическая.

Глобальная власть и национальная власть

Ясно, что «либо-либо»: глобальное отрицает национальное, а национальное — глобальное. Какого-то равнозначимого синтеза здесь быть не может: если вперед вырывается глобальное, то оно должно смять национальное, во всяком случае, его себе подчинить, оставив в лучшем случае лишь название (в качестве утешительного приза). В полном смысле слова национального быть уже не может: глобальное — не составленное из национального, а именно сверхнациональное, когда не национальное производит глобальное, а глобальное производит

национальное — в своих интересах. Победа глобального — победа глобальной власти над национальной, превращение последней в производное средство реализации первой. И ничего другого тут быть не может. Национальное соответствует, по мысли А.А. Зиновьева, эпохе обществ, или, согласно нашему подходу, эпохе Модерна, а глобальное — эпохе сверхобщества, или эпохе Постмодерна (для ясности: эпохе Премодерна соответствовала община, толкуемая, конечно, шире и значительнее, чем какая-нибудь родовая, сельская или даже городская община). Отсюда во время торжества глобализма никакого самостоятельного национализма уже быть в принципе не может. Отсюда и соответствующая судьба государств: либо исчезнуть вовсе, либо войти в связь с глобализмом, ему довольно подчинившись, что означает нелицеприятное выпаривание адекватного им содержания. Государственные аппараты как всего лишь аппараты, встроенные в систему глобализма, а не как аппараты, реализующие национализм — сами по себе и в своих интересах. А тот факт, что глобализм может базироваться на каком-нибудь национальном образовании (на тех же США) ничего в судьбе вообще национального не меняет: просто здесь национальное иначе служит глобальному, в нем не менее последовательно растворяясь.

Глобализм и антиглобализм

Хочет того глобализм или нет, но он непременно порождает своего антипода — антиглобализм, который есть не только осознанное политическое движение, а многоплановое, масштабное и глубокое ему сопротивление, часто и не особенно осознанное. Жизнь на планете не спешит кидаться в глобальное ложе, воспринимать новый образ бытия, подчиняться глобальной власти. И дело здесь вовсе не в национальных и прочих локальных амбициях, хотя и в них тоже, а в инстинкте самосохранения — как генетически обоснованных локальных образований, так и вообще активного качественного разнообразия. Реальность поставила вопрос о подлинной достоверности глобализма, его жизнетворческой способности, его праве на окончательное воцарение на планете. И реакция этой реальности вовсе не абсолютно проглобальная, она и, что совершенно естественно, антиглобальна. И выражается это отнюдь не в пассивном стоянии против глобализма, но и в активном ему противодействии, мало того, в поиске, пусть пока и идеальном, ему, этому глобализму, альтернативы. Не будет большим преувеличением сказать, что современный мир находится уже в войне глобализма с планетарным миром — здесь глобализм стремится к установлению своего глобального мирового порядка, и в войне планетарного мира с глобализмом — здесь идет сопротивление глобальному мировому порядку. Так глобализм выдавливает из планеты антиглобализм, а антиглобализм ищет иное решение общепланетарной проблемы. Многое уже достигнуто

глобализмом, но и антиглобализм крепнет, хотя бы от осознания разворачивающейся на планете супердрамы: что при полной сдаче глобализму, что при ему отчаянном сопротивлении, что, не дай бог, уже при жестком столкновении глобализма и антиглобализма. Положение осложняется и тем, что как глобализм, так и антиглобализм могут получить разные воплощения и центры инициативы: американский, к примеру, глобализм может вполне дополниться в один прекрасный момент каким-нибудь китайским глобализмом, который сегодня-то вроде бы антиглобализм, а вот завтра вдруг может стать самым обыкновенным глобализмом, только иным, а потому противоречия и борьба между глобализмом и антиглобализмом неизбежно дополняются противоречиями и борьбой разных глобализмов; соответственно возможны и наверняка будут разные антиглобализмы, что тоже не предвещает общепланетарной идилии. Все в мире сложно и запутанно, что, конечно же, вполне понятно.

А теперь о санкциях, только не тех, не наказательных, а совсем наоборот-разрешительных. Имеет ли глобализм санкцию вообще быть и реализовать глобальное устройство мира? Вопрос не простой, он носит, безусловно, не причинно-следственный, как обычно принято в науке, а скорее аксеологический (ценностной) характер — что свойственно более философии, чем науке. Вопрос можно поставить и по-другому: имеет ли глобализм какое-либо оправдание — историческое, аксеологическое, футурологическое (от будущего)? Тезис об объективной неизбежности глобализации, почти что механической, никого из сомневающихся в нужности глобализма не устроит. Общемировая взаимообусловленность планетарной жизни — не довод в пользу именно глобализма, тем более его победы, ибо в глобализме силен ультраимпериалистический момент, предвиденный еще К. Каутским, тот самый момент, с которым можно, но не очень-то хочется, мириться планетарному сообществу, — какая радость от соревнования за возможность быть милостиво эксплуатируемыми? Мало того, не является ли глобализм угрозой, имеющей к тому же тотальный характер, человеческой жизни на планете, поскольку замешан глобализм весьма круто на характерных для Постмодерна античеловеческих началах: бессущественности, бездуховности, игривости, т. е. на всем том, что превращает человека в механизм, футляр, симулякр, а общество — в массу, рой, сеть? И разве не страшен глобализм своей неприязнью к традиции, культуре, языкам, причем не в фольклорном их варианте, а в до конца самоопределяющемся, том самом, который представляет и реализует жизнетворное разнообразие человеческого мира?

И отвечая на эти и им подобные вопросы, приходится констатировать, что глобализм и ведомая им глобализация совсем даже не заслуживают никакой, скажем так, позитивной санкции, тем более сакральной,

а инфернальная санкция, к которой глобализм, кажется, тяготеет, не может быть принята все еще уважающим традицию, а соответственно сущность и духовность, планетарным миром. Этот последний вовсе не хочет конца истории, отказа от сакральных ценностей, согласия на проектируемое кем-то будущее. Человек сегодня как никогда страшится демиургически настроенного человека, ибо с покорением природы и космоса, с отпадением от Бога, человек демиургирующий вступил на единственно возможный в таком случае путь — конечной инфернализации, соблазнительной и прельстительной, человеческого бытия. И вот эта-то инфернализация и надвигается сегодня на человечество широким постмодерновым потоком через глобализм и посредством глобализации. Соглашаясь на глобализм и глобализацию, человек рискует обрести не новую жизнь, а самую настоящую антижизнь, ибо выветривание из человека и из его бытия всего сакрального, духовного и сущего не может не иметь иного результата, кроме обретения ничтожащей пустомы, которая полноценной жизни споспешествовать уже никак не может.

Отсюда и позитивная санкция антиглобализму, однако не тупому, т. е. консервативно безысходному, а творческому, способному к жизнеутверждающей перспективе. Не назад должен вести антиглобализм, а вперед, будучи воодушевленным иной, чем глобалистская, общемировой альтернативой.

От глобализма к планетаризму

Глобализм — не фикция, а реальность, уже шествующая настырно по планете. Человечество в целом не может согласиться на эгоистический и дискриминационный глобоцентризм, тем более что за ним не одно лишь распространение власти, но и выдвижение таких образов бытия, которые не могут устроить все-еще-человека. Глобализм жуток ведь не для одних только модерновых и премодерновых, т. е. низших, поясов конструируемой реальности, он не менее, а может, и более страшен для самого высшего слоя — постмодернового, внутри которого растет отчаяние от внедряемой глобализмом постмодерновой пустоты. Постмодерновый глобализм мало кого удовлетворяет на планете. Но он силен, и силу его грех недооценивать. И силен он не столько сам по себе, сколько уже совершенным внедрением в ткань мирового сообщества, его сторонников находим даже в Китае.

Покориться несанкционированному никак позитивно глобализму или поощрить необходимый в случае интенсивного протеста антиглобализм — дело человечества, его элит. Как будут развиваться судьбоносные процессы на планете, мы не знаем, как, пожалуй, не знает сегодня никто, хотя, видимо, вряд ли планетарный мир избегнет напряженной, отнюдь не всегда явной, борьбы. Конечно, хотелось бы избежать Арма-

геддона, т. е. все общей войны всех против всех, но состояние человечества, к сожалению, не свидетельствует с уверенностью о невозможности подобного развития событий. Так или иначе, но человечество вступило сейчас в такой Фазис своего бытия, когда на первый план выходят воистину большие процессы, причем вовсе не обязательно стихийные, более того, как раз наоборот — вполне и управляемые. И сегодня никто, даже самый последний шалопай, не может уклониться от участия в этих процессах, во всяком случае, от их на него влияния. Можно, конечно, зажмуриться и ни о чем не думать, что и делают большие массы населения, но мировая транс формация никого не оставит в покое. Пришло время всеобщей ответственности, которую должны осознать в первую очередь элиты, но которая не может быть чуждой и для широкой общественности. На кону ведь судьба планетарного мира, что, по-видимому, означает и Великий Суд Божий, затрагивающий всех сразу — от погрязших в свободе индивидов до народов и человечества в целом. Под Судом Божиим сегодня ноосфера и все, что сотворил на Земле человек демиургирующий, весь его искусственный мир.

И коли глобализм и глобализация не санкционированы никак позитивно, то, надо полагать, по Суду Божиему они должны уступить место, если человечество имеет какое-то спасительное для себя намерение, каким-то иным исходам общемирового характера. Нет ничего более неблагодарного, чем очерчивать светлое будущее человечества. Мы и не будем делать подобной попытки. Будущее в руках, а лучше сказать, в головах, человечества, его элит, и не предначертанное вовсе, а всего лишь творимое в ходе самой реальной жизни. Здесь важны не картина будущего, не проект ее сотворения, а осознание особого рода заботы о будущем, движимой и осознанием того, что одного личного спасения, видно, недостаточно. На карту поставлено все планетарное человечество.

Нельзя исключать и того, что в деле общемирового спасения могут сыграть какую-то роль — временную, конечно, и относительную — даже и сам глобализм с глобализацией, если они окажутся, сами того не желая, переходным механизмом к иному разрешению актуальной общепланетарной проблемы, которая в общем-то сводится к поиску и утверждению жизнеспособного устройства планетарного общежития, не исключающего ни качественного разнообразия человечества, ни эффективного самоопределения бытующих качеств.

Современный мир не может уже строиться на сугубо национальных началах, когда последние не просто суверенны, т. е. самоуважительны, но и поведенчески вольны, т. е. самопроизвольны. Национальный произвол, который не есть обязательно что-то плохое, уже стал для мира в целом непозволительной роскошью. Глобализм, в частности,

как раз и пытается через глобализацию и даже прямые карательные действия унять все еще бытующий произвольный национализм, не забывая, конечно, о своих авторитарно-эгоистических интересах. Времена национального произвола прошли. Это надо ясно осознать. Но отрекаясь от национального произвола, вряд ли целесообразно соглашаться на глобальный произвол, чинимый глобальным центром. Отсюда ни глобальный произвол, ни национальный произвол, а потому и иное, чем предлагает глобализм, устройство планетарного мира, однако, вовсе не такое, при котором национальное начало «гуляет на свободе». Так или иначе, но обойтись без наднационального начала мир уже не может, причем такого начала, которое способно эффективно сдерживать национальное начало, не допуская самой возможности национального произвола. Власть должна быть распределена по миру так, чтобы, с одной стороны, сохранять суверенное Национальное, без которого несть полноценного человека, а с другой — разрешать общемировые проблемы, не допуская вспышек произвольно го национализма. Для этого требуется общемировое согласие, поддержанное компромиссом и ориентированное на консенсус. Субъектами такого общемирового согласия должны быть национальные государственные образования, добровольно образующие национальные структуры, свободные от авторитарности. Подобного рода устройство мирового сообщества не содержит ничего особенно утопического, оно в той или иной мере уже было опробовано во второй половине XX в., в какой-то степени реализуется и сейчас. Такое устройство имеет не одни чисто ментальные обоснования, оно восходит корнями в саму практическую реальность. И если здесь и есть что-то утопическое, то сам реальный выход на это устройство находящегося в разноплановой войне мирового сообщества. И вот тут-то потребно отрицание странного, если не органически дефектного, нового мира, навязываемого постмодерновой западной цивилизации ей и ее нынешним мотором — глобализмом. Именно Постмодерн и глобализм обязаны выдавить из планетарного человечества, им сопротивляющегося, более приемлемое устройство мира, которое мы могли бы определить как добровольный и солидарный планетаризм.

Имперская неизбежность России

Россия — не страна, а целый мир, не нация, а сообщество народов, а потому национальное в России и на основе России — сверхнациональное. Россия — уже сверхобщество, а потому объявлять Россию национальным образованием можно лишь условно, в ряду с другими национально-государственными образованиями, имеющими место на планете. Россия была и остается имперским образованием, или имперским сверхнациональным образованием, которое воспроизводится вовсе не внешне насильно, а внутренне органично. Иной, т. е. неимперской, Россия и быть

не может (многонациональность, гигантское пространство, великое природное разнообразие, суровый климат, первенство русского начала и языка, евразийские традиции и культура, особый характер общественности и государственности, выдающаяся роль центра, необходимость решения сверхлокальных задач, негражданственность населения и т. д. и т. п.). Даже сейчас, в годину «торжества демократии» (а точнее, мнимого торжества мнимой демократии, т. е. некоего квазиустройства, если не антиустройства), Россия остается по существу имперской, хотя и ослабленно имперской, а может, и уродливо имперской. Отсюда требуется не более и не менее, как выпрямление империи, даже не ее реставрация. И у России есть шанс выработки новой империи, учитывающей всю наличествующую современность, а потому империи открытой, гибкой, внутри себя солидарной. Логичен, а лучше сказать металогичен, для России подобный имперский рывок, который не позволит России окончательно подпасть под власть глобализма и полностью раствориться в антироссийской глобализации. Что же касается возможного в мире планетаризма, то как раз имперская и сильная, опять же новая, Россия способна стать не просто его положительным участником, а и эффективным строителем: обжегшись на соревновании за мировое империальное первенство, Россия, пережившая революционные глобалистские и постмодернистские потрясения, знающая цену пустому постмодернизму и авторитарному глобализму, пережившая крупную социальную катастрофу, многое потерявшая, но все-таки уцелевшая, имперски преодолевшая падение в без дну, не может не стать одним из вдохновителей и устроителей приемлемого для планеты международного порядка, тем более что Россия уже имеет немалый опыт устройства солидарного общежития народов. Только имперскость, для которой изначально характерно органичное сочетание национального и сверхнационального начал, может спасти Россию, позволив ей как отбиться от несусветного глобализма, так и не впасть в несусветный национализм, мало того, исполнить функцию по поддержке и реализации идеи и практики вполне санкционируемого позитивно добровольного солидарного планетаризма. Что же касается самого выхода к новой империи в России, то выход этот должен быть тоже... имперским!

Имперскость диктует необходимость и имперского хозяйства. Последнее не исключает, скажем привычно, ни многоукладности, ни долевой хозяйственной свободы, ни добровольно принимаемой хозяйственной несвободы. Новая империя не должна, да и не может, стремиться к абсолютной экономической власти, что всегда не слишком эффективно и практически нежизнеспособно. Но ничто абсолютное не мешает — ни идеологически, ни функционально — водворению имперского хозяйственного центра, способного, не закрывая наглухо границ, эффективно опекать подвластное хозяйственное пространство, решать необходимые

общехозяйственные задачи, способствовать внутренней хозяйственной инициативе. Россия не должна, она просто не имеет для этого никакого права, если хочет остаться Россией, отдавать власть над своим пространством кому бы то ни было, как и не контролировать распределение хозяйственной власти по всему российскому пространству. Власть — самое важное, что может быть на этом свете, — здесь не надо питать никаких анархо-постмодернистских иллюзий, ибо без власти, увы!, нет жизни, нет культуры, нет цивилизации, нет хозяйства, ничего нет, а само обретение и использование власти… тоже дело властное, а для России еще и имперское, — да поймем и воспользуемся!

«Эпоха Постмодерна». М.: ТЕИС. 2004.

ЗА ИМПЕРСКОЕ ДОСТОИНСТВО РОССИИ!

Растущая всемирная цивилизационная и хозяйственная взаимообусловленность народов, стран и континентов, как и возникновение мирового экономического (финансового) центра ультраимпериального характера, не дают оснований для десуверенизации национальных хозяйств и исчезновения государственных экономических центров, тем более в таких крупных локальных образованиях, как Россия. Стирая национальные границы и ослабляя государственную экономическую власть, ультраимпериальный глобализм, сосредоточив в своих руках огромную финансовую, информационную и технологическую мощь и взяв на себя миссионерскую функцию по новому обустройству мира, стремится к эффективному для себя овладению планетарным хозяйственным пространством, организуя последнее через механизм контроля над ведущими мирохозяйственными параметрами и главными мировыми финансовыми, информационными и материальными потоками. Остающиеся на сегодня в рамках гегемонистского глобального процесса национально-государственные структуры, теряя былую самостоятельность и управленческую силу, превращаются во встроенные в глобальную экономику подсистемы, играющие по преимуществу служебную, вспомогательную, исполнительную роль. На место суверенных национально-государственных образований и действенных страновых макроэкономических центров приходят постнациональные и псевдогосударственные субобразования — *субэкономики и субгосударства.* Несмотря на кажущуюся императивность и безальтернативность нарастающей глобализации мира и мировой экономики, — а под глобализацией следует понимать не одну лишь всеобщую взаимозависимость на планете, но и возможность управленческого контроля над пирамидально устроенным мировым сообществом из единого надмирного центра, — происходящие

в настоящее время общемировые процессы нельзя признать ни единственно возможными, ни тем более удовлетворительными для всего мира. Одно дело глобализм и глобализация с их инициативным центром, совсем другое насильно и активно глобализуемый мир, подпадающий под нивелирующий каток глобального процесса и теряющий свою разнообразную исторически обусловленную и освященную традицией идентичность, равным образом и субъектную полноценность. Глобализующегося самого по себе, тем более сугубо объективно, добровольно и свободно, мира нет и быть не может, но зато есть мир глобализуемый и мир глобализующий, что знаменует вовсе не глобальное единение планеты, а ее *глобалистское разделение — на высший глобализующий и низший глобализуемый* миры, что то же самое — передовой и отставший, ведущий и ведомый, избранный и потерянный миры. И весь этот отставший мир, или *остальной мир,* возникающий вследствие переустроительной активности *мира передового,* вовсе не обязан — ни объективно, ни из поклонения силе и авторитету, ни от провинциальной закомплексованности и постмодернистской растерянности, безропотно соглашаться на именно глобалистское устройство бесспорно ныне взаимозависимого планетарного мира. Мало того, этот мир не может не задуматься над достойным ответом бодрому и настойчивому глобализму, предложив иные, чем глобального характера, Исходы.

Национально-государственное начало, считаясь с растущей и вообще небывалой ранее взаимообусловленностью мира, не может сейчас не изменяться, даже в чем-то и отступая, но изменяясь, а возможно, и видоизменяясь, оно обязано искать новую для себя возможность реализации — вплоть до иных, чем это было прежде, воплощений. И такая возможность у остального мира, коли он действительно предпочтет путь перспективного и обновленческого самосохранения, есть, — и связана эта возможность с феноменом *крупных локальных образований,* которые способны, во-первых, противостоять эгоистическому и нивелирующему глобализму, во-вторых, дать новое дыхание национально-государственному началу, в-третьих, предположить иное, чем глобалистское, устройство планетарного мира.

Подобные крупные локальные образования могут быть разными по форме и духу, но одним из перспективных способов их реализации является *имперский способ,* ибо имперское начало, в отличие от национально-государственного, имеет суперструктурный характер, оно может и должно быть наднациональным и надгосударственным, но не покушающимся при этом ни на национальное, точнее — *родное,* ни на государственное, точнее — *протекционное,* начала. Локальная империя, разумеется — нового типа, способна, с одной стороны, сохранить и защитить

источниковое разнообразие внутри имперского образования, а с другой — поддерживать конструктивные и ответственные взаимоотношения с себе подобными образованиями ради совместного бытия народов и культур во взаимообусловленном планетарном мире. Национально-государственное начало не исчезает вовсе в рамках и при участии империи, а переживает перевоплощение — через локальные образования, внутри них, посредством их взаимоотношений. Так создается альтернатива ультраимпериальной глобализации, учитывающая действенно возросшую взаимозависимость мира, ей не только не препятствующая, но идущая по пути строительства *всемирного общежития народов и культур* — через посредство крупных локальных образований, служащих этому общежитию необходимыми институциональными скрепами. На место авторитарного глобализма с его претензией на управление миром (вплоть до использования такого управляющего субъекта, как мировое правительство) приходит *солидарный планетаризм* с его упованием на всего лишь добровольную международную координацию в мировом масштабе (с ответственными, но не авторитарными, международными властными структурами).

Вся историческая обусловленность России, все ее сакральное предназначение, все ее бывшее и настоящее формообразование выступают за движение, — вместе с возможными союзниками, — *по пути крупного локального образования имперского типа,* разумеется, в новой фактической интерпретации. Вообще имперскость может иметь разную реализацию, отнюдь не такую, какой принято яростно пугать вовсю одемокраченного обывателя, как и вовсе не обязательно агрессивную вовне и строго авторитарную, тем более репрессивную, внутри. Каждое историческое время, отягченное лишь ему присущими обстоятельствами и вдохновляемое характерными лишь для него идеями, предъявляет специфические требования к имперской организации общества и хозяйства, предоставляя ей и особые операциональные возможности. Новая российская имперскость может найти эффективное воплощение в особого рода властном образовании, нацеленном на решение внутренних и внешних задач общественного качества и значения посредством деятельности *сверхгосударственного и сверхнационального имперского центра,* поддерживаемого имперским *по духу* населением, добровольно сознающим свою имперскость и идущим ей навстречу. *Имперский центр,* обладающий высшей духовной санкцией и как бы стоящий над повседневной суетой, и имперский народ, делегирующий этому центру необходимые полномочия и возможности.

Имперский центр и имперский народ, служащие России!

Только эффективная имперскость, — а имперскость, надо особо заметить, вообще никуда и никогда из России не уходила, разве лишь

временами ослабляясь, болея и негативируясь, — способна вновь вывести Россию в ранг действенного исторического субъекта, обладающего субъективным достоинством, ясно сознающего свои интересы, ставящего крупные стратегические задачи и умеющего их последовательно решать. Современному имперскому центру не пристало ни защищать какие бы то ни было эгоистические, даже и элитарные, интересы, ни распыляться на мелкие дела, ни растрачивать себя вхолостую и по-пустому. Овладение главными финансовыми, информационными и высокотехнологическими очагами, параметрами и потоками своего цивилизационного и хозяйственного пространства позволит имперскому центру выполнить стоящие перед ним высокие задачи, или сверхзадачи, не прибегая ни к всеобщему контролю, ни к авторитарной диктатуре, ни к всеохватывающей бюрократизации. Нынешнее историческое время позволяет действовать не только без подавления личных свобод, персонального и коллективного выбора, но даже и без тотального планирования, ибо на дворе эпоха особой социо-хозяйственной организации — *организации самоорганизации,* способной обойтись как без рыночной анархии, так и без вездесущего регламентирования.

Практика пассивного и безоглядного встраивания в мировую глобальную систему, реализуемая под строгим приглядом извне, если не прямым внешним управлением, не просто не привлекательна для крупного хозяйственного субъекта, каким является Россия, но и прямо губительна. Угроза распада, или разбиения, России на ряд увечных обломков не снята с повестки дня, и если распадной катастрофы еще не произошло, то только за счет необъяснимого лишь логически все еще живого имперского духа России и соответствующего поведения решающей части ее элиты и подавляющей массы населения. Сама же по себе имперская структура, сильно нарушенная и искаженная революцией 1991—1993 гг., работает ныне даже более против России, чем за нее, а вот все еще остающаяся в сущностной глубине наследственная имперскость срабатывает как раз за Россию. Россия держится сейчас именно глубинной имперскостью — и, эта имперскость имеет немалые шансы решительно изменить и свои институциональные и функциональные знаки с отрицательных на положительные. Если проводить исторические аналогии, то сегодняшняя ситуация в России сильно напоминает по духу и ожиданиям 1929 г. — год великого перелома, тот самый год, который наступил через дюжину лет после революционного 1917 г. Имперскость в России обязана без промедления восстать (именно восстать, а не восстановиться), определенно заняв свойственную ей историческую нишу и исполнив выпавшую на нее сверхзадачу. *Восстание империи* — как уже империи нового типа — не предполагает ни обязательной реставрации монархии, дворянства и сословной регламентации, ни непременного

отсутствия в обществе личных свобод, демократических институтов и того же рынка.

Только на поверхностный взгляд история распрощалась с *имперской организацией* общества и хозяйства: *империи были, есть и будут*! На повестке дня *новые империи* и *империи нового типа.* Игнорирование имперскости, в особенности, для России, не один лишь признак геостратегической, если не космостратегической, слепоты, но и показатель величайшей политической и хозяйственной наивности, характерной обычно для сугубо интеллигентского, т. е. не совсем здорового сознания. История есть история власти, силы и инициативы, а потому отдающие власть, впадающие в бессилие и теряющие инициативу обрекаются историей на исчезновение (что, кажется, и происходит уже с самой интеллигенцией). Великая Россия необходима, она еще нужна Истории, более того, современность разворачивается, как это ни странно сегодня звучит, в сторону и в пользу России, мало того, современность буквально выдавливает Российскую Империю из нави в явь, требует реализации в России именно имперского общества и хозяйства, свободных как от глобалистских пут, так и местечковых обывательских иллюзий, способных вывести Россию на путь независимого, творческого и наполненного великим духовным смыслом бытия.

«Философия хозяйства». 2004. № 1.

ИЗЫСКИ ПОСТМОДЕРНА И ИСКАНИЯ РОССИИ

Современный мир как мир Постмодерна

Ключевым в слове «постмодерн» является *модерн.* Необходимо разобраться в первую очередь с модерном, чтобы уяснить смысл *постмодерна,* тем более что помимо постмодерна есть и *премодерн.* И если «пост» нацеливает на то, что наступило после *мира Модерна,* то «пре» на то, что было до *мира Модерна.*

Мир Модерна, т. е. и модернизации, обновления, расставания с прошлым, — это мир эпохи тотального переустройства мира, того самого, который был дан человеку, как он когда-то сам считал, Природой и Богом, т. е. переустройства мира данного соответственно в *мир созданный* — уже человеком для человека. Эпоха Модерна началась с глобальной революции, обозначенной феноменом Возрождения, которая оказалась не столько возрождением, сколько зарождением — иного, уже не данного человеку, а берущегося человеком, мира, а в итоге — *мира созданного.* Эпоха Модерна — эпоха созидания человеческого мира в борьбе с природным и Божьим мирами, не столько в соответствии с ними, сколько вопреки им. Отсюда различие, установленное европейским модернистским умом, между Древним и Средним мирами, с одной

стороны, и Новым и Новейшим мирами — с другой.

С социохозяйственной точки зрения весьма удобно рассматривать Новый мир как мир Модерна, Древний и Средний миры — как мир Премодерна, а Новейший, т. е. современный, мир — как мир Постмодерна. Это оправдано и тем, что Премодерн и Модерн не что-то лишь уже бывшее когда-то, а и существующее *здесь и сейчас,* разумеется, в измененном виде, не в таком, как прежде, т. е. модернизированном. Так или иначе, но мир Премодерна — мир по преимуществу *натурального* и *сакрализованного* хозяйства (когда вокруг Природа и наверху Бог), мир Модерна — мир по преимуществу *экономического* и *индустриального* хозяйства (когда идет борьба с Природой и Богом), а мир Постмодерна — мир по преимуществу *суперэкономического,* или же *суперфинансового,* и *постиндустриального* (автоматизированного, электронного, информационного, интеллектуального и т. д.) хозяйства (когда Природы и Бога как бы и нет, с ними даже бороться не надо).

Разберемся с Постмодерном. На наш взгляд, XX в. стал веком перехода от модерна к постмодерну, а рубеж XX и XXI вв. — временем явного утверждения Постмодерна (в лице так называемого Западного мира). Отсюда то, что в искусстве и литературе называлось модерном, или стилем модерн, в социохозяйственной реальности было по сути уже постмодерном, а модерном было как раз все, что обычно относится к классике и романтике, т. е. к XIV—XIX вв. В связи с этим XIX в. — век торжества Модерна, т. е. реализма, материализма, сциентизма, секулярности и т. п., а XX век — век нарастания Постмодерна, который еще не был достаточно опознан и смысловым образом схвачен, но который уже был, а сегодня он лишь празднует победу, подвергнутый опознанию и обу-*слов*-ливанию.

Постмодерн как пустотная функциональность

Природы нет, Бога нет: вокруг неприрода и человек в ней, который как-то все более смахивает даже не на человека, а какого-то *человекобраза,* — что еще, или кто еще, может явиться в денатурализованном и обезбоженном, совершенно искусственном, мегаполисном и пластмассовом, мире. Пересотворив мир, человек-демиург пересотворил и самого себя, превратившись из человека в некое «человекобразное», даже не существо, ибо у существа — сущность, а в подобие существа, ибо у этого создания сущности особой нет, но зато полно всяких *функций.* И у мира, сотворенного человеком не по-природному и не по-божескому, т. е. сугубо по-своему, по-человечески, не слишком уже много существенности, зато много всякой *функциональности.* И это поедание функцией сущности надо непременно иметь в виду, оценивая весь этот *новейший мир,* созданный человеком непосредственно под себя.

И если денатурализация и обезбоживание человеческого мира

в общем-то понятны, даже весьма приветствуются, то обезсуществление как-то не очень воспринимается современным крайне образованным человеком-чиповеем, ибо ему все еще кажется, что мир вокруг и он сам в нем еще содержательны и весомы, — если вокруг материя, тяготение и притяжение, то и в наличии и некая сущностная субстанция, этот мир наполняющая.

Бедный ученый ум: ему и невдомек, что, изгнав из сознания *идеальность* и *духовность,* он изгнал из себя и из мира как раз то самое, что ранее было принято называть сущностью — от *сущего,* сущего в природе и в самом Сущем! Ничего и никакого сущего в искусственном мире нет и быть не может, а на месте сущего может только одно — фикция, которая функции не противоречит, наоборот, с ней как раз и роднится.

Если представить себе пустое яйно, а за скорлупу принять функциональность — яркую и бесшабашную, то получится модель Постмодерна, когда внутри *пустота,* наполненная *фикционностью, а* снаружи — лишь *фиктивная функциональность,* с фрикционной пустотой активно взаимодействующая. Вот и получается, что Постмодерн — это мир, не имеющий ни весомого нутра, ни обусловленной содержательным нутром внешности. Пустой мир, пустой человекобраз, пустые глаза, — разве не так?

Сущий мир как бы испарился, его больше нет, и его место занял некий парящий мир, обильный пустыми фикциями и функциями. Таков Постмодерн. А если кто-то и подмечает что-нибудь из сущего, идеального и духовного, натурального и сакрального, так это не от постмодерна, а от премодерна и частично модерна, т. е. что-то еще недовыветренное постмодерном.

В самом по себе постмодерне нет никакого *смысла* — кроме разве его отсутствия. Вот почему в нем нет и культуры, а есть лишь обессмысленные суррогаты. В постмодерне нет *жизни,* в нем расположилась какая-то *нежизнь,* которая, может, и не смерть как таковая, но и не жизнь. Даже существованием это нельзя назвать, ибо сущего здесь нет, даже и бытием не назовешь, поскольку «быть» это «есть», т. е. опять же быть сущим, стоящим и стоящим, не назовешь даже и реализацией, ибо нет в полном смысле слова реальности, а есть какое-то ее замещение. *Мир данный* уже заменен на *мир даваемый — человеком человеку,* даваемый каждый миг и каждый раз по-новому и новым, — и разве такой мир может быть существенным, содержательным и весомым. Такой мир как бы летает — где-то между «землей» и «небом», не основываясь ни на том, ни на другом, т. е. ни на Природе, ни на Боге, он легок, подвижен, импровизационен и имитационен, он по сути *никакой,* а пожалуй что, и *ничто!* Однако не то ничто, которое в мире данном и которое трансцендентно, которое живительно и с которым надо терпеливо взаимодействовать, а то

самое ничто, которое пустотно и которое по сути ничтожит. И ничего миру Постмодерна не остается, как изобретать непрерывно все новый и новый мир, постоянно меняя образ мира — мира даваемого, к тому же изобретать совершенно парадоксальный мир, как бы не от мира сего мир, нездешний, но прямо противоположный при этом трансцендентному миру Бога, или Абсолюта, а потому, увы!, *мир инфернальный,* что блестяще ежемоментно и подтверждается — уходом всего природного и сакрального, воцарением бессущественного и бездуховного, искусственно-пустотного и фиктивно-функционального.

Мир Постмодерна и остальной земной мир

Мир Постмодерна, который наступил как детище Модерна с его наукой и техникой, его прогрессом, гуманизмом, правом, театром, музыкой и т. п. «вещами», — не только мир больших скоростей в перемещениях и превращениях, но и мир больших хитростей (позволим себе этот постмодернистский рифмовальный каламбур) — в удержании себя и в управлении собою и окружающей средой. Никогда еще мир не был столь тотально и оправданно лукавым — *крайне лукавым,* поскольку без органичного полноценного лукавства ему просто никуда. Мало того, что Постмодерн пуст, но он еще и сам по себе нежизнеспособен, — это всего лишь рожденное быть неживым детище Модерна. Такой мир должен непременно чем-то и кем-то питаться, он изначально паразитарен, и питательной средой для него должен быть весь остальной земной мир — без этого последнего постмодерновый мир не продержится ни одного мгновения.

Пустоту надо, во-первых, чем-то прикрывать, а это не нагота вовсе, во-вторых, чем-то замещать, даже и наполнять, чтобы имелась хоть какая-нибудь остойчивость. Одной фиктивной функциональности здесь маловато, ибо требуются какие-то *ценности* и какие-то *весомости.* Ни того, ни другого постмодерн из себя извлечь не может, а потому либо притягательная завеса, либо украденная сущность. Первую постмодерн находит в симуляции превосходной, прелестной и обольстительной, жизни (сначала и прежде всего человек, человек сам по себе и для себя, права человека, свободная личность, человек-кочевник, наслаждение жизнью, польза и полезность, мир для человека, мир равных и неограниченных возможностей, и т. п. призывные сентенции), вторую же находит посредством выборочного заимствования существенного у остального мира, находящегося в Модерне и Премодерне, так сказать, безопасного для себя заимствования, исключающего культурные и духовные для себя угрозы. В материальном же плане Постмодерн не может не эксплуатировать остальной мир, но такую эксплуатацию он должен всячески скрывать, ибо прямые эксплуатационные отношения, принадлежавшие прошлому, для него неприемлемы идеологически и физически просто

опасны.

Мир-*симулякр* — вот что такое Постмодерн, причем не просто имеющий внутри себя симулятивную зону и симулятивные эффекты, что характерно в той или иной степени для Модерна и даже Премодерна, а изначально, в основании и в целом, что явно уже не просто новое, а по-настоящему новенькое, даже и не только новейшее. Не новый и новейший, а воистину новенький, никогда и нигде не бывавший, прямо от ума, интеллекта, фантазии — в пустоте и от пустоты. Недаром же Голливуд сегодня — не фабрика только кино, а фабрика самого мира, фабрика самого будущего, ибо мир даваемый можно прямо и создавать, и создавать прямо из пустоты, или, как у нас принято говорить, «от балды», разве лишь с той разницей, что балда-то в Голливуде совсем даже не глуп, весьма и образован — фиктивно-функционально.

Постмодерну надо непременно управлять остальным земным миром, управлять по необходимости глобально и по возможности скрытно. На весь мир должна быть поэтому наброшена покрывальная постмодернистская вуаль, прикрывающая реальные управленческие сети, рассказанные тотально. Остальной мир должен оставаться по сути вне Постмодерна, ибо постмодерновым весь мир просто не может быть — это было бы самоубийственно для всего земного мира, но остальной мир должен быть под Постмодерном, т. е. быть как бы *субпостмодерновым.* Такая субпостмодернизация остального мира и идет сегодня — под бдительным оком Постмодерна. Не надо думать, что, будучи существенно пустым, Постмодерн при этом совсем уж слаб функционально, — наоборот, он очень даже силен, ибо волен и изощрен, к тому же и лукав.

Остальной земной мир и Постмодерн

Постмодерн — продукт человеческой истории, замкнувший эту самую историю. Сама мысль о *конце истории* возникла в постмодернистском сознании совершенно не случайно. Новый мир не связан более ни с истоками, ни с изначальной истиной, он более не обусловлен *исторически,* ибо этот мир уже не есть, т. е. не *ист,* он просто делается, сам по себе, без исторической, не говоря уже о природной и Божественной санкции. Постмодерн — высший продукт истории, отрицающий самую историю. Это уже постисторическое нечто, не обязанное апеллировать к истории, с ней считаться. Если историю можно сознательно и глобально творить из себя, то это уже не история, во всяком случае, не история мира, а сам творимый человеком мир уже и не мир, т. е. не сотворенный до истории и замиренный, т. е. ставший (почти что и мертвый), а творимый, а потому не мир, а, скажем так, некий *«твор»,* а лучше — *«дан»,* что сегодня кажется парадоксальным и нелепым, а завтра станет всеобщим и замечательным.

Глобализм, финансизм, технологизм, информатизм, менеджеризм,

виртуализм в сочетании с субъективизмом, интеллектуализмом, конструктивизмом и стандартизмом, поедающие время и пространство, их ничтожащие, сводящие к нулю, обеспечивают не только наличие нового постмодернового мира, но и перестройку под этот новый постмодерновый мир всего остального земного мира, что имеет результатом создание *околомира,* т. е. подчиненного Постмодерну и зараженного постмодерном, как бы *опрокинутого* в несвойственную и пришедшую откуда-то новизну, закрывающую историю остального мира и не открывающую для него никаких перспектив собственного бытия. Остальной мир заслуживает только одного: слепого для себя существования и зрячей для Постмодерна его эксплуатации.

Однако тут не все просто: остальной мир, т. е. устаревший с постмодернистской точки зрения мир, годный-де лишь для использования, как это происходит с природой, в постмодернистских целях, имеет возможность не считать себя ни устаревшим, ни годным лишь для постмодернистской эксплуатации. Этот мир вовсе не обязан заполнять собою всегда открытую и жадную постмодернистскую пустоту, втягиваясь в «черную дыру» Постмодерна и в ней исчезая. Этот мир призывается самой жизнью к *сопротивлению,* но еще более важно — к *нахождению иного варианта будущего.*

Пришло время, а точнее, пришел срок, ибо время сейчас сжимается в точку, и не чего-нибудь, а *великого сражения* — за *будущее,* причем такого сражения, когда будущее борется с будущим, т. е. в борьбе участвуют силы, которых еще нет, но которые уже есть. Реальность ныне — не то, что вокруг как уже выраженное, а то, что впереди и как еще не выраженное, т. е. не реальность как таковая, а *виртуальная реальность,* которой еще нет, но которая уже есть.

Триумф Постмодерна неизбежно совпадает с мобилизацией антипостмодерновых сил, — и хотя Постмодерн силен и изощренен, но он уже приговорен — тем самым временем, которое он уничтожил. Хотят того Постмодерн и весь остальной земной шар или не хотят, но нарастания *постпостмодерна* миру не миновать. И придти этот самый постпостмодерн должен как раз из остального земного мира через отрицание и преодоление Постмодерна. Не надо при этом забывать, что в рамках самого Постмодерна немало от остального мира, а потому внутри Постмодерна есть свое ему сопротивление.

Ответ остального земного мира на натиск Постмодерна не может быть и не будет плоско консервативным. Законсервировать уже мало что удастся. Остальной мир обязан лишь с помощью консерватизма выработать Образ иного *существенного мира,* которого не было ранее, но который отвергнет постмодерновую пустоту, роднящуюся с постмодерновым безумием. Отсюда речь может идти не о новом консерватизме, а *о новой*

соухотворенности мира, на что должен быть способен, если он вообще на что-нибудь еще способен, человек остального земного мира. У этого все-еще-человека должно быть острое осознание пагубности Постмодерна, а потому и дикое желание его преодоления через строительство совсем другого мира, этот же все-еще-человек же располагает и духовно-идейными резервами, не говоря о материальных, для исполнения столь грандиозной задачи. И для всего этого потребен *Новый Ренессанс,* способный поставить точку на итогах Старого Ренессанса и вызвать к жизни новые перспективы.

Возможный вклад России в несветлое будущее

Не светлое будущее должно вдохновлять все-еще-человека из остального земного мира. Это будущее должно быть не светлым, а *жизненным,* а жизнь человека тогда есть жизнь, когда она *одуховлена.* Отсюда так или иначе речь может идти только о *стяжании Духа.*

Задача, прямо скажем, фантастическая, практически не исполнимая, даже и не от мира сего. Но, во-первых, разве случайно Россия вляпалась в постмодерновую помойку, в которой и отбросы и уродства. И смрад, но от которой и потребность… мойки, т. е. очищения; и во-вторых, разве Россия и на самом деле не от мира сего, коли никак правильно обустроиться, жить по-человечески, обрести земное счастье? — а это означает, что Россия способна на разные ходы, и почему бы не случиться такому неотмирному ходу, как стяжание Духа и преодоление постмодерна? Логически мы тут ничего не выведем и не обоснуем, а вот металогически кое-что почувствовать можно, не особенно и обосновывая.

Грубо говоря, Россия открыта для возможностей. И ничего удивительного не будет в том, что Россия окажется именно тем синергетическим котлом, в котором сможет вывариться потребная пока еще трансцендентная возможность, там и, глядишь, действительность!

Нет смысла обрисовывать какой-либо проект, тем более подробно и «системно», ибо осознание необходимости проекта, т. е. выдвижение не самого по себе проекта, даже его эскиза, а лишь некоего предпроекта, или же образа проекта, бывает гораздо важнее. И вот тут-то потребно лишь важное ключевое слово, страшно консервативное, и надежно перспективное, которое органично воспринимаемо и работоспособно, и этим словом может быть — империя, но новая империя, разумеется, не та, что была, а которая может быть и которая, что весьма вероятно, только и способна принести не личное, а высшее отечественное спасение — в потоке всеобщего антипостмодернизма, вдохновляемого *Новым Ренессансом.*

«Философия хозяйства». 2004. № 1.

НОВЫЙ МИР — НОВАЯ ИМПЕРСКОСТЬ

I

Всем очень современным, образованным, цивилизованным, а главное, толерантным людям — *гражданам мира,* кажется, что, во-первых, империя, если она не глобальная, не американская и не европейская, это очень плохо, во-вторых, феномен этот, коли он не относится к благодетельной Америке и благонамеренной Европе, если и не совсем еще в прошлом, то должен непременно остаться в прошлом. Столь удачливым, благополучным, а главное, необыкновенно толерантным людям совсем невдомек, что империям, где бы они ни возникали, существовали или просто оставались в реальности, абсолютно все равно, что о них думают благонамеренные обыватели планеты.

Империя — сложный *обьективно-субъективный* феномен. Конечно, всегда находится *кто-то,* кто первый, да еще и, случается, сугубо персонально, представляет империю, ее строит, укрепляет, оставляет потомкам. Тогда кажется, что империи являются в мир чуть ли не по прихоти одного человека императора. Под определенным углом зрения, наверное, это и так. Но поверхность мира и истории одно, а — глубина их, не только уходящая в Землю, но и восходящая к небу, — совсем другое.

Нет, мы не будем во что бы то ни стало отстаивать объективность империй, превращая их основателей в великих статистов истории, но пройти мимо сверх- или мета-субъективности имперьиальных образований мы тоже не можем.

Где-то там — в глубинах бытия, на уровне метасмыслов, сопряженных с общемировой трансценденцией, возникают большие узловые сгущения, порождающие столь же большие силовые напряжения и энергийные выплески, провоцирующие крупные сдвиги на исторической арене, завершающиеся появлением разного рода имперьиальных образований иной раз и с явными отцами-основателями во главе.

Историческая поверхность всегда полна поверхностных же причин и следствий, воздействий одних элементов на другие, взаимовлияний разного рода событий и процессов, что скрупулезно исследуется и фиксируется наукой — прежде всего историей, но решающие тяготения и напряжения, проективно реализующие историческое созидание, равным образом и разрушение, возникают под или над поверхностью, во всяком случае, за ней — в *метасмысловых трансцендентных очагах,* где вываривaются никому из смертных неизвестные и едва ими уловимые исторические алгоритмы.

На поверхности великое множество столкновений и расхождений,

отталкиваний и притяжений, размежеваний и соединений, сосредоточений и распадов, но вся эта поверхность в целом есть *одно большое следствие* гораздо более значимого, происходящего где-то в онтологической глубине, творческого процесса — существенного, ноуменального, трансцендентного. Как есть метафизика, сопряженная с физикой, так есть и метаистория, сопряженная с историей.

Возникновение, существование и гибель империй, как и всего сколько-нибудь труднообъяснимого, дело прежде всего метаистории, никому из насельников Земли неподвластной. *Большие феномены — большие процессы — большие деяния,* но за всем этим — *большие смыслы,* мало того — *большие проекты,* восходящие прямо к онтологическому трансцендентному.

Действие этого последнего в реальной истории можно назвать и *объективностью,* но важно иметь в виду, что это не объективность поверхности, а иного рода объективность, о которой лишь догадываются, но которую при всем желании никогда не видят.

Спрашивается тогда, насколько человек свободен и насколько он творец собственной истории. Свободен, весьма свободен наш исторический человек, как и творец он, весьма сильный и изобретательный творец, но реализует он себя свободным творцом не просто на исторической поверхности, а на поверхности, находящейся в лоне трансцендентной существенности, откуда не поступает прямых указаний человеку, но откуда идет загадочная, непременная и могучая *обусловленность* (не направленность, не ограниченность, даже и не водительство, а именно обусловленность) человеческой свободы и человеческого творчества. Человеку дозволено свободно плыть по поверхности истории туда или сюда, с той или иной целью, тем или иным стилем, но поверхность эта непрерывно метаисторически меняется, а потому плыть приходится человеку вольно и творчески всякий раз в *иной* поверхностной среде — как бы и самоизменившейся. Делает человек одно и чего-то даже великого достигает, а в итоге выходит все-таки что-то другое, если и не сразу, то через некоторое время уж обязательно.

Человек — вершитель истории, но такой вершитель, который вершит ее во взаимодействии с каким-то таинственным *ничто,* которого вроде бы нет, но которое непременно есть.

На поверхности действует один язык — поверхностный, феноменальный, явленческий, в глубине же другой — глубинный, ноуменальный, существенный, а еще глубже — вообще *никакой,* ибо что о нем может сказать землянин, коли язык этот совсем уж трансцендентный? И история творится сразу на всех иерархически взаимообусловленных языках, когда имеют место и трансцендентные переводы с языка на язык, и не менее трансцендентные учеты сказанного на одном языке творимым

на другом языке. Историческому человеку более или менее понятен, да и то, прямо скажем, не во всем объеме распространения, поверхностный язык, а другие языки в лучшем случае малопонятны, а скорее, почти или совсем непонятны, но так ведь и должно быть: свобода и творчество у человека реализуются, увы, лишь на одном поверхностном НОСНЕХ языке, а потому перед лицом всех судьбо- смыслообразований, обязанным заповерхностным другим языкам, человеку приходится либо оставаться профаном, либо становиться угадчиком, либо входить в роль знатока «объективных законов и закономерностей», плохо, как правило, исполняемую («объективные законы и закономерности», может быть, и есть, *но какие*? — да так, чтобы все в истории и знать, и уметь, и предвидеть!).

II

Решения по поводу империй — *метаисторические* в основе и в главном решения. Нет здесь никакой автоматики, посредствующей между историей и метаисторией, и быть ее не должно, но вот без глубинных *метарешений* никаких поверхностных решений, тем не менее, быть не может: по одному лишь свободному и творческому субъективному желанию империю ведь не построить, хотя и строятся империи не без соответствующего свободного и творческого субъективного действия.

И если империя — это чистый феномен, лишь обусловленный как-то исторической метафизикой, что то же самое, метаисторией, то *имперскость* скорее ноумен, в империи лишь воплощающийся.

Имперскость — субстанция, империя же — форма, а субстанция на то и субстанция, т. е. первооснова, чтобы восходить к глубинам бытия, соответственно, к чему-то метафизическому, трансцендентному, тайному — к *ничто*!

Когда империя есть фактически, да еще и сама себя империей ощущает и называет, то об имперской тайне, не говоря уже о ничто, никто особенно и не помышляет, но вот когда империя лишь выявляется в реальности или, наоборот, как-то необъяснимо из нее уходит, а то и вообще только мыслится в возможности, то тут приходится задумываться над чем-то за-поверхностным, чего вроде бы нет, но что все-таки есть, т. е. выявлять действие метафизических или метаисторических сил, исходящих не просто из каких-то глубин бытия, но и из самого что ни на есть *ничто*!

Имперскость, однако, — не просто субстанция, даже и воплощенная феноменально в империи. Это и качество, и характер, и свойство, и Потенция. Может ли имперскость как-то бытовать без империи, во всяком случае, без формальной империи? Наверное, может. И история это великолепно подтверждает: в ней всегда было и остается полно импер-

скости, выражающейся непосредственно в разного рода *империяльности,* не говоря уже о хорошо известном *империализме,* гнездящемся даже не в формальных империях, а в общем-то в чем угодно. Имперскость — принадлежность не одних империй как таковых. Но нам интересна не любая имперскость, а та, которая имеет воплощение в *больших цивилизационно-властно-управленческих образованиях,* имеющих и ясно выраженные пространственные, если не мировые по сути, разрешения. И здесь оказывается, что имперскость подобного рода — не прошлое только, а и вполне замечаемое настоящее, при этом и изменяющееся, ищущее новых воплощений и оправданий, т. е. вполне живое и живущее.

Империи в истории случались и случаются разные, они находились и находятся в разном состоянии — подъема, расцвета или упадка, имели и имеют неодинаковую генетическую и существовательную обусловленность. Форму империи, ее внешний облик, характерный способ реализации, а то и просто текущее состояние, не говоря уже о внешнем обозначении, часто принимают за саму империю, мало того, за ее суть. Тот же, к примеру, диктат или же, как сейчас более принято говорить, тоталитаризм — сами по себе никакая не имперскость; империя, как хорошо известно, реализуется и при демократии, даже и при либерализме (заговорили же сегодня в России о либеральной империи, да, пожалуй, уже и осуществляют ее практически).

Агрессивная, завоевательная, колониальная империя возможна, но это не значит, что империя непременно должна быть таковой и непременно выражаться в господстве одних народов, стран, наций, государственных и цивилизационных образований, наконец, просто каких-то сил над другими народами и странами, над не своими по исторической генетике пространствами, — определенный тип империи нельзя принимать за суть империи, ее единственную возможность.

И сама имперскость не едина: субстанция субстанцией, ведь и дух, в субстанцию вселенный, а разный по знаку и руководящему смыслу дух не может не придавать этой субстанции существенной особенности, а потому субстанция есть одновременно и субстанции. Не только империи бывают разные, но и имперскость неодинакова. И не стоит какую-либо особенную имперскость принимать за имперскость вообще, а потому полезно, осмысливая имперскость по ее существу, исходить не из каких-либо воплощений имперскости, хотя их и надо иметь в виду, а из соотнесения прежде всего имперскости с *неимперскостью.*

III

Ясно, что имперскость зарождается и реализуется там, где есть или возникает система иерархической власти, наличествует или формируется государственность, имеет место, пусть и в начальном состоянии, цивилизация. Однако всего этого недостаточно для имперскости и империи:

власть, государство и цивилизация могут осуществляться и широко осуществляются и неимперским образом. Здесь потребно что-то дополнительное, что позволит отличить империю от неимперии.

И вот это-то дополнительное восходит так или иначе к чему-то, что можно было бы условно и кратко определить как *«сверх» — сверх*-власть, *сверх*государство, *сверх*цивилизация. Имперскость, конечно, *не вне* власти, государственности и цивилизационности, но она все-таки над ними — не вне, повторим, а над, и если над, то непременно… не во вне. Выходит, в империи реализуется какая-то *особая* властность, государственность, цивилизационность, способная нести внутри себя какое-то преодолевающее ее позитивное, т. е. не уничтожающее, а обогащающее, к тому же и возвышающего порядка, отрицание.

Имперскость, получается, *выше* обычной власти, государственности, цивилизационности; имперскость *выше пределов* неимперскости, имперскость *возвышающее преодоление* неимперскости.

В имперскости, заметим особо, есть что-то уже и не государственное, но не *до*-государственное, а *после*-государственное. Имперскость не отмененная, а лишь *преодоленная* государственность. Империя, пока она действенна, способна черпать вдохновение и решимость за пределами обычной государственной и цивилизационной организации, она имеет возможность быть как бы *над* реальностью, создавать ее по своему над-высшему усмотрению, а потому империя в чем-то уже и сверх-реальность!

При первом взгляде на любую империю обычно бросаются в глаза *большое пространство,* ею занимаемое, и *большое качественное разнообразие,* ей имманентное (имперское образование объединяет, как правило, народы, культуры, цивилизации, иной раз даже и государства, которые, конечно же, будучи в рамках империи в той или иной степени зависимыми, остаются нередко именно государствами). Уже поэтому любое имперское образование является *сверх*-обычным образованием, а лучше сказать, *мега*-образованием. «Мега» здесь задает «сверх», а «сверх» обусловливает «мега». Но это, тем не менее, не все, а пожалуй что, и не главное.

Главное в империи не масштаб как таковой, хоть он и бывает обширным, как и не сложность ее внутренней структуры, хоть она и бывает высокой, а как раз отмеченная выше *сверх*-реальность, что означает *не*-обыкновенную возможность ставить и решать не обыкновенные политические, хозяйственные и иные задачи, вытаскивая смыслы не только из поверхностной реальности, но и из ее существенной глубины, вступая в творческий контакт с творящим трансцендентным ничто.

В имперскости реализуется не одна лишь тенденция к могуще-

ству — ради того же господства одних над другими или же просто экстенсивного расширения одних за счет других, но и тенденция к иному еще не бывшему, тому, что становится возможным лишь с обретением имперского *образа,* разумеется, наряду с имперским могуществом. Только империи могут ставить перед собой *сверх*-задачи, только империи могут их решать, только империям подвластна *за*-поверхностная и, если так снова можно выразиться, *за*-текущая реальность.

Человеку приходится решать не только текущие, краткосрочные и немногозначные задачи бытия, но и крупные, долгосрочные и многозначные. Человек, как хорошо известно, способен и на *большие дела.* Империя сама по себе уже есть такое большое дело, чем бы оно ни мотивировалось, а сколько разных больших дел оказывается в руках уже действующих империй, чем бы эти дела в миру ни оправдывались. Разумеется, империя может оказаться весьма примитивной и в творческом отношении никчемной, но всегда есть *что-то,* что может быть поставлено и решено только империей и только имперским образом, Сама по себе имперскость — не добро и не зло, а вот конкретная империя может быть как позитивной, так и негативной, точнее, нести более позитива либо более негатива, а может статься, и вообще быть никакой — ни горячей, ни холодной, так себе — теплой. А вот насколько эти последние бывают исторически оправданными, то это уже зависит от их конкретных реализаций.

Не одни лишь большие задачи, или *сверхзадачи,* оправдывают образование и действие империй, но и сама по себе имперская организация общества, хозяйства и той же культуры служит апологии империи.

В империи обязательно имеет место *имперский центр,* сосредоточивающий и олицетворяющий имперскую волю и осуществляющий *имперское управление* подотчетным ему *имперским социо-культуро-хозяйственным пространством.* Имперский центр к тому же оказывается не только имперским волеизъявителем и управителем, но и, что очень важно, держателем имперского пространства, его целеустремленным *интегратором.*

Что касается *имперского социума,* непременно наличествующего в империи, т. е. того социума, который как раз и реализует повседневную имперскость, то он, будучи непременно лояльным к имперскому центру, способен не только воспринимать имперские задачи, но и активно участвовать в их реализации. Такой социум делегирует центру возможность быть именно имперским центром, получая взамен защиту, покровительство и водительство в общих делах. Организация имперского социума, как и его взаимоотношений с имперским центром, может быть различной в рамках той или иной империи, но обе стороны-силы, имперский социум

и имперский центр, должны обязательно ощущать себя *подданными империи* и только с этим ощущением обретать и реализовывать между собой эффективный имперский консенсус.

Империя всегда обнаруживает *иерархичность* в устройстве себя, социума и своего центра, а также функциональную *соподчиненность* всех своих частей и элементов. Конкретно это может выражаться по-разному вплоть до *демократического централизма,* но избежать организационно-управленческой пирамидальности империя не может — у нее всегда есть властный центр-вершина, деятельно исполнительская опора-середина и несущий фундамент-периферия. Это позволяет империи не просто исполнять себя, но и быть жизнеспособно *мобилизационным* образованием.

IV

Империи были и, как это ни прискорбно для некоторых, есть и сегодня. История и сейчас полна самых различных имперских практик. Правда, сегодняшние империи, себя таковыми, кстати, никак не именующие, имеют ту особенность, что с формальной точки зрения их как бы и нет: постмодерн есть постмодерн, а в эпоху Постмодерна *знак, факт и реальность* далеко ведь не одно и то же. Знака, к примеру, нет, факт не установлен, а вот реальность тем не менее есть. США — никак по знаку не империя, по факту — а где этот факт?, но зато в реальности — самая что ни на есть империя, причем глобального порядка. Китай — все вроде бы то же самое, кроме конечной реальности, здесь обнаруживается самая обыкновенная империя, правда, более пока «нутряная», чем транснациональная. Индия — разве не интериорная империя? А объединенная Европа — что это, если не становящаяся империя? Выходит, что империи есть, хотя их как бы и нет, и вовсе не виртуальные империи, а вполне реальные. На очереди и еще какая-нибудь исламская империя. А малюсенький Израиль, ставящий и решающий совсем не малюсенькие, прямо-таки империальные по духу задачи? А чем, или кем, продолжает оставаться Турция, уж не империей ли? А Великобритания? А Франция? А Германия, не имеющая, в отличие от Великобритании и Франции, даже бывших колоний — уж не имперского ли стиля страна, с ее-то проникновением повсюду? Согласимся, что не все из перечисленных субъектов «тянут» на собственно империю, тем более, явную, но и отмахнуться от них никак нельзя. Куда ни посмотри — всюду империи, или их тени, или их образы, или их проекты! Любопытная получается в итоге и в целом мировая картина: империй нет, а они *есть*!

Все эти одновременные «есть» и «нет» — не совсем диалектика, точнее, может, и диалектика, но совсем особого рода — *постмодернового.* И особенность такой диалектики, если, правда, не какой-нибудь антидиалектики, состоит в отсутствии сколько-нибудь органической

смысловой связи между знаком и фактом, между фактом и вещью (тем, что вещает), между формой и содержанием, между явлением и сущностью. Дело здесь даже не в том, что что-то внешнее как-то противоречит чему-то внутреннему — при наличии между тем и другим непременного стержневого смыслового единства, а в том, что что-то одно не имеет никакого отношения к чему-то другому, хотя это что-то странным образом и прикрывает что-то совсем другое. Лики вроде бы одни, а вещественности — совсем *другие,* настолько другие, что никак не являются вещественностями именно этих ликов. Упрощенно говоря, в клетке сидит лев, а на клетке написано «Заяц», а там, где сидит заяц — «Антилопагну». Вот такая получается диалектика аномальная, если не просто больная, как и весь Постмодерн.

Если, допустим, упорно втолковывают, что демократия есть «власть народа», хотя ничего подобного нет и быть не может, ибо народ никакой властью не то что не обладает, но даже и реализовать никакую власть, тем более, в масштабе общества, просто физически не может, то за демократией надо видеть все что угодно, но только не «власть народа» (уж на что казачий круг демократичен, да вот что-то много приходится говорить о казачьем старшине, этим кругом всегда неплохо заведовавшим), а если настойчиво внушают, что империй нет или они гадки, то неплохо бы знать, что империи есть, даже если и отвратительны, хотя вовсе и не обязательно. Короче, не верь ни глазам своим, ни ушам — все вокруг обозначено наоборот скрывать вещное содержимое.

Да и само это содержимое совсем уже не то, что когда-то было-даже и при господстве еще Модерна. Игра есть игра, а потому не стоит сейчас при господстве игры и игривости ожидать чего-нибудь онтологически явного и устойчивого. Нет уже полноданных субъектов, учреждений, отношений, порядков и т. п. устоев, ибо любой устой непременно традиционен, а традиция нынче совсем не в моде. В приоритете сегодня новизна, причем непрерывная. Сущностное и содержательное не могут постоянно и быстро изменяться — они инерционны и требуют устойчивости (как та же природа). Постоянно и быстро может меняться лишь чисто ликовая поверхность, разумеется, оторванная от содержательного и существенного. Такой отрыв обеспечен Постмодерном — в этом-то его фундаментальная заслуга.

Вопрос о содержании и сущности, как и о смысле, не говоря уже о *метасмысле,* снят сегодня с повестки дня, что, конечно, не значит, что всего этого вообще уже нет — просто Постмодерн всем этим пренебрегает, причем не только ментально, но и онтологически. Новизна убивает не одну лишь традицию, но и саму реальность — со всей ее инертностью, крепостью, тяжестью.

Априорно и наяву постмодерновое общество никем и никак не структурируется, оно лишь побуждается скрыто, но непременно к текущему самоструктурированию, причем принципиально неустойчивому. И если говорить сегодня об империи, то лишь о такой по классу империи, которая была бы способна удерживать и организовывать социумное пространство, не прибегая к его сколько-нибудь строгой и явной упорядоченности. А потому империя, в лице и действиями прежде всего имперского центра, должна постоянно творить в рамках подотчетного пространства не что-нибудь, а саму реальность, причем *обновляющуюся,* причем *имперскую.* Выходит тогда, что ни монарха императора не надо, ни воспроизводимых по крови сословий, ни любого рода социумных и культурных закреплений. Получается какая-то *подвижная империя,* реализующаяся не через постоянно действующие структуры, а лишь посредством непрерывной и обновляющейся реализации *имперской идеи.* Современные средства и методы управления это позволяют.

Центр и идея, а далее уже *империя* — исходящая непрерывно из центра, но не доходящая до полной и явной имперской формализации. В какой-то мере и виртуальная, если под виртуальностью понимать не только *над*-реальность, но еще и *пред*-реальность, переходящую затем в реальность.

Каковы времена — таковы и империи!

Приглядимся повнимательнее к глобальной американской империи или к тому же Европейскому союзу, столь упорно идущему по имперскому пути — разве неявность и виртуальность не служат здесь эффективной реализации имперскости?

Идея тут прежде всего, она всегда свыше и в авангарде, затем следует имперский проект, а потом уже и великое имперское дело. Россия не растратила своей исторической имперскости — хотя бы по механизмам бытия, по культуре, по менталитету, по образу жизни. Россия — *имперская страна,* однако ее остаточная имперскость работает сейчас не столько за, сколь против… империи, а также и против… самой России, ибо органичная в общем-то имперскость используется ныне в угоду внешнему для России проекту, предусматривающему отказ России не только от имперскости, но и от… самой России. Неперспективно вроде бы, даже и контрпродуктивно, но… вершится тем не менее… пока вершится… хотя вокруг России растут и разворачиваются новые по субъектности и типу империи.

Глобальная американская империя вряд ли состоится в полной мере и окончательно, а вот *локальные империи* — почему бы нет? И дело здесь не в том, что имперскость якобы противостоит нарастающей свободе, а в том, что империи все-таки нужны и вполне реальны — они просто необходимы! Только империям, да еще и осознавшим губительность

Постмодерна, под силу преодолеть нахлынувший на мир постмодерновый анархизм, но, равным образом, и захватывающий мир постмодерновый глобальный империализм, а потому человечеству *новой империальности* не избежать, — и чем скорее это поймут российские элиты, тем больше у России шансов сохраниться, выжить и подойти к возможности *нового творческого расцвета*!

«Философия хозяйства». 2004. № 6.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО И ИМПЕРИЯ

Полагая человека индивидом, не связанным с другими людьми кровными, идейными или функциональными узами (семейными, общинными, артельными, профессиональными, служебными и т. д., вплоть до воровских и разного рода мафиозных), *город,* он же *цивилизация,* придает ему статус *горожанина,* что то же самое — *гражданина,* делая его тем самым эффективным — с правами и обязанностями — членом городского, равным образом и цивилизационного, сообщества. Гражданин, хоть и имеющий семейные, товарищеские или деловые связи, рассматривается в отрыве от этих и им подобных связей — для гражданина главное в его личном отношении к городу и города к нему (все остальное есть, но не относится к феномену горожанства и гражданства). И в той мере, в какой гражданин освобожден ото всего негражданского, его можно рассматривать человеком свободным (от семьи, общины, любого коллектива и т. д., хотя человеку и приходится во всем этом участвовать, но не в обязательном для гражданского сообщества порядке). Не свободен гражданин лишь перед лицом города, ибо пока он в городе и горожанин, он обязан исполнять все то, что предписывается городом.

Город — *государство,* а государство, в отличие от города, способно охватывать не только не один город, но и межгород, или окологород, а потому есть организация не только города, но и *страны.* Отсюда гражданство может быть распространено далее собственно города, его породившего — на страну. Однако суть гражданства от этого не меняется: все равно индивид (с паспортом и номером), все равно права и обязанности, все равно непременная зависимость от государства. В том и другом случае, т. е. города и страны, имеет место феномен *гражданства* и *гражданского общества.*

Но гражданское общество может быть разным: или с приоритетом граждан, или с приоритетом государства, а государство, имея возможность принуждения, способно, как хорошо известно, устанавливать и поддерживать *метагражданственную власть,* что позволяет ему быть не столько слугой граждан, сколько их господином — вплоть до жесткого

авторитаризма. В настоящее время о гражданском обществе все более говорят как об обществе с приоритетом граждан, когда государство если уж и не слуга, то хотя бы *партнер* граждан. В таком обществе все самое главное определяется гражданами, если не их прямыми действиями, то их интересами. Государство в таком обществе отправляет власть в соответствии с потребностями граждан, а потом уже государства.

В реальности гражданское общество, конечно же, не столь идиллично, ибо не избегает ни иерархичности, ни доминирования верха над низом, ни той же авторитарности, ни даже тоталитаризма — иное дело, каких? Тем не менее, гражданское общество с приоритетом граждан — и идеал, и цель, и пример, хотя никто не может не учитывать разного рода обстоятельств, заставляющих не только оправдывать разные формы гражданского общества, но и не увлекаться слишком приоритетом граждан.

Возьмем Россию. Здесь есть гражданское общество, хотя, быть может, не очень развитое, но зато весьма больное. Номинально все индивиды граждане — с паспортами и номерами, кое с какими правами и обязанностями. Но всем ясно, что это неполноценное гражданское общество, как ясно и то, что должна быть проведена большая воспитательная и организационная работа по становлению приемлемого гражданского общества. Однако надо хорошо понимать, что ничего в России в этом отношении не изменится, пока не будет воссоздана нормальная для становления нормального гражданского общества стартовая ситуация, а ее можно достичь только на путях решительного отказа от все еще текущей олигархической и глобалистской революции и радикального исправления ее результатов на началах и в соответствии с принципами именно гражданского общества, вовсе не чуждого — при нормальной его реализации — мотива социальной справедливости. Какое-такое гражданское общество может быть построено в России при нынешнем раскрое собственности, распределении доходов и возможностях жизнеотправления — а? Да никакое! Закрепление достижений совершающейся революции гибельно для гражданского общества, да что гражданского общества — для самой России и ее народа!

Выход, конечно, обусловлен прежде всего делами. Дел же никаких серьезных пока нет. А раз так, то остается кропотливая концептуальная работа, кстати, могущая предотвратить и ненужные дела. Какое же гражданское общество необходимо России, какое общество в ней действительно возможно? Вопросы совсем не простые. Одно, пожалуй, уже ясно: *разгосударствление* тут не поможет, хотя многим и кажется, что все дело именно в нем. Необходимая либерализация и демократизация государства и общества перешли в вовсе не необходимую утрату полноценной

государственности, что выражается внутри страны в возникновении феномена *антигосударства,* а во вне — в превращении государства в *субгосударство.* И если кто думает, что гражданское общество возможно с таким вот государством, или же вообще без государства, тот глубоко и роковым образом ошибается. Продолжающееся разгосударствление — путь в бездну, а потому необходимо немедленное *восстание государственности* (не восстановление, а именно восстание — в новой форме, с новым мотивом, новыми средствами), то самое восстание и той самой государственности, которые потребны для становления как раз гражданского общества — *российского гражданского общества*. Гражданское общество — не противник государственности, а государственность — не враг гражданского общества. Нужен нормальный синтез того и другого.

И вот тут-то встает вопрос о характере и формах бытия того и другого в предстоящей России. Какими же быть в самом деле государству и гражданскому обществу в стране-мире, имеющей не только большое пространство и большое качественное разнообразие, но и великие исторические традиции и достижения (Победа и Космос — разве этого мало?), незавидное нынешнее состояние — *инфернализацию* и *антимир,* потерю исторических ориентиров и все более остро ощущаемую потребность восстановления полноценной исторической субъектности с выходом на дорогу политической, культурной и хозяйственной самости? И вот если обратиться к оценке реального характера страны — страны-мира, обоснованного прошлым, подтверждаемого настоящим и, кажется, желаемого будущим, то следует признать, что у российской государственности и гражданственности был, есть и, по-видимому, останется только один характер — *имперский,* что может показаться кому-то крайне странным и сегодня совершенно немыслимым, но что не перестает от этого быть достоверным и перспективным.

Империя — не только большое пространство и высокое внутреннее многообразие, не только расширение вовне и подчинение геопросторов, не только большая власть и мощная исполнительная сила, это еще и, во-первых, возможность постановки и достижения *великих целей,* или решения *сверхзадач;* во-вторых, возможность действовать в планетарном мире в качестве *самостного исторического субъекта;* в-третьих, возможность функционирования надгосударственного и даже надцивилизационного центра, способного ставить и решать *большие задачи,* разрабатывать и исполнять *большие проекты,* быть *суперсубъектом;* в-четвертых, возможность жизнеспособного бытия граждански организованного, крупного и разнообразного, социума, лояльного к центру и действующего в смысловых и функциональных координатах, этим цен-

тром задаваемых и поддерживаемых. Империя — это большое (антиэнтропийного характера) созидание.

Разумеется, империя может быть разной и работать в разных направлениях, осуществлять себя с разным знаком (+ или -). Заметим, что империя, реализовавшаяся в СССР, впав в собственную немилость (подустав, одряхлев и не реформировавшись в рамках бывшей своей концепции), провела, хоть и весьма странным образом, вполне имперское по механизму и антиимперское по результатам реформирование, ставшее к тому же революцией, в итоге чего резко сузилась, утратила мощь и величие, деформировалась и обезобразилась, но… не погибла, более того, осталась жизнеспособной — неважно, что не во всем с плюсом и с большим эффектом… — и оказалась перед необходимостью *восстания* и *нового качественного бытия.* Имперским образом погубила саму себя в прежнем виде и имперским же образом обязана себя возродить, но уже в *новом виде.* Империя со знаком — (минус) должна смениться на империю со знаком + (плюс). Это тем более важно, что вокруг на планете новые империи уже складываются — что на Западе, что на Востоке, — и России не только не пристало терять свою имперскость, а, наоборот, спокойно и деловито ее укрепить, обновить концептуально, превратить в жизнетворную форму человеческого бытия.

Только в рамках *обновленной империи* возможно эффективное соединение гражданственности и государственности, самоуправления и централизма, разнообразия и единства. Гражданское общество предполагает государственность, а государственность в России — имперскость. Все должно гибко сочетаться. И никакие ярлыки, применяемые к империям, государству и самой России, не должны мешать российскому государству и обществу идти единственно приемлемым для него путем.

«Философия хозяйства». 2004. № 6.

2005 г.

РОССИЯ — ВЕЛИКАЯ ИМПЕРИЯ!

Из материалов к II Малому университетскому форуму «Россия — великая держава (вызовы современности и поиски проективного россиеведения)» МГУ имени М.В. Ломоносова, декабрь 2005 г.

В самом по себе утверждении «Россия — великая держава!» нет ничего необычного, как и нет никакого преувеличения: Россия и в самом деле великая держава — по территориальной обширности, по богатству природных ресурсов и энергетическому потенциалу, по численности и одаренности населения, по уровню культуры, образования и интеллекта, по материальной инфраструктуре, по научным и техническим достижениям, по геополитическому положению, по военной силе, по насыщенной истории, по октябрьскому эксперименту, по победе в великой войне 1941—1945 гг., по постоянному членству в Совете Безопасности ООН, по присутствию в восьмерке ведущих мировых держав, по прошлой и текущей внешней политике, по международному авторитету.

Однако мы вынуждены сегодня упорно произносить вновь и вновь словосочетание «Россия — великая держава!» чуть ли не как заклинание! — поскольку, во-первых, страна переживает, как сейчас принято говорить, системный, он же глобальный и затяжной, а лучше сказать апокалиптический, кризис; во-вторых, страна все время находится с начала 1990-х гг. под угрозой расставания со своей «великостью» и «державностью», если не полного распада и исчезновения — как не только крупного единого образования, но и как геоисторического субъекта. Великодержавность (да будет реабилитировано это совершенно правильное и ни в чем не виноватое слово!) как бы оказывается все более достоянием истории, нисколько ныне к тому же не укрепляющимся, а весьма заметно ослабевающим.

Причин возникновения столь, мягко выражаясь, непростого положения, конечно же, множество — они достаточно известны: и немалая историческая усталость российского, а затем советского, имперского, социума, в том числе и от крупномасштабного социального (социалистического) экспериментирования, участия и победы во Второй мировой войне, беспримерного рывка в индустриальную современность в середине XX в. (вплоть до выхода и освоения космоса); и вызревание в стране антисоциалистических, антисоветских, антипартийных, антиимперских и даже антироссийских настроений и реальных сил, перехвативших в итоге историческую инициативу, разрушивших СССР и устроивших вполне сознательно и самым что ни на есть волевым образом невиданную

по коварству, лживости и недобросовестности приватизационную реформу-революцию 1990-х гг., искусственно загнав при этом общество, экономику, культуру, цивилизацию в явный апокалиптический тупик, дав простор действию любых античеловеческих, уже прямо-таки инфернального порядка, инициатив и проявлений; и выходящая из прошлого направленная борьба с великой российской, а затем советской, державностью со стороны ее принципиальных внешних противников, прямо вступивших в борьбу с так называемой «империей зла», а в итоге как раз в борьбу именно с величием — настоящим и возможным в будущем — самобытной страны, способной, разумеется, не без ошибок, колебаний и откатов, выработать *историческую альтернативу* тому способу бытия человечества, который был предложен и ныне вовсю доминирует по инициативе самой-де передовой в мире цивилизации, которую сегодня можно определить как *глобалистская* (ранее — западноевропейская, или просто европейская, англосаксонская, а совсем недавно и поныне — атлантическая, американская, атланто-европейская, но также и экономическая, капиталистическая, монополистическая — от корпораций-монополий, а сейчас — уже все более финансовоолигархическая).

Причины возникновения сегодняшней неблагоприятной российской ситуации, приближающейся по своему определению к катастрофической, можно перебирать и перебирать, как и каждую из выявляемых причин можно непременно и упорно оспаривать, но факт остается фактом: Россия, все еще великая Россия, все еще великая держава, в глубоком — апокалиптического, повторяем, характера — кризисе, из которого нет не то что автоматического, но даже и сколько-нибудь программируемого волевого выхода. Конечно, сегодня, т. е. в 2000-е гг., кризис уже не тот по силе и явленности, что в 1990-е, но он далеко еще не преодолен, более того, к прежним причинам его возникновения и наличия добавились новые, быть может, менее заметные, но не менее, если не более, действенные, упорно способствующие закреплению кризисного характера нынешнего российского бытия.

Особенность апокалиптического кризиса, о котором мы здесь говорим, как раз состоит в его, скажем так, замедленной, а лучше сказать, инертной, разрешимости — на выход из кризиса требуются годы и годы, но дело даже не в сроках, а в том, что выход из такого кризиса сопряжен с существенным преобразованием социума — в целом его даже *преображением,* т. е. сменой образа, — и вряд ли нужно объяснять, что для этого требуется не только время, но и настойчивые усилия со стороны самого социума, живущего (вовсю живущего!) в условиях перманентного кризиса, и важно заметить — *во всеобщей устойчивой аномалии.* Все дело в том, что к этой аномалии не только можно привыкнуть хотя бы для того, чтобы просто ее как-то переносить, но и заместить этой аномалией

любую норму, надолго расставшись с этой последней, ее уже осознанно и не представляя.

И для нынешней России опасен даже не сам кризис, о котором мы говорим, а происшедшее уже овладение социумом этим кризисом, но не в виде его преодоления, а в виде к нему привыкания, мало того, в виде даже изъявления заинтересованности — пусть и не всего социума — в продолжении кризиса. Кризис при этом как бы перестает быть кризисом, он уже почти не воспринимается как кризис, оказывается вполне приемлемой нормой. И данное отношение к кризису как к норме, как и само бытие социума в устойчивой аномалии, лишь кажущейся нормой — фундаментальный исторический факт!

Социум болен, но болезнь им уже почти не ощущается, более того, он привык к ней не только как к временной напасти, но и как к чуть ли не дарующему жизнь благотворному состоянию. Социум уже боится нормы, он ее просто не знает, его устраивают беспорядок, неразбериха, произвол, даже и само отсутствие нормального шанса на нормальную жизнь. Возник и воспроизводится самый настоящий *пато-социум* (одновременно патологический и находящийся в патовой ситуации).

Выход из апокалиптического кризиса — не вопрос только экономической активности и трудовой занятости населения (российская экономика худо-бедно работает, принося капиталу баснословные прибыли, занятость, хоть и не быстро, но растет, даже материальный уровень жизни значительных масс населения как-то повышается), как и не вопрос подсчитываемого сухо и равнодушно качества жизни, а вопрос *целостного выздоровления социума,* однако обусловленного *тотальным самопреображением.* Ясно, что ничего подобного мы пока не видим, а потому вокруг все тот же апокалиптический кризис, все та же на перспективу историческая безнадежность.

Не ради какой-то эмоциональной драматизации происходящего мы все это говорим. Просто мы хотим адекватно отобразить и оценить создавшуюся в России ситуацию (для доказательства нашей правоты можно привести любое количество самых ужасающих фактов, почти уже и переставших будить нравственно-сочувственное воображение у россиян: где она норма, где она — мораль, где она — правда?). Нынешний кризис гнездится прежде всего в душах людей, а затем уже он проявляется в их поведении, как и в состоянии и поведении социума в целом, так называемых масс и их элит, того же государства. Души одних изуродованы нежданно-негаданно свалившимся откуда-то богатством, никак, разумеется, не заслуженным; души других — участием в разграблении страны, приватизации ее ресурсов и средств, присвоении ее богатств; души третьих — криминальными и насквозь аморальными деяниями, если не попросту преступлениями; души четвертых — царящей вокруг

вседозволенностью; души пятых — беспрецедентным унижением человеческого достоинства, совершенно немыслимым презрением к человеку, души шестых — насильственным обнищанием и маргинализацией; души седьмых — заброшенностью, антивоспитанием и растлением и т. д. и т. п. И из всех этих душ — *пато*-душ! — и состоит ныне социум, население, страна, которые тоже все *пато,* и иными они быть пока не могут.

Никакой нормальный экспертный дискурс, отражающий хоть какую-то норму в человеке, в институции, в социуме, не в состоянии даже ментально овладеть возникшей патоситуацией, — тут уже требуется и соответствующий этой ситуации патодискурс (образчиками которого являются разве лишь современный молодежный, как во многом и новомодный радиотелевизионный, диалекты). Но если оставаться в рамках классики, то придется констатировать некое выворачивание российского мира наизнанку — с полным при этом расцветом инфернальной его начинки, с ее в нем безбрежном доминировании. Мечта российской интеллигенции, а по сути — *пато*-интеллигенции, наконец-то сбылась: в российском геопространстве, хотя и не только в российском, воцарился самый обыкновенный *антимир* со всеми для него характерными «анти», среди которых, увы, не только *антихозяиство, антиэкономика, антигосударство, антиэлита, антикультура, антицивилизация* и т. д., но и (sic!)… *античеловек!*

II если с нормальной точки зрения в России безусловный кризис, пусть и апокалиптического порядка, то с патопозиции это вовсе и не кризис, а всего лишь особый образ бытия, пусть при этом и *антиобраз* и *антибытия,* но все-таки не кризис, — вот такая получается удивительная констатация! Дело даже не в том, что разразившийся кризис пообвыкшему россиянину уже не кажется кризисом, а в том, что нормой в нынешнем российском, хотя, повторяем, не только российском, бытии стала как раз *антинорма,* которая уже не просто аномалия, т. е. отклонение от нормы, а некая прямо-таки *противонорма,* т. е. отсутствие уже самой нормы, хотя бы как абстрактного корректировочного критерия, даже и в идеальном предположении, в чьем-то, может быть, воображении, а у кого-то, возможно, еще в надежде, но никак не в реальности, — а в реальности как раз отсутствие какой бы то ни было нормы, если, конечно, под нормой не понимать какие-нибудь искусственные установления вроде законов и предписаний, висящие пустыми погремушками на российском институциальном древе.

Антимир — господство *пустоты,* той самой пустоты, которую так вожделела, сама того не понимая, всегда наша анархически в общем-то настроенная интеллигенция. А где пустота и анархия, там уже только право сильного, право безнравственного, право самого ловкого, — как

раз того самого подпольного человека, т. е. и *античеловека,* против которого и были всегда нацелены норма, мораль, порядок, то же самое право. Вот почему сегодня в России не столько кризис, сколько особого качества… *небытие,* представленное разного рода фикциями, миражиками, проформочками, недоразуменьицами, нелепостями, умолчаниями, ошибочками, провальчиками, преступленьицами и т. п. штучками. Не вещи теперь всего более вокруг, — те, что вещают, а именно разного рода штучки, создающие вместо обесмысленного вещания лишь странный и непонятный шум, прикрывающий выдавливание из реальности все собственно реальное. Мир теперь все более буффонада, о чем давно уже мечтали тьмы всяких так называемых творческих личностей, однако буффонада равнодушная, злая, жестокая. Перевернутый перед нами мир, мир-оборотень, мир-изнанка!

Крутая, кажется, характеристика, хотя, быть может, и не очень: ведь мы стараемся не особенно приближаться определительно к отвратительным реалиям жизни, уже и недостойной возвышающего реалистического отображения, а достойной лишь детективчиков, авантюрок, порнушек, женских романчиков, страшилок скоропалительных и пустых ремейчиков, — так что, может, характеристика наша вполне и сносная, но, заметим, без нее мы вряд ли сможем что-либо понять в сложившейся ситуации и как-то осмыслить возможный из нее выход, отличающийся как раз особенной безвыходностью: не человек сегодня в условиях кризиса, что понятно, даже не человек ныне в кризисе, что тоже, наверное, понятно, а на историческую арену вышел непосредственно уже человек-кризис, т. е. уже и античеловек, не собирающийся по большому счету из своего нового образа, а точнее, *без-образа,* выходить, не чувствующий никакой к тому потребности. И этот безобразный человек, или *человекобраз,* не просто повсюду, он не просто активен, но он уже и доминирует, хотя, быть может, и пребывает еще в численном меньшинстве (не обольститься бы этим меньшинством — меньшинство ведь не то же самое, что меньшинство, — в социуме всегда доминирует именно меньшинство, которое иной раз бывает и каким-нибудь меньшинством).

Антропореволюция не где-то в далеком будущем, она уже здесь, она идет, а кое в чем уже и свершилась. Осмотрись вокруг себя, коллега-читатель, разуй, что называется, глаза, — неужели ты так ничего и не видишь, не замечаешь уже развернувшегося вокруг тебя *нового* мира и нового в нем упорно копошащегося человечка — уже в чем-то и *античеловека,* или тебя совсем уж убаюкали сказочки про детей-индиго и возможное чуть ли не бессмертие? В том-то и дело, что уже накатило, и прежнего мира никогда не будет: теперь только мир летучий, непрерывно вздувающийся и непрерывно испаряющийся, какой-то мгновенный, не задерживающийся уже в этом мире мир — мир игры, симуляции

и теней! Российская революция 1980—1990-х гг., которая, надо заметить, вовсю еще продолжается, дала простор вовсе не человеку с его человеческим миром, а совсем уже иному существу, лишь пребывающему в образе человека, но от собственно человека уже оторвавшемуся, а потому и предложившему миру не новый человеческий мир, а лишь *античеловеческий антимир.*

Разумеется, не все так в российском мире плохо, — хотя почему же все это происходящее так уж плохо, если оно, заметим особо, для человекобраза просто хорошо? — а потому нет, наверное, никаких оснований у *все-еще-человека* для какого-то крайнего отчаяния. И хотя для крайнего отчаяния, быть может, оснований и нет, но вот для великого беспокойства — совсем наоборот! И чем быстрее все-еще-человек осознает весь масштаб, всю глубину, а главное, все качество вывалившейся на него проблемы, тем быстрее, решительнее и последовательнее он сможет предложить совсем иное целостное решение для России, а может, и мира в целом.

Что говорить, резервы для выхода из апокалиптического кризиса в России есть, но они не только пока не велики, но еще и не сосредоточены и не нацелены: они более всего в потенции, может, в некотором накоплении. Да, антимиром, кажется, уже весьма объелись, но реально отвергнуть его, перейдя через его отвержение к какой-то иной нормальности, никакого серьезного стремления в социуме не просматривается. Соответственно и судьба России как великой державы остается слишком уж неопределенной: страна-то, быть может, по параметрам своим и великодержавная, да вот социум в ней на эту великодержавность, мягко выражаясь, не очень тянет. Антимировый пока еще этот социум, расслабленный, разбредший, расколотый, а во многом и попросту растерявшийся. Разумеется, что-то позитивное в социуме есть, что-то сносное вдруг появляется, что-то достойное набирает силу, но в целом — в целом пока это более всего… *антисоциум.*

Как был вдруг потерян СССР (историческая-де необходимость, чуть ли не благо!), так был потерян вдруг и социум (какая же в этом-то была историческая необходимость, какое тут было благо?). И вообще, вот мы все талдычим: социум, социум, а сам-то социум достоин ли именоваться… социумом? — ведь социума-то в полном смысле слова нет, во всяком случае в полной своей выраженности, — пред нами, скорее, не социум, а всего лишь *масса* (как тут не вспомнить большевиков с их «трудящимися массами»!), т. е. некий асоциальный социум, зачеркивающий определение себя как именно социума (в слове «социум» ведь слышатся общность, структурированность, консолидированность, а у нас что? — разве ж это социум?). Если это социум, то социум-среда, социум-

пространство, социум-болото, но только не социум как социум. Предавший сам себя социум, — и следственно, не более чем *антисоциум.*

Столь резкая характеристика не должна возмущать, — я, мол, не такой, да и общество наше не такое!, — а должна послужить верным критерием для жесткой самокритики и исправным ориентиром для нового обретения социума — уже нового социума, т. е. превращения патологически асоциального населения в нормальный социальный социум, хотя, повторим, население это, быть может, не очень-то всего этого и хочет, ибо должны ведь воцариться порядок, ответственность, обязанность, а пожалуй что, и справедливость (многие в России жаждут ныне справедливости, но что-то все более для себя, а не для других, точнее, справедливости к себе, а не от себя, — а чего, казалось бы, проще: будь справедливым с другими — и другие будут справедливы с тобой!). Мы должны точно ставить диагноз: *всеобщее помрачение, помрачение социума, помрачение судьбы!* И отдельными мерами, спонтанными действиями, даже и вполне деловыми программами здесь ничего всерьез не решить: болезнь слишком далеко зашла!

Ситуация ныне такова: население не может, а в значительной мере и не хочет превращаться в единый и эффективный социум, а существующее в стране правление если чего-то подобного и хочет, что не слишком и вероятно, но либо не может ничего адекватного поделать, либо не должно, что даже более вероятно. Самая обыкновенная тут *пато*-ситуация (и болезнетворная, и почти что безысходная). Однако делать что-то все равно надо!

И вот тут возникает вопрос: *кто* будет делать? Нет, пока еще не *что* делать, а именно *кто* будет делать? И это в ситуации, когда никто как будто бы не хочет или не может ничего *такого* делать! А ведь речь идет о восстановлении громадного социума, его творческом созидании, его, заметим особо, восстании — почти что из ничего!

Не вдаваясь в поиск ответа на сакраментальный вопрос «Кто виноват?», попытаемся лучше для начала ответить на вопрос «Кто же все это сделал?», или «Какая сила перевернула вдруг общество, вывернув его наизнанку, по сути и уничтожив как общество!?». И вот тут ответ может быть только один: *власть!* — та самая власть, которая, казалось бы, должна социуму лишь служить, обеспечивая его бытие. Да, власть сделала *антисоциальную революцию* — не кто-нибудь, а именно *власть!* Революция совершена властью, — и в этом вся реализационная особенность революции. Но отсюда и другая ее особенность: революция совершена в интересах, нет, не самой по себе власти, но в интересах, конечно же, властей предержащих, разумеется, не всех властителей до единого, но, несомненно, их явного большинства. Властная в стране была совершена революция, а потому и прошла она весьма ловко и последовательно,

потому она упорно и уверенно продолжается. Вот отчего власть не только реализатор, но и виновница всего происшедшего, конечно, не единственная, но все-таки первейшая.

Теперь можно вернуться к вопросу, кто же будет что-либо позитивное делать. И ответ на него может быть только один: *власть!* Иной конструктивной силы нет вообще, а в России уж и подавно. Власть проделала (и делает) революцию, власти придется проделать и *антиреволюцию,* под которой понимается как раз возврат к норме, нормальному социуму, но, разумеется, уже новому социуму. Выходит какой-то парадокс: аномальная, больная, безнравственная власть, совершившая антисоциумную революцию, должна ни с того ни с сего стать нормальной, здоровой и чуть ли не нравственной и обеспечить построение нового нормального социума, мало того, социума великодержавного! Да, это парадокс, но что в мире не парадокс, как и не парадоксом ли явилась сама антисоциумная революция? Что ж, тогда выходит парадокс на парадокс — в противном случае ничего спасительного вообще не выйдет.

Отчего же такое упование на власть, точнее, на возможность ее преображения, конечно же, не в лебедь белую, а хотя бы в орелика разумного? Дело в том, что власть в асоциальном социуме не удержится, тем более, в социуме невеликодержавном, да и не только власть сама по себе, но и все ею уже под себя созданное. Великодержавие — не пустое слово, а *реальная субстанция,* которой надо непременно служить, ибо в противном случае (хотя бы при распаде России) ни о каком светлом будущем приватизированной по-крупному страны речи вообще идти не может, равным образом и о ее властных, тоже кризисных, приватизаторах. Заметим, что сама революция и совершенная в ее ходе приватизация по духу, методам и итогам суть великодержавные события-феномены, а не какие-нибудь еще: играть, так играть — только *по-крупному!* Сохранить добытое властной элите возможно лишь в великодержавном, а попросту *имперском,* формате — таков получается не менее властный императив.

Но социум — не сама по себе власть, ее институция, ее структура. Социум — все население, весь народ, все общество в целом. Сама по себе власть без власти над социумом — ничто! И великодержавный властный императив с неизбежностью дополняется великодержавным социумным императивом, соединить которые в единой реализации может только не менее императивный *великодержавный проект.* Хочешь не хочешь, а здоровьем — великодержавным здоровьем! — социума придется-таки заниматься, да не кому-нибудь, а самой российской власти.

Наличие эффективной власти не противоречит наличию так называемого *гражданского общества,* которое вовсе не безвластное общество, а общество с эффективным взаимодействием народа (граждан) и

власти. Но все дело в том, что это самое гражданское общество надо еще создавать, и создавать его придется в России… самым что ни на есть властным образом — таковы уж традиции! Разумеется, власть не отдаст власти, да этого и не нужно, но власть должна решиться на реализацию в России *нормального гражданства,* а соответственно, на упорядоченность, ответственность и справедливость как начал вполне жизнеутверждающего бытия.

Выход к нормальному великодержавному социуму — императивная *сверхзадача исторического момента,* если под историческим моментом понимать не мгновение, конечно, а субстанциально обусловленное движение исторического времени. Национальная идея — не более чем не формулируемое изначально стремление нации (народа), ее потенция, совершенно трансцендентного (сверхпознаваемого) порядка, а затем уже переходящая во что-то выраженное словами и подкрепленное делами. Идея восстания (в смысле возрождения, восстановления) социума (не из пепла даже, а из отвратительной помойки) и есть на данный исторический момент главная фундаментальная идея России. Никакой другой идеи у любого больного, кроме как выздороветь, нет. Вот и российскому социуму надо выздоравливать, а врачом здесь может быть, увы, только власть, и никто другой, хотя, разумеется, и самому больному тоже надо сильно захотеть выздороветь, и исправно лечиться, и целительные предписания исполнять.

Нам возразят немедленно, что все это, мол, утопия: нет в России той самой, т. е. вылечивающей, власти, ибо она сама больна и ее в первую очередь и надо лечить. А мы и не будем возражать: действительно, нет *такой* власти, а ту, что есть, лечить надо, да еще как лечить! Но не будем спешить со скептической заумью: жить-то все равно надо, предков надо не забывать, потомков иметь, воспроизводственным пространством и созидательным временем располагать, а для всего этого надобно владеть *родным миром,* своим миром, приемлемым для себя миром, а потому социум нормальный все равно воссоздавать придется. Нет, не верю я ни в родной социум, который уже по большей мере антисоциум, ни во власть, которая давно уже антивласть, ни во что вообще земное субъектное вокруг себя не верю, но верю за то… в *историческую необходимость,* однако не открытую каков нибудь большой умной головой — как какую-нибудь закономерность, а как в скрытую, но действенную волю, вполне и *метафизическую,* ту самую откуда-то идущую бессубъектную волю, которая любые утопии ломает, но и, наоборот, любые утопии исполняет.

Есть, есть она — *метафизика бытия!,* которая не представление вовсе о бытии в головах людей, а как раз само идеальное содержание бытия, то самое содержание, которому глубоко без различно, что думают

о нем завороженные научным образованием люди, но которому очень не безразлично течение (развертывание) самого себя. В людей я не верю, а вот в *метафизическую необходимость* верю, — она-то и заставит проделать все необходимое, хотя, разумеется, может и не получить потребного отклика у тех же самых людей, ради и в пределах которых она существует и действует. Я не верю в благой результат, но верю в его *возможность,* а возможность эта, как ни парадоксально, не только есть, но она уже прямо-таки налицо (видящий да увидит!).

Что же остается? Нет, не сидеть, сложа руки и опустив (опустошив) голову, не надеяться на заграничного дядю, не ждать у моря погоды, а… *очень надо захотеть* — одному, многим, большинству, всем, да, именно так: захотеть!, хотя этого никто, или почти никто, или многие из «кто», пока вовсе и не хотят. Однако необходимость есть необходимость — это как раз то самое, чего никак не обойти. Да, сами мы не хотим, или не очень хотим, а вот обстоятельства, увы, хотят, события хотят, случайности хотят, сама жизнь хочет, — и придется-таки лечить и лечиться, уродства всякие преодолевать, оздоровлять и выздоравливаться, преобразовывать и преображаться — и делать это по-великодержавному и в великодержавии. Иного тут не дано: либо так, либо никак!

На место революции — *преображение!* Какое? Да нет, конечно же, не стяжание рая на Земле, а стяжание всего лишь… *достоинства:* человека, социума, страны. О, это не лишнюю автостраду построить, не футбольную команду завести, даже не новую больницу построить: тут до душ человеческих добраться надо! Вот, где работа, вот, где деяние, вот, где миссия!

Опять же *кто?* В той же власти? Кто начнет, кто слово нужное скажет, кто пример достойный подаст? И это в странном и страшном асоциальном социуме, при на редкость безобразной власти, среди всеобщей воинствующей аморальности. Может ли вообще он случиться — этот самый *кто?*

Ответ наш, разумеется, весьма прост: и да, и нет, а еще лучше, прямо-таки диалектически — *да-нет!* И в самом деле, почему это вдруг среди тотального гниения явится, откуда ни возьмись, некий герой, который все и изменит к лучшему, как и почему же такому герою и впрямь не появиться вполне и нежданно-негаданно? Кто в России когда-то ожидал явления того же царственного Петра, как и совсем недавно совсем уж не царственного, чуть ли вообще не безродного, Сталина, а ведь они-то как раз и переделывали усиленно и тотально Россию — без всякой, надо заметить, жалости, хоть и по весьма трезвому расчету, и не кем-нибудь, а преобразователями ее стали? Да и откуда же взялись совсем уж современные герои, они же и антигерои, как Горбачев и Ельцин, столь славно

СССР разрушившие и Россию инфернально перетряхнувшие? Необходимость, скажут нам глубокомысленно, потребность-де в развитии производительных сил — это в случае с Петром I и Сталиным, и, наоборот, потребность в присвоении тех же самых производительных сил и их результатов, как в случае с Горбачевым и Ельциным. И на все найдется философское оправдание, все будет самым научным образом объяснено, все вроде бы поймется, кроме одного откуда же они, эти герои и антигерои, откуда эти революции и преобразования, откуда эти страшные потрясения, возвышающие достижения и судорожные броски в антимиры?

Ничего тут не скажет самая тщательная наука всезнающие эксперты немедленно разойдутся во мнениях, да и сказать тут науке нечего, ибо явления все эти не только за пределами науки, но и вообще всякого сознания и разума, ибо они насквозь метафизичны и трансцендентны. Знать мы тут ничего не можем, а вот чуять кое-что все-таки можем: и если чувствуем уже необходимость в тотальном преобразовании только что преобразиванного социума, если не можем уже жить во всеохватывающей ненормальности, если ощущаем уже опасность всеобщей погибели от тошнотворной асоциальности, если слышим за спиной дыхание пожирающего все и вся бесшумного Зверя разложения, ничего, быть может, особенно при этом и не понимая, — то явление Имярек уже не за горами. Главное ведь здесь не в герое, а в *метафизической концептуальности,* которая откуда-то так уже и прет. Сложится концептуальность, натянется метафизическая струна, пойдет и трансцендентное разрешение, под которое явится и соответствующий герой. Само ожидание такого героя, мне сию которого, кажется, уже пытается исполнить действующий ныне президент, глубоко симптоматично: его явление непременно сбудется, хотя и сбудется неожиданно и как-то совсем не так. Жизнь все-таки одолеет смерть, как это уже предчувствуется, но одоление это будет не каким-нибудь, а великодержавным.

О-о, как это важно: *захотеть!,* — ведь за хотением уже и охота, т. е. действие, разумеется, с коллизиями и неудачами, ошибками и откатами. Сегодня вроде бы «полный атас», а завтра — завтра вдруг сам Великий инквизитор явится, он же антихрист, прельститель и каратель, который либо болото гнусное оставит, либо диктатуру бессмысленную учинит, но следом… почему нет? — и преобразователь истинный придет, однако суровый, насупившийся, гневный, — тогда и начнется принудительное лечение. А концептуальность вроде медицинской книги срабатывает, в которой и диагноз, и методы лечения, и рецептура. Тут, надо заметить, и макьявеллизму достанет места — не одному же Великому инквизитору ему служить. Все сложно, все неопределенно, все проблематично, все безысходно! Но… метафизическая составляющая мира всего

сильнее. Не надо ни благодушествовать, ни простодушествовать, ни прямодушествовать: метафизическая безобразность (как и само метафизическое безобразие) просто так не сдастся, но возможностей метафизической образности тоже никто не отменял. Что ж, может, и к концу все идет, но, во-первых, к какому концу и концу чего?, а во-вторых, к какому-то ведь и началу! И вот ради этого-то начала и стоит *новую концептуальность* разрабатывать — как музыку, чтоб было с чем его встретить, конец перенеся.

Старое сегодня вовсю умирает, умно безмолвствуя, а новое, что особенно интересно, то самое новое, рожденное революцией, гниет на корню, звонко и гнусно стеная. Нынешнему новому нет места на Земле. И это надо понять! Прогресс как позитив завершился, теперь он уже отрицательный — регресс, мало того — смерть! На место прогресса должен придти *трансгресс,* переводящий жизнь в новый жизнеспособный формат. Прогресс ныне безобразен и без-образен, только трансгресс может дать новую образность, которая еще не известна, как и не может быть известна до времени, но ее надо уже очень хотеть — и она явится!

Заклинание? Да, заклинание! А что еще остается измученному постмодерном все-еще-человеческому сознанию? Остается усиленно желать — желать формы, той самой, которой, пока еще нет, но… именно формы, а не какой-то бесформицы; стиля, а не его отсутствия, как и не нарочитого смешения стилей, а точнее, уже и антистилей; хоть какой-то упорядоченности вместе с порядочностью, а не хаоса, якобы самотворческого, и не беспредела, якобы инициативного; необходимой остойчивости бытия, а не непрерывно бифуркационного-де существования — тоже якобы созидательного; традиции, наконец, пусть не древней, тем более, уж не замшелой, но все-таки традиции, а не разлившейся вокруг обессмысленной игровой новизны. И усиленное желание может к чему-то ему соответствующему и привести, как раз к тому, к чему приводит не революция вовсе, а самая обыкновенная *работа.*

Что ж, немало покуражилась, да и все еще куражится, странная российская революция, но… и она выдыхается, наступает и ей конец, на ее место идет *созидание.* Для России любая революция не просто событие, не просто действо, даже и процесс, это как раз то, что непосредственно противостоит самой России, т. е. это *анти*-Россия, а потому восстание (в смысле восхождения) России возможно только на *антиреволюционном* и, для нас особенно важно, *великодержавном* пути. Ясно, что просто так ничего не произойдет, что предшествует этому всему великое сопротивление, что Россию ожидает упорная за себя борьба, однако уже не фронтальная борьба, не лобовая, не баррикадная. Великодержавие

можно поднять и укрепить и без видимой, во всяком случае поверхностной, борьбы, это можно сделать, весьма сокровенно и даже изящно, — главное опять же укрепиться в желании что-то позитивно изменить и обрести для этого необходимое концептуальное видение. Тот, кто лучше и быстрее прозрит, тот в итоге и победит!

Кто сегодня, зададимся вопросом, достаточно понимает, что такое вообще власть и какая власть ныне самая властная и эффективная? Так вот, не та вовсе власть, что от простого кладения, а та, что от знания, как и не та, что через прямое воздействие, а та, что через неявное внушение. Власть ныне не государство вовсе, это тупое институциальное чудище, а кое-что иное, вполне и внегосударственное, даже и внеинституциальное: не институт это более всего, не аппарат и не машина, а субстанция, вполне и идеальная, та самая субстанция, которая всюду и везде, которая управляет, но которой и управлять можно, хотя и сложно. Негосударственные уже наступили времена, даже и не институциальные, но зато в высшей степени *властные:* не время над властью сегодня, а власть над временем, ибо власть ныне всему конструктор — даже и времени. Вот кажется, что все вокруг как-то стихийно происходит, самой собой, чуть ли не в свободном полете и изъявлении, а если приглядеться повнимательнее, то не так уж все вокруг и стихийно, не само по себе осуществляется, вовсе и не свободно: власть способна к сотрудничеству со временем, даже к слиянию с ним, а потому поди-ка разберись, где собственно власть, а где время, а вместе с ним и сама реальность. Нам все кажется, что реальность — это что-то само по себе возникающее, существующее и изменяющееся, что-то совсем не властное, во всяком случае, властью не созидаемое, а как всмотришься попристальнее в реальность, властью оплодотворенную, то и жутко становится от сюрреалистической правды.

Однако отчаиваться не надо: властью ведь тоже движет необходимость, которая, что важно усвоить, весьма различна. Сегодня одна необходимость, а завтра — совсем другая. И не думайте, что непременно противоположная: *метафизическая диалектика метафизики реальности* куда сложнее и изощреннее любой познанной человеком диалектики, — тут и никакая синергетика, заметим к случаю, не поможет. А ведь необходимость кое-какая, разумеется, новая, почему-то с великодержавностью солидарная, уже постукивает в двери расстроенного российского бытия.

Все так и получается: необходимость воздействует на власть, даже если власть это не особенно понимает, а власть реагирует на необходимость, даже если этого и не осознает. Вот только наоборот не бывает: власть не может по своему усмотрению создавать необходимость (разве лишь на срок, да и то — не необходимость, а, скорее, псевдонеобходимость).

Власть ныне не заинтересована в прямом насилии, во всяком случае, в открытом и тотальном. Это ей, во-первых, не нужно, во-вторых, это не эффективно, в-третьих, опасно, но главное — *не нужно!* Это тоже понять надо: деньги, информация, пиар все прекрасно делают. Современного передового человека уже не надо толкать взашей, он и так добровольно исполняет все как раз нужное. А почему? А потому что он органично включен сейчас во властный мир, или в мир власти, сам ею, этой самой властью, не очень-то и располагая, но в ней весьма решительно и последовательно участвуя — всем своим разумно неразумным поведением. Такого человека не надо в буквальном смысле вести, он сам в не менее буквальном смысле идет! Куда? А это уж куда власть захочет, куда ее и необходимость метафизическая понудит: что в трясину болотную, что на вершинный простор.

А впереди непременно будет при этом *Слово,* да, именно так — *Слово,* да еще и очень значимое слово, которое все и решит. Мы ведь исходим не из обычной ситуации-спячки, когда и всякая гадость хороша, а из необычной ситуации-пробуждения, когда выходит в мир и что-то достойное. От слова ведь очень многое зависит, — в человеке-то человеческого, равным образом, и божественного, только одно слово и есть. Конечно, не всякое слово потребно при реализации позитивного великодержавного проекта, но нужное обязательно придет: кто его первый произнесет, тот и будет тем самым *кто,* которого так всем хочется заблаговременно обнаружить. А как он это сделает и какие слова при этом найдет, это уже его дело, а не наше с вами непутевых граждан непутевого общества. Слово-то слово, но ведь и дело нужно. И придется нашему властному кто кое-что фундаментальное в общественность российскую закладывать, то самое, от чего и пойдет строительство, оно же и самостроительство, нового российского мира, — и этим *кое-что* должна стать *возможность решительно действовать непосредственно ради российского социума в целом,* а не ради его отдельных частей, как это делала и делает наша антисоциумная, антидержавная и антироссийская революция.

Каждого из нас, конечно же, всегда волнует «Что делать?» и «Как делать?». Но истинных концептуалов это не должно волновать — это вообще не их дело, — это дело властей предержащих, прежде всего, тех из них, которые как раз и реализуют *власть над властью.* Это им решать, что и как делать, а в нашу задачу входит лишь создание *благоприятной метафизической и концептуальной атмосферы* — да, да, именно атмосферы, а не самого по себе концептуального проекта.

Сказано ведь уже: «Мы — свободная нация. И наше место в современном мире, хочу это особо подчеркнуть, будет определяться лишь тем, насколько сильными и успешными мы будем». И сказано это было

В.В. Путиным — то ли ожидаемым героем, то ли его нежданным предтечей. А нам остается только согласиться с этими словами, добавив: «Будем, но лишь в великодержавном формате!».

Российское обновление.
Материалы Малых университетских форумов 2004, 2005, 2007.
М., 2007.

ИМПЕРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Имперское хозяйство — хозяйство, имеющее место в имперском образовании — империи, сочетающееся с имперским хозяйствованием, осуществляемым главным имперским центром и отличающееся особого рода имперскими целями и задачи, а также средствами и методами реализации.

Феномен *империи (И.)* хорошо известен истории, но почему-то мало замечаем экономической наукой, хотя даже при ближайшем рассмотрении заметно, что хозяйство в И. не может не иметь особенностей, заставляющих говорить не только о факте хозяйства в И., по ее поводу, но и об особого рода имперском хозяйстве (И.х.), имеющем достаточно знаменательную специфику: то, что может себе позволить И., не может себе позволить обычное государство, обычная страна, мало того, И. способна действовать не так, как обычное государство, ставя и решая только И. доступные задачи.

И. — обычно крупное, если не гигантское, властно-пространственное образование, отличающееся не только своими нередко огромными размерами, или великим пространственным распространением, а также внутренним качественным разнообразием, обусловленным включенностью в И. различных народов, стран, государств, культур, цивилизаций, но и несомненным могуществом — военным, политическим, идеологическим, экономическим, а также мощной организационной потенцией центра, часто представленного и как страна-метрополия — относительно стран колоний. В любом случае И. — над- или сверхстрановое образование, но также и над- или сверхгосударственный феномен. И дело здесь не в одних размерах и разнообразии имперского образования, хотя они и питают, безусловно, это «сверх», но и в особом качестве И. как действующего субъекта, который будучи, скажем, государством, несет в себе в то же время и определенную над- или сверхгосударственность, оказываясь по качеству своему как бы выше — не лучше, а именно выше — просто государства, пусть и большого. Империя, как правило — мегаобразование, но в этом «мега» заключены не только размеры и разнообразие, но и особое качество, которым не обладает неимперское образование. И. только тогда И., когда она имеет возможность реализовывать какое-то сверхбытие, выходящее за рамки бытия просто государства.

Государств много, но не всякое государство способно расширяться вовне или хотя бы иметь за своими пределами эффективное влияние, достигая при этом каких-то позитивных для себя результатов, не говоря уже о решении так называемых больших задач и реализации больших проектов, имеющих метастрановое, международное, регионально-континентальное или даже мировое значение. Имперский субъект-образование на все это способен: вот поэтому-то он и качественно, а не только количественно является над-, сверх-, мега- и метасубъектом-образованием.

И. бывают разные, они отличаются друг от друга разной руководящей идеей, заложенной в них концепцией, образующей формой, механизмом реализации. Типология И. разнообразна. Первичные, они же и простейшие И. преследуют более всего цели обогащения доминирующего в И. народа, а более всего, его элиты, а потому заинтересованы в ограблении и систематической эксплуатации подвластных метрополии народов и территорий, превращенных в униженные колонии. И. более высокого порядка могут выполнять функцию распространения принципов и способов метропольного бытия на зависимые и колониальные страны, в особенности, если это метропольное бытие оказывается приемлемым для восприятия подвластным И. чужестранным населением, перемешивающимся частично с метропольным, а также переселяющимся в саму метрополию. Получая огромные доходы от имперской периферии, имперский центр-метрополия получает возможность не только потребительного обогащения, но и собственного развития, в рамках которого перед ним открывается также возможность решать крупные хозяйственные, социальные, политические и военные задачи. Развитие метрополии может стимулировать развитие окраин. История продемонстрировала примеры тех и других И., но она имела возможность показать и И. иного рода, когда имперский центр не превращается в господствующую метрополию, а имперская периферия — в эксплуатируемые метрополией колонии. Так, Российская Империя, имея, конечно, доминирование центра над периферией, не обладала ясно выраженным метропольно-колониальным устройством, наоборот, она представляла возможность периферии, тесно сопряженной с имперским центром в рамках единого пространственного образования, более или менее успешно развиваться, ориентируясь на имперский центр. История продемонстрировала и совсем странную И. — СССР, когда окраины получили возможность бурно развиваться даже за счет исторического имперского остова: возник даже своеобразный феномен «метрополии-наоборот» и «колонии-наоборот», когда не метрополия живет за счет колоний, а вроде колонии живут за счет вроде бы метрополии.

И. бывают разные, но не для всех, что важно здесь подчеркнуть, характерна реализация каких-то сверхзадач, пусть и самых примитивных

по потребностям и замыслу, но все-таки недоступных для обычного государства. И.х. — не просто государственное хозяйство, пусть и особенное, — это именно сверхгосударственное хозяйство, обязанное действию метагосударственных сил и напряжений. Хорошо сказать, собрать дань, а попробуйка это сделать — без устойчивой и систематически подтверждаемой силой соподчиненности, без имперской, если речь заходит об И., организации. И собирала имперская Золотая Орда две сотни лет дань с Руси, и баскаков (сборщиков дани) на Руси имела, и целую податную систему разработала — так разве ж это не имперского типа было хозяйство? А вот Англия, сама уже бывшая капиталистической, предпочитала более действовать через посредство капитала, во многом и частного, а обеспечивала английский колониальный капитализм опять же И. Так что не отделить от И. имперского хозяйства — даже в самых простейших случаях, а что говорить о реализации сложных, ставящих перед собой и сложные задачи, И.? — если есть И., есть и И.х. — это главное.

И. — это непременно большой проект. Как сама И. — такой проект, так и ее практическая реализация. Без больших проектов, т. е. выходящих за пределы обыденного, привычного, заурядного, равным образом, неамбициозного, неволевого, неимпульсивного, а попросту — малого, И. нет и быть не может, если, конечно, речь не идет о совсем уж дряхлых имперских образованиях, когда их великость — не более чем зажившаяся на свете пустая форма. Для нормальной и животворной И. характерно большое проектирование, что придает И.х. особые характер и значение. Если хочешь добиться чего-либо великого, то будь И., веди И.х., что не исключает, конечно, великих достижений у агентов, формально И. не являющимися, как было, например, в той же Италии эпохи Возрождения, где, правда, наличествовал все-таки великий волевой центр — римское папство (как бы и своеобразное императорство). Но так или иначе И. и И.х. присущи великие деяния, обоснуемые, кстати, не одними житейскими амбициями, но и чем-то выходящим за пределы повседневности — историческими корнями ли, сгущениями действующих исторических энергий, обращенными к будущему историческими императивами. Обоснования И. и И.х. уходят в глубины исторического времени-пространства, а если под реальной историей понимать только факты, то и за пределы собственно фактического ряда. Большие проекты и великие деяния имеют свою трансцендентность, они соприкасаются с историческим и бытовым запредельем, а потому И.х. есть хозяйство, в значительной степени оправдываемое часто лишь на уровне метасмыслов, столь трудно улавливаемых.

Прорыв человечества в космос, к примеру, обеспечили две по сути И. — СССР и США, вступившие в жесткое соревнование друг с другом, если не за мировое господство, то за мировое лидерство. Только И.х. двух

мировых гигантов, позволивших себе стянуть воедино необходимые ресурсы и бросить их на великие космические проекты, сопряженные, конечно же, с военными, смогло обеспечить решение великой и весьма амбициозной задачи. Это наиболее яркий пример. Но ведь И. в рамках своих И.х. приходится решать и другие задачи, отнюдь не захватнические и не грабительские: науки, техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и т. д. Академия наук СССР и наукограды — имперская наука; научно-производственные объединения (НПО), специальные конструкторские бюро (СКБ), технограды в СССР — имперская техника; Московский и Ленинградский государственные университеты, Московское высшее техническое училище и Ленинградский политехнический институт (со всем сонмом высших, средних и иных учебных заведений) — имперское образование; Пироговские клиники в Москве и Военный госпиталь в Ленинграде (со всем сонмом клиник, больниц, институтов, лабораторий) — имперское здравоохранение; Большой театр СССР в Москве и Ленинградский театр оперы и балета (со всем сонмом театров, студий, училищ) — имперская культура; Центральный стадион в Лужниках, спортивные общества и школы (со всем сонмом стадионов, обществ, школ) — имперский спорт. Возможны и имперский Госплан СССР, и хозяйственные министерства, и пятилетние планы развития народного (национального, имперского) хозяйства. Мы уж не говорим об имперской армии, полиции (милиции), том же ГУЛАГе. Многое возможно, все возможно — на то и И., на то и И.х.

И. — не одна лишь история. Да, сейчас не принято называться И., но это не значит, что не принято быть или хотеть стать И. США — И., претендующая на глобальность, на доминирование на всей планете. Китай — как был, так и остается И., развивающейся и усиливающейся. Европейский союз — активно становящаяся И. Индия — имперское образование. Это примеры вполне реальных И. — как интериорных и гомогенных, так и экстериорных и гетерогенных. Однако есть и латентные, скрытые имперские образования: Англия и бывшие колонии, Франция и бывшие колонии, Нидерланды и бывшие колонии. Разве лишь Испания с Португалией явно не могут уже быть метрополиями для своих бывших колоний. Зато Германия и Израиль проводят вполне имперскую политику. Не без имперских амбиций Иран и Бразилия. Стремится к какому-то имперскому образованию исламский мир. А сама глобальная система управления миром (из единого центра) разве не является имперской? А доллар и евро — не имперские ли валюты? А какой-нибудь международный валютный фонд — совсем уж без имперских амбиций?

В общем, вокруг в мире И., имперские образования, имперские политики, имперские амбиции, а заодно и системно или частично реализуемые И.х. Однако и будущее что-то не просматривается без И. и всего

имперского. Разве не станет больше сверхзадач, больших проектов и великих деяний? Можно, конечно, подумать, что все это сможет выполнить одна глобальная И., которой называться И. уже не будет никакого смысла, а потому имперская будущность вроде бы не имеет фундаментального продолжения: одна на весь мир И. как бы и не И. Но все не так просто: мы уже сейчас различаем в мире несколько И., мало того, растущих, развивающихся, крепнущих И. Тогда что же, все они спокойно и исчезнут под успокоительную мелодию глобализма? Вряд ли, скорее наоборот — они будут драться за себя и свое будущее. И выходит, что будущее просматривается более имперским, чем неимперским, но, разумеется, новоимперским. Будущее за новыми империями.

Новыми не по номиналу, не по именам, а по сути. Нравится нам это или нет, но мир меняется, становится другим — новым миром, в котором лидирует сейчас мир Постмодерна. Это не значит, что настоящие или будущие И. должны непременно быть постмодерновыми, но не учитывать новые реалии, в том числе и постмодерновые, новые И. не могут. В самом деле, когда в практической жизни, ее организации, почти что исчезает фактор времени-пространства, когда географические, экономические границы если не совсем прозрачны, но легко преодолимы, когда на место общества приходит лишенный корневых связей бесформенный социум, когда вместо человека, наполненного кровными, национальными, сакральными и прочими устаревшими предрассудками (заметим — пред-рассудками!), является чистый человекобраз, когда сознанием легко извне манипулировать, замещая сознание простым знанием, когда можно эффективно осуществлять бесконтактное и вообще невидимое управление поведением человекобразов и социумов, из человекобразов состоящих, когда техника одолела природу, когда наука рядом, во главе и на поверхности, а философия на горизонте, в хвосте и где-то в недосягаемой глубине, когда материальное одолевает духовное, когда священные тексты и классическая литература мало что значат, но зато процветают телевидение, шоу и легкочтение, когда… и т. д. и т. п., любое властное образование не может не быть каким-то по-новому специфическим. По-новому специфическими становятся и станут в дальнейшем и И. Однако, воспринимая новое, И. могут и должны реализовывать себя по-разному, в том числе и по отношению к самой контекстовой новизне — причем не в деталях и чертах, что понятно, а принципиально по-разному, относясь совсем не одинаково к практическому постмодернизму.

Можно, и это для каких-нибудь США уже неизбежно, строить именно постмодерновую империю — с соответствующими доминационными задачами и лукавыми механизмами; паразитарного характера И.,

эксплуатирующего планету, природу, человечество, остающиеся, но приспособленные под постмодерновую И., модерн и премодерн. А можно строить и антипостмодерновую империю, преодолевающую постмодерн, возрождающую премодерн, а в итоге споспешествующую формированию какого-то альтернативного мира, ищущего органического равновесия между миром данным и миром созданным.

Активно утверждающийся в современном мире империальный глобализм поставил под сомнение существование локальных родных миров, а вместе с ними и национальных образований, представленных государствами. Хорошо видно, как локальные миры теряют значение, растворяются, исчезают, как локальные субъекты превращаются в субсубъектов, как нации перестают быть таковыми, как государства все более выступают в роли субгосударств, а национальные экономики становятся все более субэкономиками. Теперь не локальные образования и субъекты образуют мировую целостность, а мировой глобальный центр строит по своему усмотрению мировую целостность, допуская присутствие в ней локалий на правах лишь субобразований и субсубъектов. Сугубо национальные локалии, т. е. неимперские, сегодня уже не самостоятельные локалии, это далеко уже не автохтоны, составляющие мировое сообщество, — это не более чем статисты мировой истории, послушно исполняющие центральную глобальную волю. Та же Организация Объединенных Наций (ООН) — не согласительное международное учреждение, в котором участвуют равноценные и равноправнее игроки, пусть и разного калибра и значения, а место, где глобальный центр в лице США диктует свою волю мировой «национальной братии», а «национальная братия» послушно следует не без искрящегося самодовольства за «глобальным папой». Национальные локалии, судя по всему, приговорены историей, и если от них что и остается, так это пустая форма и кое-какие второстепенные, уже и совершенно исполнительские функции (типа сбора налогов, выплаты долгов мировому центру, а также самой обыкновенной полицейщины).

Угасание национальных образований и центров, идущее под давлением империального глобализма, питает необходимость и усиливает актуальность локальных имперских образований и центров, как раз того, что и совершается в современном мире, однако не просто И., а И. особого рода — антиглобалистского, способных противостоять глобальной И. и вывести мир на путь солидарного планетаризма. Империальный глобализм, он же и глобальный империализм, или ультраимпериализм, как было принято выражаться совсем недавно — большой проект в рамках И.х., но глобоимперского хозяйства. Империальное противодействие этому глобопроекту от локоимперий тоже обусловливает большие имперские проекты. И если глобопроект — за то, чтобы подчинить, а то

и стереть с лица Земли какие бы то ни было самостоятельные локалии, то локопроекты — за то, чтобы не допустить глобоимперии, сохранить родные миры и построить новый планетарный мир на принципах, может, и вынужденного, но все-таки общежития народов, языков, культур, цивилизаций. Это, конечно, в лучшем случае. В худшем — межимперская война, Армагеддон. Грядущая тотальная война — тоже проект, однако чей? История и рассудит, если, конечно, успеет, да коли достанет ей ума и сердца. И.х. может вылиться во что угодно, как и действовать за или против человека, даже самой жизни. Но выступать вообще против И. и И.х. человек думающий и творящий не может, ибо И. сами по себе — не зло и не добро, они просто необходимость, а коли так, то в задачу человека думающего и творящего входит построение приемлемой для жизни и творчества И., ведущей и соответствующее И.х. Ясно, что И. и И.х. будут разные, что ничто не исключает возникновения злостных И., что человечество может постигнуть и небезимперская катастрофа. Но в том то и дело, что сегодня, а уж завтра тем более, исторический субъективизм усилился и усилится настолько, что только величайшая ответственность локальных имперских элит, сознание которых формируется в последовательном противостоянии глобальному империализму, может обеспечить спасение и выживание всего планетарного человечества. Локальная имперскость с положительным знаком — не единственный ли провидческий шанс у думающего и творящего человека?

Россия сейчас — если и не И., то явно имперская страна. Впрочем, почему же и не И. — разве лишь ослабленная и больная? Тут много споров, но если приглядеться повнимательнее, то увидится вдруг, что последняя реформа — революция была проведена совершенно по-имперски, правда, не вверх — к могуществу, а вниз — к слабости, но все-таки по-имперски, конечно, с отрицательным знаком, да и остается Россия вполне имперской по своей внутренней организации, по духу, по поведению населения, по его ожиданиям, по действиям правящих кругов, по приверженности российской периферии центру; почему бы России не остаться имперской страной и на перспективу, разумеется, существенно обновившись — да так, чтобы изменить знак бытия с отрицательного на положительный? А ведь развитие мира, беременного тектоническими сдвигами и имперальными пертурбациями, — более за российскую империю, чем против нее — не субъективно, а объективно. Или И. в России — без императора, конечно, и дворянства, или России вовсе не будет. Отсюда и важность введения нормально имперского проекта — спасительного и жизнеутверждающего. А вот кто это сделает и каким конкретным образом — пусть решает история!

«Философия хозяйства». 2005. № 1.

ИМПЕРСКИЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ РОССИИ

Имперскость — как трансцендентное начало или реальность всегда была свойственна любому историческому социо-государственному образованию, размещавшемуся сначала в восточноевропейском, затем в евразийском, скажем так, *русо*-пространстве. Не утверждая категорически, что уже Рюрик был имперским государственником, мы можем довольно обоснованно предположить, что им был великий князь Святослав Игоревич, явно наметивший и осуществлявший имперского типа социо-государственный проект. Конечно, законченная империя возникла в русопространстве гораздо позже, но всех сколько-нибудь выдающихся в строительстве государства Рюриковичей трудно не почитать если не за прямо имперских, то хотя бы имперского типа деятелей. Думается, что Петр Великий — далеко не первый «имперец в русопространстве: до него были и Ярослав Мудрый, и Александр Невский, и Юрий Долгорукий, и Иван III, и Иван Грозный, не говоря о других имперских фигурах. Имперскость, так сказать, в крови у россов, а лучше сказать, у русопространственников, если под этими именем и наименованием понимать восточноевропейское, со славянской сердцевиной и славянской объемлемостью, население. Формально Российская империя идет от Петра I, но фактически русо-империя куда как более раннего происхождения. Рассуждая об империи и имперскости, нельзя проходить мимо не только имперіальных корней и реальных имперских попыток, но и самой потенции к империи, гнездящегося в социо-историческом времени-пространстве и ждущего адекватного разрешения имперского духа.

И сегодня Россия — имперское социо-государственное образование. Это не легко и не сразу можно признать, но это так: российская имперскость, пережив крах Российской империи в 1917 г., восстала в СССР, а сейчас продолжает быть в нещадно реформируемой демократически Российской Федерации. Разумеется, это не номинальная, да и не слишком явная империя, тем более не здоровая, не сильная, не растущая. Вообще-то она и не особенно позитивна, если не сказать — негативна. Как ни странно, но в этой империи силен не только худо-имперский, но и непосредственно *анти*-имперский момент. Империя ныне борется сама с собой… во многом и… имперским образом. Самая что ни на есть *парадоксальная империя* бытует сегодня в России. Но что интересно: не может она ни отказаться от себя, ни себя преодолеть. Фактически в стране идет некая внутриимперская борьба: за и против империи, имперскими и неимперскими методами, но при этом и за обновление империи, за ее *новый образ.* Сложнейшая бифуркационная ситуация. Апокалиптический имперский кризис, благодаря которому и из которого либо конец России, либо ее ново-имперское будущее.

Имперскость России — факт не одной только прошлой, но и

вполне современной истории. Имперский дух сидит в России, он болеет, скукоживается, скулит, а то и нестерпимо воет, но он и работает — то за, то против России, как и самой российской империи, сосредоточивается, к чему-то готовится, что-то, может, и замышляет. А куда ему деться, коли нужен он в России — вполне, кстати, и объективно?! Думая о современной России, нельзя не думать об органичной ей имперскости, а размышляя о будущем России, нельзя не помышлять о возможностях, исходящих от этой самой имперскости. А ведь имперскость — это вовсе не агрессивность и экспансионизм, — это более всего внутренняя организация, как и не обязательно авторитарная и жесткая, тем более тоталитарная. Это такое устройство общества и государства, а лучше сказать, такое их самочувствие, когда возможны постановка и решение особенно масштабных и серьезных задач — так называемых *сверхзадач,* разработка и реализация особенно крупных, даже и глобальных, проектов — *сверхпроектов,* — и все это при сохранении живого качественного разнообразия в социуме, культуре, цивилизации. Такого рода империя — единство в разнообразии!

Непростые все они — эти имперские вопросы! Вот почему идет в стране оживленная дискуссия, вот почему она посещает научные подворья. Имперская проблема — совершенно научная проблема, философская, мировоззренческая, и совсем не отвлеченная, не кабинетная, не академическая. Это большая практическая проблема, от понимания которой зависит движение России в будущее, да и не только одной России — всего мира! Современный обществовед, в особенности, российский, не может закрыть глаза на актуальную проблему, он просто обязан ее осмысливать, вырабатывать к ней отношение, тем более что имперская проблематика сегодня не стеснена никаким табу.

Имперские предчувствия России / Под ред. Ю.М. Осипова и др., М.: Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2005.
«Философия хозяйства». 2005. № 5.

РОССИЙСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ДЕГРАДАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Социально-экономические реформы, проводимые с начала 1990-х гг. и не заканчивающиеся по сей день, вызвали, с одной стороны, превращение российского хозяйства в полноправную *экономику,* когда в хозяйственной жизни начинает целостно доминировать *стоимость,* соответственно деньги, капитал, финансы, а с другой — небывалый по силе, продолжительности и характеру *всеобщий хозяйственный кризис,* который иначе, как *апокалиптическим,* назвать невозможно.

Хозяйство, которое до начала 1990-х гг. не было в полном смысле

слова экономическим, а было в основе своей планово-административным, по преимуществу и натуральным, хотя и использовавшим в подчиненной роли экономические формы и механизмы, подверглось решительной *экономизации* (капитализации, финансизации) с тотальным преобразованием общественной собственности в частную, радикальным разгосударствлением всей хозяйственной жизни, навязыванием хозяйствующим субъектам полной функциональной свободы и полным открытием российского хозяйства во внешний мир.

Хозяйство, становясь почти мгновенно экономическим, впало в *деградационный кризис,* из которого выйти не может до сих пор, а главное, обрело весьма специфический образ бытия, главной характерной чертой которого стала *паразитарная эксплуатация молодой экономикой старого производительного потенциала,* доставшегося ей от старой и революционно разрушенной хозяйственной системы. Произошло не целостное и повсеместное преобразование неэкономического хозяйства в экономику, а всего лишь водружение паразитарной экономической надстройки на старое производственное основание, однако не на все в целом основание, а лишь на то, которое оказалось пригодным для экономической эксплуатации в условиях полной самостоятельности производств и открытого во внешний мир национального хозяйства. Отрасли готовой продукции, в особенности, высокотехнологические, машиностроительные и сельскохозяйственные, были принесены в жертву, а энерго-сырьевые и полуфабрикатные подведены под прибыльную эксплуатацию.

Надо понять, что экономика *сама по себе* непроизводительна, но зато *сама по себе* крайне паразитарна, хотя в определенных условиях способна быть стимулятором хозяйственного развития. Это бывает тогда, когда экономика сочетается с поднимающимся и развивающимся хозяйством, когда не столько экономика ведет хозяйство, сколько хозяйство использует экономику. Так было в англосаксонском, частично европейском и в особенности североамериканском мирах, да и то не настолько само собой, как это обычно представляется. Однако так не было никогда в России (если бы Сталин пошел по экономическому пути, ему бы не удалось сделать никакого индустриального, научного и вообще творческого хозяйственно-производительного рывка; поэтому-то Сталин подчинил экономическое начало планово-административной системе; Сталин искал политэкономического объяснения своей прагматической интуиции, но так и не нашел, ибо политэкономия не была вообще способной что-либо подобное объяснить (это делает философия хозяйства, разделяя по смыслу хозяйство и экономику); в то же время Сталин хорошо понимал, что нельзя обойтись совсем без экономики, но… подчиненной экономики, а не господствующей). И если где-то экономика

могла иметь место вместе с развивающимся, пусть и с периодическими кризисами, хозяйством, не настолько над ним паразитически господствуя, чтобы не давать ему развития: накопление капитала совпадало по мотивам бытия с накоплением реального производства, то в ельцинистской России все произошло прямо наоборот: экономика заняла господствующее положение над не ею созданным целостным воспроизводственным базисом, проявив при этом не стимулирующие хозяйственно-производственное развитие способности, а чисто паразитарные, как раз ей и более свойственные, занявшись ничем не ограниченной эксплуатацией готового производительного организма.

Произошло в России нечто воистину странное, но при этом и весьма любопытное: насильственно созданная экономика не столько преобразовала, сколько захватила хозяйство, подстроила его под себя, бросив или вообще прикрыв одну его половину, прочно села на другую, но для нее особенно интересную, т. е. легко доходную, околдовала ее и занялась ее усиленной эксплуатацией, не помышляя особенно ни о ее развитии, ни тем более о развитии хозяйства в целом. Экономика преуспела в России в паразитизме, строя дворцы и покупая «Челси», и вовсе не преуспела в хозяйственном развитии, ничего не инвестируя в науку и сложное производство.

Нет, российское хозяйство не стоит совсем на месте, оно движется, даже растет, в чем-то и обновляется, пожалуй что, и развивается, но… в пределах и под нужды сложившейся внезапно системы его экономической эксплуатации. Экономика в России не дала, не собирается давать, да и, кажется, не может дать никакого всеобщего, целостного и возвышательного эффекта в направлении развития национального хозяйства. Свидетельством тому хотя бы наличие сейчас больших масс свободных денег-капиталов, которые-де некуда нашим замечательным предпринимателям инвестировать.

Исключительная ситуация сложилась в российском хозяйстве: экономика, великолепно, т. е. высокодоходно, эксплуатируя доставшееся ей просто так, под себя приспособленное и оставленное исключительно для себя хозяйство, никак вообще не заинтересована, а, скорее, и просто не способна, развивать это хозяйство, не столько даже ведя его базисное обновление и масштабную реконструкцию — об этом с нашим предпринимательством не приходится и мечтать, но хотя бы переводя свободные капиталы в сферу еще существующих науки и высокотехнологичного производства, оживляя в них творческий и производительный потенциал. Даже автомобильной промышленностью не может или же не хочет заняться наш бизнес-мир. Ему ничего не интересно, кроме перевода капиталов за границу.

Отсюда получается, что *российское хозяйство очень выгодно эксплуатировать, но совсем не выгодно развивать!*

Патовая для хозяйства и общества, но крайне выгодная для паразитарного бизнеса ситуация. И если отечественному бизнесу совсем не интересно заниматься подлинным развитием отечественного же хозяйства, то почему же это должно быть интересно иностранному капиталу? Ни в коей мере! Внешним силам как раз выгодно половое бессилие российского капитала, которому еще дозволяется заниматься перекачкой материальных и финансовых ресурсов из России за границу, но уж никак не положено заниматься подъемом, допустим, отечественной авиационной промышленности, — он этого, к счастью для него и всей заграницы, вовсе и не хочет.

Что касается государства, то оно ничего подобного тем более не хочет, ибо проводит прямо противоположную такому желанию политику — во-первых, все той же эксплуатации отечественного хозяйства, во-вторых, невмешательства в дела частного бизнеса, неуемно эксплуатирующего страну, в-третьих, перекачки финансовых ресурсов, собираемых в качестве налогов, за границу. Государству, а точнее, его чиновничьему аппарату, тоже выгодно получать свой барыш, делясь им лишь с Уолл-стрит, ничего не делать рискованного, ответственного и сложного, поощряя при этом всеобщий экономический паразитизм.

Общество, а лучше сказать, население, тоже постепенно привыкло к паразитарной эксплуатации природообусловленного хозяйства, его производительной базы, созданной предшествующими поколениями, по-разному и с различным успехом в эту эксплуатацию включилось, ни о чем перспективном особенно и не думая. В почете ныне не производительный труд, а труд по извлечению экономического, паразитарного свойства, дохода — не такого, как у олигархов, но все же! И обездоленным и не занятым серьезным доходным трудом массам тоже находится место в общей непроизводительной кормушке, разумеется, на доступном, а лучше сказать, данном им, уровне.

Выходит так, что никто в сегодняшней России, кроме разве кучки сознательных энтузиастов, не заинтересован сам по себе в хозяйственном развитии страны, в выведении ее из деградационного тупика, в выходе на путь развития и в переводе страны на более высокий уровень исторического бытия. Население во главе со своей правящей и якобы идущей впереди элитой занято не процветанием родной страны, а ее *проеданием,* оно готово заняться при случае и ее окончательной *распродажей.* Недаром же даже у самых крутых патриотов дети и внуки вовсю обучаются и устраиваются почему-то… за границей: только не здесь, не в этой стране, не сегодня! Но ведь и никогда!

Никакая экономика, никакое экономическое население, никакое

экономическое сознание в современной России, где хозяйство захвачено экономикой, ею околдовано и ею же нещадно эксплуатируемо, не способны ни к какому возвышающему, а не всего лишь к обслуживающему экономическую эксплуатацию развитию. Никто в современной России, кроме отдельных беспокойных пассионариев-патриотов, ни в каком таком развитии не заинтересован, да и вряд ли кто из «знающих, что хочет», и «умеющих жить» вообще способен что-либо такое вообразить. Ростки развития сами по себе в этой стране не явятся: ни великой заинтересованности тут, ни потребных скоплений созидательных энергий, ни соответствующих программ.

Тупик? Да, *тупик.* Патового свойства и патологического характера тупик. Не развиваемся мы уже самостоятельно, а если и развиваемся понемногу, то только заимствуя нововведения извне — чтобы как раз серьезно и самостоятельно не развиваться, но… соответствовать, — однако и *живем все лучше и лучше* (миллионы совсем отставших тут не в счет, они просто обречены, если сами ни в чем и не виноваты, тем более что по преимуществу это русские, а ненужным уже рабам… и дорога, — сколько рабов повсюду гораздо лучшего качества!). Не эпилептический тут вовсе, а совершенно *апокалиптический* припадок, если не полное умопомрачение, может, и инфецированное, но что из того? — не все же этому поддались! *Экономическое умопомрачение,* оказывается, тоже бывает. *Экономический тупик,* выходит, возможен. Не тупик экономики — в традиционном ее понимании, а хозяйственный тупик из-за экономики, — уже в нетрадиционном ее понимании, когда экономика гасит хозяйство как организменную целостность, не дает возможности ему самостоятельно и возвышательно развиваться. Такова ныне ситуация в России — совершенно перед лицом экономических учебников парадоксальная!

Что ж, из парадоксальной ситуации и выход должен быть парадоксальный: не на путях экономики и экономизации, а на путях хозяйства, т. е. никакой не экономики и никакой не дальнейшей экономизации. Прямо противоположный — *контрреформационный,* но со стрелкой вперед, а не назад. Пора! Не экономическую революцию углублять, а внедрять хозяйственную реформацию, способную подчинить экономику хозяйству и обществу, вызволить в хозяйстве и обществе созидательные силы. Экономика в России уже сделала свое дело, весьма, увы, черное, она сработала исключительно для себя и своих агентов, но никак не для всего целостного, к тому же по-настоящему развивающегося, хозяйства, она продемонстрировала, как можно обогащаться, но совсем не показала, как нужно развиваться. Нет, не закрывать вовсе надо экономику, как она, кстати, закрыла хозяйство, а подвести экономику под опеку хозяйства, ввести ее в систему хозяйства, заставив служить не себе, а хозяйству!

Приоритет должен быть за хозяйством, а не за экономикой!

Хозяйство — далеко не одно лишь производство и потребление благ. Это, в частности, и производство… *самого хозяйства,* а в хозяйстве ведь не одна только собственно промышленная сфера, но и все непромышленное — вплоть до политики. С точки зрения исторической перспективы Россия нуждается в таком хозяйстве, при котором может возникнуть совсем иное, чем сейчас, — новое хозяйство, — и первостепенную роль в возникновении *нового хозяйства* может и должна сыграть самая что ни на есть неэкономическая составляющая хозяйства — *политика,* которая вовсе не обязательно должна только учитывать интересы объедающейся Россией экономики, а способна обернуться вдруг, по воле какой-нибудь возникшей нежданно-негаданно заинтересованной в самостоятельной и процветающей России силы, политикой *хозяйственной,* в рамках которой экономическая составляющая займет не ведущее, как сейчас, а служебное положение. И волю эту можно реально провести в жизнь в России только из *хозяйственного центра* (заметим, только центра и только *хозяйственного!*), причем центра имперского (разумеется, новоимперского!) характера, ибо только имперскому центру посильно в России решение уникальных *сверхзадач.*

Чудо, нам скажут, — конечно, чудо — согласимся мы, но разве не чудом, — причем *имперски* проявленным, правда, с дурным знаком, — стала свершившаяся в стране прихватительная и паразитарная экономическая революция, так почему же тогда нельзя случиться другому чуду — *контрэкономическому,* коли в итоге такого чуда только и сможет воскреснуть Россия? Тот факт, что население России не очень-то жаждет сейчас коренного обновления хозяйственной жизни, довольствуясь громким чавканьем одних и беззвучным мычанием других, вовсе не означает, что Россия как *сакральная субстанция* должна смириться с позицией ее нынешних насельников, не вызывая того переустроительного *чуда,* которое как раз и должно свершиться в униженной, заколдованной и обкрадываемой лукавой экономикой, давно уже ставшей глобальной России, ибо Россия уже понемногу приходит в себя, освобождается от экономических чар и национально-хозяйственно прозревает — разве не так?

«Философия хозяйства». 2005. № 5.

РОССИЯ: ПОИСК СВОЕЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕЛИ

Россия — страна, но не просто страна, а страна-мир, в которой все *супер* — суперобщество, супергосударство (империя), суперхозяйство (пространство, космос), суперэтнос (множество взаимосвязанных народов). Дело здесь не в одних размерах, но и в разнообразии, а также в управленческой центрированной иерархии. Отсюда и суперэкономика (центрированная, иерархически обустроенная, империальная). И уж если говорить об *этноэкономике,* то в России имеет место *суперэтноэкономика, т. е.* суперэкономика в сочетании с суперэтносом. Выходит, что дело не в борщах и шашлыках, а в особом устройстве хозяйства и экономики. Только *суперорганизация* может дать суперхозяйство и обеспечить воспроизводство суперэтноса. Это *имперская организация,* которая была, есть и будет, пока есть и будет Россия. Очень не нравится многим эта имперскость России, но другой она быть не может (была феодально-монархическая империя, потом советская, социалистическая и партократическая, а сейчас вот капитало-олигархическая). Разве не видна сегодня империя с ее московским финансовым капиталом, равным образом и управляющим всем и вся Кремлем. Торжествующая вроде бы свобода в экономике не должна никого смущать — главное все равно остается за имперским управлением. И сама реформа в России, точнее, революция — имперская. И другой она быть не может. Вот уже и кое-какие контрреформные действия носят имперский характер. Разумеется, империя российская в кризисе, но она есть, она никуда не делась, более того, она вовсе не неэффективна. Вообще, имперскость — вещь метафизическая, трансцендентная, совершенно и объективная. Сегодня империя неудовлетворительна, ибо не обеспечивает нормального воспроизводства суперэтноса. Она в этом плане не *этно*-империя. Остается пожелать ей побыстрее выйти на рубеж именно этноимперии, работающей не только на основе суперэтноса, но и в его пользу — на целостное воспроизводство и осмысленную жизнь.

«Философия хозяйства». 2005. № 6.

ЗАДАЧИ РУССКОГО ДЕРЗНОМЫСЛИЯ

Русскость — не национальность,
а культура, не культура,
а субстанция, не субстанция, а ось.
Восприимчивость — не порок.
Чужебесие — отбраковка.
Мóрок — сила!

Не надо требовать раскрытия русскости на языке современности — это бесполезно. Достаточно того, что русскость — не европейскость и не азийскость. Что-то своеобразное и, судя по неистребимости, в основе своей самодостаточное.

На поверхности и в повседневности — разноречивое, невнятное, часто малопривлекательное, а иной раз и просто гнусное. Да и русскость ли это? Скорее, псевдорусскость, искажение, заморочка.

Да, на поверхности и в повседневности русский человек не слишком пригляден, а нередко — отвратителен. Что есть, то есть. Он этого и не отрицает, как особенно и не прихорашивается. Какой есть, такой и есть.

Русский.

Кому-то он не нравится, кто-то его ненавидит, но кто-то и ценит. Видно, есть за что.

Вглядимся повнимательнее, сквозь поверхностную и повседневную пену (у которой, разумеется, своя история). И что увидим? Что-то совсем другое, не пенистое, и вполне достойное, а главное — характерное и хара́ктерное. И воплотителей этого другого отыщем, прямо скажем, немало. Тоже ведь русских, но вовсе не отвратительных, скорее, наоборот, притягательных. И представится тогда история, да что там история — вечность, — со всем своим светом и со всей своей тайной, как и со всей своей сложностью и простотой. Прост, но одновременно и невероятно сложен — этот русский человек, который как бы уже все знает и ничего поразить его уже не может. Сам по себе он, из другого мира, не от мира сего, хотя и в мире сем обретается.

Именно обретается.

Живет и дает жизнь другим. Не жить дает, что и так ясно, а именно жизнь. Особого племени этот русский, древнего, изначального. Того самого, что покоя не дает. Никому!

И нет для него указа. Ни от как бы своих, ни от тем более чужих. Не нужны ему указы, сам себе он указ.

Никто не знает, почему это так, но это именно так. Удивительно!

От седой древности идет — идет и поражает. В самое сердце — что добрых, что злых, что своих, что чужих.

И никто его не лелеет. Признает, скорее, иной раз и поддерживает, но не лелеет. Не положено. Иначе, видно, *русскости* не будет — той самой, из глубины и на перспективу.

Трансрусскости.

Из-русскости, чрез-русскости, за-русскости.

Русскость вообще-то молчалива. Она более деятельна-бездеятельна, чем говорлива. И, разумеется, словесна. А временами и весьма выразительна.

Русское слово.

Нет, не русский строй славен, не русские дороги, не русские вещицы, а слывет по-хорошему и повсюду русское слово. Необыкновенное. Слово-мир, слово-жизнь, слово-космос. Не упорядоченное вовсе, но и не хаотическое. Поэтическое. К истине тянущееся. Да не к материальной более, а к духовной. Слово-песня.

Материальное начало для корневого («из глубины») русского — лишь помеха, вынужденность, обуза, а потому и не главное. И не хочет он, да и не может, ему довериться, бытие свое соответственно настраивать. Нет у русского веры в материальное, нет, хоть убейся. И плохо ему от этого, трудно. И в то же время и легко, и вольно.

Не любит русский и устойчивых идеальных форм, ум и душу стесняющих. Законов, уставов, графиков. Как и идеологий. Грустно ему от них, да и не нужны они вовсе — только смущают. Органическую, т. е. не выраженную непременно во внешней ограничительной форме, приемлет он мудрость, из природы самой жизни трансцендентно вытекающую. С правилами он, конечно, считается, причем сам по себе, почти инстинктивно, но вообще-то русский — самый свободный человек в мире.

Закрыт он для чужевливаний, но зато открыт для самотворчества. А коль скоро возможностей для самобытия, скажем откровенно, маловато, то и приходится иной раз и поюродствовать, и подурить, и покривляться.

А почему же нет возможностей? Да потому что кругом одна материя и одно от нее удовольствие — хоть доброе, хоть худое. Кругом ведь одно устроение — бытовое, вовсе и не милое, даже пошлое, зато, правда, весьма эффективное. Кругом, попросту говоря, морок, и никуда от него не деться, может, до срока, а может, и навсегда. Вот и попробуй среди морока, который навязчив и плотен, побудь-ка самим собой, да еще и в полном развороте своих потенций. Оттого приходится и сдерживаться, и бегать, и исчезать. В обороне отсиживаться. Однако — стоять.

Стоять.

И выживать. Живя при этом особой жизнью — органически духовной! Недоступной для большинства. Непонятной ему, неприемлемой и не нужной.

Морок, он и есть морок. Стар он, но не немощен. И всегда молод. Многолик и изменчив. Ловок. И силен. Владетелен. Пространство держит и время. Почти все пространство и почти все время. Однако «почти», т. е. почти-пространство и почти-время. Не всем он владеет временем-пространством, не всем. Почти, да не всем. Чем-то, да не владеет. И никогда — никогда! — не овладеет. В том числе и временем — пространством русскости, той самой, что из древности, издревле, из древа, т. е. оттуда, из другого мира, от корней и вершин, от дорогого, неомраченного, незамороченного. Вот она — загадка русской жизни, почуять которую можно именно здесь, в русскости, среди отвратительных русских и рядом с притягательными русскими, для чего не надо ни Европы, ни Азии — в смысле себя-экспорта и не себя-импорта.

Оглянись вокруг, русский человек, и задумайся, а задумавшись, оглянись вокруг, — грустно станет тебе, очень грустно, но и радостно, но это уже потом, после, по размышлении, по переживании, не сразу.

Вот и современность.

То ли модерн, то ли постмодерн.

А почему, собственно, «модерн», а почему «постмодерн»? Выходит, что модерн и не модерн вовсе, а так — пустышка, а вот постмодерн — это да, это здорово, это сила. Но где гарантия, что и «постмодерн» не пустышка? Ведь будет же и постопостмодерн? Да и вообще, почему это вдруг современность в «модерн» и «постмодерн» превратилась, т. е. в одно и в другое, сразу в «неправильное» и в «правильное», в ложное и истинное, причем все это на словах. Были одни слова, теперь другие, или те же слова, но при иных смыслах. Смена дискурса? Что ж, со сменой дискурса можно и согласиться, но причем тут «модерн» и «постмодерн», если то и другое — современность? Знаки нам ответят, всего лишь знаки — интеллектуальные знаки. Но почему же тогда без содержательного наполнения, вне изменяющейся реальности?

Морок.

Он разный. Старый и новый, привычный и непривычный, «модерновый» и «постмодерновый».

Почему же, собственно, не может быть развивающегося (пусть эволюционного) представления о реальности, а должны быть непременно революционные перескоки от одного сложившегося представления к другому — при обязательном сбросе предшествующего знания как ложного?

Что же тогда предлагает наука, чему учит, какое миропонимание

привносит, коли сегодня — уже вовсе и не сегодня, а какое-то псевдосегодня («модерн»), как и какое-то псевдозавтра («постмодерн»), ибо сегодня уже ложно, так как уже наступило, а завтра еще не совсем ложно, ибо еще не наступило?

Вот и верь, вот и бросайся, — то в политэкономию, то в экономикс, то… во что-то еще неизвестное, но уже заведомо «верное», ибо это еще не ведомое решительно отрицает уже ведомое, заранее оправдывает право на овладение умами образующегося человечества.

Что-то тут не так, — скажет про себя, отворачиваясь от назойливого морока, русский человек. Скажет и задумается, а подумав, нет-нет, не отмахнется вовсе, а обернется — туда, в глубину, в высь, и обратится — к сокровенному, одному ему и понятному.

Нет, конечно, он не будет отрицать ни менеджмента, ни маркетинга, ни финансов. Быт есть быт, текущее есть текущее, игра есть игра. А вот миропонимание, — да, тут он, пожалуй, не согласится, набычится, намедвежится, на своем будет стоять. Не отдаст.

Миропонимание.

Тут не до шуток, не до фокусов, не до напёрстничества.

От природы цивилизованный человек весьма отошел, вроде бы и покорил ее (это матерь-то!), создал гигантскую неприроду: машины, города, сооружения, предприятия, технологии, коммуникации и многое другое, что противостоит угрожающе природе, навалилось на нее бездушной и обездуховленной массой, ее безудержно эксплуатирует, грозясь полностью поглотить и уничтожить.

Техносфера. Да. Но и *ноосфера*, с техникой сопряженная. Математика, физика, биология. Механика. Инженерия. Технология. И обществоведение. Одним словом — *наука.* Как и обслуживающая ее *философия.* И искусство, и музыка, и слово.

Технотворный, онаученный, обмерянный и рассчитанный мир.

S-цивилизация, если под S понимать науку как науку, т. е. *science.*

Механико-материалистический, — в научном понимании механики и материи, вещи и организма, человека и общества, самого Господа Бога, — мир.

И этот мир — реальность!

Мало того, он еще и ирреальность, ибо продуцирует свою собственную — естественно, отрицательную — трансценденцию, гуляющую по актуальному времени-пространству в виде особой искусственной информации, которая есть уже не отражение реальности, не ее необходимое обеспечение, а отражение отражения отражения, как и обеспечение не чего-то реально существующего, а произвольно возникающего.

Есть, как известно, мираж от реальности, или реальный мираж, а есть мираж как мираж, исходящий от миража, да к тому же еще и вполне

ирреального.

Миражность, мнимость, мимолетность в современной и активно наступающей цивилизации — необходимые компоненты, не просто в ней присутствующие, а заботливо ею взращиваемые.

Раздвоение искусственного мира неприроды — на реальность и ирреальность. И то, и другое с отрицательным знаком и мощным антиприродным мотивом.

Не вообще откуда-то взявшийся морок, а морок глобально продуцируемый — основное благо, служащее S-цивилизации. Некий туман, в котором все обязаны быть и которым все обязаны дышать. Охватывающая все и вся и управляющая всем и вся, отрицательно трансцендентная, искусственная, миражная субстанция.

И *знание* в ней. Знание с тем же знаком. О чем? Всего лишь… о знании — придуманном, демиургически произведенном, тщательно выращенном. Не о реальности как таковой, даже не о ее отражении, а об искусственном, ментальном мире, гордом как раз своей оторванностью от бытующей все еще среди нас реальности.

Знание как плод науки. А наука — лишь особое знание. Вроде бы все или почти все доступно науке, многое она знает, а вот ее мировоззренческое обобщение все-таки никуда не годится. Бедно, скучно, скелетно. Полезное, конечно, знание, но не для мироздания в целом, не для жизни в целом, не для Космоса во всем его объеме и разнообразии.

И синергетика тут не помогает. Потому как она все там же — в механике, пусть и более сложной, в материи — пусть и самоактивной,— без духа, без света, без жизни. Синергетика лучше традиционной механики, ибо сложнее, но и хуже, ибо еще дальше, пожалуй, от реальности. Углубление науки в мир все более ее от мира отчуждает. Синергетика — всего лишь новый научный образ, стремящийся уйти от механики, но в ней — родимой — и остающийся. Другая механика, да и только.

И постмодерн там же, т. е. в модерне, как и в научной классике. Хочется вырваться, да не получается. Наука держит, наука.

Однако.

Однако S-цивилизация активничает, расширяется, экспансирует. *Глобализуется.* Замыкается на самой себе в актуальном времени-пространстве, — уже планетарном. Идет переоснащение мира вообще и неприроды в частности. Наполнение новым и вытеснение старого. В этом-то и главный мотив эпохи — победное нашествие с полнотой обхвата.

Что ж, отказаться от науки, от техники, от благ, от жизни?.. Может, и отказаться… кое от чего, и… как раз ради жизни. Вот он — злой вопрос: быть или не быть, как той же науке с техникой, так и самой жизни?

Не возвещая вовсе борьбы с наукой и техникой, как и с их глобализмом, пора уже, наверное, подумать о каком-то ментальном, а лучше, духовно-ментальном, преодолении всего этого — прежде всего в аспекте мировидения. Здесь-то отказ вполне реален. Смотреть на мир и жизнь, в том числе и на хозяйство, не через научно-техническую призму, даже не через призму научной философии.

Почему нет?

В самом деле, почему?

Разве лишь из-за того, что кому-то когда-то где-то показалось, что научное видение и есть наивысшее и наилучшее, открывающее такие возможности познания и знания, перед которыми меркнут все иные способы познания и знания, в том числе и откровенческие. Но ведь это далеко не аксиома, это всего лишь мнение, гипотеза, захватившая умы «прогрессивного» человечества, — и не более. И сегодня, когда человек мыслящий и чувствующий поражается узостью научного мировидения и стремится что-то изменить (хотя бы в рамках «постмодерна»), гипотетичность, если не сомнительность, тезиса о превосходстве науки становится очевидной.

Есть над чем поразмыслить сегодня корневому русскому человеку.

Ноосферный (в смысле «царства разума») XXI век бросает вызов человечеству, а среди человечества пока еще есть русский человек, который должен и может принять этот вызов, ответив на него своим.

Разумеется, отвечать на такой вызов будущего, вырастающего из настоящего, может каждый землянин, но у корневого русского есть свои основания и возможности, ибо, во-первых, он сам принимал, да и до сих пор принимает участие в создании и утверждении научно-технической ноосферии; во-вторых, он в то же время не вошел в нее полностью, не растворился, не «оноосферился» окончательно (у него еще есть шанс опомниться); в-третьих, он все еще свободен в размышлениях, не стиснут ни какой-то мировоззренческой доктриной, ни каким-то препятствующим мировоззренческим помыслам образом бытия; в-четвертых, он непосредственно посреди разлома, в катастрофе, он — обреченный участник тектонических перемен, причем более их жертва, чем инициатор, он видит все мировые болевые срезы, пропуская их воздействия прямо через себя, он вынужденно экспериментирует (набрасывает на себя и вбрасывает в себя нечто, его же потом охотно сбрасывает и выбрасывает), ищет, имея целью, пусть и не всегда осознанной, благотворный остаток — оживляющий, живительный и жизненный; в-пятых, бунтует (пусть даже тихо и молча) против любого морока, который он всегда видит и чувствует, и бунтует не первый раз в своей драматической истории,

он ощущает сакральное бунтарское наследство, оплодотворяемое стремлением к истине, правде и справедливости, — и по-другому он просто не может, не получается; в-шестых, он достаточно образован и подготовлен, испытывает жажду знать и преумножать знание, склонен к обобщающим и углубляющим размышлениям, к самым широким — планетарно-космическим — измерениям: в-седьмых, он — наследник самобытной мысли, а вместе с нею — и наследник необычного будущего.

Из книги: *Осипов, Ю.М. «Постижение России». М.: Экономистъ, 2005.*

2006 г.

ИМПЕРИЯ РОССИЯ

А что, разве не империя? Больная, может быть, сегодня, ослабленная, невразумительная, но ведь империя, ибо не империей такая страна быть просто не может, потому что не страна это, а целый мир: сложный, разнообразный, «суперский». Здесь все супер, все сверх — что территория, что народонаселение, что общество, что цивилизация, что государство. Попробуйте-ка охарактеризовать все российское в обычных, среднеразмерных и однокачественных терминах — ничего не выйдет, — так и захочется перейти на супер-, на сверх-, а потому что тут спорить: имперскость России — онтологический факт! А вот демократичность той же Америки — совсем и не факт, ибо не народ же там страной правит, а народом как раз правят — вроде бы и демократически, т. е. каким-то особым образом, кстати, вполне и имперским. Демократия и имперскость прекрасно сочетаются, как может сочетаться имперскость с той же монархией. Имперскость сама по себе вовсе не зло, хотя и может быть злом, как злом могут быть и монархия с демократией. Империя Россия — не зло вовсе, хотя практическая имперскость в России может иметь и отрицательные черты.

Империя — это непременно большая идея, большой проект, большие задачи. Это и особого рода большая жизнедеятельность, ее большая организация. Пора уже перестать думать, что империя — это обязательно агрессия, захват, господство. Все это может сочетаться с империей, как это было, к примеру, с Британской Империей, но может и не сочетаться, как это было в основном с той же Российской Империей, у которой не было ни метрополии, ни колоний, а было единое образование с имперским центром и имперской периферией, вовсе и не эксплуатируемой имперским центром, наоборот, им защищаемой и развиваемой. И вообще, ученый мир должна волновать более всего реальность, а не мифы, уютно

расположившиеся в ученом сознании. И если империя Россия — реальность, то к этому факту надо реально и относиться. И что, в самом деле, можно предложить нынешней России неимперского — разве лишь быть обычной манипулируемой из мирового центра страной, так что ли? И это при том, что все фундаментальное в стране говорит за империю? У России-де нет сегодня имперских амбиций, — нас убеждают. Ну и что: во-первых, дело не в амбициях, хотя в этом нет ничего плохого; во-вторых, отсутствие имперских амбиций не означает отсутствия самой империи. Быть империей значит прежде всего нести нелегкую имперскую ношу, решая те же самые сверхзадачи, а вовсе не развлекаться, устраивая пышные имперские парады.

Как бы то ни было, но у России имперская судьба либо никакой судьбы у нее вообще нет: Московия — не Россия, даже Сибирия не Россия, не говоря уже о Приамурье или Придонье. Или великая имперская Россия, не имеющая, кстати, никаких внешнеимперских амбиций, или распавшееся на ряд осколков, — бессильных и глупых марионеточных псевдогосударств — выхолощенное евразийское пространство. Вот почему мы за империю, которая называется Россией, ибо мы за саму Россию, разумеется, как новую империю, иного уже образца, за демократическую, даже и за PR-империю — лишь бы была Россия!

Тема имперскости вообще и имперской сущности — метафизики! — России давно уже владеет умами российских ученых, объединяемых в свободной дискуссии Центром общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (кстати, того самого Ломоносова — великого русского «империалиста»!) и Философско-экономическим ученым собранием. В декабре 2004 г. в МГУ прошла крупная «имперская» научная конференция — проблемная, острая, содержательная. По ее итогам была выпущена совместно с Волжским гуманитарным институтом (филиалом) Волгоградского государственного университета многомысленная монография, естественно, как сейчас принято, мизерным тиражом — «Имперские предчувствия России» (2005). Книга мгновенно разошлась, а тема… тема осталась. Размышления не прекратились. Тут на арену вышел Ростовский государственный экономический университет, в котором в июне 2005 г. было открыто Представительство Центра общественных наук при МГУ. «Имперский» разговор был продолжен. Явился и замысел переиздать «имперскую» книгу с дополнениями. Тут возник замысел новой книги, которая стала уже называться «Империя Россия». Книга издана в г. Ростове. Вот так все и идет: Москва — Волгоград — Волжский — Ростов-на-Дону, а там, глядишь, и… но не будем загадывать, жизнь сама подскажет. Заметим только, что дело тут не в особой приверженности авторов и издателей к имперской идее (среди них нет никаких идейных империалистов), а в непредвзятом

подходе авторов и издателей к российской реальности — которую и изменить-то к лучшему, еще и в условиях напористого глобализма, можно только на имперском пути, конечно же, если все делать по уму.

«Философия хозяйства». 2006. № 1.

ПЕРЕВОД РОССИЙСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ИННОВАЦИОННО-ИНТЕНСИВНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ — ИМПЕРСКАЯ СВЕРХЗАДАЧА

Инновация по-русски означает нововведение, т. е. внедренное новшество — не более и не менее. Инноваций разного рода в хозяйственной практике хватает. Далеко не все инновации имеют полностью экономический характер, хотя мало какие обходятся без денежных затрат. Полноценной экономической инновацией является та, которая приносит экономический — денежно-доходный — эффект. Бывают инновации заимствованные, а бывают самостоятельные. Последние всего полновеснее. Если посмотреть вокруг, то легко заметить, что весь российский хозяйственный мир вполне инновационен — сколько качественных перемен и отнюдь не только технических? Однако одно дело инновации частные, элементарные, микроскопические («блошиные»), а другое — всеобщие, крупные, масштабные. Относительно первых у нас в России, надо полагать, не так уж и плохо: новые товары, технологии, этикетки, упаковки, рекламы, цены, симулякры и т. п., приносящие, между прочим, и немалые доходы. Что же касается вторых, то, увы, здесь совсем и не хорошо: никаких или почти никаких самостоятельно, т. е. на российской почве, произведенных новшеств, тем более судьбоносных. Не появляется принципиально новых продуктов, новых предприятий, новых отраслей — в общем-то ничего, а если и есть что-нибудь в оборонке или рядом с нею, то не более как завершенное от прошлого или же созданное на дореформенной базе. Выходит пока, что пореформенное хозяйство, как и весь социум, имеет принципиально *неинновационный* характер, т. е. господствует фактически приспособительная к новым условиям с широкими заимствованиями из-за рубежа инновационность, и не своя, не корневая, не полностью нами самими продуцируемая. Как бы то ни было, но в советское время страна имела явную инновационность, а вот в настоящее время ничего подобного нет. Россия сегодня — никак не инновационный лидер. Разумеется, наука есть, еще есть какие-то практические разработки, быть может, и кое-какие весомые внедрения, но все это не настолько глубоко и масштабно, чтобы говорить о самостоятельно осуществляемом научно-техническом прогрессе. И дело не просто

в отсутствии больших и радикальных инноваций, а в том, что в присутствующем и культивируемом ныне социуме нет достаточно заметной и сколько-нибудь обнадеживающей потенции к действительно инновационному бытию — не в пиво-водочном аспекте, а в, допустим, энергетическом, высокотехнологическом, аэрокосмическом, биотехнологическом, электро-техническом и т. д. Нравится это кому-нибудь или нет, но вновь встает вопрос о роли российской верховной власти, которой вновь, видно, придется взяться за решение назревшей уже сверхзадачи — перевода российского хозяйства на инновационно-интенсивный путь развития, а это фактически новая имперская реформа. Вот так: от реформы к реформе, на чем всегда стоим, от чего бежим и к чему непременно прибегаем!

«Философия хозяйства». 2006. № 1.

ПОСТМОДЕРНОВЫЕ РЕАЛИИ РОССИИ

Чем вообще отличен постмодерн как феномен бытия? Не просто тем-то и тем-то, а тем, из всего этого, что, будучи ранее лишь отклонением, случайностью, произвольностью, неустойчивостью, сбоем, ошибкой, «шумом», смутой, вдруг перестает быть таковым и становится, оставаясь самим собою, чем-то прямо противоположным, обретая даже нормальность и стабильность.

Грубо говоря, постмодерн есть *нормальная ненормальность,* как и *стабильная нестабильность,* как и *реальная ирреальность*.

Реальность есть, ибо есть мир и свет, есть жизнь, есть человек, но это уже особого рода реальность — *ирреальная реальность*, когда реальность только и может реально восприниматься человеком как ирреальность: слишком много вокруг уже *образов от образов*, *слов от слов, представлений от представлений, виртуалий от виртуалий*, одним словом — *ирреального от ирреального*.

Ирреальное в квадрате — постмодерн! Ирреальность не рядом с реальностью, а вместо реальности, более того, ирреальность как сама реальность. Не сопровождение только реальности, а именно сама по себе реальность. Реальность остается, но такая или в таком образе, что реальностью ее уже попросту не назовешь, во всяком случае, не назовешь без оговорки, что перед тобой не реальность вовсе, а обыкновенная — слышите, обыкновенная! — *ирреальность*.

Оглянитесь вокруг, читатель, посмотрите на все внимательно и заметьте, что перед очами вашими все более теперь не просто искажений, а *искажений от искажений*, как бы некое двойное, а пожалуй и множественное, зазеркалье, когда видится *одно*, а на самом деле это совсем *другое*, мало того — это другое еще и от *другого*, а потому это не явление,

как-то не совпадающее с сущностью, а особого рода *явление от явления* — мнимолетное и мимолетное, с сущностью совсем уже и не связанное, т. е. что-то обессущностное, соответственно и обессмысленное. Ни сущности здесь обнаружить, ни смысла найти. Зато некий артеобраз тут как тут: лезет, смущает, уводит, влечет, отталкивает. И никак за него не зацепиться!

Постмодерн — блуждающая иллюзия, однако за реальность выдаваемая, как и та же галлюцинация, под реальность косящая. Причем происходят эти иллюзии и галлюцинации не от одного лишь наблюдателя, но и от окружающей… чуть было не сказал… реальности, а по сути уже… ирреальности. Иллюзионирующая и галлюционирующая теперь реальность. И дело не в одном только телевизоре с остальными «средствами информации», расположившимися иллюзорно и галлюциозно между человеком и реальностью, а и, помимо самого человека, и в окружающей реальности, переставшей быть реальностью, как перестает быть вполне реальным и сам человек.

Случившееся с Россией — взрыв потенциального постмодерна, в России сидевшего и накопившегося, и резкий наплыв уже вовсю развернувшегося и активно действовавшего постмодерна, извне Россию захлестнувшего. Не корысти с бессовестностью, не криминала с беспределом, хотя все это тоже сработало, а именно *постмодерна*, когда не стало уже различения добра и зла, хорошего и плохого, а когда есть лишь одно безаппеляционное действо, никем не судимое и никак критически не оцениваемое. У советско-российской реформы был план, но совсем другой по качеству план — не плановый это был план, а скорее даже бесплановый: чисто постмодерновый здесь был переворот: через хорошо раскрученную ирреальность, бодро выплеснутые иллюзии и ловко спровоцированные галлюцинации.

Перед изумленным рациональным взором предстал нежданно-негаданно совсем иной мир — без устоев и связок, без весомой объективности, беглый и ускользающий, искаженный и игривый. Мир без какой-то ни было концептуальной опоры и объединяющей все и вся устойчивой матрицы. Не строй здесь сменился каким-то иным строем, а явилось тут общее *бесстроение*. Нет, не хаос воцарился вовсе, хотя и он имел место, не совсем уж и стихия, хотя и она была, не такая уж и анархия, хотя и ее хватало. Вместо реальных устроительных вещей явились их ирреальные фикции: *культура вдруг обернулась антикультурой*. Замелькало неистово сразу все: президенты, правительства, парламенты, партии, выборы, прокуроры, губернаторы, менеджеры, бандиты, артисты, проститутки, деньги, цены, валютные курсы, фирмы, банки, фонды, акции, рынки, товары — и все какое-то ненастоящее, имитационное, фиктивное. Причем

все активно действующее, внушающее, запутывающее, дезориентирующее, мешающее.

Пространственные структуры теперь не удостаивались времени, а временные ориентиры теряли былое значение: пространство — всего лишь перемена, время — только мгновение. Материальное, конечно, оставалось материальным, по-своему и стабильным, но все идеальное сдвинулось с места, его более уже не находя: в головах людей не стало уже сколько-нибудь устойчивого представления о мире, а мир представал перед людьми ничего серьезно и весомо не говорящими мимолетными миражами. Везде было одно и то же, — и это одно и то же всего лишь мелькало. И кругом уже была новизна ради новизны — ненужная в общем-то новизна, а если и нужная, то тоже чересчур по-новому. Игра, спектакль, театр! Одно дело, когда театр рядом с реальной жизнью и для нее, совсем другое, когда сама жизнь становится театром, когда жизнь при театре и для него. В ход пошли фишки, клоны, контрафакты, ремейки, имиджи, пиары, модели, гламуры, подстветки, имитации — все, что угодно, но только не реальная реальность, а как раз все то, что ее замещает, лишь выдавая себя за реальность.

Да, скажут нам, все это, конечно, так, но ведь есть и вполне явная человеческая реальность: люди, мужчины и женщины, старики и дети, семьи и дома, работа, дача, автомобили, телевизоры, мобильники, компьютеры, магазины, одежда, обувь, продовольствие, вообще всякие вполне материальные и нужные товары, — разве это не реальность? Реальность, ответим мы, конечно, реальность, тут и спорить-то не о чем, но ведь это уже и какая-то странная реальность, раз люди… как бы не совсем уже люди, а более всего живые футляры какие-то, гондолы пустотные, мужчины что-то… не совсем мужчины, истеричны больно, женоваты как-то, а женщины, увы, что-то уж… больно мужеваты, как-то слишком развязны и чересчур деловиты, а все люди вместе уж очень инфантильны, даже и пожилые, которые и выглядят-то неестественно молодыми, а дети что-то очень уж не по годам умны и практичны, прямо взросляки какие-то, далеко уже и не дети. О семьях, мужах и женах, отцах и матерях и говорить не приходится, — если что и есть еще, то лишь вроде какого-то рудимента, а вообще-то вокруг только названия, внешние знаки, скрадывающие воцарившее ничто. Все окружающее материальное, конечно, есть, но сколько в нем скоротечного, неустойчивого, имитационного, несущественного, бессмысленного, искусственного, легковесного, чрезмерного, ненужного, пустого!

Постмодерн — *мелькающее внешнее при внутренней пустоте*. Что представляет собою, к примеру, нынешнее российское государство: все, что угодно, только не государство в полном смысле слова, скорее, даже какое-то *антигосударство*. То же самое можно сказать о хозяйстве,

экономике, политике, культуре, цивилизации. Все какое-то наоборотное, хотя названия все еще сохраняются сплошь и рядом традиционные: хозяйство, экономика, политика, культура, цивилизация. Переворот, происшедший явно в течение XX в., имел результатом не просто *новый*, а и в самом деле *наоборотный мир*, мало того, вполне уже и *антимир*.

Строил, строил человек какой-то свой человеческий мир, а построил в итоге… антимир, в котором нет уже ничего стоящего не только от старого мира, но мало что есть от вообще реального мира — мира как мира. Весело, конечно, в постмодерновом мире, тепло и светло, мирно, почти что даже и уютно, но… это уже далеко не человеческий мир, скорее… *античеловеческий*.

Отстранившись в душе своей от божественного и природного начал, прислонился человек душою своею к самому себе и уже не в божественном и природном своих образах, а в самом что ни на есть научно-техническом своем обличье, т. е. уже и не в человеческом: тут-то и вылез *античеловек* со своим античеловеческим миром, да что миром, уже и антимиром.

Почему все-таки «анти», а не просто что-то новое или другое? Постмодерн это не просто что-то пришедшее за модерном, даже не просто его отрицающее, это и нечто, что вообще противоположно миру, реальности, самому человеку. Мир, конечно, никуда не делся, и реальность тоже вокруг, и даже человек есть, но весь человеческий мир лишился под воздействием научно-технического прогресса своей существенной и смысловой самости, он как-то внутри себя опустел, стал пустышкой, разумеется, подвижной и бойкой, шумной — не столько, быть может, даже пустышкой, сколько, наверное, погремушкой. Вот поэтому-то и «анти», а не просто что-то новое или другое.

Не имея своей сущностной и смысловой наполненности (содержательной тяжести), легкий и ветреный, постмодерновый мир не может существовать сам по себе, ему необходимо, во-первых, находиться все-таки в реальном мире, во-вторых, господствовать над реальным миром, в-третьих, им постоянно питаться, в-четвертых, им управлять, в-пятых, приспосабливать под себя. В итоге постмодерн — лишь частичный уничтожитель реальности. Развивающийся же постмодерн — реальнейшая угроза реальному миру!

Окунувшись в постмодерн, или выдавив из себя постмодерн, или надев на себя постмодерн, все реальное перестает быть самим собой, перестает быть реальным, становясь не более чем *симулякром*. Так, Россия вдруг перестает быть Россией, русский — русским, государство — государством, гражданин — гражданином, мужчина — мужчиной, отец — отцом, женщина — женщиной, мать — матерью, семья — семьей, род —

родом, профессор — профессором, университет — университетом, литература — литературой, искусство — искусством, слово — словом, культура — культурой, наука — наукой. Все человеческое, все идеальное, все производное от человека теряет самость, — остается лишь знак — знак пустышки, и на место трудовой и страдательной жизни приходит какая-то легковесная и беспечная игра. Игра во все — в семью, университет, науку, политику, да что там во все это, даже и в саму Россию, в человека, в жизнь, в мир. Ничего устойчивого, никаких норм, никаких самоценностей. С реальностью можно обращаться, как угодно, точнее, как получится. Любой проект вполне возможен, любая интенция может пройти, любой выплеск может оказаться действенным: с реальностью можно творить все, что заблагорассудится, в постмодерне она лишена решающего голоса и каких бы то ни было законных прав.

Экономика всегда находилась и находится в сфере сознания, в ноосфере. Все материальное — не экономика. Экономика по существу своему идеальна. Она сама себе реальность — идеальная реальность. Экономика творится человеком, точнее, человечеством (отдельными человеками, коллективами и всем обществом сразу). Экономика субъективированна, что не мешает ей быть и объективированной — но только через человеческую субъектность и субъективность. Объективное в экономике возникает и действует через человека и общество, посредством субъектного и субъективного сознания, в ноосфере. Никакое материальное и никакое объективное в экономике само по себе, без участия человека не реализуется. Экономика — деяние человека и только человека. Все параметры экономики от человека, что не мешает им вобрать в себя и объективность, а также и самим объективироваться — однако в сознании и через сознание.

Экономика зарождалась и вполне благоденствовала еще в Премодерне, но доминирующей организацией хозяйства она стала в эпоху Модерна. Только в эпоху Модерна экономика получила полную свободу и великий расцвет, покорив в итоге хозяйство в целом. Все вокруг стало вдруг экономическим — обменным и оценочным, обмениваемым и оцениваемым. Все стало деньгами, а сами деньги ухитрились войти во все: явился в буквальном смысле слова денежный тоталитаризм, но, лучше сказать, конечно, *стоимостной тоталитаризм*, ибо стоимость — сама сущность экономики, она по сути экономика и есть.

Стоимость — таинственная субстанция, которая где-то внутри экономики, в ее параметрах (в деньгах и ценах, как и в ценах и деньгах). Она постоянно в движении, возникновении и исчезновении, вменении и перевменении, воплощении и перевоплощении. Это никакая не материя, это не что иное как дух, нечто идеальное, ибо она целиком и полностью сидит в головах людей и исторгается из этих голов, бытует в сознании и

образуется из сознания, гуляет по ноосфере.

Выпущенная на свободу Модерном, она, захватив хозяйственное пространство и совладев хозяйственным временем, подчинила себе всю хозяйственную реальность, ее щедро обслуживая, направляя, даже ею и управляя. Будучи ирреальной, она работала на реальность, представляя саму ее движущейся стоимостью. Стоимость немало зависела от хозяйственной реальности, хоть и имела от нее кое-какую свободу, отдаваясь и ирреальности. Создавалось даже впечатление, что стоимость не в головах и из голов, а прямо в реальности и из реальности.

Нет, стоимость не могла быть в реальности и из реальности, но она могла *соответствовать* реальности, — и настолько сильно, что казалось порождением как раз объективной реальности. Из реальности как таковой не может выйти никакая стоимостная субстанция — последняя гнездится только в сознании и только в ноосфере, но дух, образующий эту субстанцию, может вести себя с реальностью вполне сообразно: либо идя ей навстречу, либо притягивая ее к себе. В эпоху Модерна стоимостной дух-субстанция шел более всего навстречу реальности, ибо человек хозяйствующий был еще реалистично действующим субъектом — сначала агентом просто ручного труда, потом машинно-ручного, но никак еще не сугубо технизированного, т. е. труда уже совершенно свободного от физически реального человека.

Технизированный, еще и компьютерно-информа-тизированный, труд — совсем иной труд, почти полностью уже неприродный, искусственный. При таком труде человек перестает быть физически обусловленным субъектом хозяйства и экономики. Производительная мощь такого труда столь высока, что производство благ перестает быть самодовлеющим во всем хозяйстве. На первый план выходит распределение благ, а за ним и их потребление. «Производи и живи!» от эпохи Премодерна, замененное на «Распределяй, производи, распределяй и потребляй!» в эпоху Модерна, превратилось в «Распределяй и потребляй уже произведенное!» в эпоху Постмодерна. Отсюда особое положение экономических субъектов, во всяком случае, части из них: владеть стоимостью и ее движением, кредитовать ею производство, держать его в долговой кабале, а потому только распределять и потреблять производимые в мире блага. Технизированный труд привел к господству стоимости над хозяйством, мало того, над самой экономикой, обеспечив решительный разрыв стоимости с реальностью. Теперь не реальность определяет стоимость, а стоимость командует реальностью. Ирреальность завладела реальностью. На поверхности это выражено в наличии системы *финансовой экономики — финансомики*, а лучше сказать, *глобальной финансово-организационной системы ведения мирового хозяйства*.

Не признающий сегодня глобальной финансомики вряд ли сможет

что-нибудь понять в хозяйстве и в экономике Постмодерна. Финансомика — феномен абсолютно постмодерновый, когда ирреальность — стоимость — доминирует над реальностью — хозяйством, строя под себя реальность, в среде которой, надо заметить, весьма хватает уже и ирреального — постмодернового.

И сам механизм экономики стал постмодерновым — несистемным, неправильным, «непорядочным», что не значит вовсе, что хаотическим, стихийным, произвольным. Тут все сложнее: и хаос есть, и стихия, и произвол, в общем — свобода есть, но при этом и порядок кое-какой есть, и направленность, и даже кое-какая системность. Когда-то уверенно думали, что развитие науки и техники приведет ко всеобщему планированию и экономика будет работать как часы, а в реальности получилось все совсем не так: научно-технический прогресс создал одновременно и равноположенно условия, с одной стороны, для всеобщей самоорганизации, а с другой — для общей организации (волевой организации-несамоорганизации). В эпоху Постмодерна возникла хитрейшая система *организации саамоорганизации*, когда все агенты самоорганизуются по отдельности и «стаями», а волевой центр способен всю эту самоорганизацию организовать в своих интересах. Глобальная финансомика этому и служит: оторвавшаяся от реальности стоимость способна, однако, эту реальность, ставшую во многом ирреальностью, под себя организовывать. Понять современную экономику — понять эту самую *глобально-финансовую организацию самоорганизации*.

Все экономические параметры в рамках такой организации самоорганизации становятся производными как от самоорганизации, так и от организации (несамоорганизации), как от субъективности, так и объективности. Но… деньги сначала сознательно организуются, а потом уже объективируются и самоорганизуются, — и сегодня экономика реализуется совсем по-другому: мало того, что не как часы, но даже и не как обычная стохастическая система, подчиняющаяся воспринимаемой вероятности. Экономика ныне — скорее всего — *метастохастическая метасистема*, когда экономические параметры не то что свободны друг от друга, но соотносятся друг с другом через посредничество некой пустоты, которую можно назвать и «черным ящиком», но особого рода: с более свободными внутренними связями и более таинственным поведением.

Совсем недавно наблюдателей экономики восхищала способность экономических параметров соответствовать друг другу, — их несоответствие воспринималось как досадная аномалия, исправляемая либо обычным ходом экономики, либо экономическими властями (через принудительное регулирование), либо экономическими кризисами. Сегодня же

ситуация совершенно иная: *экономика в принципе аномальна* (неравновесна, не взаимообусловлена, неустойчива), что не мешает ей не без успеха — грандиозного при этом успеха! — воспроизводиться. У экономики сегодня очень большие производительные и экономические (финансовые прежде всего) резервы, которые можно назвать и избыточными, но здесь уже такой избыток, который необходим для удержания экономики в воспроизводственном состоянии при бешеном своеволии экономических параметров.

Ничто не может сегодня остановить экономику, ввергнуть ее в тотальный кризис — никакое своеволие, никакая свобода, никакое принуждение, — все подобное гаснет в пустоте, в которой витает современная экономика. Любая цена, любая ценность денег, любые валютные курсы, любые кредиты, любые инвестиционные потоки, любые финансовые рынки, любые бюджеты — а экономика стоит себе, мало того, вертится, воспроизводясь и расширяясь. Была когда-то игра по правилам и по клеточкам, сегодня игра если и не совсем не по правилам, то уж совсем не по клеточкам. Экономическая матрица сегодня — не межотраслевой баланс и не межотраслевая структура, это уже более всего некая *метаматрица*, ушедшая в тень, в неизвестность, в пустоту. Вообще-то она никому сегодня особенно не нужна, ибо экономика ныне сплошь *ситуационна*, что не значит, что неуправляема. В том-то и дело, что управляема: и в мировом масштабе, и из единого, хоть и очень сложного, мирового центра. Однако здесь уже управление не только не механической, но даже и не стохастической системой, скорее некой *самореализующейся средой*, имеющей уже вполне *метасистемные* характеристики.

Любой экономический параметр может иметь сегодня любую числовую реализацию. Сейчас нет и не может быть определенных, и тем более рассчитываемых, пределов для такого рода динамики: экономика способна принять любую массу денег, любую инфляцию, любую занятость, любые перенакопления, любую нехватку капиталов, любое кредитование, любые финансовые пузыри. Однако «любое», указывающее на как бы априорно и настойчиво не ограниченное, не значит, тем не менее, что оно при этом и вообще «какое угодно», т. е. совершенно уж произвольное. Своевольность — не произвольность! Произвол в экономике ограничивается, помимо объективности и необходимости, еще и самим же произволом. На всякое «любое» всегда находится другое «любое», но сегодня мы наблюдаем не столько прямое противодействие одного другому, сколько не менее своевольное поведение этого другого «любого»: в итоге параметры ищут и находят друг друга в некотором на мгновении возникшем несогласованном согласии, в какой-то взаимоприемлемости.

Не машина это — экономика, но и, повторяем, не хаос, не стихия,

не анархия: это *самоорганизующаяся при волевой организации имманентно-трансцендентная среда*, которую ни системой в целом уже не назовешь, ни каким-то космическим облаком. Да, организация (как организация вообще) экономики в чем-то напоминает, надо полагать, организацию мозга, микромира, космоса в целом, во всяком случае, она аналогична такого рода организациям. Вот и подходить к экономике, ее организации и реализации, надо с адекватным концептуальным ключом — *металогическим*, соответственно и *метафизическим*.

Современная российская экономика — такая именно экономика, правда, весьма еще больная, только нащупывающая пути и средства выздоровления. Нечто подобное можно сказать и о социуме, и о государстве, и о политике, и об идеологии. Теперь в России всерьез и надолго поселился постмодерн, для которого и характерна своеобразная *посторганизация — организация самоорганизации*. За что ни возмись, на что ни посмотри, о чем ни подумай — везде в общем-то одно и то же. Ни тебе тотальной ответственности, ни тебе всеобщей отзывчивости, ни тебе всеобщей повинности, ни тебе общего дела. Самоорганизуйся, брат, ты для этого свободен, но… испытывай незаметно и организационнное влияние извне и сверху, приспосабливайся к нему, ответствуй — неосознанно, а если и осознаешь что, то что с того — ничего серьезного ты взамен не сорганизуешь (кроме как на троих)! Вот, собственно, и весь социум, все государство, вся политика, вся идеология. Конечно, господа, не хаос, не стихия, не анархия, но и не порядок привычный и стабильный, не явная и определенная матрица, не четкие правила и ясные клеточки. Ничего этого нет: ни того, ни другого, а есть третье — *управляемая самоорганизующаяся среда*, к тому же на сегодня *патосреда* — болезненная и безысходная. Постмодерн сам по себе — никакой не выход, он ничего и никого не вылечит. Он сам более всего злостный вирус, а не доброе лекарство. Отсюда и *сверхзадача*: *вылечить Россию эпохи Постмодерна через постмодерн, но при этом еще и постмодерн этот преодолевая, не давая ему безгранично разгуляться*.

Движения назад быть не может, оно и не нужно. Остается движение вперед, но куда и как? На второй вопрос ответ в общем-то есть: через *волевую организацию саморганизующейся среды.* Можно добавить *имперскую организацию*. Но на первый вопрос столь же определенного ответа нет. В самом деле, куда? И хотя понятно, наверное, что к Новой России, то все-таки к какой *новой*?

Думаю, что нет смысла обрисовывать эту новую Россию, тем более в деталях (экономика должна бать такой-то, государство таким-то, политика такой-то… и т. д.). Тут можно придумать всякое, вполне, конечно же, симпатичное. Отвечая на этот вопрос, полезно, надо полагать, поставить еще один вопрос, на него как-то и ответив: «А может ли

возникнуть новая Россия без России… нет, не старой, не прежней России… а… глубинной России, той самой России, которая уникальна в мире и делает Россию Россией?». Постмодерн опасен отрицанием всякой сущностной и смысловой глубинности. Глубинность же не что иное как трансцендентный дух. Вот почему постмодерн надо брать под контроль и преодолевать, сохраняя тем самым самобытный национальный дух. Агентом волевой организации в России надо бы стать, пользуясь активно постмодерновыми механизмами, *жрецами духа* — разумеется, *российского*, тогда, видно, и явится одухотворенная глубинным российским духом *метамодерновая* Новая Россия!

«Философия хозяйства». 2006. № 6.

2007 г.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

Из материалов к III Малому университетскому форуму «Россия сосредотачивается: воля к жизни и процветанию» МГУ имени М.В. Ломоносова, 25-27 апреля 2007 г.

I

Мир XXI в. — мир глобальных перемен, происходящих под влиянием неотехнологического прогресса в условиях нарастающей международной интеграции общепланетарного масштаба, имеющей как центростремительную, или глобалистскую, так и центробежную, или партикуляристскую, направленности. Складыванию моноцентрической мировой системы во главе с мировым финансовым капиталом и США с опорой на большую семерку высокоразвитых стран и Европейский Союз противоречиво сопутствует тенденция к вызреванию полицентрической системы планетарного мира, когда последний оказывается интеграционно взаимодействующей совокупностью контролируемых крупными державами «больших мировых локалий», состоящих из того или иного, по преимуществу регионального, множества объединенных общими интересами стран. Оба отмеченных мировых процесса имеют вполне узнаваемый имперский харам»: моноимперский в первом случае и полиимперский во втором.

Россия, пережившая радикальную, революционного характера, трансформацию 1990-х и первых 2000-х гг., не остановилась в своем преобразовании, а переживает, как и весь мир, глубокие и масштабные изме-

нения, обусловливаемые и стимулируемые, одной стороны, общемировыми социотехническими переменами, а с другой — собственными эволюционными и перестроечными потребностями, в итоге чего нынешняя Россия стала Россией перемен — перемен сложных, неоднозначных, противоречивых, но в любом случае основополагающих и исторически судьбоносных. Происшедший в России социохозяиственный, да и цивилизационный, переворот знаменует собой вовсе не конец, а самое начало великих российских перемен, соответствующих не просто переходному состоянию самой России а и наступившей в мире эпохе глобальных перемен.

Важно иметь в виду, что эпоха глобальных перемен в настоящее историческое время это не просто эпоха перемен, даже и глобальных, а эпоха управляемых и управляющих перемен осознает суть и направление происходящих изменений, к ним активно приспосабливается, а главное, сам целенаправленно их ведет, тот и доминирует в современном мире, суверенно и полноценно реализуя себя в качестве исторического, т. е. Творящего историю по своему усмотрению, субъекта.

Сегодня важно не просто изменяться, а вполне сознательно изменяться, целеположенно управляя собственными изменениями, но при этом еще и управляя изменением среды, в особенности, мировой, памятуя, что среда эта целостно разнообразна: она и природная, и социальная, и экономическая, и политическая, и институциональная, и технологическая, и идеологическая, и психологическая, и культурная, и феноменальная, и сущностная, и физическая, и метафизическая.

Управление переменами сегодня — управление всем содержательным составом пространства-времени, что мирового, что международного, регионального, что любого стразового. При этом еще важно сознавать, что управление переменами предполагает и управление миром, регионом или страной через сами эти перемены, т. е. *переменное* (не переменчивое, что понятно, а именно переменное — через перемены) управление.

Планетарный мир ныне в состоянии напряженного поиска нового для себя мироустройства, не исключающего и самой жесткой и бескомпромиссной борьбы. В этом поиске принимает участие и Россия — как ситуационно вынужденно, так и вследствие своего исторического, вполне и имперского, предназначения. Россия — великая, хотя сейчас и расстроенная, укороченная и ослабленная, держава. Иной, т. е. обычной, посредственной, неамбициозной, Россия быть просто не может: или это великая держава, причем имперского типа, или это уже не Россия, а что-то другое, например, куча непритязательных и неприкаянных субгосударств, ищущих и находящих для себя тех или иных внешних покровителей — управителей и инвесторов. *Или суверенная великодержавная*

Россия, или колонизированное построссийское пространство — иного тут, увы, не дано!

Мир и Россия 2007 г. — не мир и Россия той же середины 1990-х гг., — многое в мире и в России за последнее десятилетие, а может, и пятилетие, если не вообще трех-двухлетие, изменилось, пожалуй, что и внезапно, ибо помимо управляемых сознательно перемен имеет место и не очень управляемый, а во многом, наверное, и вообще неуправляемый, ход вещей, что то же самое — объективный или, выражаясь по-современному, синергетический процесс. Только-только США, как и весь Западный мир, почувствовали себя после крушения СССР и ослабления России единственными властителями планетарного мира, приступив к окончательной достройке под себя глобальной мировой системы-пирамиды, как выстроенный было ими каркас затрещал по швам, хотя, надо заметить, вовсе и не рухнул, как тот же СССР в начале 1990-х гг.

Однако уже ясно, что западо-американская модель глобалистского обустройства планетарного мира не выдерживает критики со стороны общемирового пространства — времени, природы, подавляемых в рамках центростремительной глобалистской модели любого рода локальных образований, как и самого исторического хода вещей. Предложенная сильными мира сего модель планетарного мира явно не отличается жизнеспособностью и перспективной устойчивостью, она, будучи сама переменной и произвольной, не слишком выдерживает сопротивление не менее переменной и произвольной мировой среды. Все это не говорит еще о крушении западоцентрической глобальной системы, но явно свидетельствует о ее серьезном кризисе, — и это через каких-нибудь полтора десятилетия после ухода с исторической арены альтернативного общемирового центра — СССР!

Кризис нынешнего глобализма на руку всем, кроме США, в какой-то степени «великой семерки» и ЕС. Как бы то ни было, но перед современным миром открывается возможность не только ослабить «опеку» со стороны нынешнего глобального мирового центра, но и перестроить весь планетарный мир с гораздо большим учетом локальных интересов. Что касается России, то у нее возникает шанс усилить свою субъектную самостоятельность, достичь внутреннего единства и овладеть собственной исторической перспективой. Данный путь, который есть, конечно же, путь *управляемых глобальных перемен,* можно было бы вполне обоснованно обозначить как путь национализации России — вместе с суверенизацией, внутриорганизменной консолидацией, животворной изменчивостью и всесторонним развитием.

II

Кому-то может показаться, что лозунг национализации России — устаревший лозунг, что в эпоху глобализации говорить о какой-либо

национализации вообще бессмысленно. Однако не все тут так просто: Россия, во-первых, еще ни разу в своей истории не была собственно нацией, когда национальный гражданский низ органично сочетается с национальным же гражданским верхом (в России никогда не было достаточной для образования и реализации эффективной нации внутренней, причем именно национальной, свободы); во-вторых, нынешняя национализация означает не возникновение надплеменных государственных образований, составляющих затем международное мировое сообщество наций, что было характерно, по крайней мере до эпохи глобализма, а преодоление уже существующего центростремительного глобализма ради локальных выживаний и процветаний.

Доглобалистская нация времен Великой французской революции и постглобалистская нынешняя нация — совсем не одно и то же. Интеграционное сближение наций друг с другом, сопровождаемое и определенной денационализацией, сменилось в эпоху глобальных перемен национализацией уже возникшей мировой интеграции, что предполагает не преодоление всемирной интеграции, а лишь ее национально обусловленную реализацию. На место интеграции наций пришла национализация интеграции!

Национализация России— строительство новой российской нации! Именно нации, а не, скажем, просто гражданского общества, ибо гражданское общество, которое не может, разумеется, никак отрицаться, не несет в себе историо-культуро-цивилизационной специфики, тем более специфики духовнопсихологической, как и вообще этнической. Россия — суперэтнос, который и есть в данном случае нация — *единая нация!* И новой она может стать в случае обретения не формальногосударственного и даже не феноменально-гражданского, а существенно-органического единения, которое можно было бы определить как *национальный солидаризм.* Речь может идти сегодня только о *солидарной российской нации,* которая только и может быть воистину жизнеспособной.

Ясно, что по итогам деконструктивного во многом переворота 1990-х гг. у нас нет не то что солидарной нации, но даже и сколько-нибудь жизнеутверждающей нации вообще. Российский социум переживает *серьезнейший национальный кризис,* который есть не что иное, как кризис нации. Вряд ли стоит доказывать это на конкретных примерах: от несправедливейшего распределения национального дохода и неограниченной коррупции до массовой бедности и вымирания населения — *критическое состояние* нации вполне очевидно, а факты, об этом свидетельствующие, давно уже ни для кого не представляют ни сенсации, ни секрета.

Всеобщий и затяжной кризис российской нации требует всеобщей

и затяжной работы по его преодолению, а преодоление такого кризиса должно быть обусловлено формированием *новой российской нации,* отличающейся от «старой» новым обустройством себя на базе и посредством отмеченного выше *солидаризма.* Это ли не историческая задача, а лучше сказать, *национальная сверхзадача,* это ли не актуальная *национальная идея,* в то же время и необходимый спасительный национальный проект!

Поразительной особенностью «мирной» революции 1990-х гг. стала *всеобщая аморализация социума* — это помимо массовой деморализации застигнутого врасплох населения, либо попросту оцепеневшего от происходящего, либо, наоборот, лихорадочно бросившего искать возможности выживания, приспособления и какого-то себя устроения. И если деморализация постепенно ослабла, а в 2000-е гг. и практически исчезла, то аморализация, т. е. выведение из социальной среды здорового нравственного начала и лишение социума эффективно работающего положительного нравственного критерия, не только не исчезла, а весьма прочно засела как в глубинах «коллективного подсознательного», так и в функциональных реализациях «общественного сознательного». Отсюда выходит, что движение к новой российской нации, соответственно к солидарной нации, обусловлено императивным требованиям *морального переворота,* сопряженного с восстановлением в социуме позитивного нравственного начала и возвращением в общественную жизнь позитивного нравственного критерия. *На аморальную интенцию 1990-х гг. необходимо ответить вполне моральной инициативой 2000-х!*

Моральный переворот — самый трудный, но без него не обойтись, если обратиться к жизнеспособному будущему России. *Национализация России — национализация позитивной морали, а потому и моральная в итоге национализация самой России!* И моральной такая национализация предстает не только по своему духу, целям и результатам, но и вследствие того, что уже сама национализация *России моральна — позитивно моральна, ибо органическое единение нации со своей же страной, а страны — с нацией, когда оба феномена — страна и нация — плодотворно служат друг другу,* никак не может рассматриваться как что-то аморальное.

Достичь внутринационального солидаризма в современной России совсем не просто: для этого надо изменить очень многое, причем не только дух и сознание, психологию и поведение, что, кстати, всего труднее, но также и социальное, а точнее — социо-хозяйственное, устройство, возникшее в стране в итоге переворота 1990-х, однако не отличающееся ни социальной справедливостью, ни хозяйственной эффективностью, ни достойной будущностью. *Реформы во многом прошли и даже еще идут, а удовлетворительного строя жизни в России как*

не было, так и нет!

Установленный насильственно посредством проведенной сверху и из центра по сути своей глобалистской, а, заметим особо, вовсе не национальной революцией 1990-х гг., социохозяйственный строй отличается двумя фундаментальными и несколькими просто характеристическими чертами, из которых к основным можно отнести *произвол* и *деспотизм,* а к остальным: *экономизм-капитализм-финансизм* (максимально возможная оденеженность человека, социума, хозяйства, жизни), *административность* (не столько государственность, сколько именно административность) и *корпоративизм* (олигархизм, монополизм). Соединив вместе все выделенные черты, можно представить себе некий строй произвольного финансово-корпоративно-административного деспотизма, существующий и реализующийся более всего для себя и менее всего для нации. Нация здесь — изгой, маргинал, остаток, но только не главный субъект, не основная ценность и не самое органичное условие социального бытия.

Отсюда является задача, которая тоже может быть квалифицирована как сверхзадача, плавного и гибкого (не реформного, и, тем более, не революционного — вследствие усталости общества от реформ и революций) *перехода от произвольного паразитарно-эксплуататорского кроя, финансово-корпоративно-административного деспотизма,* явно к тому же зависимого от внешней среды и глобальных мировых сил, к национально обусловленному и соответствующим образом обустроенному социально-экономическому солидаризму, освобожденному от внешней субординационной зависимости. Такой переход определен не одной лишь заметно вызревающей потенцией российского социума, достаточно уже насытившегося разъединением, разделением и неравенством, но и все более осознанной позицией государственной власти, ее возможной созидательной волей и конструктивной ролью, а потому может рассматриваться даже не столько как переход от строя к строю, сколько как *перевод* из строя в строй, что означает уже не просто переменность в социохозяйственной жизни, а именно *управляемую переменность.*

III

Главным инициатором, движителем и реализатором подобной социохозяйственной реконструкции, в основе которой лежит национализация социума, хозяйства, государства, администрации, культуры, цивилизации, в России может быть только власть, разумеется, государственно оформленная и граждански сориентированная, не присваивающая себе в собственность страну, население, ресурсы, доходы, а ставящая все это на службу нации посредством всестороннего участия нации во всем жизнетворном в интересах нации процессе.

Демократия, а точнее, так называемые демократические институты и процедуры, конечно, хороши, и они должны иметь место. Но к демократии все не сведешь и всего на демократию не взвалишь: есть нечто — и самое иной раз важное! — что демократически совсем не решается, например, та же «демократическая революция» 1990-х гг., в которой воистину «демократическими» оказались лишь обманутые массы трудящихся, пенсионеров, вкладчиков, «акционеров», держателей лукавых ваучеров и обладателей обесценивающихся прямо на глазах денежных знаков. И если даже представить себе «хорошую» демократию, то вряд ли она в реальности возможна без властной воли, нередко и имперского характера, чтобы и самой быть, и крупные задачи решать, в том числе и не самым демократическим путем. Демократия и диктатура — вовсе не полные противоположности! Все тут зависит от качества социальной среды, от возникающих в социуме состояний и ситуаций, от исторических событий и движений. Никто не против демократии, если она решает стоящие перед обществом задачи, но кто же будет за демократию, если она таких задач не решает? Есть демократия и демократия, и история выбирает такую из них, которая как раз упомянутые задачи и решает.

Нация выше просто населения страны, даже выше общества, выше государства, выше власти, — *нация лишь не выше самой по себе страны, ее имени-символа.* Та же Россия — сакрал, дающий и российской нации сакральный характер. *Россия от Бога, нация же — от России!* Первична Россия, а нация вторична, зато все остальное субъектное в России уже производно от нации: народ, государство, правительство, корпорации, предприятия, даже семьи, ибо без нации, разумеется, солидарной внутри себя, все это в общем-то ничто, не потому что всего этого нет, а потому, что все это, увы, не имеет пространственно-временной, исторической, а более всего метафизической (сакральной!) полноценности. Только нация придает всему субъектному в стране и самой нации необходимую достоверность. Выше нации, кроме России и Бога, не может быть ничего, хотя это и не значит, что национальное начало должно подавлять все остальное в обществе: умная нация такого подавления не допускает, даже и в условиях вынужденной диктатуры.

Семья, коллектив, народ, предприятие, корпорация, учреждение, государство, правительство — не нация, но зато нация — это и семья, и коллектив, и народ, и предприятие, и корпорация, и учреждение, и государство, и правительство. Не все есть нация, но зато нация — все! Между той же Россией и всем остальным в России — *нация!* Отсюда и национальный интерес, и национальная обусловленность, и национальное обустройство, и национальная принадлежность, и национальная собственность. Россия — сакрал, российская нация — сакральная реализация этого сакрала! Россия — субъект-идея, нация — субъект-идея-

действие. Нация, конечно, — общество, но не всякое общество — нация, ибо последней может быть только обозначенное (поименованное) и отграниченное (от среды) общество, к тому же еще и общество с обязанностями, которые как раз более всего не общественные, а именно национальные. Нация все в себя вбирает, и из нации все исходит. Нация — действующая, хоть и идеальная целостность, она же и бесспорный критерий, удивительнейший по своему верному социально-историческому звучанию камертон.

Нация, в особенности, солидарная — сообразованный внутри себя живой организм, хоть, повторяем, и идеальный, в рамках которого с необходимостью возникают, реализуются и действуют в совместности различного рода части (элементы, институты, локусы, процессы, центры, подсистемы, связи, отношения). Ослабление или гибель некоторых из таких частей, незамещение их новыми, в особенности, при революциях, войнах и реформах, имеют результатом если и не полную гибель нации, го по меньшей мере ее болезненный кризис, из которого выйти затем бывает совсем не просто (история знает немало национальных самоубийственных катастроф). В России сегодня явно имеет место острый, глубокий и затяжной *кризис нации,* вызванный, в частности, и полным пренебрежением со стороны социума и власти к самому феномену нации, а также нарочитым невосприятием нации как целостного живого организма. Россия сегодня расплачивается за свою национальную, а лучше сказать, антинациональную, близорукость. *Угроза исчезновения России как именно национального образования вполне реальна.*

Действительная и действенная нация ведет *национальное хозяйство,* реализует *национальную экономику,* владея *национальной валютой* и *национальной финансовой системой,* имеет действительный и действенный *национальный центр,* который одновременно и социальный, и хозяйственный, и политический, и идеологический, и финансовый, и проективный, и метафизический, и сакральный, как имеет она и аналогичного характера национальный сектор, который сразу и хозяйственный, и финансовый, и информационный, и социальный, и образовательный, и научно-технический, и культурный, и ресурсный, и природный. Нация располагает *национальным пространством,* которое защищает и обустраивает, для чего возводит и тщательно блюдет *национальные границы.* Все в нации так или иначе национально, хотя и не все является национальным в квадрате, т. е. прямой принадлежностью, если не собственностью, нации, но без этого *национального в нации,* причем разнообразного и целостного, нет и не может быть действительной и действенной нации, а вместе с тем и страны, в частности России.

IV

Нация ничему из реально жизненного безоговорочно не противоречит, а если и кое-чему явно противоречит, так это лишь *денационализации,* т. е. разрушению самой себя. Сторонники, а может, и просто идеологические жертвы глобализма, особенно глобализма центростремительного, выступают ныне против наций, как, впрочем, и против национальных государств. Если встать на их точку зрения, то можно легко понять, насколько нации и национальные государства и в самом деле противоречат центростремительному глобализму, как они ему чужды. Такому глобализму милее, конечно, денационализированные субобразования-локалии, включенные каждое на своем месте в иерархически скроенную мировую систему-пирамиду, управляемую располагающимся на вершине такой системно-пирамидальной конструкции глобальным мировым центром.

В России в 1990-е гг. происходила в угоду западному глобализму опаснейшая для самой России *денационализация общества* — с сопутствующей его космополитизацией, сейчас называемой обычно просто глобализацией. И главное здесь состояло даже не столько в усилении влияния на страну внешних сил и появлении зависимости России от внешнего мира, сколько *в ослаблении, дезориентации и деструкции самого российского национального организма,* вдруг ощутившего себя больным, устаревшим и попросту ненужным. Полной катастрофы, к счастью, не случилось, но острый, глубокий и затяжной кризис нации явно разразился.

Новое национальное строительство, способное преодолеть кризис российской нации — важнейшая и актуальнейшая задача текущего исторического момента. Воцарившийся глобализм, конечно же, против такого строительства, но он помимо своей воли работает и на него, ибо ни одна склонная быть самодостаточной нация, находящаяся по крайней мере за пределами западного мира, не может примириться со своим ослаблением, расстройством и исчезновением, согласиться на какое-то невыразительное бытие собственной страны, на ее переход в разряд зависимого субобразования. Россия относится к числу именно самодостаточных образований, что говорит вовсе не об изолированности ее от мира, а всего лишь о ее самобытности, самостоятельности и в итоге *самости.* Россия — *сама!* Что не значит, что она вне мира, а что значит, что она просто *сама в мире,* будучи и *сама миром.* Пример ведущих европейских держав, вошедших в ЕС и в нем растворяющихся, не может быть руководящим для России, которая, хоть и европейская по образу своему страна, но которая не есть при этом европейская принадлежность. У России достаточно оснований быть вне поглощающих ее суперобразо-

ваний, ибо Россия сама по себе есть *суперобразование,* вполне и имперское.

Национальное возрождение не сводится к государственным гимнам, этнографическим музеям и спортивным победам, оно состоит в образовании действенной национальной целостности, способной к эффективному воспроизводству себя и своей страны, всех своих органических частей и элементов. Здоровой самостоящей великой нации нет не только без своего собственного производства, своей армии, своих денег, своей финансовой системы, но и без своей системы образования, своей фундаментальной и прикладной науки, всеобщей занятости населения и полноценной развивающейся культуры.

Современный мир — мир интеграционный, а точнее, планетарно совместный и вполне миромасштабно сообразованный, что означает, с одной стороны, ненужность и невозможность автаркической изоляции, а с другой — нужность и возможность быть сознательным и самостоятельным субъектом этого интеграционного, взаимозависимого и целостно себя ощущающего мира. И для того, чтобы быть таким субъектом, нужно не закрывать вчистую границ, но при этом нужно и вчистую их не открывать. И именно с такими регулируемыми границами возможно становление и бытие новой российской нации, а вместе с тем и Новой России.

Реалистически рассуждая, — и поэтому предполагая наличие в стране социохозяйственного разнообразия (многоукладности), — нельзя не предположить формирование в России *сильного государственно-корпоративного комплекса,* более всего способного вести эффективное национальное хозяйство, являющееся необходимым базисом любой нации. Сейчас российское государство и российский корпоративный капитал заметно, если не провально, уступают мировому глобальному властному центру и мировому корпоративному капиталу, в особенности, финансовому. Но так не может продолжаться вечно: *национализация России требует сильного государственно-корпоративного комплекса, не влившегося целиком в мировую олигархическую систему, а лишь умело и с выгодой для себя с ней взаимодействующего.* Возможно ли? Да, но лишь в рамках нового национального строительства и со всемерной поддержкой и передовой ролью возрожденного российского государства. Корпорации без государства ничего не смогут поделать, да и возникли они в России, как хорошо известно, по инициативе и при поддержке центральной власти, ставшей для этого вдруг радикально революционной.

Способна ли российская власть исполнить столь гигантскую историческую миссию — национального возрождения, а соответственно, и решения многочисленных задач, стоящих перед сосредоточивающейся

и уже склоняющейся к действительному и всестороннему возрождению России?

Ответить на этот вопрос утвердительно невозможно, как и невозможно — язык не поворачивается — ответить отрицательно: в первом случае нет полной уверенности, во втором же не позволяет вера в позитивное будущее России, точнее, не вера даже, а страстное желание родной стране достойной жизни и процветания. И, однако, можно высказать предположение, что страна, сосредоточив в себе и для себя достаточные жизненные энергии, вызовет движение в сторону национального возрождения, а у властей предержащих явится-таки неотвратимая потребность возглавить и направить это движение, ибо впереди маячит вовсе не всеобщее планетарное благоденствие, а большая общемировая «разборка», в которой Россия либо выживет, обретя для себя новое будущее, либо погибнет, этого будущего так и не увидав, а это решается как раз сегодня — в разгар же борьбы всех против всех решать что-либо подобное уже будет *роковым образом поздно!*

Российское обновление.
Материалы Малых университетских форумов 2004, 2005, 2007.
М., 2007.

РОССИЯ В ГУЩЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Планетарный мир стремительно меняется: каждый год, каждый день, каждое мгновение. Всякое свершившееся событие, всякое текущее действие, даже всякий вводимый в практику, а то еще и всего лишь созидаемый, проект можно сразу же считать устаревшими, вовсе еще и не морально, а вследствие того, что все они в глобальном потоке глобальных перемен, а потому — уже как бы из устаревшего прошлого. Старение выражается сегодня не столько в физическом износе, даже не в моральном, а в каком-то априорном, чуть ли не заданном. Нынешний мир — большая и непрерывная перемена!

Россия в самой гуще глобальных перемен, их объект и субъект, одновременно жертва, искуситель и выигрыватель — это ведь как на все происходящее смотреть! Россия сегодня большая и непрерывная перемена! Текучая и как бы незадерживающаяся страна, страна-поток, страна-колесо, страна-речь.

1991 год, сбросив путы консервационного строя, отправил СССР Россию прямиком в бездну перемен, когда ничто уже не стесняет, когда все позволено, когда делай, что хочешь. Абсолютное царство абсолют-

ного произвола! Это даже не свобода, это именно бездна свободы, вожделенная точка вожделенной импровизации — с чистого листа! Глобальное разрушение и не менее глобальное вытворение нового, разумеется, с неизбежным выживанием и кое-чего старого, по-своему и нужного. Однако в принципе и в главном — сброс старого, вовсе еще и не замшелого, просто вдруг ставшего ненужным, даже и вполне доброго и эффективного. В СССР-Россию пришла большая перемена, да и не одноразовая, а непрерывная, превратившая и саму страну в большую и непрерывную перемену.

Реформы, конечно, были, но они плавно и вполне, быть может, неожиданно для себя перетекли в большие и непрерывные перемены, без которых уже нет ни страны, ни социума, ни хозяйства, ни политики, ни государства, ни экономики, ни вообще жизни. Перемена сегодня не перерыв, а постоянство. Был такой перерыв в начале 1990-х гг., а теперь вот уже непременное постоянство. Консерватизм сегодня не в сохранении, а в обновлении, точнее, в сохранении обновления. Хочешь жить, обновляйся, хочешь умереть — замри!

И теперь в России строй обновления, что не значит, что хорошего обновления, и обновленческий социум, что не значит, разумеется, что с удовлетворительными итогами.

Перемены — это главное!

А раз перемены, то, во-первых, какие по направлению и качеству, во-вторых, какие по способу их организации: стихийные это перемены или управляемые.

Начнем со второго. Легче всего ответить так: и стихийные, как бы сами по себе происходящие, и управляемые, т. е. сознательно вызываемые и направляемые, как и, разумеется, между собой вольно или невольно взаимодействующие, друг в друга вливающиеся, друг в друга перетекающие. Все это так, но остается открытым вопрос с сей оценкой, позволяющей составить целостное суждение о движущих силах перемен. И здесь, как кажется, полезно обратиться к концепции не просто организации, а организации самоорганизации, где организация есть несамоорганизация, т. е. сознательная, волевая, императивная организация, по сути как раз управление: с одной стороны, и это не управление самим управлением, т. е. организацией, которая несамоорганизация, а с другой управление саморганизацией, смотря на то, что самоорганизация не перестает быть именно самоорганизацией. В итоге столь сложного организационного процесса полу чается какой-то организационный результат, который является одно временно управляемым, полууправляемым, недоуправляемым, не управляемым, что позволяет не снимать ни управления, т. е. организации, ни неуправления, т. е. неуправляемой самоорганиза-

ции, а довольствоваться сложным организационным процессом со сложным организационным результатом.

В эпоху больших и непрерывных перемен получается, что перемены оказываются целью, средством и итогом переменной организации самоорганизации, или организации самоорганизации перемен, а раз «переменной» и «перемен», то и произвольной организации произвольной самоорганизации, что то же самое, если коротко, произвольной организации произвола. Перемен без произвола, что есть вовсе не все дозволенность, а всего-навсего возможность возможности, просто нет. Эпоха перемен — эпоха открытой возможности перемен, или эпоха произвола — как для перемен, так и от перемен.

Вот и в России теперь эпоха произвола, причем произвола как строя жизни, т. е. произвола-строя, когда произвол и есть строй, а строй произвол! И вот этим-то произволом и надо произвольно же управлять, в том числе и собственно переменами. Это-то мы и видим в СЕГОДНЯШНЕЙ России: перемены и управление ими, что не говорит, конечно, ни о «хорошести» перемен, ни об «удачности» ими управления.

И в каком же направлении идут в России перемены, к какому же качеству? Вот тут-то и вылезает первая загвоздка: а может ли вообще быть какое-то ясное целеобусловленное направление перемен в эпоху глобальных перемен, и уж, тем более, какое-то заранее заявленное или хорошо просматриваемое будущее качество «переменяемого» бытия? И ответ тут может быть только отрицательным: «Нет, не может!». Не может, поскольку перемены убивают ныне любое их направление и любое заведомое или достигаемое качество. Перемены ведут незнамо куда и к неизвестному качеству: сегодня уже, к примеру, не скажешь: «Через 20 лет нынешнее поколение будет жить при коммунизме», ибо никто не знает, куда ведут и чем закончатся через 20 лет глобальные перемены. Здесь господство неизвестности!

И ничего плохого в этом нет: перемены имеют свою свободу, против которой противоставлять приходится опять же перемены, что еще более усиливает свободу перемен. Поэтому не надо сегодня слишком уж проектировать будущее, хотя без такого проектирования нет осознанного движения вперед. Проектируя будущее, надо иметь в виду, ЧТО ОНО Все равно будет иным, хотя и не совершенно свободным от проекта, ибо проект будет-таки присутствовать в будущем как им же «переваренный» проект, ушедший вовнутрь, повлиявший на будущее, но его полностью не определивший.

Ничто не мешает хотеть тех или иных перемен ради того или иного будущего, но это не значит, что такое хотение непременно достигнет цели, даже при наличии больших усилий по его реализации. Хотеть надо,

но при этом и надо помнить, что все будет обязательно по-другому. Наличие впереди неизвестности не очень приятно, но, по-своему, это даже спасительно. Проекты нужны, но при условии, что ни один проект не увенчивается, слава Богу, полным успехом. Жизнь в принципе тотально не проектируема, хотя она и не лишена вообще проектов, ей, кстати, столь же необходимых, как и сама ее непроектируемость.

Если посмотреть на движение современной России ретроспективно, то можно заметить, что она идет по пути встраивания в мировую глобалистскую среду, осваивая шаг за шагом соответствующие формы и механизмы бытия. Пока Россия более проигрывает, чем выигрывает, но не только проигрывает, а кое в чем она и выигрывает. Оказавшись в целом в субординационном положении, Россия, тем не менее, нащупывает и свою новую субъектность, дающую ей возможность обретения статуса самостоятельного, хотя вовсе и не отрешенного, международного, если не мирового, игрока. Перемены работают как за глобализм и против России, так и за глобализм и за Россию, наконец, против глобализма и за Россию. И итог тут в общем-то неизвестен: какой же она станет, эта Россия, какое из направлений перемен в конце концов возьмет верх?

Перемены сегодня глобальны и непрерывны, что не дает возможности утверждать что-либо определенное, тем более научно определенное. Из пяти вероятных сценариев движения в будущее реальность выберет, как минимум, шестой, но такой, который может вообще не иметь никакого отношения к базовым пяти. Так и произойдет, надо полагать, с Россией: она реализует в итоге свой сценарий, причем любой по степени вероятности, вполне, кстати, и самый невероятный (типа полного себя развала или же, наоборот, небывалого себя могущества).

Россия сейчас в точке нереволюционных перемен, она сама есть перемена. Ничего не надо сегодня ломать, а строить можно все, что угодно, но… под бдительным оком самой метафизики России, от которой никуда никому не уйти. У России есть и свой метафизический проект, который никому, опять же, слава Богу, неизвестен, и этот-то проект и исполняет Россия. Проект никому не известен, но приближение к нему можно все-таки чувствовать, разумеется, при соответствующем желании и умении. Не придумывать проекты для России на до, а управляя переменами, приближаться к проекту самой России, а это уже не наука, а метасмыслология, которой либо как-то следуешь, либо вполне стихийно подчиняешься, либо которая тебя попросту вы швыривает — куда-нибудь подале от реального исторического процесса — разве не так?!

«Философия хозяйства». 2007. № 2.

О РУССКОСТИ

1

Русскость субстанциально-экзистенциальное поле (эгрегор), вполне метафизического толка, трансцендентного свойства, гнездящееся в русском человеке, но и разлитое в пространстве русского человека — *русском пространстве,* дающее о себе знать в особенностях души, интеллекта, поведения русского человека как лица, так и общности.

2

В самом начале русскости, ее основании, ее исходе — *творящее ничто!* Только с признанием оного можно вообще говорить что-либо о русскости. Русскость нечто, но исходящее из ничто, к нему же и восходящее.

3

Наличие трансцендентного ничто не позволяет никаких конечных определений, заставляя судить о русскости неопределенно, чуть ли не кое-как, прибегая и к загадочному умолчанию.

4

Из ничто вырастает нечто, но такое нечто, которое несет в себе ничто, т. е. нечто с ничто или же ничто в нечто, делая нечто исходно неясным, незаманчивым. Незаконченность превалирует в русскости над законченностью, несовершенство над совершенством, бессистемность над системностью, безмерность над мерой, крайность над срединой, стихия над порядком, иррациональность над рациональностью, неустроенность над устроенностью, спонтанность над расчетливостью, беспечность над рассудочностью, наивность над разумностью, дурость над умностью, гибкость над твердостью, лукавость над прямотой.

5

Неопределенность русскости порождает особого рода неопределимую определенность — как редкость, но зато высшего качества: свое образную гармоническую русскость, которой, быть может, мало, но которая вонстину ценна (Илларион, Александр Невский, Сергий Радонежский, Иван III, Ломоносов, Суворов, Пушкин, Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадский, Достоевский, Тургенев, Лев Толстой, С. Булгаков, В. Вернадский, С. Вавилов, М. Шолохов, М. Булгаков, маршал Жуков, С. Королев, Ю. Гагарин, Г. Свиридов, Е. Светланов, С. Герасимов, митрополит Питирим).

6

Русская неопределенность вращается вокруг русской же определенности: и если определенность здесь явно питается неопределенностью, то неопределенность лишь паразитирует на определенности.

7

Разгадка русскости — признание ее *тайны,* ее *неразгадываемости!*

8

Русскость возникает и воспроизводится сама по себе, вне воспитания и знания, по рождению, она сразу есть, все сразу зная и ничего при этом не зная и не желая знать — для себя! Не знания тут больше, а *до*-знания.

9

Русскость — бессознательное сознательное, не замкнутое, открытое, свободное.

10

Русскость — постоянная недоговоренность, невысказанность, невыявленность, непреодолимая немота и упорно возвращающийся умственный пат.

11

Русскость — молчание, натужное и грозное, бесстрашное и гулкое. Болтлвость — искаженная русскость, нужная, быть может, но она не вес, не тяжесть, не рок.

12

Русскость отягощена не знанием, а пониманием, она откровенчески вибрирует от соприкосновения с метафизикой мира, с самой его вечностью.

13

Русскость крепка не умом, а духом; умие — не русскость, а вот *пред*-умие, *за*-умие, а то и *вне*-умие — русскость! Не *без*-умна ли при этом русскость? Нет, с умом она, но и безумие ей не в тягость, ибо страдания много. Не в методиках тут дело, а в переживаниях, в незаключенности, в просторе.

14

Не ум-еет жить русский, но зато может, раскинувшись, недо-умевать — от того, что живет, вполне и умеючи!

15

Единственная явная явь в русскости — *русский язык,* в котором все и заключено, все смыслы, в том числе и ключ от самого себя, ибо он — *тайна!*

16

Русскость — *русский язык,* сугубо древний, всегда новый, но не только язык, а еще и за-язык, языком щедро открываемый и им же усердно закрываемый.

17

Европейцу кажется, что он умный, а русскому все время кажется,

что он — русский — всего лишь дурак.

18

Если уж знание умножает скорбь, то *понимание* делает жизнь просто невыносимой. Русскость нескончаемое метафизическое беспокойство, она же и *крест!*

19

Трудно, ох, как трудно, быть русским, но приходится, еще труднее статься среди русскости человеком, но ничего другого как-то и не хочется!

20

Русскость — *протест:* против себя и мира, а потому она и бес-Русскость ценна!

21

Русскость присуща русским, но не все русские ею обладают, еще меньше русских ею удостоены, ибо русскость: *награда!*

22

Русскость тягостна, ибо тут тягло, бремя, непосильная ноша, то какой же взаправдащний русский от нее откажется!

23

Русскость непонятна и страшна, а потому отвергаема и гонима, но лишь на виду, ибо глубина ее недоступна и неуловима — то-то еще будет!

24

Широка русскость, безудержна, вполне и вольна, если не феноменально, то уж метафизически. Русскость сама упрятанная свобода и есть, при внешней-то несвободе.

25

Русскости доступно все, ибо она — тайна, а тайне уместно лишь раскрываться и раскрываться — в крайностях, намеренно от себя же и ускользая.

26

Рацио бессильно перед русскость, в которой все необъяснимо: как тот же неожиданный героизм, вполне и будничный, как и тот же ожиданный идиотизм, тоже будничный.

27

Русскость — страстность, но более всего не от страсти, а от страды, как и от траты — самой себя!

28

Русскость — бесконечное чего-то искание, не истины вовсе, ибо она прямо в русскости и сидит, а правды, которой нет, но которая должна быть.

29

Русскость неисчерпаемая провокация и непрерывная пытка! Очарование разочарованием и разочарование от очарования!

30

Русскость — сплошная бесцельная и бесподобная разведка, способность быть и не быть, являться и пропадать, действовать и замирать, собираться и рассыпаться, быть везде, не будучи нигде.

31

Бог русских — случай, приходящий на выручку!

32

Соборность русских иерархична: непременный вожль и обязательные слуги его, — тогда-то все и вершится!

33

В обычности своей русский человек не слишком самостоятелен, но зато в крайности он вполне самодостаточен — до чуда!

34

Русскость *мистериальна,* причем не как-нибудь, а адово, хоть и сакрально.

35

Русскость — место нескончаемой брани, причем между всем, чем угодно: этого с этим и того с тем, как и всего со всем!

36

Русское движение: от края к краю, от крайности к крайности — и менее всего посередке.

37

Крайность — место достойного пребывания русскости, выгодный способ реализации, неодолимая возможность самовыражений, побед и поражений.

38

Русскость всегда *в кризисе* и всегда как бы *вне кризиса,* ибо кризис тут — норма, а норма — кризис: только через кризис русскость выходит за пределы своего же кризиса, чтобы вновь в него возвратиться. Перманентная болезненность в ситуации с антиболезненным нездоровьем. Сброс кризиса, подъем, расцвет — только в острые критические моменты, сильно раздражающие русскость, ее отрицающие, ей угрожающие. Особого рода отзывчивость на кризис, а в итоге — полнота жизнеотправления!

39

Русскость просто *есть* — и все тут!

40

Любить русскость почти невозможно, зато ненавидеть русскость очень даже можно. Любовь и ненависть здесь — самоотречение, либо ради русскости — от себя, либо ради себя — от русскости! Русскость ни изгнать, ни преодолеть, ни изменить, ни переделать. Только отвергнуть, сбежав от нее, из ее пространства, чтобы вытравить ее в себе, в чуждом контексте, заменить русскость нерусскостью, однако всегда не до конца. Русскость — зараза!

41

Неприятие русскости со стороны нерусскости — норма, хотя возможно и приятие русскости со стороны нерусскости. Не менее очевидна и ненависть к русскости со стороны… самой русскости, хотя есть от нее и любовь. Умертвляющее давление на русскость, как и, наоборот, оживляющая ее поддержка — вовсе не редкость!

42

Русскость живуча, она не стремится насовсем опрокинуть саму себя. Неагрессивная и гибкая русскость, отличаясь странной самокритичностью, не доходит никогда до полного саморазрушения. Мало того, она весьма дорожит собою, никак не желая себе полной замены и уж, тем более, подмены. Будучи внешне податливой и чуть ли не самоотрицательной, русскость упорно борется за себя — особенно в глубинах! Весьма меняясь на уровне внешних проявлений, она никогда не меняется по существу — тут уж никакой себе измены!

43

Русскость всегда есть, но есть по-разному: иногда она слабеет и отступает, уходя чуть ли не в небытие, вызывая недоумение, но иногда, наоборот, крепчает и наступает, выходя наружу, поражая любое воображение. История русскости импульсивна — это порывы, приходы и уходы, колебания и волны, взлеты и падения, пристрастия и отречения, победы и поражения, одним словом — обороты. Русскость древна, ее корни в исторической, а может, и внеисторической, неизвестности. И русскость все еще странным образом жива!

44

Русскость — это *неотмирность!* Сей мир не подходящ для русскости, ей неадекватен, а потому и русскость не подходяща для этого мира, ему неадекватна. Русскость — не сего порядка! Высшее легко сочетается в ней с низшим, а среднее всего менее в ней добродетельно. От божественного (ангельского) к дьявольскому (демоническому) один шаг, а нередко и шаг — чрезмерность. Привлекательность легко сочетается с отвратительностью, красота с безобразием, человечность — со зверскостью.

45

Русскость — *иномировость!* Здесь все *иное,* а потому либо сильно отталкивающее, либо очень притягательное. Здесь постоянная возможность иного, а потому и постоянная погибель с постоянным же явлением чего-то вновь непременно несусветного. Русскость — очаг *иного!*

46

Телеология русскости в стремлении к *иному,* которого русскость не знает, но чувствует, к которому непостижимым образом привязана, ради которой живет и гибнет, разумеется, и печалится, простодушно и замысловато юродствует, бредит. Цель тут не ясна, но она есть, хотя ее вроде бы и нет. Сколько всего наворочено, сколько всего разорено и погублено, сколько при этом и пролито крови! Ради чего? А кто же это знает, ибо сам Господь позаботился тут о невозможности знания.

47

Можно допустить и отсутствие какой-либо высшей цели у русскости, даже и просто бесцельность русскости, но… тогда зачем же вся эта мистика, из которой как будто бы и выхода нет? *Безысходность* — тоже ведь русскость! Русский человек давно привык к безысходности, предпочитая исходность мира иного. Чего же здесь больше: драмы или комедии, сложности или пустоты, величия или пошлости?

48

Русскость — это *альтерантивность,* иная возможность, другой путь. Тут не Запад и не Восток, не Север и не Юг, а что-то *срединное,* чего нет, но что есть, чего никогда не было, но что всегда было, чего не может быть, но что возможно, ибо русскость — *православность,* или же *правдославность,* но всего лучше — *правдословность,* т. е. то, чего нет, но что есть, что никак не утверждается, но что все-таки потребно, а именно: *правда слова* и *слово правды,* ради чего и есть эта безобразная внешне и неожиданно сообразная внутри себя русскость.

49

Русскость *софийна,* она, возможно, как раз и есть сама заплутавшаяся в миру *София Премудрость Божия,* не приносящая жизненных удовольствий, но доставляющая в изобилии экзистенциальное страдание, однако подвигающая к особого рода нездешнему, вполне духовному, удовлетворению, доступному лишь странному в миру русскому человеку.

50

Русскость насквозь *мистична.* Она вбирает в себя всю мистику бытия, отвечая на нее своей собственной мистикой. В итоге сплошная мистика, однако вполне реалистичная, бытующая прямо в реальности, однако более сего в реальности, которой как бы и нет — в некой *реальной ирреальности.*

51

Русскость либо великое недоразумение, какая-то ошибка Бога Творца, искажение Промысла Божиего, либо же, наоборот, какое-то промыслительное Предвестие Создателя, выковывающего что-то действительно иное, может, просто на случай, а, может, и для самого Конца Времен. Русскость не просто живуча, она ведь эсхатологически живуча, она все время как в последнее мгновение, не дорожа ничем, кроме, пожалуй, самой для себя.

52

Русскость — сплошные вопросы! Зачем русскому человеку столько страдания? Зачем ему такая великая страна? Зачем ему Империя? Зачем вообще Россия? Если это не чья-либо насмешка, — того же антибога, — то что же это тогда? Почему же одни вопросы, судорожные попытки на них ответов и никакая невозможность таких ответов? И не есть ли окаянная русскость не что иное как *сконцентрированная тайна мироздания,* сумрачно и задорно играющая с самой Вечностью?

53

В русскость можно только верить! Однако во что же верить, если русскость сама по себе и есть *вера?* Верить в веру?

54

Русскому стыдно быть на свете, стыдно за себя и за этот мир, чуть ли и не за самого Создателя. Оттого и расплывшиеся во времени и пространстве нерешительность, недейственность, негеройство, которые время от времени перебарываются вдруг решительностью, действенностью, геройством — в ту же годину испытаний, когда опасность рядом и враг вполне ясен. *За землю русскую — это ведь и за русскость тоже!*

55

Русскость от Земли, но она как бы и не на земле, от Неба, но она вовсе и не на небе, она где-то между небом и землей, не ведая Града Небесного, но не жалуя и Града Земного. Русская душа — место сражения дьявола с Богом, а русскость — прямое следствие этой жесткой борьбы. Какое уж тут бытовое устроение — одна разве нелепость!

56

Русскость — жажда Бога, но и укор Богу! Русский бунт, который вовсе не бессмысленный, вполне перманентен — тяжба тут с Богом многовековая. И признание задушевное Отца, и тут же страстное возмущение против него! Почему? Для чего? Русский в постоянном вопрошании к Богу жаждет сломать невидимую перегородку, отделяющую его от ответов на вечные вопросы, но сознавая, что это невозможно, он и бун-

тует, не перенося покорно обет взаимного молчания — Бога и сотворенного им по своему-де подобию существа.

57

Русский давно обо всем догадался, знает, что ничего он по сути не знает, а потому и молчит, насупившись. А коли знает, то и кобенится, ородствуя и громыхая, ерничая и зверничая. Мил русскому человеку сидящий в нем зверь, ох как мил! — раз невозможно почему-то человеком божним стать, то уж хотя бы зверем побыть все лучше, чем какой-то на человека божиего пародией!

58

Хоть и лукав русский, да честен — перед самим собой и перед Богом, ибо прямо говорит себе и Богу: не жизнь это, совсем даже не жизнь, суета это все да тлен, но… раз уж это жизнь и есть, то с ней поквитаюсь по-своему, вполне и по-честному.

59

Греховна русскость, ох, как греховна, — и знает она, что греховна, а потому и грешит, грешит, грешит... зубоскальничая и выворачиваясь, всячески себя порицая и от греховности своей истово убегая — не без притворства, конечно, вполне и объяснимого. Зато уж ежели вырвется из греховности, то тоже до крайности — аж до полного изумления!

60

Где она русскость? В русских, но только в самых что ни на есть российских русских, на родимых лишь просторах. Русскость не оторвать от Родины, как и не изгнать из Отечества. Тут она, тут, в русских, но и где-то рядом, как бы между русскими, в самом пространстве российском, в стихии самой русской жизни.

61

Есть ли он, положительный русский? Конечно, есть! Странный в своей цельности, ибо невозможный, и цельный в вездесущей странности, ибо возможный. В нем, на нем и через него русскость и держится — не бытует кое-как, а именно держится. Пена кругом, буруны, а тут вот скала — виртуальная, а, подишь-ты, крепкая!

62

Не в почете русскость, особливо за пределами ее коренного бытия, совсем не в почете! Знают все, что есть она, что считаться с ней надо, но и не более того. Да и сама русскость не слишком себя ценит: знает, что есть она, что от себя никогда не откажется, что даже любит по-своему себя, но любит все-таки как-то странно, не особенно и любя, пожалуй, что и ненавидя. Самой собою хочется быть русскости, но понимает, что невозможно это, а раз так, то что ей любить-то себя, непутевую.

Вот и не любит, не ценит, всякое себе позволяя, ни о чем, кроме нарочитого сохранения, самой себя, не заботясь. Плохая, уродливая, отвратительная, но ведь есть! Мало того, еще и святостью не обделена, а то и светлой, пусть и подвопросной, будущностью, чуть ли не самой Альтернативой, оснащена! Почему бы нет, ибо где же еще *иному*-то быть, еще и *перспективному?* Только под прессом нелюбви ему и быть, когда от бытия текущего никакого удовлетворения, когда душа иного просит, а носители этого иного всегда в русском мире есть, еще и будут.

63

Теснят отовсюду русскость, она и сама теснится, уходя в себя, но и… сосредоточивается при этом, чуть ли не синергийно, собирается. Земля уходит, небо отстраняется, а русскость вот собирается, глядя на саму себя пристально, — не без отвращения, но и без самоубийственной ненависти, на жалеючи, но вовсе и не играючи. Учится русскость в новом мире быть, не теряясь. Тошнит ее, конечно, от этого нахлынувшего на мир нового мира, но что-то вдруг и высвечивается, что-то припоминается, а что-то вдруг и видится.

64

Есть над чем задуматься русскому человеку, есть зачем опамятоваться, есть от чего отпрянуть, а вот к чему же ему прислониться? И понимает все более, что только к русскости, однако не вымороченной и беснующейся, а стойкой и утверждающейся. Лечится русскость, себя саму и излечивая: а кто тут поможет, кроме Господа Бога, так ведь и заслужить надо, а чем? Опять же все той же русскостью, однако оздоровившейся и окрепнувшей. И выжимают обстоятельства, возможно, попущенные, — нужное в русскости, но вот какое? Опять же особенное — неотмирное! Где, когда, каким образом? Никто этого не знает, но кое-кто в это верит — из русских, ибо жутко все вокруг, страшно, на краю уже все, при окончании.

65

Мир нынешний, который передовой, уже взвешен на весах вечности и найден он легким, слишком уж легким — совсем бессмысленным, каким-то пустым, звонко и глупо гремящим. И русскость тут совсем растерялась, чтобы очухаться вдруг, все испробовав, и от всего же решительно отшатнувшись, ибо привержена она *иному,* которого не было и нет, но которого она, тем не менее, все же чает, все тише и тише при этом замирая. Не катаклизм ли великий впереди, не всемирная ли грядет разборка, что для русских вовсе и не неожиданность, ибо попривыкли, поднаторели, весьма и усовершенствовались? Все, конечно же, впереди, да вот что и для всех ли? Для тех ли, кто упорно строит для себя светлое будущее или же для тех, кто такого светлого будущего упорно для себя

не видит, а потому и никаких предстоящих демонов разрушения и не призывает? Русскость — это всего лишь никак не истрачиваемая потенция, снисходящая и восходящая к *иному,* которого нет и, кажется, никогда не будет.

66

Живуча, ох, как живуча, русскость, но и она может улетучиться, — как любая особенность. Никто из смертных не знает судьбы русскости, не знает ее и она сама: все тут запредельно! Ни принижать русскость не надо, ни возвышать: а ведь только она и противостоит, сама того не особенно сознавая, облегченному и доведенному до конечного абсурда, вполне уже и заигравшемуся, миру.

67

Русскость древна, внутренне поразительно свободна — ничто ее так не держит — но по преимуществу она под внешним гнетом — то одним, то другим, вот и сегодня так! — и конструктивного самовыражения русскости вовне — всерьез и надолго — как не было, да и было ли когда?, так и нет. Русскость более всего под *игом,* но не только инородным, но и своим собственным. Русскость не только давится — кем-то и чем-то, но и сама давит себя саму. Удивительнейшая способность, рожденная перманентным гнетом!

68

Будущность русскости в освобождении себя от собственного же пленения, потом уже и от любого другого. Хватит ли сил и времени, а главное — желания и воли? Кто ж это знает? Но слово сказано, пусть и не впервой, а за словом ведь и мир Божий явился, — явится и обновленная русскость!

69

Слово русское — величайшая, если не единственная, в русском мире ценность, оно прямо в Космос устремлено, где все главное и происходит.

70

Русскость дрянна, но и величественна: и как-то разрядится ее вековечная тайна, устремленная к *иному* — то ли дрянно, то ли, увы, величественно, — кто знает?

Философия хозяйства. 2007. № 3.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Тезис об историческом отмирании государства — ложный тезис! Негосударственных цивилизационных сообществ история не знает и вряд ли когда узнает. Государства как отдельные образования могут возникать и исчезать, расширяться и сжиматься, множить и терять свое разнообразие, качественно изменяться, но государство вообще в цивилизационном пространстве никуда деться не может, ибо оно — *государство*! — нужно, нравится это кому-то или нет. Вряд ли можно придумать что-либо более вредное, чем созидание безгосударственнических утопий, отвергающих реальность, туманящих воображение и искажающих человеческое сознание. Государство было, есть и будет, ибо, повторяем, оно *нужно*!

Данное утверждение можно принять за аксиому, как принять за аксиому и то, что государство — далеко не просто аппарат насилия, а не что иное, как организация цивилизованного общества, а в какой-то мере и само по себе цивилизованное общество, разумеется, использующее насилие, от которого, увы, никуда человеку не деться. Насилие при этом вовсе не обязательно питается грубой силой и отличается жестокостью — это прежде всего обязательный для всех членов государства или граждан порядок, который, вполне естественно, насильственен, но который может соблюдаться и, как правило, соблюдается без применения силы, во всяком случае, явной и уж тем более грубой и жестокой. Государство — это само общество, в котором реализуется прежде всего идея государства или же государство как *идея*, а затем уже государство есть специальный, иногда и весьма отчужденный от самого по себе общества, аппарат — порядка, требований и опять же насилия.

Задача воистину развитого в умственном и нравственном отношении общества состоит не в преодолении и отмене государства, а в придании ему приемлемой для плодотворного социального общежития формы реализации и в недопущении его отчуждения от общества, сопровождающегося сосредоточением в государстве как аппарате чуждой обществу власти, что выливается в доминирование государства как аппарата над обществом. Помимо контроля над государством со стороны общества, — заметим, тоже, в свою очередь, контролируемого государством, — должно иметь место такое качественное состояние общества, его, как и всех его членов, сознания, при котором вопроса контроля над государством как аппаратом со стороны общества как такового, во всяком случае, контроля энергического и борческого, просто не возникает. Самое лучшее — взаимный самоконтроль, что то же самое, его отсутствие — по причине формальной ненужности!

Общество как таковое -—обыкновенная абстракция: общества самого по себе не существует. Существует лишь организованное *государственным образом* общество, а потому существует прежде всего и вполне явно, — совершенно, так сказать, феноменально, — именно государство — это эффективное действующее лицо-субъект, обладающее практическим механизмом действия и потребной для такого действия силой. Однако важно иметь в виду, что между государством и обществом обычно располагается один совершенно идеальный, вполне абстрактный, но и вполне реальный, субъект, в котором выражает себя общество и который при этом выражает собою государство, его питает и определяет, — и этим субъектом является *нация* — малая и крупная, одноплеменная и многонациональная, обыкновенная и имперская, однако всегда и везде — *нация*, сообразная обществу и его сообразующая, как и сообразующая государство, делающая его сообразным обществу и самому себе.

Нация — феномен цивилизационный. Только в цивилизованном мире является нация, вбирающая в себя сразу все: кровь, наследственность, территорию, язык, культуру, наследство, государство, саму цивилизацию. Сам по себе человек в цивилизованном обществе в общем-то нуль, и само общество в цивилизованном обществе тоже нуль, — и только нация есть действительное и действенное целое — *единица*! Гражданин сам по себе — ничто, общество само по себе — тоже ничто, даже государство само по себе ничто, да что государство, даже сама цивилизация ничто, и только посредством нации, в ее прорве, все это наполняется содержанием, становясь не просто качественным нечто, но и буквально всем.

Нация — не остов вовсе, не скелет, не механизм, не машина, это, прежде всего, *качество,* а лучше сказать *субстанция,* задающая жизнетворную цель, энергию и смысловость всему абстрактному, схематическому и механическому.

Феномен нации, как, собственно, и государства, еще не осознан по-настоящему, но это придется сделать, ибо история ставит сегодня уже по-особому проблему наций, их существования, как и тех же государств, а соответственно наличия в человечестве специфических субстанций и качеств, их разнообразий, определяющих бытие наций и государств. Только сегодня, в критический для наций и государств момент, вдруг стало ясно, что нации и государства не просто все еще существуют, а… как же без наций, как же без государств?

Нация — это как раз то, что только и может быть, ибо без наций… а что без наций?.. просто человечество, но какое? да и человечество ли? Здесь ведь не вопрос только управления человеком-человечеством, здесь совсем другое — здесь проблема самого *качества* человека, как и его

качественного разнообразия и *качественных своеобразий* — не бытия даже человека, а именно проблема самого человека — как феномена этого бытия. Масса киборгов — не нация вовсе, нацией может быть только сообщество людей-человеков — Божиих созданий, а вовсе не человеческих. Нация — это то, что делает человека человеком, разумеется, в условиях уже города, в отрыве от природы, в полностью цивилизационной среде. И проблема не человека вообще, а человека всегда особенного, со своей самостью — языко-словесно-культурной, однако и физико-генетически обусловленной.

Да, в нации больше всего метафизического, но где «мета» от «физики», там ведь непременно и физика. Что ни говори, но англичанин — не китаец, а русский — не эфиоп, — и различия между народами-нациями вовсе не только культурные. Разумеется, в коктейле по имени «Нация» всего хватает, но есть в нем что-то физико-метафизическое, что заставляет нацию быть особенной, отличной от других наций, народов и племен, причем кровное здесь чудесным образом сочетается с языко-словесно-культурным, а языко-словесно-культурное — с кровным. И все это надо спокойно и величественно признавать: нация — необходимая для полноценного человека полноценная же человеческая среда-организм.

Кому-то сегодня кажется, что нация — анахронизм, даже и вредный анахронизм при движении в будущее. Однако те же США, самая передовая-де страна в мире — нация, точнее, сверхнация, но при этом еще и какая-то недонация (конгломератная нация-сверхнация), и ничто не мешает североамериканцам чувствовать себя нацией и вести себя как единая нация; Западная Европа, тоже вроде бы передовая во всех отношениях, идет по пути выращивания новой сверхнации, еще более конгломератной, чем в США но все-таки нации — европейской. Конечно, там и там не что иное, как Вавилон, но… все-таки национальный же Вавилон: полной денационализации жизненных пространств ни в США, ни в Западной Европе что-то не наблюдается. Зато там и там… империи, самые настоящие и самые на сегодня экспансионные, если не попросту агрессивные. Империи! Сверхнациональные внутри себя и вполне национальные относительно внешнего мира. Да, те же бывшие англичане, сегодняшние афроамериканцы или вездесущие китайцы в США — не нации, а, скажем так, некие метаплемена, что не мешает им определять конгломератность североамериканской нации-сверхнации, зато те же нынешние англичане, как и немцы или итальянцы в рамках Европейского Союза — все еще нации, может, угасающие, превращающиеся, а может, и нет — что-то еще будет в этой самой Западной Европе с учетом нашествия, уже, пожалуй, и беском-промиссного, инородцев с Юга и того же Востока? В США, кстати, тоже нашествие с Юга и Востока, причем совершенно

уже анклавного характера (пришельцы уже не нуждаются ни в языковой, ни в культурной адаптации, а затем, надо думать, и в политическо-гражданской — то-то еще ожидает Америку!).

Китай, Индия, Бразилия, Иран — нации, еще и сверхнации, — и с национальной стези уходить как-то не собираются, либо уже будучи при этом империями, как Китай и Индия, либо становящимися таковыми (как Бразилия с Ираном). Куда ни кинь, везде нации — большие и малые, которые, кстати, и образуют *Организацию Объединенных Наций,* — и что-то не видно охотно самоотрицающихся наций, если не считать перехода многих из них в разряд *субнаций,* т. е. зависимых, управляемых извне, наций, в некотором роде и псевдо- или паранаций. Что же касается всех более или менее самостоятельных исторических игроков, то это либо нации, среди которых и нации(сверхнации)-империи, либо страны, стремящиеся стать полноценными нациями, если не нациями-империями.

Наличие глобализационных процессов и действие межгосударственых институтов, сама высочайшая интенсивность межстрановых отношений, влияют на жизнеотправление наций, в какой-то мере работают и против них, но совсем не отменяют этих последних — нации никуда не исчезают, а по многим признакам — укрепляются и усиливаются, перегруппировываясь внутри себя и между собой. Та же нынешняя Западная Европа демонстрирует либо перетекание европейских наций в большую европейскую нацию (сверхнацию), либо строительство на базе основных европейских наций сверхнациональной суперструктуры, играющей роль имперской нации-сверхнации. Исчезновение при этом какой-нибудь из европейских наций, пусть даже и не всех сразу, в плавильном союзном котле не станет серьезным доводом в пользу всеобщего отрицания наций по всему миру — в других местах планеты произойдет скорее всего то же самое — укрепление наций, формирование империальных сверхнаций. Глобализм глобализмом, а партикуляризм партикуляризмом: кому охота исчезать или превращаться в субординационное ничто! Современный мир демонстрирует не денационализацию, хотя местами она и есть, а *ренационализацию,* изменение всей национальной конфигурации мира, планетарной межнациональной матрицы в целом.

Россия — нация, сверхнация, империя. Ничего ни неожиданного, ни страшного, ни обескураживающего, ни непостижимого в этом нет: *нация, сверхнация, империя*! Иное дело, что Россия переживает кризис, причем всего сразу, всей своей целостности, но… казавшийся еще каких-нибудь пять лет назад, а то и вовсе чуть ли не год с небольшим совершенно смертельным, кризис, благодаря определенной стабилизации страны в 2000-е гг., далеко и не стихийной, обрел характер всего лишь

острой болезни, за которой следует неминуемое выздоровление. Какое же? Именно, именно: *национальное!* Новая Россия — новая российская нация — новое национальное государство — новая империя — новая российская цивилизация. Да, кризис, поразивший СССР-Россию, — *апокалиптический* кризис: уход с исторической арены одного целого и… то ли явление на его месте какого-то ничто, то ли приход уже чего-то иного, однако наследственного, органичного коренному прошлому. И вот сегодня, кажется, можно уже говорить о приходе какого-то нового целого, генетически связанного при этом с ушедшим, т. е. о приходе не совсем уж чуждого, а все-таки *своего* наследника. На место СССР-России приходит новая Россия — Россия-наследница, способная многое изменить, многое уже сохраняя, и многое сохранить, многое при этом изменяя.

Однако кризис есть кризис, тем более апокалиптический, и явление возможности выхода из него еще не сам по себе выход из кризиса. Из апокалиптического кризиса просто так не выйдешь, нужно действительно многое изменить, многое же сохраняя, и многое сохранить, многое при этом изменяя! Случилось так, что во всех советско-российских переменах, в том числе и в разразившемся кризисе, оказалась весьма повинна *власть* — прежде всего и более всего, если вообще не целиком и полностью. Власть предпочла то, что предпочла, вызвав революционную анархию, правда, ловко при этом управляемую, и отвергнув эволюционный порядок, ей явно мешавший. Случилось то, что случилось — разразился острейший кризис, но настал-таки и момент «опамятования»: дальше-то что? И вновь повылезало откуда-то: Россия, нация, культура, цивилизация, порядок, мораль, государство, империя! Вроде бы все это порушилось и чуть ли не исчезло вовсе, но вдруг… все опять сызнова — сначала в неясном предчувствии, затем — всего лишь в идее, а вот теперь и в самой что ни на есть реальной реальности. Срыв, падение, разбив… и на тебе… соединение, подьем, развитие. Странно все это, но ведь факт!

Нация российская — плохая, расстроенная, больная, — кажется, все-таки выздоравливает, по крайней мере, желает уже выздоровления. Власть вроде бы, если это не очередной предвыборный пиар, этому активно споспешествует, во всяком случае, центральная власть. Переустроив в социально-экономическом отношении страну, власть, убедившись, что с таким устройством ни стране, ни нынешним устроителям не выжить, спешно переделывает построенное, стремясь придать ему жизненную устойчивость и мобильность. Хочешь не хочешь, а жизнь требует своего — и надо спешить! Но вот куда? Да все туда же — к нации, государству, цивилизации, причем в российском, а не в каком-то там общечеловеческом варианте. Россия требует России — и ничего другого в этом евразийском пространстве случиться не может! Вот и поднимается

с колен Россия, вновь «оброссииваясь», вот и озирается уже по сторонам, себя ощупывая, вот и вглядывается в себя, опоминаясь, вот и требует, хотя по большей части и безмолвно… новой себя национализации, ибо ничего другого тут ни выдумать, ни создать, ни обрести. А вместе с этим требует Россия и нового государства — и по-новому *национального*, а потому на повестке дня сегодня не что иное, как *национализация государства,* что означает не более чем обеспечение служения государства Нации, Родине, Отчизне, разумеется, в конструктивном для себя взаимодействии с другими государствами, нациями, родинами и отчизнами, теми самыми, которые хотят оставаться таковыми и быть!

«Философия хозяйства». 2007. № 4.

О ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ

Нам, россиянам, как всегда, очень везло: официально о власти либо хорошо, либо ничего, и предмета такого в объективной-де общественной науке просто не существовало. Власть была повсюду, самая разнообразная, но обстоятельного открытого разговора о власти никогда не было: общество у нас как бы самоуправлялось без власти, несмотря на жесткое командование сверху, «трудовые армии» и вездесущие карающие органы. Вопрос о власти — такой важный в момент революций и гражданских войн — для «мирного времени» как бы и не существовал, хоть и прорывался в реальности и застревал в умах через ту же «борьбу за власть» или пресловутую сентенцию, что «власть портит человека» (заметим, не человек портит власть, а именно власть портит человека!). А власть «штучка» серьезная!

И дело здесь не только и не столько в набившей оскомину государственной власти (говоря о власти, думают обычно о чаще всего ненавистной государственной власти, всех к чему-то принуждающей и всеми так или иначе распоряжающейся, а потому говорят по большей части… молчком, а если уж вслух, то в узком кругу, среди, так сказать, своих, зная, при этом, что кто-нибудь… да обязательно… и т. д.), а дело здесь совсем в другом: власть — принадлежность, если не достояние, бытия вообще, соответственно человека, общества, сознания, бессознания, ума, безумия, т. е. всего сразу и всего всегда. Без власти нет мироздания, нет жизни, нет любимых наукой систем, нет цивилизации — ничего нет! Без власти есть разве лишь какое-то ничто, если под последним понимать что-то совсем уж не нашенское, чего вообще ни для кого из смертных нет. А так, всюду и всегда власть, любая власть — над чем и кем угодно власть, как и чего и кого угодно власть.

Власть — от «владеть», а владеть — вводить в лад, упорядочивать,

превращать ничто в нечто, удерживать любое существующее нечто, превращать одно нечто в другое нечто. И вот тут-то становится ясно, что власть (володение) действительно всюду и всегда, во всей прежде всего физике мира, его пространстве-времени, но при этом и во всей метафизике мира, правда, уже со своей особой выразительностью, а главное — невыразительностью. Куда ни кинь свой пытливый и ошалелый от изумления взгляд, всюду и всегда именно она — власть!

Власть, как скажут нам привычно обществоведы, — отношение. Мы не будем тут сильно возражать, но добавим все-таки — и субстанция, более того, прежде всего субстанция, т. е. не просто отношение между володеющим и володеемым, но и какой-то дух, какая-то энергия, какая-то сила, некое напрягающее все и вся поле, причем дух, вполне действенный, выражающийся в отношении, но и его рождающий: отношение не разлито всюду и всегда, оно конкретно, а вот дух разлит — по всему пространству и времени, по всему миру, по всей жизни. Дух, восходящий к Небесам и питающийся Землею, соприкасающийся с божественным и погружающийся в инфернальное, витающий повсюду и всегда, ничего и никого не оставляющий, всему служащий и надо всем довлеющий.

Власть субъектна и объектна, но… она и субъектообъектна, когда субъект и объект — одно и то же, как, например, власть человека (сознания) над самим собой или власть над собой того же мира в целом. Власть видима-невидима, хотя иногда — видима, иногда — нет. Объект власти всегда тут — в мире, ибо это мир, а вот субъект (источник, вершитель) далеко не всегда тут, он может быть и где-то, нередко неизвестно где — то ли в каких-то глубинах, то ли в каких-то далях, то ли вообще в чем-то ином. Вот, кажется, она — власть, но вот от кого, чья, да и зачем? Часто, очень часто возникающий вопрос, ибо без власти мира нет, но нет его при этом и без тайны власти, как и без власти уже самой тайны. Власть и тайна — родные сестры, и без них никуда, хотя иной раз и при ином отношении власть является вроде бы и без тайны, как совершенно легальная, но… стоит лишь задуматься о власти власти, о власти над властью, о власти за властью, то и тайна тут как тут, как и весь сопровождающий ее нелегализм.

Чем, вообще-то говоря, занята наука, как, конечно же, и философия? Именно, именно — разгадыванием власти, ее тайны, только философия может перед тайной этой остановиться, понимающе разинув рот, еще и как-то оправдать ее, а наука… что наука?.. та будет стараться, что есть сил, ее низвергнуть… разумеется, вотще. А религия, так та попросту примиряет человека с властью, ее тайной, уводя воображение человеческое от власти «плохой» — от Диавола, и ведя его к власти «хорошей» — от Бога, правда, без особого на то успеха.

Никуда от власти не деться! Факт! Но… человеку дана вроде бы…

и свобода. Тогда что же это — свобода? Наверное, что-то такое, что не от безвластия, ибо мира тогда нет, а от власти тоже, в сопряжении с властью, с нею в совмещении, к примеру: свобода власти, свобода от власти, власть над свободой, наконец, самовластие. И все эти отвратительные свободы есть, а потому и свобода, кажется, тоже есть — хотя бы власть ради свободы или свобода ради власти. А вот свободы без власти, т. е. свободы самой по себе, все-таки нет, да и быть не может, — такая свобода разве лишь в каком-нибудь ничто, но тогда чья она и для кого?

Власть Господа Творца над человеком вроде бы есть, но Бог дал человеку свободу, хотя бы свободу выбора, а потому сдерживает он постоянно себя от возможного применения власти; а вот человек, не имея изначально и итогово власти над Богом, тем не менее… все-таки властвует по-своему над Ним, демонстрируя с завидным упорством свое непристойное поведение: Бог отвечает человеку попущением, т. е. властным невмешательством, а человек уверен, что Господь либо бессилен перед ним, либо… либо Бога вообще нет, — и творит себе, творит… без оглядки на Творца, лишь удивляясь время от времени неотвратимости власти над ним каких-то там странных обстоятельств, которых вроде бы нет и которые вдруг дружно являются — не в угоду человеку; большая тут игра в свободу и несвободу, но вот в какую же? — кто же это знает, ибо судьба — это есть самая властная над человеком власть!

Сам феномен власти — не людское изобретение, как не людским изобретением являются природа, жизнь, все мироздание. Однако человек применяет власть, ее реализует, ею пользуется, с нею считается, от нее страдает и ею же наслаждается. Человек и власть, власть и человек — неразрывное единство! Один человек непременно властвует над другим (это помимо властвования над самим собой), другой же либо подчиняется чьей-то над собой власти, либо делает вид, что подчиняется, либо сопротивляется, либо избегает, а то и попросту бежит, разумеется, от одной человеческой власти к другой, иногда и действительно лучшей. И вот тут выходит, что главным в человеческом общежитии является власть над властью — как в аспекте собственности на нее, так и в аспекте ею распоряжения. Кто, где и какой властитель, кто, где и какой подвластный, а в итоге — каково применение власти через сонм самых различных властей и властных отношений?

Обычно считается, что более сильный человек устанавливает свою власть над более слабым, либо какой-то располагающий так или иначе силой социальной институт реализует свою власть над другим институтом или всей социальной средой, короче, все тут сводится к отношениям «верх — низ», «точка — среда», «центр — периферия», т. е. к отношениям властного доминирования одного над другим. И на все есть те или

иные обоснование и оправдание. Не подвергая сомнению данное положение, отметим лишь, что все в мироздании, в том числе и сам человек, буквально нуждается во властнообразующем (как и властнообразуемом) бытии. Надо понять: человек не просто вынужден быть с властью, человек именно нуждается во власти, без которой человека, собственно, и нет. Отсюда не власть вообще надо отвергать, а… увы… лишь плохую, неадекватную, недостойную, неэффектив-ную… проявляя при этом… все ту же власть, пусть иной раз и в антивластном облике, скажем, анархически, бунтарски, стихийно.

Борьба за власть — вовсе не только борьба властных элит между собой, а всеобщий порядок реализации власти в социуме — через борьбу. Борьба за власть — непременный и постоянно действующий способ реализации власти, хотя бывает и так, что борьбы нет, или почти нет, ибо имеет место устойчивый социальный компромисс, чуть ли не всеобщий консенсус — между властителями и подвластными, в особенности, когда те и другие если и не прямо в одних и тех же лицах, то хотя бы с одним и тем же конституционным лицом. Отсутствие явной борьбы — лишь уход ее под спуд взаимного согласия, но вовсе не полное исчезновение (удержание от борьбы не означает ее невозможность — потенциал борьбы всегда сохраняется).

Власть в социуме различна, но особое значение имеет социальная власть над социумом, которая может совершаться как бы сама по себе, без давления сверху, без окриков и стенаний, даже и без суеты. Такое бывает в консолидированных (компромиссных, консенсусных) социумах, а вот в неконсолидированных социумах подобная власть реализуется с шумом, ошибками, извращениями, весьма тяжко и затратно, с потерями и утратами, с борьбой, хотя, быть может, и занимательно, переживательно, зрелищно. Россия — одно из мест на Земле, где социальная власть над социумом отличается как раз всеми острыми и незабываемыми моментами, которые только может выдать человеческое воображение, а главное, рационально почти и не объяснимыми.

Власть в России более иррациональна, чем рациональна, как и сам по себе социум. Каков социум, такова и власть, а уж какова власть — таков и социум! Россия ухитряется жить при каком-то властном безвластии, как и при безвластии власти и при власти безвластия: когда более с властью, когда более с безвластием, но всегда при формальной сильной власти и при немалом же безвластии. Ничего тут не понять, а главное, и не надо! Порядок и произвол в России вполне совместимы, — и подчас невозможно отличить, где порядок, а где произвол — так они могут переплетаться, служа друг другу.

Россия не от мира сего, а потому и живет она по-своему, по-своему

и с властью играя: с одной стороны, диктат и полон, а с другой — неразбериха, воля и произвол. Воля к власти в России велика, но и к безвластию с произволом тоже, а еще более к искажению всего и вся — что власти, что безвластия. Всего менее в России порядка, а если он есть, то более всего не установленный раз и навсегда, а произвольный, вполне и синергетический. Властитель в России делает практически все, что хочет, хотя и не все при этом может, но и подвластный, нет, конечно, не все делает, что хочет, а что как раз может — чтобы увильнуть, скрыться, исчезнуть. Никто никому в принципе тут не доверяет, а если и доверяет, то лишь исключительно своим и проверенным, да и то…

И, однако, все тут есть: власть, безвластие, порядок, анархия, — и все как-то вертится, бытует, живет. Уж на что при Сталине порядок был, омытый кровью и подкрепленный страдой, замешанной на страдании, но… потенция к беспорядью и при Сталине была, а уж потом, по прошествии какого-нибудь десятка лет после его ухода, она и поперла отовсюду — сначала украдкой, а затем уж и вполне открыто.

Любопытно все это, странно, невероятно, но факт: Россия бытует не просто по-своему, а как-то очень уж искаженно. Где, в какой стране, тем более развитой, была бы возможна столь масштабная, прыткая, наглая «прихватизация» общественного богатства, как не в России? И главная разгадка такого примечательного события-деяния кроется в самой природе российского социума и присущей ему власти, которая и выглядит как раз более всего не отношением или системой, а именно духом, полем, субстанцией.

Россия, ее пространство, ее население, ее природные ресурсы, ее земля, сама возможность в ней жизни, всегда были объектом захвата — и только захвата! — при этом вовсе не только внешними силами, что вполне понятно, но по преимуществу именно внутренними силами, — всегда находились захватчики, вовсе не обязательно и инородцы, которые хватали, владели, присваивали, эксплуатировали, паразитировали, продавали, порабощали, закрепощали и менее всего производили, и назывались они всегда властью, владетелями, властителями, — и далеко не всегда исполняли достойно свои властные обязанности, точнее, редко когда исполняли достойно, а все более грубо, кое-как, отрицательно, неэффективно, нелепо. Власть и социум в России — если и не прямо враги, то уж явно противники. Это надо хорошенько уразуметь: между социумом и властью в России никогда не было никакой устойчивой и конструктивной органики, за исключением разве моментов крайних военных напряжений, когда на кону оказывалась судьба всей страны, всего ее населения.

Как это ни странно, но власть в России редко когда была открыто, устойчиво и бесспорно легитимной — и не в юридическом даже смысле,

а более всего в моральном отношении да в аспекте социальной эффективности. Разумеется, бывали разумные, деятельные и эффективные властители, возникали какие-то устойчивости, случались, наверное, и периоды какого-то благоденствия, но… но… больно уж много всегда было прямо противоположного, а уж о свободе российского социума можно вообще не говорить. Власть — гнет, социум — бегство, социальное единение — насилие!

Какая уж тут легитимность? Разве лишь в моменты побед: Святослава ли над хазарами. Дмитрия Донского ли с Иваном III над татарами. Ивана Грозного ли над Казанью, Минина и Пожарского со товарищи ли над поляками и смутьянами, Петра I ли над шведами и русской косностью, Александра I ли над Наполеоном Бонапартом, Иосифа Сталина ли над фашисткой Германией. Только военные победы да разве ж лишь мирный вырыв в Космос придавали действующей российской власти историческую, сущностного порядка, метафизического уровня, трансцендентного звучания легитимность, когда все прегрешения власти если и не прощались народом, то хотя бы на мгновение как бы списывались, не принимались на срок во внимание. Большая это проблема — проблема легитимности российской власти, по преимуществу захватнической, жестокой, кровавой, неумной, бестолковой, неэффективной, аморальной, некрасивой, нелепой, бутафорской, смешной.

Власть — дело серьезное, но не потому только, что инквизиторское, но и судьбоносное: что говорить, судьба России более всего в руках власти, не столько даже в руках социума, населения как такового, тем более пресловутого народа. Так уж повелось на Руси — власть, она-то как раз сама Русь и есть, разумеется, не в плане песен и побасенок, балалаек и танцулек, а в аспекте страны, нации, цивилизации, самого российского мира.

Взяла да устроила власть революцию в СССР-России рубежа 1980—1990-х гг., — и при этом еще какую революцию, совершенно и немыслимую — прямо сверху и из центра, прямо вопреки намерениям и воле народа, прямо против народа, прямо в свою пользу и своего же поначалу подпольно, а затем и легально сформированного аморального класса. И ничего! Все свершилось сразу и целиком, власть осталась на месте, народ, а что народ? — как обычно: кто куда, — и тоже ничего: кто явно выиграл, кто лишь продержался, кто вчистую проиграл, а кто и совсем исчез. Очередное насилие власти над собственным (в собственности!) социумом в собственных (тоже в собственности!) интересах. Вот и все! И легитимность тут ни при чем: ни легитимности власти, ни ее революции, ни всего вообще ею содеянного. А давший имя всему этому дивному перевороту славный президент уже чуть ли не святой! Причем же здесь, в самом деле, какая-то там легитимность?

Но оказывается, что без нее все-таки никуда, что она нужна, эта самая легитимность, так как ни тебе страны, ни государства, ни самой власти, ни светлого будущего. Уязвима, очень уж уязвима, исторически наша новая Россия, столь ловко и опрометчиво в легитимном, а точнее, в безлегитимном, отношении скомпонованная — совершенно как-то неприлично! Выявляется вдруг, что ничего в России, кроме разве бытующего в ней населения (так называемого коренного населения) и свойственной этому населению традиционной культуры нелегитимно — ни-че-го! Крайняя ситуация, жуткая и весьма опасная!

Нависала над Россией, который уже раз в истории, неприятнейшая для правящих и компонующих социум кругов проблема — проблема легитимности, причем, повторяем, всего сразу — конституции, собственности, правительства, администрации, самого строя, — разве можно признать легитимным в моральном, воспроизводственном и жизне-творческом отношениях взгроможденный внезапно и нахально строй произвольного политико-экономического, или административно-финансового, деспотизма, к тому же явно эксплуататорского, латифундистского и паразитарного? А великой победы — ни в войне, ни в мирности что-то нет и как-то не предвидится, а обретенную-де россиянами свободу — якобы, конечно, свободу! — за такую победу не выдашь — слишком много в связи с этой свободой бед, потерь, разрушений, горя, неустройств, безбудущности, смерти, не говоря уже о воцарившихся лжи, несправедливости, аморальности, бездуховности. Нет, лозунгом о победе свободы, как и демократии, тут не обойдешься, ибо все видят, что на самом деле прикрывается в России этими заманчивыми и совершенно уже измызганными, да попросту и лживыми, словами — свобода и демократия!

И как тут ни крути, но власти российской остается только одно: алкать этой самой легитимности, переналаживая все и вся уже в пользу более или менее органичной национальной целостности, доводя дело до воистину национально-организменной победы. Только по достижении такой победы возможны обретение действительной легитимности и овладение исторической перспективой, а для этого надо совершить подвиг — в масштабе страны, в объеме цивилизации и на глубину всей российской метафизики, тот самый подвиг, который очень России необходим, но и всего более в ней проблематичен!

«Философия хозяйства». 2007. № 4.

2008 г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Доклад на международной конференции в рамках сотрудничества российского Общественного форума «Диалог цивилизаций» и бахрейнского форума «Бахрейнский диалог цивилизаций» (27—30 января 2008 г.)

1. Три начала реализуются в современной мировой экономике: глобальное, региональное и национальное. Мировая экономика — сочетание всех трех начал. Вторая половина XX в. ознаменовалась резким усилением глобального начала и определенным ослаблением национального. Получило развитие и международное региональное начало, способное сочетать в себе не только собственно региональность, но и глобальность с национальностью, и выступать в связи с этим сложной, вовсе не моногенетической, компонентой мировой экономики.

2. Сегодня можно выдвинуть предположение, что вследствие конфликта между централизованной глобальностью, активно реализуемой в мире в последние пятнадцать-двадцать лет, и национальными интересами, в особенности, крупных стран, перед региональными экономико-политическими образованиями открываются большие перспективы, ибо региональные конструкции могут достаточно эффективно сочетать международную интеграцию с национальными интересами, противостоя при этом слишком эгоистическому глобальному центризму.

3. Регионализм отличается двойной интернациональностью: с одной стороны, это внутренняя интернациональность, реализующаяся между входящими в региональное образование национальными субъектами, а с другой — внешняя, когда региональные образования реализуют отношения между собой и внешним для себя интернациональным миром.

4. Регионализм не препятствует ни международным связям, ни национальной идентичности, а главное, он способен реализовать то, что пытается сейчас реализовать централизованный глобализм в своих собственных интересах, а именно — осуществить мировое экономическое единение, столь сегодня необходимое, не подавляя никаких локальных интересов и образований.

5. Сегодняшний регионализм не имеет и не может иметь явного автаркического характера. Но открытость региональных пространств внешнему миру не исключает регионального контроля над этими пространствами посредством не одних лишь внутрирегиональных соглашений, но и через наличие и деятельность региональных экономических центров, обладающих широкими властными полномочиями (возможность этого демонстрирует сегодня Европейский союз).

6. Экономика, во всяком случае, современная — это деньги и еще раз деньги. Работающие деньги — финансы. Современная экономика — финансовая экономика, это, выражаясь кратко, — финансизм (уже даже не капитализм). Регионализм создает возможность для контроля над деньгами, капиталами, инвестициями, а также для созидания приемлемых для регионов финансовых систем. Отсюда региональная экономика имеет шанс быть воистину самостоятельной, т. е. действующей с учетом своих интересов экономикой, со своими деньгами, финансовыми системами, инвестиционными центрами, субъектами больших решений, чего не может дать нынешний глобализм и чего не может позволить ни одна национальная экономика.

7. Регионализм — возможность объединения больших ресурсов и проявления больших инициатив: от крупных научно-технических разработок и внедрений до крупных инвестиционных проектов, но это также возможность сочетания традиционности и самоидентичности, прежде всего цивилизационной, культурной, языковой, со свободным развитием и освоением иного, еще не бывшего. Регионализм — это овладение прошлым, настоящим и будущим без риска исчезновения в чуждом контексте.

8. Регионализм создает возможность построения иного планетарного мира, в частности, мировой экономики, на принципах межрегионального солидаризма, исключающего самоубийственную для мира глобальную конфликтность.

9. Что касается всемирной организации человечества, то она могла бы строиться более всего на базе региональных образований и по преимуществу в межрегиональном пространстве, что позволило бы иметь мощные региональные опоры для планетарной конструкции и исключило бы доминирование какого-либо из мировых центров надо всем планетарным миром.

«Философия хозяйства». 2008. № 1.

РОССИЯ — СОКРОВИЩНИЦА ИДЕЙ

Особая роль

Творение истории — деяние, прежде всего, творцов истории, среди которых личности, группы, классы и целые народы. Осмысливая историческое творчество, нельзя не заметить особой роли особой части социума, имеющей к творению истории самое прямое и наиболее творческое отношение — творческой, с исторической точки зрения, части социума, той самой части, в среде которой принимаются исторические решения и из которой исходят исторические действия, из которой история как бы выливается, точнее, выливается все то, что творит историю

в ее самой творческой части — в ее, можно сказать, творческой матрице.

Данная особая часть социума есть не что иное, как историческая элита, образующая то, что можно было бы назвать историческим рычагом социума, его творческим ядром, социальной фабрикой истории. Есть, история, а есть история истории, но не как реальное знание о течении истории, что понятно, а как зачинающее лоно истории, рождающая ее матка, но при этом и работающий мозг, творящий интеллект, действующая голова. История творится всеми людьми — участниками истории, но главным образом она творится все-таки вышеуказанными историческими элитами, наиболее и в первую очередь располагающими возможностью такого творчества — интеллектом, информацией, знанием, опытом, властью, а также не просто расположенными к реализации такой возможности, в ней как-то по-особому заинтересованными, но, как правило, к этому попросту и обязанными.

Любой социум (а социум есть самостное, на себе замкнутое, для себя существующее, локализованное, выделяющее себя из среды социальное образование) содержит в себе наряду составляющим его людским миром, или массой особей, или народонаселением, некий ведущий — организующий и управляющий — слой, как раз и образующий вместе с той или иной народонаселенческой массой тот или иной конкретный социум. Этот ведущий слой, способный продуцировать социум, его удерживать и обновлять, и есть этого социума историческая элита: либо при этом держащая социум в подчинении и даже в своей собственности, либо выполняющая свою функцию в качестве подконтрольной социуму его части, либо совмещающая то и другое, ловко и непрерывно лавируя между властью над социумом и его над нею контролем. Безэлитных социумов нет и быть не может, какой бы общественной, демократической или гражданской ни была бы его конкретная организация. Дело вовсе не в присутствии или отсутствии в социуме элиты, ибо она всегда есть, а лишь в особенностях характера элиты, способах организации и реализации.

Элита — не значит обязательно хорошо, а то и превосходно, это значит лишь, что есть особый слой в социуме, выполняющий особую в нем функцию — продуцента и держателя социума, как и его обновителя. Главное в понятии социальной элиты функция, а не качество, хотя качество тут конечно же не на последнем месте, ибо от него зависит качество исполнения функции: ведь от элиты до антиэлиты не самое большое расстояние, а в любой элите есть всегда что-то и от антиэлиты, что как раз и срабатывает не «за», а против социума, его нормальной жизнеспособности и позитивного жизнетворчества. Проигрывают и гибнут те элиты, которые не могут удовлетворительно исполнять свою функцию, превращаясь в пустую принадлежность всегда живого, но нормально уже

не воспроизводящегося, соответственно, и кризисного, социума. Кризис элиты — кризис социума! Отсюда и социальная потребность обновления элит, их смены. Однако бывает и внутриэлитарная потребность в обновлении и смене элит. И такие обновления и смены рано или поздно происходят, зачастую насильственно, нередко и с кровью. Так что элита — сначала именно особая функция, а затем уже и все остальное, среди чего не последнее место принадлежит как раз обязанности.

Интернационал наступает

Еще совсем недавно основополагающее и ведущее значение принадлежало, — так, во всяком случае, казалось, национальным элитам, но сегодня ситуация в элитарном мире заметно изменилась. Сформировалась и все более ныне активничает наднациональная элита, она же международная мировая, а ныне и глобальная, базирующаяся, правда, на элитах США и их ближайших сателлитов, то есть на ряде глобализованных национальных (теперь уже полунациональных, а то и псевдонациональных) элит. Указанная наднациональная элита, подчинившая себе значительно экснациональные элиты, претендует на исполнение элитарной функции во всем мире в целом и сразу, используя в своих интересах остаточные экснациональные элиты, становящиеся не более чем локальными филиалами наднациональной, уже и глобальной, элиты. И если наднациональная элита теснит, преобразует и подчиняет себе национальные элиты сверху и из мирового центра, то снизу и из периферии национальные элиты подвергаются нынче еще и разрушительным атакам со стороны разного рода внутринациональных (внутристрановых) элит, ставших соответственно по тем или иным причинам в оппозицию к национальным — по духу, задачам и действиям — элитам. Для современности уже невозможно говорить о первостепенной роли национальных элит, для которых настало трудное, совершенно и апокалиптическое, время, когда вопрос «Быть или не быть?» уже замещен фактически на утверждение «Не быть!». Собственно национальные элиты для многих, если не для большинства, стран мира — достояние истории, а не текущей современности.

Однако констатировать окончательное исчезновение в современном мире национальных элит все-таки нельзя: не все страны, социумы, соответственно, и элиты согласны сегодня на исчезновение национальных элит, как, собственно, и наций. Возникшая в результате мировой интеграции и состоявшейся на данный момент глобализации открытость социумов, государств, хозяйств и экономик вовсе не означает схода с исторической сцены многих национальных (лучше даже сказать — национально-ориентированных) элит, а более всего означает лишь приспособление этих элит к новому социальному контексту, их преобразование и трансформацию: от, скажем так, обособленных национальных элит, как

и национальных социумов, к интеграционным национальным элитам и социумам, однако не теряющим в условиях интеграции и глобализации своей национальной субъективности и функциональной специфики. Не растворение национальных элит в глобальном элитарном месиве, не подчинение этих элит наднациональной элите, не превращение в псевдонациональные филиалы в глобальной элитарной системе, а сохранение и упрочение национальных элит посредством их собственного для себя и своих социумов преобразования. Не все национальные элиты в современном мире идут по такому пути, но есть элиты, которые стремятся не утерять ни своей историко-цивилизованной идентичности, ни ведущей роли в среде своего социума, ни самого этого социума.

Остановить дрейф в небытие

Пережив всеобъемлющую и глубокую, революционного характера, трансформацию строя, государства, образа жизни, социума и элиты, современная Россия, изрядно открывшись внешнему миру, весьма амбициозно активному, если не прямо агрессивному, избежав полного социального краха, практически чудом уцелев от весьма вероятного распада и навязчивого поглощения мировым контекстом, успев немало затем стабилизироваться и укрепиться, а во многом и обновиться, оказалась сегодня перед проблемой сохранения и утверждения своей национальной самости, восходящей не к одной лишь историокультурной идентичности, но и к социогосударственной суверенности и историоцивилизационной субъектности. России удалось остаться Россией — имперской по сути своей внутренней организации и политического позиционирования вовне великой державой. И тут нельзя не обратить внимания на факт действительного исторического чуда, ибо Россия после развала СССР не располагала никакой целостной, консолидированной и эффективной национальной элитой, не то, что великодержавной, а тем более имперской. Мало того, в российской элите была сильна, как это ни странно звучит, мощная *не*-российская, если не *анти*-российская, составляющая, а подавляющая часть элиты (если и не подавляющая, то очень значительная) скорее выполняла функцию антиэлиты, чем собственно ответственной за страну и социум элиты. Что говорить, эта элита оказалась на высоте лишь по части собственного материально-присвоительного эгоизма, забвения нравственности, восстания «общечеловеческих амбиций», активного противодействия всему российскому, если не прямой измены отечеству. Это была во многом *нато*-элита, представляющая реальную угрозу стране, социуму, государству, культуре, цивилизации.

Однако в среде российской элиты все-таки нашелся свой национальный «спецназ», который смог удержать страну от распада, а социум от разложения, обеспечить затем относительную стабилизацию и эконо-

мический рост, а главное, заложить основания для всестороннего национального возрождения. Правящему в 2000-е гг. режиму удалось поднять Россию с колен, вернуть ей национальное сознание и историческую память, остановить самоубийственный дрейф в небытие, переориентировать на активное жизнетворчество. Если 1990-е гг. были ознаменованы господством противо-России и исступленным ей сопротивлением, то 2000-е гг. стали годами постепенного, но при этом и неуклонного преобладания про-России, что вовсе не значит, конечно, полного преодоления острейшего, апокалиптического характера, социального — и внутриэлитного тоже — кризиса.

Россия еще не миновала этого опаснейшего кризиса, во всяком случае, в стратегическом плане. Решение кое-каких конъюнктурных задач — лишь подготовка выхода из такого рода масштабного, глубокого и затяжного кризиса. Апокалиптический кризис — кризис, из которого нет ни автоматического, ни простого инструментального выхода. Выход из подобного кризиса связан не со стихией и не с мерами, он связан с преобразованием, да не чего-то частного, а практически всего социального организма.

И если кризис был обусловлен в решающей степени, проведенной в 1990-е гг. обвальной реформой, то выход из него обусловлен в той же решающей степени с антиреформной коррекцией — как субъективной, сознательной, волевой, так и объективной, стихийной, самопроизвольной. С той моделью страны, социума и социальной элиты, которая возникла в результате радикально революционной реформы, Россия не только не пойдет по пути развития и совершенствования, но даже и не сохранится как действенный исторический субъект. Отсюда необходимость скорейшего оздоровления всего российского социального организма и перевода его в режим созидательного суверенного бытия.

Строить, а не ломать

Перед Россией стоит сейчас гораздо более трудная и сложная задача, чем любая революционная — задача созидательного развития. И решение этой задачи по плечу, только консолидированной внутри себя конструктивной, одновременно и инновационной, национальной элите, а в конкретном российском случае еще и мобилизационной. Без мобилизации сначала элитарной, а затем и в целом социальной, тут исторически достойного ничего не совершить.

Россия вообще мобилизационная страна, и не только потому, что без периодической созидательной мобилизации такой сложный и неопределенный социум, как Россия, исторически быть не может, — дело в том, что демобилизационные социумы вместе со столь же демобилизационными элитами, или же, наоборот, элиты с социумами, рано или поздно

заканчивают свое историческое бытие, опрокинутые и замещенные элитами и социумами мобилизационного типа.

Элитарная и социальная мобилизация — не армейская и не военная мобилизация, хотя и имеет частенько соответствующие черты (принудительность, командность, исполнительность, иерархичность, тотальность), это мобилизация иного рода — побудительного, поощрительного, «влекущего», пассионарного, воспитательного, «осознательного», добровольческого, выборочного, она рассчитана не на насильно внедренный «энтузиазм», а на свободное духо-, воле- и умоизъявление, разумеется, сочетаемое с неординарной гражданской ответственностью.

Грубая печать антиэлиты

Нынешняя российская элита вышла из реформы-революции 1990-х, из всеобщей советско-российской смуты, из острейшего кризиса, она не несет в себе необходимого по силе, масштабу и качеству исторически созидательного потенциала, способного развернуться в эффективное движение национального возрождения и всестороннего социохозяйственного развития. Сегодня легче сказать, что национальной элиты нет, чем что она есть, но характеризовать всю российскую элиту как не национальную, не обновленческую и исторически не созидательную было бы грубой натяжкой: в сегодняшней элите всего хватает, она разнородна, разрозненна и разнонаправленна, не консолидирована, а в стратегическом социоисторическом аспекте позитивно не сориентированна. Такая элита, все еще несущая на себе грубую печать антиэлиты — пока еще не национально обусловленный организм, и далеко не во всем своем нынешнем объеме и составе может рассматриваться как приемлемый для подобной «органики» материал. Разворот действующей власти к суверенитету страны и ее развитию не означает еще соответствующего разворота российской элиты, которая все еще элита более по положению, доходам, гедонизму и роскоши, чем по участию в национальном строительстве и целостном социально-экономическом развитии.

Отсюда у нынешней власти двойная задача: разворачивая имеющуюся элиту к пониманию и реализации национальных целей и интересов, создавать одновременно и саму национальную, способную действовать в интересах страны, элиту. Иного инициатора и реализатора потребной переориентации элиты, как и ее перестроения, кроме верховной власти, у России нет, как и никогда в ее длительной истории, по сути, и не было.

И дело здесь вовсе не только в борьбе с элитарными произволами, криминалами и коррупциями, хотя это и архиважно, а в целеположенном одухотворении существующих, способных позитивно действовать элит, в побуждении их к национальному себя осознанию, в вовлечении элитар-

ных кругов в общенациональные деяния и проекты, в движение по возрождению и развитию страны, в побуждении элитарных слоев к национальной ответственности. Нация — не этническое вовсе понятие, а социо-политическое; национальная элита — это всего лишь элита, сообразная с нацией, действующая в ее интересах, ее поддерживающая и скрепляющая, ее реализующая и развивающая. Созидание мобилизационной национальной элиты, а через нее и с ее участием и новой российской нации — такова насущная задача нынешней российской власти, а точнее, ее стратегическая историческая сверхзадача. Это трудно, тяжело, затратно, болезненно, коллизийно, почти что и невозможно, но это надо, и это… возможно!

Где искать духовное поле

И вот на первое место тут выходит не что иное, как мобилизация национального интеллекта, способного обратить абстрактную волю к суверенитету и развитию нации в реальное общенациональное дело на основе и в русле выработанного элитарным интеллектом национального проекта. Национальный элитарный интеллект — это и сам по себе интеллект, обогащенный разнообразным знанием; это и конкретные люди, этот интеллект несущие и применяющие; это и соответствующие институты, на основе и посредством которых интеллект эффективно реализуется. Социумы и государства, нации и власти, не заботящиеся об элитарном интеллекте, либо исчезают совсем, либо, в лучшем случае, уходят во внеисторическую тень. Любая воистину жизнеспособная и животворящая социальность заботится об элитарном интеллекте и интеллектуальном продукте, производя то и другое, воспроизводя, оберегая и сохраняя. Интеллектуальные продукты бывают разные, но есть те из них, которые можно в полном смысле слова назвать национальными, но не в плане фиксации места их появления, или той же собственнической принадлежности, а в их выраженном бытии в духовно-интеллектуальном поле, потенциале и даже в самой концепции того или иного национального социума, это как раз тот самый продукт, который составляет основополагающее достояние социума, государства, нации, придающее им существенную организменную и функциональную самость. Понятие концепции нации, соприкасающееся с феноменом метафизики нации, далеко еще не общепринято, но все-таки оно есть, как есть и понятие метафизики нации, органично сопряженное с тем, что можно было бы назвать программой нации, проектом нации, определяет и демонстрирует историческую реализацию и историческое предназначение нации. И такой гуманитарный интеллектуальный национальный продукт — проект нации — бывает заложен в само метафизическое основание нации, именно он делает в итоге нацию нацией. В нации, утвердившейся в исто-

рии и продолжающей свое историческое бытие, этот замечательный продукт сакрализуется, становится настоящей исторической святыней, что вовсе не значит, что ему нарочито и слепо поклоняются составляющие нацию граждане и народы, — они его прежде всего просто удерживают, воспроизводят, обогащают — через культуру, образ жизни и действий, как и стратегическую преемственность своего исторического движения.

Россия — странная страна

Есть такой сакральный продукт и у России. Но, во-первых, не столь он явен, как у других наций и государств, во-вторых, не столь целостен, он как бы прерывист и калейдоскопичен, в-третьих, не только не закончен, но и открыт для работы над ним. Россия почему-то противится законченности, в особенности метафизической. Метафизика России не собрана воедино, она таинственна и вольна. Какая еще страна способна, гуляя по космосу и имея ядерный щит, взять, да и превратиться вдруг в одночасье почти что в колонию… чуть ли не у всего мира, не говоря уже о чуть ли не добровольном подчинении лукавому глобальному центру! Одна из загадок России в ее недостроенной, невыявленной и неустойчивой внутренней концепции. Один проект, другой, третий — и все более почему-то нероссийские, внешние, контекстные: так и идет Россия по истории от одного чужеродного проекта к другому. Чужебесие — совершенно российское понятие! И однако Россия всегда остается Россией: загадочной, непонятной, темной, одновременно отталкивающей и прельщающей, вбирающей что-то в себя извне и непременно из себя это что-то выбрасывающей, непостоянной и переменчивой. Лишь на время замирающей, будто бы при этом и спящей. Сколько уже времени бьются над этой разгадкой тайны России всякие интеллектуалы, — что российские, что зарубежные, — и не находят никак подходящего ответа. Но Россия была и есть, есть ее метафизика, есть и концепция, наверное, есть и ее собственный проект, который, возможно, состоит просто… в его — этого проекта — неустанном поиске. Вот и сейчас, уже в XXI веке, все то же самое — все те же неопределенность, незавершенность, прерывность, все то же неудовлетворение и все тот же отчаянный поиск… чего-то неизвестного, небывалого, иного. Россия — не страна вовсе, а мир, причем мир не просто особенный, а альтернативный — что Востоку, что Западу, не говоря уже о Юге. Российская бесформица — не случайность, не нелепица, а периодически вспыхивающая своей страшной явленностью закономерность. Стоит какой-нибудь исторической форме сложиться и даже вроде бы утвердиться, как следует сброс этой вроде бы законченной формы ради новой, вполне иной раз и надуманной, если попросту не экстравагантной. Ничто из как будто бы вполне нормального и уже оправдавшего себя в мировой истории для России не годится, ей не нравится — ничто! И вот эта несбыточная

и избыточная альтернативность как раз в самой метафизике России и сидит, а потому очень страдательно, невыносимо трудно, пожалуй, что и невозможно принадлежать России, в особенности высокому мыслителю и великому деятелю.

Концепция России. Какая она? Кто же это достоверно знает, кроме разве Господа Бога и, быть может, самой России! И все-таки она есть — это концепция трансцендентной страны, находящей воплощение в смене не только текущих состояний, но и самих исторических форм, в переборе разных бытийственных вариантов, вплоть до не очень-то ей и нужных. Ибо здесь простор, масштаб, даль, сонная неподвижность с бешеной подвижностью, прозрачность, неожиданные сполохи, смуты, резкие срывы. Всякая определенность тут временна, ибо она из общей, глубинной и постоянной неопределенности — как накат, как пришествие, как восстание. То вроде бы ничего и нет, а то вдруг такое является нечто, что никому мало уже и не кажется! Странная страна, которая сама по себе произвол, сама себе и концепция. Есть, конечно, и кое-какие инварианты, они же и непреходящие параметры: те же имперскость, деспотия и воля. Некое большое социальное море, в котором все возможно — штиль, волнение, буря. И если концепция России есть, то это концепция некой становящейся непрерывно концептуальности, не претендующей ни на какую выверенную законченность. Неблагонадежный какой-то вывод, но другого, кажется, нет! В какой еще стране, вырвавшейся в космос, может ставиться ни с того, ни с сего как первейшая необходимость та же задача… национальной консолидации, а еще хуже… задача… развития? Или какая страна, обладающая ядерным оружием и великой армией, вдруг окажется перед необходимостью… освобождения от почти что колониальной зависимости и обретения национального суверенитета? Или какая великая держава — постоянный член Совета Безопасности ООН с правом вето, вдруг униженно и подобострастно внимает гневным филиппикам в свой адрес, покаянно поджимая хвост? Все это может проделывать только Россия, как и можно что-то подобное проделывать только с Россией. Сама себя — на колени и в образ кающейся грешницы! Кто только не пинает сегодня Россию: мелкие, средние, крупные, великие — и кто сегодня не испытывает над нею умильного превосходства, в особенности из отколовшихся от империи кусков и бывших союзничков?! Россия то падает, то поднимается, временами несется, чтобы резко вдруг упасть, исполняя свой трансцендентный исторический танец-цикл. Вот и сегодня, кажется, новое вставание с колен после очередного падения и перед новым на очереди подъемом!

Зачем мы поднимаемся с колен?

Национально ориентированная российская элита, окруженная чрезмерной антиэлитой, поднимается с колен, испытывая нужду в новой

исторической концепции России. Не страна, а целый мир, к тому же великая держава, империя. Спрашивается, зачем? Запад в России не получается. Восток никогда не получится, а уж Юг с Севером тем более. Получится может только… Россия — новая Россия, с новой национальной элитой и новой российской нацией, разумеется, на основе и на пути современного — производственно-интеллектуально-инновационного — развития. Особенность момента, как это уже было, кстати, не раз в российской истории — в новом противостоянии России и остального мира, неважно с какой стороны и как конкретно этот мир взирает на Россию. Хочет того Россия или нет, но раз она остается на исторической арене Россией, то такое противостояние неизбежно, поскольку Россия с точки зрения мира неверная, неправильная и чужеродная страна, а потому держать ныне Россию, как, собственно, и прежде — держать это самое противостояние: мирное, военное, культурное, цивилизационное, политическое, экономическое — любое! С Россией можно дружить, союзничать, бражничать, но как с самобытным и неопределенным в собственном «самобытстве» субъектом-феноменом. Кто это понимает, тот и выигрывает! Так что новая концепция России должна прежде всего вбирать в себя факт ее нового исторического противостояния остальному миру. Все, что в пользу этого противостояния, — в концепцию, все, что против, — вон! Однако базироваться концепция должна все-таки не на этом противостоянии, а на самой России, стремящейся уже, кажется, к образованию новой для себя исторической формы. Какой же? О-о, уже надоело повторять одно и то же: имперской, мобилизационной, но при этом и интеллектуальной, инновационной, творческой!

Возбудить творчество и не утратить России! И чтобы не утратить, потребны, с одной стороны, власть крепкая и гражданская, а с другой… гражданская свобода вперемешку с гражданской же ответственностью. Так что не одна элита позитивная и действенная нужна, но и граждане нужны, образующие столь же позитивный и действенный социум, где каждый человек по-своему, но при этом и вместе со всеми. Противостояние с миром и должно выдавить из России соответствующую форму бытия и организации всего ее социального организма. Противостояние — не культивирование какой-то непременной противоположности, это всего лишь культивирование самости: не той же демократии в привычном понимании, но и не столь же привычной диктатуры — даже и закона; не вседозволенности, но и не тоталитаризма, пусть и самого благостного. Кто должен управлять Россией? Вождь, элита, народ? В том-то и дело, что ни то, ни другое, ни третье, а весь российский социум — национально сообразованный и функционально дифференцированный, когда и вождю, и элите, и народу есть что делать и чем жить в рамках общего жизнеотправления.

Интеллект и творчество

И особое место должна занимать в социальном организме творческая, она же интеллектуальная, она же и инновационная, элита, без которой не выжить, — и это уже почти ясно, но не политической, не экономической, не той же самой культурной элите. Нация сильна не чувством своеобразия, а творческой энергией, в ней присутствующей и реализующейся. А творческая элита — это та самая элита, оказавшаяся как раз в ходе и по итогам радикальных реформ в самом что ни на есть маргинальном, если не прямо в смешном, положении, — и если она еще есть, то только вследствие упорного ее противостояния реформам и воцарившемуся по их результатам заряженному антисистемностью строю жизни, если не антижизни. Такое положение творческой элиты — совершенно недопустимая вещь! Мало того, что она брошена на произвол судьбы, что ее никто не поддерживает и не поощряет, что с ней не считаются, но еще и решают за нее ее собственную судьбу, тогда как само это решение может быть лишь элитарно творческим, а потому и принадлежать как раз самой этой творческой элите. Ситуация с творческой элитой в стране не просто сложная, она… чрезвычайная, — и это пока никак не может осознать ни общественность, занятая материальностью, потребительством и гедонизмом, ни власть, разгребающая ужасные пореформенные завалы на всех участках современного российского жизнеотправления. Да, сегодня наконец-то заговорили об интеллекте и инновациях, но… но… где оно, столь же интеллектуальное и инновационное управление… проессом высвобождения интеллекта и инноваций?

Необходимо признать, что российская социальная среда сегодня — среда антиинтеллектуальная и антиинновационная, а фактически и антиэлитарная. Сама элита сопротивляется своей же элитарности, оставаясь без творческого, то есть высокоинтеллектуального и реально инновационного потенциала, без чего не может быть ни суверенной, ни самобытной, ни самостной России, тем более не просто сопротивляющейся агрессивно-амбициозному миру, а ему с достоинством противостоящей. Нужно хотя бы глубоко осознать этот факт! Никакой глобализм интеллектом и инновациями Россию не снабдит: умная и инициативно обновляющаяся Россия никому в этом мире не нужна, а нужна Россия глупая, застывшая, покорная, соответственно и Россия самоисчезающая. Где интеллектуально-инновационное сообщество, где всеобщий доступ к знаниям и новейшим достижениям, где новейшее оснащение интеллектуально-инновационной сферы, где новые отрасли производства, где разностороннее фундаментальное образование, где новые интеллектуально-инновационные кадры, а главное, где ко всему этому уважение — национальное, государственное, властное? И пока всего этого

нет, не будет самостоятельной, самобытной и оригинально развивающейся России!

Пора в конце концов понять, что в изначалье, в основании и в сердцевине интеллектуально-инновационного процесса никакого рынка нет и быть не может, как нет и никакой экономики, хотя они есть конечно же во взаимодействии с этим процессом. В изначалье, в основании и в сердцевине процесса только творческий интеллект, разумеется, необходимым образом оснащенный. А это люди, это человеки, к которым в обществе должно быть исключительное поощрительное отношение. Главная производительная сфера сегодня — сфера творческая, так называемый интеллектуально-инновационный сектор. Где они, эта сфера и этот сектор? Ответ тут, к сожалению, один: в загоне! И в административном, и в экономическом, и в рыночном, и в социальном, даже и в культурном. Вывести творческий интеллект и инновационное воображение из загона, из своеобразной резервации — актуальнейшая и необходимейшая задача нынешней российской власти! Пора уже сделать хотя бы так, чтобы интеллектуально-инновационное творчество не воспринималось в лучшем случае как чудачество, а в худшем как чуть ли не преступление. Современная российская среда — любая, но только не высоко и инициативно творческая. Это касается и самой собственно научно-образовательной среды, не избежавшей собстренной апокалиптики. Нет уже, или почти нет, ни высокой науки, ни высшего (не по рангу, а по качеству) образования, зато слишком уж много псевдонауки и псевдообразования. Ум российский вовсе не отмобилизован на творчество, а страна живет фактически без творческого интеллектуализма. Проведенная наспех, в угоду потребительскому присвоению реформа никак не способствовала высокому интеллекту и инновационному творчеству, что вызывает сегодня потребность в контрреформе, способной решить насущные задачи мобилизации и реализации творческого потенциала, — не самая, скажем откровенно, простая социогосударственная задача! Самое страшное, что случилось с Россией — потеря вкуса к созидательному труду, ответственному и бескорыстному служению, производительной работе, большому творчеству. И вот оказывается, что для выживания и полноценного бытия страны потребны не одни только деньги и капиталы, но и дух, мораль, идеология — все то, что за деньги не купить и одним капиталом никак не оживить. Так же российская молодежь уже и не понимает, что такое служение общему делу, национальным задачам, совместному творчеству. Какой же тут урон, какая черная дыра, какой исторический провал!

Движение по национальному пути

Страна ныне без эффективной национальной идеологии, тем более без элитарной идеологии зовущей, влекущей, авангардной. Но страна нуждается в подобной идеологии: а) возвращающей России моральное

достоинство и неформальный статус великой имперской державы; б) подтверждающей особенность исторического образа и пути России, как и невозможность с нею не считаться; в) рассматривающей Россию как общий дом уже всех россиян (через призму того же нового домостроя); г) приветствующей и утверждающей всестороннее развитие, обосновывающей самобытное будущее во взаимозависимом мире. Есть ли истоки и очаги такой идеологии? Есть, конечно! И среди них, помимо текущей практической, прежде всего геостратегической, концептуальности, и такие, как русское домостроительство, русская философия с русской литературой и отечественная философия хозяйства. Интеллектуалы России любят искать истину за пределами отечественной истории и мысли, подальше от своей страны, где-то там… мало находя при этом функционально ценного и убеждаясь лишь в скором увядании в России большинства заграничных идеологем, вроде бы самых что ни на есть новых и перспективных. А ведь Россия не только «кладбище» привносимых извне идей, она еще и сокровищница идей, но… уже своих, пока, быть может, не оформленных в целостную национальную идеологию, но могущих быть оформленными в таковую при движении России по действительно национальному пути — к новой российской нации!

Российский журнал художественной литературы и общественной мысли «СЛОВО». 2008. № 6.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС ЭКОНОМИКИ

Сама по себе экономика нейтральна по отношению к стране, государству, нации. Деньги хоть и называются иной раз национальной валютой, но им самим совершенно безразлична их национальная принадлежность. Сами они всегда и везде работают просто как деньги. Однако стране, государству, нации совсем не безразлично, что за деньги работают в подконтрольном стране, государству, нации пространстве, как и все остальное, связанное с деньгами: как, где, в чьих интересах, с какими целями, ради каких задач и т. д.? Все сказанное о деньгах относится и к экономике. Экономика национальна не по принадлежности к тому или иному локальному пространству, а по характеру своей реализации, целеполаганию и разрешаемым ею задачам. Сама по себе экономика не национальна, национальной ее делает нация, заставляющая экономику ей — нации — служить.

В современной России все тут не просто: вряд ли найдется сегодня ответственный эксперт, который заявит, что экономика в России служит нации. Да, экономика есть, она работает, производит доходы, но в интересах ли это все российской нации, да еще и как единой целостности?

Здесь большой вопрос, ибо хорошо известно, что доходы утекают за рубеж, что велика теневая экономика, что нет достаточного производства, занятости, как нет и инноваций, что материально-технический парк устарел, что рынок недвижимости чудовищен, что негде жить, что население сокращается, что полно беспризорных и т. д. Выходит, что экономика есть, весьма и прибыльная, а нации от этой экономики не только не уютно, а, пожалуй, что и отвратительно. Экономика, увы, не служит, нации, во всяком случае, полностью, целостно, эффективно!

Таков наш неутешительный вывод. Однако, почему же она не служит? И вот тут является другой, еще более, пожалуй, неутешительный вывод: потому что… и нации-то… нет, да, да, именно так — нет ее — российской нации! Если, конечно, не путать нацию с народом (кто народился), с населением (кто селится), страной (где живут), обществом (общностью бытия), государством (аппаратом, институтом гражданской организации). Нация — это, конечно, люди и люди объединенные, но такие люди и такие объединенные люди, несущие (сущие в себе!) некое особое определяющее качество, их объединяющее и в то же время отличающее от других людей, в том числе и как-то объединенных, дающее объединенным людям возможность целостного организменного существования и всеобщего полноценного воспроизводства посредством ясно выраженной духовно культурной и соответствующим образом институционально оформленной субъектности. И как раз таковой субъектностью Россия сегодня и не обладает.

Была ли когда-нибудь Россия полноценной единой нацией? С национально ориентированным населением и национально ориентированной элитой. Похоже, что нет, не была! Она всегда была слишком внутри расколотой и слишком внешне — государственно — скрепляемой. Полноценная нация вряд ли допустила бы в себя и свою истории эту бессрочную революцию: 1917 г., 1929 г., 1953 г., 1985 г., 1991 г. еще какой тут год с еще какой революционной инициативой-вспышкой? То ли нация так и не сложилась, то ли она таким вот образом складывается, то ли в России вообще не должно быть никакой нации? Вопросы, вопросы.

А национального ресурса, способного поставить экономику на службу нации, как не было, так и нет — его заменяет государственный, а точнее — на сегодня, административный ресурс, который тоже, надо заметить, нации не очень-то служит, а потому есть экономика, есть администрация, есть вроде бы государство (скорее даже псевдогосударство), а нации как раз нет. И это очень серьезно, ибо нет субъектной силы со стороны самого пространства, занятого населением, окаймленного страной, оснащенного, если не оккупированного экономикой, удерживаемого кое-как государством, т. е. нет самого надежного и действенного

животворного критерия и ресурса бытия — национального, исходящего непосредственно от нации!

Россия без нации — и это плохо!

Отсюда важнейшая задача, стоящая перед Россией — обретение нации, соответственно, национального хозяйства, а там глядишь, и полноценного бытия!

Историю расколов пора заместить историей единения. Да вот как — с такими-то итогами бесстрашной последней революции?

«Философия хозяйства». 2008. № 1.

РОССИЯ: ЧАС ОЖИДАНИЯ

Относительная стабилизация в стране вроде бы налицо. Цены на нефть растут. Доходы тоже растут. Растет потребление. Производство… нет… не растет, а если что и растет, так это производство более всего фиктивное, которое, собственно, и не производство… а так… тень на плетень. Настоящего роста настоящего производства мало, очень мало. Многие предприятия давно закрыты и разорены, какие-то еле дышат, а те, что развивают… так это в основном сырьевые, полуфабрикатные, вредные. Оборонка хоть и оживилась, но внутренних армейских заказов почти нет. Строительство жилищное вроде бы «бумит», а цены на жилье таковы, что… хоть вешайся. Образование есть, а кадров квалифицированных нет. Наука омаргинализирована. Считай, что ее нет. Здравоохранение… никакое, да и существующее сворачивается. Хирургическая операция стоит что жилье. Еда, правда, есть, импортная и, кажется, генетически и химически преобразованная. Одежда тоже есть, китайская. Кафе и рестораны — только для состоятельных, остальным — ларьки, дворы и помойки. Города задушены автомобилями. Дорог хороших как не было, так и нет. Смертность колоссальная. Людей теряем как на масштабной войне. Рождаемость повысилась, но воспитание… о… эта молодежь!

Строй, а это строй произвольного деспотизма, укрепился. Страна забюрократизирована и закоррумпирована. Маккиавеллистский пиар работает, выборы без выбора проходят, власть остается властью, а народ… населением. Взаимная неприязнь людей друг к другу никуда не делась.

Революционной ситуации нет и не будет. Апатия. Нет позитивной пассионарности — ради страны, общества, будущего. Нет и позитивного конструктивизма. А главное, нет уважения — ни к чему и ни к кому! Потребление, комфорт, гламур, присвоение, грабеж — главные приоритеты. Созидание — только эгоистическое. Нации нет, государства нет, армии тоже нет. Зато есть антикультура, которая бурно процветает.

Страна если и не разобрана, то и не собрана. Это сумма, а не целостность, масса, а не организм, аморфность, кроме теневых структур, которые везде, даже и в сфере науки. Ни научных открытий, ни новых технических достижений. Творчества нет, оно в загоне. Зато масса псевдонаучных диссертационных псевдоинноваций.

Понять российскую ситуацию можно, если учесть феномен Постмодерна, однако не «ихнего», а нашенского, т. е. дурного, безобразного, мерзкого. Время Постмодерна — время господства симулякров, когда на поверхности фикция, а внутри пустота. Россия приняла с удовольствием Постмодерн, его игру, но тут же исказила Постмодерн до неузнаваемости — до помойки. В этой помойке и сидят смерды!

Час ожидания. Чего? Ясно чего: выправления, приведения в норму. Власть кое-что уже осознала и кое-что пытается делать. Отрицать этого нельзя. Но задача уж больно грандиозная: как из *инфернализированной антистраны* («черной дыры») сделать *цивилизованную страну* («ясную планету»), коли треть тех же наших автомобилистов: — отморозки?

Пора осознать, что без восстановления цивилизации, культуры, морали, традиции, гражданского порядка Россию ожидает очередная *апокалиптическая катастрофа,* избежать которую можно лишь при условии утверждения не рынка, не капитализма и даже не социализма, а самого обыкновенного национального солидаризиа, до которого нам, увы, еще очень далеко.

«Философия хозяйства». 2008. №.3.

РОССИЯ В ОЖИДАНИИ... ОЧЕРЕДНОГО ЧУДА

Взяли почему-то… 13 лет, прибавили их к 2008 году и решили, что в 2008 г. Россия должна стать пятой (!?) страной в мире по объему… чего?.. наверное… ВВП, который ныне можно определять и так, и этак.

Если цены на природные ресурсы, а соответственно, сырье и энергию, будут продолжать расти, что не исключается, ибо таков ответ природы и жизни на засилие финансовой экономики и постиндустриализма, — то Россия может выйти… ничего особенно инновационного не делая… и на первое место в мире, ежели, конечно, сохранится… как Россия, да и не 2020 г., а и заметно раньше.

Так что считать надо бы не объем продаж, а объем произведенного продукта, да не в ценах только, а и физически, учитывая при этом и качественный состав производимого в стране продукта.

Да и в объеме ли ВВП тут проблема? Нет, не в объеме, а в стройности и качестве жизни, в самих ее человеческих измерениях, среди которых не одна лишь продолжительность жизни, а и человеческая, вполне

и нравственная, реализация каждодневного бытия, в том числе и трудовая, творческая, социальная, одним словом — полноценная — от насыщенного настоящего и надежного будущего.

Хорошо, пусть хотя бы по объему ВВП, незнамо как ныне подсчитанного. Все-таки цель и, вроде бы, достойная: жить будем, наверное, лучше! Но за счет чего и кого?

Ах вот оно что, за счет иностранного капитала и преодоления гнусного национального эгоизма. Это как же? Сам иностранный капитал все и устроит? А интересы нации тут как бы и не причем? Глобализм превыше всего, а международный альтруизм всего милее?

Ребята, вы заропортавались!

Такого не бывает! Германия и Япония работали в поте лица, получая некоторое время иностранную — от победителей — финансовую и техническую помощь, но, совершив чудо и достигнув многого в своем развитии, где они теперь — Германия и Япония?

Быть развитым и богатым еще не значит быть… самостоятельным и перспективным. Поработав четверть века в поте лица, потом уже и живя полвека в свое удовольствие, Германия и Япония вдруг сегодня осознали, что… они уже не те, что были… не те уже в них германцы и японцы, не в том они духе, да и место им отведено какое-то не то, хоть и верхнее вроде бы, да вот… не высшее, все то же, что и до войны мировой было, ибо не любит глобальный центр-победитель властью и положением делиться, совсем не любит, даже ради послушных германцев и японцев.

А тут Россия, сдавшаяся просто так на милость… нет, не победителя даже, а, скажем так, прельстителя, им же колонизированная и… опушенная.

Ну и что, что у нас миллиардеры, но ведь колониальные же миллиардеры, и с исторической точки зрения… совершенно пустые. Денежные мешки и только! И деньги в мешках у них не свои, не российские, и мешки, пардон, заграничные, так что пустые они по сути, пустые: и деньги у них ненастоящие, и мешки, знаете ли худые.

Да и государство у нас такое же: колониальное и с непременностью… пустое.

Так что… что же тогда ожидается в 2020 г., если не самое странное чудо, ибо работать, как когда-то германцы и японцы, да и те же россияне (русские в основном) при Сталине, мы не хотим и не можем: ни работников теперь, ни творцов, одни гедонисты (при этом колониальные!) да умники пиарщики (тоже колониальные!), а это все, увы, пустое.

Что ж, к 2020 г. многое изменится, это факт! Но что же тогда будет, с кем, в какой (той ли) стране? Чудо, возможно, и свершится, но какое?

Россия любит чудеса и в них истово верит: Революция 1917 г. — чудо; Гражданская война — неприятное, но чудо; нэп — чудо из чудес;

сталинское преобразование — чем не чудо; победа в тяжелой мировой войне — настоящее чудо; послевоенное восстановление — вполне чудо; атомная бомба и выход в космос — непременное чудо; великодержавие — чудо; перестройка — дрянное, но тоже чудо; саморазвал СССР — поразительнейшее чудо; ельцинская реформа — опять же чудо из чудес, а лучше сказать, непревосходимое чудо; путинская стабилизация — пусть маленькое, но чудо; путинский самовластный кульбит — чудо, хоть и с недоумением. А теперь вот ожидание очередного чуда — взлетного!

Это как же? Коли население российское, — что народное, что элитарное, что среднеклассовое, — жаждет только одного чуда — гедонистического, которое уже (!) в основном и состоялось, хоть и не для всех, да ведь для всех и не надобно?

Да-с, задача!

Э-эх, пора бы перестать пиар-чудеса-то конструировать, а… нет, конечно… не делом заняться (этого еще не хватало!), а хотя бы трезво на все вокруг посмотреть и… к строительству здоровой жизни потихоньку перейти… нациостроем заняться (то бишь домостроем), ну и развитием инновационным в придачу.

А ведь подобное строительство в задачу иностранного капитала да колониальных миллиардеров с колониальными же администраторами не входит, совсем не входит, не так ли?

«Философия хозяйства». 2008. № 4.

РОССИЯ: СТРАТЕГИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

За XX в. мир сильно изменился, настолько сильно, что стал другим миром — миром, как сейчас стало принято говорить, Постмодерна, точнее, миром с Постмодерном, рожденным Западом (Европой и Северной Америкой) и Западом же активно ныне культивируемым. Мир Природы и Бога (Премодерн), сменившись на «мир человека против Природы и Бога» (Модерн), стал теперь «миром без Природы и Бога», но зато «ради человека и только человека».

Когда-то человек хозяйствовал (с помощью Божией), в природе и заодно с нею, затем человек принялся хозяйствовать вопреки природному и сакральному началам, а ныне человек, покорив природу и отпав от Бога, хозяйствует непосредственно из себя и ради себя, все более свободно и полно самовыражаясь, наслаждаясь творчеством и инновациями, ведя практически свободно собственную демиургию.

Мир Постмодерна — уже не мир Модернизации, как это было в эпоху Модерна (XVI—XX вв.), это мир Инновации — не ради жизни и

даже не ради вооруженной наукой и техникой жизни, а ради непрерывно обновляющейся жизни, что означает, что не ради модернизационного прогресса и прогрессивного возвышения (переделки мира по человеческому замыслу и полного миром овладения), а ради искусственного бытия, возможного только при условии постоянного изменения, или, что то же самое, непрерывных перемен, как бы поддерживающих этот мир на лету, вроде бы прямо в Космосе.

А поскольку сами эти изменения и перемены не очень-то для реальной жизни нужны, то они по большей части выступают как инновации ради инноваций, а не инновации ради жизни, вызывая мощнейший эсхатологический, если не прямо апокалиптический, мотив в бытии современного человека. Ведя уже не просто хозяйство, а самое настоящее гиперхозяйство, т. е. хозяйство ради хозяйства, а следственно, и хозяйство ради ничто (сделай то, не знаю что!), человек фактически создает и поддерживает мир-симулякр, превращая и самого человека в существо-симулякр — как новое человекоподобное существо, название которому уже не какое-нибудь, а непосредственно постчеловек.

Постмодерн — гиперхозяйство — постчеловек!

Теперь не человек ведет хозяйство, как думается до сих пор, а гиперхозяйство, став вполне самодовлеющим, ведет человека, делая его еще и постчеловеком; не наука и техника теперь при человеке, а человек ныне при науке и технике; не институты при человеке, а человек при институтах; не рост и развитие при человеке, а человек при росте и развитии; не благополучие при человеке, а, человек при благополучии; да и не жизнь и смерть ныне все более при человеке, а сам человек все более при жизни и смерти.

Победа человека над Природой и Богом… оказалась вдруг… пирровой победой: изобилие, превращая человека в свою принадлежность, не просто придушивает человека, точнее, человека в человеке, но и требует от человека отказа… и от… самого себя, ибо только отказавшись от себя человекообразное способно существовать в нынешнем переменном и переменчивом мире — ничего устойчивого, никакой тебе остановки, никакой и насыщенности, никакой содержательности, — только форма, только открытость, только пустота, только плазменность, только однообразие и похожесть.

Не человек теперь лишь, а знаки человеков, символы, институты, призраки — но только не человеки!

А что Россия?

Россию мутит, Россию корчит, Россию ломает — от Постмодерна. Съела, наелась и, не переварив, уже тужится его выблюнуть. Почему же? В России еще бытует человек — плохой, безобразный, пакостный, но человек — еще не полный симулякр. Даже бандиты в России еще человеки,

даже бизнесмены, даже проститутки, даже политики и даже… ученые.

Уступив мировому глобальному центру, склонившись перед Западом, развалившись и опозорившись, а заодно озверев и оскотинившись, СССР-Россия, не избежав столкновения с остаточной человечностью, вдруг почувствовала, что все это новое… совсем не то, что надо было бы, что вокруг все мерзко и отвратительно, а гламурное благополучие не более чем прельстительная вспышка перед вполне вероятной погибелью. Почувствовала, колбасясь, но еще не осознала, — и уж, тем более, решительно не отпрянула — от содеянного и неожиданно вдруг благоприобретенного. Однако задумалась… не очень твердо и глубоко… хотя бы от смертоносного жуткого помрачения, ее свободно овладевшего и уже умучивающего.

И что же сегодня?

А сегодня стало вдруг ясно, что так нельзя, что потребно что-то другое, что нужно что-то делать.

А энергии-то для этого и нет, ума нет, воли нет — разве лишь одно слово, брошенное невпопад: инновация — еще и не понятое, не осмысленное, не осознанное.

Слово уже есть, а дел великих, естественно, нет, — и не будет, пока не поймем, что Реформа 1990-х тоже ведь была инновация, приведшая не только к нынешнему беспросветью, впрочем, вполне и благостному, но и к нынешнему… инновационному тупику, не столько препятствующему скорым инновациям — они есть и будут, разумеется, заимствованные, — сколько требующему нового инновационного безумства: что, как, для чего и с какими последствиями инновировать в непрерывно и так меняющейся стране, занятой глобальным Вальтасаровым пиром вослед пирровой победы ради безмерного и бестолкового благоденствия?

Новое инновационное безумство!

Либо переходящее в инновационное развитие страны, либо ее — эту страну — окончательно угробляющее. А страна никакого инновационного безумства совсем и не хочет: не до рывков ей ныне, пожить бы, насладиться, порадоваться. Не до инновационного героизма! Вполне достаточно и текущего подражательного обновления, зачем еще какая-то фундаментальная, стратегическая, возвышающая Инновация, субъектная и национальная, чуть ли не имперская — чего в России не хватает?

Ситуация в стране сложилась по-своему уникальная: она в целом антиинновационная, если под инновацией понимать самостоятельное, хотя и не изолированное полностью, в интересах страны, как и не без интересов мира, творческое движение по пути обретения нового полноценного бытия, не только не исключающего творчество и демиургию, но ставящего их на службу старающегося избежать социогуманитарной катастрофы человека.

Если сегодня говорить об инновации, то таковой может быть только антикатастрофная инновация!

Вероятна ли эта катастрофа? Не просто вероятна, она… идет! Апокалипсис, во всяком случае, апокалиптический кризис, в том числе и кризис гиперхозяйства — налицо! Только слепой не видит, хотя, наверное… и кое-что этакое уже слышит.

Постмодерн — время подспудного апокалипсиса, рожденного Модерном, как и время раскручиваемой Постмодерном ползучей катастрофы. Апокалипсис ведь никак не противоречит процветанию и благополучию, он с ними даже солидарен, а катастрофа не обязательно выражается в видимом и слышимом всеми обрушении всего мироздания. Тут все куда как тоньше, лояльнее и незаметнее, одновременно и гадливее.

Когда толкуют старательно об инновациях, то имеют в виду прежде всего любые новшества, кроме социальных и гуманитарных, а главное-то сегодня как раз восходит в иновационных деяниях именно к обществу и человеку.

Постмодерн и глобализм — великие инновации, направленные прямо на планетарного человека и на мировой социум. Неужели это еще не ясно? А ежели не ясно, то тогда неча делать на конференциях по инновациям, ибо постмодерновые и глобалистские инновации «крышуют» сегодня все человечество и весь человеческий мир, ведя их даже не в новое состояние, а в новый, еще невиданный образ бытия, в рамках которого окажутся далеко не все из насельников планеты, а тем, кто окажется, уготовлено свое определенное место, своя роль, а главное, и свой постчеловеческий образ — от киберного до обезьяннего.

Не проморгать бы за призрачными нанотехнологиями самые важные на сегодня нововведения — социальные и гуманитарные: с одной стороны, губительные — для той же полоумной России и все еще лупоглазящих россиян, а с другой — спасительные — все для той же, но уже тревожно озирающейся, России и тех же, только-только прозревающих, россиян!

Инновационная политика в России нужна, ох, как нужна! Однако сама из себя представляющая инновацию, которой еще не было, мало того, ведущая к социальным и гуманитарным инновациям, которых тоже еще не было, к тем самым, которые, преодолевая постмодерн и глобализм, а соответственно, апокалиптику и катастрофику, сообщают жизни на планете новое плодотворное дыхание.

Эпоха перемен! Каких и куда? И где тут наши перемены, способные, встроившись в поток всеобщих перемен, дать потребные нам итоговые перемены?

И тут вылезает принеприятнейшая вещь: повести нужные нам перемены только через обретение… традиции, не обветшалой вовсе, а обновленной — смотрящей вперед, осваивающей будущее.

Ох, эти перемены, ах, эта переменная элита… эх, эта переменчивая власть!

«Философия хозяйства». 2008. № 4.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА — СУДЬБА РОССИИ

К IV Малому университетскому форуму «Национальная элита — судьба России» 5—7 декабря 2008 г.

Тезисы

1

История не совершается сама по себе, хотя в ней и действует стихийно-синергетическая, восходящая к трансцендентному началу сила, делающая историю частью самоорганизационным, как бы из себя исходящим, процессом, — история совершается, так или иначе, людьми, среди которых находятся воистину исторические субъекты — личности, группы, классы, иногда и народы — способные в полном смысле слова делать историю, вполне при этом и осознанно. История есть история человеческого сознания, как и бессознания тоже, она вершится сознанием в сфере сознания — ноосфере, и в функциональном аспекте она есть продукт сознания, однако не просто людского сознания, но и сознания, как и бессознания тоже, самой истории. История обладает своим собственным историческим сознанием, своей ноосферой, — и течение истории есть, при всей великой роли материального фактора и объективных обстоятельств, процесс реализации этого исторического сознания, как и бессознания тоже, процесс реализации исторической ноосферы. История — не то, что было, а то, что есть (есть это ист — исток — истечение — течение), что происходит (исход — исходит — ходит — проходит), что совершается, что в человеке и из человека, что делается, что вокруг. И первичны тут человек, сознание, ноосфера, а история как раз вторична, хотя у самой по себе истории как сложного и в чем-то трансцендентного процесса есть своя стихийно-объективная субъектность, признаваемая сознанием и допускаемая ноосферой. История творится — и это очень важно осознавать, но она и самотворится, что тоже очень важно осознавать. Человек — творец истории, но и история — творец самой себя, а поэтому и история — творец человека. Однако в центре всего все-таки творящий человек, творящее сознание, творящая ноосфера. История —

творчество, это тварная история, но это и история исторического творчества.

2

Творение истории — деяние, прежде всего, творцов истории, среди которых личности, группы, классы и целые народы. Осмысливая историческое творчество, нельзя не заметить особой роли особой части социума, имеющей к творению истории самое прямое и наиболее творческое отношение — творческой, с исторической точки зрения, части социума, той самой части, в среде которой принимаются исторические решения и из которой исходят исторические действия, из которой история как бы выливается, точнее, выливается все то, что творит историю в ее самой творческой части — в ее, можно сказать, творческой матрице. Данная особая часть социума есть не что иное, как историческая элита, образующая то, что можно было бы назвать историческим очагом социума, его творческим ядром, социальной фабрикой истории. Есть история, а есть история истории, но не как реальное знание о течении истории, что понятно, а как зачинающее лоно истории, рождающая ее матка, но при этом и работающий мозг, творящий интеллект, действующая голова. История творится всеми людьми — участниками истории, но главным образом она творится все-таки вышеуказанными историческими элитами, наиболее и в первую очередь располагающими возможностью такого творчества — интеллектом, информацией, знанием, опытом, властью, а также не просто расположенными к реализации такой возможности, в ней как-то по-особому заинтересованными, но, как правило, к этому попросту и обязанными.

3

Любой социум (а социум есть самостное, на себе замкнутое, для себя существующее, локализованное, выделяющее себя из среды социальное образование) содержит в себе наряду с составляющим его людским миром, или массой особей, или народонаселением, некий ведущий — организующий и управляющий слой, как раз и образующий вместе с той или иной народонаселенческой массой тот или иной конкретный социум. Этот ведущий слой, способный продуцировать социум, его удерживать и обновлять, и есть этого социума историческая элита: либо при этом держащая социум в подчинении и даже в своей собственности, либо выполняющая свою функцию в качестве подконтрольной социуму его части, либо совмещающая то и другое, ловко и непрерывно лавируя между властью над социумом и его над нею контролем. Безэлитных социумов нет и быть не может, какой бы общественной, демократической или гражданской ни была бы его конкретная организация. Дело вовсе не в присутствии или отсутствии в социуме элиты, ибо она всегда есть,

а лишь в особенностях характера элиты, способах организации и реализации. Элита — не значит обязательно хорошо, а то и превосходно, это значит лишь, что есть особый слой в социуме, выполняющий особую в нем функцию — продуцента и держателя социума, как и его обновителя. Главное в понятии социальной элиты функция, а не качество, хотя качество тут, конечно же, не на последнем месте, ибо от него зависит качество исполнения функции: ведь от элиты до антиэлиты не самое большое расстояние, а в любой элите есть всегда что-то и от антиэлиты, что как раз и срабатывает не «за», а «против» социума, его нормальной жизнеспособности и позитивного жизнетворчества. Проигрывают и гибнут те элиты, которые не могут удовлетворительно исполнять свою функцию, превращаясь в пустую принадлежность всегда живого, но нормально уже не воспроизводящегося, соответственно, и кризисного, социума. Кризис элиты — кризис социума! Отсюда и социальная потребность обновления элит, их смене. Однако бывает и внутри-элитарная потребность в обновлении и смены элит. И такие обновления и смены рано или поздно происходят, зачастую насильственно, нередко и с кровью. Так что элита — сначала именно особая функция, а затем уже и все остальное, среди чего не последнее место принадлежит как раз обязанности.

4

В современном сложно и иерархически структурированном цивилизованном социуме, состоящем фактически из множества разнообразных социумов (под- или субсоциумов), имеет место и столь же сложная и иерархически структурированная элитарная конструкция — социальная система различных элит: от локальных и особенных (специализированных) до общих и комплексных (целостных), а главное от властных, центральных и высших до подвластных, местных и низших. Современная элита — совокупность элит, нередко и не слишком консолидированная. Консолидация — важнейший параметр состояния и действенности любой элиты. Но важен еще и другой параметр — организменность, когда все частные элементы составляют вместе жизнеспособное и жизнетворное целое.

5

Еще совсем недавно основополагающее и ведущее значение принадлежало, — так, во всяком случае, казалось, — национальным элитам, но сегодня ситуация в элитарном мире заметно изменилась. Сформировалась и все более ныне активничает наднациональная элита, она же международная мировая, а ныне и глобальная, базирующаяся, правда, на элитах США и их ближайших сателлитов, т. е. на ряде глобализованных национальных (теперь уже полунациональных, а то и псевдонациональ-

ных) элит. Указанная наднациональная элита, подчинившая себе значительно экснациональные элиты, претендует на исполнение элитарной функции во всем мире в целом и сразу, используя в своих интересах остаточные экснациональные элиты, становящиеся не более чем локальными филиалами наднациональной, уже и глобальной, элиты. И если наднациональная элита теснит, преобразует и подчиняет себе национальные элиты сверху и из мирового центра, то снизу и из периферии национальные элиты подвергаются нынче еще и разрушительным атакам со стороны разного рода внутринациональных (внутристрановых) элит, ставших соответственно по тем или иным причинам в оппозицию к национальным — по духу, задачам и действиям — элитам. Для современности уже невозможно говорить о первостепенной роли национальных элит, для которых настало трудное, совершенно и апокалиптическое, время, когда вопрос «Быть или не быть?» уже замещен фактически на утверждение «Не быть!». Собственно национальные элиты для многих, если не для большинства, стран мира — достояние истории, а не текущей современности.

6

Однако констатировать окончательное исчезновение в современном мире национальных элит все-таки нельзя: не все страны, социумы, соответственно, и элиты согласны сегодня на исчезновение национальных элит, как, собственно, и наций. Возникшая в результате мировой интеграции и состоявшейся на данный момент глобализации открытость социумов, государств, хозяйств и экономик вовсе не означает схода с исторической сцены многих национальных (лучше даже сказать — национально-ориентированных) элит, а более всего означает лишь приспособление этих элит к новому социальному контексту, их преобразование и трансформацию: от, скажем так, обособленных национальных элит, как и национальных социумов, к интеграционным национальным элитам и социумам, однако не теряющим в условиях интеграции и глобализации своей национальной субъектности и функциональной специфики. Не растворение национальных элит в глобальном элитарном месиве, не подчинение этих элит наднациональной элите, не превращение в псевдонациональные филиалы в глобальной элитарной системе, а сохранение и упрочение национальных элит посредством их собственного для себя и своих социумов преобразования. Не все национальные элиты в современном мире идут по такому пути, но есть элиты, которые стремятся не утерять ни своей историко-цивилизационной идентичности, ни ведущей роли в среде своего социума, ни самого этого социума.

7

Пережив всеобъемлющую и глубокую, революционного характера, трансформацию строя, государства, образа жизни, социума и элиты, современная Россия, изрядно открывшись внешнему миру, весьма амбициозно активному, если не прямо агрессивному, избежав полного социального краха, практически чудом уцелев от весьма вероятного распада и навязчивого поглощения мировым контекстом, успев немало затем стабилизироваться и укрепиться, а во многом и обновиться, оказалась сегодня перед проблемой сохранения и утверждения своей национальной самости, восходящей не к одной лишь историо-культурной идентичности, но и к социо-государственной суверенности и историо-цивилизационной субъектности. России удалось остаться Россией — имперской по сути своей внутренней организации и политического позиционирования вовне великой державой. И тут нельзя не обратить внимания на факт действительного исторического чуда, ибо Россия после развала СССР не располагала никакой целостной, консолидированной и эффективной национальной элитой, не то, что великодержавной, а тем более имперской. Мало того, в российской элите была сильна, как это ни странно звучит, мощная не-российская, если не анти-российская, составляющая, а подавляющая часть элиты (если и не подавляющая, то очень значительная) скорее выполняла функцию антиэлиты, чем собственно ответственной за страну и социум элиты. Что говорить, элита оказалась на высоте лишь по части собственного материально-присвоительного эгоизма, забвения нравственности, восстания «общечеловеческих амбиций», активного противодействия всему российскому, если не прямой измены отечеству. Это была во многом пато-элита, представляющая реальную угрозу стране, социуму, государству, культуре, цивилизации. Однако в среде российской элиты все-таки нашелся свой национальный «спецназ», который смог удержать страну от распада, а социум от разложения, обеспечить затем относительную стабилизацию и экономический рост, а главное, заложить основания для всестороннего национального возрождения. Правящему в 2000-е гг. режиму удалось поднять Россию с колен, вернуть ей национальное сознание и историческую память, остановить самоубийственный дрейф в небытие, переориентировать на активное жизнетворчество. Если 1990-е гг. были ознаменованы господством противо-России и иступленным ей сопротивлением, то 2000-е гг. стали годами постепенного, но при этом и неуклонного преобладания про-России, что вовсе не значит, конечно, полного преодоления острейшего, апокалиптического характера, социального внутриэлитного тоже — кризиса.

8

Россия еще не миновала этого опаснейшего кризиса, во всяком случае, в стратегическом плане. Решение кое-каких коньюнктурных задач — лишь подготовка выхода из такого рода масштабного, глубокого и затяжного кризиса. Апокалиптический кризис — кризис, из которого нет ни автоматического, ни простого инструментального выхода. Выход из подобного кризиса связан не со стихией и не с мерами, он связан с преобразованием, да не чего-то частного, а практически всего социального организма. И если кризис был обусловлен в решающей степени проведенной в 1990-е гг. обвальной реформой, то выход из него обусловлен в той же решающей степени с антиреформной коррекцией — как субъективной, сознательной, волевой, так и объективной, стихийной, самопроизвольной. С той моделью страны, социума и социальной элиты, которая возникла в результате радикально революционной реформы, Россия не только не пойдет по пути развития и совершенствования, но даже и не сохранится как действенный исторический субъект. Отсюда необходимость скорейшего оздоровления всего российского социального организма и перевода его в режим созидательного суверенного бытия.

9

Перед Россией стоит сейчас гораздо более трудная и сложная задача, чем любая революционная — задача созидательного развития. И решение этой задачи по плечу только консолидированной внутри себя конструктивной, одновременно и инновационной, национальной элите, а в конкретном российском случае еще и мобилизационной. Без мобилизации сначала элитарной, а затем и в целом социальной, тут исторически достойного ничего не совершить. Россия — вообще мобилизационная страна, и не только потому, что без периодической созидательной мобилизации такой сложный и неопределенный социум, как Россия, исторически быть не может, — дело в том, что демобилизационные социумы вместе со столь же демобилизационными элитами, или же, наоборот, элиты с социумами, рано или поздно заканчивают свое историческое бытие, опрокинутые и замещенные элитами и социумами мобилизационного типа. Элитарная и социальная мобилизация — не армейская и не военная мобилизация, хотя и имеет частенько соответствующие черты (принудительность, командность, исполнительность, иерархичность, тотальность), это мобилизация иного рода — побудительного, поощрительного, «влекущего», пассионарного, воспитательного, «осознательного», добровольческого, выборочного, она рассчитана не на насильно внедренный «энтузиазм», а на свободное духо- воле- и умоизъявление, разумеется, сочетаемое с неординарной гражданской ответственностью.

10

Нынешняя российская элита вышла из реформы-революции 1990-х, из всеобщей советско-российской смуты, из острейшего кризиса, она не несет в себе необходимого по силе, масштабу и качеству исторически созидательного потенциала, способного развернуться в эффективное движение национального возрождения и всестороннего социо-хозяйственного развития. Сегодня легче сказать, что национальной элиты нет, чем что она есть, но характеризовать всю российскую элиту как не национальную, не обновленческую и исторически не созидательную было бы грубой натяжкой: в сегодняшней элите всего хватает, она разнородна, разрозненна и разнонаправленна, не консолидированна, а в стратегическом социо-историческом аспекте позитивно не сориентированна. Такая элита, все еще несущая на себе грубую печать антиэлиты — пока еще не национально обусловленный организм, и далеко не во всем своем нынешнем объеме и составе может рассматриваться как приемлемый для подобной «органики» материал. Разворот действующей власти к суверенитету страны и ее развитию не означает еще соответствующего разворота российской элиты, которая все еще элита более по положению, доходам, гедонизму и роскоши, чем по участию в национальном строительстве и целостном социально-экономическом развитии. Отсюда у нынешней власти двойная задача: разворачивая имеющуюся элиту к пониманию и реализации национальных целей и интересов, создавать одновременно и саму национальную, способную действовать в интересах страны, элиту. Иного инициатора и реализатора потребной переориентации элиты, как и ее необходимого перестроения, кроме верховной власти, у России нет, как и никогда в ее длительной истории, по сути, и не было.

11

И дело здесь вовсе не только в борьбе с элитарными произволами, криминалами и коррупциями, хотя это и архиважно, а в целеположенном одухотворении существующих, способных позитивно действовать элит, в побуждении их к национальному себя осознанию, в вовлечении элитарных кругов в общенациональные деяния и проекты, в движение по возрождению и развитию страны, в побуждении элитарных слоев к национальной ответственности. Нация не этническое вовсе понятие, а социо-политическое; национальная элита — это всего лишь элита, сообразная с нацией, действующая в ее интересах, ее поддерживающая и скрепляющая, ее реализующая и развивающая. Созидание мобилизационной национальной элиты, а через нее и с ее участием и новой российской нации — такова насущная задача нынешней российской власти, а точнее, ее стратегическая историческая сверхзадача. Это трудно, тяжело, затратно, болезненно, коллизийно, почти что и невозможно, но это надо, и это… возможно!

12

И вот на первое место тут выходит не что иное, как мобилизация национального интеллекта, способного обратить абстрактную волю к суверенитету и развитию нации в реальное общенациональное дело на основе и в русле выработанного элитарным интеллектом национального проекта. Национальный элитарный интеллект — это и сам по себе интеллект, обогащенный разнообразным знанием; это и конкретные люди, этот интеллект несущие и применяющие; это и соответствующие институты, на основе и посредством которых интеллект эффективно реализуется. Социумы и государства, нации и власти, не заботящиеся об элитарном интеллекте, либо исчезают совсем, либо, в лучшем случае, уходят во внеисторическую тень. Любая воистину жизнеспособная и животворящая социальность заботится об элитарном интеллекте и интеллектуальном продукте, производя то и другое, воспроизводя, оберегая и сохраняя. Интеллектуальные продукты бывают разные, но есть те из них, которые можно в полном смысле слова назвать национальными, но не в плане фиксации места их появления, или той же собственнической принадлежности, а в их выраженном бытии в духовно-интеллектуальном поле, потенциале и даже в самой концепции того или иного национального социума, это как раз тот самый продукт, который составляет основополагающее достояние социума, государства, нации, придающее им существенную организменную и функциональную самость. Понятие концепции нации, соприкасающееся с феноменом метафизики нации, далеко еще не общепринято, но все-таки оно есть, как есть и понятие метафизики нации, органично сопряженное с тем, что можно было бы назвать программой нации, проектом нации, определяет и демонстрирует историческую реализацию и историческое предназначение нации. И такой гуманитарный интеллектуальный национальный продукт — проект нации — бывает заложен в само метафизическое основание нации, именно он делает в итоге нацию нацией. В нации, утвердившейся в истории и продолжающей свое историческое бытие, этот замечательный продукт сакрализуется, становится настоящей исторической святыней, что вовсе не значит, что ему нарочито и слепо поклоняются составляющие нацию граждане и народы, — они его прежде всего просто удерживают, воспроизводят, обогащают — через культуру, образ жизни и действий, как и стратегическую преемственность своего исторического движения.

13

Есть такой сакральный продукт и у России, но, во-первых, не столь он явен, как у других наций и государств, во-вторых, не столь целостен, он как бы прерывист и калейдоскопичен, в-третьих, не только не закончен, но и открыт для работы над ним. Россия почему-то противится

законченности, в особенности, метафизической. Метафизика России не собрана воедино, она таинственна и вольна. Какая еще страна способна, гуляя по космосу и имея ядерный щит, взять, да и превратиться вдруг в одночасье почти что в колонию… чуть ли не у всего мира, не говоря уже о чуть ли не добровольном подчинении лукавому глобальному центру! Одна из загадок России в ее недостроенной, невыявленной и неустойчивой внутренней концепции. Один проект, другой, третий — и все более почему-то нероссийские, внешние, контекстные: так и идет Россия по истории от одного чужеродного проекта к другому. Чужебесие — совершенно российское понятие! И однако Россия всегда остается Россией: загадочной, непонятной, темной, одновременно отталкивающей и прельщающей, вбирающей что-то в себя извне и непременно из себя это что-то выбрасывающей, непостоянной и переменчивой. Лишь на время замирающей, будто бы при этом и спящей. Сколько уже времени бьются над этой разгадкой тайны России всякие интеллектуалы, что российские, что зарубежные, — и не находят никак подходящего ответа. Но Россия была и есть, есть ее метафизика, есть и концепция, наверное, есть и ее собственный проект, который, возможно, состоит просто… в его — этого проекта — неустанном поиске. Вот и сейчас, уже в XXI в., все то же самое — все те же неопределенность, незавершенность, прерывность, все то же неудовлетворение и все тот же отчаянный поиск… чего-то неизвестного, небывалого, иного. Россия — не страна вовсе, а мир, причем мир не просто особенный, а альтернативный — что Востоку, что Западу, не говоря уже о Юге. Российская бесформица не случайность, не нелепица, а периодически вспыхивающая своей страшной явленностью закономерность. Стоит какой-нибудь исторической форме сложиться и даже вроде бы утвердиться, как следует сброс этой вроде бы законченной формы ради новой, вполне иной раз и надуманной, если попросту не экстравагантной. Ничто из как будто бы вполне нормального и уже оправдавшего себя в мировой истории для России не годится, ей не нравится — ничто! И вот эта несбыточная и избыточная альтернативность как раз в самой метафизике России и сидит, а потому очень страдательно, невыносимо трудно, пожалуй, что и невозможно принадлежать России, в особенности, высокому мыслителю и великому деятелю.

14

Концепция России. Какая она? Кто же это достоверно знает, кроме разве Господа Бога и, быть может, самой России! И все-таки она есть — это концепция трансцендентной страны, находящей воплощение в смене не только текущих состояний, но и самих исторических форм, в переборе разных бытийственных вариантов, вплоть до не очень-то ей и нужных. Ибо здесь простор, масштаб, даль, сонная неподвижность с бешеной

подвижностью, прозрачность, неожиданные сполохи, смуты, резкие срывы. Всякая определенность тут временна, ибо она из общей, глубинной и постоянной неопределенности — как накат, как пришествие, как восстание. То вроде бы ничего и нет, а то вдруг такое является нечто, что никому мало уже и не кажется! Странная страна, которая сама по себе произвол, сама себе и концепция. Есть, конечно, и кое-какие инварианты, они же и непреходящие параметры: те же имперскость, деспотия и воля. Некое большое социальное море, в котором все возможно — штиль, волнение, буря. И если концепция России есть, то это концепция некой становящейся непрерывно концептуальности, не претендующей ни на какую выверенную законченность. Неблагонадежный какой-то вывод, но другого, кажется, нет! В какой еще стране, вырвавшейся в космос, может ставиться ни с того, ни с сего как первейшая необходимость та же задача… национальной консолидации, а еще хуже… задача… развития? Или какая страна, обладающая ядерным оружием и великой армией, вдруг окажется перед необходимостью… освобождения от почти что колониальной зависимости и обретения национального суверенитета? Или какая великая держава — постоянный член Совета безопасности ООН с правом вето, вдруг униженно и подобостратсно внимает гневным филиппикам в свой адрес, покаянно поджимая хвост? Все это может проделывать только Россия, как и можно что-то подобное проделывать только с Россией. Сама себя — на колени и в образ кащейся грешницы! Кто только не пинает сегодня Россию: мелкие, средние, крупные, великие — и кто сегодня не испытывает над нею умильного превосходства, в особенности из отколовшихся от империи кусков и бывших союзничков?! Россия то падает, то поднимается, временами несется, чтобы резко вдруг упасть, исполняя свой трансцендентный исторический танец-цикл. Вот и сегодня, кажется, новое вставание с колен после очередного падения и перед новым на очереди подъемом!

15

Национально ориентированная российская элита, окруженная чрезмерной антиэлитой, поднимается с колен, испытывая нужду в новой исторической концепции России. Не страна, а целый мир, к тому же великая держава, империя. Спрашивается, зачем? Запад в России не получается, Восток никогда не получится, а уж Юг с Севером тем более. Получиться может только… Россия — новая Россия, с новой национальной элитой и новой российской нацией, разумеется, на основе и на пути современного — производственно-интеллектуально-инновационного — развития. Особенность момента, как это уже было, кстати, не раз в российской истории — в новом противостоянии России и остального мира, неважно с какой стороны и как конкретно этот мир взирает на Россию. Хочет того Россия или нет, но раз она остается на исторической арене

Россией, то такое противостояние неизбежно, поскольку Россия с точки зрения мира неверная, неправильная и чужеродная страна, а потому держать ныне Россию, как, собственно, и прежде — держать это самое противостояние: мирное, военное, культурное, цивилизационное, политическое, экономическое — любое! С Россией можно дружить, союзничать, бражничать, но как с самобытным и неопределенным в собственном «самобытстве» субъектом-феноменом. Кто это понимает, тот и выигрывает! Так что новая концепция России должна прежде всего вбирать в себя факт ее нового исторического противостояния остальному миру. Все, что в пользу этого противостояния, — в концепцию, все, что против, — вон! Однако базироваться концепция должна все-таки не на этом противостоянии, а на самой России, стремящейся уже, кажется, к образованию новой для себя исторической формы. Какой же? О-о, уже надоело повторять одно и то же: имперской, мобилизационной, но при этом и интеллектуальной, инновационной, творческой!

16

Возбудить творчество и не утратить России! И чтобы не утратить, потребны, с одной стороны, власть крепкая и гражданская, а с другой… гражданская свобода вперемешку с гражданской же ответственностью. Так что не одна элита позитивная и действенная нужна, но и граждане нужны, образующие столь же позитивный и действенный социум, где каждый человек по-своему, но при этом и вместе со всеми. Противостояние с миром и должно выдавить из России соответствующую форму бытия и организации всего ее социального организма. Противостояние — не культивирование какой-то непременной противоположности, это всего лишь культивирование самости: не той же демократии в привычном понимании, но и не столь же привычной диктатуры — даже и закона; не вседозволенности, но и не тоталитаризма, пусть и самого благостного. Кто должен управлять Россией? Вождь, элита, народ? В том-то и дело, что ни то, ни другое, ни третье, а весь российский социум — национально сообразованный и функционально дифференцированный, когда и вождю, и элите, и народу есть, что делать и чем жить в рамках общего жизнеотправления.

17

И особое место должна занимать в социальном организме творческая, она же интеллектуальная, она же и инновационная, элита, без которой не выжить, — и это уже почти ясно, но не политической, не экономической, не той же самой культурной элите. Нация сильна не чувством своеобразия, а творческой энергией, в ней присутствующей и реализующейся. А творческая элита — это та самая элита, оказавшаяся как раз

в ходе и по итогам радикальных реформ в самом что ни на есть маргинальном, если не прямо в смешном, положении, — и если она еще есть, то только вследствие упорного ее противостояния реформам и воцарившемуся по их результатам заряженному антисистемностью строю жизни, если не антижизни. Такое положение творческой элиты — совершенно недопустимая вещь! Мало того, что она брошена на произвол судьбы, что ее никто не поддерживает и не поощряет, что с ней не считаются, но еще и решают за нее ее собственную судьбу, тогда как само это решение может быть лишь элитарно творческим, а потому и принадлежать как раз самой этой творческой элите. Ситуация с творческой элитой в стране не просто сложная, она… чрезвычайная, — и это пока никак не может осознать ни общественность, занятая материальностью, потребительством и гедонизмом, ни власть, разгребающая ужасные пореформенные завалы на всех участках современного российского жизнеотправления. Да, сегодня наконец-то заговорили об интеллекте и инновациях, но… но… где оно, столь же интеллектуальное и инновационное управление… процессом высвобождения интеллекта и инноваций?

18

Необхолимо признать, что российская социальная среда сегодня — среда антиинтеллектуальная и антиинновационная, а фактически и антиэлитарная. Сама элита сопротивляется своей же элитарности, оставаясь без творческого, т. е. высокоинтеллектуального и реально инновационного потенциала, без чего не может быть ни суверенной, ни самобытной, ни самостной России, тем более, не просто сопротивляющейся агрессивно-амбициозному миру, а ему с достоинством противостоящей. Нужно хотя бы глубоко осознать этот факт! Никакой глобализм интеллектом и инновациями Россию не снабдит: умная и инициативно обновляющаяся Россия никому в этом мире не нужна, а нужна Россия глупая, застывшая, покорная, соответственно и Россия самоисчезающая. Где интеллектуально-инновационное сообщество, где всеобщий доступ к знаниям и новейшим достижениям, где новейшее оснащение интеллектуально-инновационной сферы, где новые отрасли производства, где разностороннее фундаментальное образование, где новые интеллектуально-инновационные кадры, а главное, где ко всему этому уважение — национальное, государственное, властное? И пока всего этого нет, не будет самостоятельной, самобытной и оригинально развивающейся России!

19

Пора в конце концов понять, что в изначалье, в основании и в сердцевине интеллектуально-инновационного процесса никакого рынка нет и быть не может, как нет и никакой экономики, хотя они есть, конечно же,

во взаимодействии с этим процессом. В изначалье, в основании и в сердцевине процесса только творческий интеллект, разумеется, необходимым образом оснащенный. А это люди, это человеки, к которым в обществе должно быть исключительное поощрительное отношение. Главная производительная сфера сегодня — сфера творческая, так называемый интеллектуально-инновационный сектор. Где они, эта сфера и этот сектор? Ответ тут, к сожалению, один: в загоне! И в административном, и в экономическом, и в рыночном, и в социальном, даже и в культурном. Вывести творческий интеллект и инновационное воображение из загона, из своеобразной резервации — актуальнейшая и необходимейшая задача нынешней российской власти! Пора уже сделать хотя бы так, чтобы интеллектуально-инновационное творчество не воспринималось в лучшем случае как чудачество, а в худшем — как чуть ли не преступление. Современная российская среда — любая, но только не высоко и инициативно творческая. Это касается и самой собственно научно-образовательной среды, не избежавшей собственной апокалиптики. Нет уже, или почти нет ни высокой науки, ни высшего (не по рангу, а по качеству) образования, зато слишком уж много псевдонауки и псевдообразования. Ум российский вовсе не отмобилизован на творчество, а страна живет фактически без творческого интеллектуализма. Проведенная наспех, в угоду потребительскому присвоению реформа никак не способствовала высокому интеллекту и инновационному творчеству, что вызывает сегодня потребность в контрреформе, способной решить насущные задачи мобилизации и реализации творческого потенциала, — не самая, скажем откровенно, простая социо-государственная задача! Самое страшное, что случилось с Россией — потеря вкуса к созидательному труду, ответственному и бескорыстному служению, производительной работе, большому творчеству. И вот оказывается, что для выживания и полноценного бытия страны потребны не одни только деньги и капиталы, но и дух, мораль, идеология — все то, что за деньги не купить и одним капиталом никак не оживить. Та же российская молодежь уже и не понимает, что такое служение общему делу, национальным задачам, совместному творчеству. Какой же тут урон, какая черная дыра, какой исторический провал!

20

Страна ныне без эффективной национальной идеологии, тем более, без элитарной идеологии — зовущей, влекущей, авангардной. Но страна нуждается в подобной идеологии: а) возвращающей России моральное достоинство и неформальный статус великой имперской державы; б) подтверждающей особенность исторического образа и пути России, как и невозможность с ней не считаться; в) рассматривающей Россию как общий дом уже всех россиян (через призму того же нового

домостроя); г) приветствующей и утверждающей всестороннее развитие, обосновывающей самобытное будущее во взаимозависимом мире. Есть ли истоки и очаги такой идеологии? Есть, конечно! И среди них, помимо текущей практической, прежде всего, геостратегической, концептуальности, и такие, как русское домостроительство, русская философия с русской литературой и отечественная философия хозяйства. Интеллектуалы России любят искать истину за пределами отечественной истории и мысли, подальше от своей страны, где-то там… мало находя при этом функционально ценного и убеждаясь лишь в скором увядании в России большинства заграничных идеологем, вроде бы самых что ни на есть новых и перспективных. А ведь Россия не только «кладбище» привносимых извне идей, она еще и сокровищница идей, но… уже своих, пока, быть может, не оформленных в целостную национальную идеологию, но могущих быть оформленными в таковую при движении России по действительно национальному пути — к новой российской нации!

«Философия хозяйства». 2008. № 5.

2009 г.

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕСТРОЕНИЕ КАК НЕИЗБЕЖНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

К международной конференции — V Малому университетскому форуму «Российское перестроение: общество, политика, экономика» 2—4 декабря 2009 г.

Россия, этот обезволенный на историческое мгновение внезапным коварным переворотом и обезображенный принудительной постмодернистской реформой большой кусок великой евроазийской империи, бывшей в момент ее развала необычным и странным образованием под именем Союза Советских Социалистических Республик — СССР, одержавшим великие победы на Земле и в Космосе, но не смогшим ими для себя эффективно, надежно и навеки воспользоваться, мало того, ими же по сути и в итоге раздавленным, эта самая Россия, заметно урезанная и обезличенная сравнительно с Россией исторической, ныне находится в ***длительном и глубоком системном кризисе***, препятствующем этой остаточной, но все еще масштабной и мощной стране всерьез оздоровиться, восстановить внутриорганизменную целостность, обрести историческую целеположенность.

Несмотря на огромные потери и острые проблемы сугубо, скажем так, физического свойства (сокращение объемов валового производства, упадок многих отраслей и секторов экономики, разорение тысяч пред-

приятий, массовую безработицу и лавинообразный рост бедности, народонаселенческую катастрофу, деградацию армии и флота, упадок науки, беспрецедентное социальное расслоение и т. д.), главным в разразившемся и пока еще в непреодоленном системном кризисе оказались обстоятельства, имеющие отношение более всего не к собственно «физике» бытия, а к его ***метафизике***, к ***духовно-идеальной сфере***, сосредоточивающей в себе не одну лишь волю к жизни, но и специфическую экзистенциальную программу, включающую в себя и собою реализующую генетические, архетектонические, организационные, пространственные, временные, а главное — смысловые, целевые и образные (идентификационные), аспекты, как и поведенческие, трансформационные и «развитийные», как раз все то, что определяет качество конкретного человеческого сообщества-организма, его строение и характер, его предназначение (телеологию), способ жизнеотправления и сам жизненный путь, исторические достижения и итоги (эсхатологию).

Кризис сегодняшней России, восходящий так или иначе к кризису СССР и даже исторически перекликающийся с кризисом Российской Империи — кризис более всего ***метафизический***, но не потому только, что имеет довольно выраженные метафизические черты, а потому, что это есть ***глубокий и затяжной кризис самой метафизики России*** (точнее было бы сказать, что это кризис не столько России как таковой, сколько всего лишь некоего человеческого сообщества, называемого ныне по инерции Россией).

Суть кризиса современной России вовсе не в физических непотребствах ее бытия — это не более чем внешние проявления тяжкого организменного недуга — суть кризиса состоит в нарушении, искажении и поражении самой ***Идеи России***, которая, быть может, не слишком и известна россиянам (осмысленна и сформулирована ими), но которая явно не имеет сейчас достаточной возможности эффективно реализоваться, вовсю теснимая постоянно восстающим инфернальным контекстом и упорно возрождающимся чужеродным социо-хозяйственным проектированием.

Преодолеть кризис России — изменить возникшее и действующее в ее метафизических недрах ***смысло-целевое ядро***, или иначе — ***социокультурный код***, пораженное не просто антироссийской, но во многом и античеловеческой патологией, нашедшей самое яркое внешнее воплощение в безобразных с отвратительным катастрофным привкусом реалиях 1990-х гг.

Реформа достославных 1990-х радикально изменила Россию, не побрезговав для этого воистину сокрушительными по ней ударами, ввергнув ее в приниженное, шаткое, нелепое, если не буквально идиоти-

ческое, состояние. Реформа не только не вывела страну из унаследованного ею кризиса-предшественника, но еще более усугубила имевшуюся кризисную ситуацию, дополнив ее уже своим собственным ею же самою порожденным, кризисом. В итоге пореформенная Россия оказалась обладательницей сложного, многоуровневого и высококачественного кризиса, сделавшего ее прямо-таки ***фундаментально кризисной страной***!

Это уже была не просто страна, даже не кризисная страна, а самая настоящая ***страна-кризис***!

2000-е, в особенности 2005—2007 гг., несколько ослабили специфический российский кризис — благодаря росту деловой активности, поощряемому случившимся в мире повышением цен на нефть, а также некоторым усилиям правительства, но никак этот кризис не преодолели, в лучшем случае подморозили — если не подсластили. Кризис так или иначе перестал сильно чувствоваться вследствие развертывания на его фоне, вполне как бы и размывшемся, надстроечной по отношению к кризису экономической активности вроде бы даже антикризисной, а на самом-то деле попросту внекризисной, причем активности прежде всего финансово-торгово-потребительской, но никак не производительной, а уж тем более не инновационной.

Действительного преодоления глубокого системного кризиса не было, но зато возникла иллюзия вроде бы внезапного ухода от кризиса, его чуть ли не окончательного оставления в прошлом.

Типичная и очень показательная вышла постмодерновая картина: кризис есть, но его как бы и нет, кризиса вроде бы уже нет, но он, увы, есть!

Важно тут было и то, что поверхностный экономический (именно экономический, а не глубоко хозяйственный) рост был принят в стране не только за антикризисное оживление всей страновой экономики, чего, собственно, не было, но и за социо-цивилизационное оздоровление России в целом, чего не было вовсе.

Над фундаментально кризисной страной — над страной-кризисом — повис в виде приятного во всех отношениях благовонного опахала некий антикризис-симулякр, введший немалые управленческие и интеллектуальные круги в столь же приятное во всех отношениях благостное… заблуждение.

Нет, системный кризис, а это был и остается для России по сути своей ***апокалиптический кризис***, не был ни преодолен благоструйными 2000-ми, ни существенно ослаблен, ни, как этого очень хотелось адептам постигнувшей Россию несчастной трансформации, оставлен в прошлом.

Мировой экономический кризис 2008—2009 гг. все это ясно и показал: российский системный кризис никуда не делся, а вовсю о себе сразу же по явлении мирового кризиса решительно и заявил. Российская

экономика оказалась одной из самых уязвимых и стремительно ниспадающих: от только что бывшего многолетнего вроде бы процветания в течение нескольких месяцев не осталось и следа — и это при антикризисном задействовании немалых финансовых резервов, загодя накопленных правительством на черный, он же и судный и в то же время ссудный день.

Засуетившаяся вдруг нефтедолларовая экономика, будучи по сути своей, пожалуй, самой выдающейся из возможных экономик-симулякров, не только не послужила эффективным антикризисным буфером для всей российской экономики, не говоря уже о хозяйстве и обществе как таковых, но и, мгновенно сдувшись, сама запросила о помощи, которая ей и была немедленно оказана, разумеется, без всяких структурно-позитивных антикризисных последствий.

И практически уже ставшему перманентным системному кризису российскому ничего не оставалось, как попросту заявить о себе, о своем в жизни присутствии и своей оригинальной особенности, уже в полный голос… совершенно, кстати… и не услышанный: мировой кризис, затронувший Россию — есть, а вот собственно российского кризиса, который куда как пострашнее мирового… вроде бы и нет!

А он есть, этот поганый удушливый кризис, преследующий теперь не столько самих необыкновенных российских реформаторов, быстренько уже скрывшихся в спасительной асоциальной тени, сколько их упорных, действующих на обессвеченном свету, последователей: никакого воистину системного антикризисного эффекта пореформенная страна, отданная во власть якобы чудосозидательного рынка, конечно же, мирового, не дает!

А какой же еще эффект, кроме баснословных и исходно аморальных личных обогащений, может дать специально для этого отреформированная страна-кризис?

Ожидать от такой страны великого антикризисного автоэффекта (синергетического-де эффекта) — это примерно то же самое, что ожидать от замершего в погребальном исступлении кладбища бойкого возрождения в его остывшем пространстве полнокровной жизни.

Нет, конечно, Россия вовсе не сплошь кладбище (производства, науки, интеллекта), как и не сплошь клиника (все того же производства, науки, интеллекта), но… но… это совсем и не полноценный, распираемый конструктивной экзистенцией, организм — с развивающимся производством, эффективной наукой, быстродействующим интеллектом.

Мировой рынок в целом работает если и не прямо против России, то уж никак не на Россию!

Фиктивный экономический рост, обязанный по преимуществу нефтедолларам, в мгновение ока сменился в 2008—2009 гг. ***совершенно***

реальным падением совершенно реального производства — производства, заметим, и так уже остаточного, кое-как выжившего, вовсе и не окрепшего.

Прыжок в лоно передовой мировой цивилизации, якобы доверительно и безоговорочно либеральной, обернулся для пореформенной России уже не спровоцированным субъективно поражением, как это случилось в лихие 1990-е гг., а возникшим вполне уже и объективно ***пореформенным крахом***, который трудно, очень трудно, почти что и невозможно признать суперудачливым (для себя!) переустроителям страны, но… но… есть же вокруг «реальная реальность», от которой все равно никуда не деться, а реальность эта вполне развенчивает принятую извне и революционно навязанную постсоветской России концепцию социохозяйственного бытия, основанную якобы на разнообразной свободе, а на самом-то деле, как оказалось… на… ***вездесущем произволе***, да не просто произволе, а вовсю еще и принудительном, так сказать, вполне произвольном произволе!

Убегая стремительно от тотального планово-административного, партократического, государственнического деспотизма, страна прибежала столь же стремительно к… новому деспотизму, будто бы даже либеральному, а по сути-то к новому ***деспотизму всеобъемлющего и разнообразного произвола***, не только не преодолевшего развернувшийся в стране кризис, но прямо в нем — этом ужасном системном кризисе — заинтересованного.

Установившийся в стране пореформенный просто порядок, переживающий кризис, а непосредственно ***порядок-кризис***, — и от кризиса хозяйства и социума такой порядок отойти никак не может, ибо кризис ему органичен, мало того, он этим кризисом в полном смысле слова живет (питается). Такому порядку-кризису нужен именно больной, безóбразный и безобрáзный социум, некий социум-уродец, в котором этот замечательный порядок-кризис, который, конечно же, есть, не что иное как порядок-инфернал, только и может нормально и с выгодой для себя существовать и воспроизводиться.

Выход из подобного, весьма и весьма, особо заметим, незаурядного, кризиса предполагает, помимо обычных антикризисных действий власти и стихийно самозарождающихся в социуме антикризисных процессов, самое настоящее ***преображение*** (смену образа) страны, что требует не столько поверхностных функционально-структурных, сколько ***глубинных концептуальных*** перемен, тех самых перемен, которые затрагивают метафизический уровень бытия, саму ***метафизику*** страны, ее идею, а не одно лишь текущее жизнеотправление.

Хозяйствовать на уровне и ради страны — созидать и воспроизво-

дить страну — как целостность и как особенность, созидая и воспроизводя ее специфическую ***концепцию***, — не более и не менее! — да, да, именно так: созидая и воспроизводя имманентную концепцию страны!

Самое кризисное в имеющемся кризисе России состоит в ***отсутствии органичной ей и на нее сориентированной страновой концепции***, а ежели и не в полном отсутствии такой концепции, то в ее явной невыраженности. Вся внешняя, поверхностная, физическая, организменная патология нынешней России обязана более всего патологии внутренней, глубинной, духовной, идейной, метафизической, смысловой, концептуальной. При этом концепция России, о которой идет речь, — не свод глубоких мыслей, не особенный текст, не выверенный устав. Та же конституция — вовсе не концепция страны, хотя кое-что концептуальное конституция отражает и в себе содержит.

Концепция страны (государства, нации, социума) недаром восходит к метафизике, а следственно, к трансцендентности. Концепция здесь — не текст, а более всего образ — образ субъекта и образ его жизнеотправления, их — субъекта и образа — руководящий смысл, задаваемый откуда-то из житейского нутра, из глубины бытия, из сферы незнаемого, из самого по себе ничто!

Но при этом концепция страны всегда осознанно созидаема, в том числе и текстуально, но созидаема как некое духовно-идейное наставление, как ориентир, как цель, лишь отражаемые в конкретных мыслях, текстах и действиях. Такая концепция сначала ощущается, чувствуется, воображается, а потом, осмысленная, преподносится в словах, текстах, сентенциях, находит отражение в законах, правилах, обычаях, мифах.

Либерально-глобалистская концепция, навязанная России, — этому большому, все еще имперскому куску бывшей большой империи, называвшейся когда-то Российской империей, а совсем недавно СССР, — в итоге, скажем так, ельцинского переворота — может, в чем-то, и необходимое чужеродного пошиба концептуальное (и болезненное!) вливание в метафизику исторической России, способствовавшее-де приобщению России к ушедшему-де вперед цивилизованному-де человечеству, но не смогшее по причине как раз своей общей антироссийскости ни опровергнуть метафизику России, ни вытеснить ее на периферию, ни заменить собою, а смогшее лишь вызвать, азартно и нервно атакуя коренные российские устои и благоприобретенные советские стереотипы, полифуркационные разрушительно-созидательные процессы, равным образом, и оборонительные тоже, обозначившие и осуществлявшие вихреобразную активность в возбужденном этим инородным концептуальным вливанием страновом метафизическом (духовно-смысловом) котле.

Выдав на поверхность некоего метафизического уродца в виде уродца физического — порядка-произвола, как и порядка-кризиса, как и порядка-инфернала, коренная российская метафизика, сдобренная историческим советизмом, как бы ушла в глубину, легла на дно, вошла в сферу нави, оказалась в нетях, что не значит, что не имела никакого влияния на физическую поверхность реформно-пореформенного бытия России, но… более всего занялась… преобразованием… самой себя… для новой России, не для кризисной и уродливой, а для здоровой и полноценной.

А где, собственно, гнездится в реальности этот самый метафизический котел вместе со своими разрушительно-созидательными полифуркационными процессами?

В людях, конечно, в россиянах, в их сознании, включая подсознание и сверхсознание, в самой российской ноосфере, которая как раз и есть сумма всех российских сознаний, некая совокупная сознаниевая масса, а сознание, как и ноосфера, — не просто дух и идеальность, а насыщенные информацией и смыслами дух и идеальность, и в этих информационно-смысловых полях ***все*** и находится, ***все*** и живет, бродит и колобродит, переустраивается и изменяется, распадается и соединяется, возникает, сохраняется и исчезает, преображается, нисходит и возвышается, деградирует и совершенствуется, находя внешнее выражение в словах, переживаниях и действиях, подчас несуразных, непонятных, таинственных, венчающих сознаниевые и ноосферные течения, рывки, остановки, трения, столкновения, вспышки, бури, войны, замирения, и это ***все*** и есть как раз то, что служит не одной только воле к жизни, но и ее цели и способу реализации, а в нашем случае — российской цели и российскому способу реализации.

Делать из России Европу или Америку, не говоря уже о Китае, — не то что заблуждение, а самая обыкновенная геостратегическая глупость, если это, конечно, не хорошо продуманная диверсия, та самая великая глупость, способная принести не более чем кратковременный, вполне по-своему и умный, антироссийский эффект, — в перспективном же плане подобная попытка может приводить лишь к шизофреническому раздвоению России, ее расколу на пришибленную Россию и уродливую не-Россию, к затяжной борьбе между Россией и не-Россией, к очередному революционному, вовсе и не благоприятному для России, тотальному перевороту.

Заимствуя что-то извне, совершенно не обязательно громить по-петровски, по-большевистски, по-ельцински метафизический генотип России, присутствие которого в истории означает вовсе не какую-то там дремучесть России, ее неизменный-де варваризм, а лишь особость России, ее специфичность, уникальность, ее ***личностность***.

Россия интересна и ценна именно своей российскостью, а не западного образца европейскостью или какой-нибудь англо-американскостью, как раз тем, чего нет нигде в мире, кроме России. И российскость эта состоит не в одной или двух каких-то этнографических чертах, да и вообще не в этнографии, а во всей целостной метафизике России, в ее концепции, телеологии и исторической судьбе, в ее общей генетически обусловленной ***идее***, никем нарочно не придуманной.

Тут уже вроде бы уместно задаться простым вопросом: что же это за идея такая? Задаться вопросом и… чуть ли не получить ответ! Но, увы, никакого простого и определенного ответа здесь нет и быть не может. Тут дело не в ответе, тем более четко сформулированном, а всего лишь в подходе к ответу, во всматривании в него и в него проникновении. Здесь господствует трансцендентность, а рядом с нею простых ответов не бывает, да и не ответы здесь бывают, даже не их предтечи, а некие образы ответов, их миражи. Тут тайна, а где тайна, там и вместо прямого ответа лишь ответ-ожидание, ответ-раздражение, а то и ответ-ловушка. Так что потребны здесь осторожность и терпеливость, очень уместна мудрость, та самая мудрость, не довольствующаяся разложением объекта на элементы, их исследованием и системным взаимоположением, а к нему, этому объекту, как к огню, осторожно и терпеливо приближающаяся, целостно этот объект воспринимая, проникая в его суть, мыслями и заключениями о нем наполняясь.

Есть Запад, есть Восток, есть Юг, даже Север есть — как культуро-цивилизационные ареалы. А есть Россия, которая и Запад, и Восток, и Юг, и Север, но при этом и ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое. Россия — ***мир***, и мир особый, явно и неявно ***иной***, не относящийся ни к Западу, ни к Востоку, ни к Югу, ни к Северу, хотя в себя все эти крайности вбирающий, но образующий при этом какую-то иную крайность — ***российскую***. Российское — иное, не только не такое, как по сторонам, но и вообще… миру всему человеческому иное, не такое как все вокруг, — и если мир человеческий в чем-то не от мира сего, то российский мир, а лучше бы здесь сказать — ***русский мир***, как центрирующий и окрашивающий весь российский мир, более всего не от мира сего, чем и обусловлена в итоге поражающая воображение ***иная крайность*** России.

Российский, а по сути своей более всего русский, мир, никак фундаментально и в историческом разрезе не оформленный мир, это мир-стремление, мир-поиск, мир-импровизация. Это не столько мир-форма, сколько мир-возможность, лишь примеряющий на себя ту или иную форму, и по велению витиеватой истории более всего чужеродную, даже какое-то время в обретенной новой форме бытующий, но… непременно… ее рано или поздно сбрасывающий, не находя с ней потребной

ему перспективной гармонии.

Россия — не страна по сути своей, а ***целый мир***, и мир этот ***имперский***. Россия — ***империя***, и ничем другим она быть не может. Либо Россия империя, либо никакой России вообще нет! И эта империя тоже особого рода, вполне и иного, не такая, как на Западе и Востоке: и по самому духу, и по внутренней своей организации, и по характеру, и по смысловой и ролевой заданности, и по решаемым историческим задачам. И тут не просто иной имперский мир, а мир ***альтернативный***, причем не какому-то конкретному из земных миров, а, пожалуй, всему земному миру в целом. Недаром же имперской России предшествовала Русь ***святая***!

Россия — явно и неявно, но более всего, видно, пока неявно — альтернативный мир, весь окружающий мир и саму себя вместе с ним вольно или невольно отрицающий — ради какой-то фундаментально и судьбоносно важной общемировой ***противоположности***, еще не возникшей, но в среде человеческой все-таки вызревающей. Так уж случилось, что Россия, не слишком, быть может, это и осознавшая, противостоит всему миру, а весь мир — России! Как, собственно, и те же США. Но если США стремятся главенствовать над миром, им управлять, его эксплуатировать, навязывая ему себя и под себя же подгоняя, то Россия всего лишь противостоит миру фактом своего бытия и своей скрытой и неразгаданной концептуальностью.

Россия вовсе не ненавидит человеческий мир, она его просто в чем-то важном не приемлет, но не потому, что не любит, а лишь потому, что ей этот мир в его ныне принятом виде как-то не очень-то и нужен, он ей не слишком интересен, не родственен, — ее мир — ***иной мир***, вовсе еще не бывалый, кажется, вряд ли и возможный, но почему-то России очень необходимый.

Тот же русско-российский космизм — совсем не случайность, как, впрочем, не случаен, конечно, и космизм американский, только вот русско-российский космизм, скажем так, романтичен и общечеловечен, он явно мирозданен, ибо вдохновляется всего более иным, неведомым, трансцендентным, в то же время и бескорыстным, а американский космизм деловит, он заряжен на имманентно-практическое и непременно полезное — под американское понимание жизни и перспективные нужды прежде всего самой Америки.

Россия — ***иное и стремится к иному***! Здесь явная загадка, неопределенность, но и какая-то при этом возможность. Тут какой-то замысел и какая-то цель. Ни одно из бытующих в современной интеллектуальной среде топосоциальных определений для России не подходит. Даже евразийский дискурс тут бессилен. Сказать «Россия» — не сказать ничего и сказать в то же время все, но вот ***чт***о же не сказать и ***что*** же, тем не менее, сказать?

И вот из этой головоломки только один выход, замеченный и сформулированный великим русским поэтом-геополитиком — ***вера***, вера в Россию, в это магическое слово, в этот трансцендентный знак, в это… ***ничто***! И другого выхода здесь, кажется, нет!

Концепция России в ***ином***, в существующем, но неопределимом, в возможном, но не существующем. Россия есть, но ее как бы и нет, она вся в будущем, и история для нее лишь какая-то длительная, чуть ли не бесконечная ***пред***-история, ей ненужная, хоть и почему-то необходимая. Размышляя над концепцией России, важно все это иметь в виду, ибо именно в этом — неопределенном и необъяснимом, а не в чем-то конкретно уловимом и понимаемом, концептуальный зачин-генератор России, ее истории и ее будущего.

Все бытие России, во всех исторических формах — реализация данного зачина-генератора, однако… в борьбе… с самим же этим зачином-генератором! Воспроизводство трансцендентной неопределенности с неустанным ее гашением и попытками окончательного преодоления. Вот почему в России и социум — не социум, и государство — не государство, и города — не города, и граждане — не граждане, и фермеры — не фермеры, и депутаты — не депутаты, в общем, все какое-то не такое, скорее, симуляционное, чем естественное, какое-то непременно искаженное, либо же попросту… ***иное***. Отсюда и всякие шарахания России из стороны в сторону — из страны в страну, и рывки внезапные, и затишья неожиданные, и провалы всякие, и долгожданные реформы с обязательно чаемыми контрреформами, и смертоносные революции с не менее кровожадными контрреволюциями, и необузданные фантазии, и странные реалии, и неустанные страдания, и порывистые радости, и кровь повсюду обильная, и, конечно же, насилия, насилия — оправданные и неоправданные, а то и анархия — буйная и бестолковая.

Отсюда в России и особенная власть — ***особый феномен особой власти***, ее безраздельное, беспокойное, инициативное и даже творческое доминирование. ***Россия — страна власти и прежде всего власти***! Не социума, не гражданства, не государства, не цивилизации, а именно ***власти***, которая в России превыше всего, значимее всего и, пожалуй, эффективнее всего.

Тут дело не в самой по себе властной структуре общества, не в аппарате власти, а в какой-то особой ***властной субстанции***, разлитой по всему пространству России, ее скрепляющей, формообразующей, обустраивающей и ведущей. Где, в какой еще стране столько радикальнейших реформ и переворотов, осуществленных не кем-нибудь, а именно властью, как и соответствующих этим деяниям контрреформ и контрпереворотов, тоже осуществленных властью, причем, что самое поразительное — одной и той же подчас по характеру и составу властью,

вовсе и не противоположно иной?

Власть в России — не просто вершитель истории, а ее, пожалуй, основной вершитель!

Доминирование власти не означает, что в России нет государства, нет граждан, нет социума — все это есть, но… в некой ***под***-властной реализации, что не означает при этом абсолютного господства власти — доминирование власти в России имеет не то что извне поставленные ограничения, которых, в общем-то, нет, а некую внутреннюю особенность, эту власть так или иначе сдерживающую и направляющую, ибо власть в России, при всем своем произволе, — власть так или иначе ***хозяйствующая***!

Это очень важное заключение, необходимое для понимания России и доминирования в ней власти: власть в России сильна, весьма и свободна, но она при этом и ***хозяйственно*** ответственна, разумеется, если под хозяйством понимать не отдельную сферу человеческого бытия, а само жизнеотправление человека-общества, его организацию и течение.

Исторически случилось так, что на евразийском просторе не могло не возникнуть великое имперское образование в виде России, но могло оно возникнуть и существовать только при условии практически постоянной ***всеобщей мобилизации*** и полной ***взаимной ответственности***, что как раз и требовало присутствия и действия особого рода доминирующей и первенствующей (начальствующей) власти, что, собственно, и произошло в России.

Россия — страна доминирующей власти, однако власти ответственно хозяйствующей, а не просто безраздельно господствующей!

Таков управленческо-хозяйственный расклад в России: доминирующая власть с сильным властным центром; властная управленческая иерархия сверху донизу; подвластная полицентровая региональная сеть с определенными свыше надвластными полномочиями; государственное обустройство властной системы; различные подвластные самоуправляющиеся подсистемы, ячейки, индивиды.

Это не азиатская вовсе управленческо-хозяйственная матрица, хотя и по внешнему образу всего более ее напоминающая, — российская система предполагает, — как это ни странно, быть может, для кого-то звучит, — весьма значительную ***свободу*** всех составляющих ее элементов и частей, ту самую свободу, которая как раз необходима для реализации российского способа властной и подвластной организации общества: властное хозяйственное доминирование возможно лишь при наличии подвластной свободы социо-хозяйственных локалий. Это вовсе не тоталитарная матрица! Иное дело, что власть почти всегда может пережимать в свою сторону, чересчур ограничивая локальную свободу, но рано или

поздно локальная свобода тем или иным способом восстанавливается, нередко серьезно угрожая не без разрушительных последствий как системе российской власти, так и самой России.

Основополагающая управленческо-хозяйственная матрица в России есть, и она все время воспроизводится, но практическая реализация ее не нашла еще воистину эффективной («золотой») формы, тем более что Россия находится все время под давлением не-России и даже анти-России, столь же упорно, как и основания управленческо-хозяйственной матрицы, в России воспроизводящихся, ибо российская матрица, с ее властностью, мобилизационностью и ответственностью, трудна для ее практических реализаторов, подчас и невыносима, а потому вызывает у части россиян вполне для них обоснованное отторжение. Отсюда как постоянная наступательная борьба не-России с Россией посредством анти-России, подкрепляемая извне, из враждебного России зарубежного контекста, так и не менее постоянная оборонительная борьба России с не-Россией и анти-Россией а, соответственно, и шарахание страны по сторонам — от зажима своего бытия к его роспуску, а от роспуска — к очередному зажиму!

Вот и сегодня, на рубеже XX и XXI вв., совпавшего с рубежом двух тысячелетий — второго и третьего, Россия переживает сложную историческую фуркацию, попущенную и осуществленную российской властью: сброс было уже устоявшейся исторической формы, называемой советской, социалистической, планово-административной, тоталитарной, и переход к другой форме — либеральной, экономической, капиталистической, рыночной, из чего в итоге получилось на момент 2000-х гг. нечто опять же невообразимо странное — *произвольный финансово-административный деспотизм*, кое-кого явно устраивающий, но у большей части населения столь же явно вызывающий чувство вполне обоснованного протеста.

Так нынешняя пореформенная Россия, этот вынужденный остаток от Российской империи—СССР, вновь очутилась в точке исторически необходимой и упорно вызревающей фуркации, однако уже не переворотной, во всяком случае, не буйно-переворотной, как это было в начале 1990-х гг., а в проектно-превращенческой — Россия сегодня на пороге, а, может, уже и в ходе пореформенного перестроения — не революционного и не реформенного, а ***конструктивно-эволюционного***, призванного преодолеть возникшую пореформенную аномалию и подвести к обретению новой социо-хозяйственной — и непременно имперской по своей сути и форме — нормы.

Подобная нормализация — ближайшая, вполне и экстренная, задача текущего российского бытия!

Возникшая в ходе и по итогам бессовестных ельцинских реформ

патология, прежде всего смыслового и нравственного порядка — главная опасность для жизнеотправления привыкающего к патологическому существованию российского социума. Уже народились и входят во взрослую жизнь поколения россиян, принимающих расцветшую пышным цветом патологию за обычную норму, не знающих, что такое истинные гражданственность, братство и справедливость, что такое патриотизм и служение Родине, что такое эффективная социальность и всеобщая ответственность, не говоря уже о глубоких знаниях, высокой культуре, самоотверженном труде и захватывающем творчестве, ориентированных не столько на личные, сколько на общие для родной страны интересы. Получилось какое-то вывернутое на инфернальную изнанку, вроде бы активное, а скорее попросту суетливое, охваченное симуляционной антижизненной пустотой, одуревшее от вдруг воцарившегося повсюду вполне реального, а не какого-то предполагаемого, повседневного ада, некое не оформленное ни в народ, ни в нацию, ни в государство, ни в цивилизацию массовидное население, потерявшее идейно-нравственную остойчивость, судьбоносное целеполагание и необходимую для любого животворного социума уверенность в будущем.

В России есть все: люди, ресурсы, знания, культура, и нет лишь одного — самосознающей себя как единый социохозяйственный организм, имеющей прошлое, настоящее и будущее, самоутверждающейся России!

Великий случился тут исторический парадокс: Россия вдруг осталась… без России, ибо патологическая, не узнающая себя и себе не доверяющая Россия — не Россия вовсе, а в лучшем случае какая-то псевдо-Россия.

Правда все это более на физическом, поверхностном, организменном уровне, в рамках текущей повседневной реальности. Что же касается метафизики России, то там все обстоит несколько иначе, ибо в метафизическом ядре идет непрестанная борьба между искажающими Россию и подтверждающими Россию силами, а образ действительной России, или себе соответствующей России, хоть и отошел под давлением анти-России в сферу нави, но совсем не исчез, оказывая влияние и на физическое бытие сегодняшней России.

Россия сильно искажена ныне как текущая реальность, она сбита с толку и как идея. Но Россия все-таки есть — более всего как отступивший в навь замысел и менее всего как реализующаяся вокруг явленность. И обретение Россией жизненной нормы не произойдет без восстановления идейного статуса России, без возвращения к концептуальным истокам России, без воссоздания самой ***парадигмы*** России.

Необходимо искренне, убедительно и безоговорочно подтвердить, что Россия есть, должна быть и непременно будет! Что без России нет и

не может быть никакого животворного настоящего и перспективного для сосредоточившихся в ее пределах и бытующих под ее опекой особенных — самодостаточных и самостоящих — жителей Земли; что уход России, которого, кажется, жаждут многие человеческие особи и сообщества как внутри, так и вне России, будет означать исчезновение одного из возможных, не исключено, что и непосредственно спасительного, образа-варианта бытия всего земного человечества; что Россия как исторический и геостратегический феномен земно-космического бытия превыше всего для россиян, а интересы России «первее» и значимее любых других рождающихся в головах российских интересов.

Искреннее, убедительное и безоговорочное признание всеми россиянами непреходящей ценности России является необходимым и достаточным условием не только эффективного в пользу России, россиян и всех благосклонных к России землян практического хозяйствования, но и обретения российскими, прежде всего, высшими властными, хозяйствующими субъектами надежной концептуальной опоры, пусть и не слишком сегодня сформулированной, но зато духовно уже чувствуемой. Волевая ориентация на Россию и ее интересы — вот, собственно, и все!

Тут возможен упрек в ограниченности, местничестве, изоляционизме, как и, разумеется, в национализме, но такого рода упреки не должны никого в России смущать, ибо Россия, будучи не обычной моногенной страной, а целым плюрогенным миром, уже по своему исходному замыслу противостоит любым локализмам, в том числе и националистическим, — и если Россия — ***нация***, то это нация не просто международная (полиэтническая), но в полном смысле слова ми́ровая и мирова́я.

Национальный интерес России — вовсе не частный интерес эгоистического толка, это интерес вполне мирообусловленный, если под миром понимать не столько планету, сколько все планетарное население — ***мир народов***!

Глобализм, которым бахвалится Запад, — не российский по сути своей феномен, ибо он против планетарного разнообразия мира и реального равенства народов, стран и государств. Если глобализм и некое общежитие, то общежитие казарменного образца. Действительная самостоящая Россия несовместима с западным глобализмом, она его естественный противник и реальная альтернатива. Даже формальное участие России в глобализме опасно не для одной только России, рискующей исчезнуть, но и для самого моноимпериального глобализма, попадающего под жизнеотправительное критическое излучение. Россия вовсе не конкурент Соединенным Штатам с признаваемой ими шестеркой великих адептов глобализма, она попросту Соединенным Штатам и их союзникам

духовно-идейная противоположность, иной для всех них мир — чуждый и непонятный! Отсюда стремление глобалистов подчинить и покорить Россию — хотя бы в союзническом обличье, что частично и удалось за гнусные 1990-е гг., отсюда и воспроизводящееся на Западе агрессивное желание Россию попросту уничтожить.

Задача нынешних россиян — не бороться с США, Западом и глобализмом, претендуя на мировое лидерство, а… поощрять всячески… саму Россию, не мешая ей обретать все более саму себя, превращаясь в реальную и полноценную Россию.

Вот каковой вдруг стала, после большевистского пленения и ельцинского разгрома, главная и актуальнейшая задача всего российского социума, скрепляемого и ведомого по своему историческому пути не только общим инстинктом и отработанным веками воспроизводственным сознанием, но и иерархически построенной властной организацией.

На повестке дня сегодня не что иное, как проект ***Новой России*** — великодержавной, имперской, независимой, самодостаточной, самостоящей! Пришло время не только осознать необходимость такого проекта, но и попытаться очертить, скажем так, его смысловую матрицу, его идейную подоснову, или же, иначе, — ***проект самого проекта***.

Было бы приемлемо, наверное, рассматривать Россию как отличающийся внутренним разнообразием, но в основе своей единый для всех россиян, субъектов, общин, коллективов, семей, народов, этносов, культур ***Дом***, в котором каждому человеку и социальному элементу есть место, подтверждаемое и облагораживаемое ответственным служением общим интересам и делам в рамках осознанного и эффективно воспроизводимого общенационального солидаризма.

Солидаризм близок понятию соборности, но это не то же самое, что соборность, ибо солидаризм не предполагает собственно собора, сбора, собирания, а восходит просто к взаимопризнанию членов национального сообщества, соблюдению ими общих правил и общих интересов общежития, реализации взаимопомощи, — и все это посредством не только общепризнаваемой национальной идеологии, но и действенной властной, в меру и иерархической, и самостоятельной, и элитарной, и гражданской, и народной, и подотчетной всему социуму организации, охватывающей все национальное солидарное сообщество. Главное в солидаризме — отсутствие, на крайний случай — минимизация, как любого рода произвола — с одной стороны, так и беспрекословного монолитизма, за исключением чрезвычайной ситуации, — с другой. Солидаризм — это присутствие свободы и воли, сочетающееся с присутствием ответственности и самоограничений. Можно даже сказать, что тут сочетаются здоровый тоталитаризм (признание общих интересов и ценностей

и их возможного главенства над частными) и здоровый анархизм (признание частных интересов и ценностей и их необходимой роли в жизнеотправлении каждого человека и любой социальной ячейки), но в силу возможного здоровья того и другого, как и их необходимого взаимоограничения, солидаризм никак не оказывается ни собственно тоталитаризмом, ни собственно анархизмом. Это именно ***солидаризм*** — и ничто другое!

Солидарная нация — что тут плохого? Ведь нация — не этнический, а социальный, точнее социо-культуро-хозяйственный феномен, и главное в этом феномене — солидарная, многоэтническая, социально разнообразная, не чурающаяся различного рода иерархий, вполне и организменная, социо-пространственная целостность, причем, как правило, достаточно большая целостность, нередко и имперского по своему духу, характеру и принципам организации типа.

Нации формируются в процессе совместного для той или иной достаточно большой общности целостного жизнеотправления, в ходе общего для этой общности хозяйствования, посредством общих больших и малых дел, при обязательном возникновении и действии властных центров и структур, при непременном образовании и функционировании государственной организации, и выковываются нации в испытаниях, в борьбе, посредством насилия, принуждения и подчинения, через кризисы, победы и поражения, в преодолении трудностей и разладов, через народонаселенческие и пространственные расширения и сжатия, посредством размеренной эволюции и внезапных революционных скачков, в войнах, через страдание и кровь. Такова, увы, поступь истории, таков механизм ее реализации, таковы ее телеология и эсхатология!

Однако первенствующую роль в возникновении и бытии нации, как, собственно, и любого сколько-нибудь значительного и устойчивого социообразования, играет ***слово*** — целеустремленное, волевое и действенное слово, непременно и концептуальное, несущее замысел, обозначающее цель, обрисовывающее конструкцию, а в итоге определяющее бытие, ведущее жизнь, задающее им тот или иной специфический образ. Когда-то и кем-то впервые произнесенное, а затем дополняемое и совершенствуемое, обогащаемое смыслами, терминами и сентенциями, слово это, становясь историческим достоянием воспринявшей его социальной общности, ее постоянно действующим концептуальным преданием, служит духовно-идейным основанием нации, ее скрепляющим и оплодотворяющим, ее ведущим и направляющим, ее оберегающим и выручающим.

Национальное предание всегда сочетается, пока существует нация, с ***живым национальным словом***, что позволяет национальному слову трудиться неустанно для нации, в ее пользу, споспешествуя удержанию нации и продолжению ее полноценного бытия. Разумеется,

бывает и так, что живое слово, высказываемое в пределах нации, работает и против нации, ей во вред, неся бациллы разлада и разрушения. Пример России тут настолько показателен, что данный тезис не нуждается ни в каких особых доказательствах.

Слово — величайшее и результативнейшее орудие человеческого бытия, непосредственно влияющее на сознание, его ведущее и изменяющее, что предопределяет великое значение национального слова — главного по сути реализатора нации, как и не менее великое значение слова антинационального, способного разложить и убить любую нацию.

Всякая реформа — это прежде всего целеположенное слово, а затем уже и действие, как предположенное этим словом, так и возникающее уже вне этого слова, даже ему вопреки — как вольная стихия либо как перехваченная целеустремленная инициатива. И любая революция тоже поначалу слово — революционное слово-диверсант, слово-взрыватель, слово-прорыв. Но и каждое преобразовательное действо власти всегда начинается с соответствующего слова — слова-призыва, слова-проекта, слова-деяния.

Владеющий словом — владеет всем! Владеющий национальным словом — владеет нацией, ее созиданием и развитием! Теряющий власть над словом, а, соответственно и власть самого слова — теряет все! Упустивший национальное слово — упускает нацию!

Вот откуда союз — добровольный ли, вынужденный ли, принудительный ли — власти и слова, властей предержащих и творцов слова, что то же самое — властителей и мудрецов, царей и поэтов, президентов и журналистов, генсеков и кинорежиссеров.

Хозяйствовать — творить жизнь, а творить жизнь — творить слово, следовательно, творить сознание, ноосферу, а потому и творить культуру, иные блага, творить весь окружающий мир!

Творить национальное слово — творить нацию! Нация — хозяйственный продукт, такой же как хлеб, ткани, дома, машины, заводы, академии, школы, книги, парикмахерские, ночные клубы, парламенты, тюрьмы, войны, кризисы и все, все остальное, что бывает сотворено человеком, что ему вроде бы необходимо, но что бывает вовсе и не нужно, но почему-то человеком все-таки сотворяется.

И пока нынешняя Россия не здорова, уродлива, кризисна, а обобщенно говоря — ***катастрофогенна***, то только очень недалекий человек может не увидеть срочной потребности в перестроении России, ее глубоком и целостном преобразовании, осуществляемом на ходу, на марше, в непрерывном движении, без остановки, без провала, без распластывания, находясь не столько на финише уходящей одряхлевшей эпохи, сколько на старте эпохи новой, молодой, будущной.

Вот тут-то и потребно новое отечественное слово, новая национальная доктрина, новый стратегический проект — как замысел ***новой российской нации***, так и замысел ***новой России*** в целом! И обратим внимание — главным опорным пунктом тут является не экономика, не государство, не гражданство, а именно нация — ***новая российская нация***, без чего невозможны ни новая экономика, ни новое государство, ни новое гражданское общество, ибо за нацией стоит как раз то самое смыслокачественное единение, делающее локальное социальное образование сплоченно-особенным, не только сформированным в специфический социальный организм, но и имеющим свое собственное лицо, свое имя, свои персональную идеальность и одухотворенность.

Россия — это прежде всего не экономика, не государство, не гражданство, а… ***нация***, то бишь населяющие страну и объединенные между собой ***общей*** идеальностью (языком, культурой, смыслами, ценностями, историей, сознанием, ноосферой — ***своей*** идеальностью) люди, сообщества, народы. Это-та общая идеальность, которая есть ***своя***, и делает нацию нацией, а не экономика, не государство, не гражданство, даже не страна и не общее хозяйство. Нация — это идеальность, общая идеальность, и в основе нации всегда лежит ***национальная идея***, развернутая в ***национальную концепцию*** и оформленная в ***национальную парадигму***!

Будучи сам национально оформленным, глобалистский центр в лице тех же США выступает за денационализацию всего планетарного пространства, в особенности, для той периферии, к которой, по мнению глобалистов, принадлежит Россия. Глобалистский центр не против тех же государств, точнее, государственных аппаратов, государственных образований, но уже как субгосударств (зависимых, подчиненных, несамостоящих), как государств — филиалов глобальной управляющей системы, как локальных отделений глобального супергосударства с США во главе. Но глобалистский центр последовательно против именно наций — наций по существу, а не на словах (вроде той же формальной ООН, в составе которой не столько нации, сколько попросту государства), ибо нация — это вовсе не форма для цивилизованного социума, как то же государство, а его, этого социума, содержание с уходящими вглубь веков трансцендентными корнями и какой-то не менее трансцендентной программой бытия. Принадлежность человека к государству — принадлежность более всего к количеству, к структуре, к механизму, к организации, а вот принадлежность к нации — это принадлежность прежде всего к качеству, к идее, к духу, к культуре, к сознанию, к ноосфере, разумеется, сплоченно-особенным. Государства могут противостоять глобализации, но могут и ей потворствовать, в ней прямо участвовать, а вот нации, если они сами не в сердце глобализма, всегда

противники глобализации, нивелирующей человечество как раз по «антинацийной» координате. Глобализму нации не нужны, они для него опасны, а потому обреченным попасть под глобалистский каток нациям остается лишь сопротивление беспощадному для них аннигилизму.

Или Россия — нация, или России просто нет!

И дело тут вовсе не в пресловутом российском национализме или в набившей оскомину исторической-де отсталости России, нет, тут дело в самой возможности самостоятельного и самобытного существования: ***или, или***!

Нация — вовсе не обязательно закрытость и изолированность, наоборот, нация — это как раз открытость и доступность, но, разумеется, при условии наличия, обережения и развития… именно нации, а не чего-нибудь другого, к примеру, денационализированной населенческой массы, управляемой извне посредством местного филиального субгосударства. Нация — не скопище людей в формально существующих государственных границах, а особенное единение людей, имеющих общие идейно-духовные основания и исторические координаты бытия. Культура, традиции, история, моральные установки, житейские ценности, образ жизни, манера поведения, ведущие жизненные интересы и ориентиры, как и, разумеется, жизненное пространство, природа, ресурсы, а в итоге — общий жизне-воспроизводственный дом — вот, что конституирует нацию, ее насыщает и представляет, что делает нацию нацией.

Нация предполагает сохранение и наличие внутри себя социального, культурного, этнического и любого другого народонаселенческого разнообразия, — и бытующие в нации «части», образуя целостный национальный организм, не подвергают сомнению само существование нации.

Между нацией и ее частями устанавливается и постоянно возобновляется своеобразный организменный (системный) паритет. Зато нации, будучи сами сложными целостными образованиями, очень неохотно идут на превращение себя в составные элементы какого-либо супернационального образования, чему споспешествуют как их великое культуро-историческое наследие, консервирующее и удерживающее нацию, так и обработанные временем воспроизводственные возможности, столь же упорно подтверждающие необходимость нации.

Отсюда утопичность атакующего глобализма и реалистичность обороняющегося национализма!

Нации, вовсе не замыкаясь в себе, противопоставляют западо-американскому глобализму ***международный интегратизм*** и ***планетарный солидаризм***, что дает возможность нациям тесно взаимодействовать, даже быть взаимозависимыми, но при этом сохраняться и свободно себя реализовывать.

Не общемировому историческому процессу противоречат и противостоят нации, а всего лишь особому глобалистическому проекту общемирового бытия с его — этого проекта — транснациональным олигархизмом. Нации сегодня — противники окончательного пришествия на планету пирамидально построенного и управляемого из единого центра общемирового однообразия, но сторонники при этом общечеловеческой «цветущей сложности», складывающейся, воспроизводящейся и развивающейся в свободном взаимодействии взаимообусловленных планетарных «элементов» — наций, что не исключает их группировок и вокруг локальных имперских центров.

Современный мир — арена многоплановой борьбы не столько между цивилизациями, сколько между ***мирами***: миром, формируемым по проекту антинациональной глобализации, с одной стороны, и миром, этому глобалистическому проекту сопротивляющимся, еще не обретшим своего осознанного проекта, но могущим быть названным миром национального консерватизма.

И если первый мир отличается уже каким-то внеисторическим напором на текущую жизнь и ближайшее будущее, то второй мир вдохновляется историческим самосохранением жизни и предполагаемой интуитивно ее стратегической перспективой. В какой-то мере можно сказать, что по норову своему первый мир — нечто вроде мира-пилота, при этом и мира-экстремала, если не мира-самоубийцы, а второй… второй — более подходит под определение мира-домоседа, на крайний случай, мира-путника, но никак не мира-прыгуна.

Россия, как это вообще для нее характерно, оказалась посреди этих двух миров, пытаясь оставить под давлением революционной власти мир второй и перескочить сходу в мир первый (отсюда и G—8), но… но… метафизическая реальность все-таки удерживает Россию от полного исполнения дерзкого намерения, обнажая и подтверждая ограниченную принадлежность России миру второму.

Россия очутилась в очень интересном, но при этом и весьма неловком положении — ни там, ни сям, а точнее — и там и сям, но там… как всего лишь недостойный, хоть и с уродливо похожей личиной на вдохновленной физиономии, симулякр, а сям… как столь же недостойный, но уже не симулякр, а… уродец, в какового обычно и превращается незамедлительно всякий самому себе «изменщик». Вместо поиска собственного обновленческого пути, Россия очутилась на чуждом, подражательном пути, движение по которому и привело ее в симуляционный тупик, что как раз совершенно ясно и обозначилось в ходе нынешнего мирового кризиса, разбередившего вдруг российский хронический кризис.

Преодоление собственно российского кризиса связано не столько с борьбой против глобализма, который и сам теперь в кризисе, сколько

с борьбой… за Россию, а уже потом и вследствие этого с борьбой… опять же не с глобализмом как таковым, а с борьбой… за общее переустройство планетарного мира.

Главное для России — борьба внутренняя с самою собою, за себя, — и эта борьба предполагает ***перестроение России*** согласно ***проекту Новой России***, для чего потребно прежде всего ***концептуальное преображение России***!

Пришел срок великого концептуального перелома, ознаменованного радикальным отходом от действующего кризисно-тупикового глобалистического проекта для России и обретением Россией органичного ей национально-почвенного проекта, не исключающего равноценный и взаимовыгодный международный интегратизм, но не ставящего Россию в зависимое от глобальных центров и процессов, как и глобалистских игроков, положение.

Пороки, проблемы и беды современной России хорошо известны, а потому главное сейчас не в их очередном перечислении, как и не в столь же очередном перечислении горячо всеми желаемого, — главное в сей исторический момент состоит в ***овладении Россией***, ***ее организацией***, в достижении возможности эффективного ***управления страной*** в единении с необходимыми для любого здорового или оздоравливающегося социального организма ***самоорганизацией и самоуправлением***.

Решение этой грандиозной задачи состоит в перестроении системы управления страной, а лучше бы сказать — системы управления в стране, — и таком перестроении, которое, обеспечив иное целеполагание, скажем, «Россия для России», а не «Россия для глобализма» или «Россия для частного эксплуатизма», смогло бы привести к возникновению иной по идейно-функциональным параметрам системе управления — сначала как ***системы в системе***, или ***системы среди системы***, а затем и вполне целостной всеохватывающей системы. Речь идет, таким образом, о явлении некоего внутреннего образования-прообраза, в то же время и предтечи-творца, некоего ***нового в старом*** — государства в государстве, социума в социуме, страны в стране, России в России, представленного, конечно же, организованным сообществом ответственных соотечественников — классом, партией, корпусом, орденом, — способного и имеющего возможность выдвинуть и исполнить амбициозный национальный проект, не расстраивая и не терзая страну, ее население, не ввергая их в безнадежный кризис и не бросая в очередную катастрофу, а лишь ведя Россию в спасительном и позитивно плодоносном для нее направлении.

Трудно, невероятно, но… можно!

Несмотря на огромные духовно-интеллектуальные потери 1990-х, вызванные дискредитацией не одного только национального начала,

но и вообще любых цивилизационных оснований бытия, в России смогли сохраниться кое-какие нравственные, духовные и интеллектуальные силы, составляющие ныне потенциальный резерв национального возрождения и всестороннего развития. Эти силы разрозненны, они не слишком пополняются, не имеют достаточно властной поддержки, никак всерьез не отмобилизованы, но это как раз те силы, которые не позволили уже своим простым наличием в российском пространстве ни утопить с головой Россию в аморальной скверне, ни окончательно ее разрушить.

История еще даст справедливую оценку тем, кто не встал в лихие 1990-е под ельцинские хоругви, не пошел на мстительное отрицание и обезличивающее оскопление родной страны, не поддался материально-потребительскому искушению и не принялся неистово грабить страну, растаскивая народное богатство и присваивая национальное достояние. Именно здесь, в этом слое сохранивших свое людское достоинство людей, ставших вдруг из советских российскими, а по сути все в тех же сынах и дочерях существующей в веках Родины — Руси, России, Российской империи, СССР, Российской Федерации, и находится этот самый резерв для ***новой России***, которая совсем еще не возникла, но которая уже просится на житейскую карту мира, ибо без этой новой России, окончательно изживающей Россию ельцинскую, не будет не только нормальной жизни в России, но не будет и самой России.

Важно заметить, что за 2000-е гг. этот «оборонно-арьергардный» потенциал уже дополнился другим, так сказать, новейшим положительным потенциалом, восходящим уже не столько к национальным истокам и традиционным ценностям, сколько к актуальному отрицанию сложившегося в современной России пореформенного бытия — искаженного, болезненного, кризисного.

Так что, нельзя сказать, что в стране нет социальной базы для позитивного обновления — она-то как раз есть! А вот чего действительно нет — так это целенаправленного, проективно обоснованного, последовательного усиления потенциала и его настойчивого использования для строительства не просто новой России, которая и сейчас новая, а России по-настоящему здоровой, могучей и жизнетворной.

Особенное значение нынешнего, уже открыто и бесспорно кризисного, момента состоит если и не в обнаружении, то в явном подтверждении факта ***фундаментальной порочности*** сложившегося под давлением ельцинского реформизма социо-хозяйственного уклада — откровенно эксплуатационного и паразитарного! Такой уклад обращен не к труду, производству и творчеству, а к частному обогащению, всеобщей распродаже, бешеному потребительству, он не человечен и не обществен по духу своему, не созидателен, не национален, это поражающий любое

философское и политэкономическое воображение, насквозь пронизанный инфернальностью, хоть и стремящийся к внешнему благообразию, ***уклад-монстр***, существующий исключительно для себя и весьма для себя ж преуспевающий — за счет даровой для него природы; не им созданной и тоже даровой производственной инфраструктуры; низкооплачиваемой, т. е. опять же даровой, рабочей силы, в особенности приходящей из-за рубежа; всеохватывающей искусственной дороговизны и непрекращающейся всеобщей инфляции; денежно-финансового (банковского, кредитного, инвестиционного) монополизма; выгодного и очень приемлемого для нового уклада экспорта природного богатства и столь же выгодного и приемлемого импорта готовой продукции; насильственного сжатия, почти что и гибельного, объемов конечного производства оборонной промышленности, сферы науки, армии; необычайно усилившегося криминалитета и невероятно разросшейся многослойной коррупции; произвольного господства вдруг расплодившейся и распоясавшейся донельзя бюрократии, тупого чиновничьего гнета; упорно и бойко служащей всему вышеперечисленному изощренной асоциальной и антигуманной пропаганды; заботливо культивируемого всепроникающего аморализма.

Хозяйство, построенное и ведомое таким укладом, работает на баснословные доходы, присваиваемые адептами и реализаторами уклада, но никак не на достижение полноценного бытия общества. Ополовиненное сравнительно с недавним прошлым, перекошенное в сторону экспорта энергоресурсов, сырья, полуфабрикатов, людей, а также импорта готовой продукции, в том числе продовольствия, медикаментов, наркотиков, поделок от искусства, такое хозяйство, крайне зависящее от внешнего контекста, особенно неустойчиво и уязвимо, что, собственно, и продемонстрировал текущий кризис. У такого хозяйства нет потенциала для конкурентоспособного самостояния и целостного жизнеотправления, не говоря о перспективном самостоятельном развитии. Это в лучшем случае подражательное и вторичное, но никак не инновационно первичное хозяйство, тем более в современной производительно-творческой интерпретации.

Сегодняшний кризисный момент — ***безусловный момент истины***, как раз для всего предпринятого в СССР-России революционно-реформистского действа, — и обнаруживаемая истина тут весьма горька: пореформенный уклад не только не служит всему российскому обществу, национальным интересам и общему будущему, но он, кажется, даже не служит эффективно уже и… самому себе, что позволяет сделать вывод о полном и безоговорочном его банкротстве. Предпринятое государством спешное спасение обанкротившихся по сути банков, скорая девальвация рубля, массовые закрытия предприятий, растущая армия

безработных, переход к дефицитному бюджету, невероятнейшая коррупция, коллапс на рынке жилья, непрекращающаяся инфляция, саяно-шушенская трагедия, да мало ли что еще, — все это говорит о чем угодно, но только не об обретении страной благоприятного для полноценной и уверенной жизни хозяйственного уклада, мало того, все это совершенно уже ясно свидетельствует о безотлагательности срочных конструктивных перемен.

Хозяйство — не одно только производство потребительных благ, не только движение денег и товаров, не только обмен и потребление, это еще и вся вообще жизнь человека, общества, нации, государства. И везде в России наблюдается одно и то же — приход кажущейся уже неизбывной инфернальности: возрастание социальных неравенств и неослабевающая несправедливость, дурная антикультура, фиктивная и никчемная занятость, отсутствие нормальных житейских перспектив, утечка мозгов, падение уровня и качества образования, забвение науки и творчества, всем надоевший пиар, более чем странная реформа армии, подрывно-взрывная ситуация на неуспокоившемся Северном Кавказе, рост сепаратистских настроений в разных местах страны, как и многое, многое другое, к сожалению, в высшей степени порочное, несуразное, издевательское. Отсюда и необходимость каких-то срочных фундаментальных по сути, позитивных перемен!

Сам пореформенный уклад-монстр ни на какие подобного рода перемены, конечно же, не пойдет, да и пойти не может — ни по своему предназначению, ни по своей беспечности, ни по своей бесчеловечности, ни по своей инфернальности, как, собственно, и по своей заведомой на это неспособности.

А перемены эти нынче уже в повестке дня!

Нельзя сказать, что никто в стране, в том числе из высших властей предержащих, этого не понимает, как нельзя сказать, что ничего в стране в данном направлении не предпринимается. Понимается и кое-что делается, но… не с полным и окончательным осознанием необходимости подобных перемен, не слишком решительно, поверхностно, не целостно и не стратегически, в основе и более всего, пожалуй, косметически, не переустроительно, не капитально. Скорее, идет некая корректировка, если не попросту доработка, добытого в реформистском экстазе строя, нацеленная на придание уродливому детищу более или менее сносного в гуманитарном отношении лица и кое-какой способности решать насущные человеческие проблемы. Но момент истины на то и момент истины, чтобы ясно и убедительно показать всю ненужность и тщетность подобных усилий: порок тут ведь не функциональный, не деятельский, а конструкционный, и не по ошибке чьей-то вовсе возникший, а сознательно и вполне коварно заложенный — на редкость подлый порок!

И если уж оздоравливать негодный с человеческой и цивилизационной точек зрения социо-хозяйственный организм, то делать это надо, вторгаясь в саму конструкцию организма, существенно ее изменяя.

Нет, не надо никакой в общепринятом понимании революции, как и не надо никакого потрясающего общество и все его бытие реформирования: тут потребна всего лишь упорная ***работа*** — как власти, для такой работы предназначенной, так и населения, для такой работы освобожденного, мобилизованного и сориентированного.

И для начала необходимо не совершение какого-то громоподобного переворота, не громогласное провозглашение очередного реформизма, а спокойное, позитивное и конструктивное слово — со стороны как раз высших властей предержащих, то самое слово, в котором найдет объективное отражение текущая историческая реальность, будет проанализирована сложившаяся в стране кризисная и в общем-то несуразная и тупиковая ситуация, обнаружится самокритичное признание вины совершившей «бешеную» революцию и «лихие» реформы власти, прозвучит покаяние за все содеянное, будет намечена программа исправления ненормальной ситуации, объяснена новая позиция власти, раскрыты стратегические намерения, прозвучит призыв ко всеобщему принятию перемен и национально-гражданскому согласию. И все это во имя России, ее укрепления и развития, ее будущего торжества!

Алгоритмика революций и реформ должна уйти в прошлое, хотя бы на обозримое время, а на их место должна придти алгоритмика повседневного созидательного действия — ***национального домостроительства***!

Очередная благостная утопия? Возможно, что и утопия. Но как без утопии, без надежды и перспективы, — да и разве есть другой выход, другой путь, другая возможность?

Иное дело, потребны, как принято говорить, инициативные и движущие силы преобразований, способ реализации выдвинутых намерений, механизм достижения поставленных целей, в особенности, ежели государство и общество — потенциально сильные и действенные — фактически парализованы в столь неординарном аспекте и на великие деяния подобного рода попросту сейчас не способны. Да, это так! Но… ежели метафизика России разворачивается в пользу оздоравливающих перемен, то и физике России ничего не остается, как рождать осознанное намерение действовать и искать для этого необходимые созидательные силы.

И коль скоро сегодня не может быть речи о новой дерзостной революции сверху и из центра, как и новом разудалом реформизме, то на передний план должен выйти какой-то уже иной способ реализации масштабного социо-хозяйственного преобразования.

Какой же?

Его можно назвать… ***эволюционно-хозяйственным***, разумея при этом, что данное преобразовательное деяние есть не более чем органичный момент текущего хозяйствования наличествующего в России субъекта, способного реализовать подобное деяние, обеспечить его повсеместную «раскрутку». Нетрудно догадаться, что подобным хозяйствующим субъектом может быть в России только ***властный (властно-государственный) национальный центр***: как потому, что Россия в принципе есть страна центрированная, центрогенная, центрообусловленная (она вся из центра и вся для центра), так и потому, что никакая другая сила такого рода деяния совершить в России попросту не может, если даже и очень захочет.

В хозяйствование российского властного национального центра должна войти ***программа национального преобразования*** (с целью последующего *национального преображения*!), что означает, что данный центр перестает быть встроенным в пореформенный уклад, ему служащим центральным субъектом-вспомогателем, как и субъектом-охранителем, а становится восходящим над пореформенным укладом центральным субъектом-преобразователем, не избегающим и роли субъекта-критика.

В задачу центра-преобразователя входит, помимо признания необходимости масштабного преобразования социо-хозяйственного уклада, определение стратегических целей и разработка программы преобразования, овладение достаточными ресурсами для перехода к новому укладу, установление прочного контроля над реперными точками и жизненно важными подсистемами социума и хозяйства, введение (инъеция) в социо-хозяйственную среду различного рода инициатив — от информационных до финансовых, возбуждающих его конструктивную активность в нужном преобразовательном направлении, проведение конкретных преобразовательных или способствующих преобразованию действий — от правовых до тех же финансовых.

Учитывая, что действующий пореформенный уклад и практически весь социо-хозяйственный контекст так или иначе не стоят сегодня за потребное центру глубокое и масштабное преобразование, если не прямо против него, то логичным выходом для центра была бы не фронтальная атака на уклад и контекст, как это бывает при скорой на расправы революции или же в ходе безаппеляционных радикальных реформ, а кропотливая, но неуклонная работа по созданию и стимулированию возникновения новых конструкций и миров непосредственно среди, так сказать, морально устаревших и с гуманитарной точки зрения недопустимых социо-хозяйственных образований и пространств.

Речь тут идет не о тотальной насильственной переделке полнообъемного объекта, а о создании в этом объекте целостного созидательного

ядра, способного переделывать окружающую среду и, наращивая и расширяя свое влияние, оказать полное преобразующее или же вытесняющее влияние на пока еще доминирующее, но уже отвергаемое, общее. Не наступление по всему фронту, во всяком случае, до какого-то решающего момента, а проникающий в самое сердце противника кинжальный удар!

И вот тут с неизбежностью встает вопрос о ***субъективном преобразовательском факторе*** — не столько конкретно институциональном, сколько о вообще людском. Что ж, центру-преобразователю придется пойти на формирование и поддержку особого класса, слоя, партии преобразователей, идейно вооруженных и действенно организованных. Здесь, пожалуй, потребна и революция — ***революция в сознании***, способная создать и вознести прямо-таки противное господствующему укладу и распростершемуся социуму ***национально-конструктивное сознание***.

Вообще работа с сознанием — искривленным, расстроенным, одуревшим, пожалуй, что и озверевшим — самое главное в потребном для современной России масштабном преобразовании. Всякая жизнь, всякое жизнеотправление, всякое хозяйство обусловлены сознанием, от него исходят, на нем базируются, к нему и восходят. Сознание — средоточие человеческой вселенной, ее основание и центр! Ну а российское сознание в основании и центре России, соответственно, и нынешнее, задетое инфернальностью, патологией и пустотой, преклоняющееся перед материальностью и физикой и бегущее от идеальности и метафизики, российское сознание в основании и центре нынешней России, ее пореформенного уклада и столь же пореформенного социума. Отсюда необходимость поиска и взращивания позитивного обновленного сознания, его национальной консолидации и ответственного перед поколениями применения. Вековечная тут проблема отделения зерен от плевел, но этого деяния никак не избежать, а потому не так плевелы надо выжигать каленым железом, как акцентировать поощряющее конструктивное внимание на животворных зернах.

Идейная работа — самая трудная работа, тем более сейчас, во времена ложно понятых личностных и корпоративных свобод: идейный плюрализм никак не исключает общей социально ориентированной ответственности, а потому ответственность обязана сдерживать плюрализм, не допуская распада общества и рассеяния личности. Культура — сначала мир условностей, ограничений и запретов, выработанных историей ради человека и человеческого жизнеотправления, а потом уже свобода самовыражений, но никак не наоборот. Пореформенные годы прекрасно это показали: и пагубность безответственной «вольницы», и пользу осознанных пределов.

Нация — это в первую очередь ответственность и ограничение, но это, конечно же, и возможность социально осмысленного свободного творчества, как не дозволяющего разрушительных самоизъявлений, так и не подвергающегося асфальтирующему творческое сознание тотальному контролю. В СССР было многое из исторически наработанного и цивилизационно обусловленного, даже какая-то демократия была, но решительно не было одного — ***нации***, ибо нация, содержа внутри себя классы, — само по себе вовсе не классовое, а надклассовое явление, чего никак не могло быть признано в СССР, как не могло быть признано в СССР и то, что нация — особенность и особость, подлежащая безусловному сохранению и тщательному культивированию, а вовсе не отрицанию в пользу интернационально-глобальных проектов. Нация, подвергнутая инквизиторскому бичеванию, была как бы упразднена в СССР, изгнана из его социокультурного состава. Вместе с нацией была отвергнута и русскость, лежавшая в основании российского народонаселенческого образования. И хотя какой-то общий дом и был в СССР построен, но, не обусловленный и не сформированный национально, он в один прекрасный момент попросту развалился.

Смысл национального общежития не в наличии гурта народов, а в единении народов вокруг общей геостратегической идеи и в рамках общего для этих народов исторического проекта, что, не уничтожая народы, дает этим народам возможнось и некоего сверхнародного бытия, гарантируя народам не одно лишь выживание, но и цивилизационное развитие.

Нация — гарант спасительного и способного к развитию совместного бытия народов, сообществ, индивидов!

Национальное сознание — вовсе не осознание какой-то исключительности, хотя осознание особенности всегда имеет место, — это осознание необходимости, плодотворности и возможности воистину целостного, полноценного и в то же время братского — равноправного и солидарного, совместного бытия людей и народов, возможности реализации большого человеческого сообщества как уникальной ***исторической личности***.

Нация — это осознание единения в разнообразии, то самое единение и того самого разнообразия, благодаря которым только и может осуществляться полнокровная жизнь цивилизованного человечества.

Нация — не окрас жизни, не место ее реализации, а сама эта жизнь, такая ее форма, без которой оригинальной цивилизованной жизни попросту нет.

Нация — это как раз то, что положено всячески беречь, а не заносить, потирая руки, в «Красную книгу» всепоглощающей истории.

Расстаться с нациями — расстаться с самой жизнью!

Нация — дом, а бездомная жизнь разве жизнь?

У России нет никаких резонов не быть нацией — ***никаких***! И если такой резон вдруг о себе заявит, то лишь один — самоубийственный! Так что же тогда — вперед к самоубийству?

Одним из крупных, можно сказать, и фундаментальных, негативов ельцинского реформизма было не просто невнимание к национальной — от нации! — составляющей, ее забвение, а самая настоящая атака на национальную определенность России, на саму возможность рассматривать Россию как единую нацию, результатом чего была ускоренная и чуть было не состоявшаяся денационализация России, перевод ее в аморфное в национальном смысле состояние, что то же самое — духовно-идейное разоружение России!

Что ж, ельцинских «преобразователей» можно понять, ибо задуманную ими реформу, — совершенно, кстати, нелегитимную, — можно было провести только при условии всеобщего национального затмения и тотального антинационального разброда, когда социум трещит по швам, а общий дом попросту рушится.

И совсем не случайно, что итогом ельцинистского реформирования стали опаснейшие для исторической судьбы России разъединение и даже рассеяние национальной общности, сопровождавшиеся сжатием и размыванием цивилизованной, производительной, оборонной и творческой сфер социо-хозяйственного бытия, что привело не только к инфернализации этого бытия, но и к утрате Россией парадигмальных координат и какой-либо предопределенной и осмысленной исторической стратегии.

Однако… однако… российская власть, обретшая вдруг новое лицо, осознав безнадежное положение страны, сначала весьма робко, а затем все более решительно пошла на… нет, нет… ***не на реконструкцию пореформенного строя***, а всего лишь ***на его коррекцию***, но предназначенную все-таки обеспечить отход страны от края зазиявшей перед ней бездны. И в этом, следует признать, немалая заслуга высших правящих кругов 2000-х! А нынешний кризис, который есть по сути лишь резкое обострение вовсе еще не преодоленного пореформенного кризиса, убедительно подтверждает всем своим течением, как, собственно, и практикой борьбы с ним, необходимость и возможность перехода от ***коррекции*** существующего в стране уклада к его ***существенной реконструкции***.

Отсюда и усиление потребности в глубоком и масштабном *российском перестроении*, способном радикально и решительно вывести страну из воспроизводящегося до сих пор апокалиптического прозябания и перевести ее на путь жизнетворческого бытия!

«Философия хозяйства». 2009. № 5.

КРИЗИС — ВРЕМЯ РАЗОЧАРОВАНИЙ, ПРОЗРЕНИЙ И НАДЕЖД

К международной конференции — V Малому университетскому форуму «Российское перестроение: общество, политика, экономика» 2—4 декабря 2009 г.

1

Главная особенность современной (передовой, высокоразвитой, прогрессивной) экономики, помимо глобализации и ТН-корпоратизации, в ее предельно финансовом характере, что позволяет даже заключить, что экономика по своей сути превратилась уже в финансомику, т. е. экономику, подчиненную довольно уже выделившейся и вполне уже независимой, самостоящей, существующей более всего для себя и действующей по преимуществу в своих интересах, финансовой сфере, когда финансы являются уже не столько обслуживающим реальное хозяйство посредником, сколько самодовлеющей и господствующей над реальным хозяйством силой. *Ныне уже не экономика с финансами, как и финансы для экономики, а экономика для финансов, как и финансы над экономикой*. Экономическая власть (со стороны денег, стоимости, товарного обмена, цен, банков, ценных бумаг и т. п.) решительно и радикально теперь дополнилась, если в основном уже не перелилась, во власть чисто финансовую, находящую реализацию не только в контроле надо всей финансовой сферой, но и в контроле надо всей экономикой, да что экономикой, надо всей хозяйственной деятельностью, если не надо всем жизнеотправлением человечества. В итоге произошел переворот в экономической системе общества: *экономика снизу* оказалась замещенной *экономикой сверху*, когда не хозяйственная реальность, она же и по преимуществу производительная, создает для себя и использует в своих интересах финансовую составляющую, а финансы, будучи ни чем иным, как работающими (действующими, обращающимися) деньгами, создают для себя и используют в своих интересах собственно хозяйственную, или же реально производительную, реальность.

2

Экономическая наука по установившейся в ней традиции исходит все еще из того представления, что производство с товарообменом, конституирующие во многом хозяйственную реальность, первичны, а финансы — вторичны, но ныне ситуация в высокоразвитой экономике прямо противоположная: первичны теперь финансы, т. е. чисто стоимостная сфера, а все остальное, в том числе и непосредственное производство с товарообменом, — вторично, производно, зависимо. Финансовая сфера не берет на себя реально-хозяйственных функций, но зато она способна настолько «крышевать» хозяйственную реальность, что последняя превращается в некую «оранжерейную» реальность, исполняя

себя уже не самостоятельно, а в долговой зависимости от финансовой сферы. А вот финансовая сфера имеет ныне возможность действовать как раз вполне самостоятельно, чему способствует доведенная до крайности ирреальность денег, их почти уже полная виртуализация, что обусловлено не только оторванностью современных денег от золотого содержания, но и оторванностью их от самой хозяйственной реальности, их, грубо говоря, ничем реальным необеспеченностью, что позволяет мировому финансовому капиталу, переплетенному с транснациональным корпоративным капиталом, задавать собственные, при этом весьма вольные, параметры денежного и всего финансового обращения. Главная и первейшая реальность для современного *финансизма* — сама финансовая сфера, следующая более всего своим собственным мотивам и законам, но весьма свободная от мотивов и законов значительно уже для нее посторонней хозяйственной реальности. Отсюда феномен и эффект особого рода доминантной финансиозации хозяйственной жизни, что находит выражение не только в монетарно-кредитно-инвестиционной зависимости последней от финансовой сферы, но и в подчинении своего бытия чуждым ей, вполне уже искусственным, мотивам и законам. Отсюда и особого рода *финансовое искусство*, служащее самому себе и безраздельно господствующее над реально-производительным естеством.

3

Деньги — давно уже не товар, а если и остается в них что-то товарное, то не более чем функция, ими реализуемая в ходе своего реального функционирования. Сами по себе деньги ныне — *ничто*, это не более чем знаковая фикция или же фиктивный знак. И, однако, деньги действуют, и действуют именно как деньги, но не потому, что они, как казалось когда-то, товар — всеобщий эквивалент, а лишь потому, что экономический мир признает их за всеобщий эквивалент-товар, делая это как добровольно, так и по принуждению, но так или иначе по экономической необходимости. В деньгах сидит не какая-то реальная ценность, а всего лишь ценностная субъективная воля, подкрепляемая договором, согласием, доверием, но утверждаемая непременно через власть, прежде всего государственную, через ее силу, ее авторитет, связанную с нею традицию. В деньгах как таковых в принципе нет ничего материального, исключая их временный носитель вроде металлов или бумаги, но в современных деньгах нет изначально и никакой вообще ценностной субстанции. Современные деньги — исходно назначенные и исходно символические деньги, а реальной ценностью они становятся лишь в ходе реального исполнения своей функции, в реальном обращении. Ценность денег, т. е. их собственная цена, что то же самое ценность денежной единицы, поначалу попросту назначается и лишь на практике в ходе обращения эмитированных масс денег оказывается реально сверифицированной

(подогнана к текущей реальности). Отсюда ряд важных выводов: деньги обслуживают хозяйственную реальность, но они от нее изначально свободны, а потому и над нею свободно доминантны; деньги не *из* реальности, а *на* реальность; не деньги ныне для хозяйства, а хозяйство для денег; деньги властвуют над экономикой и ею управляют, будучи высшим для нее фактором-силой, в экономике участвующем, но приходящим в нее извне, сверху, как бы уже из внешнего для реального хозяйственного процесса центра — денежного центра.

4

Поскольку финансы суть работающие деньги, а деньгами, как и финансами, можно управлять, то вся финансовая, а точнее, денежно-финансовая система есть система особого рода управления экономикой в целом, а так как деньги имеют кредитную (доверительную) природу, то и денежно-финансовое управление экономикой имеет ту же самую кредитную природу, находящую реализацию в двустороннем обменно-кредитном процессе: с одной стороны, внешнем, со стороны денег и финансов, их владельцев, когда имеет место денежно-финансовое кредитование извне и сверху, что то же самое — снабжение деньгами экономики, всей реальной хозяйственной среды, с условием возврата денег с приростом, а с другой — внутреннем, уже со стороны действующих в реальном хозяйстве экономических субъектов-должников, когда имеет место возврат денег с приростом наверх и вовне. Извлекаемый при этом денежно-финансовой властью доход есть не что иное, как *финансовая (денежно-финансовая) рента*, получающая воплощение в прибылях, процентах, налогах, доходах от разного рода перепродаж, спекуляций, биржевых сделок и т. д. Денежно-финансовая система выступает сегодня как кредитор реального хозяйства, а реальное хозяйство — как постоянный ее должник. Причем кредитор может выдавать не реальные, а вполне ирреальные деньги, а обратно получать деньги уже вполне реальные, прошедшие реальный хозяйственный оборот, наполнившиеся экономической значимостью, сбросившие свою ирреально-фиктивную ценность и обретшие ценность совершенно реальную.

5

Из факта относительной, но при этом и весьма значительной, свободы денежно-финансовой сферы перед лицом реального хозяйства вытекает другой факт — гибкой, мало того — люфтовой, взаимозависимости финансов и реальной экономики, что означает, во-первых, отсутствие строгих внутренних норм и ограничений в поведении финансовой сферы, во-вторых, отсутствие достаточно строгой внешней зависимости финансовой сферы, в особенности, главенствующего в ней финансового капи-

тала (этого сгустка финансовой власти) от реальных хозяйственных процессов. Финансовая система все решает сама и в своих интересах, лишь приглядывая свысока за кредитуемой и эксплуатируемой ею реально-хозяйственной средой, по возможности ее разогревая и подгоняя вперед. Тут важно обратить внимание на наличие буферно-срединной сферы — ТН-корпоративной, которая, обладая экономической властью непосредственно в реальной экономике и организуя под себя реальное экономическое пространство (выполняя так называемую топологическую управленческую функцию), оказывается главным связующим звеном между доминантной финансовой сферой и зависимой от нее сферой реальной экономики, включая и действующую в ней финансовую прослойку (заметим, что в ТН-корпоративную систему входят не одни промышленно-торговые субъекты, но и финансово-банковские субъекты, непосредственно и достаточно прочно связанные с реальным хозяйственным процессом). И если высшая финансовая сфера (так сказать, *топ*-финансовая сфера) занимается производством денег и их общим кредитообусловленным вливанием в экономику, то ТНК-сфера осуществляет уже непосредственное управление денежно-финансовыми потоками в соответствии с конкретными потребностями реальной сферы, разумеется, соблюдая при этом свой собственный интерес, ориентируясь прежде всего на свои собственные потребности. В итоге весь экономический мир организуется сегодня сверху и в первую очередь кредитообусловленным финансовым образом, а всем обычным хозяйственным субъектам, т. е. не топ-субъектам, остается лишь самоорганизационно приспосабливаться к этой предлагаемой им, разумеется, без особого афиширования, организации.

Современная экономика — экономика организуемой самоорганизации! Рынок, конечно, есть, но рынок… вполне организованный — сверху, иерархически, пирамидально, — и в целом это уже не только не свободный, но даже и не в полном смысле слова самоорганизационный механизм, это вполне зависимый и ориентируемый механизм, активно и относительно самостоятельно действующий лишь в микропунктах (рыночных локалиях) экономической среды, выполняя функцию необходимой в экономическом пространстве самоорганизационной подстройки и коррекции. Не агенты ныне составляют рынок, который стихийно-де самоорганизуется, управляя агентами, а управляемый в общем и целом, по главным параметрам и процессам рынок *включает в себя* экономических агентов, ими как раз и управляя, что, разумеется, не исключает различных стихийных процессов и проявлений, в том числе и как будто бы рыночных, но это уже, в основном, иного рода процессы и проявления, обязанные не столько рыночности экономики, сколько попросту

невероятной ее сложности и даже трансцендентности, но… по преимуществу… самой что ни на есть реальной *конспиративности*.

6

Экономика — механизм, но не только не механический механизм, но даже и не органический, это во всех отношениях *социальный,* а следственно по преимуществу совершенно идеальный, механизм, у которого свои специфические принципы и законы бытия — как функционально-текущего, так и структурно-стратегического порядка. Представлять экономику некой работающей машиной, да еще и материальной — великая сциентистская иллюзия! Да, в экономике есть свои нормы и ограничения, в том числе и материального свойства, иной раз и чуть ли не механического, но, если это и не совсем вольные нормы и ограничения, то все-таки достаточно вольные, чтобы не поддаваться ни на какие априорные, оптимальные-де, ловко и надежно-де рассчитанные нормы и ограничения. Влиять на экономику, ее движение, можно, и очень сильно, но, навязать ей какую-то заранее вычисленную и начертанную всеохватывающую схему нельзя! Экономические планы возможны, и они есть, они повсеместно применяются, без них никак нельзя, но… но… невозможно ни заменить экономику каким-то тотальным планом, ни подчинить ее столь же вездесущему плану. *Плановая экономика, вообще говоря — нонсенс*! Экономика — это счет, совершенно математический счет, реализуемый, однако, в самой экономической среде, причем в социальной среде, гуманитарной, причем реализуемой в ходе *непосредственной реализации непосредственной экономики*. И заменить экономику каким-то внешним для нее счетом, как и какой-то внешней математикой — нельзя! У экономики свой собственный, имманентный ей, счет и такая же своя математика, как сугубо операциональные счет и математика, так и сугубо трансцендентные, которые только и могут осуществляться в процессе реального экономического жизнеотправления, но никак не вместо него. Сам живой реальный процесс рождает реальный экономический счет и реальную экономическую математику, а вовсе не придуманные якобы для пользы экономики счет и математика рождают реальные экономические процессы. Что же из всего этого следует? Не только то, что нет никакой реальной необходимости моделировать и заменять то, чего невозможно ни адекватно смоделировать, ни уж тем более эффективно заменить, но так же и то, что фундаментальным свойством экономики является органично присущий ей *произвол*, использующий счет и математику, но настолько по-своему и настолько по-своему произвольно, что заменить их на какие-то непроизвольные разумные счет и математику совершенно невозможно!

7

Экономический произвол — особого рода произвол, который, с одной стороны, не имеет заранее обусловленных границ, а с другой — их постоянно для себя в ходе своей собственной реализации вырабатывает. Уже простейший товарообмен произволен, но… один произвол на другой произвол дает тут в итоге… произвольный же, но… уже приемлемый для участников товарообмена результат, а потому… не совсем как бы и произвольный. И так во всем: везде в экономике вроде бы произвол, но везде и экономическая воспроизводственная приемлемость, нередко и произвольно вгоняемая в необходимую норму, в частности, через те же банкротства и кризисы. Не надо думать, что экономический произвол — это произвол сугубо стихийно-рыночный, нет, это произвол всякий и прежде всего субъектно-субъективный. Свобода есть свобода! Иное дело, что произвол может быть столь же произвольно ненужным, невыгодным, вредным, — тогда-то и кажется, что никакого произвола нет, но это и тогда не так: просто имеет место утихший, неявный, невыраженный произвол, наконец, просто произвол навязанный, как и связанный. И несмотря на все это, любой экономический параметр, как и любой экономический процесс, всегда в той или иной степени произволен, во всяком случае, всегда готов к какому-то собственному произволению, что для реальности вовсе не является исключением. *Экономика обречена на произвол, но она обречена и на произвольные ограничения произвола!* Фундаментальная произвольность, а лучше бы сказать — *произвольность экономики*, не означает, что в нее не могут быть введены те или иные ограничения, столь же могущие быть произвольными. Действия управляющих топ-структур в той или иной мере всегда произвольны, в том числе и та же государственная экономическая политика. Концептуальные и расчетные обоснования такого рода действий и той же политики суть не более чем произвольные экспертные обоснования, которые лишь ожидают своего практического подтверждения, нередко тоже произвольного. Экономика, повторяем, не машина, как не машинным являются все производимые в ней управленческие действия и осуществляемые политики. Эффективность тут восходит не к качеству обоснования, тем более расчета, а к самой обыкновенной удаче — либо предпринятое нечто соответствует реальной ситуации и эффективно срабатывает в позитивном направлении, либо, увы, нет. Сама возможность предлагать разные, часто противоположные рецепты и решения, есть самое яркое свидетельство структурной и функциональной произвольности экономики.

8

Топ-организация современной экономики не только не преодолевает произвольности экономики, или, скажем иначе, *экономического произвола*, но, ограничивая как-то произвол, даже его иной раз и в каком-то

месте почти полностью снимая, не только оставляет самоорганизационный произвол в действии, но и сама позволяет себе *любой* произвол — вплоть до вполне осознанного перевода экономики в насыщенное произволом критическое состояние. Топ-система действует всегда по-своему, даже если и вроде бы не в своих собственных интересах, но это «по-своему» всегда содержит в себе моменты того или иного произвола, либо легко принимаемого экономической средой, либо ею отвергаемого, либо же как-то — уже по-своему — искажаемого. А в итоге одно и то же: *произвол на произвол с произвольным результатом*. Топ-система не располагает никакими воистину правильными, объективно и строго расчетно обусловленными параметрами своих действий, что, конечно же, не означает, что эти параметры никак реально не обоснованы и совершенно произвольны, наоборот, они непременно так или иначе соответствуют реальности, а главное, подлежат текущей реальной корректировке. Вот и выходит, что как сама экономика, так и управление ею — всего лишь постоянная, замешанная на произвольности, *игра*, которая, ведется, конечно же, не без кое-каких правил, но *таких* правил и *так* исполняемых, что эти правила и их исполнение не препятствуют фундаментальной произвольности экономики, способной к произвольному же самоограничению. Та же цена, к примеру — феномен произвольный, хотя и не настолько, чтобы не вписываться в общее произвольное же ценообразование, склонное к общему ценовому воспроизводству, обеспечивающему и общее хозяйственное воспроизводство. *Цена способна быть любой, но не какой угодно!* Это заключение можно отнести ко всякому экономическому параметру, всякому процессу, да и к самой экономике в целом тоже.

9

Обособленная, а то и оторванная исходно от реальной экономики, финансовая система, опять же исходно доминирующая над экономикой, ее исходно и тотально кредитующая и в итоге целостно эксплуатирующая, не может не пользоваться чудодейственной возможностью, предоставляемой произволом — уже собственно финансовым, управлять по своему усмотрению, хотя и достаточно неопределенно — в игре, движением денежно-финансовых масс и любых им адекватных параметров (основных товарных цен, валютных курсов, банковских процентов, арендных плат и т. д.), — и, как всякий капитал, стремящийся к выгоде и расширению, финансовая система гонит вперед экономику, извлекая из нее растущий по норме и расширяющийся по объему доход. И если принять во внимание наличие мирового финансового центра-штаба, способного производить деньги и выпускать разного рода ценные бумаги, в том числе и друг от друга производные (вторичные), а также обеспечивать, поддерживать и подтверждать сии виртуальные документы своим

собственным авторитетом — одновременно финансовым, экономическим, интеллектуальным, политическим, военным, даже и моральным, если не законно аморальным, то легко представить себе, *что* может такой центр натворить в мировой экономике, в особенности, если будет не только кредитовать мировую экономику, но и сам брать от нее кредит, расплачиваясь за него все теми же выпускаемыми им деньгами и ценными бумагами. Что же тогда может произойти? Совершенно верно: сначала чисто финансовое, а потом и вообще экономическое, а затем и реально-хозяйственное *перенакопление* — денег, ценных бумаг, финансов, кредитов, капитала, товаров, производства, предложения, даже и спроса. А где перенакопление, то там, как совершенно правильно учит традиционная политическая экономия, и *кризис*. Вот, собственно, и все: произвол финансовый рано или поздно заканчивается произвольным же — вполне и субъективно-объективным — кризисом, причем и кризисом всеохватным, каковой сегодня и случился вдруг сначала в мировом финансовом центре — в США, а затем и во всей мировой экономике.

10

Говоря вообще о кризисах, необходимо принять во внимание, что экономика, эта товарно-денежная, а на сегодня тотально финансизированная хозяйственно-организационная система, находится в тесной, хотя и относительно свободной (с люфтом), связи с реальным хозяйственно-производительным процессом, в котором вот уже два столетия решающую роль играет то, что принято в науке называть *научно-техническим прогрессом*. Последний способен не просто развивать производство и знаниево-технически обогащать человеческое бытие, но и создавать возможность ускорения и расширения производства-предложения, соответственно, и потребления-спроса, что находит выражение в возможности накапливать производительный, а вслед за ним торговый и банковский капиталы, т. е. гнать вперед экономику в целом, а вслед за нею и всю хозяйственную реальность. И экономика, увлекаемая научно-техническим прогрессом, т. е. новыми для себя возможностями роста и расширения, сама гонит вперед столь ее восторгающий научно-технический прогресс. Так обе динамические силы — научно-техническая и экономическая — гонят вперед друг друга, а вместе с тем и весь человеческий мир, заставляя его практически уже непрерывно и скоротечно изменять свой облик, образ и объем бытия. И все бы ничего, если бы обе эти силы не были способны создавать… препятствия… как для себя самих по отдельности, так и друг для друга — как вместе так, и порознь. Обе силы способны к… перенакоплению… самих себя, правда, лишь по-разному проявляющемуся: экономика в виде перенакопления денег, финансов, капитала, товаров, производственных мощностей и т. д. (такова произвольная логика экономического воспроизводства), а научно-технический прогресс в виде

непременно наступающего исчерпания резервов роста и развития производства и потребления на основе и в рамках действующей научно-технической парадигмы, что находит наиболее яркое выражение в перенасыщении спроса на внезапно морально устаревающую продукцию. Раскатанное накопление (рост) замедляется и приостанавливается, и ежели это происходит сразу по вине обеих сил, то разражается достаточно масштабный, глубокий и длительный кризис, из которого уже не бывает простых и быстрых выходов. Подобный кризис бывает связан с так называемыми длинными конъюнктурными волнами: четверть века подъема, затем, до четверти века кризиса и стагнации, а потом уже четверть века нового подъема. *Именно такого рода кризис и случился сегодня в американской и мировой экономике*. Что же касается выходов из подобных кризисов, то эти выходы могут статься нежданно-негаданно и ускоренными, но… либо в силу достаточно мощной решительной и эффективной государственной и межгосударственной антикризисной политики, либо при появлении новых пространств для экономического освоения (как, к примеру, в случае с бурно развивающимся Китаем и странами ЮВА или же с развалившимися соцсистемой и СССР), либо вследствие активной милитаризации хозяйства, серии локальных войн, а то и достаточно масштабной мировой войны. Так или иначе, но ускоренный выход из долговременных кризисов обусловлен действием либо прямо неэкономических, либо же внешнеэкономических сил и факторов, воздействующих как на расширение всех видов спроса (рынков), так и на обеспечение новых научно-технологических рывков. Более или менее перманентное и устойчивое действие таких сил и факторов может также продлевать долговременные волны (фазы) подъемов, смягчать кризисные и стагнационные периоды, создавая даже иллюзию бескризисного развития экономики. Так было, — во всяком случае, казалось, что так было, — совсем недавно, но… проклятый кризис все-таки разразился, убедительно подтвердив присущую произвольной экономике «нехорошую» традицию.

11

Нынешний кризис возник прежде всего как финансовый кризис, т. е. кризис собственно финансовой сферы, давно уже умопомрачительно раздувшейся и невероятным образом… обнаглевшей и ошалевшей (других слов тут, явно, не подобрать, да и не надо). Чтобы понять, почему финсистеме долгое время все сходило с рук, нужно принять во внимание следующие обстоятельства: во-первых, установившееся по итогам сначала второй мировой войны, а затем и по итогам холодной войны (возможно даже… всего лишь первой мировой холодной войны — 1945—1991 гг.) монопольное доминирование США, американской экономики и американского доллара в современном мире, в особенности,

господство доллара в качестве не просто мировой и резервной валюты, но и фактического (хотя и иллюзорного) заместителя золота (на место реального золотого стандарта в мировую денежную систему был в конце концов внедрен долларовый стандарт — уже совершено при этом фиктивный, соответственно, и особенно произвольный), что дало возможность США не только расплачиваться с внешним миром фиктивным, т. е. необеспеченным ничем реальным, долларом, но и создать изощренную систему финансовой эксплуатации мира — кредито-долговую; во-вторых, достижение современным индустриальным и неоиндустриальным производством высочайшей степени производительности с одновременным достижением изобилия благ обыденной необходимости, что позволило не только развиться вторичным, третичным и любым иным хозяйственным секторам (так называемым непроизводственным, нематериальным, виртуальным), но также и расшириться, развиться, «осамостоятельниться», заметно и оторваться от реальной экономики собственно финансовому сектору, получившему дополнительные возможности, если не сверхвозможности, для ведения собственной прераспределительной игры, независимой от реального хозяйственного воспроизводства (высокая реальная производительность дала финансам возможность как бы обратить заинтересованное внимание на самого себя, заняться более всего самим собою, поставить на первый план и активно преследовать свои собственные эксплуататорские цели), что вылилось в итоге в финансовую прераспределительную игру в пользу сильных (финансово сильных!) мира сего; в-третьих, отрыв денег и соответственно финансов не только от золота, но и от реального хозяйства вообще, не просто усилил фиктивность денег и финансов, но и дал возможность, все более их виртуализируя (как бы переводя их все более из реальности в возможность, увязывая их все более с будущей, а не текущей реальностью, точнее ирреальностью), самонадеянно и неограниченно расширяться, а лучше сказать, раздуваться, верша свой собственный суд над реальной экономикой, ее тоже неограниченно раздувая, делая все более фиктивной и виртуальной. Но рано или поздно такая финансовая, а точнее — властно-финансовая, разнузданность не могла не вызвать какого-то особенно крупного сбоя, что и произошло в 2008 г. в США и во всем экономическом, ставшем уже по сути *ультраэкономическим*, мире. Первыми стали лопаться американские *гиперфинансы*, а потом уже посыпались и нефинансовые части большого *гиперэкономического* организма. Разразился большой мировой экономический кризис, а вместе с ним разразился и большой мировой скандал, если не большой мировой конфуз!

12

Важно принять во внимание, что кризис, о котором идет речь, относится к числу кризисов, представляющих собою не просто экономические кризисы большого и долговременного перенакопления, о чем было поведано выше, но и кризисы самой по себе экономики — *экономики как системы*, ее текущего конструкционно-функционального образа или же, как более принято в теоретической экономии действующей на данный момент исторической формы. Все подобные кризисы, точнее, выходы из них, обычно сопровождаются глубокими трансформациями экономики (или, как чаще говорилось совсем недавно, капитализма), существенно эту самую экономику-капитализм изменяющими: из свободно-рыночной, допустим, в корпоративно-рыночную, затем в государственно-корпоративно-рыночную, а потом уже и попросту в глобализованную экономику — с мировым рынком и развитыми международными отношениями, но при этом и транснациональным корпоративным комплексом и мировым экономическим центром. И если следовать данному представлению о подобных кризисах, как и о трансформационных выходах из них, то логично признать, что нынешний 2008—2009 гг. кризис есть кризис как раз глобализованной экономики, всей ее системы, включая не только собственно финансовую составляющую, но и такие ее компоненты, как глобальный мировой центр и ТНК-комплекс, включая и всю систему исходящего от них управления мирохозяйственными процессами. Отсюда напрашивается следующий вывод: выход из сегодняшнего кризиса сопряжен не столько с его преодолением в денежно-финансовой сфере, сколько с каким-то достаточно-глубоким и масштабным преобразованием сложившейся к моменту кризиса исторической формы экономики (капитализма) — глобализованной экономики, с преобразованием, весьма затрагивающим и весь социохозяйственный контекст. Этот вывод может быть дополнен и другим важным выводом: выход из сегодняшнего кризиса обусловлен не столько новым расширением спроса, сколько существенными переменами в реальной производительной сфере на основе и в рамках новой волны научно-технического прогресса и глубокой структурной перестройкой всего реального хозяйства.

13

Здесь уместно обратить внимание на в общем-то хорошо известный, но мало признаваемый исторический факт — факт исторического по своей сути кризиса, давно уже, с конца XIX в., ставшего принадлежностью передовой (западной, англо-саксонской, евро-американской, капиталистической, экономической, научно-технической, либерально-демократической, постхристианской, если не прямо антихристианской, совершенно светской, вполне уже и обезбоженной) цивилизации. Данный кризис совпал по времени с переходом, как принято сейчас говорить,

от Модерна к Постмодерну, от эпохи активного созидания параллельного земной природе хомогенного мира (искусственного, неприродного) к эпохе целостного бытия человека в созданном им новом мире, что означает, что постмодерновая современность есть не просто следствие развития Модерна, но и проявление и форма выражения хронического кризиса уходящего с исторической арены Модерна, ищущего выхода в отрицающем Модерн Постмодерне, но при этом… такого спасительного выхода не находящего, ибо Постмодерн ничего конструктивного здесь предложить не может — как в силу генетически обоснованного отрыва от реальности (виртуальности), так и врожденного паразитизма. Постмодерн оказался эксплуататором и разрушителем Модерна, но никак не полноценным и жизнеутверждающим его заместителем. Отсюда особого рода генетическое и логическое обоснование всех повторяющихся с конца XIX в. *системных кризисов*: они являются по сути своей лишь *кризисами кризиса*, оказываясь следствием более общего и длительного, чем сами эти кризисы, кризиса системы, его периодическими вспышками. И нынешний 2008—2009 гг. — кризис той же самой закваски: это *очередной кризис переживающей длительный общий кризис западной цивилизации, а не кризис одной лишь ее экономической составляющей*. Отсюда выход из такого кризиса сопряжен уже не с постмодерновым, а каким-то иным, может, за-постмодерновым, преобразованием впавшей в хроническое недомогание цивилизации, уже достигшей кое-каких пределов своего нарочитого и дерзкого бытия. Констатируя это, надо иметь в виду, что временное преодоление, как и недопущение, оттягивание или смягчение таких кризисов кризиса, или системных кризисов, происходит обычно в сопровождении и через посредство миромасштабных, и вовсе не только экономических, процессов и коллизий, среди которых как мировые и локальные войны, тотальная милитаризация или вырыв в тот же космос, так и соревнование мировых альтернативных систем, крупные социальные потрясения (типа распада СССР и мировой социалистической системы) или новые научно-технические сдвиги. Заметим особо, что именно этим кризисам, как и выходам из них, планетарный мир обязан формированием глобализованной общемировой социально-экономической пирамиды во главе с нынешними США и явлением того же постмодернового гиперэкономизма со всем его гиперфинансизмом и гиперконсюмеризмом, как и явлением гиперэлектронной цивилизации с ее искусственно обустроенным самодовлеющим гиперэфиром. Характерно, что каждый подобный кризис кризиса всегда казался последним, а по выходу из него ожидались лишь бесконечный подъем и убедительное процветание, а также возможность полного освобождения от самих этих кризисов и овладения чуть ли не бескризисным бытием.

14

Изменение финансового состояния США и всего мира, как и ближайшая ремонтная модификация мирового денежно-кредитного хозяйства — обязательное для начала антикризисных действий, но совершенно недостаточное для последовательного преодоления нынешнего кризиса условие. Ясно, что за кризисом должны случиться *большие перемены*, глубоко затрагивающие мировой социохозяйственный контекст. Осуществиться же таким переменам, причем любым из них, совсем не просто, ибо против них очень многое: и сама по себе текущая реальность, объективно и инерционно им сопротивляющаяся, что вполне понятно; и неизвестное, полное тайн и неопределенностей будущее, чреватое любыми неожиданностями, а главное, гигантскими, вполне и апокалиптического порядка, потрясениями, что не может не вызывать опять же вполне понятный, хотя и по-разному ощущаемый и трактуемый, страх; и наличие скрытно и явно конкурирующих, если уже не прямо противоборствующих, субъективно возбуждаемых сил и проектов, среди которых есть как стремящиеся к сохранению, пусть и с некоторыми переменами, глобализованного по-западному мира, так и предполагающие существенное, если не кардинальное перестроение существующего ныне мира — даже в ущерб гегемонии США и мирового глобального центра, что тоже в общем-то понятно. Непонятно тут, пожалуй, лишь одно: что же в действительности может произойти с человеческим миром в связи и по итогам разверзшегося — пока еще более, наверное, втуне, чем в явности — кризиса, а кризис этот, внешне выглядящий как финансово-экономический и вроде бы не слишком долгий, вполне может оказаться важнейшей исторической вехой на пути совершенно невообразимых ныне глубинных, масштабных и «дальнобойных» превращений, сопровождаемых столь же невообразимыми событиями и процессами. Тут важно осознавать, что сегодня на исторической арене не просто очередной кризис кризиса, а кризис вполне завершенного на путях и в рамках Модерна мира, вовсе не случайно оказавшегося миром Постмодерна, т. е. кризис уже *мира конца*, а следственно, и… *кризис конца*, возможное преодоление которого обусловлено не просто какими-то там возможными всуе переменами, а переменами, способными обеспечить не что иное как переход к… *миру начала*, что, безусловно, мало того, что вовсю трансцендентно, но и в великой степени, скажем помягче, турбулентно. Планетарный мир оказался вдруг перед многоходовым, лабиринтно запутанным и чреватым потрясениями броском в… *неизвестность*, хотя исполнение этого броска может выглядеть вполне внешне обоснованным и даже реалистичным!

15

Впереди — неизвестный еще мир, а вот более совершенным будет этот мир или нет, как и будет ли вообще какой-нибудь мир — вопрос. Никто из смертных не знает ни того, что будет, ни соответствующих этому «будет» сроков. Постмодерн, в отличие от «застойного» Премодерна и «деятельного» Модерна, бытует уже… не бытуя, чуть ли вне бытия, в каждый момент как бы с чистого листа, импровизационно и имитационно, без накопленного исторического веса и спасительных традицийных опор. *Современный мир — мир-симулякр, мир-похожесть, мир-фикция!* Планировать Постмодерн — планировать нечто вроде облака, внезапно возникающего, непрерывно меняющего свою конфигурацию, еще и куда-то непременно исчезающего. Передовой мир теперь принципиально неустойчив, изменчив и неопределенен, а потому и принципиально не планируем. Это не исключает, конечно, целеположенных, по-своему даже планируемых, программ и действий, но… уже без достаточной уверенности как в достижении поставленных целей, так и в удержании чего-то вдруг непременно достигнутого. Непрерывная изменчивость пустотелого — «обессущненного», «обезупорядоченного» и «обезответственного» — мира служит ему своеобразной защитой, не позволяющей этот мир надежно ухватить и как-то целесообразно переделать. Будучи вроде бы под опекой и контролем мирового глобального центра и тех же США, этот мир уже в главном предоставлен самому себе, существуя и изменяясь независимо от вроде бы управляющих им структур. *Ситуация неуправляющего управления или же управляемого неуправления!* И нынешний кризис как раз все это обнажил и убедительно демонстрирует. Состояние современного мира — еще не бешеный хаос, но уже и не предсказуемый порядок. *Хаос, быть может, еще впереди, а вот порядок… порядок уже, кажется, позади!* Ярким свидетельством всему этому служит тот совсем не радостный факт, что нынешнее управление миропроцессами буквально уже требует предварительного совершения разного рода громких коллизий и бьющих по воображению искусственных катастроф, чтобы только по их итогам немедленно принимать управленческие решения и предпринимать активные действия, опять же без всякой уверенности в достижении поставленной цели и закреплении внезапно достигнутого. Такова не слишком заметная, но, увы, совершенно реальная, подоснова современности, предъявляющая к выходу из нынешнего кризиса особые, еще не бывшие в истории, требования. Ни капитализм, ни социализм, ни сциентизм с техницизмом, ни, тем более, экономизм с его злополучным и злотворным финансизмом, ни даже любого толка клерикализм ситуацию не вытянут, ибо передовой мир теперь фундаментально *автоапокалиптичен* и идет вполне уверенно к собственной, лишь усиливаемой нехваткой жизненных ресурсов

(не продуктов, заметим, которые в избытке, а именно ресурсов, которые теперь во все нарастающем дефиците) *катастрофе*.

16

Особенность Постмодерна состоит в том, что он, при, казалось бы, переизбытке материального благополучия, уверенно работает против человека, его опустошая, упрощая, минимизируя, а при случае и вовсе аннигилируя. Вообще говоря, Постмодерн, сам будучи историческим, а может, уже и внеисторическим симулякром, превращает и человека в адекватный себе симулякр (подобие), в некий человекообраз. *Постмодерн явно демонстрирует ненужность человека не только для себя, но и вообще для мира!* На место человека приходят техника и некое новое существо, полностью к технике приспособленное — киборг. Нынешний кризис совершается в момент уже онтологического отрицания человека как феномена природы и, разумеется, как существа сакрального. Сначала человек вполне осознанно и вольно отрекся от природы и сакрала, а теперь ему доводится отрекаться уже от… самого себя. Такова она — дьявольская насмешка над денатурализованным и десакрализованным человеком, обуянным пересотворенческой — эпохи Модерна! — гордыней! Нынешний кризис наложен так или иначе на кризис человека вообще, причем на кризис, вызволенный самим же человеком — умным, знающим, передовым! Отсюда своеобразная антикризисная дилемма: либо окончательный сброс человека с «корабля современности» и переход к *постчеловеку* и *постчеловеческому* миру, эсхатологически устремленному в какое-то постбытие (*ультрапостмодерновый* исход), либо сохранение человека в человеке с решительным отрицанием всего постмодернового достояния и переходом к *постмодерновому* миру, чреватому возможностью нового, вполне еще и человеческого, бытия (*антипостмодерновый* исход). Первый вариант, высказываясь привычно, — западный, евроатлантический, глобалистический, хотя он и требует, возможно, уже иных миростратегических привязок и лингвистических изысков, второй — антизападный, альтернативный, традицийный (не традиционный и не традиционалистский, а именно *традицийный*, т. е. просто уважающий человека в человеке и противостоящий надвигающемуся постчеловечеству). Как бы то ни было, но приходится констатировать, что первый вариант, несмотря на свою явную онтологическую угрозу для человека (все-еще-человека), выглядит сегодня для передового человечества более реалистичным, чем второй, хотя бы в силу своей адекватности экзистенциальным устремлениям опущенного в гедонизм, гламур, виртуальную суету и материально-техническое существование прогрессивного человека. Второй вариант менее вероятен, ибо он, консервативно-де противостоя прогрессивному мейнстриму, представляется вполне маргинальным для передовой части человечества и, вынужденно

опираясь вроде бы на прошлое, более всего популярен как бы в инертной, т. е. не очень-то склонной и способной к самостоятельным прогрессивным рывкам вперед, части человечества. Все это как раз и подтверждается текущими оценками кризиса в мире и предпринимаемыми ныне антикризисными мерами.

17

Кризис трактуется со стороны властей предержащих в современном передовом мире как не более чем досадный сбой — пусть и достаточно крупный и болезненный, но все-таки сбой в работе старательно выстроенного за последние три десятка лет экономического, а фактически уже ультраэкономического, механизма, оснащенного ультрафинансами, ультраинформатикой и ультраменеджеризмом, действующего в режиме реального времени, топокреативно (целостно созидая любые финансо-экономические пространства, раскидывая в них и любые столь же финансо-экономические сети), вполне уже осознанного (субъективированного), в высшей степени произвольного и вполне удачливо конспиративного. Отсюда и главная антикризисная линия, подкрепляемая как сохраняющейся мощью США и никуда не исчезнувшей ведущей ролью мирового глобального центра, а также немалой инерционностью существующего мирового экономического порядка в сочетании с ощущаемым всем планетарным миром огромным риском какого-либо серьезного переустройства укрепившегося в мире порядка — линия на… непременное *сохранение существующей мироконструкции с некоторой ее частичной модификацией*. Мировой центр и США не собираются ничего принципиально менять в возникшем по итогам XX в. мироустройстве, что совершенно для них — гегемонов действующего мирового порядка, — естественно, а планетарный мир, хоть и осознает необходимость кардинальных перемен, никак уже не доверяя этим мировым гегемонам, но пойти на эти перемены вопреки воле США и мирового центра пока не может. *Ситуация здесь, в общем-то своеобразного антикризисного пата!* Преодоление разразившегося кризиса идет на основе и в рамках переживающего этот кризис мироустройства, а соответственно и в колее базисного хронического кризиса, вообще характерного для постмодернового цивилизационизма, что говорит в лучшем случае о паллиативной реакции мира и его экономической системы на текущий кризис, а в худшем — об оттягивании во времени фундаментального разрешения давно накопившихся проблем и неизбежной радикализации как ожидания такого разрешения, так и его возможного совершения. *В институциональном аспекте мир принципиально сейчас не меняется, но зато он решительно меняется в ментальном отношении!* Тут работают следующие итоговые заключения: 1) авторитет США и мирового глобального центра как ведущих субъектов и механизмов управления планетарным миром,

во многом, надо особо заметить, теневого, если еще и не рухнул полностью, то уже окончательно и, возможно, бесповоротно, подорван, что обусловлено не только субъективизмом, эгоистичностью и гедонистичностью, даже и изощренной криминалистичностью такого управления, но и общей его неэффективностью, мало того, его фактической в позитивном отношении невозможностью; 2) планетарный мир должен быть устроен иначе — как *мир интеграционный*, а не глобализованный; как *мир полицентрический*, а не моноцентрический; как *мир упорядоченный и устойчивый*, а не произвольный и избыточно переменчивый, как *мир солидарный*, а не конкурентный; как *мир человеческий*, а не постчеловеческий; наконец, как *мир постэкономический*, а не как собственно экономический (финансо-экономический). Разразившийся ныне кризис — убедительное феноменальное подтверждение вышеприведенных умозаключений, оплодотворяющих *альтернативные устремления* и оправдывающих поиск *альтернативных проектов* планетарного мироустройства.

18

Постмодерновый мир, базирующийся на США и ведомый мировым глобальным центром, не собирается просто так сдаваться и покидать историческую, пусть для него уже и постисторическую, арену, мало того, он намерен, оправившись от кризиса и как-то перестроившись, продолжить свой дерзкий путь в будущее, завлекая в свое движение и весь планетарный мир… однако… однако… вовсе уже не в том виде, в котором этот мир пребывает в настоящее время. Отсюда высокая вероятность новой переделки планетарного мира под запросы ныне гегемонствующих в нем сил, а вследствие нежелания мира такой его переделки, как и самого обыкновенного ей сопротивления, переделка эта вряд ли сможет осуществиться без многостороннего целеположенного насилия — этакого *тотального переустроительного террора!* что позволяет допустить возникновение в ближайшем будущем разнообразно коллизионной обстановки, не исключающей и вспышку какой-нибудь большой войны — в духе того же библейского Армагеддона! Дело сейчас даже не в самих наличествующих проблемах человеческого бытия, хотя и этого уже достаточно для приближения миромасшабной катастрофы, а в уникальной проблемности этого самого бытия, порождающего своим бытием… невозможность… собственного бытия! Отсюда не ремонт бытия, даже и капитальный, не решение каких-то его проблем, даже самых острых, а *радикальное изменение бытия*, сопровождаемое переходом к *иному бытию*, более устраивающему нынешний управляющий центр, но, кажется, с уже неизбежным значительным… *сбросом бытия,* его, так сказать, частичного демонтажа, его, если хотите, сжатия, как это

было, к примеру, уже проделано передовой цивилизацией с тем же исторически обусловленным премодерновым миром. Вызволенный когда-то и много нашумевший передовой цивилизационный гуманизм оборачивается теперь во всех планах и отношениях… *последовательным антигуманизмом,* — это надо раз и навсегда признать и с этим надо теперь постоянно считаться, мало того, с пониманием этого факта надо теперь жить, либо сдаваясь на милость раскатывающемуся и звереющему антигуманизму, либо же почти безнадежно ему мужественно противостоя!

19

Разворачивающаяся в мире ситуация — ситуация не просто апокалиптическая, а нарастающе апокалиптическая! Казалось, что нынешний кризис, как и более раннее событие 11 сентября 2001 г., не просто пробудит тревогу за судьбу человечества, но и вызовет убедительное желание что-то радикально в его пользу изменить. Но нет, ничего подобного не происходит! Человечество в лице своих элит все-таки не в состоянии выйти за пределы как текущей, так и перспективной обыденности, посмотреть на мир извне и иным глазом. В итоге планетарный мир втягивается в ситуацию, чреватую *большим апокалиптическим срывом,* в сравнении с которым нынешний мировой кризис покажется чуть ли не легким простудным недомоганием. Несмотря ни на какие отдельные предостережения и даже кое-какие предупредительные действия, человечество, как показывает история, не в состоянии заблаговременно и сносно предотвращать им же самим упорно подготавливаемые и провоцируемые катастрофы. В механизме реализации человеческого бытия не заложена возможность некатастрофного движения, но зато, увы, заложен механизм его катастрофной коррекции. Особенность исторического момента состоит в том, что под вопросом теперь не только какой-либо конкретный образ бытия, а уже и… *само бытие*, а это, согласимся, и в самом деле проблема уже не истории, а… *конца истории*, а это, конечно же, далеко не одно и то же. Отсюда либо осознание этого очень вероятного исторического конца и вполне уместное стремление его предотвратить, либо антикризисная симуляционная игра со скрытым, но весьма стремительным, скольжением к этому самому концу!

20

Основные правящие элиты (из G—20) выбрали путь срочного ремонта, в лучшем случае, некоторой модификации, но уж никак не коренного преобразования существующего миропорядка со скрытой за непогрешимыми улыбками глав государств надеждой на новый виток развития, в общем-то, уже давно морально устаревшей цивилизации. Так что никаких радикальных перемен в социально-экономическом устройстве человеческого мира на сей момент не предвидится, что, конечно же,

не исключает каких-то заметных качественных превращений уже в ближайшем будущем: либо все по тому же лукавому западному варианту, что пока и наиболее вероятно, либо уже по альтернативному варианту, который не столь сегодня вероятен, но зато в перспективе, надо полагать, все более и более потребен. На линии противостояния теперь: либо будущий *постчеловек-киборг* (он же человек-симулякр, превращающийся в итоге в «лучистое ничто»), либо будущая *постэкономика* с возрожденным через посредство восставшей и обновленной традиции *постэкономическим человеком*. Отсюда либо окончательная катастрофа человека с переходом человека в иное человекообразное — постчеловеческое — существо, либо катастрофа с преображением человека, результатом чего может стать новый — духовно облагороженный — человек. И хотя все это вроде бы неопределенная, а, пожалуй, что и отдаленная, перспектива, важно иметь в виду, что любая перспектива способна внезапно приближаться и совершенно неожиданно вполне определяться. Вряд ли сегодня уже можно отделаться от мысли, что что-то невообразимое в бытии человеческом все же неумолимо надвигается, что мир сегодня явно неустойчив и замер в ожидании каких-то судьбоносных перемен. Так или иначе, но это уже мир не только с ограниченными жизненными ресурсами, хотя ныне и хватает вроде бы всякого материального и чувственного благополучия, но и, что самое главное, это уже мир без *футуро-ресурса* — не мир-протяжение, а скорее уже мир-мгновение! Да, остается надежда на экономику (деньги), инициативу (предпринимательство), творчество, науку и технику, но… но… имеет место и какая-то чуть ли не субстанциальная неуверенность в возможности добиться потребной жизнеспособности… а вот чего или кого — мира, человека, человечества? Хочется это кому-то или нет, но, кажется, мир человеческий стремительно приближается к какому-то новому *моменту истины* (и времени «Ч»), в котором сойдутся неминуемо для решающего столкновения-тяжбы уже не просто мир и мир, или один образ бытия с другим, *а уже само бытие с… уже самим небытием*. И это-то событие достаточно уже чуется как в передовом постмодерновом мире, так и в альтернативном ему традиционном мире, а потому, хотят они того или нет, оба мира готовятся как с столкновению с надвигающимся небытием, так и, увы, к решающей схватке… между собою, то ли предотвращающей это столкновение с небытием, то ли, наоборот, его старательно сотворяющей.

21

Все это сейчас скромно названо «войной цивилизаций», чему еще более скромно противопоставлен «диалог цивилизаций». Последний надо, конечно, вести, и он идет, но куда деть разворачивающуюся по своим правилам и интенциям объективность? А объективность

внушает ныне более перспективное беспокойство, чем уверенность в спокойном будущем! «Война цивилизаций», а точнее, «война миров», а, пожалуй, что, уже и самого бытия с небытием, выглядят куда более вероятными, чем что-либо им обратное. И если у (G—7) никаких особых шансов на смысло-качественное, а не материально-техническое, преобразование себя и мира уже нет, то в альтернативном мире такие шансы все-таки есть, ибо там есть еще неистраченный духовно-идейный потенциал, становящийся главным на сегодня жизнеутверждающим футуроресурсом. И здесь как раз важно обратить внимание на Россию, хоть на данный исторический момент и вполне… обезумевшую, но… но… имеющую-таки шанс вдруг опамятоваться и выдать кое-что неожиданное, а может вполне опять и несуразную, прямо с чистого листа, ибо свободна она — Россия, свободна, — как от прессующего мир западного проектизма, так и от закатанного вглубь человеческого сознания восточного традиционализма. Фактически Россия как бы заранее переживает сегодня кризис цивилизации, мира, бытия, человека, вновь оказавшись, как и в случае с советским социализмом, *страной-предтечей*, что гарантирует, в случае позитивно-конструктивного исхода, обретение Россией какой-то спасительной для себя и мира мудрости, той самой, что дается только крайним страдательным напряжением и переживанием, как и внезапным и глубоким хождением в инфернальный маржинализм (или же маргинальный инфернализм). В России сейчас больше мерзости, чем благолепия, тут явное доминирование безобразия над красотой, а всякого социального уродства над любым сообразием. *Ничего хорошего в нынешней России, кроме самой загадочной символической России, нет!* Но зато есть стремление, — может, более пока подспудное, чем явственное, — вырваться из той невыносимости, в которой она вдруг оказалась. У России есть шанс не только выбраться из инфернальной ямы, в которой она ныне пребывает, но и породить что-то действительно новое и куда как более приемлемое — из смыслового и конструкционного — для будущего человеческого бытия. Есть! Ибо Россия уже втянута по сути не во что-нибудь, а в прямо-таки сакральную разборку с… самим небытием… причем уже и для самой России небытием, — и кризис сегодняшний всего лишь преддверие надвигающегося судьбоносного события-процесса, которое станет уже конечной схваткой за Россию: «Быть или не быть?», а если уж ей станет быть, то… радикально обновленной — как раз смыслово и конструкционно!

22

Россия — страна власти и только власти! Так распорядилась история. Именно власть, в тот момент советская, бросила страну в инфернальную перестроечно-реформационную яму, чтобы посредством тотальной переделочной экзекуции, создать новое страновое устройство,

отвечающее потребностям частного элитарного господства, аналогичного западному, с последующим вхождением страновой властно-экономической (властно-финансовой) элиты в мировую господствующую элиту, а странового хозяйственного пространства — в мировое глобализованное пространство. Затеянная в 1980-е гг. перестройка вполне удалась — как лукавая предтеча жуткой реформы 1990-х гг., а реформа неожиданно удалась уже как полноценная революция — сверху и из центра. В итоге по воле властей предержащих возник удивительный по своему навязчивому отвращению ко всякой реальной нравственности строй жизни — *произвольного деспотизма*, разумеется, экономического, финансового, административного, политического, идеологического, информационного, в общем — любого, тесно сопряженного с тем, что можно было бы назвать *тотальным гуманистическим террором* — вплоть до шоу-террора! Впечатление, что главной сопутствующей целью преобразования страны было превращение России в не-Россию, народа — в несамоидентифицированное население, а страны — в обезличенное бессубъектное пространство. Отмечая это, нужно отдать и какое-то позитивно-должное нынешней российской власти — в 2000-е гг. произошла некоторая коррекция преобразовательского курса в пользу России и даже традиции, но… отказываться от революционным образом достигнутого и построенного власть, кажется, то ли вообще не собиралась, то ли собраться пока не удосужилась. И вот сейчас-то и важен факт нагрянувшего на страну кризиса, как и предпринимаемых властью попыток его преодоления, ибо любой кризис, как и борьба с ним, есть момент и средство проявления… кое-какой истины, во всяком случае, момент демонстрации реальности как таковой, в которой не одни только кризисные индикаторы и процессы, но и субъективные намерения их преодоления, а также обнаруживаемые по ходу развертывания кризиса и борьбы с ним итоги. Нельзя сказать, что кризис застал российскую власть врасплох, но скорость и глубина кризиса оказались для власти явно неожиданными: *из ведущих стран мира Россия оказалась наиболее пораженной кризисом, причем не только в финансовой сфере, но и непосредственно в реальном секторе, а перспективы кризиса оказались в России наиболее туманными и чреватыми опасными осложнениями*. Заметим, что власть российская кинулась весьма энергично тушить кризисный пожар, спасая построенное ею социохозяйственное здание, которое, к великому сожалению российского электората, вовсе не общенациональный *Дом Жизни*, а всего лишь противонациональный и противожизненный агрегат по добыванию баснословных доходов для сверхпотребления элитарного меньшинства да перекачки добытого богатства за границу. И хотя на словах власть вроде бы желает позитивных в аспекте национального воспроиз-

водства перемен, на деле она в построенном ею уродливом социохозяйственном здании ничего в сторону позитива существенно не меняет. Спасение дорогого ему здания власть сочетает с не более чем кое-какими доделками и восстановительными работами, но никак не с *реконструкцией* выстроенного по-лукавому проекту неприглядного сооружения. *Эгоизм жирующих застит глаза призванным действовать!* Кризис рассматривается властями лишь как острое, но временное заболевание молодого российского капитализма, с которым он-де в ближайшее время должен непременно справиться. И надежда тут опять же на рост мировых цен на энерго-сырьевые ресурсы, на все те же газ и нефть. Что ж, ожидаемый рост цен возможен, но он все равно не даст России и ее зачумленному капитализму никаких серьезных стратегических перспектив, кроме последовательной его и всей страны деградации, а также развала и полного исчезновения того и другого, ибо капитализм этот возник и существует как паразитический и симуляционный, к реальному инновационному предпринимательству и реальному развитию страны совершенно не способный. Кризис, который Россия сегодня переживает вместе со всем планетарным миром, не ситуационный вовсе, а *абсолютно системный* кризис, говорящий более всего не о текущих проблемах, возникающих внутри выстроенного наспех здания-уродца, а о полной неприемлемости этого аморального и неэффективного для страны сооружения, а потому и говорящий о необходимости его *Большой Реконструкции*. Кризис в России — вовсе не дурная случайность, а вполне логичная закономерность, правда, тоже дурная, обусловленная фундаментальной порочностью новейшего российского — субординационного (не самостоятельного, зависимого, вторичного, производного), финансово-латифундистского, нетворческого, невыразимо безнравственного и крайне несправедливого — капитализма, безрассудно паразитирующего на созданном не им и не для него инфраструктурно-производственном основании, ускоренно изнашивающемся и стареющем, на редкой природе, безоглядно им снедаемой, на негаснущем духе народном, нещадно им эксплуатируемом. Нынешний кризис, будучи жестким испытанием для недалекого, эгоистического и самонадеянного молодого российского капитализма, к тому же совершенно никак не легитимного, захватнического, криминального, есть для проницательного добросовестного ума уже ясное свидетельство вполне достоверного фиаско всего проделанного со страной за 1980-е и 1990-е гг. переустройства, частично подправленного, но базисно все-таки не выправленного за 2000-е гг. — странного, нелепого, самоубийственного!

23

Нет, никто из здравомыслящих россиян не будет призывать к возврату в прошлое, но любой здравомыслящий россиянин, не имея никакой

моральной и деловой возможности согласиться с воздвигнутым порядком вещей, не может не осознавать необходимости опоры на… *традицию*, восходящую к фундаментальной исторической особенности России, ее природы и пространства, ее населения и народов, ее культуры и идеологии, ее духа и организации, наконец, ее трансцендентного исторического предназначения, находящего текущее выражение в стремлении не к антизападности, как и антивосточности, что неверно, а всего лишь к *альтернативности* тому, что идет хоть от Запада, хоть от Востока, тому, что для России с ее корневой спецификой попросту неприемлемо. Россия — модель почти что планетарного мира, и она имеет право, восходящее и к долженствованию, на поиск наиболее подходящего для себя, а может, и всего мира, образа бытия и социохозяйственного обустройства. Нынешний кризис — не только приговор возникшей вдруг в России патологической антисистеме, но и повод к переходу к жизнеспособному жизнеустройству, сочетающему *максимум жизненной свободы с максимумом же жизненной ответственности*. Главным действующим лицом для России должна стать многоэтническая, но при этом вполне и единая, *нация*, которая есть вовсе не этнос, а *социум — единый многоэтнический социум*, он же *единое национальное гражданство*, социум, оснащенный национальным государством и национальной элитой, обращенный к национальным интересам, критериям и принципам бытия. Нация — *Общий Дом*, в котором каждому находится достойное место и в котором нет априорных изгоев. В таком доме нет всеобщего равенства, но зато царствует мера и справедливость. На место безудержного произвола приходит всеми понимаемый и уважаемый порядок. Господствует национальная целесообразность, не дозволяющая никаких опасных перекосов — ни в сторону диктата и деспотизма, ни в сторону расхлябанности и анархии. Разумеется, нация такого рода — в некотором роде утопия, но… будучи в идеале, может, и утопией, это все-таки вполне жизненная цель-идеал, к которой только и можно спокойно и с уверенностью идти, ибо главное здесь не в войне всех против всех, как и не во всеобщем экстатическом слиянии, а в органическом, вполне мирном и солидарном, единении — как без всякой уравниловки и массовидности, так и без унижающей человека жесткой и несправедливой иерархичности. Что бы ни думали нынешние власти и к чему бы они субъективно ни стремились, но Россия все-таки идет, — пусть и не слишком сейчас осознанно и уверенно, — по пути поиска и реализации какого-то уже *иного*, чем это было проделано в ходе проклятых народом перестроек и реформ, социохозяйственного проекта — нового, себе органичного, традиционного, национального, человеческого!

«Философия хозяйства». 2009. № 3.

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕСТРОЕНИЕ КАК НЕИЗБЕЖНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

1

Главная особенность текущего момента, переживаемого Россией, состоит не столько в пришествии мирового экономического кризиса 2008—2009 гг., остро поразившего российскую экономику, сколько в наложении данного кризиса на внутренний российский кризис — сложный, всеохватывающий и долговременный, обусловленный поначалу разложением советско-социалистического строя и общей стагнацией социо-хозяйственного бытия 1980-х гг., закончившейся в 1991 г. развалом СССР, а затем предпринятым в Российской Федерации в 1990 и частично в 2000-е гг. глобальным и радикальным реформированием социо-хозяйственного устройства по якобы передовой и ультрацивилизованной «либерально-рыночной» модели, некритично и безоговорочно заимствованной в дальнем зарубежье, приведшим не только к поспешной и безапелляционной ликвидации советско-социалистического строя, но и вызвавшим в угоду первоначальному накоплению капитала резкий и глубокий упадок национального хозяйства и болезненное расстройство российского общества, что не только продолжило и усилило их и без того критическое состояние, но и привело к возникновению особого по качеству нового кризиса — *поре-форменного.*

2

Возникший в ходе и по итогам реформы кризис имеет двойное воплощение. Это, с одной стороны, *кризис хозяйства* и *общества,* нашедший выражение поначалу в общем упадке и тотальном расстройстве хозяйства и общества, а затем, уже по прошествии времени — к 2000-м гг., в формировании и закреплении фундаментально (структурно) и воспроизводственно (функционально) неполноценного странового хозяйства, обретшего на уровне производства узкую колониального типа энерго-сырьевую ориентацию, увлеченного товарообменной, финансовой и потребительской функциями, но явно пренебрегающего производительной, творческой, инновационной функциями, в особенности, в высокотехнологической и научно-технической сферах, что не дает активному российскому населению адекватной современному производительно-инновационному хозяйству занятости, как и возможности полноценного, обусловленного связью исторических времен и страновой принадлежностью, личного, семейного и коллективного жизнеотправления, а сами хозяйство и общество ставит в униженное положение и угрожающую потерей суверенитета многостороннюю зависимость от внешнего производительного, геостратегического и политического контекста.

С другой же стороны — это *кризис созданного реформой социо-хозяйственного устройства страны,* откровенно и неудержимо поощряющего частнособственническое присвоение, но не способного обеспечить ни прогрессивное развитие хозяйства и общества, ни безопасную жизнь и надежную обороноспособность страны, ни нормальное существование основных масс населения, ни преодоление отрицательных народонаселенческих тенденций, ни достижение социально-политической солидарности граждан, ни обретение ими веры в родную страну, ни овладение российским обществом исторической перспективой.

3

Специфика пореформенного кризиса, переживаемого ныне Россией, состоит не в одних только негативных моментах текущего российского бытия, его социо-хозяйственного устройства, что достаточно очевидно, но и в не столь очевидной органичной принадлежности этому бытию и этому устройству самого феномена кризиса вообще: перед нами уже не просто временный кризис бытия и его устройства, их актуальное кризисное состояние, а уже сами по себе кризисное бытие и кризисное устройство, что то же самое — *бытие-кризис* и *устройство-кризис*! Кризис тут не столько состояние и временной период, сколько *имманентное качество*! И оба вышеупомянутые кризисы — бытия и его устройства — вполне адекватны друг другу, они взаимно себя полагают, оправдывают и воспроизводят, и воспроизводить себя они могут, нуждаясь друг в друге, сколь угодно долго. К тому же российское население уже практически не знает, что значит жить вне кризисного бытия, воспринимая кризисное бытие чуть ли не за вполне естественную и устойчивую норму.

4

Известная стабилизация и относительно бодрое оживление российской экономики 2000-х гг. имели чисто конъюнктурную обусловленность, обязанную своим происхождением по преимуществу благоприятной обстановке на мировых энерго-сырьевых рынках и менее всего обязанную социо-хозяйственным преобразованиям, осуществленным в ходе лихорадочной реформы 1990-х. Появившиеся вследствие притока в Россию «дармовой» иностранной валюты значительные финансово-инвестиционные возможности не были эффективно использованы для преодоления пореформенного системного кризиса, — не произошло ни перехода к устойчивому современного типа развитию хозяйства и общества, ни обретения хозяйством и обществом необходимой для полноценного жизнеотправления воспроизводственной целостности. Закамуфлированный внешним потребительским благополучием, ростом доходов в среде «успешной» части населения, увеличением национальных

золотовалютных резервов и тем же профицитом государственного бюджета, пореформенный системный кризис как бы растворился где-то в беспредельном пространстве бытия, выйдя на время из поля пристального критического зрения. Коньюнктурный и во многом фиктивный за счет монетарного стимулирования экономический подъем даже создал иллюзию исчерпания пореформенного кризиса и чуть ли не вхождения страны в фазу послекризисного подъема.

5

В 2008—2009 гг. произошло внезапное, но при этом и совершенно логичное, обострение пореформенного кризиса, спровоцированное мировым экономическим кризисом. Стало ясно, что в России имеет место не просто «филиальный» экономический кризис, занесенный извне, а самый настоящий, вполне и собственного происхождения, глубокий *системный кризис*, ставший фактически уже кризисом кризиса, не подлежащим в силу своей фундаментальности и сложности скорому, коньюнктурного характера, преодолению. И историческая истина тут вовсе не свелась только к факту обнаружения данного уникального кризиса, его адекватного осознания, ибо за этим фактом скрывался другой, тоже не менее истинный и выдающийся факт, правда, еще лишь подлежавший субъективному осознанию — факт необ-ходимости *масштабных* и *глубоких социо-хозяйственных перемен,* — и это в уже состоявшемся пореформенном, а не лишь подлежащем тотальному реформированию, обществе!

6

Выход из глубокого системного кризиса — выход к глубоким системным переменам! Подобного рода констатация не означает ни объявления неопределенной «перестройки», ни совершения бурного революционного переворота, ни реализации новой всеохватывающей реформы. В нынешней российской ситуации наиболее приемлемых может оказаться особого рода социо-политическое действо, которое можно было бы назвать *перестроением,* совершаемым по инициативе и воле высшей власти при участии активного в гражданском отношении населения непосредственно в процессе текущей жизнедеятельности страны — *сходу, на марше, в движении.* Такое перестроение, имеющее высокую вероятность обойтись без крупных социально-экономических потрясений, можно вполне рассматривать как *эволюционно-хозяйственное деяние,* если под эволюцией понимать плавное (невзрывное) изменение, а под хозяйством понимать не какую-то отдельную сферу человеческого бытия, а все жизнеотправление человека-общества в целом.

7

В итоге радикального преобразования страны, предпринятого в основе своей в 1990-е гг. и частично продолженного в 2000-е гг., сложилось беспрецедентное для России и во многом для всего мира устройство хозяйства и общества, непосредственно нацеленное на свои собственные интересы, за которыми сокрылись частно-эгоистические интересы эксплуатационного, паразитарного и потребительского свойства, но никак не на интересы национального хозяйства и российского общества в целом, включая и потребность их всестороннего развития. *Не устройство тут служило социо-хозяйственному бытию России, ее процветанию, а, наоборот, социо-хозяйственное бытие России служило своему собственному устройству, его порочной реализации!* И никакого здесь не случилось в пользу всей страны позитивного синергического эффекта: ни полноценного воспроизводства населения; ни приемлемого для цивилизованного мира распределения богатства и доходов в среде национального социума; ни бурного научно-технического развития; ни характерной для передовой в производственно-технологическом плане цивилизации занятости населения; ни достойного — не по лжи и без унижений — гражданского жизнеотправления; ни маломальски утвержденной в социуме нравственности и справедливости; ни уверенности в возможности полнокровной личной, семейной, коллективной жизни; ни сколько-нибудь захватывающего ощущения достойного и надежного будущего страны. Возникший по следам реформ социо-хозяйственный уклад, который можно было бы назвать без особого преувеличения финансово-административным латифундизмом, работает более всего на извлечение частных доходов, переправляемых к тому же за границу, а не на полноценное бытие России, ее населения. Отсюда и выдающийся по своему негативу социальный феномен — бегства от России, причем бегства что успешных и богатых, что потерянных и бедных!

8

От пореформенной порочности и деформации к постреформенной полноценности и цельности! Таким сегодня уместно было бы видеть главный азимут настоятельно требуемого текущим кризисным временем *российского перестроения.* Цель тут ясна и проста — здоровое, целостное, развивающееся, уверенное в будущем общество, — и однако насколько эта цель сложна и неопределенна для достижения! Но иного пути для нынешней России все-таки нет, — и идти Россия должна по этому нелегкому пути без иносторонних подсказок и иноземных одежд, рассчитывая на себя и только на себя, никому не угрожая и ни перед кем не унижаясь: вероятность отставания, прозябания, дегра-

дации и даже распада страны в сложившейся ныне остро критической ситуации слишком велика, чтобы ее бессмысленно, бесплодно и бесперспективно проигнорировать!

9

Есть ли энергийно-конструктивный потенциал для возможного перестроения? Если даже придти к заключению, что его сейчас нет, то придется заключить и другое: он должен непременно быть! — таков ныне ситуационный, судьбоносного порядка, исторический ультиматум, предъявляемый Россией-символом к России-реальности! И в ядре такого возможного к подъему и росту потенциала, конечно же, верховная, она и центральная, российская власть. *Иного в России не дано: Россия — страна власти!* Не общества по преимуществу, не нации, не гражданства, даже не государства, а именно власти, той самой, которая выше, больше, инициативнее, действеннее, иной раз и эффективнее, всего остального, чем обычно полнится цивилизационный социум. Именно власть создает и поддерживает в России тот или иной по типу социум, развивает и совершенствует его, ведет в будущее, хотя при этом и бывает способной консервировать социум, сдерживать его развитие, допускать, а то и поощрять — вольно или невольно — деградацию социума, его рассеяние и распадение. Именно власть бывает ответственна за возникновение социальных напряжений, за появление кризисных, а то и прямо революционных, ситуаций. Именно власть проводит в России радикальные реформы, иной раз совершая и судьбоносные революции.

10

И вновь, уже сегодня — в окаемах 2010 г., судьба России в руках российской власти, причем власти, только что совершившей тотального характера *социо-хозяйственную реформацию,* весьма приемлемую для вырвавшегося на экономический простор и жаждущего неограниченного присвоительно-потребительного доходообразования частно-собственнического класса, и в то же время имеющую столь уязвляющие нормальное человеческое сознание негативно-кризисные итоги. И кажется, что обращение к этой же власти с призывом произвести новые, чуть ли уже не антиреформационные, преобразования, есть проявление небывалой политической наивности, если не прямо псевдо-гражданской благоглупости, — но… но пусть кто-нибудь укажет на какой-нибудь другой, более сильный и более способный к действию в интересах России источник социальной активности и созидательной воли, кроме… *властного,* а что касается правительственного осознания необходимости движения в направлении конструктивных перемен, то такое осознание уже идет, мало того, выражается не в одних правильных словах, но и в кое-каких, пусть еще и не в самых эффективных и последовательных, действиях.

Можно без всякого преувеличения утверждать, что нынешняя российская власть, хочет она того или нет, уже дрейфует на практике в направлении конструктивных и органичных России перемен, в том числе и перемен в недрах самой по себе власти.

11

Что касается российского социума, то, несмотря на его с государственно-гражданской точки зрения неблаговидное в целом состояние, он сохраняет в себе не одно лишь признание России как родного для себя жизнеустроительного очага, но и имеет желание превратить Россию в мощную, уважаемую и процветающую державу, имперскую по сути своей внутренней организации, но никак не устрашающе тоталитарную или, наоборот, угрожающе анархическую. Поддержав на волне отрицания одряхлевшего и изрядно уже надоевшего позднесоветского строя обещанные властью обновленческие и вроде бы оздоровительные перемены, российский социум, если не попросту российское население, высказался гласно и негласно *за новое отечественное общежитие,* способное, утверждая свободу и справедливость, обеспечить новую повышательную волну всестороннего развития страны, то самое общежитие, которое, как оказалось, вовсе не входило в замысел совершенных в постсоветской России реформ, преследовавших более всего частно-накопительные цели, а теперь этот же самый социум готов в основе своей поддержать курс на *социо-хозяйственное перестроение,* вдохновляемое потребностью в нормальном жизнетворении, не зараженном никакими умильно воображаемыми идеологическими крайностями. Сложившийся, хотя, быть может, еще и не утвердившийся окончательно, пореформенный строй, который вполне можно определить и как строй *произвольного финансово-административного деспотизма,* а не просто лишь, как было замечено выше, финансово-административного латифундизма, никак не может удовлетворить ни нынешний российский соцум, включая и действующую в нем верховную власть, ни реальную человеческую историю, ибо этот строй никак не предполагает приоритета нравственности, справедливости, права, а также труда, творчества, производительности, как и вообще полноценной жизни.

12

Нужны продуманные, подкрепленные содержательным проектом, действия власти, нужна и мобилизация всех возможных для реализации такого проекта созидательных сил. Речь идет о проникающем вглубь социума *перестроенческом деянии,* способном привести сначала к созиданию *нового российского мира* в среде ныне существующего российского мира, но безнадежно уже морально устаревшего (созиданию нации

в нации, государства в государстве, экономики в экономике, производства в производстве, вообще «нового среди старого»), а затем и к преобразованию всей страны в ее основных социо-хозяйственных параметрах при эффективном сочетании интересов отдельных лиц, коллективов и регионов с интересами России в целом. Достижение столь крупного амбициозного намерения возможно на основе и в рамках пошагового строительства *единой российской нации,* которая только и может воплотить собой, или же выдать из себя, окрашенный генетико-исторической спецификой социо-культуро-хозяйственный организм, способный к эффективному воспроизводству и развитию.

13

Нация — не этнический, а геосоциальный феномен. Именно нация обеспечивает в цивилизованном мире необходимую для любого человека и общества целостную жизнеспособность, которую не может дать ни отдельный регион, ни какая-то растворяющаяся в пространстве сверхнация. В этом плане нацию можно уподобить производительному лону, содержащему необходимые для современной цивилизованной жизни силы — в нужном наборе и в потребной концентрации. Нация — не простое скопище людей, коллективов и регионов, объявленное для пущей важности независимым государством, а способный к полноценному жизнетворению *общий дом,* в котором все элементы находят для себя приемлемое место и ни один из них не является заведомым изгоем. Нация — это присутствие и реализация непременно общих интересов и общей ответственности, когда общее способно и имеет возможность в нужный момент и в явном приоритете оказаться над частным.

14

Нынешний глобализм, имеющий не одну объективную обусловленность, но и вполне субъективную, идущую из единого мирового центра, заданность, против такого феномена, как нация. Ему явно предпочтительнее всеобщая денационализация, в результате которой явилось бы некое подотчетное ему и им управляемое производитель-но-потребительное планетарное населенческое месиво, хотя сам глобализм базируется как раз на нации — той же американской, правда, зараженной глобалистским всемирным миссионерством, а потому и изрядно уже в национальном отношении распредмеченной. Характерно, что денационализирующаяся вроде бы тотально Европа на деле устремлена все-таки не к безличной населенческой массе, а… *к новой нации — европейской,* хотя конечный итог столь внушительного регионально-международного эксперимента, конечно же, рискованно неоднозначен. *Для России же денационализация смертельно опасна: или Россия — нация, или России просто нет!* Никакая денационализация России — ни глобалистски-

сверхнациональная, ни локалистски-субнациональная — недопустима! Отсюда необходимость *в новой национализации* России, ведущей к формированию новой российской нации; отсюда и потребность в новом национальном проекте — проекте *новой российской нации;* отсюда и возможная реальность движения России в русле данного стратегического проекта!

15

Мировой экономический кризис 2008—2009 гг., имея глубокую цивилизационную обусловленность — это по сути кризис всей передовой (западной, евро-американской) цивилизации, обнажил и подтвердил еще один кризис — *кризис системы современного глобализма,* что не только вызывает необходимость коренных преобразований в международно-планетарной сфере, но и актуализирует потребность в укреплении и развитии национального начала, мало того, он даже предоставляет шанс тому феномену, в мире который можно было бы назвать *великим национальным возрождением,* в особенности, если речь заходит о судьбе крупных, многоэтнических наций, не говоря уже о нациях имманентно имперского типа.

16

Нация — не изоляция вовсе от внешнего мира, как и не сама по себе культурно-историческая самобытность, а обретение и поддержание цивилизованным сообществом *собственного исторического лица,* как и возможность, не смешиваясь и не рассыпаясь, обеспечивать владение своей собственной и в чем-то непременно особенной, судьбой. Нация — это налаживание и удержание жизнетворной нормы, не отрицающей вовсе качественного разнообразия, хотя и подчиняющей его единению. Нация — это недопущение тех различий, расхождений и разладов, которые угрожают целостности социума, его воспроизводству и существованию. Нация не противоречит ни жизнедеятельности регионов, ни планетарному общежитию, наоборот, только при наличии нации и наций то и другое обретает возможность приемлемого бытия. Нация не отрицает, а, наоборот, предполагает *солидаризм* — как внутренний, так и планетарный, выступая его покровительницей и эффективным субъектом.

17

Сегодня Россия лишена, несмотря на разные признаки и многие внешние атрибуты, реальной и воистину жизнеспособной нации. *Строительство нации как строительство новой нации — судьбоносная задача современной России!* И тут приходится констатировать, что страна не находится до сих пор в состоянии более или менее осознанного и последовательного строительства *общего национального дома:* сказывается

давящее идейно-психологически, как тяжелое проклятие, на действующую власть и на все население страны отрицательное наследие предпринятой с начала 1990-х гг. опрометчивой и циничной переделки хозяйства и общества. Наступает, видимо, момент какого-то ответственного суда над совершенным в стране переворотом, конечно, суда нравственно-политического, способного очистить духовно-психологическую атмосферу в стране, подвести и саму действующую власть к покаянию за ранее властью же содеянное, чем и обеспечить возможность для России и ее народов нового оптимистического исторического старта. *Без освобождения страны от гнобящего ее пореформенного проклятия никакого судьбоносного движения в достойное будущее не произойдет!*

18

Россия — страна центрообусловленная! В ней не просто велика роль центра, могущего и сейчас называться условно *национальным центром,* но и сама Россия как бы исходит из центра, является, если так можно выразиться, из-центра-созидаемой страной, разумеется, созидаемой властным образом. Отсюда в России и особая роль странового центра — *властного национального центра* — в формировании и переформировании всей российской действительности. И хотя центр, реформируя с начала 1990-х гг. страну, резко вроде бы изменил на структурно-функциональном уровне соотношение между центром и всей социальной относительно центра периферией — в пользу даже как будто бы этой последней, он все равно остался ведущей действующей и управляющей в России силой. Центр перестроился, перераспределил силы и ответственность, стал структурно-функционально другим, но он не перестал быть главенствующим в стране источником социо-хозяйственной инициативы и организации.

19

Возврата к тотальному контролю за всеми элементами (подсистемами) российских социума и хозяйства быть сегодня не может, но не столько в силу какого-то идейно-пропагандистского отвращения к тоталитаризму, сколько по причине неэффективности, инертности, консервативности, а главное — ненужности какого бы то ни было тотального контроля над жизнеотправлением социума и хозяйства. Свобода внутри социума и хозяйства не чье-то эмоционально-психологическое желание, а вполне объективно оправданная необходимость, разумеется, свобода, сочетающаяся со столь же необходимой долей несвободы, только и придающей творческой свободе возможность позитивной реализации. В наличии мощного, действенного и эффективного национального центра в такой стране, как Россия, нет ничего ни надуманного, ни заведомо отрицательного: подобный центр явно органичен России и ей необходим,

и дело здесь лишь в характере центра, его строении, его функциях, его работе, в общем — в конкретном феномене самого этого центра!

20

Россия всегда имела и должна ныне тоже иметь в рамках своего социального организма *действенный хозяйственный* и *хозяйствующий центр*! Такой центр должен функционировать в интересах общества в целом, но при этом не только блюсти общие интересы и решать общие задачи, но и уважать в пределах задаваемой им общности любые частные интересы и задачи, не выходящие за рамки цивилизационного порядка и жизнеутверждаюшей морали. Нынешняя социо-хозяйственная практика вместе со случившимся мировым кризисом, чувствительно ударившим по России, убедительно подтвердила как необходимость реального действенного центра, способного эффективно генерировать социо-хозяйственное пространство страны, так и возможный образ такого центра, не увлекающегося жесткими директивами, но и не ограничивающегося только пустыми пожеланиями и бездейственными увещеваниями. Не административное командование всеми действующими в стране субъектами, *а созидание общих параметров и условий для побуждения этих действующих субъектов расходовать свою инициативу и свои силы в нужных для страны направлениях,* как раз тех направлениях, которые сами по себе, без участия центра, не обнаруживаются и не определяются.

21

Национальный хозяйственный центр, о котором идет речь — сложное и разнообразное институционально-субъектное образование, в котором должны найти место, как показывает практика передовых стран мира, все необходимые для решения перестроенческих и вообше исходящих из центра управленческих задач субъекты и институты: проективные, финансовые, кредитные, регулирующие, среди которых, к примеру, и Банк развития, и Национальный инвестиционный фонд, и Фонд инноваций, и Национальная научная корпорация, и Институт регионального развития, да мало ли еще что для национального возрождения и развития потребное. Главное сейчас — переломить широко ныне бытующее, во многом и сознательно навязанное, мнение о необыкновенной плодотворности-де свободной экономической стихии вместе с буквально купающимся в ней предпринимательским как будто бы капиталом и чуть ли не полной ненужности централизованного государственного участия в отправлении странового хозяйства. *Выводить оголтело государство из экономики, как, собственно, и тотально огосударствлять экономику — подписывать себе и нации смертный приговор!* Вот почему в современной России должна сложиться и успешно функционировать *система государственной организации экономики,* не исключающей

ни частной вообще, ни частно-корпоративной, ни общественно-корпоративной инициативы, но берущей на себя те функции и задачи, которые не могут никогда и ни при каких обстоятельствах выполнить никакие частнособственнические субъекты.

22

Национальный хозяйствующий центр — это прежде всего *предпринимательский центр,* способный к новаторству и развитию. Отсюда обновленный, реконструированный и самодостаточный для эффективных действий национальный центр должен быть тесно переплетен с *интеллектуально-инновационной подсистемой* российского общества, тоже обновленной, реконструированной и способной к неординарным действиям.

23

Перестроение, о котором идет речь, может случиться в России только по инициативе и направляющей роли *высшего руководства страны,* возглавляющего постепенно восстанавливающийся — в новой исторической интерпретации — национальный хозяйствующий центр. Однако намечаемый и частично уже реализуемый перестроенческий путь вовсе не является гладким — он не только устлан коварными шипами, но и изобилует почти непреодолимыми препятствиями, среди которых наряду с еще имеющейся слабостью, нерешительностью и непоследовательностью самого центра, вовсе еще не освободившегося от негативного пореформенного наследия, основным, конечно, является отсутствие в пореформенной России какого бы то ни было, скажем так, *консенсусного социума,* — не то что базирующегося на солидарном консенсусе, но хотя бы на консенсусе компромиссном. *И важнейшая задача властного центра на обозримую перспективу состоит в достижении сначала компромиссного, а затем и по-настоящему солидарного социального консенсуса!*

24

Разворачивая Россию к новой, насыщенной производством и творчеством полноценной жизни, нужнее и важнее всего выправить сознание поврежденного реформой человека, предоставив ему новые, жизненные ориентиры и возможности. И это-то всего труднее, ибо тут не только слово подходящее нужно, но и эффективные действия, как и личный пример, а это уже иной, не пореформенный вовсе, образ жизни, поведения и хозяйствования. Не идею пресловутую надо искать для России, которая, видно, и впрямь не подлежит внятному реформированию, а думать о выживании, оздоровлении и воссоздании *российского социума, российской нации, общего национального дома, самой России,* — а все остальное, в том числе, и перспективно идейное, приложится!

25

Нация — это интеллект, свой интеллект — *национальный*! Возможен ли такой именно интеллект сегодня — в эпоху глобализации, ведь интеллекту в его чистом виде безразличны национальные, как и вообще любые локальные, границы? Но все дело здесь не столько в национальной ориентации интеллекта, хотя это и важно, а в национальном *применении* интеллекта, — и не просто в национальных интересах, которым интеллект должен служить, а в интересах прежде всего самого интеллекта, получающего возможность полной и социально эффективной себя реализации. Пришло время прямых масштабных и долгосрочных вложений в интеллект, в идеальную сферу, в творчество, в ту же философию, равным образом поддержки и защиты работающего интеллекта, без чего никакого удовлетворяющего национальное достоинство перестроения России не осуществить, а соответственно — не овладеть и будущим, ныне от России весьма резво ускользающим!

«Философия хозяйства». 2009. № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Пред-ПОСЛАНИЕ 5

1991 г.

Перестройка или апокалипсис? (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова, *«Экономическая свобода и социализм»*, М.: Изд-во МГУ, 1991) 14

1993 г.

Социохозяйственное переустройство в СССР: от развития к распаду и наоборот (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова *«Принципы хозяйственной самоорганизации»*, М.: Изд-во МГУ, 1993) 20

1994 г.

Российская реформация. Социопроект. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1994 25

Российская реформация и её новая волна (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Переходы и катастрофы. Опыт социально-экономического развития»*, М.: Изд-во МГУ, 1994) 86

1995 г.

Возвращение к экономическому механизму (из коллективной монографии под редакцией А.В. Бузгалина *«Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы»*, М.: Экономическая демократия, 1995) 119

1997 г.

Шансы России и российской экономики (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Шансы российской экономики»*, М.: Теис, 1997) 128

Российская поли-фуркация (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Шансы российской экономики»*, М.: Теис, 1997) 143

1999 г.

Россия, Ленин и будущее. К 100-летию работы В.И. Ульянова (Ленина) «Развитие капитализма в России» (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «*Развитие капитализма в России — сто лет спустя»*, М., Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1999) 149

2000 г.

Постсоциалистический социализм (опыт непредвзятой дискуссии) (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Современная Россия и социализм»*, М.: ИТРК, 2000) 152

Россия в актуальном времени-пространстве (размышление о важном и неуловимом) (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Россия в актуальном времени-пространстве»*, М., Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000) 161

Актуальная Россия: тьма перед рассветом? (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. *«Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики)»*. В 2 т. Т. 1. М., Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000)..... 187

2001 г.

Среди нас, в нас, выше нас… Мерцающие контуры российской государственности *(«Независимая газета»,* 2001)..... 197

Россия в нави // Философия хозяйства. 2001. № 5..... 207

2002 г.

Россия и XXI век // Философия хозяйства. 2002. № 2..... 235

Россия в пути // Философия хозяйства. 2002. № 2..... 246

Вопреки отречению // Философия хозяйства. 2002. № 2 249

2003 г.

Феномен Сталин (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «*Феномен Сталин»,* М., Краснодар: Изд. МГУ, 2003) 251

Русский мир и я в нём — русский! (Газета *«Завтра»,* 2003)..... 263

Глобальное и национальное в экономике // Философия хозяйства. 2003. № 6..... 285

Типологические характеристики России: социум, хозяйство, культура (Тезисы) (из коллективной монографии под редакцией Ю.М. Осипова и др. «*Неуёмная Россия»* В 2-х томах. 2003..... 300

2004 г.

О настоящем и будущем России. Материал к I Малому университетскому форуму, МГУ, 2004) // *Российское обновление. Материалы Малых университетских форумов 2004, 2005, 2007.* М., 2007..... 306

Русская имперскость (из книги Ю.М. Осипова *«Эпоха Постмодерна».* В трех томах. М.: ТЕИС, 2004) 310

Россия: ни глобальное, ни национальное, а имперское (из книги Ю.М. Осипова *«Эпоха Постмодерна»,* В трех томах. М.: ТЕИС, 2004) 313

За имперское достоинство России! // Философия хозяйства. 2004. № 1 324

Изыски Постмодерна и искания России // Философия хозяйства. 2004. № 1 328

Новый мир — новая имперскость // Философия хозяйства. 2004.... 335

Гражданское общество, государство и империя // Философия хозяйства. 2004. № 6 344

2005 г.

Россия — великая держава. Материал к II Малому университетскому форуму, МГУ, 2005) // *Российское обновление. Материалы Малых университетских форумов 2004, 2005, 2007.* М., 2007 348

Имперское хозяйство // Философия хозяйства. 2005. № 1..... 362

Имперские предчувствия России (из коллективной монографии *«Имперские предчувствия России* / Под ред. Ю.М. Осипова и др., М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2005 // Философия хозяйства. 2005. № 5..... 369

Российское хозяйство: деградационный кризис и возможность его преодоления // Философия хозяйства. 2005. № 5 370

Россия: поиск своей хозяйственной модели // Философия хозяйства. 2005. № 6..... 376

Задачи русского дерзномыслия. (Из книги: Осипов Ю.М. «*Постижение России»* М.: Экономистъ, 2005)..... 377

2006 г.

Империя Россия // Философия хозяйства. 2006. № 1 383

Перевод российского хозяйства на инновационно-интенсивный путь развития — имперская сверхзадача // Философия хозяйства. 2006. № 1 385

Постмодерновые реалии России // Философия хозяйства. 2006. № 6 386

2007 г.

Национализация России. Материал к III Малому университетскому форуму, МГУ, 2007. // *Российское обновление. Материалы Малых университетских форумов 2004, 2005, 2007.* М., 2007 395

Россия в гуще глобальных перемен // Философия хозяйства. 2007. № 2 405

О русскости // Философия хозяйства. 2007. № 3 409

Национализация государства // Философия хозяйства. 2007. № 4 ... 419

О власти российской // Философия хозяйства. 2007. № 4 424

2008 г.

Региональная компонента в мировой экономике. *Доклад на международной конференции в рамках сотрудничества российского Общественного форума «Диалог цивилизаций» и бахрейнского форума «Бахрейнский диалог цивилизаций» (27—30 января 2008 г.)* // Философия хозяйства. 2008. № 1 431

Россия — сокровищница идей // Российский журнал художественной литературы и общественной мысли «СЛОВО». 2008. № 6 432

Национальный ресурс экономики // Философия хозяйства. 2008. № 1 444

Россия: час ожидания // Философия хозяйства. 2008. № 3 446

Россия в ожидании… очередного чуда // Философия хозяйства. 2008 447

Россия: стратегия в эпоху перемен // Философия хозяйства. 2008. № 4 449

Национальная элита — судьба России. Материал к IV Малому университетскому форуму, МГУ, 2008. // Философия хозяйства. 2008. № 5 453

2009 г.

Российское перестроение как неизбежная актуальность (материал к Международной научной конференции — V Малому университетскому форуму «Российское перестроение:общество, политика, экономика» (2—4 дкабря 2009 г.) // Философия хозяйства. 2009. № 5 466

Кризис — время разочарований, прозрений и надежд (тезисные заметки) // Философия хозяйства. 2009. № 3 495

Российское перестроение как непременная актуальность // Философия хозяйства. 2009. № 6 518

Научное издание

Осипов Юрий Михайлович

РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ: ИЗ ВЕКА ДВАДЦАТОГО В ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ 1990–2023

Избранные тексты, включая и остросюжетные

В трех томах

ТОМ 01

Редакторы:
Е. С. Зотова, Н. П. Недзвецкая (отв. ред.),
Т. С. Сухина, Т. Г. Трубицына

Художники:
Е. Ю. Осипова, К. Г. Поляков

Макет: **К. Ю. Беневская**

ISBN 978-5-00078-821-9

9 785000 788219

Подписано в печать 1.03.2024. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 31,04. Тираж 100 экз. Заказ 24051.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г